

М. В. КРЮКОВ, Л. С. ПЕРЕЛОМОВ
М. В. СОФРОНОВ, Н. Н. ЧЕБОКСАРОВ

ДРЕВНИЕ КИТАЙЦЫ В ЭПОХУ ЦЕНТРАЛИЗОВАННЫХ ИМПЕРИЙ



АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ им. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ
ИНСТИТУТ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

М. В. КРЮКОВ, Л. С. ПЕРЕЛОМОВ,
М. В. СОФРОНОВ, Н. Н. ЧЕБОКСАРОВ

ДРЕВНИЕ КИТАЙЦЫ в эпоху централизованных империй



ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1983

9(М)03
К 85

Ответственные редакторы
Л. С. ПЕРЕЛОМОВ, Н. Н. ЧЕБОКСАРОВ

Коллективная монография посвящена проблемам этнической общности древних китайцев в III в. до н. э.— III в. н. э. и является продолжением книги «Древние китайцы: проблемы этногенеза» (1977). Основное внимание уделяется вопросам соотношения этноса и государства, а также формирования особенностей культуры, языка и этнического самосознания. Работа основана на изучении исторических, антропологических, этнических и лингвистических материалов. Снабжена библиографией и указателями.

К 0504010000-037 108-82
13(02)-83

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1983.

ВВЕДЕНИЕ

В истории древнекитайского этноса период времени, именуемый в традиционной историографии эпохой Цинь — Хань, занимает особое место. В конце III в. до н. э. древнекитайские царства были объединены под властью правителя Цинь. Возникла единая централизованная империя, в рамках которой сложились принципиально новые условия для развития консолидации этнической общности древних китайцев. Падение циньской династии не привело к восстановлению раздробленности. На обломках первой древнекитайской империи была создана ее преемница — Хань, одно из самых крупных государств античности наряду с Римом и Парфией. Эта книга посвящена рассмотрению исторических судеб древнекитайского этноса в эпоху централизованных империй Цинь и Хань, его взаимоотношений с соседними народами, общих тенденций этнических процессов III в. до н. э.— III в. н. э. на территории древнекитайского государства.

ЭТНИЧЕСКИЕ И ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ ОБЩНОСТИ

Главная особенность данной эпохи, отличающая ее от предшествующего периода, заключается в том, что существование единого государства оказывало значительное влияние на процесс трансформации этнической общности древних китайцев. Изучение этой проблемы приобретает особый интерес в связи с тем, что за последние годы в советской этнографической науке неоднократно указывалось на необходимость учитывать взаимосвязь между этническими и метаэтническими общностями.

Под метаэтническими общностями С. И. Брук и Н. Н. Чебоксаров понимают обладающие элементами общего самосознания совокупности этносов, которые находятся в состоянии перехода и изменения своей этнической сущности [Брук, Чебоксаров, 1976, 17]. Наряду с этнолингвистическими, этнокультурными, этноконфессиональными и иными метаэтническими общностями в истории человечества существовали и этнополитические [Брук, 1964, 25—49; Чебоксаров, 1966, 52].

По мнению С. И. Брука и Н. Н. Чебоксарова, этнополитические общности в той или иной мере формировались во всех

древних государствах с полиэтническим составом населения, где существовали центристские тенденции в отношениях между отдельными народами и, следовательно, возникали условия для постепенной социально-экономической, культурной, а во многих случаях и языковой интеграции всего населения страны. «Таким образом, эти общности не были характерны для завоевательных империй, народы которых были объединены только тем, что управлялись из одного центра, но не взаимодействовали повседневно в социально-экономической и культурной областях» [Брук, Чебоксаров, 1976, 28].

Таким образом, высказывается мысль о том, что не любое государственно-политическое объединение этносов представляло собой этнополитическую общность в собственном смысле слова. Существование такой общности авторы усматривают в древней Элладе VI—IV вв. до н. э., процесс формирования этнополитической общности происходил, по их мнению, в древнем Китае (VIII—III вв. до н. э.) и т. д. «Признаки этнополитической общности можно проследить в Древней Руси, где в рамках одного государства вместе с русскими жили балты, финны и другие народы, или в Литовском великом княжестве (до его объединения с Польшей), где было сильно влияние русского населения и значительна роль русского языка в жизни государства» [там же, 30]. Однако в целом в рабовладельческих и феодальных государствах, основанных на завоеваниях, угнетении, экономической эксплуатации и бытовой дискриминации подчиненных народов, в большинстве случаев объединение различных народов в рамках государственных границ вряд ли могло привести к созданию этнополитических общностей. Такие общности не возникли, по-видимому, ни в империях вавилонян или ассирийцев, ни в державах Ахеменидов, Александра Македонского или Рима, ни в ханьской империи [там же, 31].

Проблема соотношения этнических и этнополитических общностей, несомненно, требует дальнейшей разработки. Необходимо выяснить, какими признаками обладает этнополитическая общность в отличие от общности чисто политической, при каких условиях возникает этнополитическая общность, каковы возможные тенденции ее развития, как она взаимодействует с входящими в нее собственно этническими общностями и т. д. Представляется, что изучение этнической истории древних китайцев III в. до н. э.—III в. н. э. позволит ответить по крайней мере на некоторые из этих вопросов.

ПРОБЛЕМА СПЕЦИФИКИ ЭТНОСОВ ЭПОХИ РАБОВЛАДЕНИЯ

В советской этнографической, исторической и философской литературе последних лет широко дискутируется вопрос о типологии этнических общностей человечества. Не касаясь здесь

рассмотрения всех аспектов этой сложной проблемы, укажем лишь на один из них, имеющий непосредственное отношение к пониманию сущности тех этнических процессов, которые являются предметом исследования в настоящей книге.

Исходным пунктом для решения вопроса о типологии этнических общностей в работах советских этнографов является тезис о соответствии выделяемых типов большим историческим эпохам истории человечества, в конечном счете социально-экономическим формациям. Общеизвестны качественные различия этнических общностей эпохи первобытнообщинного строя и этносов, складывающихся в условиях классового общества. При этом неоднократно указывалось на то, что этнические общности докапиталистических формаций, обычно именуемые «народностями», по ряду признаков существенно отличаются друг от друга в зависимости от того, в какой период истории классового общества они сформировались [Агаев, 1965; Архангельский, 1961; Минаков, 1961; Алексеев В. В., 1962; Токарев, 1964; Чебоксаров, 1967].

С. А. Токарев впервые выдвинул и обосновал мнение о том, что этнические общности, свойственные рабовладельческому и раннефеодальному строю, принципиально отличались друг от друга по своей внутренней структуре, что являлось отражением различий в социально-экономической структуре соответствующих обществ.

В рабовладельческом обществе рабы стояли вне политической и экономически господствовавшей этнической общности. По мнению С. А. Токарева, так обстояло дело, например, в древнеиндийском обществе, где шудры четко противопоставлялись трем полноправным арийским варнам; в древнем Израиле, где «рабство, уже гораздо более развитое, не проникло все же внутрь этнической общности» [Токарев, 1964, 49]; в античных рабовладельческих государствах, в которых понятие «народ» охватывало лишь рабовладельческий класс, но не включало в себя рабов, стоявших вне данной этнической общности [там же].

В отличие от этого в этнических общностях, складывавшихся в рамках феодальных владений-государств, правящие классы могли принадлежать, а могли и не принадлежать к данной этнической общности. История средневековых государств Европы изобилует примерами того, что феодальные владельцы и особенно государи были этнически и по языку чужды коренному населению — крестьянству и горожанам. Этнические общности в эту эпоху формировались на основе главных производящих классов (крестьян и горожан), тогда как господствующий феодальный класс был космополитичен и зачастую не был связан с той этнической общностью, к которой относились непосредственные производители в данном обществе [там же, 51]. Предлагая сохранить за этносами раннефеодального времени привычный термин «народность», С. А. Токарев считает возможным ис-

пользовать для обозначения этнических общностей эпохи рабовладельческого строя термин «демос» [там же, 52]. Итак, «этническая общность общинно-родового строя — племя — охватывает всю обитающую в пределах данной территории группу людей (объединяя их прежде всего кровнородственными связями). Этническая общность рабовладельческого строя — демос — охватывает только свободное население данной страны, не включая рабов — этот основной производящий класс. Этническая общность раннефеодального строя — народность — охватывает в основном трудящееся население, крестьян и горожан, не включая или не обязательно включая господствующий класс феодалов» [там же, 53]. Нам предстоит проверить, насколько данный вывод можно приложить к древнекитайскому обществу рассматриваемого периода. Само собой разумеется, что в связи с этим первостепенное значение приобретает вопрос о его формационной принадлежности.

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ДИСКУССИИ О ХАРАКТЕРЕ ХАНЬСКОГО ОБЩЕСТВА

Проблема периодизации древней истории Китая до сих пор не может считаться окончательно решенной. Что касается эпохи Хань, то различными историками в разное время на этот счет высказывалось два мнения: одни исследователи считали социально-экономический строй ханьского общества рабовладельческим, другие — феодальным; вариантом первой точки зрения было суждение о том, что «рабовладение в ханьскую эпоху по-прежнему играет значительную роль... Однако мы можем проследить в эту эпоху развитие новых общественных отношений — феодальных, не являвшихся еще господствующими» [Думан, 1940, 121].

Тезис о рабовладельческом характере ханьского общества был положен в основу специальной работы Л. В. Симоновской о периодизации древней истории Китая [Симоновская, 1950, 47]. Он обосновывался также Т. В. Степугиной, полагавшей, что именно об эпохах Цинь и Хань «можно говорить как о времени наивысшего расцвета рабовладельческих отношений в древнем Китае» [Степугина, 1952, 123]. Эта точка зрения встретила возражения со стороны Го Можо, который рассматривал этот вопрос в своей статье «Эпоха рабства», написанной в том же, 1952 г. [Го Можо, 1954, 48—57]. Так возникла дискуссия о характере социально-экономического строя в эпоху Хань, в течение нескольких лет вызывавшая живой интерес китайских и советских историков.

Большая заслуга в углубленной разработке этой проблемы принадлежит одному из крупнейших китайских историков — Цзянь Боцзаню, который в 1954 г. выступил на страницах жур-

нала «Лиши яньцзю» со статьей «К вопросу о государственных и частных рабах в эпоху Хань». Рассмотрев данные источников, проливающие свет на такие аспекты проблемы, как численность рабов, источники рабства, сфера применения рабского труда и юридическое положение рабов, Цзянь Боцзань пришел к выводу, что в эпоху Хань рабовладение уже изжило себя [Цзянь Боцзань, 1954, 1—24]. В своей статье, явившейся откликом на работу Цзянь Боцзаня, историки Ван Сычжи, Ду Вэнькай и Ван Жүфэн рассматривали в основном те же аспекты, но пришли к противоположному заключению [Ван Сычжи, Ду Вэнькай, Ван Жүфэн, 1955, 19—46].

С несколько иных позиций к вопросу о характере общества в эпоху Хань подошли Ян Вэйли и Вэй Цзюньди, стоявшие на «феодалных» позициях. Они вовлекли в сферу обсуждения и такие вопросы, как уровень производительных сил общества, отражение социально-экономических отношений в специфике надстройки и т. д. Одним из главных тезисов, выдвинутых в этой работе, было то, что в ханьском обществе существовало несколько укладов: рабовладельческий, крепостнический, арендный, наемный и мелкочастнособственнический, причем рабовладение существовало лишь как пережиток, а ведущим был социально-экономический уклад, основанный на эксплуатации арендаторов [Ян Вэйли, Вэй Цзюньди, 1956, 47].

Отвечая на критику в свой адрес, Ван Сычжи вернулся в 1956 г. к обоснованию «рабовладельческой» точки зрения. Помимо разбора тех вопросов, которые уже неоднократно рассматривались в ходе дискуссии, Ван Сычжи специально остановился на проблеме развития товарно-денежных отношений как экономическом факторе, связанном с широким применением рабского труда [Ван Сычжи, 1956, 43—64].

Одним из первых участников дискуссии, обратившихся к анализу господствовавшей в эпоху Хань формы земельной собственности и землевладения, был Л. И. Думан, изменивший свою первоначальную точку зрения и выступивший в статье 1957 г. сторонником «феодалной» концепции [Думан, 1957, 46—61]. Эта статья легла в основу доклада, прочитанного Л. И. Думаном на историческом факультете Пекинского университета 30 марта 1957 г., а затем опубликованного в «Вестнике Пекинского университета» [Ду Мань, 1957, 11—27]. Работа Л. И. Думана, несомненно, оказала влияние на ход дискуссии; в дальнейшем ряд ее участников касался вопроса о формах земельной собственности [Цзян Цюань, 1957, 18—24 и др.].

Новизной подхода к проблеме отличалась чрезвычайно интересная статья Ци Цичжана, в которой он проанализировал вопрос о рентабельности рабского труда в эпоху Хань и пришел к заключению, что землевладельцу было невыгодно использовать рабов в качестве основной производительной силы в земледелии [Ци Цичжан, 1957].

В дальнейшем круг обсуждаемых вопросов продолжал расширяться. Чжан Хэншоу, например, впервые привлек данные, касающиеся характера крестьянских восстаний III в. до н. э.— III в. н. э.

Особое внимание этот автор уделял тому, насколько развитыми были арендные отношения и означало ли это формирование феодальных отношений в рассматриваемое время [Чжан Хэншоу, 1957, 1—31]. Вопрос о характере арендных отношений в ханьском обществе был специально рассмотрен Сы Те, которому удалось проследить эволюцию взаимоотношений между арендодателем и арендатором. Если в III—I вв. до н. э. арендные отношения носили «свободный» характер, то позднее арендатор постепенно оказывался в путах личной зависимости от землевладельца. Борьба между централизованной государственной властью, заинтересованной в сохранении личной свободы непосредственного производителя, и крупными земельными собственниками закончилась в конце III в. н. э. победой последних: государство оказалось вынужденным признать их право на владение личнозависимыми [Сы Те, 1959, 43—58].

Стремление рассматривать проблему социально-экономических отношений в эпоху Цинь—Хань в их динамике характерно и для исследований Л. С. Переломова. В своей монографии «Империя Цинь» он обосновывает взгляд на древнекитайское общество конца III в. до н. э. как на рабовладельческое [Переломов, 1962, 3—12]. По мнению Л. С. Переломова, «феодальный уклад возник в Китае в первых веках нашей эры в связи с экономическим и политическим усилением крупных частных земельных собственников и зарождением частнозависимого мелкого крестьянского хозяйства» [Переломов, 1974, 44].

Хотя в современной китайской исторической литературе в настоящее время возобладала точка зрения на общество периода Цинь—Хань как на феодальное (см., например, [Шоу Ган, Ли Шишу, 1975, 57—66; Чжунго гудай, 1975, 132—142; Цао Юнъянь, Мэн Гуанъяо, 1976, 57—62, и др.]), проблема формационной периодизации древнекитайского общества по-прежнему требует углубленного исследования.

Для нас в данном случае важны следующие выводы, вытекающие из анализа различных точек зрения на характер ханьского общества: в древнем Китае III в. до н. э.— III в. н. э. существовало несколько социально-экономических укладов, в том числе, несомненно, и рабовладельческий; в обществе имела более или менее значительная прослойка рабов, причем их количество было, по-видимому, большим, нежели в предшествующие периоды истории древнего Китая.

Это обстоятельство необходимо учитывать при изучении особенностей развития древнекитайской этнической общности в эпоху Цинь—Хань.

ПРОБЛЕМА ДРЕВНЕКИТАЙСКОЙ «НАЦИИ ОСОБОГО ТИПА»

Эпоха существования древних централизованных империй Цинь и Хань относится в целом к наиболее изученным периодам истории Китая. Однако главное внимание специалистов привлекало исследование социально-экономических, а также отчасти культурных проблем ханьского общества, тогда как вопросы истории древнекитайского этноса в эту эпоху подвергались анализу недостаточно; за последние десятилетия они оказались в поле зрения историков лишь однажды, в связи с проходившей в Китае дискуссией о формировании китайской нации.

Начало дискуссии было положено Г. В. Ефимовым, опубликовавшим в 1953 г. статью «К вопросу об образовании китайской нации» [Ефимов, 1953, 65—78]. Первым китайским ученым, обратившимся к этой теме, был Фань Вэньлань. Он выступил со статьей, представлявшей собой часть введения к первому тому подготовленного под его редакцией «Краткого курса истории Китая» [Фань Вэньлань, 1954].

Касаясь причин образования централизованного государства в эпоху Цинь — Хань, Фань Вэньлань предпринял попытку рассмотреть уровень этнического развития общности древних китайцев. По его мнению, древние китайцы в это время уже обладали общностью языка, психического склада, экономической жизни и территории. Говоря другими словами, утверждает Фань Вэньлань, древние китайцы обнаруживают все важнейшие признаки нации, перечисленные в известном определении И. В. Сталина. Основной вывод автора: «Начиная с эпохи Цинь — Хань ханьская общность не может рассматриваться ни как народность эпохи государственной раздробленности, ни как буржуазная нация эпохи капитализма; она была нацией особого типа, возникшей в особых исторических условиях» [Фань Вэньлань, 1957, 13].

Тезис о «нации особого типа», существовавшей в Китае начиная с эпохи Цинь — Хань, был принят Чжан Гуаньинем, который предложил следующую схему периодизации истории нации в Китае: 1) эпоха «нации особого типа» (начиная с Цинь — Хань); 2) эпоха буржуазной нации (после «опиумных» войн); 3) эпоха социалистической нации (после победы китайской революции) [Чжан Гуаньинь, 1957, 227].

Однако большинство участников дискуссии выдвинули возражения против теории «нации особого типа». Обращали внимание на то, что в статье Фань Вэньлани не были четко сформулированы различия между народностью (буцзу) (1) и нацией (миньцзу) (2) [Чжан Чжэнмин, 1957, 48]. Отмечалось также, что понятие «нация» связывается в марксистской теории исключительно с эпохой существования капиталистического способа производства (а также с последующей историей человеческого

общества). Поэтому «нацию особого типа» Фань Вэньляня следует считать народностью [Гуань Сянь, 1957, 66—83].

Оценивая результаты дискуссии о «нации особого типа», следует учитывать чрезвычайно важные терминологические уточнения, сформулированные Линь Яохуа. По мнению этого известного китайского этнографа, термин «миньцзу», используемый в специальной литературе для обозначения понятия «нация», в действительности имеет в китайском языке несколько различных значений, что в ряде случаев приводило к путанице и затрудняло дискуссию.

Во-первых, термин «миньцзу» может употребляться в значении «этнос», «этническая общность», «народ». Линь Яохуа показывает, что в китайской литературе 50-х годов термин «миньцзу» в этом значении нередко употреблялся ошибочно; некоторые авторы не проводили должного различия между терминами «этнос» и «раса» [Шан Юэ, 1954, 85, 86, 100, 101, 215 и др.; Чжоу Гучэн, 1955, 264, 296, 297] (об этом см. также [Жун Гуаньсюн, 1958, 21—23]).

Во-вторых, термин «миньцзу» соответствует немецкому Nation в том его значении, в котором его используют К. Маркс и Ф. Энгельс, говоря об этнических общностях классового общества.

В-третьих, термином «миньцзу» обозначается также понятие «нация», «современная нация» в его ленинском понимании.

Наконец, в-четвертых, термином «миньцзу» (наряду с «буцзу») переводится русское «народность» [Линь Яохуа, 1963, 171—190].

В целом соотношение различных значений термина «миньцзу» Линь Яохуа поясняет с помощью следующей схемы (табл. 1).

Таблица 1

ЗНАЧЕНИЯ ТЕРМИНА «МИНЬЦЗУ»

Эпоха первобытнообщинного строя	Эпоха рабовладения и феодализма	Эпоха капитализма	Эпоха социализма
<p>Миньцзу I</p> <p>Этнос (греч.) Volk, Völker (нем.) Народ, народы (рус.) People, peoples (англ.) Peuple, peuples (франц.)</p>	<p>Миньцзу II</p> <p>Natio (лат.) Nation, Nationalität Нация, национальность Nation, nationality Nation, nationalité</p> <p>Миньцзу III (буцзу) Völkerschaft (нем.) Народность (рус.)</p>	<p>Миньцзу III</p> <p>Nation Нация Nation</p>	

В свете уточнений, сделанных Линь Яохуа, можно по-новому подойти к оценке теории «нации особого типа». Фань Вэньлань использовал термин «миньцзу» лишь в его третьем значении, что и заставило его подчеркнуть отличие общности древних китайцев от современной (буржуазной) нации. Вместе с тем конкретный анализ соответствующих исторических источников, позволивший ему дать характеристику этой общности, хотя и требует некоторых уточнений, в целом должен быть оценен положительно. Таким образом, используя термин «нация особого типа», Фань Вэньлань говорит фактически об этнической общности древних китайцев, о древнекитайском этносе. Его вывод о том, что формирование древнекитайского этноса предшествовало созданию централизованных империй Цинь и Хань и было одной из предпосылок объединения страны в III в. до н. э., несомненно верен.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИСТОЧНИКОВ

Важнейшими письменными источниками для изучения периода III в. до н. э. — III в. н. э. являются исторические сочинения: «Исторические записки» («Шицзи») Сыма Цяня, «Ханьская история» («Ханьшу») Бань Гу и «Позднеханьская история» («Хоуханьшу») Фань Е.

Сыма Цянь (145—86 ? гг. до н. э.) предпринял написание своего труда с целью «набросать историю всех дел, связать с началами концы, вникая в суть вещей и дел», т. е., говоря современным языком, проследить общие закономерности исторических событий прошлого. Начав изложение с эпохи Пяти правителей, Сыма Цянь значительную часть «Исторических записок» посвящает периоду, относившемуся в его время к «новейшей истории». Этому периоду отведены 7 глав первого раздела книги («Основные анналы»), 7 глав второго («Хронологические таблицы»), 10 — четвертого («Истории наследственных домов»), 46 — пятого («Жизнеописания»), события III—I вв. до н. э. рассматриваются и в ряде глав второго раздела («Трактаты»). Ниже «Исторические записки» цитируются по комментированному изданию Такигава Камэтаро [Такигава, 1955]; были использованы также переводы сочинения Сыма Цяня на русский язык.

Бань Гу (32—92) — автор первого в Китае исторического сочинения, относящегося к жанру династийных историй. Хронологические рамки «Ханьшу» ограничиваются периодом от основания династии Хань до узурпации власти Ван Маном. Всего в этой книге 100 глав, сгруппированных в следующие разделы: «Анналы», «Таблицы», «Обозрения», «Жизнеописания». Значительную часть фактического материала Бань Гу заимствовал из труда Сыма Цяня, однако многие исторические факты получили в «Ханьшу» иную оценку, нежели в «Шицзи» (об историческом методе Бань Гу см. [Синицын, 1975]).

События I—III вв. нашли отражение в еще одной династийной истории — «Хоуханьшу». Ее автор Фань Е (398—445) следует принципам построения исторических сочинений, которые были сформулированы Сыма Цянем и Бань Гу. В «Хоуханьшу» 10 «Записей», 10 «Обзрений» и 80 «Жизнеописаний». Помимо биографий деятелей позднихханьского времени весьма ценный материал содержится в «Обзрениях», одно из которых посвящено проблемам территории и населения империи Хань. В настоящей монографии используются ксилографическое издание книги Фань Е [Фань Е, 1940] и издание, подготовленное историком конца XIX в. Ван Сяньцянем [Ван Сяньцзянь, 1959].

Среди письменных памятников, относящихся к категории литературных источников, наибольшее значение в плане данного исследования имеют народные песни, дошедшие до нас в собрании так называемой Музыкальной палаты (Юэфу). Такие крупные лиро-эпические произведения, как «Песня о жене Цяо Чжунцина», содержат многочисленные описания бытовых сцен и ситуаций, изобилующие реалистическими деталями; они существенно дополняют сведения, которые могут быть почерпнуты из собственно исторических сочинений [Юэфу, 1959].

Труды древнекитайских философов привлекают внимание тем, что, обосновывая свои теоретические позиции, их авторы постоянно иллюстрировали их примерами, взятыми из современной им жизни или исторического прошлого. Во II в. до н. э. конфуцианство превратилось в официальную идеологию господствующего класса империи Хань. Однако эта эпоха оставила нам немало образцов антиконфуцианских произведений: коллективное сочинение II в. до н. э. «Хуайнаньцзы» (о некоторых особенностях этого источника как литературного памятника см. [Померанцева, 1969, 24—30]), трактат выдающегося древнекитайского философа-материалиста Ван Чуна «Луньхэн» [Петров, 1954] и т. д.

Важным источником по истории эпохи Хань являются сочинения естественнонаучного характера, и среди них учебник математики «Цзючжан суаньшу» («Математика в девяти книгах»). Задачи, вошедшие в этот учебник, содержат многочисленные реалии, так или иначе характеризующие специфику социального и экономического развития древнего Китая в III—II вв. до н. э. Русский перевод этого произведения был выполнен Э. И. Березкиной [Березкина, 1957].

Особое место среди письменных источников по истории древнекитайского этноса в III в. до н. э.— III в. н. э. занимают филологические труды, прежде всего различного рода словари: диалектологический («Фанъянь» Ян Сюна), толковый («Шовэнь» Сюй Шэня), этимологический («Шимин» Лю Си). Они содержат чрезвычайно ценный материал, характеризующий не только соотношение общеупотребительного языка и диалектов, но и разнообразную лексику, которая отражает основные сто-

роны материальной и духовной культуры древних китайцев рассматриваемого периода.

Вторая основная группа источников — эпиграфика. Эпиграфическими памятниками мы называем древние тексты, которые дошли до нас в том виде, в каком они были написаны, вне зависимости от использованного для этого материала (ср. другое определение эпиграфических источников, распространенное преимущественно в европейском источниковедении: «Надписи на твердом материале — камне, металле, керамике и др.» [Ельницкий, 1976, 558]). Эпиграфические источники можно разделить на четыре основные категории: рукописи древних сочинений, документы, надписи, карты. Эпиграфические тексты лишены многих из тех недостатков, которые свойственны обычным письменным источникам: в отношении их не возникает проблемы выявления позднейших интерполяций, они нередко могут быть датированы по палеографическим или иным формальным признакам.

До недавнего времени среди эпиграфических памятников III в. до н. э. — III в. н. э. наибольшую ценность представляли тексты на деревянных табличках, найденные в 1927—1934 гг. близ Цзюйяня (Внутренняя Монголия). Этот архив казенных и частных документов, насчитывающий более 10 000 фрагментов, датируется 102 г. до н. э. — 98 г. н. э. [Цзюйянь, 1959; Loewe, 1967].

В конце 60-х — начале 70-х годов были сделаны новые, чрезвычайно важные находки эпиграфических памятников — не только ханьских, но и циньских. Тексты на шелке и деревянных табличках из Чанша представлены рукописями ранее неизвестных философских и медицинских сочинений, а также уникальными картами начала II в. до н. э. [Сяо Хань, 1974]. В Цзянлине найдены документы хозяйственной отчетности [Хуан Шэнчжан, 1974; Хун И, 1974]. В одном из погребений близ Юньмэна (провинция Хубэй) были обнаружены законодательные акты царства Цинь накануне объединения страны Цинь Шихуаном [Юньмэн циньцзянь, 1976а; Юньмэн циньцзянь, 1976б]. Все эти источники содержат ценную информацию о различных аспектах этнокультурной характеристики древних китайцев.

Третья основная группа источников — археологические памятники, открываемые в результате раскопок: сооружения, предметы, произведения изобразительного искусства, палеоантропологические материалы. Наиболее важные археологические данные дают раскопки погребений циньского и ханьского времени, исследование которых широко развернулось после победы революции в Китае. В начале 70-х годов в этом отношении были сделаны важные открытия. Близ Чанша (провинция Хунань) были обнаружены и раскопаны погребения, вошедшие в литературу под названием Мавандуй (№ 1—3). В двух из них благодаря специфическим условиям расположения погребаль-

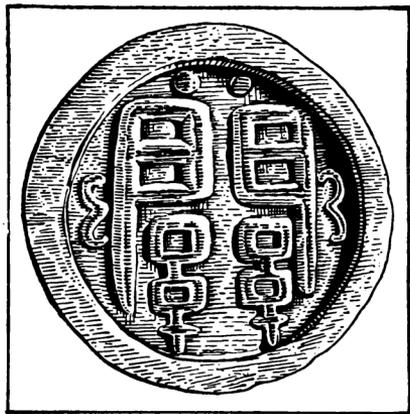
ных камер и их закупорки были найдены почти полностью сохранившиеся предметы, датируемые началом II в. до н. э.: ткани, одежда, домашняя утварь и т. д. [Чанша мавандуй, 1973; Чанша мавандуй эр сань хао, 1974]. Благодаря этому в распоряжении исследователей впервые оказались подлинные образцы вещей ханьского времени, о многих из которых до тех пор было известно лишь из письменных источников. Еще в 30-х годах некоторые китайские ученые начали работу по систематизации свидетельств исторических памятников, проливающих свет на различные аспекты культуры и быта древних китайцев [Ян Шуда, 1934; Цюй Сюаньин, 1937; Шан Бинхэ, 1938]. После раскопок в Мавандуе оказалось возможным осуществить детальный сопоставительный анализ данных письменных источников и археологических материалов. Прекрасным образцом такого рода исследования явилась объемистая книга известного японского историка Хаяси Минао «Материальная культура эпохи Хань» [Хаяси, 1976].

В процессе подготовки настоящего издания ряд принципиальных проблем, рассматриваемых в плане этнического развития древних китайцев в эпоху централизованных империй III в. до н. э.—III в. н. э., был подвергнут обсуждению на специальном симпозиуме, который состоялся в Москве 2—3 декабря 1974 г. (см. [Крюков, 1975]). Материалы этого симпозиума были использованы авторским коллективом при написании отдельных глав данной книги.

«Введение», главы 1, 4, 5, 6 и 8 написаны М. В. Крюковым; глава 2 — М. В. Крюковым («Этническое окружение») и Н. Н. Чебоксаровым («Антропологическая характеристика древних китайцев и их соседей в III в. до н. э.—III в. н. э.»); глава 3 — Л. С. Переломовым; глава 7 — М. В. Софроновым; «Заключение» — М. В. Крюковым («Социально-экономические отношения и специфика этноса»), М. В. Крюковым и М. В. Софроновым («Развитие древнекитайского этноса в эпоху Цинь — Хань»), Л. С. Переломовым («Основные аспекты и этапы развития внешнеполитической доктрины древнего Китая»).

На заставках к главам — декоративные керамические диски ханьского времени с надписями (глава 1 — «Хань объединила Поднебесную»; глава 3 — «Возрадуемся разгрому варваров»; глава 5 — «Жилище»; глава 6 — «Десять тысяч лет жизни!»; глава 7 — «Присутственное место»). Таблицы и карты составлены авторами соответствующих глав (исключения оговариваются в сносах). Авторский коллектив выражает свою искреннюю признательность д-ру И. Фессе-Хенъес (Берлин) и Т. В. Турчак (Москва), предоставившим в его распоряжение ценные публикации новейших археологических источников, а также художникам В. И. Агафонову и М. Г. Семашкевич, выполнившим иллюстрации к книге.

ЭТНОС И ГОСУДАРСТВО



ДРЕВНИЕ ИМПЕРИИ: ЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ И СЕПАРАТИЗМ

Когда в начале IV в. до н. э. Мэнцзы, одного из крупнейших конфуцианцев того времени, спросили: «В чем умиротворение Поднебесной?» — он ответил: «В объединении».

Действительно, уже в IV в. до н. э. проблема политического объединения древнекитайских царств занимала умы передовых мыслителей той эпохи, когда постепенно создавались объективные предпосылки для создания единой империи.

Предпосылки объединения

Объединение диктовалось самой логикой политической ситуации, сложившейся в V—III вв. до н. э. Стремление к ликвидации самостоятельности соседних царств и поглощению их территории привело в это время к тому, что на месте многих десятков больших и малых наследственных владений осталось «семь сильнейших»: Чу, Ци, Чжао, Хань, Вэй, Янь и Цинь.

Правители почти всех из них лелеяли планы полного разгрома своих соперников. Стремясь получить дополнительные шансы в борьбе против своих ближайших соседей, большинство претендентов на роль объединителя страны широко используют в это время тактику союзов с наиболее удаленными царствами. Так возник «вертикальный союз» Чжао и Чу, направленный против «горизонтального союза» Цинь и Ци. Некоторое время успех сопутствовал Чу. Однако последнее слово осталось за правителем Цинь. В 228 г. под ударами циньских войск пало Чжао, в 225 г.— Вэй, в 223 г. было покорено Чу, еще через год — Янь и, наконец, в 221 г.— Ци. Так в течение нескольких лет завершился процесс объединения древнекитайских царств, подспудно подготавливавшийся на протяжении столетий.

Другой важной предпосылкой разрушения прежних политических границ между царствами было развитие экономических связей. Яркую картину укрепления торговых отношений между

ними нарисовал в III в. до н. э. Сюньцзы, подчеркивавший важную роль экономических связей для удовлетворения естественных потребностей людей в тех продуктах, которые не производятся в местах их обитания. Частичная стихийная унификация монеты была отражением того факта, что в V—III вв. до н. э. на территории Среднекитайской равнины и смежных районов постепенно складываются большие экономические области, границы которых не совпадают с политическими границами царств.

Наконец, еще одной важной предпосылкой преодоления разобщенности древнекитайских царств были формирование и консолидация этнической общности древних китайцев. Складывание единого культурного стереотипа населения всех Средних царств, стабилизация представлений о его общности, развитие этнического самосознания древних китайцев не только подготавливали почву для будущего объединения, но и делали его все более настоятельной задачей. Первые древнекитайские империи принципиально отличались в этом смысле, например, от державы Александра Македонского, возникшей в результате военного завоевания этнически разнородных территорий и стран, хотя объединение Филиппом эллинских полисов во многом сходно с ситуацией на Среднекитайской равнине конца III в. до н. э.

Реформы Цинь Шихуана

Разгром шести царств и объединение территории страны в 221 г. до н. э. были лишь первым шагом на пути создания единого государства. Не менее важными были в этом отношении реформы первого императора Цинь, направленные на ликвидацию последствий длительной политической и экономической раздробленности.

Этим реформам предшествовала ожесточенная борьба мнений по поводу того, каким образом следует организовать управление вновь присоединенными территориями, какой принцип положить в основу административной системы империи. Советник Ван Гуань настаивал на том, что по традиции, восходящей к чжоускому времени, окраинные земли страны должны быть отданы в наследственное владение родственникам императора. Против этого решительно выступил Ли Сы, предложивший принципиально иной проект государственного устройства (подробнее об этом см. [Переломов, 1962, 37—66]).

Шихуан принял предложения Ли Сы. Территория страны была поделена на 36 округов (цзюнь) (3), каждый из которых состоял из уездов (сянь) (4). Во главе округов стояли наместники, назначавшиеся непосредственно императором. Следует заметить, что сама по себе идея создания на вновь присоединенных территориях округов, т. е. административных единиц центрального подчинения, возникла еще в конце V в. до н. э.

(так, в 406 г. царство Вэй создало округ Сихэ, в 361 г. — Шан; в 325—299 гг. в Чжао появились округа Дай, Яньмэнь и Юньчжун; в 312—248 гг. в Чу — округа Ханьчжун, Цзяндун, У, Хуайбэй и т. д.). Суть реформы Цинь Шихуана заключалась, таким образом, в том, что он распространил систему округов на всю территорию своей империи (табл. 2).

Таблица 2
ОКРУГА В ИМПЕРИИ ЦИНЬ

Округ	Год создания (до н. э.)	Территория (по современному делению)
Нэйши	221	Центральная часть Шэньси
Саньчуань	250	Хэнань
Хэдун	285	Юго-запад Шаньси
Шандан	262	Юго-восток Шаньси
Тайюань	247	Центральная часть Шаньси
Дай	325—299?	Северо-восток Шаньси
Яньмэнь	325—299?	Северо-запад Шаньси
Юньчжун	325—299?	Южная часть Внутренней Монголии
Цзююань	221	Там же
Шан	361	Северная часть Шаньси
Бэйди	272	Северо-восток Ганьсу
Лунси	272	Юго-восток Ганьсу
Инчуань	230	Центрально-южная часть Хэнани
Наньян	272	Юго-западная часть Хэнани
Дан	?	Восток Хэнани, юго-запад Шаньдуна
Ханьдань	228	Север Хэнани, юг Хэбэя
Шангу	?	Центрально-западная часть Хэбэя
Цзюйлу	221	Юго-западная часть Хэбэя
Юйян	?	Северная часть Хэбэя
Юбэйпин	?	Северо-восточная часть Хэбэя
Ляоси	?	Юго-западная часть Ляонина
Ляодун	?	Юго-восточная часть Ляонина
Дун	242	Юг Хэбэя, северо-запад Шаньдуна
Ци	221	Северо-восточная часть Шаньдуна
Се	221	Юг Шаньдуна, север Цзянсу
Ланъя	221	Юго-восток Шаньдуна
Сышуй	221	Север Цзянсу, север Аньхой
Ханьчжун	312	Юг Шэньси, северо-запад Хубэя
Ба	?	Восточная часть Сычуани
Цзюцзян	221	Аньхой, Цзянсу
Чжан	221	Юго-запад Цзянсу
Куайци	222	Юго-восток Цзянсу
Нань	278	Южная часть Хубэя
Чанша	?	Восточная часть Хунани
Цяньчжун	299	Западная часть Хунани
Миньчжун	?	?

Границы вновь образованных округов не совпадали с территорией прежних царств периода Чжаньго и не соответствовали естественно-географическим рубежам, которые могли бы способствовать обособлению отдельных районов страны. Решительно ломая преграды, препятствовавшие налаживанию регулярных связей между всеми округами империи, Цинь Шихуан, с

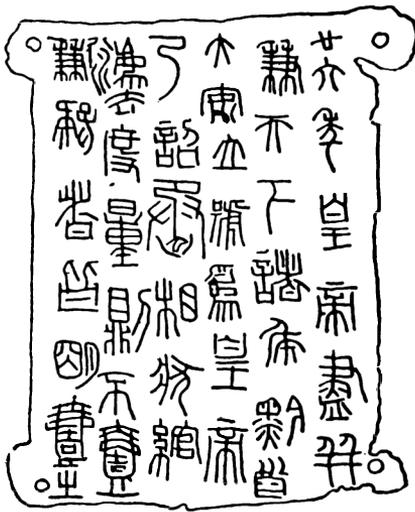


Рис. 1. Бронзовая пластинка с текстом указа Цинь Шихуана

одной стороны, уничтожил стены, разделявшие некоторые из старых царств (были сохранены лишь стены вдоль северных границ, достроенные на недостающих местах и объединенные в одну Великую стену); с другой — уделил большое внимание сооружению магистральных дорог, связывавших столицу Сяньян с периферией. Одним из наиболее грандиозных строительных мероприятий такого рода была прокладка Прямого тракта, соединявшего окрестности Сяньяна с центром округа Цзююань (более 1400 км длиной). Археологические разведки в этом районе позволили уточнить, где именно проходил Прямой тракт [Ши Нянхай, 1975, 44—54].

К числу других важных мероприятий по укреплению централизованной власти Шихуана относятся также введение единого законодательства, унификация мер и весов, реформа денежной системы, введение единой письменности.

Реформы Цинь Шихуана значительно способствовали укреплению как культурной, так и экономической общности населения империи. «Земли меж четырех морей были объединены, — писал по этому поводу Сыма Цянь, — заставы открыты, запреты на использование гор и озер смягчены. Поэтому богатые купцы получили возможность беспрепятственно развезжать по всей Поднебесной, и не было такого места, куда бы не проникали товары для обмена» [Такигава, 1955, 10, 5150—5151].

Наследовавший Шихуану его младший сын взшел на престол, когда внутренние социальные противоречия в стране значительно обострились. Эршихуан на первых порах пытался продолжать важнейшие мероприятия отца, всячески подчеркивая преемственность своей политики. С этой целью им, в частности, был издан указ о том, что унификация мер и весов, предпринятая Цинь Шихуаном, остается в силе (текст указа был выгравирован на стандартных гирях, выпущенных еще при жизни основателя династии) (рис. 1).

Первым толчком, потрясшим циньскую империю, было восстание бедноты в Дацзэ (современная провинция Аньхой). Основным лозунгом повстанцев во главе с Чэнь Шэном и У Гуаном была борьба за восстановление независимости царства Чу. Восстание послужило сигналом для новых многочисленных ан-

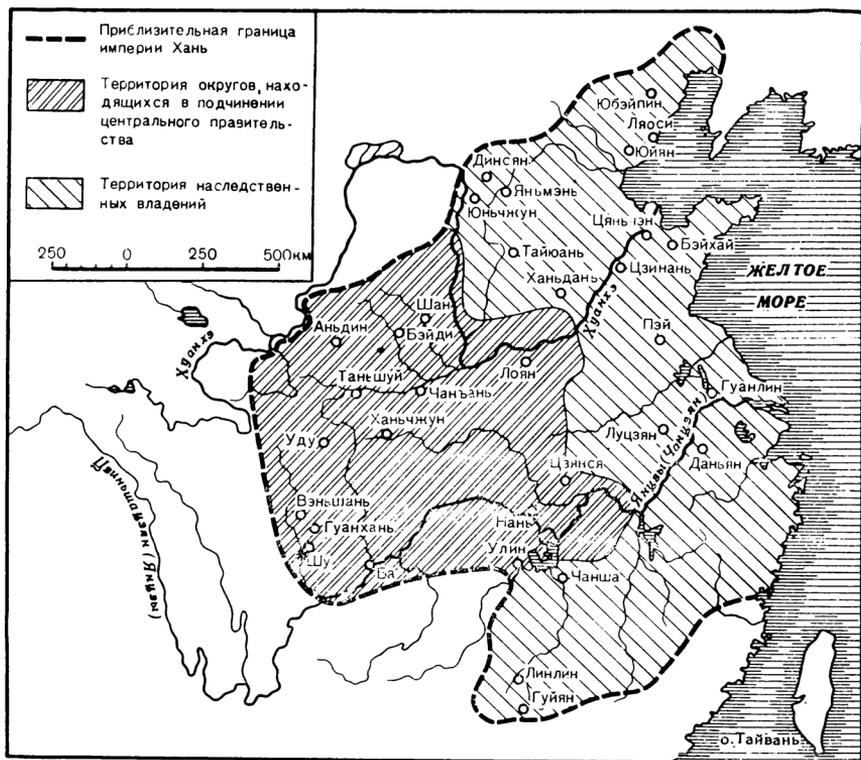
тициньских выступлений, охвативших вскоре почти всю страну. За падением Цинь (207 г. до н. э.) последовал фактический раздел территории империи между предводителями наиболее влиятельных антиправительственных группировок (табл. 3).

Т а б л и ц а 3
РАЗДЕЛ ТЕРРИТОРИИ ИМПЕРИИ ПОСЛЕ ПАДЕНИЯ
ЦИНЬ

Владение	Территория	Правитель
Хань	Шэньси	Лю Бан
Юн	Шэньси	Чжан Хань
Ди	Шэньси	Дун И
Сай	Шаньси	Сыма Синь
Западное Вэй	Шэньси	?
Инь	Хэнань	Сыма Ан
Хань II	Хэнань	?
Хэнань	Хэнань	Шэнь Ян
Дай	Хэбэй	?
Чаншань	Хэбэй	Чжан Эр
Ляодун	Хэбэй	Хань Гуан
Янь	Хэбэй	Цан Ту
Ци	Шаньдун	Тянь Ду
Цзяодун	Шаньдун	Тянь Ши
Цзибэй	Шаньдун	Тянь Ань
Цюэцзян	Аньхой	Ин Бу
Хэншань	Хубэй	У Жуй
Линьцзян	Хубэй	Гун Ао
Западное Чу	Цзянсу, Чжэцзян, Аньхой	Сян Юй

Наследственные владения в первый период династии Хань

Стремясь стать во главе единой империи, Лю Бан, которому удалось одержать верх в последовавшей за крушением империи Цинь борьбе за власть, тем не менее не мог не считаться с реальной ситуацией в стране. Поэтому основатель ханьской династии (он известен также под своим посмертным именем — Гао-цзу) не решился восстановить циньскую административную систему во всем ее первоначальном виде. Семь наиболее крупных военачальников, обосновавшихся на территории бывших царств, были пожалованы титулами вана, а вслед за этим более 130 соратников Гао-цзу получили в наследственное владение отдельные области и стали именоваться хоу. Созданная при Цинь система округов и уездов была восстановлена лишь на части территории ханьской империи (карта 1). Таким образом, ради достижения своей цели Гао-цзу пошел на компромисс: с одной стороны, был возрожден центральный административный аппарат, существовавший при Цинь; с другой стороны, в каждом из наследственных владений, во главе которых стояли ваны, су-



Карта 1. Территория империи Хань до завоевательных походов У-ди

существовали свои собственные органы власти. Ваны имели право назначать и смещать чиновников (за исключением главного советника), собирать налоги с населения и устанавливать ту систему повинностей, которую они считали необходимой.

Такое сосуществование центральной власти и полунезависимых наследственных владений было вынужденной и поэтому временной мерой. Уже через несколько лет после своего восшествия на престол Гао-цзу стал постепенно заменять правителей наследственных владений своими родственниками. Вскоре «вся Поднебесная стала носить фамилию Лю», что, по мысли Гао-цзу, было залогом укрепления центральной власти.

Однако после смерти Гао-цзу (195 г. до н. э.) сепаратистские тенденции правителей царств начинают вырисовываться все заметнее. Усиление ванов стало проблемой, серьезно беспокоившей ханьских императоров. В 177 г. до н. э. один из ванов поднял открытый мятеж против Хань, и, хотя его выступление было сразу же подавлено, прецедент был создан.

В этой обстановке молодой ученый Цзя И подал императору Вэнь-ди доклад, в котором было охарактеризовано положение

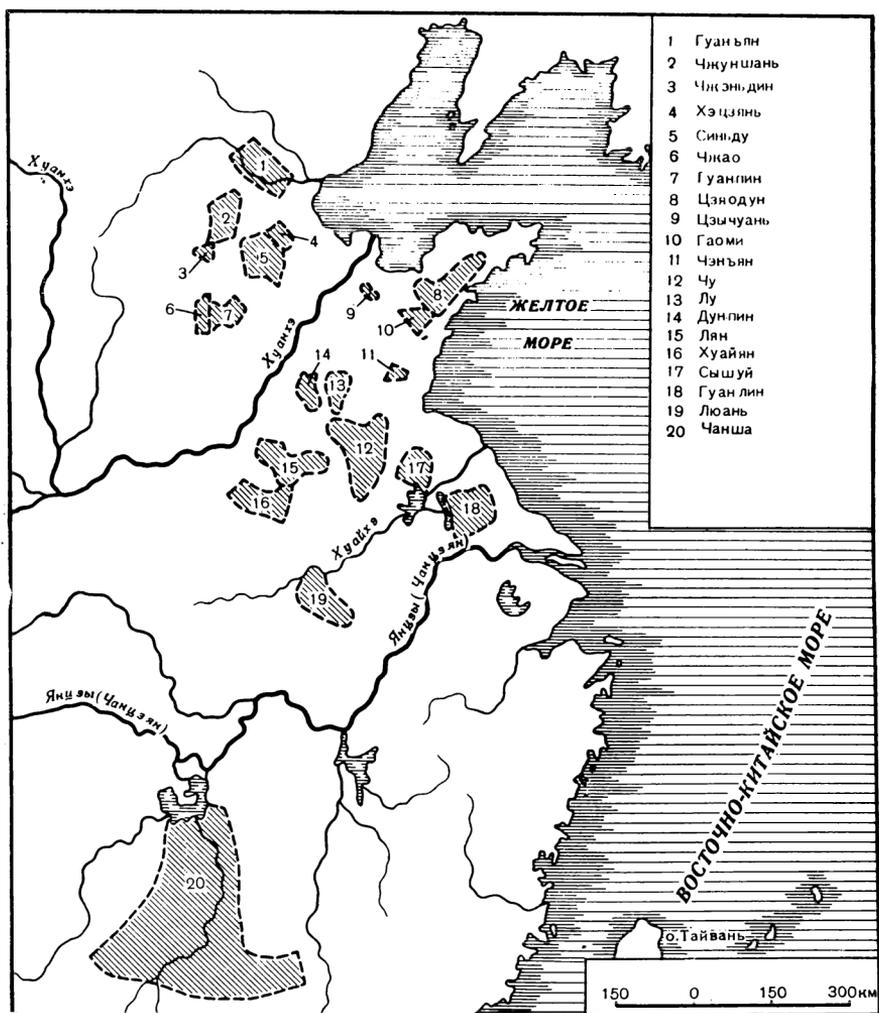
ние в империи: «Поднебесная напоминает сейчас большого человека, у которого ноги распухли так, что стали толще поясницы, а пальцы — словно бедра. Ими невозможно пошевелить, потому что каждое движение сопровождается страшной болью... Если упустить момент и не провести своевременного лечения, болезнь будет запущена, и потом даже знаменитый лекарь не сможет ничего с ней поделывать» [Бань Гу, 1964, 8, 2239].

Почти одновременно с Цзя И конкретный план централизации власти предложил Чао Цо. Он посоветовал императору отобрать у ванов часть их территорий и под благовидным предлогом передать эти земли в ведение центрального административного аппарата. Меры, принятые Вэнь-ди в соответствии с планом Чао Цо, вызвали резкое недовольство ванов, среди которых выделялся Лю Би, правитель царства У. В его владениях было более 50 городов, он выпускал собственную монету, на морском берегу у него были огромные соляные прииски. Стремясь заручиться поддержкой населения, Лю Би отменил в своем царстве налоги. Он охотно принимал под свое покровительство недовольных императором. Когда на престол взошел Цзин-ди, у которого были личные счеты с Лю Би, последний решил играть ва-банк. В 154 г. до н. э., объединившись с шестью другими наследственными владетелями, Лю Би собрал 200-тысячную армию и двинул ее на столицу империи. «Более тридцати лет я отказывал себе в одежде и пище, день и ночь копил средства, собирал провиант — и все это ради сегодняшнего дня», — объявил он перед выступлением в поход.

«Мятеж семи ванов» кончился их полным поражением. Цзин-ди лишил правителей царств права назначать чиновников, запретил им иметь свое собственное войско. Эти мероприятия были первым шагом на пути к ликвидации двойственности в системе управления государством и укреплению централизованной власти императора. Следующий шаг был сделан У-ди, время правления которого (140—87 гг. до н. э.) было периодом наивысшего расцвета ханьской империи.

Мероприятия У-ди по централизации империи

Стремясь раз и навсегда решить проблему наследственных владений, У-ди по совету своего придворного Чжуфу Яня ввел новый порядок наследования статуса вана и хоу. Отныне запрещалось передавать свое владение старшему сыну и предписывалось делить его поровну между всеми сыновьями. Результаты этой реформы очень быстро сказались. Резкое уменьшение размеров царств привело к тому, что наследственные владетели практически лишились реальной силы и их существование имело теперь с точки зрения административной структуры государства чисто номинальное значение (карта 2).



Карта 2. Наследственные владения на территории империи Хань в начале I в. н. э.

Одновременно с этим У-ди провел ряд реформ, направленных на дальнейшую централизацию государственного аппарата. Им было восстановлено ведомство инспекции, введенное при Цинь Шихуане и отменное в начале Хань. Задачей инспекторов, направлявшихся из столицы на места, был непосредственный контроль за деятельностью окружных чиновников.

Претерпела значительные изменения и система назначения чиновников на должности. Начальнику округа теперь вменялось в обязанность систематически рекомендовать кандидатов из

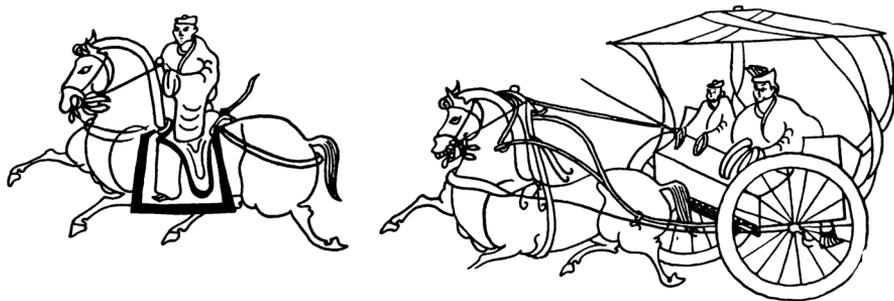


Рис. 2. Выезд чиновника (с ханьского барельефа)

числа наиболее способных молодых людей. В столице была создана академия, выпускники которой также, как правило, становились чиновниками (рис. 2). Изменения произошли и в компетенции высших должностных лиц государственного аппарата. Права советника императора были ограничены. Вновь созданная императорская канцелярия позволяла У-ди лично контролировать деятельность начальников ведомств и других чиновников.

В полном соответствии с общим духом мер, которые должны были, по мысли У-ди, укрепить централизованную власть в стране, находилась и предпринятая им попытка унификации идеологии. Цель ее была предельно отчетливо сформулирована крупнейшим ханьским конфуцианцем Дун Чжуншу: «Ныне ученые по-разному проповедуют, а люди по-разному толкуют их учения. Суть ста школ различна, неодинаков и смысл их учений, у императора нет ничего, с помощью чего бы он смог поддержать единство. Введение новых законов приводит к тому, что народ не знает, чему ему следовать. Я считаю, что все, что находится вне шести искусств, изложенных в учении Конфуция, должно быть искоренено. Ересь должна быть уничтожена. Только после этого управление станет единым, законы — ясными, а народ поймет, чему следовать» [Бань Гу, 1964, 8, 2523].

Добившись стабилизации положения внутри страны, У-ди последовал примеру Цинь Шихуана и обратил свои взоры за пределы империи. С середины II в. до н. э. древние китайцы вновь начинают длительные войны с соседями. В результате их государство значительно расширило свои границы. На северо-востоке оно включало теперь территории вплоть до Корейского полуострова; на севере границы его в основном совпадали с возведенной при Цинь Шихуане Великой стеной; на западе в его состав входила современная провинция Ганьсу; на юге — центральная часть Гуандуна и север Вьетнама. Ханьская империя становится в этот период одним из могущественных государств древнего мира наряду с Парфией и Римом.

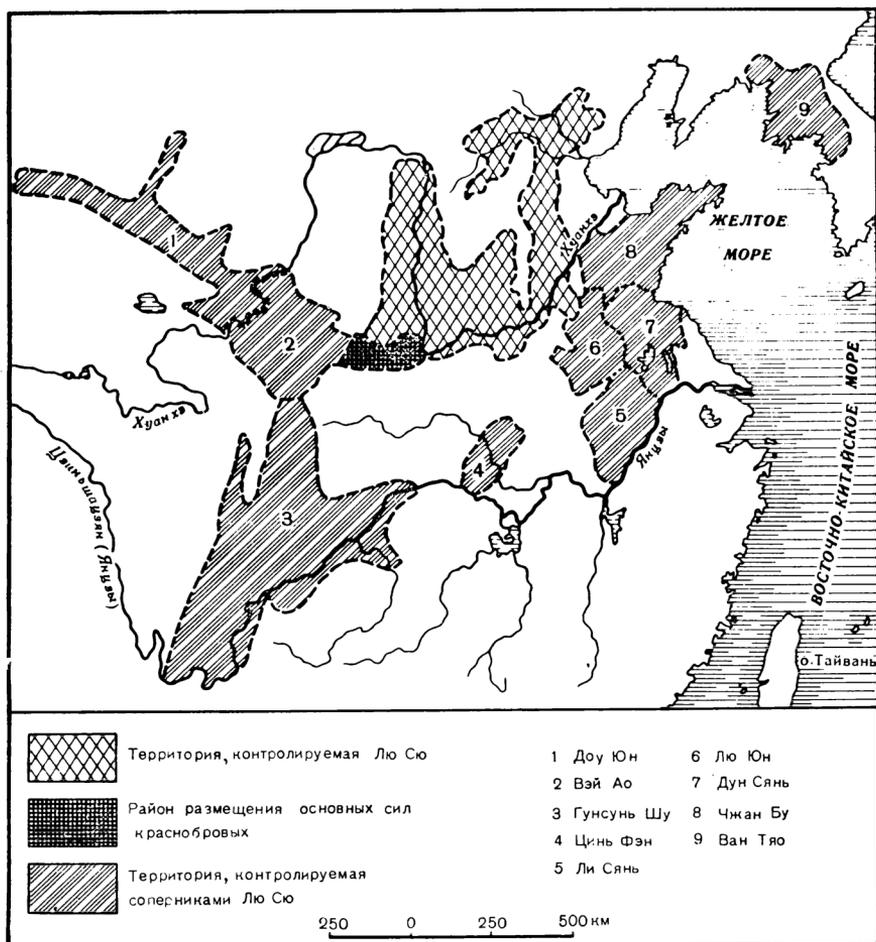
Завоевательные войны значительно обострили социальные противоречия, все более явственно обнаруживавшиеся начиная со второй половины I в. до н. э. Обезземеливание крестьянства и концентрация земельной собственности в руках крупных владельцев приводили к усилению процесса социальной дифференциации. Разорение мелких земельных собственников приняло на грани нашей эры значительные масштабы. В стране то здесь, то там начинают вспыхивать крестьянские восстания.

В 9 г. н. э. родственник императора по женской линии Ван Ман узурпировал трон и предпринял ряд преобразований, в одинаковой мере затронувших интересы как широких народных масс, так и имущей прослойки общества. Страшный голод, поразивший империю, ускорил взрыв открытого недовольства. В различных районах империи возникали повстанческие отряды, готовившиеся к выступлению против Ван Мана. Наряду с крестьянскими восстаниями (большинство из них известны под названиями: Краснобровые, Бронзовые Кони, Зеленый Лес и т. д.) началась борьба за власть, в которой участвовали крупные местные чиновники или военачальники (табл. 4). К 25 г. усилился один из претендентов на престол — некто Лю Сю, который и объявил себя императором восстановленной им ханьской династии. Поскольку в качестве своей столицы Лю Сю (или Гуан У-ди, как его именовали после смерти) избрал Лоян, период с 25 по 220 г. н. э. вошел в историю под названием Восточной Хань в отличие от Западной Хань, когда столица империи находилась в Чанъани (карта 3).

Таблица 4

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ТЕРРИТОРИИ ИМПЕРИИ
МЕЖДУ ПРЕТЕНДЕНТАМИ НА ПРЕСТОЛ
ПОСЛЕ СМЕРТИ ВАН МАНА

Претендент на престол	Территория
Лю Сю	Хэбэй
Ван Лан	Юго-запад Хэбэя
Пэн Лун	Северо-восток Хэбэя
Чжан Бу	Шаньдун
Лю Юн	Шаньдун, Цзянсу
Дун Сянь	Юго-восток Шаньдуна
Ли Сянь	Аньхой, Цзянсу
Гунсунь Шу	Сычуань
Вэй Ао	Юго-восток Ганьсу
Лу Фан	Северо-восток Ганьсу
Доу Юн	Северо-запад Ганьсу
Цинь Фэн	Центральная часть Хубэя
Ван Тяо	Северная часть Кореи



Карта 3. Политическая ситуация накануне реставрации династии Хань

Однако новому императору понадобилось еще более десяти лет для того, чтобы окончательно преодолеть сопротивление своих соперников.

Существование объективной тенденции к объединению позволяло правителям двух сменивших друг друга империй осуществлять мероприятия, направленные на централизацию государственной власти. Очередное восстание, расшатывая устои империи, в то же время стимулировало центробежные устремления местной знати, примыкавшей на первых порах к восставшим ради достижения своих собственных целей. В этих условиях основатель новой династии был вынужден идти на уступки не только низам, но и верхам в ущерб централизации империи. Борьба между этими двумя противоположными тенденциями отчетливо

прослеживается на всем протяжении рассматриваемого исторического периода. Восстание Желтых повязок, потрясшее ханскую империю в конце II в., было подавлено силами крупных землевладельцев, сосредоточивших к этому времени всю полноту власти на местах. За падением ханьской империи последовала междоусобная борьба, приведшая к крушению единого государства. На его обломках в первой четверти III в. возникают три самостоятельных царства: Вэй, У, Шу. Начинается период раздробленности, продолжавшийся с кратковременными перерывами вплоть до VI в.

Централизованная империя как этноконсолидирующий фактор

На протяжении нескольких столетий само существование империй Цинь и Хань было мощным стимулом интеграции населения страны. Функционирование государственной машины способствовало преодолению замкнутости отдельных районов страны и создавало условия для интенсивных контактов их населения.

В III в. до н. э. происходит качественный скачок в развитии средств сообщения на территории бывших царств Среднекитайской равнины. В ханьское время главные города всех округов были связаны со столицей специальными правительственными трактами, предназначенными в первую очередь для доставки почты, разъездов государственных чиновников, переброски войск. Вдоль трактов располагались почтовые станции, где можно было сменить лошадей. В 80-х годах I в. до н. э. Чжао Чунго, находясь в Цзиньчэне, отправил в столицу доклад, ответ на который пришел через семь дней [Бань Гу, 1964, 9, 2983]. Если учесть, что расстояние от Цзиньчэна до Чанъяни составляло 1450 ли (более 700 км), а обсуждение доклада в столице требовало некоторого времени, очевидно, что правительственные тракты обеспечивали достаточно оперативную связь с периферией. Беспрепятственное передвижение частных лиц по территории империи ограничивалось лишь в связи с чрезвычайными событиями. Так, в 154 г. до н. э., во время «мятежа семи ванов», были закрыты заставы на важнейших горных перевалах; после воцарения У-ди эти ограничения были отменены. Получив в уездном управлении подорожную, любое лицо, едущее по личным делам, могло рассчитывать на возможность остановиться на постоялом дворе и пользоваться прочими удобствами во время своего путешествия [Чэнь Чжи, 1962, 145—148].

Большое значение для процесса смешения и интеграции населения имела политика переселения отдельных групп жителей в другие районы. Это касалось прежде всего представителей старой местной аристократии. Переселяя ее с периферии в столичную область, правители империи рассчитывали пресечь ее

сепаратистскую деятельность. Помимо этого в Цинь и Хань практиковалась система переселения жителей внутренних районов во вновь присоединенные области, главным образом на северной границе. Массовое перемещение населения на север предпринималось Цинь Шихуаном в 214, 213 и 210 гг. до н. э.; аналогичные мероприятия проводились и ханьскими императорами в 127, 120, 100 и 76 гг. до н. э.

Существенным интегрирующим фактором была система повинностей, которые должны были отбывать все в возрасте от 20 до 56 лет (за исключением чиновников и представителей знати). Военская повинность включала годовичную службу в столичном гарнизоне, а также службу на границе. Новобранцы прибывали в столицу практически со всей страны. (Не случайно Ян Сюн, составляя в I в. н. э. свой диалектологический словарь, применял метод опроса солдат столичного гарнизона, что явилось одним из главных источников собранных им материалов [Фанъянь, 1956, 93]). Конкретные сведения о том, из каких округов были родом солдаты, отбывавшие воинскую повинность в пограничных крепостях на северной границе империи, содержатся в документах цзюйяньского архива (табл. 5).

Таблица 5

МЕСТО РОЖДЕНИЯ СОЛДАТ, ОТБЫВАВШИХ ВОИНСКУЮ ПОВИННОСТЬ В ПОГРАНИЧНЫХ КРЕПОСТЯХ В ЦЗЮЙЯНЕ (ПО ДАННЫМ ЦЗЮЙЯНЬСКОГО АРХИВА)

Округ	Число солдат	Округ	Число солдат
Цзинжаоинь	2	Вэй	7
Хэнань	1	Чэньлю	1
Цзофэнги	1	Цзюйлу	1
Жунань	1	Хуайян	17
Инчуань	1	Ханьчжун	6
Наньян	1	Чжао	1
Дахэ	6	Лян	5
Цзитао	1	Чанги	11
Цзинь	2	Дуньхуан	1
Дун	5	Чжанги	38
		Пингань	1

При У-ди по мере укрепления централизованной власти возрождается отмененное в начале Хань уголовное законодательство циньского времени. В конце II в. до н. э. уложение о наказаниях включало уже 960 статей, причем даже за незначительные преступления предусматривались суровые меры наказания. Одной из таких мер была ссылка на принудительные работы. В 1964 г. близ Лояна было раскопано кладбище I—II в., на котором хоронили преступников, работавших около столицы. На каменной плите, клавшейся в могилу, указывались имя умершего, дата смерти, округ и уезд, откуда он был родом. Около 37%

погребенных на этом кладбище были выходцами из округов Инчуань, Жунань и Наньян, расположенных в центральной части империи, сравнительно недалеко от Лояна. Но кроме них были также уроженцы еще 36 округов, в том числе таких удаленных, как Куайцзи [Дунхань лоянчэн, 1972, 2—19] (табл. 6).

Таблица 6

МЕСТО РОЖДЕНИЯ
КАТОРЖНИКОВ,
ОТБЫВАВШИХ НАКАЗАНИЕ
В ЛОЯНЕ В I—II ВВ. Н. Э.

Административная единица	Количество
Область	9
Округ	39
Уезд	167

Одним из важных факторов, способствовавших процессу интеграции населения империи, были экономические и торговые связи между отдельными районами. Главную роль в этом играли города — центры торговли. Перечислив основные группы товаров, которыми славятся различные области страны, Сыма Цянь заключал: «Все они пользуются спросом людей Среднего государства, в соответствии с их привычками используются в качестве одежды и пищи, служат для отрождения обрядов при рождении и смерти» [Такигава, 1955, 10, 5139].

Интенсивный процесс смешения различных территориальных групп населения империи был одним из основных стимулов дальнейшей консолидации этнической общности древних китайцев в эпоху Цинь — Хань.

СОЦИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ ЭТНИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

На этнические процессы, протекавшие на территории империй Цинь и Хань в III в. до н. э.— III в. н. э., оказывали воздействие также разнообразные социальные факторы, связанные со структурой древнекитайского общества в эту эпоху.

Социальная и имущественная дифференциация

Реформы, проведенные в древнекитайских царствах в середине IV в. до н. э., знаменовали собой решительный слом традиционной социальной организации общества. На смену системе социальных слоев, принадлежность к которым целиком определялась отношениями генеалогического родства, пришло общественное деление нового типа, основанное на имущественном критерии. Ранги знатности, введенные Шан Яном в царстве Цинь, первоначально жаловались за военные заслуги; позднее их можно было купить за деньги. Таким образом, богатство давало доступ к знатности.

В империях Цинь и Хань существовала система рангов знатности, общее число которых достигало 20. Практика продажи рангов продолжала оставаться в силе, хотя в принципе они жа-

ловались императором в виде милости за заслуги. Ранги знатности не были наследственными (подробнее об этом см. [Lowe, 1960, 96—174]).

Лица, имевшие ранг знатности, делились на несколько групп. Обладатели рангов с 1-го (гунши) по 8-й (гуншэн) составляли низшую прослойку знати. Высшая знать, имевшая ранги с 9-го (удафу) по 20-й (чэхоу, позднее тунхоу или лехоу), имела ряд привилегий, в частности право не отбывать обычных повинностей.

Кроме того, представители 19-го (гуаньнэйхоу) и 20-го рангов получали «на кормление» определенное количество дворов, с которых они имели право собирать налоги в свою пользу. В число этой элиты, имевшей титул хоу, входили, во-первых, родственники императора; во-вторых, лица, пожалованные за выдающиеся заслуги перед династией; в-третьих, высшие чиновники центрального государственного аппарата.

Наиболее многочисленным и сложным по своему социальному составу в ханьском обществе был слой свободных простолюдинов. К ним относились непосредственные производители-земледельцы, в среде которых на всем протяжении периода Хань шел процесс имущественного расслоения. К простолюдинам причислялись также мелкие и средние ремесленники и торговцы, не имевшие ранга знатности.

Особое место занимали рабы, отличавшиеся от свободных по своему юридическому статусу. В Цинь и Хань существовало две категории рабов — государственные и частные. Государственные рабы могли в результате пожалования перейти во владение частного лица, а рабы, считавшиеся имуществом представителя знати, нередко конфисковались и становились государственными. Дети рабов считались рабами.

Хотя знатность в ханьском обществе в значительной мере определялась богатством, социальное деление общества не полностью совпадало с имущественным. С точки зрения размеров своего имущества собственники делились на четыре основные категории [Жань Чжаодэ, 1964].

Первая категория — «большие семьи» (да цзя) — включала лиц, обладавших собственностью более 1 млн. монет. Именно эти крупнейшие богачи подлежали переселению в столичную область: в 127 г. до н. э. в район Маолина переселяли лиц, имевших более 3 млн. монет; в 73 г. до н. э. — владельцев 1 млн. монет в район Пинлина; в 19 г. до н. э. — собственников имущества размером более 5 млн. монет в район Чанлина и т. д. Фактически же в ханьском Китае были богачи, обладавшие имуществом в 50 млн., 100 млн. монет [Бань Гу, 1964, 11, 3694] и даже в 200 млн. монет [Ван Сяньцян, 1959, 4, 2991].

Вторая категория — «средние семьи» (чжун цзя) — характеризовалась имуществом в пределах от 100 тыс. до 1 млн. монет. Когда император Вэнь-ди решил построить у себя во дворце

беседку Лутай, выяснилось, что на это пойдет 1 млн. монет. «Это равно имуществу десяти средних семей», — сказал Вэньди и отказался от своего намерения [Бань Гу, 1964, 1, 134]. В качестве примера собственника этой категории можно привести некоего Ли Чжуна, перепись имущества которого сохранилась в цзюйяньском архиве. 30-летний Ли Чжун имел 8-й ранг знатности; стоимость его движимого и недвижимого имущества составляла 150 тыс. монет (табл. 7).

Таблица 7

ПЕРЕЧЕНЬ ИМУЩЕСТВА ЛИ ЧЖУНА
[ЦЗЮЙЯНЬ, 1959]

Вид имущества	Количество	Стоимость
Земля	500 му	50 000
Усадьба	1	10 000
Рабы	3	50 000
Лошади	5	20 000
Быки	2	6 000
Телеги	2	4 000
Коляска	1	10 000
Итого . . .		150 000

Таблица 8

ПЕРЕЧЕНЬ ИМУЩЕСТВА СЮЙ ЦЗУНА
[ЦЗЮЙЯНЬ, 1959, 10, № 181]

Вид имущества	Количество	Стоимость
Земля	50 му	5 000
Усадьба	1	3 000
Быки	2	5 000
Итого . . .		13 000

Третья категория — «малые семьи» (сяо цзя) — это мелкие собственники с размером имущества от 1 тыс. до 100 тыс. монет. Типичным представителем этой категории можно считать Сюй Цзуна, о котором мы также знаем из цзюйяньских документов (табл. 8).

Сюй Цзуну было 50 лет; он, как и Ли Чжун, имел 8-й ранг знатности, однако был более чем в десять раз беднее последнего. У Сюй Цзуна было лишь 50 му земли (против 500 му у Ли Чжуна), у него не было рабов. Характерный признак хозяина этой категории — отсутствие телеги (у Бань Гу есть указание на то, что, сдавая налог натурой, «малые семьи носят его на коромыслах», тогда как более состоятельные возят на телегах, запряженных быками [Бань Гу, 1964, 9, 2630]).

Наконец, четвертая категория — «бедняки» (пинь минь). По словам современников, они «постоянно, по-

добно быкам и лошадям, не имели одежды и питались пищей собак и свиней» (рис. 3). Об имущественном положении этой категории людей можно составить представление по документам, фиксирующим выдачу правительством посевного зерна беднякам (тексты из Цзянлина, табл. 9).

Резкая поляризация богатства и бедности, обезземеливание крестьян и сосредоточение земельной собственности в руках крупных собственников занимали умы многих деятелей эпохи

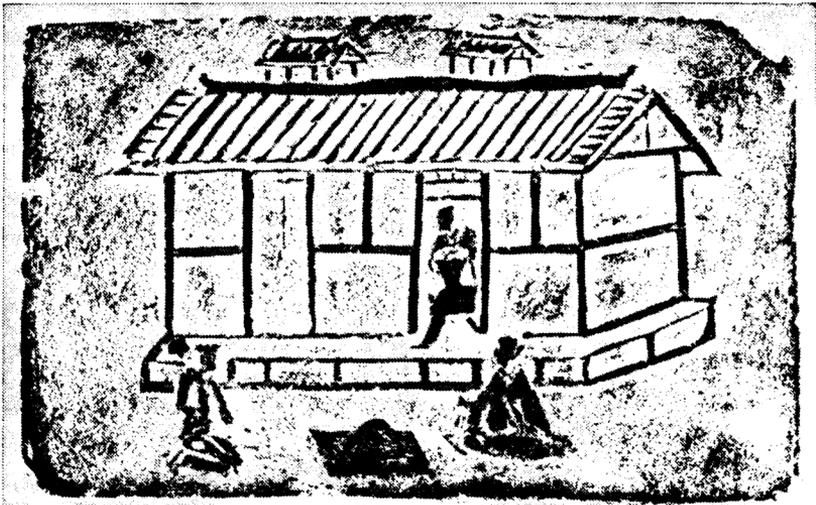


Рис. 3. Зерно взаймы (с ханьского барельефа)

Хань, пытавшихся найти средство для преодоления главного противоречия современного им общества, где «поля богачей тянутся непрерывной чередой, а у бедняка нет клочка земли, чтобы воткнуть в него шило».

Положение рабов

В реестрах имущества III—I вв. до н. э. рабы перечисляются в одном ряду с прочей движимостью. В это время широкое распространение получила и работорговля. «Ныне, — говорится в указе Ван Мана, — существуют рынки, где торгуют рабами, помещая их в один загон со скотом» [Бань Гу, 1964, 12, 4110]. Сделка по купле-продаже раба закреплялась составлением специальной купчей крепости, по форме похожей на купчую по продаже земельного участка или иного имущества. Автор I в. до н. э. Ван Бао приводит текст документа на покупку раба, датированный 59 г.: «В 3 г. периода правления Шэньцзюэ, в первой луне, 15-го дня, Ван Цзыюань, мужчина из округа Цзычжун, купил у женщины Ян Хуэй из Аньчжили уезда Чэнду раба Бяньляо, приобретенного ею при жизни мужа. Договорились о цене в 15 тысяч монет. Раб обязан беспрекословно выполнять все указанные ниже виды работ... В случае ослушания раб может быть наказан ста ударами...» [Скуй Цзянь, 1962, 2, 466].

Телесные наказания были нормой и по отношению к государственным рабам. Согласно циньскому законодательству государственный раб, сломавший или разбивший находящуюся в его распоряжении посуду, орудие и пр., наказывался ударами палок по 10 ударов за каждую монету стоимости предмета. Ес-

Таблица 9

ТАБЕЛЬ ВЫДАЧИ ЗЕРНА ЖИТЕЛЯМ ОБЩИНЫ ПИНЛИ [ХУН И, 1974, 81—82]

Имя	Число членов семьи	Число работников	Количество земли, му	Выдано зерна, доу
Шэн	5	3	54	54
Шэн	1	1	8	8
Юэжэнь	6	3	30	30
Сяону	3	2	30	30
?	7	4	23	23
Тянь	6	3	21	21
?	6	4	33	33
Бусинь	7	4	37	37
?	4	2	12	12
Е	8	4	15	15
Динси	4	4	30	30
Ли	6	2	23	23
Лу	4	2	20	20
?	3	2	20	20
Сошу	3	2	20	20
Цинци	7	3	27	27
Чжи	2	2	18	18
Дэ	3	1	10	10

ли же вещь стоила более 20 монет, били «сильно». Впрочем, если провинившийся выплачивал стоимость испорченной вещи, он освобождался от наказания [Юньмэн циньцзянь, 1976а, 6].

Насколько можно судить по докладу Дун Чжуншу императору У-ди, во II в. до н. э. существовал закон, позволявший рабовладельцу по своему усмотрению убивать провинившегося раба [Бань Гу, 1964, 4, 1137]. Раб, ранивший свободного, карался смертной казнью с последующим выставлением тела на рыночной площади [Ван Сяньцзянь, 1959, 1, 55].

Вместе с тем следует отметить, что цены на рабов в это время были весьма высокими. Молодой или, напротив, престарелый раб стоил 15 тыс. монет, взрослая рабыня — 20 тыс. Взрослый раб мог быть куплен за 40 тыс. Между тем лошадь примерно в то же время стоила около 4 тыс. монет, бык — в среднем 2—3 тыс. В хозяйстве упоминавшегося выше Ли Чжуна общая стоимость двух молодых рабов и одной рабыни составляла одну треть стоимости всего имущества. Для сравнения уместно будет напомнить, что в Афинах (IV в. до н. э.) раб стоил в среднем в 4—5 раз дешевле, чем лошадь.

Во второй половине I в. до н. э. некоторые деятели, стремившиеся воспрепятствовать усилению крупных земельных собственников, предлагали ограничить рабовладение. Ши Дань, например, в 6 г. до н. э. изложил проект, согласно которому простолюдином запрещалось иметь более 30 рабов, представителям знати — свыше 100, высшей аристократии — свыше 200. Это предложение, однако, не было принято. В 9 г. н. э. Ван Ман запретил куплю-продажу рабов, так как она «противоречит небес-

ной добродетели и человеческой нравственности, нарушает установления Неба и Земли, оскорбляет человеческое достоинство» [Бань Гу, 1964, 12, 4110]. Через некоторое время этот запрет, впрочем, был отменен.

Значительные изменения в юридическом положении рабов произошли в период правления Гуан У-ди. В 31 г. им был опубликован указ о том, что все обращенные в рабов на территории областей Цинчжоу и Сюйчжоу в период, непосредственно предшествовавший реставрации Хань, имеют право распоряжаться своей судьбой — остаться у хозяев или покинуть их. Если же рабовладелец препятствовал этому, он привлекался к ответственности и в соответствии с «законом о продаже людей в рабство» [Ван Сяньцзян, 1959, 1, 50]. В 36 г., когда Гуан У-ди одержал верх над последним соперником, обосновавшимся на территории современной Сычуани, он объявил об освобождении рабов в округах Ба и Шу [там же, 56]. Еще через два года был издан аналогичный указ, касавшийся рабов в округе Ичжоу [там же, 60]. В 39 г. было установлено, что «все рабы, проданные на территории областей Ичжоу и Лянчжоу после 8 г. правления (т. е. 33 г.) и заявившие об этом, освобождаются, а хозяевам не возвращается их стоимость» [там же, 60—61].

Из текста этих указов явствует, что в то время уже существовал закон, запрещавший продажу людей в рабство вопреки их желанию. Гуан У-ди установил, что рабовладельцы, подвергавшие своих рабов наказанию каленым железом, должны нести ответственность за это, а пострадавшие рабы должны быть освобождены [там же, 55]. В 35 г. был отменен закон, согласно которому раб, ранивший свободного, приговаривался к смертной казни [там же]. В том же году Гуан У-ди объявлял в своем указе: «Из всего созданного Небом и Землей дороже всего человек. Поэтому нельзя снижать наказание тем, кто убивает своих рабов» [там же, 54].

Эти ограничения прав рабовладельцев означали существенное улучшение положения рабов. Но право владеть рабами и эксплуатировать их труд отменено не было. Рабовладение пережило эпоху Хань, продолжая существовать на всем протяжении средневековой истории Китая.

Источники рабства

Как уже отмечалось, высказанная С. А. Токаревым гипотеза специфической сущности этноса в эпоху рабовладения исходит из того, что рабы-иноземцы не являлись составной частью этнической общности рабовладельцев. Поэтому вопрос об источниках рабства приобретает особую важность при рассмотрении исторических судеб древнекитайского этноса в эпоху существования империй Цинь и Хань.

В советской исторической литературе высказывалось мнение о том, что в рассматриваемый период одним из основных источ-

ников рабства было порабощение военнопленных. «Несомненно,— писала Т. В. Степугина,— что одной из основных целей военной экспансии У-ди было расширение базиса рабовладения путем захвата рабов и завоевания новых территорий и торговых путей. В результате успешных завоевательных походов У-ди на севере и юге в Китай притекло более сотни тысяч рабов-военнопленных» [Степугина, 1952, 125].

Вопрос о судьбе пленных, которых древние китайцы захватывали в ходе длительных военных столкновений со своими соседями, широко обсуждался китайскими историками в 50-х годах в связи с дискуссией о характере древнекитайского общества в эпоху Хань. Рассматривая аргументы, приводившиеся сторонниками различных точек зрения, следует обратить внимание на свидетельства источников, упоминающих о превращении пленных в рабов. Они относятся к позднеханьскому времени и связаны с войнами Хань против цянов [Ван Сяньцзянь, 1959, 4, 3193, 3198]. Автор «Хоуханьшу» однажды приводит аналогичный факт, имеющий отношение к подавлению восстания «юго-западных варваров» [там же, 3155]. Прямых указаний на превращение в рабов пленных, захваченных во время войн с сюнну, насколько можно судить, в источниках не содержится. Поэтому вывод о том, что в результате успешных завоевательных походов У-ди на севере и на юге в Китай притекло более сотни тысяч рабов-военнопленных, нельзя считать доказанным. Более того, в «Ханьшу» встречается следующий любопытный эпизод, проливающий определенный свет на вопрос о судьбе таких пленных. Некто Цзи Ань обратился к У-ди со следующим предложением: «Сюнну нападают на пограничные крепости и нарушают договор о мире, основанном на родстве. Срединное государство послало войско, чтобы покарать их. В результате этого убитых и раненых невозможно перечесть, а расходы исчисляются многими миллионами. Я осмеливаюсь полагать, что захваченных вами варваров необходимо всех превратить в рабов и пожаловать их семьям погибших на войне...» Император не согласился с этим, сказав: «Давно мне не приходилось выслушивать Цзи Аня, и вот он опять выступает с нелепыми предложениями» [Бань Гу, 1964, 8, 2320—2321]. После этого можно полагать, что захват пленных и превращение их в рабов не были главным побудительным мотивом У-ди в его войнах с сюнну.

Можно, по-видимому, согласиться с теми исследователями, которые считают, что контингент рабов пополнялся в период Хань почти исключительно за счет внутренних источников (рис. 4).

Согласно ханьскому законодательству жена и дети казненного преступника становились государственными рабами и подлежали клеймению. Хотя упоминание об этом дошло до нас лишь в более поздних исторических памятниках, достоверность этого факта подтверждается данными ханьских источников об

освобождению некоторой части рабов такой категории в связи с амнистиями. Так, в начале нового периода правления — Цзяньюань — император У-ди издал в 140 г. до н. э. указ об освобождении родственников тех наследственных правителей, которые участвовали в «мятеже семи ванов». Комментатор Ин Шао поясняет, что после этого мятежа жены и дети его главарей были обращены в государственных рабов [Бань Гу, 1964, 1, 157]. Существуют соответствующие свидетельства, относящиеся и к позднеханьскому времени. Например, император Шан-ди объявил в 106 г., что «в течение 80 лет с начала правления Гуан У-ди и вплоть до нынешнего времени количество наложниц в императорском гареме ежегодно увеличивается... растет и число дальних родственников императорской фамилии, обращенных в рабов в связи с преступлениями». Движимый «исключительной жалостью», Шан-ди повелел освободить и тех и других [Ван Сяньцзянь, 1959, 1, 185].



Рис. 4. Раб. Терракота. Эпоха Хань

Другим источником государственных рабов была конфискация рабов, принадлежавших частным лицам. При У-ди у богатых торговцев было конфисковано несколько десятков тысяч рабов [Такигава, 1955, 4, 2043].

Что касается частного рабовладения, то его главным источником было порабощение разорившихся собственников, оказывавшихся не в состоянии заплатить долги. Основатели династий Лю Бан и Лю Сю начинали свою официальную деятельность с деклараций о том, что лицам, продавшим себя в рабство, даруется свобода. «Люди из числа простого народа, которые из-за голода продали себя и стали рабами, все без исключения становятся свободными простолюдинами», — говорилось в указе Гао-цзу [Бань Гу, 1964, 1, 54]. Гуан У-ди объявлял: «Если люди из простого народа согласились на повторное замужество своих жен или продали своих детей, а теперь хотят вернуть их своим родителям, то следует разрешить это» [Ван Сяньцзянь, 1959, 1, 30].

Широкое распространение в ханьское время имела продажа в рабство вопреки воле порабощаемого. Один из видных деяте-

лей начала Западной Хань, Луань Бу, в молодости был схвачен и продан в рабство [Бань Гу, 1964, 7, 1980]. В «Хоуханьшу» рассказывается о некоем Лян Цзи, специализировавшемся на насильственном захвате и продаже людей в рабство. В общей сложности им было продано так несколько тысяч человек [Ван Сяньцзянь, 1959, 2, 1248]. Как правильно отмечает Т. В. Степугина, «сам акт продажи, совершавшийся в целом ряде случаев с помощью торговых посредников, делал порабощение свободного законным даже в том случае, если он был продан против своей воли» [Степугина, 1952, 124].

Таким образом, рассматривая проблему в целом, можно прийти к выводу о том, что рабовладение в период Хань питалось за счет внутренних источников. Это значит, что, даже если предположение С. А. Токарева о качественных отличиях этносов эпохи рабовладения верно в общей форме, оно тем не менее неприменимо к истории развития древнекитайского этноса. Древние китайцы на рубеже нашей эры действительно отличались и не могли не отличаться от своих прямых предков периода Чуньцю — Чжаньго, но объяснялось это отнюдь не только развитием рабовладения в обществе рассматриваемого времени.

Проблема социальной мобильности

Одним из самых существенных социальных факторов, оказывавших влияние на развитие древнекитайского этноса, было разрушение традиционной системы общественных групп, которая существовала вплоть до V—IV вв. до н. э.

Сама сущность замкнутых социальных слоев, принадлежность к которым решалась в момент рождения человека и оставалась неизменной вплоть до его смерти, практически исключала внутреннюю социальную мобильность членов общества. Строгая регламентация основных аспектов материальной и духовной культуры в соответствии с положением того или иного социального слоя на ступенях иерархической лестницы подчеркивала роль культурных различий внутри формирующейся этнической общности и препятствовала ее консолидации.

Тенденция к возникновению единого централизованного государства и ликвидация старой иерархической социальной системы — это две стороны одного и того же процесса, важным этапом которого были реформы IV в. до н. э. Возникновение империй Цинь — Хань способствовало устранению факторов, которые вели к территориальной изоляции населения отдельных районов страны. В то же время сложившаяся в рамках этих империй структура социально-имущественных отношений обладала несравненно большими потенциальными возможностями «вертикальной» социальной мобильности. И то и другое объективно содействовало дальнейшей консолидации древнекитайского этноса.

Грани, разделявшие основные социальные группы ханьского общества (рабов, простолюдинов, знать), были определенными и резкими, но они не были абсолютно непродолимыми. Практика продажи рангов знатности, по крайней мере теоретически, открывала свободному простолюдину доступ к привилегированным слоям общества. Разумеется, обладание одним из низших рангов знатности не гарантировало успеха в дальнейшем продвижении по общественной лестнице: не случайно в документах из Цзянлина среди бедняков, лишенных даже семенного зерна, фигурирует Тянь, имеющий первый ранг знатности, но всего лишь 21 му земли на семью из шести человек [Хун И, 1974, 82].

В «Ханьшу» включены биографии многих известных чиновников II—I вв. до н. э., выходцев из «бедных семей». Вань Шичзюнь был «из бедной семьи, но его старшая сестра умела играть на цитре» [Бань Гу, 1964, 7, 2193]. У Гунсунь Хуна «семья была бедной, и он пас свиней на морском берегу» [там же, 9, 2613]. Эр Куань «был беден и не имел средств к существованию», поэтому, обучаясь у Кун Аньго, жил тем, что «готовил пищу другим ученикам» [там же, 2628]. Чжуфу Янь был «из бедной семьи» [там же, 2798]. Цай И «был из бедной семьи и постоянно ходил пешком» [там же, 2898]. У Чан Хуэя «в детстве семья была бедной» [там же, 3003]. Куан Хэн «был из бедной семьи и занимался в работники, чтобы изыскать средства к существованию» [там же, 10, 3331]. И т. д. Как справедливо замечает Жань Чжаодэ, эти свидетельства не следует понимать буквально: за немногими исключениями, перечисленные выше деятели не были бедняками в прямом смысле слова, но они, безусловно, прошли длинный и сложный жизненный путь, поднявшись из низших слоев общества до его элиты.

Можно привести и другие примеры, иллюстрирующие несравненно более значительный, чем раньше, уровень социальной мобильности в ханьском обществе. Даже раб мог в эту эпоху рассчитывать на возвращение в число свободных, что в дальнейшем давало ему потенциальную возможность добиться богатства и знатности. Наиболее показательна в этом смысле карьера знаменитого ханьского полководца Вэй Цина. Его матерью была рабыня. За выдающиеся заслуги в войне с сюнну Вэй Цин получил от У-ди высший ранг знатности. Его сестра попала в гарем императора и стала затем императрицей. Вторая сестра Вэй Цина стала матерью полководца Хо Цюйбина, также удостоенного высшего ранга знатности. Третья его сестра вышла замуж за одного из известнейших сановников своего времени — Гунсунь Хэ (подробнее об этом см. [Ду Чэнсян, 1948]). В то же время за период правления У-ди было казнено или умерло в тюрьме несколько крупнейших сановников империи: три первых советника, шесть верховных прокуроров и т. д. [Бань Гу, 1964, 2, 767—791]. Ближайшие родственники их были обращены в рабов.

Значительный уровень социальной мобильности в ханском обществе способствовал формированию и закреплению таких черт материальной и духовной культуры, которые были свойственны всей древнекитайской этнической общности в целом, вне зависимости от социальной принадлежности отдельных ее членов.

ТЕРРИТОРИЯ И НАСЕЛЕНИЕ

Задавшись целью установить реальные границы империи Хань, исследователь сталкивается со значительными трудностями. В исторических источниках не всегда содержится достаточно сведений, позволяющих с большей или меньшей степенью достоверности восстановить размеры административных единиц ханского времени. Возникает ряд затруднений, связанных с идентификацией древних географических названий с современными и т. д.

С другой стороны, само по себе установление политических границ империи еще не дает ответа на вопрос о территории расселения древнекитайского этноса в ханское время. Политические границы в древности чаще всего не совпадали с этническими, и империя Хань не была в этом смысле исключением. Источники содержат вполне определенные свидетельства того, что с точки зрения этнической территория Хань была заселена неравномерно.

Представляется, что мы должны различать по крайней мере три различные части этой территории:

округа, созданные в пределах бывших семи царств эпохи Чжаньго, что соответствовало размерам империи Цинь до начала завоевательных походов Цинь Шихуана;

округа, организованные на вновь присоединенных землях (как в циньское, так и в ханское время);

территории, признавшие вассальную зависимость от Цинь и Хань.

«Старые округа», существовавшие до начала расширения границ империи, были населены почти исключительно потомками хуася. В результате освоения «новых округов» значительные группы этого древнекитайского населения были переселены в окраинные районы. Там они не составляли сплошного массива, а размещались главным образом около административных центров — окружных и уездных городов. Наконец, на территории третьего рода либо вообще не было собственно древнекитайского населения, либо оно было представлено лишь солдатами расквартированных там воинских частей.

Каким же образом оказывается возможным нанести на карту хотя бы приблизительное размещение древнекитайского населения на территории ханской империи?

Судя по отдельным упоминаниям письменных источников, в период Чжаньго уже существовали и имели практическое применение карты отдельных царств Среднекитайской равнины. В частности, в своем известном рассказе о находчивом дипломате Линь Сянжу автор «Исторических записок» указывает, что, пожелав обменять 15 своих городов на драгоценную яшму, правитель царства Цинь вызвал чиновника с картой и указал послу Чжао, где расположены эти города [Такигава, 1955, 8, 3773—3774]. Когда войска Лю Бана после падения циньской династии вошли в Сяньян, среди трофеев оказались административные карты империи. Топографические карты местности использовались в ханьское время военачальниками во время походов и боевых действий. Так, в 99 г. до н. э. Ли Лин предпринял нападение на сюнну, сверяя по карте маршрут своего рейда [Бань Гу, 1964, 8, 2451], и т. д.

О том, что конкретно представляли собой географические карты ханьского времени, сегодня мы можем судить по уникальным находкам, сделанным в погребении Мавандуй 3. Там были обнаружены две карты разного масштаба, содержащие информацию о территории наследственного владения Чанша первой половины II в. до н. э.

Первая из них нанесена на квадратный кусок шелка размером 96×96 см. Она содержит основные элементы рельефа, включая горные цепи, реки и дороги, а также часть береговой линии. Кроме того, на карте помечено местоположение более 80 населенных пунктов. Сличение с современными картами этого района показало, что представленная на ней территория заключена между 111° и 112°30' в. д., 23° и 26° с. ш. Примерный масштаб — от 1 : 150 000 до 1 : 200 000 [Гань Цижан, 1975, 43—48].

Вторая карта — прямоугольный кусок шелка размером 98×78 см, сверху и у левого обреза имеются пометки «юг» и «восток». Таким образом, так же как и первая карта, она ориентирована на юг. Помимо обозначений основных водных артерий и горных хребтов на карте есть около 50 населенных пунктов, причем в большинстве случаев отмечена численность дворов (семей) в каждом из них. Наряду с этим указываются районы расквартирования девяти «армий», а также расположение трех крепостей. Примерный масштаб карты — от 1 : 80 000 до 1 : 100 000 [Чжань Либо, 1976, 24—27] (рис. 5).

Большой интерес представляют содержащиеся в картах сведения о населении этих территорий. В соответствии с системой административного деления, возникшей в империи Цинь и несколько модифицированной в ханьское время, основные территориальные единицы (округа и наследственные владения) делились на уезды, последние — на волости, состоявшие из отдельных деревенских общин. При этом уезды могли быть двух

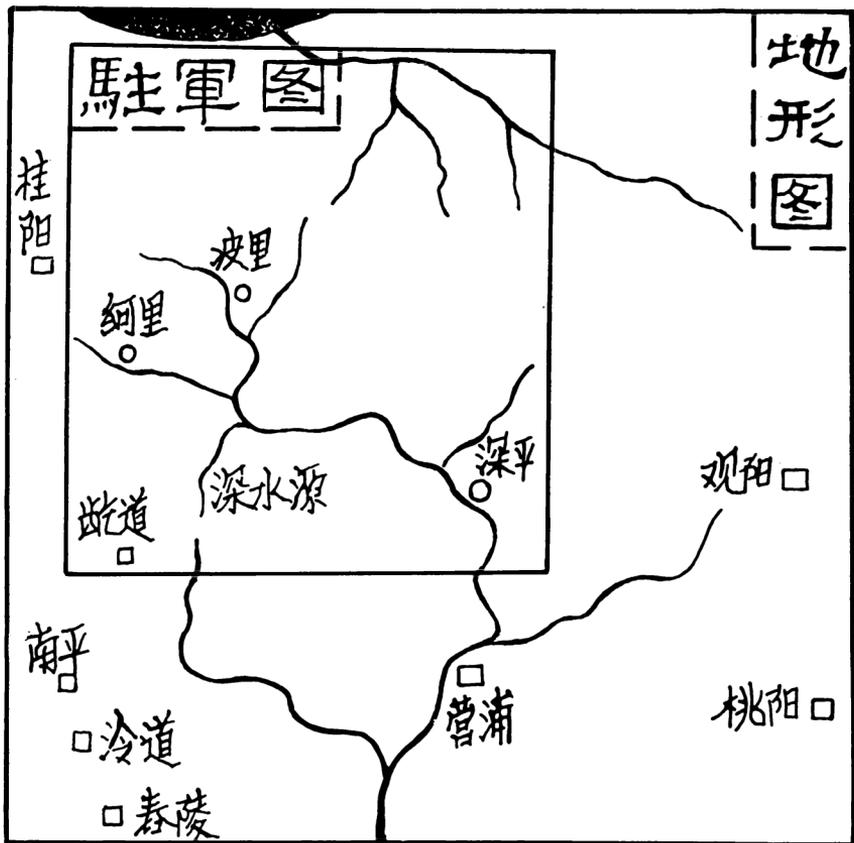


Рис. 5. Фрагмент карт из погребения Мавандуй. II в. до н. э.

различных типов: обычные (сянь) (4) и населенные преимущественно некитайцами (дао) (5) [Бань Гу, 1964, 3, 742]. На двух рассматриваемых ханьских картах отмечено в общей сложности девять уездных городов: шесть сянь и три дао, причем названия двух из этих трех уездов, имевших некитайское население, не встречаются в дошедших до нас письменных источниках.

Таким образом, карты из погребения Мавандуй 3 подтверждают, что на территории современной провинции Хунань во II в. до н. э. проживало значительное некитайское население.

Обращает на себя внимание также и тот факт, что на картах указывается численность населения ряда административных единиц. Насколько можно судить по этим данным, деревенская община (ли) (6) включала обычно по нескольку десятков дворов; самая маленькая из отмеченных там общин насчитывала 12 дворов, самая большая — 108 [Чжоу Шижун, 1976, 29]. Столь подробные сведения говорят в пользу высокой степе-

ни достоверности данных о численности населения отдельных округов и наследственных владений на территории империи Хань, содержащихся в письменных источниках.

Данные переписей населения

Циньские карты, захваченные Лю Баном в Сяньяне, позволили ему составить представление о «численности населения» [Такигава, 1955, 6, 3042]. Это дает основание полагать, что уже в циньское время проводились переписи населения империи. После воцарения Хань такие переписи осуществлялись регулярно. Однако первая демографическая сводка, базирующаяся на документальных данных и дошедшая до нас, относится лишь ко 2 г. до н. э. Кроме того, нам известны результаты еще 10 переписей более позднего времени (табл. 10).

Резкое сокращение общей численности населения империи в первых десятилетиях I в. является следствием длительных войн между претендентами на власть после падения Ван Мана. К уровню, достигнутому в самом начале века, древние китайцы возвращаются лишь 100 лет спустя, когда население страны приближается к прежним 50 млн. человек.

К сожалению, лишь в двух случаях из одиннадцати мы располагаем данными по отдельным округам империи, что дает возможность проследить общие тен-

Таблица 10.

ОБЩАЯ ЧИСЛЕННОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ
ИМПЕРИИ ХАНЬ, ПО ДАННЫМ
ПЕРЕПИСЕЙ 2—157 гг.
[CHANG CHUN-SUN, 1975, 66]

Год	Количество дворов	Количество ртов
2	12233612	59594978
57	4279634	21007820
75	5860573	34125021
88	7456784	43356367
105	9237112	53256229
125	9647838	48690789
140	9698630	49150220
144	9946919	49730550
145	9937680	49524183
146	9348227	47566772
157	10677960	56486856

денции в демографических сдвигах, имевших место со 2 по 140 г. Результаты переписи 2 г. содержатся в «Ханьшу», 140 г.— в «Хоуханьшу»; и в том и в другом источнике приводятся сведения о численности населения того или иного округа (наследственного владения), количестве дворов и уездов. Для удобства эти данные сведены в таблицы, где приводится численность населения не по округам, а по 13 «областям» ханьской империи (подробнее об «областях» см. гл. 4) (табл. 11 и 12).

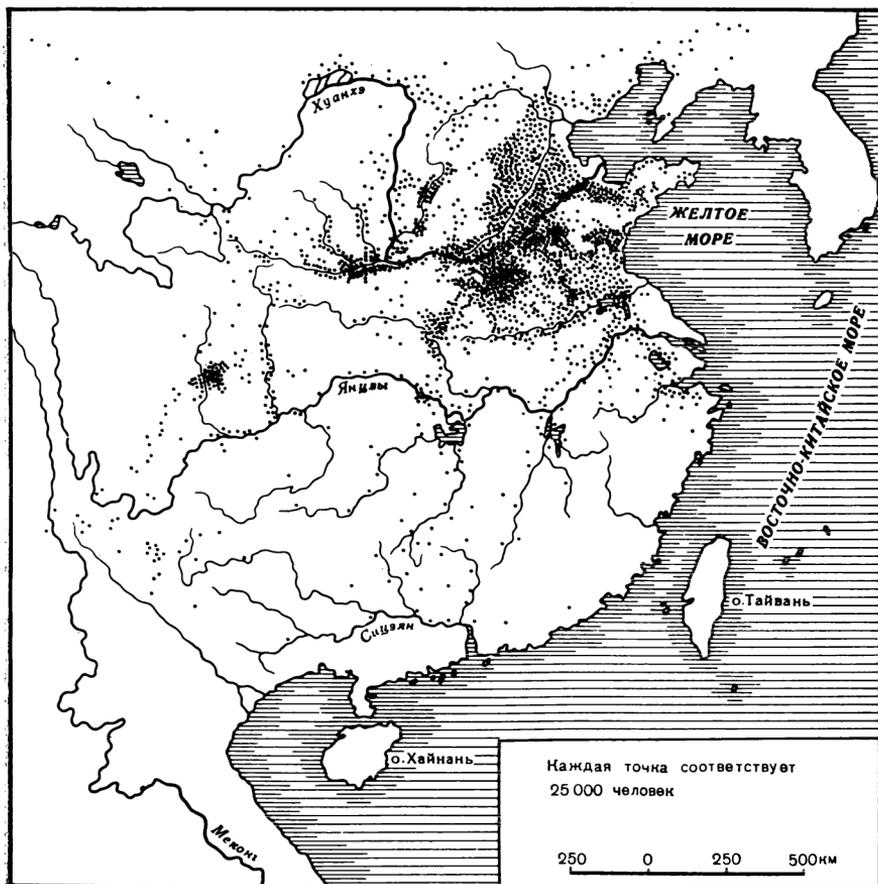
Цифровые данные о численности населения империи, почерпнутые из «Ханьшу» и «Хоуханьшу», были использованы рядом исследователей для картографирования плотности населения на данной территории. Вань Годин исходил при этом из суммарных цифр по округу в целом: население каждой админист-

Таблица 11
 ЧИСЛЕННОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ ИМПЕРИИ ХАНЬ ВО 2 Г.
 [ЦЗИН ХАНЬ, 1960, 37]

Область	Численность		
	уездов	дворов	ртов
Сыли	132	1519857	6682602
Юйчжоу	108	1459911	7551734
Цзичжоу	129	1133099	5177462
Яньчжоу	115	1656478	7877431
Цинчжоу	119	959815	4191341
Сюйчжоу	132	1042193	4633861
Цзинчжоу	115	668597	3597258
Янчжоу	93	710821	3206213
Ичжоу	128	1024159	4784214
Лянчжоу	115	331260	1282013
Бинчжоу	157	707394	3321572
Ючжоу	180	937438	3993410
Цзяочжоу	55	215448	1372290
Итого . . .	1578	12366470	57671401

Таблица 12
 ЧИСЛЕННОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ ИМПЕРИИ ХАНЬ В 140 Г.
 [ЦЗИН ХАНЬ, 1960, 37—38]

Область	Численность		
	уездов	дворов	ртов
Сыли	106	616355	3106161
Юйчжоу	99	1142783	6179139
Цзичжоу	100	908005	5931919
Яньчжоу	80	727302	4052111
Цинчжоу	65	635885	3709803
Сюйчжоу	62	476054	2791683
Цзинчжоу	117	1399394	6265952
Янчжоу	92	1021096	4338538
Ичжоу	109	1525257	7241028
Лянчжоу	92	102492	419267
Бинчжоу	98	115011	696765
Ючжоу	84	396263	2044572
Цзяочжоу	56	270769	1114444
Итого . . .	1160	9336666	47861382

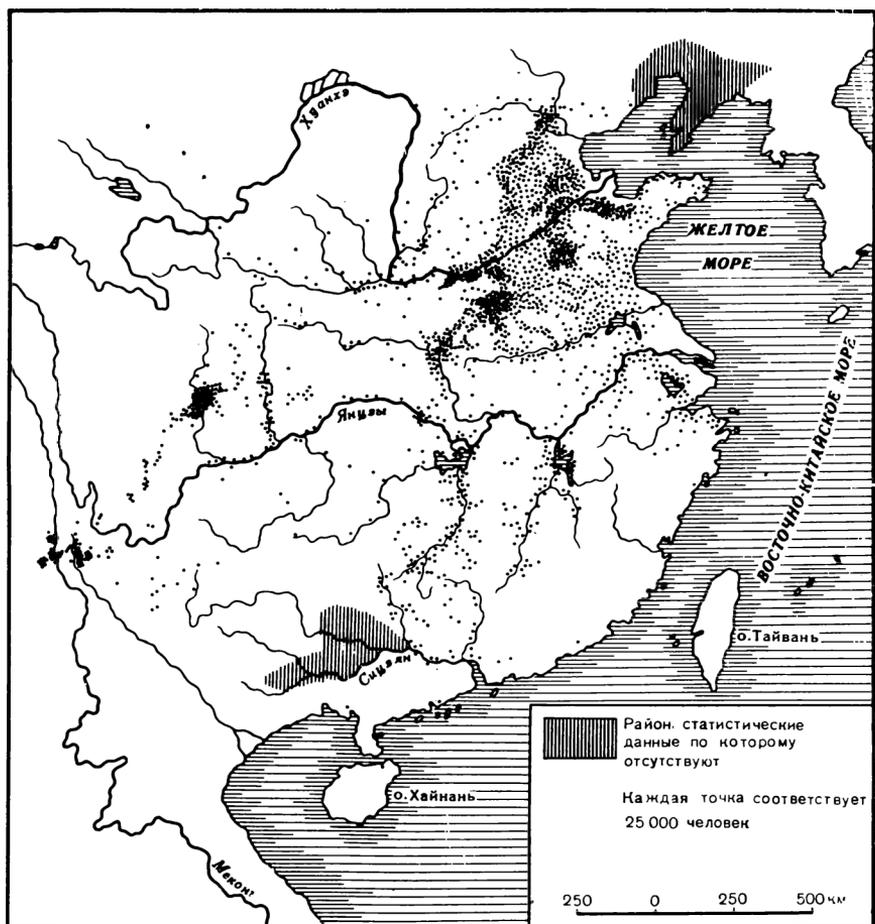


Карта 4. Население империи Хань во 2 г. н. э.

ративной единицы этого уровня размещалось им равномерно, без учета реального местонахождения населенных пунктов [Вань Годин, 1931]. В противоположность этому Г. Биленстайном была проделана работа по локализации уездных городов ханьского времени. Именно они составляют основу карты, дающей представление о размещении населения на территории империи [Bielenstein, 1947] (карты 4, 5).

Белые пятна на карте империи Хань

Особое внимание карты Биленстайна привлекают к себе тем, что на них есть белые пятна, т. е. территории, где в ханьское время отсутствовало древнекитайское население.



Карта 5. Население империи Хань в 140 г. н. э.

Одно из таких пятен тянется вдоль побережья Желтого моря, второе находится в среднем течении Янцзы, на ее северном берегу. Появление этих пятен на карте связано с тем, что здесь вообще не было и не могло быть населения. Береговая линия в дельте Хуанхэ около двух тысяч лет назад была иной, чем сейчас. Исследования последних лет позволили проследить процесс постепенного перемещения побережья Бохайского залива на восток за счет отложений ила, приносимого Хуанхэ [Бохайвань, 1965, 62—69]. В устье Янцзы картина оказывается более сложной: на отдельных участках берег с течением времени отодвигается на восток, тогда как в других местах, напротив, наступают море [Тань Цижан, 1973].

Наличие в среднем течении Янцзы территории, на которой в

ханьское время не было населения, хотя древние китайцы в этот период освоили многие более южные районы, объясняется особенностями природных условий этого региона. Часть современной провинции Хубэй, ныне одной из самых густонаселенных в Китае, в ханьское время была практически необитаемой потому, что от оз. Дунтинху вплоть до Уханя здесь простирались болота. Осушение болот, создавшее условия для освоения края, было осуществлено лишь много позднее — во второй половине I тысячелетия [Bielenstein, 1947, 139]. Однако подобное объяснение неприменимо для белых пятен в ряде других районов, прежде всего на территории современной Фуцзяни.

В источниках сохранились упоминания о том, что в 112 г. до н. э., после похода против племен миньюэ, на территории округа Куайцзи был создан уезд Е. Согласно традиционной точке зрения главный город этого уезда находился близ современного Фучжоу. Однако еще в 30-х годах Е Гоцин показал, что Е находился не в Фуцзяни, а в южной части Чжэцзяна [Е Гоцин, 1934]. С другой стороны, в письменных источниках не зафиксированы какие-либо исторические события, связанные с территорией уезда Е в ханьское время. В связи с этим Г. Биленштейн **высказывает предположение**, что после разгрома миньюэ в резиденцию их правителя был послан ханьский эмиссар, это и послужило формальным основанием для регистрации «уезда Е» в качестве самостоятельной административной единицы, хотя фактически ее не существовало [Bielenstein, 1947, 138].

В конце 50-х годов XX в. близ г. Чунъань в Фуцзяни было обнаружено поселение ханьского времени, в котором раскопаны предметы древнекитайского культурного комплекса (например, концевые диски черепицы) [Фуцзянь чунъань, 1960]. Не исключено, что это именно то поселение, где находилась «столица» миньюэ, которую ханьская администрация считала главным городом уезда Е. Если это так, то на территории Фуцзяни действительно не было древнекитайского населения. Соответствует ли это реальному положению вещей, или же здесь налицо ошибка, объясняющаяся неполнотой наших данных или ошибками в методике картографирования?

Для ответа на этот вопрос чрезвычайно важны сведения, почерпнутые из принципиально иного источника.

География ханьских погребений

Широкое развертывание археологических исследований за последние десятилетия сделало возможным картографирование ханьских погребений. Общее число раскопанных памятников этого рода достигает сейчас нескольких десятков тысяч. Хотя не все результаты раскопок опубликованы, массовость материала позволяет использовать его для решения ряда важных вопросов ханьской истории.

Данный источник имеет то преимущество, что он отражает расселение собственно древнекитайского населения. Об этом можно с уверенностью судить по погребальному обряду — весьма устойчивой черте культуры, характеризующей этническую общность. Различия в погребальном обряде позволяют надежно отделить погребения ханьского времени, принадлежавшие не китайскому населению империи, от захоронений древних китайцев. С другой стороны, исследование типологических особенностей инвентаря погребений служит основой их датировки.

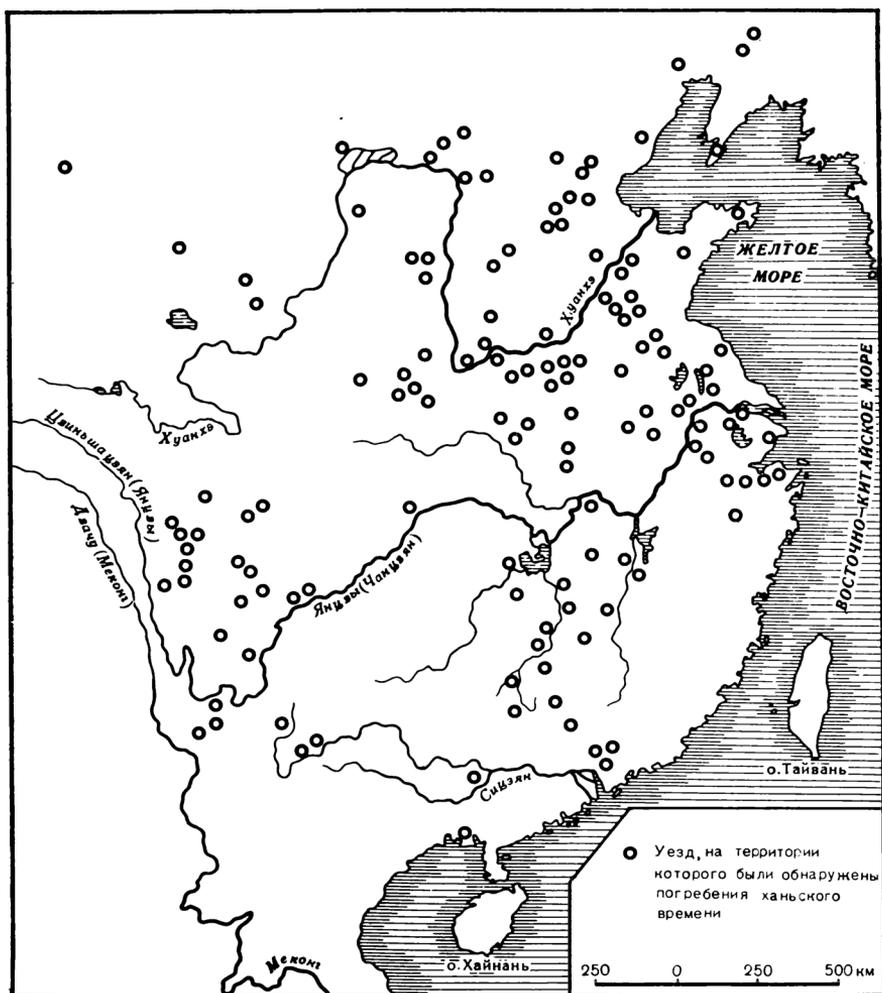
Начало систематическому изучению и картографированию могильников ханьского времени было положено Н. Н. Тереховой. В работе «Погребальные конструкции эпохи Хань в Китае» она предложила свою классификацию погребений, общую схему их эволюции и, наконец, карту распространения их на территории империи [Терехова, 1959, 28—47].

Автор приходит к выводу, что сопоставление ареала распространения погребений с политическими границами и городскими центрами того времени позволяет более конкретно представить себе степень этнического взаимодействия между древними китайцами и коренным населением вновь присоединенных районов. Во-первых, на территориях, завоеванных во II в. до н. э., ханьские погребения встречаются далеко не везде и в большинстве своем относятся к среднему и чаще позднему периоду Хань. Погребения эти к тому же группируются вокруг немногочисленных городских центров. Это свидетельствует о том, что культурное воздействие древних китайцев шло в основном через города, причем отставало от установления политического господства на 100—150 лет.

Во-вторых, ряд территорий, подчиненных империи, не имеет древнекитайских погребений ханьского времени. Это может говорить о том, что влияние древнекитайской культуры в указанных районах было еще слабым и местное население сохраняло свою собственную традиционную культуру [там же, 46—47].

«Отсутствие в этих районах китайских погребений, — подчеркивала Н. Н. Терехова, — не может быть объяснено их слабой исследованностью по сравнению с остальными районами. На рассматриваемой территории мы знаем погребения, относящиеся к эпохе Хань, но принадлежащие местным народностям» [там же 47].

Материал, опубликованный после того, как была написана эта работа, полностью подтверждает сделанные в ней выводы. Действительно, в ряде районов, входивших в состав империи Хань, мы можем проследить сохранение во II—I вв. до н. э. местного традиционного погребального обряда и последующее постепенное вытеснение его древнекитайским. Так, раскопками 50—60-х годов в Юньнани была открыта самобытная культура бронзы и раннего железа, создателями которой были племена дянй. Их погребальный ритуал существенно отличался от древ-



Карта 6. Находки погребений ханьского времени

некитайского (в частности, высших представителей племенной знати даньцы нередко хоронили в бронзовых саркофагах, по форме напоминающих большой свайный дом [Юньнань сяньюнь, 1964, 607—614]). Наряду с этим мы можем наблюдать здесь появление некоторых черт, свидетельствующих о постепенном распространении политического и культурного влияния древних китайцев: в инвентаре поздних дяньских погребений находят ханьские предметы, отсутствующие в захоронениях более раннего времени [Юньнань цзянчуань, 1975, 154—155].

Процесс трансформации традиционных погребальных обыча-

ев и замены их древнекитайскими отчетливо прослеживается и на территории Сычуани. Постепенная ассимиляция значительной части местного населения (бывшие «царства» Ба и Шу) приводит к тому, что свойственные этому региону захоронения в деревянных лодках с инвентарем, включающим специфические формы бронзового оружия, вытесняются обычными погребениями ханьского типа [Сычуань, 1960].

С этой точки зрения особняком стоит территория современной Фуцзяни, где открыто большое число ранних памятников, но до сих пор не обнаружено ни одного погребения древнекитайского типа, относящегося к эпохе Хань. В 1965 г. были опубликованы результаты раскопок погребения близ Миньхоу, где были найдены кирпичи, датированные 311 г. Авторы отчета охарактеризовали его как «самое раннее захоронение с кирпичной кладкой, до сих пор обнаруженное на территории Фуцзяни» [Фуцзянь миньхоу, 1965, 427]. Это может быть объяснено только тем, что древнекитайского населения здесь в ханьское время еще не было. Начало проникновения древних китайцев в Фуцзянь относится к IV в.

Таким образом, размещение ханьских погребений (карта 6) подтверждает выводы Г. Биленстайна о распределении основных групп древнекитайского населения в ханьское время.

Градостроительная деятельность

Определенные сведения об основных тенденциях в размещении древнекитайского населения на территории империи Хань могут быть почерпнуты и еще из одного источника — из сообщений древних письменных памятников о строительстве городов.

Впервые данные этого рода были изучены и систематизированы Ли Цзи. Он использовал для этого свидетельства о времени возведения существующих и уже оставленных городов, содержащиеся в разделе VI энциклопедии «Тушу цзичэн» [Li Chi, 1928, 56—107].

Сопоставление общего количества вновь выстроенных городов в различные исторические периоды показывает, что темпы градостроительной деятельности в эпоху Хань были выше, чем в предшествующее время (табл. 13).

Гораздо более существенными оказываются при этом различия между периодом Хань и предшествующим временем с точки зрения географического размещения вновь возводимых городов и абсолютного показателя строительной активности (количество городов, построенных на 10 тыс. квадратных ли в течение столетия) (табл. 14).

Резкое повышение строительной активности на территории современных провинций Аньхой, Хунань, Сычуань, Юньнань, Гуанси, Гуандун является объективным показателем постепен-

Таблица 13

ДАННЫЕ О КОЛИЧЕСТВЕ ГОРОДОВ, ПОСТРОЕННЫХ
В ДРЕВНЕМ КИТАЕ ПО III В. Н. Э. ВКЛЮЧИТЕЛЬНО
[LI CHI 1928, 59—60]

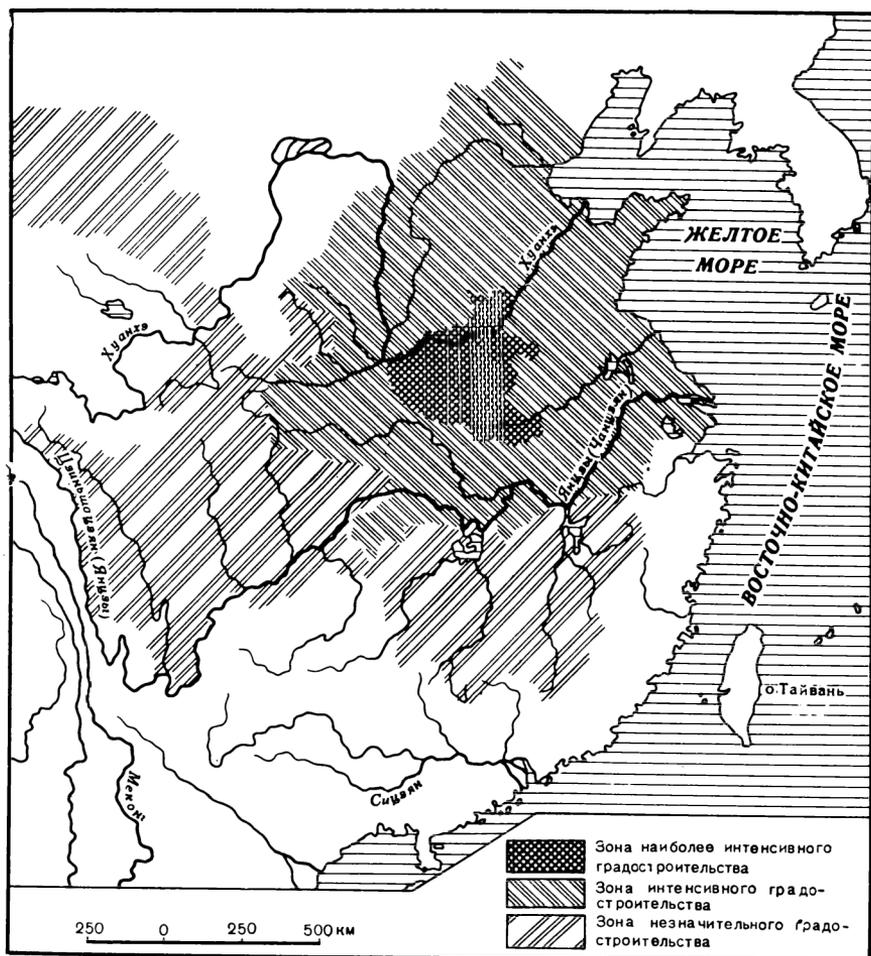
Период	Хронологические рамки	Построено всего	Построено за год
A	До 722 г. до н. э.	163	?
B	722—207 гг.	585	1,13
C	206 г. до н. э. — 264 г. н. э.	540	1,15

Таблица 14

ПОКАЗАТЕЛИ ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ
НА ТЕРРИТОРИИ ДРЕВНЕГО КИТАЯ В VIII В.
ДО Н. Э.— III В. Н. Э.

Провинция	Количество новых городов		Абсолютный показатель	
	Период			
	В	С	В	С
Ганьсу	14	39	0,216	0,661
Шэньси	77	41	1,982	1,158
Шаньси	66	14	1,570	0,370
Хэбэй	57	71	0,950	1,300
Хэнань	150	111	4,278	3,476
Шаньдун	39	28	1,352	1,065
Аньхой	21	47	0,742	1,820
Цзянсу	58	21	2,911	1,157
Чжэцзян	19	10	1,010	0,580
Цзянси	4	37	0,110	1,130
Хубэй	44	40	1,190	1,190
Хунань	15	30	0,352	0,765
Сычуань	9	29	0,079	0,280
Юньнань	1	7	0,013	1,101
Гуанси	4	5	0,100	1,210
Гуандун	5	8	0,097	0,170
Фуцзянь	2	2	0,84	0,92

ного перемещения в эти районы все большего числа древних китайцев. В то же время в основной зоне их первоначального расселения (провинции Шэньси, Хэнань и др.) городов в эпоху Хань строилось гораздо меньше, чем прежде. Положение, сложившееся на территории Фуцзяни до 206 г. до н. э., практически не изменилось: здесь было построено лишь два новых города. Фуцзянь в ханьское время оставалась белым пятном на кар-



Карта 7. Основные районы градостроительства в эпоху Хань

те градостроительства. Это же можно сказать и о современной провинции Гуйчжоу, где в то время древнекитайских городов не было вовсе (карта 7).

Динамика размещения древнекитайского населения

Таким образом, все рассмотренные нами свидетельства источников показывают, что огромная территория империи Хань была заселена крайне неравномерно. Подавляющее большинство древнекитайского населения жило в начале I в. (данные 2 г.) на Среднекитайской равнине, а также в бассейнах Вэйхэ

(Шэньси) и Миньцзяна (Сычуань). Наибольшая плотность населения наблюдалась в этот период в столичной области — близ г. Чанъань, а также в районе Лояна. Другие районы значительной концентрации населения в основном совпадают с местонахождением политических центров бывших царств периода Чжаньго (современные провинции Хэнань и Шаньдун). По мнению Г. Биленштейна, плотность населения в этих районах сопоставима с современной [Bielenstein, 1947, 135].

Несмотря на неполноту имеющихся у нас сведений о населении некоторых районов ханьской империи в 140 г., сопоставление данных 2 и 140 гг. позволяет сделать важные наблюдения (табл. 15).

Таблица 15

СООТНОШЕНИЕ ЧИСЛЕННОСТИ ОТДЕЛЬНЫХ РАЙОНОВ ИМПЕРИИ ХАНЬ В I—II ВВ.

Район	Численность населения	
	2 г.	140 г.
Юг Шэньси, северо-запад Хэнаня	6682602	3196161
Хэнань, Хэбэй, Шаньдун, Аньхой	34123641	26303902
Хунань, север Хубэя	3597258	6265952
Юг Цзянсу, Чжэцзян, Цзянси	3027598	3577756
Сычуань, запад Гуйчжоу, Юньнань	4548654	6523560
Ганьсу, север Шэньси	1517473	371543
Запад Шэньси	3301572	666654
Восток Шаньси, север Хэбэя, Ляодун	2241869	1130248
Гуандун, восток Гуанси (без округов Цзяочжи и Юйлинь)	554311	1114444

Общая численность населения империи уменьшилась к 140 г. примерно на 8—9 млн. человек (учитывая отсутствие данных по округам Цзюцюань, Цзяочжи и Юйлинь). При этом в северо-западных районах население сократилось почти на 6,5 млн. человек, в северо-восточных — примерно на 11 млн. В то же время общая численность населения южных районов возросла приблизительно на 9 млн. человек. Представляется в высшей степени вероятным, что увеличение плотности древнекитайского населения на юге связано с уменьшением ее на севере, т. е. с миграциями населения на юг [Bielenstein, 1947, 139].

Рост численности древнекитайского населения на юге был весьма значительным. На территории современной провинции Хунань и на севере Хубэя оно почти удвоилось, в юго-западных районах возросло примерно в 1,5 раза, а в Гуандуне увеличилось более чем в 2 раза.

Обращает на себя внимание значительное перемещение населения в северную часть Юньнани, где к середине II в. скон-

центрировалось до 2 млн. ханьцев. Однако к востоку от этого района (современная провинция Гуйчжоу) древнекитайского населения по-прежнему не было.

Возросла численность древнекитайского населения в бассейне р. Ганьцзян (современная провинция Цзянси). По притокам этой реки переселенцы продвигаются на юго-восток. Однако территории Фуцзяни они еще не достигли. Она, как и прежде, остается белым пятном на карте ханьской империи.

Интересно, что карта плотности населения империи Хань позволяет проследить также основные пути миграций древних китайцев на юг.

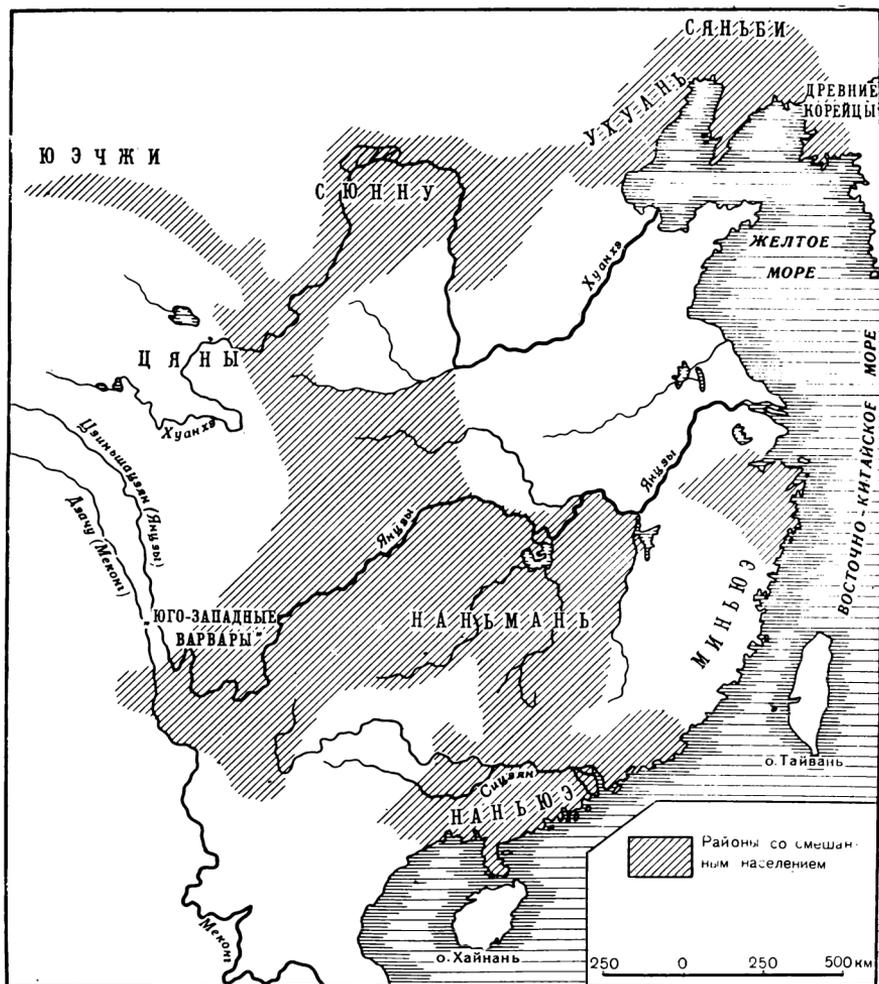
Из северо-западных районов переселенцы двигались в основном в Сычуань. Для этого им необходимо было преодолеть горный хребет Циньлин, ограничивающий с юга долину Вэйхэ. Несколько естественных горных проходов, издревле связывавших «страну лёсса» с бассейном Янцзы, в ханьское время были расширены и приспособлены для транспортных целей. Среди них выделялся проход Баоседао, в районе которого до сих пор сохранилось большое количество ханьских надписей на камне. В одной из них сообщается, что, в частности, в 63 г. на строительных работах по расширению Баоседао использовались каменщики из округов Гуанхань, Шу и Ба. В общей сложности здесь было проложено 258 ли (около 130 км) горных дорог, построено пять мостов [Цюй Фэй, 1963, 33]. Оказавшись в долине Ханьчжун, переселенцы могли двигаться далее по любому из трех направлений: вдоль р. Ханьшуй на восток, по течению р. Цзялинцзян на юго-запад или в сторону плодородной долины р. Миньцзян.

Другой основной путь с севера на юг вел из современной провинции Хэнань в Хубэй, огибая Циньлин и его отроги с востока. Достигнув Ханьшуй, переселенцы двигались не по его течению, а, перейдя реку, направлялись прямо на юг, к Янцзы.

Наконец, проникновение на территорию современного Гуандуна осуществлялось из Хунани по речным долинам в южном направлении. В середине II в. резко увеличилась плотность древнекитайского населения вдоль дорог, связывавших Хунань с Гуандуном. Однако в прибрежных районах Гуандуна увеличение численности ханьского населения не зарегистрировано. Пути проникновения на территорию современного Вьетнама лежали не по побережью, а по долинам притоков Сицзяна [Bielenstein, 1947, 136—137].

Особенности этнических процессов на юге и севере

Расширение границ империй Цинь и Хань привело к изменению этнической территории древних китайцев. В ханьское время в стране возникает ряд районов, где древние китайцы жили чересполосно с некитайским населением (карта 8). Однако



Карта 8. Районы империи Хань со смешанным населением

характер связанных с этим этнических процессов был существенно различен на юге и севере империи.

Увеличение древнекитайского населения в южных районах страны неизбежно сопровождалось усилением его культурного влияния на местных жителей, сохранивших свою прежнюю этническую и племенную принадлежность. Наблюдения над средними размерами семей в южных округах империи [Bielenstein, 1947, 144] наводят на мысль о том, что переселенцы нередко прибывали на новые места без жен и детей. Это должно было приводить к тому, что обосновавшиеся на юге северяне в массе своей женились на местных женщинах. Смешанные браки были

существенным фактором культурной и этнической ассимиляции коренного населения. Этот процесс тем не менее не был односторонним. Выходцы из северных округов империи неизбежно должны были воспринять некоторые черты традиционной культуры местного населения. Не случайно, например, в жилище древнекитайского населения на юге Гуандуна мы можем проследить черты, совершенно не свойственные первоначальному древнекитайскому типу (в частности, свайные конструкции).

По-видимому, с другой стороны, было бы ошибкой преувеличивать степень интенсивности ассимиляционных процессов, протекавших на юге страны в эпоху Хань. Даже на территории нынешней Хунани, подвергшейся китаизации раньше других районов юга империи, помимо древнекитайского в I—II вв. обитало значительное местное население, оттесненное колонистами в горные области. Достаточно сослаться на многочисленные упоминания о выступлениях против ханьской администрации со стороны племен маней в округах Нань, Улин, Чанша, Линлин и др., относящихся к 48—160 гг. По-видимому, верен вывод, сделанный на основе анализа размещения ханьских погребений: древнекитайское население в южной половине империи не было сплошным, оно концентрировалось преимущественно вокруг городов, которые, в свою очередь, располагались вдоль трактов в долинах рек. В горах по-прежнему селились первоначальные насельники этих мест, пользовавшиеся каждым удобным случаем для сопротивления ханьской администрации.

Если в южной части империи в период Восточной Хань наблюдался процесс увеличения древнекитайского населения за счет переселения с севера, то совершенно иная картина предстает перед нашим взором в северной части страны.

По-видимому, перенос столицы из Чанъяни в Лоян уже сам по себе в значительной мере предопределил упадок ранее густонаселенных земель в бассейне р. Вэйхэ. К северу от этого района произошли изменения в составе населения, связанные с войной против сюнну. Начиная с 48 г. н. э. большие группы сюнну, до этого сохранявшие самостоятельность, подчинились Хань. Они составили основу тех южных сюнну, которые были затем расселены в приграничных округах с целью защиты их от нападений извне. Сюнну составляли теперь здесь большинство населения. Недаром тогда поговаривали о том, что сбылось предсказание: «Через девять поколений Хань отдаст северным варварам тысячу ли земли» [Ван Сяньцзянь, 4,3281].

Разгром северных сюнну не принес желанного спокойствия границам империи. Земли сюнну оказались захваченными племенами сяньби, которые стали совершать опустошительные набеги на округа Шангу, Яньмэнь, Шофан и даже Бэйди. К середине II в. территория округов Юбэйпин, Ляодун, Шангу вошла в состав владений сяньбийского правителя Тань Шикуюя.

Во II в. на северо-западных границах Хань появляется но-

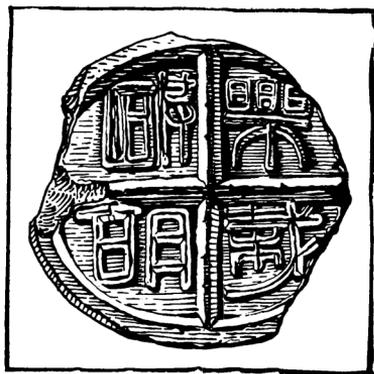
вый враг — племена цянов, селившихся первоначально между Хуанхэ и Кукунором, но затем продвинувшихся на восток. Цяны предпринимают нападения на ряд округов, вплоть до современной Сычуани (107 г.).

Эта крайне неблагоприятная ситуация, сложившаяся на территории северо-западных и северных округов империи, была важнейшей причиной оттока древнекитайского населения из этих районов.

Увеличение численности сюнну и цянов, проживавших чересполосно с древними китайцами, имело своим следствием процесс, прямо противоположный тому, который происходил в то время на юге. В северо-западных районах империи силой, активно воздействующей на местное население, были кочевники, постепенно ассимилировавшие своих соседей. «Варваризация» древних китайцев, оставшихся в местах своего первоначального обитания и подвергшихся культурному воздействию кочевников, объясняет резкое увеличение численности последних через несколько десятилетий после описанных событий. По свидетельству Цзян Туна, в конце III в. даже в долине Вэйхэ из общего числа населения, составлявшего примерно 1 млн. человек, более половины были цянами и сюнну [Чэнь Чжунфань, 1957, 197].

Так еще в период правления Хань была подготовлена почва для захвата севера страны кочевниками. В 308 г. они открыто выступили против древнекитайской империи и создали свои государства на землях, где несколько веков назад происходило формирование этнической общности хуася. В течение почти 300 лет после этого Среднекитайская равнина находилась в руках северных кочевников.

ДРЕВНИЕ КИТАЙЦЫ И ИХ СОСЕДИ: ЭТНОРАСОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА



ЭТНИЧЕСКОЕ ОКРУЖЕНИЕ

Древнекитайская этническая общность сложилась в первой половине I тысячелетия до н. э. в процессе контактов с различными народами Восточной Азии. К III в. до н. э. некоторые из них уже исчезли с исторической арены, потомки других покинули свою первоначальную этническую территорию. В период значительного расширения политических границ империй Цинь и Хань древним китайцам пришлось столкнуться как с теми группами, которые контактировали с хуаи несколькими столетиями раньше, так и с этносами, о которых они до того времени не имели сколько-нибудь конкретного представления.

Юэчжи и усунь

В 138 г. до н. э. произошло событие, имевшее немаловажное значение для всей последующей этнической истории древних китайцев. Молодой чиновник Чжан Цянь, отправленный с посольством в Западный край, обнаружил там неведомые дотоле государства с высокой культурой земледелия, многочисленными городами, богатыми природными запасами. Путешествие Чжан Цяня открыло для древних китайцев страны, о которых они практически ничего не знали. Но непосредственной целью Чжан Цяня была попытка найти племена юэчжи, некогда обитавшие на территории современной провинции Ганьсу, а затем оставившие эти места и переселившиеся на запад.

Кто же такие были эти юэчжи (7), какова их этническая принадлежность, на каком языке они говорили? Решению этих вопросов посвящена целая литература, хотя ряд проблем еще не нашел своего окончательного ответа [Бернштам, 1947; Рерих, 1963; Зотов, 1977, и др.].

Как явствует из древнекитайских источников, некогда юэчжи господствовали в степном районе от Дуньхуана на западе до

Ганьчжоу на востоке. Некоторое время им подчинялись сюнну, пока наконец в 176—174 гг. до н. э. они не были разбиты своими прежними вассалами. После этого основная масса юэчжи (большие юэчжи — да юэчжи) откочевала на запад и через несколько десятилетий совершала уже нападения на владения Бактрии и Парфии. Кушаны, создавшие в I в. до н. э. мощное государственное образование, были одним из подразделений больших юэчжи, поэтому в «Хоуханьшу» сообщается: «Во всех странах называли его (правителя кушанов.— М. К.) гуйшуанским ваном, но в империи Хань основывались на прежнем наименовании и называли царем больших юэчжи» [Ван Сяньцзянь, 1959, 4, 3249]. Та часть юэчжи, которая оказалась во II в. до н. э. не в состоянии уйти далеко на запад и переместилась в район Наньшаня, получила в источниках название малых юэчжи — сяо юэчжи. Когда во второй половине IV в. н. э. уроженец Кучи буддийский монах Кумараджива переводил на китайский язык сутры, он использовал термин «малые юэчжи» для передачи встречающегося в оригинале этнонима *tukhara* (тохары) [Рерих, 1963, 120].

Что же касается происхождения самого древнекитайского термина «юэчжи», то среди многочисленных гипотез, выдвигавшихся в XIX в., наиболее вероятным является отождествление древнекитайского «да юэчжи» с греческим «массагеты» [Толстов, 1948, 242, 243].

Когда в середине II в. до н. э. юэчжи, двигаясь на запад, достигли Восточного Тянь-Шаня, они столкнулись там с племенами, известными в древнекитайских источниках как усунь. Занимая первоначально обширную территорию от Лобнора на юге до Алтая на севере, кочевые племена усуней нанесли поражение юэчжи и заставили их двигаться дальше на запад.

Проблема этнической принадлежности усуней (8) также издавна привлекала к себе внимание ученых. По-видимому, можно согласиться с точкой зрения, указывающей на соответствие древнекитайского термина «усунь» с *asiani* (*as*), упоминаемыми в греческих источниках, — сарматскими племенами, которые, как утверждал Помпей Трог, были «владыками тохар» [Рерих, 1963, 120].

Сюнну

Не будет преувеличением сказать, что в течение нескольких веков на грани нашей эры этнополитическая история северной части Восточной Азии в значительной мере определялась противостоянием двух великих древних культур — земледельческой, ханьской и кочевнической, сюннуской. Хотя сюнну не были первыми кочевниками севера Восточной Азии (первые сведения о них появляются в древнекитайских письменных памятниках лишь в V—IV вв. до н. э.), им впервые удалось создать здесь

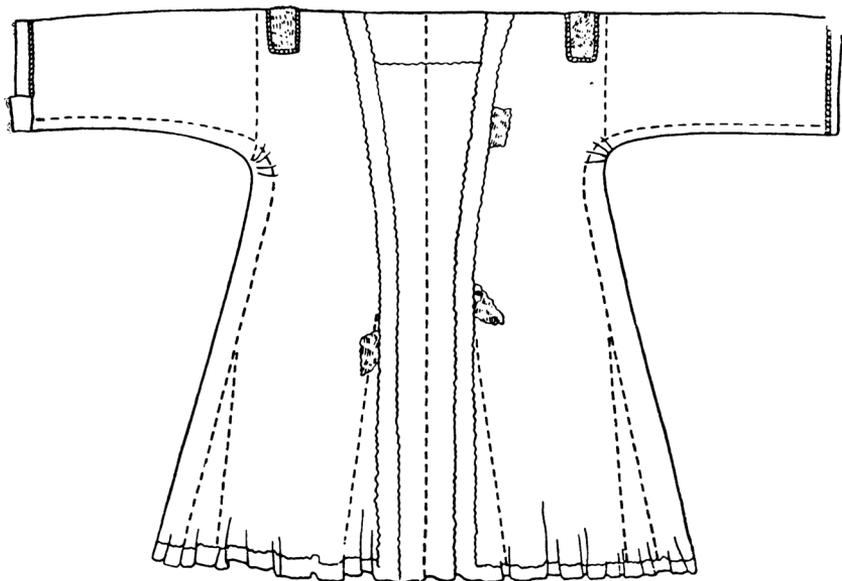


Рис. 6. Халат из Ноин-Улы

мощный союз племен, время существования которого составило целую эпоху в истории этого региона и Евразии в целом.

Вопрос об этногенезе сюнну (9) до сих пор, по-видимому, не может считаться решенным. Вниманию исследователей давно уже привлекали в этой связи несколько сюннских слов, дошедших до нас в древнекитайских источниках. Сиратори Куракити, посвятивший сюнну несколько блестящих исследований, первым установил, что слова эти принадлежат языку тюркской группы [Сиратори К., 1970, 4, 1—8]. По мнению М. Рамстедта, язык сюнну отражает то состояние алтайских языков, когда тюркские еще не отделились от монгольских [Ramstedt, 1937, 81—91]. Более осторожен в решении этого вопроса Л. Лигети, воздерживающийся от категорического ответа на него [Ligeti, 1950, 141—149]. Один из советских специалистов по истории сюнну, Л. Н. Гумилев, присоединился к теории тюркоязычности сюнну [Гумилев, 1960, 48—49].

Сюнну были типичными кочевниками. «По существующим среди них обычаям, в мирное время они следуют за скотом и одновременно охотятся на птиц и зверей, поддерживая таким образом свое существование, а в тревожные годы каждый обучается военному делу для совершения нападений»,— писал о них Сыма Цянь [Материалы, 1968, 34; ср. Такигава, 1955, 9, 4499]. Особенности кочевого хозяйства определяли весь уклад жизни сюнну и основные черты их материальной культуры.

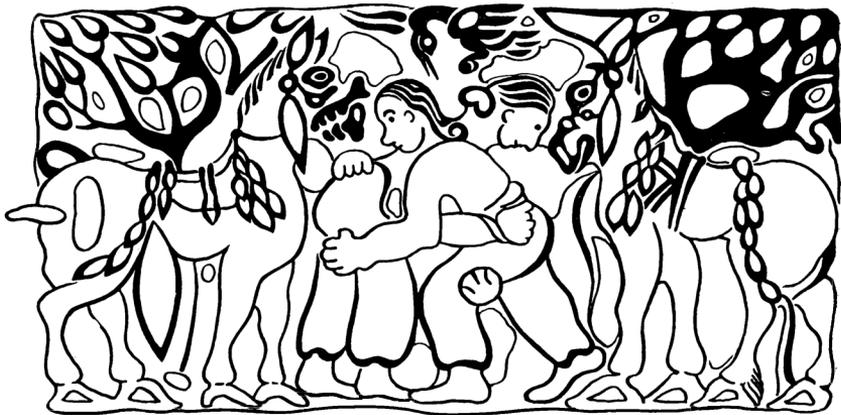


Рис. 7. Сюннская бляха из Сиани

Как было показано С. И. Вайнштейном, сюнну, вопреки мнению ряда историков, не знали юрты; жилищем им служил неразборный куполообразный шалаш с остовом, сплетенным из ивовых прутьев. Купол такого шалаша покрывался войлоком. Этот специфический тип жилища, именовавшийся цюнлю (или цюнлюй), представлялся древним китайцам одной из наиболее характерных черт материальной культуры сюнну. «Сплетенная ива служит домом, войлочная циновка — крышей» — так характеризует его автор трактата «Яньтелунь» [Го Можо, 1957, 92]. Судить о внешнем виде такого жилища можно по знаменитой Боярской писанице из Минусинской котловины [Вайнштейн, 1976, 45—46].

Раскопки сюннских погребений в Ноин-Уле (Северная Монголия) дали материал, характеризующий одежду сюнну. Хотя сшита она в данном случае из привозной ткани, покроем ее традиционен. Распашной двубортный кафтан ноинулинского типа (рис. 6) был обнаружен недавно в погребении I в. н. э. в уезде Миньфэн (Синьцзян) [Мэн Чи, 1975, табл. 7, № 1]. Широкие штаны с мотней, аналогичные найденным в Ноин-Уле, изображены на сюннской бронзовой бляхе из Сиани (рис. 7). Типичен и головной убор: островерхий колпак, сшитый из двух половинок [Руденко, 1962, 38—48]. Такие же колпаки мы видим на сюнну в сцене сражения, представленной на барельефе из Инани [Цзэн Чжаоцзюй, Цзян Баогэн, Ли Чжунъи, 1956, табл. 24, слева].

Основу рациона сюнну составляло мясо. «Начиная от правителя, все питаются мясом домашнего скота», — писал о них Сыма Цянь. Варили мясо в больших бронзовых котлах, представлявших собой типичный предмет кочевого быта. Древних китайцев, привыкших есть мясо жареным, неприятно поражал запах вареной баранины: попавший в плен к сюнну Ли Лин жало-

вался в письме к Су У на то, что утолять голод и жажду ему приходилось «вонючим мясом и кислым молоком» [Гувэнь, 1937, 2, 156].

Главным предметом вооружения сюнну были луки и стрелы. Деревянный лук укреплялся костяными или роговыми накладками — концевыми с вырезом для тетивы и срединными. Концевые накладки на лук постоянно встречаются в погребениях сюнну [Чжу Цзе, 1965, 416—419]. Древки стрел были деревянные, с оперением. Наконечники стрел делались у сюнну из кости или железа, причем боевые наконечники были свистящими. Изобретение последних приписывается сюннускому вождю Маодуню.

В ярком и самобытном искусстве сюнну, с одной стороны, прослеживаются традиции скифского «звериного стиля», с другой — черты, связывающие его с более поздним тюркоязычным кочевническим миром. М. П. Грязнову удалось показать связь сюннуских изображений на бронзовых декоративных бляхах с древними мотивами эпоса тюркских народов [Грязнов, 1961]. Большой интерес в этом отношении представляет, в частности, упоминавшаяся выше пластинка из Сиани. На ней изображена сцена единоборства двух богатырей: обнаженные по пояс, они сошлись в решительной схватке, а рядом с каждым из них — конь. Прямую параллель этому сюжету С. И. Вайнштейн нашел в эпосе тувинцев. Бесстрашный Хан-Хулюг вызывает на единоборство своего могучего врага Алдай-Мергена, заявляя: «Заступится за меня лишь мой конь Хан-Шилги». Его противник принимает вызов: «И за меня никто не заступится, кроме Ак-Сарыг-коня. Отбросим в сторону оружие, которое сделали мастера. Померимся силой, которую нам дали мать и отец» [Вайнштейн, 1974, 36].

В III в. до н. э. в Южной Монголии складывается союз племен сюнну, выросший затем в мощную кочевую державу. Взаимоотношения с сюнну становятся в этот период главной внешнеполитической проблемой древнекитайской империи. Лишь в I в. н. э. после сложных перипетий внутренней борьбы сюнну оказываются разделенными на две части, одна из которых подчиняется Хань, другая покидает места своего первоначального обитания и, по словам летописца, исчезает «неизвестно куда». Спустя несколько столетий в европейских исторических источниках впервые появляются упоминания о гуннах, которых следует считать потомками одной из ветвей северных сюнну, прошедшей через евразийские степи и впитавшей в себя новые этнические компоненты [Гумилев, 1960, 241—248].

Ухуани и сяньби

Важным эпизодом возвышения сюнну в III в. до н. э. было поражение, нанесенное ими племенам дунху. Позднее дунху появляются в древнекитайских исторических источниках разделен-

ными на две группы, первая из которых именуется ухуань (10), вторая — сяньби (11). Вместе с тем автор «Хоуханьшу» подчеркивал, что не только по происхождению, но и по языку и по обычаям сяньби не отличались от ухуаней [Ван Сяньцзянь, 1959, 4, 3328].

Подобно сюнну, ухуани и сяньби были кочевниками, «переходившими со скотом в поисках травы и воды и не имевшими постоянного местожительства» [там же, 3321]. Кочевое скотоводство и охота обеспечивали их продуктами питания — мясом и молоком; из шерсти валяли войлок, шедший на одежду и покрытие для шалашей-цюнлу. Жилище ухуани и сяньби ставили вхо-дом к востоку.

Примечательной чертой внешнего облика ухуаней и сяньби была их прическа. В отличие от сюнну, носивших косы, они «брили головы» [там же, 3322, 3328]. Аналогичный обычай существовал и у некоторых других народов Восточной Азии, например у древнего населения Чэчжудо [Лидай гэцзу, 1958, 770]. Позднее такая же прическа была у киданей [Ань Чжиминь, 1964, 43]. Последнее обстоятельство, по мнению Ань Чжиминя, позволяет наглядно представить себе, как сяньби и ухуани брили голову: в киданьских погребениях из Ляодуна, на фресках, мы видим мужчин с выбритой макушкой, а не обритых полностью, как предполагал раньше Сиратори Куракити, автор специального исследования о прическе у древних народов Восточной Азии [Сиратори К., 1970, 5, 237]. Однако изучение фресок из погребения в Хорингере I—II вв., на которых до нас дошли первые достоверные изображения ухуаней, свидетельствует об ошибочности обеих точек зрения. У ухуаней, представленных на этих настенных рисунках, прическа как бы противоположна киданьской: головы у них выбриты таким образом, что лишь на макушке оставлена прядь волос наподобие запорожского оселедца. У некоторых эта прядь заплетена в косу длиной сантиметров двадцать [У Жунцзэн, 1974, 26].

Это открытие доказало несостоятельность довода Ань Чжиминя о том, что погребения близ Чжалайнора, считавшиеся принадлежащими сяньби, в действительности не могут быть таковыми, поскольку в одном из них найдена коса [Нэймэнгу, 1961, 673—680]. В этих погребениях обнаружены костяные накладки на лук, похожие на сюннуские. Однако сохранившийся там же лук отличается от ноинулинского. У сюнну луки были 140—150 см длиной [Руденко, 1962, 25], тогда как чжалайнорский экземпляр имеет лишь 70 см в длину. По свидетельству «Хоуханьшу», изготовление луков и стрел, а также седел и уздечек было помимо пастьбы скота основным занятием мужчин как у ухуаней, так и у сяньби [Ван Сяньцзянь, 1959, 4, 3322]. Насколько можно судить по чжалайнорским находкам, сяньбийские палии делались из кости; для изготовления посуды, колчанов и т. д. широко использовалась береста. Из окрашенной в красный цвет

бересты ухуани делали мужские и женские головные уборы [У Жунцзэн, 1974, 26].

Древних китайцев поражали обычаи ухуаней и сяньби, связанные с их брачными отношениями и семейным бытом. Как и у сюнну, у этих племен существовал обычай левирата [Ван Сяньцзянь, 1959, 4, 3321]. Между тем с конфуцианской точки зрения интимное общение с женой отца или брата рассматривалось как «поведение птиц и зверей»; согласно ханьскому законодательству оно каралось как одно из самых тяжких преступлений [Чэн Шудэ, 1955, 96; подробнее об отношении древних китайцев к обычаю левирата см. Вельгус, 1971]. Столь же противостественным казалось ханьским конфуцианцам и то, что сяньби и ухуани (как, впрочем, и сюнну) «ценили молодость и презирали старость» [Ван Сяньцзянь, 1959, 4, 3321]. Картина их социальных отношений, рисуемая Фань Е, включает такие моменты, как отсутствие наследственных вождей («предводителем становится храбрый и физически сильный, способный по справедливости решать споры»), отсутствие фамилий («имя предводителя служит фамилией»), равное участие в труде всех соплеменников, включая и предводителя, отсутствие казенных повинностей [там же].

В «Хоуханьшу» сообщается, что покойников ухуани и сяньби хоронили в гробах, сжигая при этом личные вещи усопшего и коня, на котором он ездил верхом. По их поверьям, души умерших отправляются на гору Чишань, расположенную «в нескольких тысячах ли северо-западнее Ляодуна» [там же, 3322]. Ухуани и сяньби приносили жертвы небу, земле, солнцу, луне, созвездиям, горам, рекам и душам прежних вождей. Для жертвоприношений использовали быков, баранов и собак. Лошадью, быком или бараном можно было откупиться от наказания за совершенное преступление [там же, 3323].

Согласно точке зрения, распространенной сейчас среди большинства исследователей, ухуани и сяньби были протомонгольскими племенами [Викторова, 1965, 707—708].

Динлины

Во II в. н. э., когда на бывших сюннуских землях возникла кочевая сяньбийская империя Тань Шикуюа, «на юге она доходила до границ Хань, на севере — до динлинов, на востоке — до фуюй, на западе — до усуней». Таким образом, динлины были северным соседом сначала сюнну, а затем сяньбийцев. Оказавшись в III в. до н. э. под властью сюнну, динлины впоследствии неоднократно предпринимали попытки освободиться от их господства. По некоторым данным, динлины могли выставить 60 тыс. воинов [Чжоу Лянькуань, 1957, 53]. Хотя основной район их расселения простирался от Байкала до Иртыша, уже в I в. н. э. динлины вступили в непосредственные контакты с

древними китайцами. Так, в период правления Ван Мана отряды динлинов входили в состав древнекитайской армии, расквартированной в округе Дай, на севере современной Шаньси [Лидай гэцзу, 1958, 722].

Проблема динлинов (12) стала весьма популярной в русской и советской археологической и этнографической литературе после работ Г. Е. Грумм-Гржимайло. Этот исследователь, полагавший, что динлины были европеоидами, связывал с ними археологические памятники Минусинской котловины. Постепенно сформировалась традиция отождествлять с динлинами племена, создавшие тагарскую культуру [Теплоухов, 1929, 46; Дебеч, 1931]. Как недавно было показано Н. Л. Членовой, несмотря на широкую распространенность этой точки зрения, она не может быть принята хотя бы потому, что сведения о динлинах появляются в древнекитайских письменных источниках не ранее III в. до н. э., т. е. могут быть отнесены не к тагарской, а к таштыкской культуре. Кроме того, характеристика динлинов-кочевников не соответствует тому, что нам известно о хозяйстве и образе жизни создателей тагарской культуры [Членова, 1967, 221]. Но если нет оснований сопоставлять данные письменных источников о динлинах с тагарскими археологическими памятниками, то связь их с таштыкцами представляется весьма вероятной.

В III—VI вв. динлины, часть которых переселилась в южном направлении, принимали активное участие в политических событиях, развернувшихся на Среднекитайской равнине. Северная ветвь их позднее явилась одним из компонентов формирования этнической общности древних киргизов (хягасов).

Здесь уместно упомянуть и о легенде, косвенно связанной с историей динлинов в период Хань. Как сообщается в династической хронике «Таншу», рыжеволосые и голубоглазые хягасы считали тех своих собратьев, которые отличались карими глазами, потомками древнекитайского полководца Ли Лина, попавшего в I в. до н. э. в плен к сюнну и якобы ставшего затем их наместником в земле динлинов [Бичурин, 1950, т. 3, 251]. С мнимым пребыванием Ли Лина среди динлинов долгое время связывалась находка дворцового здания близ Абакана [Киселев, 1949, 268—272]. Между тем изучение первоисточников показывает, что Ли Лин никогда не жил среди динлинов, и содержащаяся в «Таншу» версия не находит подтверждения в памятниках ханьского времени. Не может иметь отношения к Ли Лину и абаканский дворец, построенный, что подтверждает палеографический анализ надписей на черепице, спустя почти столетие после смерти снискавшего себе печальную славу полководца [Вайнштейн, Крюков, 1976].

Динлины (если они действительно связаны с создателями таштыкской культуры) характеризовались смешанным расовым типом, но связывать это обстоятельство с Ли Лином, разумеется, нет никаких оснований.

Первые контакты населения Среднекитайской равнины с племенами, обитавшими в южной части Маньчжурии и на Корейском полуострове, относятся к VII в. до н. э., когда на территорию царств Янь и Ци вторгались горные жуны [Крюков, Софронов, Чебоксаров, 1978, 186]. Позднее, во второй половине I тысячелетия до н. э., эти племена были объединены в раннегосударственном образовании, известном под названием Чосон (кит. Чаосянь). В начале III в. до н. э. власть в Чосоне была захвачена выходцем из наследственного владения Янь Ван Манем, который «собрал более тысячи человек и бежал на восток, причесавшись и одевшись на варварский манер» [Такигава, 1955, 9, 4681]. В результате похода, предпринятого У-ди в 108 г. до н. э., политическая самостоятельность Чосона была ликвидирована, а на его территории созданы ханьские округа Лолан, Линьтунь, Сюаньту и Фаньчжэнь. Если до этого существование Чосона препятствовало проникновению древних китайцев дальше на восток, то теперь они пришли в непосредственное соприкосновение с населением Корейского полуострова.

По свидетельству Бань Гу, коренные жители округов Сюаньту и Лолан были «варварами чосон, вэймо и гоули» [Бань Гу, 1964, 6, 1658]. Гоули — одно из названий древнекорейской этнической общности когурё (13), создавшей позднее свое государство в северной части Кореи [Джарылгасинова, 1972].

Согласно преданиям когурёсцев, их первопредком был Чумон, рожденный дочерью речного божества. «В глубокой древности основатель Чхумо-ван заложил основы [государственности]. Он был родом из Северного Пуё. Сын Небесного владыки. Мать — дочь речного божества. Разбили яйцо — и оттуда он вышел. Родившийся ребенок обладал совершенной мудростью» [Джарылгасинова, 1972, 86] — так рассказывается о Чумоне в эпитафическом памятнике когурёсцев — надписи на стеле Квангэтхо-вана. Отмеченная в мифе о Чумоне связь когурёсцев с более северными племенами пуё (кит. фуюй) находит подтверждение в описаниях их культуры и быта. Автор «Саньгочжи» подчеркивает, что, «по древним преданиям восточных варваров, они (т. е. когурёсцы) были ответвлением корня фуюй; их язык, да и многое другое одинаково» [Лидай гэцзу, 1958, 1, 758]. Как отмечает исследователь этнической истории когурёсцев Р. Ш. Джарылгасинова, это обстоятельство может рассматриваться как свидетельство участия северных — возможно, тунгусо-маньчжурских — компонентов в этногенезе когурё.

Основой хозяйства когурёских племен было земледелие. Выбор места для новой «столицы» определялся у них прежде всего наличием в данном районе плодородных земель. Возделывали различные злаки, главным из которых было, по-видимому, просо, а также рис. В одном из погребений сохранилось изображе-

ние свайного зернохранилища (по мнению исследователей, оно указывает на южные элементы в культуре когурё).

Наряду с этим значительное место в хозяйстве когурёсцев занимало разведение лошадей. Вероятно, не случайно в древнекитайской иероглифической транскрипции их этнонима присутствует смысловой детерминатив «лошадь» [Вань Сяньцзянь, 1959, 4, 3102]. Фрески со сценами конной охоты — один из весьма распространенных сюжетов в живописи когурёских гробниц. «Лошади у них малорослы, — пишет автор „Саньгочжи“, — но хорошо взбираются на горы» [Лидай гэцзу, 1958, 1, 759].

Характерной особенностью культуры когурё были традиции их градостроительства. Города их представляли собой небольшие по размерам, хорошо защищенные крепости. Обычно они располагались в горах, учитывая специфику рельефа. Мощные стены клали из слегка обработанных глыб дикого камня — такой техники другие народы Восточной Азии в ту эпоху не знали. Городские стены были укреплены башнями [Фан Цидун, 1962, 569—571].

Наиболее древними элементами когурёского костюма были длинные, присобранные внизу шальвары и длинная кофта, надевавшаяся поверх шальвар и в талии схваченная поясом [Джарылгасинова, 1972, 131]. При этом женская одежда лишь незначительно отличалась от мужской (рис. 8). Женские кофты были двух типов — с узкими и широкими рукавами. Обращает на себя внимание тот факт, что кофты с узкими рукавами запахивались налево, с широкими — направо. По мнению Чхве Вонхи, кофты второго типа являлись результатом древнекитайского влияния на когурё [Чхве Вонхи, 1962, 29]. Действительно, в ханское время, как и в более ранние эпохи, древние китайцы запахивали одежду направо, считая левый запах признаком «варварства».

В процессе контактов с древними китайцами когурёсцы, несомненно, испытали на себе значительное культурное воздействие. С другой стороны, представляет несомненный интерес попытка корейского археолога Ким Чжэвона интерпретировать некоторые сюжеты, изображенные на древнекитайских барельефах ханского времени из Шаньдуна, опираясь на содержание мифа о Тангуне — «основателе» древнего Чосона [Ким Чжэвон, 1947, 43—47; Джарылгасинова, 1972, 30].



Рис. 8. Древние когурёсцы

Если до III в. этнические контакты древних китайцев и когурё определялись проникновением ханьского населения на исконную территорию древнекорейских племен, то затем ситуация изменилась. В результате похода Гуанью Цзяня в 244 г. когурёсцы потерпели поражение и некоторая часть их была переселена на Среднекитайскую равнину, в район Инъяна. В конце III в. Цзян Тун в своем трактате «О переселении варваров» писал, что первоначально в Инъяне насчитывалось несколько сот семей когурёсцев, а «сейчас они исчисляются тысячами семей». Учитывая резкое увеличение когурёского населения в одном из центральных округов империи, Цзян Тун высказывал предположение, что «через десять тысяч поколений они непременно достигнут здесь процветания» [Чэнь Чжунфань, 1957, 198]. Таким образом, когурёсцы приняли непосредственное участие в сложных процессах этнического взаимодействия, развернувшихся на Среднекитайской равнине в период смутного времени III—VI вв.

Наньмани

В исторических памятниках V—III вв. до н. э. термин «мань» (14) или «наньмань» («южные мани»), (15) используется для обозначения всех этнических групп, обитавших к югу от Средних царств. Однако ни Сыма Цянь, ни Бань Гу не сообщают каких-либо сведений о судьбе коренного населения бывшего царства Чу, включавшегося в число маней периода Чжаньго. Лишь в «Хоуханьшу» Фань Е мы находим специальный раздел, посвященный южным маням. Изучение его подтверждает предположение о том, что на протяжении III—I вв. до н. э. аборигены Чу отнюдь не были полностью ассимилированы. Они были оттеснены в горные районы западной части современной Хуани, где в ханьское время был расположен округ Улин [Итс, 1972, 221]. Именно с этими районами связаны упоминания о ма-нях, относящиеся к I в. н. э.

В 47 г. против ханьской администрации выступили «мани пяти рек» [Ван Сяньцзянь, 1959, 2, 891]. Ли Даюань в «Комментариях к „Трактату о реках“» поясняет, что «в Улине есть пять рек: Сюн, Мэнь, Ю, У и Чэнь — и повсюду там живут варвары. Поэтому они и называются „мани пяти рек“...» [там же]. Эти реки являются притоками Юаньшуя, впадающего в оз. Дунтинху. Поэтому, чтобы подавить это восстание, ханьские войска должны были «двигаться на лодках вверх по реке Юаньшуй» [там же, 4, 3128]. Карательная экспедиция кончилась неудачей, потому что там «горы высоки, а вода стремительна, и лодки не могли двигаться против течения» [там же]. Выступления маней отмечены также в 76, 92, 136 и 157 гг.

Для определения этнической принадлежности маней из Улина решающее значение имеет предание об их происхождении, приведенное в «Хоуханьшу». Своим первопродком мани считали

пятицветную собаку Паньху, взявшую себе в жены дочь императора Гаосиня [Ван Сяньцзянь, 1959, 4, 3125]. Миф о прародителе-собаке распространен у многих народов Юго-Восточной Азии [Чеснов, 1976, 163—167]. Однако с наибольшей определенностью он связывается с различными группами народов мяо-яо [Liu, 1933; Итс, 1972, 225]. Этот миф в изложении, весьма близком к версии «Хоуханьшу», отражен, например, в исторических документах яо, датированных XIII в. и обнаруженных недавно японской этнографической экспедицией в Северном Таиланде [Сиратори Ё., 1975, 14—20]. Это позволяет присоединиться к выводу Р. Ф. Итса о манях последних веков до нашей эры как общих предках мяо и яо [Итс, 1972, 225].

К сожалению, источники ханьского времени не содержат почти никакой информации об особенностях культуры и быта маней. В «Хоуханьшу» сообщается только, что потомки Паньху изготовляли одежду из коры деревьев и окрашивали ее в пять цветов, используя для этого травы и плоды, причем задняя часть одежды имела форму хвоста [Ван Сяньцзянь, 1959, 4, 3126]. Комментируя эти слова Фань Е, автор «Цзиньцзи» Гань Бао писал: «Варвары из Улина, Чанша и Луцзяна — потомки Паньху». При этом он добавлял, что, совершая жертвоприношения первопредку, мани надевали «поперечную юбку», закрывавшую бедра [там же] (рис. 9).



Рис. 9. «Нань мань». Терракота. Эпоха Хань

Юэ

Для древнего китайца III—I вв. до н. э. любое упоминание об иноплеменниках севера прежде всего ассоциировалось с сюнну, а об этнически чуждой культуре юга — с юэ (16). Так в эту эпоху называли племена, населявшие прибрежные районы на юге и юго-востоке материка. В некоторых источниках для их обозначения использовался термин «байюэ» («сто юэ», «разные юэ»). Например, оценивая военные операции ханьских войск на южных границах империи в период правления У-ди, Сыма Цянь говорит о подчинении байюэ [Такигава, 1955, 10, 5082]. Между тем при конкретном описании связанных с этим фактов историк пользуется несколькими терминами, обозначающими различные

группы племен юэ: дунъюэ («восточные юэ»), минъюэ («юэ, живущие в районе Минь»), нанъюэ («южные юэ») оуюэ («юэ, живущие в Оу») и т. д.

Дунъюэ и минъюэ населяли прибрежные районы в низовьях Янцзы. Сыма Цянь упоминает о том, что их правители были потомками Гоуцзяня из царства Юэ, который в V в. до н. э. стал «гегемоном» среди чжухоу. После падения царства Юэ и присоединения его территории к Чу часть юэсцев была ассимилирована, другая — переселилась в более южные районы. В начале II в. до н. э. центром расселения дунъюэ были горы Цюаньшань [Бань Гу, 1964, 9, 2792], обычно локализуемые современными исследователями в нижнем течении р. Миньцзян в Фуцзяни [Люй Жунфан, 1959, 54]. Минъюэ располагались в это время в несколько более северных районах, на границе современных провинций Фуцзянь и Чжэцзян [там же].

Сведения об образе жизни и особенностях культуры этих групп юэ дошли до нас в докладах ханьских государственных деятелей, дискутировавших в 30-х годах II в. до н. э. вопрос о целесообразности вмешательства в столкновения между юэскими племенами. «У юэ нет городов, они живут в зарослях бамбука по речным долинам. Они привыкли воевать на воде и предпочитают использовать лодки... Они не умеют сражаться на суше, у них нет колесниц, конницы, луков и арбалетов», — утверждал правитель наследственного владения Хуайнань Лю Ань, выступавший тем не менее против войны с юэ. Он же отмечал, что у юэсцев существует обычай коротко стричь волосы и татуировать тело [Бань Гу, 1964, 9, 2777, 2778, 2781].

Что касается языка этих групп юэ, то единственным, хотя и очень любопытным свидетельством в этом отношении является запись юэской песни, зафиксированная в сборнике «Шоюань» (I в. н. э.). Там рассказывается, как сын чуского правителя плыл на лодке, а лодочки-юэ заплели в это время песню. «Я не понимаю, о чем эта юэская песня, — сказал он, — объясните мне ее смысл по-чуски». После текста, записанного иероглифами, но не поддающегося интерпретации с точки зрения древнекитайского языка, приводится чуский перевод. Линь Хуэйсян, посвятивший историко-этнографическому изучению юэ ряд исследований, полагал, что, во-первых, эта билингва свидетельствует о значительных типологических различиях в языке юэ и древних китайцев и, во-вторых, язык юэ был, по-видимому, близким к малайско-полинезийским [Линь Хуэйсян, 1958, 192]. Редкая билингва привлекла к себе внимание многих ученых. Отметим, что Идзуи Хисаносукэ предпринял ее дешифровку с использованием данных тямского языка [Идзуи, 1953]. Иное мнение было высказано Бай Яотянем, который утверждал: «Любой человек, умеющий говорить по-чжуански, даже не имея чуского подстрочника, сможет без труда понять смысл первой и последней фразы юэской песни» [Бай Яотянь, 1959, 24].

Что касается двух других групп юэских племен (наньюэ и оуюэ), то территорией их расселения в ханьское время были соответственно прибрежные районы Гуандуна и Северного Вьетнама.

Земли наньюэ были номинально присоединены к территории циньской империи в 214 г. до н. э. Во время антициньского восстания Чжао То начальник уезда Лунчуань округа Наньхай объявил себя «ваном южных юэ». В 196 г. Гао-цзу официально признал его правителем наньюэ. Государство южных юэ просуществовало вплоть до 110 г., когда оно было разгромлено ханьскими войсками. В этот же период прекратило свое существование и государство Аулак, коренное население которого древние китайцы называли оуюэ или оуло. В это время в районе дельты Красной реки происходит консолидация лаквьетского этноса (кит. лоуэ). В начале I в. н. э. лаквьеты выступают против ханьских завоевателей и фактически ликвидируют древнекитайскую администрацию. Однако в результате похода Ма Юаня в 43 г. Хань удаётся жестоко подавить лаквьетское восстание.

Показательно, что, стремясь закрепить плоды своих усилий, Ма Юань реквизирует и вывоз с территории лаквьетов большое количество бронзовых барабанов [Ван Сяньцзянь, 1959, 2, 889]. Эти своеобразные предметы материальной культуры использовались во время религиозных церемоний и были символом священной власти местных вождей [Bielenstein, 1967, 65].

Как показывают новейшие исследования, бронзовые барабаны распространены на значительной территории от Северного Вьетнама до Гуандуна и Гуйчжоу. В южных приморских районах Китая они наиболее характерны для региона, имеющего форму треугольника, расположенного между Наньнином на западе, Учжоу на востоке, о-вом Хайнань на юге. Во время раскопок ханьских погребений близ Гуйсяня, в Гуанси, в 1954—1955 гг. бронзовый барабан был обнаружен в захоронении I в. н. э. [Хэ Цзишэн, 1965, 38]. В целом ареал распространения бронзовых барабанов этого времени совпадает с областью расселения южной ветви юэ.

Изображения на бронзовых барабанах могут служить источником сведений об этнографическом облике юэцев. Обращают на себя внимание свайные постройки, в частности амбары для зерна [Вэнь Ю, 1954, табл. 57] (рис. 10). Упоминания о свайных постройках у коренного населения этого региона встречаются в ряде источников IV—V вв. Достаточно четкое описание их содержится в «Истории династии Тан»: «Земля там во множестве выделяет ядовитые испарения, в горах растут вредоносные травы, водятся насекомые и змеи. Поэтому люди живут на помостах и забираются туда по лестнице. Такое жилище называется ганьлань» [там же, табл. 58].

В свое время М. Колани обратила внимание на изображения человеческих фигур, которые были истолкованы ею как сцены

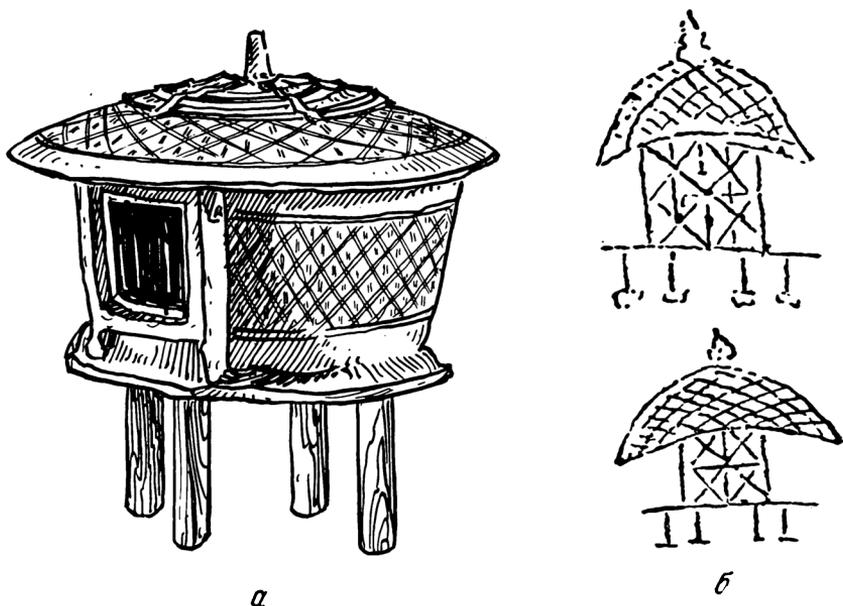


Рис. 10. Амбары на сваях:

а — ханьская терракотовая модель; *б* — изображения на юэских бронзовых барабанах

ритуального обрушивания риса. Вэнь Ю подметил еще одну особенность: одежда и прическа людей, попарно стоящих у ступ с большими пестами в руках, неодинакова. По мнению этого исследователя, здесь прослеживается прямая параллель с зафиксированным у нага обычаем ритуального обрушивания риса, причем в церемонии участвуют попарно юноши и девушки [там же]. Нельзя не отметить также, что одним из наиболее часто встречающихся сюжетов изображений на бронзовых барабанах являются большие лодки с несколькими гребцами — мотив, весьма характерный для произведений искусства культуры донгшон.

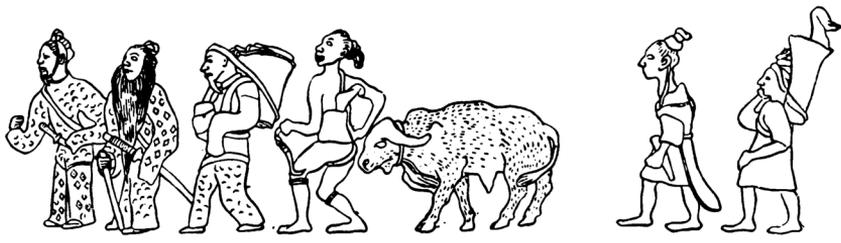
Выше указывалось на расхождения во мнениях исследователей по поводу генеалогической принадлежности языка древних юэ. В свете предположения о родстве тайских языков с аустронезийскими, впервые высказанного К. Бенедиктом [Benedict, 1942] и находящего за последние десятилетия все новые и новые подтверждения, эти противоречия в значительной степени снимаются. В высшей степени вероятно, что дифференциация протоаустронезийских языков уже в последние века до нашей эры привела к обособлению двух групп юэских племен — восточных, говоривших на протоиндонезийских языках, и южных, говоривших на прототайских.

К северо-западу от района расселения южных юэ в ханское время лежала территория, население которой фигурирует в источниках под названием юго-западных «варваров». Сыма Цянь посвящает им специальную главу «Исторических записок», начинающуюся следующей обобщенной характеристикой: «У юго-западных варваров насчитывается несколько десятков вождей, [среди их владений] Елан — самое большое. К западу от него — несколько десятков [владений], и [среди них] самое большое — это Дянь...» [Такигава, 1955, 9, 4690].

До середины 50-х годов нашего века ученые располагали лишь чрезвычайно ограниченными данными о племенах дянь (17). Было известно, что родственник чуского правителя Чжуанвана по имени Чжуан Цяо переселился к дяньцам и, «изменив свою одежду и следуя их обычаям, стал среди них предводителем» [там же, 4693]. В непосредственный контакт с владениями дяньского вана империя Хань вступила после того, как Чжан Цянь выдвинул предложение найти путь, ведущий в страну Шэньду (Индию). Встретившись с послами У-ди, правитель Дянь впервые узнал о существовании ханьской империи и осведомился: «Чи владения обширнее — Хань или мой?» [там же, 4698]. Позднее У-ди начал военные действия против юго-западных «варваров» и основал на их землях несколько новых округов. Лишь Елан и Дянь сохранили свою самостоятельность, признав вассальную зависимость от Хань и получив печать, удостоверяющую их полномочия [там же, 4700].

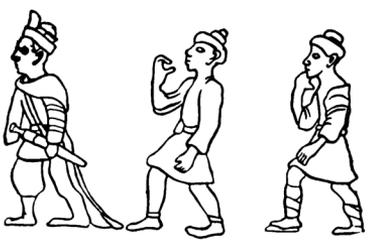
В 1956 г. при раскопках древних погребений в районе Шичжайшаня, в Юньнани, было обнаружено богатое захоронение № 6, в котором помимо прочего погребального инвентаря нашли золотую печать с надписью: «Печать дяньского вана» [Чэнь Лицун, Ма Дэсянь, 1957, 57]. Эта редкая находка позволила отождествить памятники открытой в Шичжайшане культуры бронзы и раннего железа с упоминаемым Сыма Цянем государственным образованием Дянь. Дальнейшие раскопки дали богатейший материал для изучения этнической истории дяньских племен [Итс, 1972, 190—213; Итс, 1976].

Большое количество бронзовых скульптурных изображений, объединенных в определенные сюжетные группы, несомненно, указывает на то, что во II—I вв. до н. э. дяньцы контактировали с различными по своему происхождению и культуре этническими общностями. Фэн Ханьцзи удалось выделить среди этих изображений несколько «этнических типов» и охарактеризовать важнейшие особенности их одежды, прически и пр. Помимо собственно дяньцев, которые «отчетливо отличаются по одежде и обычаям от окружавших их этносов», Фэн Ханьцзи нашел среди них представителей еще семи групп мужчин и семи групп женщин (рис. 11). Мужчины изображены приносящими дары дянь-



A

C



B



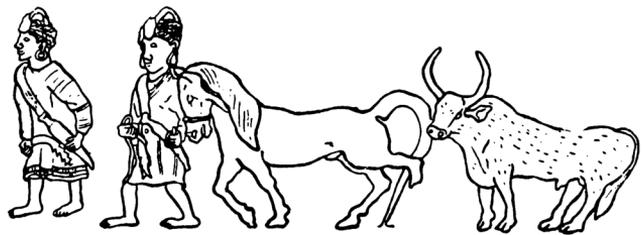
E



D



F



G

Рис. 11. Бронзовые фигурки из Шичжайшаня

скому вану, женщины — в позах рабынь, занятых ткачеством или прислуживающих хозяйке (заметим попутно, что ткут женщины на станках «индонезийского» типа, до сих пор распространенного у многих народов Юго-Восточной Азии).

Мужская одежда дяньцев состояла из распашного халата, схваченного в талии поясом с большой круглой пряжкой. Под халатом носили рубаху, но ее покрой остается неясным. Штаны в costume дяньцев отсутствовали, вместо них на многих изображениях отмечен пояс стыдливости. Ноги ниже колен обнажены. Обувь у дяньцев не было. Волосы мужчины скручивали на макушке. Большие серьги были еще одним штрихом, позволявшим по внешнему виду определить этническую принадлежность дяньца [Фэн Ханьцзи, 1961, 472].

Женская одежда мало отличалась от мужской. Главным ее компонентом был халат двубортного покроя. Прямые полы не застегивались и не запахивались, так что под халатом всегда была видна нижняя рубаха. Ворот и борт обшивались узкими полосками ткани. Рукава были короче, чем у мужского халата, и закрывали руки только до локтя. Ноги ниже колен, как и у мужчин, были обнажены. Волосы зачесывались назад, причем пучок был сложен «бантиком» и опускался до уровня плеч. На запястьях женщины носили браслеты, в ушах — серьги [там же, 470—472].

Среди различных групп иноплеменников выделяются мужчины типа А и женщины типа VI. Бросающейся в глаза особенностью одежды мужчин являются чрезвычайно длинные рукава верхней одежды и длинные штаны, закрывающие всю ногу, вплоть до щиколотки. Мужчины бородаты, что также выделяет их среди других групп. Женщины типа VI одеты в спускающиеся до пола халаты, также не встречающиеся на других изображениях. Фэн Ханьцзи предполагает, что мужчины типа А и женщины типа VI в этническом отношении связаны с кочевниками северо-западных районов империи [там же, 484—485].

Мужчины типов D и E выделяются тем, что носят косы. На многих изображениях они предстают как пленники: по-видимому, дяньцы постоянно воевали с ними, захватывали их в плен и превращали в рабов. В числе юго-западных «варваров» были и косоносцы, «кочевавшие вслед за скотом и не имевшие ни постоянного местожительства, ни старейшин» [Такигава, 1955, 9, 4691]. К ним принадлежали племена си и куньмин (в более поздних источниках — куньми). Они отличались большой воинственностью: именно из-за сопротивления этих племен не был осуществлен план Чжан Цяня найти путь в Индию.

Что касается мужчин типов B, C, F, G, представленных на изображениях из Шичжайшаня, то Фэн Ханьцзи считает их выходцами из племен, этнически близких самим дяньцам [Фэн Ханьцзи, 1961, 486].

Вопрос об этнической принадлежности дяньцев не может

быть, по-видимому, решен окончательно. Р. Ф. Итс привлекает для его решения текст песни «коренного населения округа Ичжоу и области Наньчжун», зафиксированный в «Хоуханьшу» вместе с его переводом на древнекитайский язык [Ван Сяньцзянь, 1959, 4, 3157—3158]. По мнению Р. Ф. Итса, оригинальный текст песни был написан на языке, относящемся к тибето-бирманской ветви — возможно, даже к бирманско-иской группе ее [Итс, 1972, 226—227]. Хотя в нашем распоряжении нет прямых доказательств того, что эта песня была создана потомками дяньцев, гипотеза о принадлежности их к числу предков современных народов группы ицзу кажется достаточно убедительной.

Ба, шу и ди

Среди племен, с которыми дяньцы имели постоянные политические и хозяйственные контакты, были этнически близкие им оседлые и полукошачьи группы, населявшие районы Сычуани. В период Чжаньго (Борющихся царств) здесь обитали племена ба и шу, территория которых была в IV в. до н. э. присоединена к царству Цинь.

Археологические изыскания в этих районах дали за последние десятилетия значительный материал, характеризующий культуру племен ба (18) и шу (19). Одна из наиболее примечательных ее особенностей — применение бронзы для изготовления оружия, украшавшегося знаками, которые могут быть истолкованы как пиктограммы [Сычуань, 1960, 49—54]. Чаще других повторяется при этом изображение тигра — обстоятельство, вызывающее в памяти легенды о белом тигре, связывавшиеся автором «Хоуханьшу» с племенами баньшунь мань [Ван Сяньцзянь, 1959, 4, 3140].

В 1959 г. китайский историк Сюй Чжуншу опубликовал исследование «Первоначальное изучение культуры ба и шу» [Сюй Чжуншу, 1959], в котором обосновывал положение о том, что этническая общность ди (20), населявшая в ханьское время север Сычуани и юг Ганьсу, по своему происхождению связана с ба. Этот тезис встретил возражения ряда специалистов [Мяо Юэ, 1959, 1—4; Хуан Ле, 1965, 107—110], и проблема этнического родства ба и ди до сих пор остается не решенной. Но в свете исследований последних лет становится все более очевидным, что ди генетически не связаны с племенами цянь (21), хотя в источниках III—I вв. до н. э. ди и цянь зачастую встречаются рядом, что создает иллюзию их этнической близости.

Племена ди вели оседлый, земледельческий образ жизни. В «Вэйлюэ» отмечается, что ди «хорошо занимаются земледелием»; по свидетельству автора «Хуаян гочжи», они славятся выращиванием конопли [Хуан Ле, 1965, 102]. Жилищем ди служили дома «с дощатыми крышами и земляными стенами», причем в этом смысле не было различий между знатными и низ-

ким людям» [там же]. Обычная верхняя одежда ди напоминала древнекитайский халат пао, хотя орнамент, которым украшался край халата, «походил на цянский» [там же].

Все, что известно о ди ханьского времени, говорит об их тесных культурных связях, с одной стороны, с древними китайцами, с другой — с цянами. Есть данные о том, что переселявшиеся к ди древние китайцы утрачивали свои традиционные культурные особенности и ассимилировались ди. Примером такого рода могла служить история некоего Люй Вэньхэ, который в начале правления ханьского Вэнь-ди бежал из Пэй и переселился в Люэян; там он завел семью, и его потомки из поколения в поколение были вождями у ди. В «Цзиньшу», где помещена биография внука Люй Вэньхэ, Люй Гуана, последний назван «ди из Люэяна» [там же]. В «Вэйлюэ» указывается, что ди «в большинстве своем знают язык Срединного государства, причиной чему следует считать их совместное проживание с его жителями» [там же, 101]. В то же время отмечается, что, «возвращаясь в свои селения, они говорят на языке ди» [там же].

С другой стороны, хотя многие обычаи у ди и цянов совпали, в их этническом самосознании различие между ними было достаточно отчетливым. В IV в. Фу Цзянь, выходец из ди, создал в бассейне Вэйхэ свое государство; его племянник был пленен цянами, потребовавшими от него государственную печать. «Как ты, мелкий цян, осмеливаешься требовать этого от Сына Неба? — был ответ. — Среди пяти народов, названия которых располагаются по порядку, твоего, цян, имени нет вообще!» [Ли-дай гэцзу, 1958, 2, 1192].

Цяны

С этнической общностью цянов (жунов) древним китайцам приходилось постоянно сталкиваться в процессе своего формирования в первой половине I тысячелетия до н. э. Под давлением царства Цинь, коренное население которого долгое время считалось древними китайцами «варварским», жуны были оттеснены из бассейна Вэйхэ на запад. По преданию, цян по имени Юаньцзянь был однажды схвачен циньским Ли-гуном, правившим в V в. до н. э., и обращен в раба. Юаньцзяню удалось бежать, но циньцы гнались за ним. Он спрятался в пещеру, и преследователи зажгли огонь, чтобы выкурить Юаньцзяня из его убежища. Однако появившийся тигр укрыл беглеца от огня, и ему удалось спастись. Выбравшись из пещеры, он встретил в поле девушку, лишенную носа, и они стали мужем и женой. Девушка стыдилась своего вида и закрывала лицо распущенными волосами. Впоследствии это стало у цянов обычаем. От потомков Юаньцзяня ведут свое начало 26 родов цянов [Ван Сяньцзянь, 1959, 4, 3181—3182].

В ханьское время, в особенности же начиная с I в. н. э., пле-

мена цянов, считавшие себя потомками Юаньцзяня, населяли верховья Хуанхэ. Основным занятием их было кочевое скотоводство; земледелие почти совершенно не было развито. Поэтому они «не имели постоянного места обитания и передвигались в поисках воды и травы» [там же, 3174].

Как и у многих других кочевых племен, у цянов существовал обычай левирата: «если умирал отец, женились на мачехе; умирал брат — женились на золовке». Наряду с этим Фань Е отмечает некоторые другие особенности брачных обычаев цянов, не свойственные сюнну или сяньби: «Через двенадцать поколений родственники могут вступать в брак» [там же].

Современники отмечали воинственность цянов, которые «считали за счастье умереть в бою, а смерть от болезни рассматривали как страшное невезение». В то же время особенность ведения ими боевых действий заключалась в том, что они «были сильны в горных ущельях и слабы на равнине; не были способны к длительному сопротивлению и предпочитали внезапные нападения» [там же, 3176]. Неприхотливость и умение переносить лишения («даже женщины, рожая детей, не укрываются от снега и ветра») давали цянам дополнительные преимущества в борьбе с соседями. Подавление выступлений цянов против господства ханьцев стало в I—II вв. одной из главных проблем империи.

Проблема эта так и не была решена. Несмотря на подчинение части цянских племен и переселение ее во внутренние районы, что привело к частичной ассимиляции кочевников, в IV в. цяны создают на территории Ганьсу, Шэньси и Хэнань свое государство. Другая часть этих племен продолжала вести кочевой образ жизни в степях Ганьсу и Цинхая. Тибетоязычные тангуты были потомками одной из ветвей цянов.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДРЕВНИХ КИТАЙЦЕВ И ИХ СОСЕДЕЙ В III В. ДО Н. Э. — III В. Н. Э.

Данные о расовой принадлежности древних китайцев и их соседей периодов Цинь и Хань крайне скудны и значительно уступают как количественно, так и качественно аналогичным материалам, относящимся к эпохам неолита и бронзы. Для восстановления хотя бы в общих чертах картины антропологической структуры популяций, расселенных на территории современного Китая и прилегающих стран в III в. до н. э.— III в. н. э., приходится использовать наряду с очень малочисленными скелетными сериями, датированными этим временем, редкие упоминания в древнекитайских письменных источниках о телесных особенностях различных этносов, населявших тогда Чжунго и другие страны Восточной Азии, а также различные косвенные

соображения, которые позволяют гипотетически экстраполировать в пространстве и во времени сведения о других народах на древних китайцев.

«Гвардейцы» Цинь Шихуана

Для циньского времени могут быть использованы изображения и отчасти описания глиняных статуй воинов, которые были обнаружены в 1974 г. в особом рве, около могилы Цинь Шихуана, недалеко от Сиани, в уезде Линьтун провинции Шэньси. Общее количество статуй достигает 500; их рост варьирует от 1,75 до 1,86 м [Линьтунсян, 1975, 4]. Это может служить указанием на большую высокорослость «глиняных воинов» по сравнению с современными китайцами. Надо, однако, иметь в виду, что нет уверенности в том, что скульпторы сознательно не преувеличивали общих размеров статуй; к тому же глиняные фигуры изображали, вероятно, ближайших дружинников Цинь Шихуана, своего рода «гвардейцев», а в гвардию во все времена и у всех народов подбирались наиболее высокорослые, физически хорошо развитые люди.

Статуи «гвардейцев» вылеплены во весь рост в полном воинском облачении с характерными прическами и настолько живо воспроизведенными чертами лица, что есть все основания видеть в них скульптурные портреты реальных людей. К сожалению, сохранность большей части фигур оказалась плохой. По материалам журнала «Вэнь у» автору удалось подобрать 22 скульптурных портрета, по которым можно составить представление об антропологическом облике «гвардейцев» Цинь Шихуана (рис. 12). Несомненно, все они принадлежали к тихоокеанским монголоидам; об этом красноречиво свидетельствуют такие особенности, как уплощенное, не очень широкое, но очень высокое лицо с сильно выступающими скулами, большей частью косое расположение глазных щелей, наклонных, как правило, к переносью, частое наличие эпикантуса, прикрывающего слезный бугорок во внутреннем углу глаза. У некоторых фигур встречаются утолщенные губы, прохеймия, широкий нос с низким переносьем и



Рис. 12. «Гвардеец» Цинь Шихуана

поперечно расположенными треугольными или круглыми носовыми отверстиями. Такой набор признаков может указывать на связь популяции древних китайцев циньского времени с южными монголоидами. Однако среди «гвардейцев» Цинь Шихуана нередко также субъекты с более узким носом, средним по высоте переносьем, прямой спинкой, более сагиттально расположенными осями ноздрей. Особо следует отметить наличие у этих скульптур глиняных накладок, изображающих усы и бороду, хотя и не сильно развитую, но выраженную вполне отчетливо. В письменных источниках, как увидим ниже, упоминаются усы и борода у древних китайцев ханьской эпохи. Наличие несколько повышенного для монголоидов третичного волосяного покрова на лице заставляет поставить вопрос о европеоидных или австралоидных примесях.

Чтобы по мере возможности объективизировать данные о расовой морфологии древних китайцев циньского времени, автор определил на 22 фотографиях скульптурных портретов «гвардейцев» Цинь Шихуана семь описательных признаков: 1 — горизонтальный профиль лица, 2 — положение осей глазных щелей, 3 — эпикантус, 4 — высоту переносья, 5 — расположение носовых отверстий, 6 — рост усов, 7 — рост бороды. Для сравнения были использованы, во-первых, материалы обследования студентов Университета им. Сунь Ятсена (уроженцев северных провинций Китая), собранные под руководством А. И. Ярхо в 1925—1926 гг., обработанные и проанализированные автором настоящей главы, и, во-вторых, данные о северных китайцах, работавших в 30-х годах в московских прачечных и обследованных в 1935 г. группой советских антропологов [Чебоксаров, 1965, 76—89]. Конечно, сравнение данных об антропологических особенностях глиняных статуй III в. до н. э. и антропометрических данных людей наших дней очень условно, ожидать от такого сравнения каких-либо категорических выводов не приходится, однако из-за крайней скудости данных по этнической антропологии древнего Китая необходимо использовать и эту возможность; нельзя также забывать, что скульптурные портреты циньских «гвардейцев» представляют собой совершенно уникальный источник большой познавательной ценности, так как они дают некоторую информацию о развитии усов и бороды, т. е. тех важнейших расодиагностических признаков, определение которых на черепах невозможно.

Сравнению древних и современных китайцев по перечисленным выше признакам посвящена таблица 16; из нее видно, что по горизонтальной профилировке лица между теми и другими не было существенных различий. Монголоидность всех трех сопоставляемых групп не вызывает ни малейшего сомнения. Наклон осей глазных щелей у китайских студентов и рабочих прачечных, к сожалению, не определялся. Эпикантус у древних китайцев встречался несколько чаще и был выражен, по-видимому, силь-

нее, чем у рабочих прачечных, но значительно слабее, чем у студентов-суньятсеновцев; такое соотношение вполне естественно, если учесть, что средний возраст студентов гораздо ниже, чем рабочих. У первых (в годах) он равен 22,8 [Чебоксаров, 1947, 34], а у вторых — 36,5 [Чебоксаров, 1980]. Как известно, во всех популяциях, где встречается эпикантус, частота его резко снижается с возрастом. Переносье у «гвардейцев» Цинь Шихуана оказалось несколько более высоким, а ноздри — расположенными более сагиттально по сравнению с северокитайскими группами нашего времени. Борода и усы у циньских воинов, насколько можно судить по их скульптурным портретам, были развиты сильнее, чем у современных популяций Северного Китая, хотя их вариации укладывались полностью в амплитуду межгрупповой изменчивости восточных монголоидов; так, М. Г. Левин приводит колебания среднего балла роста бороды у корейцев в пределах 1,32—1,35, а у японцев — в пределах 1,92—2,14 [Левин, 1958, 306—342].

Т а б л и ц а 16

НЕКОТОРЫЕ ОПИСАТЕЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ «ГВАРДЕЙЦЕВ» ЦИНЬ ШИХУАНА И СОВРЕМЕННЫХ СЕВЕРНЫХ КИТАЙЦЕВ

Группы Признаки	Глиняные «гвардей- цы» Цинь Шихуана	Современные северные китайцы [Чебоксаров, 1947, 1982]	
		Студенты	Рабочие
Число исследованных	22	93	215
Горизонтальный профиль лица М (1—3)	1,32	1,42	1,37
Процент плоских лиц (балл 1)	72,6	—	63,7
Направление осей глазных отвер- стий М (1—3)	1,37	—	—
Процент косо расположенных глаз	63,2	—	—
Эпикантус (0—3)	1,09	1,79	1,01
Процент присутствия эпикантуса (баллы 1—2)	72,6	—	71,6
Высота переносья М (1—3)	1,82	1,39	1,42
Процент низких переносий	18,2	—	53,1
Положение осей носовых отверстий М (1—3)	2,05	1,98	1,90
Процент поперечно расположенных ноздрей (балл 1)	1,36	—	28,8
Развитие бороды М (1—5)	1,37	1,08	1,22
Процент баллов 2 и 3 роста боро- ды	27,3	—	20,6
Развитие усов М (1—3)	1,73	—	—
Процент балла 2 роста усов	72,6	—	—

Таким образом, как визуальное сравнение, так и статистическое сопоставление по некоторым признакам глиняных статуй из могилы Цинь Шихуана с современными популяциями Восточной Азии позволяет прийти к выводу о принадлежности древних

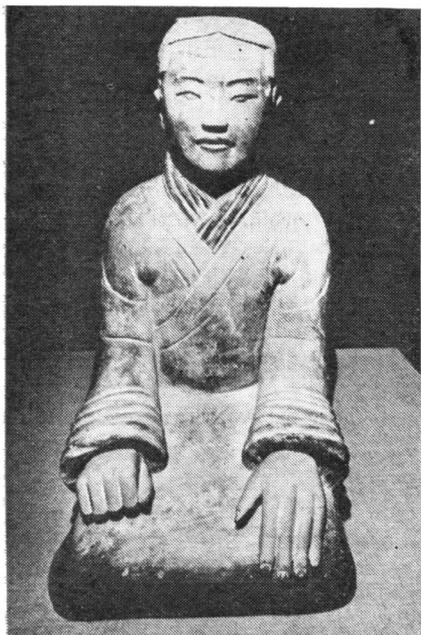


Рис. 13. Служанка. Терракота. Эпоха Цинь

ских глиняных статуях. Возможно, что перед нами просто подчеркнутые традицией особенности, так как третичный волосной покров у восточных монголоидов хотя и был развит сравнительно слабо, но не отсутствовал совершенно. Не исключена возможность европеоидных влияний, особенно если принять во внимание несомненные хозяйственно-культурные связи древних этносов Северного Китая с Южной Сибирью и Средней Азией, откуда скорее всего могли идти такие влияния. Однако палеоантропологических доказательств подобных связей до периода Хань в нашем распоряжении пока что нет. Более вероятны биологические связи популяций бассейна Хуанхэ с южномонголоидным и монголоидно-австралоидным населением территории современного Южного Китая; такого рода связи прослеживаются, как мы знаем, начиная с неолита, а может быть, и с позднего палеолита [Крюков, Софронов, Чебоксаров, 1978, 38—59, 120—142].

В уезде Линьтун, недалеко от рва, где были обнаружены глиняные «гвардейцы» Цинь Шихуана, найдена относящаяся к тому же времени статуя женщины, сидящей на коленях с подогнутыми под себя ногами (рис. 13). Лицо этой женщины, вылепленное столь же тщательно, что и портретные скульптуры «гвардейцев», плоское, с выступающими скулами, среднее по высоте и ширине; глазные щели узкие, оси их отчетливо наклонены от

китайцев III в. до н. э. к восточноазиатской, или дальневосточной, расе тихоокеанских монголоидов. Этот вывод не исключает, конечно, своеобразия антропологического облика «гвардейцев» Цинь Шихуана и наличия у них связей с популяциями другой расовой принадлежности. Американоидные черты отдельных «гвардейцев», вероятно происходивших преимущественно из западных районов древнего Китая, где было расположено государство Цинь, заставляют вспомнить об аналогичных морфологических особенностях черепов эпохи позднего неолита и бронзы, найденных на той же территории [Крюков, Софронов, Чебоксаров, 1978, 193—204]. Остается открытым вопрос о происхождении несколько необычных для монголоидов усов и бороды, изображенных на циньских глиняных статуях.

дистального конца к проксимальному; по-видимому, есть эпикантус, хотя выражен он не очень отчетливо; переносье низкое, расплывчатое; нос довольно широкий, особенно в нижней части; верхняя губа низкая, прохейличная; толщина губ средняя; подбородок сильно выступает. Общий облик лица может быть охарактеризован как восточномонголоидный [Сарон, MacQuitty, 1973, 19].

Другое портретное изображение женщины (служанки) найдено в 1968 г. в могиле ханьской принцессы Доу Вань около г. Маньчэн (Хэбэй) и относится ко II в. до н. э. Речь идет о бронзовой фигуре девушки с лампой в руках (см. цветную иллюстрацию на вклейке); лицо у этой девушки еще более плоское, чем у циньской женщины из уезда Линьтун; глазные щели расположены наклонно; эпикантус выражен очень резко; переносье по высоте среднее; нос моделирован сравнительно хорошо [там же, 32—33]. Нет сомнения, что оба женских изображения несут черты восточных монголоидов. По сравнению с «гвардейцами» Цинь Шихуана как циньская, так и ханьская женские фигуры отличаются большим сходством с южными монголоидами, что в значительной степени объясняется половым диморфизмом.

Данные письменных источников

Ценным дополнением к материалам о глиняных фигурах из могилы Цинь Шихуана могут служить данные о некоторых физических признаках людей циньской и ханьской эпох, упоминаемые в различных древнекитайских письменных источниках. Большинство таких данных касается роста, который определялся в чи и цунях. Один чи составлял в ханьское время от 23 до 23,5 см; чи подразделялся на 10 цуней; 10 чи составляли 1 чжан. В дальнейшем мы будем давать размеры общей длины тела в древнекитайских единицах, а затем в скобках помещать две цифры, из которых первая означает рост в сантиметрах при допущении, что 1 чи равен 23 см, а вторая — что он равен 23,5 см. В циньском уложении читаем: «Каторжники... ростом не превышающие 6 чи 5 цуней (149,5—152,8), и женщины, осужденные на каторгу и ростом не превышающие 6 чи 2 цуня (142,6—146,7), считаются малорослыми» [Юньмэн цинь-цзянь, 1976, 2]. В ханьское время мужчин, имевших рост менее 6 чи 2 цуней (142,6—146,7), не брали в армию. Ван Чун пишет о физических данных людей в древности и современности (т. е. в ханьское время): «Говорят, что в древности люди были рослые и красивые, сильные и обладающие долголетием, так что жили в среднем сто лет, а в наше время люди маленькие и некрасивые, к тому же рано умирают... Человек имеет рост, равный 7—8 чи (161—184 или 164,5—188)... и может прожить сто лет — так было во все времена... При Ван Мане один великан был ростом

в 1 чжан (230—235)... в период правления Цзянь Чжан Чжунши из округа Инчуань достигал 1 чжана и 2 цуней (234,6—242,7), а Чжан Тан был ростом более чем 8 чи (184—188)...» [Ван Чун, 1934, 2, 71—72]. В другом месте тот же автор пишет: «Тело среднего человека имеет длину 7—8 чи (161—184 или 164,5—188)» [там же, 181].

Интересны сведения о росте отдельных исторических лиц. Например, знаменитый Сян Юй, главный соперник основателя ханьской династии Лю Бана, так описан у Сыма Цяня: «Ростом он был в 8 с лишним чи (184—188), а сила у него была такая, что он мог поднять жертвенный треножник» [Такигава, 1955, 2, 534]. Бань Гу сообщает о Хо Гуане: «Ростом он был в 7 чи 3 цуня (167,9—172,0)» [Бань Гу, 1964, 9, 2933]. Заслуживают внимания также данные о росте и цвете лица солдат пограничных крепостей в специально составлявшихся реестрах. В перечне солдат читаем: «Цзя Шэн, 30 лет, рост 7 чи 3 цуня» [Цзюйянь, 1959, 6, № 103]; «...52 года, рост 7 чи 1 цунь, цвет лица темный» [там же, 7, № 112]; «Ван Фу, 60 лет, рост 7 чи 2 цуня, цвет лица темный» [там же, № 128]; «... Аньго, 40 лет, 7 чи 2 цуня, цвет лица темный» [там же, 31, № 720]; «... Вэнь, возраст 47 лет, рост 7 чи 5 цуней» [там же, 43, № 1014]; «Сыма Фэндэ, 20 лет, рост 7 чи 2 цуня, цвет лица темный» [там же, 74, № 1794]; «Сун Май, 24 года, рост 7 чи 2 цуня, цвет лица темный» [там же, 107, № 37]. К этому можно добавить данные о фактической длине тела людей, погребенных в могилах ханьского времени; так, например, рост женщины из погребения Мавандуй 1 составлял 154 см [Чанша мавандуй, 1973, 1, 28], а мужчины из погребения Фэнхуаншань — 168—166 см [Хубэй цзянлин, 1975, 4]. Таким образом, большинство древних китайцев циньской и ханьской эпох были среднерослыми или высокорослыми. Цифры Ван Чуна представляются в высшей степени вероятными. Специально подобранные «гвардейцы» Цинь Шихуана, естественно, превышали по длине тела обычных мужчин на несколько сантиметров. Любопытно, что в реестрах солдат пограничных крепостей если упоминается цвет лица, то он всегда определяется как «темный» и никогда как «светлый». Как бы ни были отрывочны эти данные, они все-таки указывают скорее на южные (австралоидно-монголоидные), а не на северные или западные (европеоидные) связи древних китайцев периода централизованных империй.

Еще более интересны данные о росте бороды и усов у древних китайцев. В циньском уложении читаем: «Какое наказание полагается тому, кто в драке вырвет человеку бороду и брови?» — «Он должен быть сослан на каторжные работы». В «Хоуханьшу», в гл. 81 (описывается драма, происшедшая в 27 г. н. э.): «Вэнь Сюй был схвачен бандитами. Их предводитель был поражен храбростью Вэнь Сюя и разрешил ему самому покончить с собой, пожаловав ему меч. Сюй принял меч, засунул бороду в рот и сказал, посмотрев на окружающих: „Раз

уж бандиты заставляют меня кончить самоубийством, так пусть уж хоть моя борода не будет испачкана в земле". С этими словами он вонзил в себя меч и умер» [Ван Сяньцзянь, 1959, 4, 2933—2934]. В других разделах «Хоуханьшу» читаем: «Этот человек с красивыми бородой и бровями»; «У него была красивая борода»; «Красивая борода и густые брови» [Шан Бинхэ, 1938, 1, 4, 12]. Сыма Цянь пишет о Чжан Ляне: «Я представлял его себе человеком огромного роста и могучего телосложения. Когда же увидел его портрет, то оказалось, что он подобен миловидной женщине» [Такигава, 1955, 6, 3105]. Такой характеристикой внешности Чжан Ляна Сыма Цянь как бы выделяет его из среды современников. Действительно, на фреске из погребения конца I в. до н. э. близ Лояна Чжан Лян изображен безбородым, тогда как все другие лица — с бородой и усами [Лоян сихань 1964, табл. 11]. Изображения бородатых ханьцев встречаются и на других памятниках искусства, например на барельефе I в. н. э. из Суйдэ в провинции Шэньси [Шаньбэй дунхань, 1959, 59]. Все эти упоминания о бородатых китайцах ханьской эпохи, как и описанные выше изображения бороды и усов у «гвардейцев» Цинь Шихуана, перекликаются со свидетельствами летописи Цзочжуань периода Чуньцю. Так, под 7-м годом Чжао-гуна (535 г. до н. э.) читаем: «Во время официальной церемонии в царстве Чу распорядителем был назначен некто с длинной бородой» [Legge, 1940, 8, 613]. Под 17-м годом того же Чжао-гуна (525 г. до н. э.) говорится: «Во время войны между У и Чу командующий усским отрядом решил пойти на хитрость. Послал трех человек с длинными бородами спрятаться около корабля, сказав: „Когда я крикну, ответьте мне!“ Чуская армия... потерпела поражение» [там же, 667]. Таким образом, очевидно, что в древнем Китае значительное развитие бороды связывалось с обитателями южных царств — У и особенно Чу, населенных в то время не только, а может быть, и не столько китайцами, сколько этносами, говорившими на мяо-яоских, аустронезийских и, возможно, тайских языках. К этим двум царствам надо добавить Юэ, покоренное в 334 г. до н. э. чусцами. С одной из групп юэ — миньюэ — возможно связать древние черепа, найденные в уезде Миньхоу провинции Фуцзянь [Крюков, Софронов, Чебоксаров, 1978, 207—209, 213].

Северо-западными соседями южных юэ, представлявших собой, несомненно, этнически сборную группу, были различные племена дянь, с которыми многие исследователи связывают культуру шичжайшань, достигшую наивысшего расцвета во II—I вв. до н. э. [Итс, 1972, 190—213]. Бронзовые скульптуры, относящиеся к этой культуре, говорят о сложном этническом и антропологическом составе ее носителей. Китайский археолог Фэн Ханьцзи выделяет среди дяньцев несколько типов, из которых тип А характеризуется значительным развитием бороды [Фэн Ханьцзи, 1961, 484—485]. Вполне возможно, что эта бородатость

дьянцев объясняется присутствием тех же австралоидных, или, вернее, австралоидно-южномонголоидных, компонентов, что и развитие третичного волосяного покрова на лице у чусцев или «гвардейцев» Цинь Шихуана. Создается впечатление, что в последних веках до нашей эры и в первых веках нашей эры удельный вес австралоидно-южномонголоидных популяций в населении территории современного Китая, особенно его южной части, был заметно выше, чем в настоящее время. Такое допущение, носящее, естественно, гипотетический характер, хорошо согласуется как с данными палеоантропологии Восточной Азии, так и с материалами о расовом составе современного населения.

Захоронения в Наньшаньли

Антропологические материалы, которые можно было бы связать непосредственно с древнекитайским этносом ханьского времени, к сожалению, крайне немногочисленны и фрагментарны. К их числу могут быть отнесены данные о пяти черепах I—II вв. из кирпичных могил ханьских чиновников в Наньшаньли, около Люйшуня, на крайнем юге Ляодунского полуострова, опубликованные в работе японских антропологов Киёно, Канасэки и Миякэ [Киуоно, Канасэки, Миякэ, 1933, 27—40]. Черепа эти, к сожалению, плохой сохранности; три из них (№ 9, 14, 16) определены как мужские, два (№ 4, 13) — как женские. Несмотря на то что японские ученые не определяли углов горизонтального профиля лица, судя по рисункам, помещенным в цитируемой статье, ясно, что перед нами черепа с резко уплощенным лицевым скелетом и сильно выступающими скулами. Абсолютные размеры лица черепов из Наньшаньли варьируют очень сильно. Высота лица была определена у всех пяти объектов. Для мужчин она колеблется в пределах 69—75 мм, а для женщин — в пределах 65—74 мм. В целом рассматриваемую краниологическую серию следует признать умеренно высоколицей. Скуловой диаметр мог быть измерен только на двух объектах: на мужском черепе № 16 он равен 138 мм; величина эта близка к максимальной для восточных монголоидов. Женский череп № 13 оказался, напротив, исключительно узколицым: скуловой диаметр у него равняется 114 мм. Угол выступания лица у черепов рассматриваемой серии колеблется от 82° до 89°. Женские черепа несколько более прогнатны по сравнению с мужскими, но суммарно вся серия является мезортогнатной. Очень высокий орбитный указатель черепов из кирпичных могил Ляодуна (84—100) отражает значительную высоту их глазниц, имевших, как у большинства современных и многих древних монголоидов, округлую форму. Носовой указатель мог быть определен на двух мужских черепах (№ 14, 16) и одном женском (№ 13). Первые оказались мезоринными (49—50), а второй — хамэринным (56), угол выступания носовых костей приводится в статье Киёно, Канасэки и Мия-

кэ только для женского черепа № 13. Угол этот (19°) свидетельствует о сравнительно слабом выступании носа (табл. 17).

Размеры мозговой коробки у черепов из Наньшаньли варь-

Таблица 17

ДРЕВНИЕ ЧЕРЕПА ИЗ МАНЬЧЖУРИИ И ЯПОНИИ

Серии и источники Признаки, № по Мартину	Мужские черепа				Женские черепа		
	Южная Маньчжурия, Наньшаньли [Kiyono, Kanaseki, Miyake, 1933]			Япония, погребение Цукумо [Левин, 1971]	Южная Маньчжурия, Наньшаньли [Kiyono, Kanaseki, Miyake, 1933]		Япония, погребение Цукумо [Левин, 1971]
	№ 9	№ 14	№ 16		№ 4	№ 13	
1 Продольный диаметр	196	202	165	186,4 (16)	186,5	167	175,7 (18)
8 Поперечный диаметр	—	151	146	144,4 (18)	—	140	141,9 (21)
1 : 8 Черепной указатель	—	74,8	89	77,7 (16)	—	83,8	80,8 (18)
17 Высотный диаметр	157	—	—	134,0 (13)	—	131	126,1 (14)
17 : 1 Высотно-продольный указатель	80,1	—	—	71,6 (13)	—	78,4	71,5 (14)
17 : 8 Высотно-поперечный указатель	—	—	—	92,2 (13)	—	93,6	89,3 (14)
9 Наименьший лобный диаметр	100	91	91	95,5 (18)	96	—	93,8 (15)
9 : 8 Лобно-поперечный указатель	—	60,2	62,3	66,6 (16)	—	—	66,2 (15)
5 Носо-основной диаметр	101	—	—	103,9 (13)	—	90	96,3 (12)
40 Длина основания лица	93	—	—	102,7 (12)	—	95	95,8 (12)
40 : 5 Указатель выступающего лица	92,0	—	—	98,0 (6)	—	105,2	94,8 (9)
32 Угол наклона лба	81	98	90	81,8 (16)	78	83	84,2 (12)
48 Высота лица	75	69	69	67,0 (13)	74	65	63,1 (9)
48 : 17 Вертикальный кранио-фациальный указатель	47,7	—	—	50,7 (11)	—	49,7	49,6 (10)
45 Скуловой диаметр	—	—	138	143,2 (6)	—	114	132,8 (9)
48 : 45 Лицевой указатель	—	—	50	48,3 (6)	—	57,0	48,1 (6)
72 Лицевой угол	89	—	87	81,9 (13)	84	82	81,8 (10)
52 : 51a Орбитный указатель	95,0	83,8	—	76,5 (12)	100	—	81,0 (7)
54 : 55 Носовой указатель	—	50,0	49,1	54,5 (12)	—	56,3	56,1 (10)
75(1) Угол носовых костей	—	—	—	—	—	19	—

руют очень сильно: из мужских черепов два (№ 9, 14) характеризуются крайне большим длинником (196—202 мм), а третий (№ 16), напротив, оказался абсолютно очень коротким (165 мм); столь же различны по длине и женские черепа (187 мм у № 4 и 167 мм у № 13). Поперечный диаметр мужских черепов колеблется от 146 до 151 мм. На женском черепе № 4 размер определить было невозможно; на черепе же № 13 он составляет 140 мм. Такой большой размах изменчивости горизонтальных диаметров всего на трех-пяти черепах определяет амплитуду их поперечно-продольного указателя (75—89). Наиболее долихокранен мужской череп № 14, наиболее брахиокранен череп того же пола № 16. Высотный диаметр мог быть измерен только на двух черепах: на мужском черепе № 9 он оказался огромным (157 мм), а на женском № 13 — средним (131 мм). В соответствии с этим величина высотно-продольного индекса оказалась на первом объекте исключительно большой (80), а на втором — средней (78). Наименьшая ширина лба в рассматриваемой краниологической серии колеблется от 91 до 100 мм; для восточных монголоидов эти размеры довольно велики. Угол наклона лба на мужских черепах варьирует от 81° до 98° (прямой или слабонаклонный лоб); из женских черепов для одного № 13 также характерен слабый наклон лба (83°), но у другого (№ 4) лоб оказался гораздо более покатым (78°). Надбровье, судя по фотографиям, у всех черепов (как у мужских, так и у женских) развито слабо. В целом черепа из Наньшаньли, несомненно, должны быть отнесены к восточноазиатской расе, для которой характерно сочетание общего грацильного облика с высокой мозговой коробкой, высоким, но среднешироким лицом, средним по индексу (мезоринным) слабо выступающим носом, округлыми и очень высокими глазами. По горизонтальным диаметрам черепа наньшаньлинская серия оказывается очень полиморфной, что отражает, вероятно, общую тенденцию к переходу на северо-восточных рубежах Китая от долихокранных к брахиокранным вариантам восточных монголоидов. Такая тенденция, как известно, ясно прослеживается на территории современной Маньчжурии с глубокой древности, по крайней мере с эпохи бронзы [Крюков, Софронов, Чебоксаров, 1978].

Было бы очень интересно сравнить черепа из Наньшаньли с более или менее синхронными краниологическими сериями из Кореи и Японии; к сожалению, данных о расовой принадлежности древних когурёсцев в нашем распоряжении нет; только гипотетически можно предположить, что, подобно их неолитическим предкам и современным корейским потомкам, они принадлежали к относительно короткоголовым восточным монголоидам. Оставляют желать лучшего краниологические материалы рассматриваемого времени по Японии. Наиболее многочисленная и полно описанная Киёно и Миямото серия черепов из погребений Цукумо включает черепа различного времени, большинство из

которых относятся, однако, к так называемой культуре Сёнохата конца I тысячелетия до н. э. [Киёно, 1944; ср. также Левин, 1971, 177—201]. Культура эта характеризуется сочетанием признаков неолитической культуры дзёмон и более поздней культуры яёй, о влиянии которой красноречиво свидетельствуют кости домашних лошадей, детские захоронения в урнах, плоские каменные мечи, имитирующие металлическое оружие. Черепа из погребений Сёнохата сочетают особенности аборигенного айноидно-южномонголоидного населения Японских островов с черепами восточных монголоидов, которые, несомненно, были связаны с переселенцами из материковой части Восточной Азии (прежде всего из Кореи), близкими антропологически к популяции из Наньшаньли.

Череп из бассейна Тарима

Определенный интерес для этнической антропологии Китая ханьского периода представляют данные о черепах, добытых из погребений Синьцзяна (Восточного Туркестана) в 1913—1915 гг. третьей центральноазиатской экспедицией Аурела Стейна и описанных в специальной работе Артура Кизса [Keith, 1929, 148—180]. Всего было найдено пять черепов. Первый из них представляет собой мумифицированную голову (из Турфана) с остатками кожи, мышц и волос, относящуюся, по-видимому, к VII—VIII вв. и не имеющую, следовательно, отношения к историческому периоду, который рассматривается в настоящей книге [там же, 149]. Однако, поскольку А. Кизс все время сопоставляет эту мужскую голову, обозначенную им № 5 и имеющую явно «китайский» облик, с другими черепами того же пола из коллекции А. Стейна, мы считаем необходимым упомянуть о ней. Два черепа II—III вв. н. э. периода Восточной, или Поздней, Хань были найдены в Лоулане, на восточных рубежах пустыни Такламакан, где проходил Великий шелковый путь из Китая в Среднюю Азию; черепа эти в статье Кизса фигурируют под № 1 и 2 [там же, 154—155], оба они мужские. Еще один череп, тоже мужской (№ 3), обнаружен в погребении у Инпаня, немного западнее Лоуланя [там же, 152—154]. Единственный женский череп (№ 4) из коллекции Аурела Стейна происходит из Ния, на юге пустыни Такламакан; он датируется III в. н. э. [там же, 156—157]. На вопрос об этнической принадлежности людей, черепа которых были собраны А. Стейном, А. Кизс не дает определенного ответа, однако он считает, что они могли принадлежать полукочевым скотоводам и охотникам, говорившим, возможно, на иранском языке, но испытавшим китайское влияние [там же].

А. Кизс в своей статье дал подробное морфологическое описание древних черепов из бассейна Тарима и исследовал их по очень подробной программе, обратив особое внимание на при-

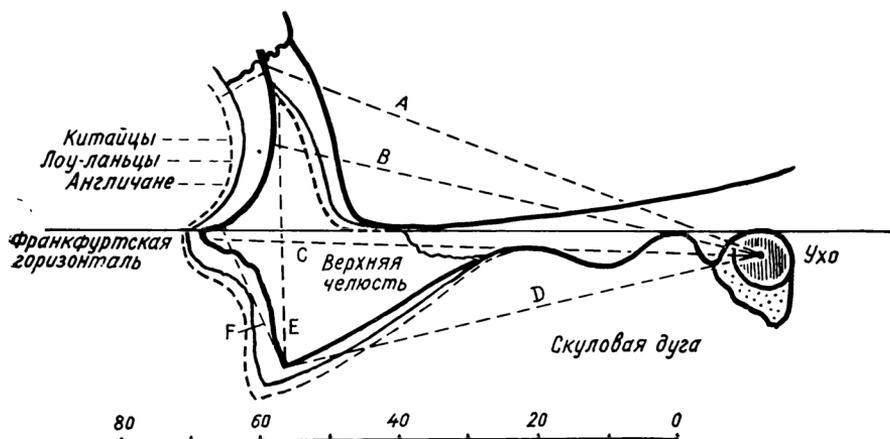


Рис. 14. Соотношение профиля черепов из разных краниологических серий

знаки, разграничивающие расы первого порядка, т. е. в данном конкретном случае монголоидов и европеоидов. Для определения степени выступаения скул, лицевого профиля в целом и носа А. Кизс разработал особую методику, не получившую в дальнейшем широкого распространения в антропологии из-за некоторой сложности и громоздкости, но очень удачно примененную для определения расовой принадлежности таримских черепов. Не входя в подробности этой методики, отметим, что для изучения горизонтального профиля лицевого скелета А. Кизс пользуется несколькими радиальными измерениями, которые берутся при установке черепа во франкфуртской горизонтали от ушного отверстия до различных точек на лобной, скуловой и верхнечелюстной костях [там же, 167—168]. Наглядное представление об этих размерах у китайских, лоуланьских и английских черепов дает помещенный в статье А. Кизса чертеж, который мы считаем полезным воспроизвести (рис. 14). Из этого чертежа ясно видно, что максимальное выступание скуловых дуг характерно для китайцев, а минимальное — для англичан; черепа из Лоуланя по всем размерам, характеризующим степень этого выступания, занимают промежуточное положение, приближаясь, однако, к китайской серии больше, чем к английской. Чертеж А. Кизса основан на иллюстрациях, приведенных в его статье, в таблице, в которую включены индивидуальные данные о четырех лоуланьских черепках (№ 1, 2, 3, 4), а также средние величины по трем мужским лоуланьским (№ 1, 2, 3), десяти китайским, пяти древнешумерским и десяти английским объектам [там же, 179]. Промежуточное положение лоуланьской краниологической серии между европеоидами и монголоидами вытекает из этой таблицы со столь же большой ясностью, как из приведенного у нас чертежа.

О строении, и в первую очередь о выступании вперед, различных участков лица от надбровья (глабеллы) наверху и до подбородка внизу А. Кизс судит по чертежу, который представляет собой обвод передней (преаурикулярной) части черепа, условно отделенной от задней (постаурикулярной) части воображаемой плоскостью, проведенной через ушные отверстия перпендикулярно к плоскости франкфуртской горизонтали [там же, 168—175] (рис. 15). В особой таблице [там же, 180] (табл. 18) А. Кизс дает расстояние от этой условной вертикальной плоскости 11 точек, расположенных в нижней части лба, на носовых костях, в области орбит и скуловых дуг, на верхней и нижней челюстях. В таблице помещены индивидуальные данные о черепах № 1, 2, 3, а также средние величины для лоуланьской, китайской, шумерской, панджабской, дравидской, негрской и английской краниологических серий. Сопоставляя рис. 15 и табл. 18, даже не специалист-антрополог может сделать немало интересных

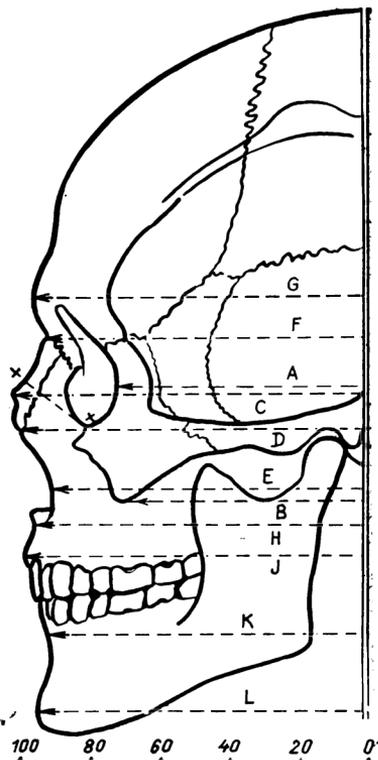


Рис. 15. Лоуланьский череп

выводов расодиагностического характера. Очевидно, например, что скуловые дуги (размер А) наиболее выступают у китайцев, наименее — у англичан и дравидов, все остальные краниологические серии располагаются по этому признаку между первыми и вторыми. Лоуланьские черепа приближаются к английским и дравидским больше, чем к китайским. Высота переносья (F), как и следовало ожидать, минимальная у китайцев, максимальной она оказалась у панджабцев. Лоуланьцы по этому признаку сравнительно мало отличаются от китайцев. Сходные соотношения наблюдаются и по степени выступления носовых костей (С): наименьшее оно у китайцев, наибольшее — у шумеров, панджабцев и англичан. Лоуланьцы и здесь ближе к китайцам, чем к европеоидным сериям. Любопытно, что альвеолярный прогнатизм (J) на лоуланьских черепах выражен даже несколько сильнее, чем на китайских; максимален он, естественно, у негров и довольно велик — у шумеров. В целом промежуточное положение лоуланьской серии (несмотря на ее малочисленность) не вызывает никаких сомнений. Следует еще отметить заметные индивидуальные различия между отдельными лоу-

ланьскими черепами. Череп № 1, например, по многим особенностям лицевого скелета оказывается наиболее «монголоидным», а череп № 3, напротив, наиболее «европеоидным».

Таблица 18

ПРОФИЛЬ ЛИЦЕВОЙ ЧАСТИ ЧЕГЕПА У РАЗНЫХ КРАНИОЛОГИЧЕСКИХ СЕРИЙ, ПО КИЗСУ [KEITH, 1929]

Точки (рис.) Череп											
	A	B	C	D	E	F	G	H	J	K	L
Лоулань I (1)	73	72	98	96	89	90	92	97	97	94	97
Лоулань II (2)	68	69	96	93	87	88	92	94	97	93	99
Инпань (3)	70	70	102	101	86	93	95	92	91	86	79
Среднее для че- репов № 1—3	70,5	70,3	99,0	97,0	87,3	90,3	93,0	94,3	95,0	91,0	92,3
10 китайцев	75,0	72,0	96,5	93,5	84,5	89,0	94,5	89,0	93,5	85,0	77,0
5 древних шуме- ров	70,0	70,0	108,5	99,0	92,5	91,0	96,5	97,5	99,0	98,0	97,5
5 панджабцев	72,5	70,0	103,5	99,0	87,0	95,5	98,0	92,5	94,5	88,0	87,0
5 дравидов	69,0	66,5	98,0	94,5	85,0	91,0	96,0	90,5	91,5	89,0	82,0
10 негров	72,0	72,5	98,0	95,5	90,0	91,0	95,0	95,5	101,5	94,5	92,5
10 англичан	69,0	68,0	100,0	94,5	87,5	91,5	96,5	91,0	92,5	90,0	100,0

В заключение своей статьи А. Кизс пишет: «Лоуланьский тип характеризуется как монголоидными, так и кавказоидными особенностями; он является промежуточным типом. Этот тип, по мнению автора, сложился не путем гибридизации, но путем естественного процесса эволюции. Следует обратить внимание на великий расовый водораздел, который разделяет народы других стволов Южной Азии и Европы; по обе стороны этого водораздела расположены зоны промежуточных типов. Так как пустыня Такламакан составляет часть этого великого расового водораздела, можно предполагать, что лоуланьская популяция также должна была иметь промежуточный характер; лоуланьцы заполняют промежуток между монголоидами киргизского типа и иранским типом Памира и Персии» [там же, 175—176]. Вывод А. Кизса о промежуточном монголоидно-европеоидном характере расового типа лоуланьцев, как мы видели, совершенно правилен. Однако вряд ли можно согласиться с тем, что тип этот сформировался не в результате метисации, а в процессе естественной эволюции. В коллективной монографии «Древние китайцы. Проблемы этногенеза», подготовленной теми же авторами, что и настоящая книга, был освещен вопрос о возможности ранних — позднепалеолитических, мезолитических и неолитических — контактов между восточными монголоидами Северного Китая и европеоидными популяциями более западных районов

ойкумены [Крюков, Софронов, Чебоксаров, 1978, 122—130]. Нет никаких достоверных данных о смешении восточномонголоидных и европеоидных популяций на территории современного Синьцзяна или о сохранении в этом регионе каких-то древних недифференцированных групп, переходных между теми и другими. Несомненные хозяйственно-культурные, а может быть, и биологические контакты населения бассейна Хуанхэ с западноевразийскими этносами осуществлялись, по-видимому, не столько через Синьцзян и Среднюю Азию, сколько через современную Монголию и Южную Сибирь. Очень вероятно, что в бассейне Тарима монголоиды и европеоиды встретились сравнительно поздно — возможно, только в конце I тысячелетия до н. э., когда началась первая (ханьская) экспансия древних китайцев на северо-запад.

Именно в это время на территории современного Синьцзяна (включая и бассейн Тарима) началось смешение местного, по всей вероятности европеоидного, ирано- или тохароязычного населения с проникавшими с востока монголоидами, среди которых могли быть как центрально-, так и восточноазиатские популяции. Первые были сопряжены преимущественно с алтайскими народами (в первую очередь с сунну), вторые же — с древними китайцами. Л. С. Переломов в следующих словах характеризует ту социально-политическую обстановку, на фоне которой протекали эти расо- и этногенетические процессы: «При У-ди внешняя политика продолжала активизироваться. Серьезную опасность для Китая представлял гуннский союз, созданный на севере на грани III—II вв. до н. э. во главе с правителем Модэ... Перед тем как начать войну против гуннов, У-ди послал своего представителя Чжан Цяня на запад на поиски союзников. Чжан Цянь попал к гуннам в плен и вернулся лишь через 10 лет, собрав много важных сведений о „западных странах“. Он впервые открыл путь из Китая через пустыни и горы в Среднюю Азию. Этот путь в Европе получил название Великого шелкового пути. Не дожидаясь возвращения посланца, ханьские войска начали военные действия против гуннов в 129 г. до н. э. После длительных кровопролитных войн им удалось оттеснить неприятеля с территории Ганьсу. Зажиточные группы торговцев были заинтересованы в установлении связей с западом и в использовании Великого шелкового пути. Этот путь начинался от столицы империи г. Чанъань, шел на северо-запад до Дуньхуана, где расходился на две дороги, ведущие к Джунгарским воротам и в Кашгар. Из Кашгара торговые пути вели в Фергану и Бактрию, а отсюда — в Парфию и Индию. По этому пути Китай стал вывозить шелк, железо, никель, драгоценные металлы, лаковые изделия, косметику и пряности. Многие из этих товаров достигали даже Римской империи. С запада, прежде всего из района Ферганы, Китай получал боевых коней, необходимых для тяжелой вооруженной конницы. Торговый путь способствовал проникновению из Средней Азии в Китай таких сельскохозяйственных

культур, как фасоль, ореховое дерево, виноград, шафран» [Переломов, 1974, 39—40].

Констатацией метисного происхождения древней краниологической серии из бассейна Тарима ее расовый анализ не должен, конечно, ограничиваться, хотя крайне малое количество черепов коллекции А. Стейна затрудняет даже гипотетическое выделение среди них каких-либо расовых компонентов второго порядка. Все же некоторые соображения о таких компонентах могут быть высказаны при метрической и описательной характеристике отдельных черепов (табл. 19). Из собственно лоуланских мужских черепов один (I) оказывается по абсолютным размерам мозговой коробки среднелинным и довольно узким, другой же (II) — очень коротким и еще более узким; черепной индекс этих объектов указывает на мезобрахикранию. Высота обоих мужских черепов из Лоуланя значительна, их высотный диаметр заметно превышает поперечный. Лоб у них среднеширокий, слабонаклонный; надбровье развито незначительно, лицо очень низкое и узкое; нос короткий, широкий, по указателю — хамэринный. Все эти особенности при бесспорном наличии монголоидных признаков первого порядка позволяют высказать предположение о том, что монголоидный компонент в составе лоуланьской популяции скорее всего был тихоокеанским, а не континентальным. Гипосистоцефалия, низкое лицо, абсолютно и относительно широкий нос и тенденция к альвеолярному прогнатизму указывают на возможные южномонголоидные генетические связи черепов из Лоуланя и вместе с тем свидетельствуют против их центральноазиатского происхождения. Сходными морфологическими особенностями характеризуется и женский череп из Ния (№ 4) — сравнительно длинный, узкий, абсолютно и относительно средневысокий, несколько более долихокраний по сравнению с мужскими черепами. Общий облик черепа (№ 4) грацильный, его абсолютные размеры малы; лицо крайне низкое и узкое (даже с учетом его половой принадлежности). Нос сильно выступающий, по указателю — мезоринный, переносье низкое, на нижнем крае грушевидного отверстия заметны предносовые ямки. Детальная морфологическая характеристика двух других объектов из Таримского бассейна (№ 3 и 5) вряд ли целесообразна в настоящей главе, так как хронологически они выходят за рамки ханьского периода и должны быть отнесены уже к раннему периоду средневековья. Все же заслуживает внимания мнение А. Кизса, что череп из Инпаня (IV—V вв.) и мумифицированная голова из Турфана (VII—VIII вв.), несмотря на их большие абсолютные размеры мозговой коробки и лица и значительную массивность, могут быть отнесены к последующим поколениям той же популяции, которая во II—III вв. была представлена лоуланьской краниологической серией [Keith, 1929, 151—152]. Интересно также предположение А. Кизса о возможных связях популяций бассейна Тарима с тибетцами, наиболее отчетливо

Т а б л и ц а 19
Древние черепа из Синьцзяна, Средней Азии и Казахстана

Признаки № по Мартину	Мужские черепа						Женские черепа					
	Серии и источники						Южная Приаралье [Гинзбург, Трофимова, 1972]		Бассейн Тарима [Кизас, 1929]		Киргизия [Гинзбург, Трофимова, 1972]	
	Луглянъ I	Луглянъ II	Ипчань	Турфан	«Тунья»	Усуня	Семиречье [Гинзбург, Трофимова, 1972]	Канта-Кала и Куня-Уаз	Ния	«Тунья»	Усуня	Семиречье [Гинзбург, Трофимова, 1972]
1	181 (1)	174 (1)	186 (1)	188 (1)	177,9 (68)	179,1 (38)	181,9 (25)	177,2 (4)	178 (1)	168,1 (45)	171,2 (18)	171,1 (22)
8	135 (1)	139 (1)	145 (1)	140 (1)	142,2 (62)	145,7 (39)	144,6 (23)	136,7 (6)	133 (1)	133,6 (42)	140,6 (18)	140,3 (22)
8 : 1	75,0 (1)	79,9 (1)	78,0 (1)	74,4 (1)	79,8 (62)	81,2 (37)	79,9 (23)	77,2 (4)	74,7 (1)	79,4 (42)	82,1 (17)	82,1 (22)
17	138 (1)	138 (1)	145? (1)	—	136,0 (64)	132,8 (29)	138,1 (10)	140,0 (3)	125 (1)	131,4 (39)	127,3 (14)	132,1 (16)
17 : 1	76,3 (1)	79,4 (1)	78,0 (1)	—	76,5 (64)	74,2 (28)	76,6 (8)	78,4 (3)	70,2 (1)	78,3 (39)	74,3 (13)	77,6 (16)
17 : 8	102,1 (1)	99,5 (1)	100 (1)	—	95,7 (62)	91,1 (29)	96,0 (8)	102,7 (3)	94,0 (1)	98,5 (38)	90,3 (13)	95,2 (15)
9	98 (1)	97 (1)	96 (1)	105 (1)	96,1 (78)	99,6 (43)	99,4 (30)	106,2 (6)	87 (1)	93,2 (50)	93,2 (19)	95,5 (27)
9 : 8	72,6 (1)	69,8 (1)	66,2 (1)	75 (1)	67,5 (67,5)	66,3 (66,3)	68,8 (68,8)	77,6 (77,6)	65,4 (1)	69,7 (69,7)	67,3 (67,3)	68,1 (68,1)

94 Таблица 19 (продолжение)

Признаки № по Мартину	Серии и источники						Мужские черепа				Женские черепа							
	Бассейн Тарима [Кизс, 1929]						Киргизия [Гинзбург, Трофимова, 1972]		Семиречье [Иназбург, Трофимова, 1972]		Южное Приаралье [Иназбург, Трофимова, 1972]		Бассейн Тарима [Кизс, 1929]		Киргизия [Гинзбург, Трофимова, 1972]		Семиречье [Иназбург, Трофимова, 1972]	
							«Гунны»	Усуни	Усуни	Усуни	Усуни	Усуни	Усуни	Усуни	Усуни	Усуни	Усуни	Усуни
Людьян I	Людьян II	Иппань	Турфан	«Гунны»	Усуни	102 (1)	101 (1)	105 (1)	—	102,2 (72)	101,7 (30)	104,1 (11)	103,3 (3)	99 (1)	96,7 (43)	95,3 (14)	96,9 (14)	
5 Носо-основной диаметр	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
40 Длина основания лица	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
40 : 5 Указатель выступания лица	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
32 Угол наклона лба	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
48 Высота лица	64 (1)	67 (1)	83 (1)	75 (1)	73,3 (73)	71,4 (38)	73,2 (29)	79,5 (5)	51 (1)	69,9 (46)	68,7 (14)	67,6 (26)	67,6 (22)	68,7 (18)	68,7 (18)	67,6 (22)	86,7 (13)	86,7 (13)
48 : 17 Вертикальный краниофациальный указатель	46,0 (1)	48,6 (1)	57,3 (1)	—	54,2 (61)	53,7 (28)	49,3 (29)	56,8 (56,8)	40,8 (16)	53,2 (38)	54,0 (13)	52,9 (16)	52,9 (16)	53,2 (13)	54,0 (13)	52,9 (16)	52,9 (16)	52,9 (16)
45 Скуловой диаметр	128 (1)	135 (1)	146 (1)	143 (1)	136,7 (75)	136,3 (41)	139,7 (24)	131,7 (4)	120 (1)	127,0 (44)	127,0 (19)	131,2 (23)	131,2 (23)	127,0 (19)	127,0 (19)	131,2 (23)	131,2 (23)	131,2 (23)
48 : 45 Лицевой указатель	50,1 (1)	50,0 (1)	56,8 (1)	52,5 (1)	53,6 (72)	52,2 (35)	52,7 (25)	60,3 (4)	42,6 (1)	55,2 (43)	54,0 (14)	52,8 (22)	52,8 (22)	55,2 (43)	54,0 (14)	52,8 (22)	52,8 (22)	52,8 (22)
72 Лицевой угол	—	—	—	—	85,9 (68)	86,0 (35)	87,4 (23)	88,8 (4)	—	85,9 (40)	86,5 (16)	86,5 (16)	86,5 (16)	85,9 (40)	86,5 (16)	86,5 (16)	86,5 (16)	86,5 (16)

Таблица 19 (продолжение)

Признаки № по Мартину	Мужские черепа						Женские черепа					
	Лулянь I	Лулянь II	Ипнать	Турфан	«Гунылы»	Усуня	Усуня	Усуня	Ния	«Гунылы»	Усуня	Усуня
74 Альвеолярный угол	—	—	—	—	77,2 (45)	74,9 (28)	72,5 (21)	82,0 (4)	—	77,0 (26)	72,8 (12)	72,0 (21)
77 Назо-малярный угол	—	—	—	—	140,5 (73)	143,4 (30)	143,7 (28)	128,0 (5)	—	139,6 (46)	144,5 (14)	143,4 (23)
— Зиго-максиллярный угол	—	—	—	—	130,8 (58)	131,4 (35)	130,7 (27)	119,3 (4)	—	130,3 (40)	133,2 (16)	132,2 (27)
52 : 51 Орбитный указатель (от максилло-фронтале)	81,6 (1)	80,1 (1)	92,3 (1)	—	80,8 (74)	77,9 (33)	77,7 (27)	93,5 (5)	86,6 (1)	84,1 (47)	82,3 (15)	79,6 (27)
52 : 51a Орбитный указатель (от дакриона)	—	—	—	—	85,7 (73)	83,2 (40)	87,0 (24)	102,5 (3)	—	90,1 (47)	86,5 (19)	86,8 (24)
54 : 55 Носовой указатель	55,4 (1)	57,4 (1)	49,1 (1)	47,9 (1)	48,3 (78)	49,3 (43)	49,3 (29)	45,8 (5)	48,8 (1)	49,0 (50)	50,8 (17)	51,4 (28)
— Симотический указатель	—	—	—	—	45,4 (82)	47,9 (32)	46,9 (37)	37,4 (6)	—	37,4 (49)	40,4 (13)	44,6 (23)
75 (1) Угол носовых костей	—	—	—	—	26,2 (56)	27,9 (30)	29,6 (26)	18,0 (4)	—	23,1 (39)	21,4 (15)	24,6 (20)
— Надбровье (1—6)	—	—	—	—	2,8 (79)	3,2 (44)	3,1 (30)	3,0 (5)	—	1,4 (49)	1,9 (18)	1,6 (29)
— Клыковая ямка (0—4)	—	—	—	—	1,8 (25)	2,4 (16)	1,6 (30)	2,5 (7)	—	1,5 (22)	1,5 (4)	1,7 (29)

{ } — отношение средних.

выступающих при сравнении мумифицированной головы из Турфана (№ 5) и крупного мужского черепа из Инпаня (№ 3) с типом В Дж. Моранта [Mogant, 1923, 193—260; Mogant, 1924, 1—105], характерным для тибетцев Кама [Keith, 1929, 164—165].

Расовые типы западных и северных соседей

Для этнической антропологии древних китайцев и соседних с ними народов периода первых централизованных империй (III в. до н. э.— III в. н. э.) большой интерес представляет вопрос о том, насколько далеко на запад и на север простиралась та зона метисации монголоидов и европеоидов, которая ясно прослеживается в бассейне Тарима по краниологическим материалам, проанализированным А. Кизсом. Не менее важно постараться, хотя бы гипотетически, определить, какие конкретные компоненты второго порядка обеих больших групп рас входили в состав этнических общностей, бывших в рассматриваемое время западными и северными соседями древних китайцев, но не включенных политически в пределы ханьского государства. Если до II в. до н. э. мы не располагаем никакими достоверными сведениями — ни археологическими, ни палеоантропологическими, ни собственно историческими — о связях древних китайцев с их западными соседями через территорию современного Синьцзяна, то начиная со времени правления ханьского императора У-ди (140—87 гг. до н. э.) связи эти становятся все более и более интенсивными и не прерываются на протяжении всего периода, рассматриваемого в настоящей книге. К 104 г. до н. э. относится уже упоминавшийся выше поход на Давань (Фергану), к 36 г. до н. э. — новый поход на расположенный западнее Канцзюй, наконец, к 97 г. н. э. — посольство Гань Ина, достигшее побережья Персидского залива. Очевидно, таким образом, что в ханьское время древние китайцы бывали в Средней Азии целыми группами, хотя, по-видимому, нигде не оставили более или менее длительных поселений. Древнекитайский историк-летописец Бань Гу пишет в гл. 96а «Ханьшу»: «На запад от Давани (Ферганы) до страны Аньси (Парфии) языки, хотя и различаются, в целом схожи, и жители могут понимать друг друга. Все люди там имеют глубокие глаза и густые бороды» [Бань Гу, 1964, 12, 3, 896]. Густые бороды и глубоко сидящие глаза, всегда связанные с повышенным переносом, служат неопровержимым доказательством принадлежности населения Западного края к европеоидам и его расового отличия от древних китайцев, которое последние прекрасно сознавали.

Эти скудные, но очень выразительные данные Бань Гу хорошо согласуются с палеоантропологическими материалами последних веков до нашей эры и первых веков нашей эры с территории современного Казахстана и Средней Азии, заселенных в то время разными, вероятно ираноязычными, племенами, среди

которых наибольшую роль играли саки, очень близкие к ним или даже тождественные с ними юэджи (на поиски которых ездил Чжан Цянь) и в особенности неоднократно упоминаемые китайскими источниками усунь. Не входя в детальную расо-антропологическую характеристику всех этих этнических общностей, ограничимся общим представлением о них, опираясь главным образом на сводки О. Исмагулова, В. В. Гинзбурга и Т. А. Трофимовой [Исмагулов, 1970, 39—56; Гинзбург, Трофимова, 1972, 141—188]. «Исходной формой расового типа населения Казахстана этого времени,— пишет О. Исмагулов,— следует считать древнеказахстанский антропологический тип, являющийся одной из форм протоевропейской расы. Следовательно, основной физической облик племен усуньского времени образовался на базе более древнего местного населения, европеоидного по своему расовому типу. Обнаруженная в антропологическом составе населения этого времени монголоидная примесь еще составляла незначительную долю, но уже несколько большую, чем в сакское время. В усуньский период индивидуумы с монголоидными особенностями встречаются гораздо чаще, чем в сакский период» [Исмагулов, 1970, 55]. В. В. Гинзбург и Т. А. Трофимова также считают, что «основу антропологического типа усуней Семиречья, как и Тянь-Шаня, составляет европеоидная раса с небольшой монголоидной примесью. Как общая характеристика, так и индивидуальное изучение черепов показывают, что у усуней преобладали черты андроновского типа с переходом в разной степени к типу среднеазиатского междуречья. Монголоидная примесь в целом небольшая, но на некоторых черепах выражена более четко. Общая выраженность монголоидных признаков у усуней Семиречья несколько больше, чем на Тянь-Шане» [Гинзбург, Трофимова, 1972, 150, 188, рис. 39] (см. табл. 19).

Если европеоидные расовые типы в составе усуней, юэжей и других этнических общностей Казахстана и Средней Азии рассматриваемого периода выделяются без особого труда, то монголоидные компоненты, присутствующие в это время на данной территории лишь в виде небольшой примеси, поддаются определению с большим трудом и могут быть намечены только гипотетически. Проведенное О. Исмагуловым сравнение усуньских черепов трех периодов: 1) III—II вв. до н. э.; 2) I в. до н. э. и 3) II—III вв. н. э.— показало, что лицо усуней с течением времени становилось более широким и более плоским [Исмагулов, 1970, 45—44, табл. 5]. Это наводит на мысль о проникновении в Семиречье с востока расовых компонентов, принадлежащих к континентальным (северным) монголоидам, которые и в более поздние исторические эпохи играли очень существенную роль в истории расового состава населения Казахстана и Средней Азии, в особенности в формировании широко распространенного здесь и в настоящее время южносибирского типа. Не исключена, однако, возможность, что в Среднюю Азию наряду с

континентальными монголоидами могли проникать в небольшом количестве и тихоокеанские восточноазиатские узколибые монголоиды, присутствие которых отмечено Т. А. Трофимовой среди черепов из позднекушанских захоронений оссуарного типа на левобережье Амударьи, в древних крепостях Канга-Кала и Куня-Уаз [Гинзбург, Трофимова, 1972, 173—174]. Тот же исследователь обращает внимание, что в захоронениях Тянь-Шаня и некоторых других районов Средней Азии усуньского времени «усиление монголоидных черт погребенных в катакомбных могильниках не сопровождается увеличением широтных размеров лицевой части черепа. Это может быть связано с тем, что в состав расового типа этой популяции вошел не широколицый компонент центрального или североазиатского типа, а узколикий компонент дальневосточной расы» [там же, 186]. Может быть, в Средней Азии оставили свое потомство древнекитайские солдаты, послы, а также женщины, направлявшиеся ханьскими императорами местным владыкам разного ранга в качестве жен или наложниц.

Для полного раскрытия сложного этнорасового окружения древних китайцев периода централизованных империй значительный интерес имеют относящиеся к этому времени палеоантропологические материалы с территории МНР, изученные советскими учеными. Здесь в первую очередь должны быть упомянуты черепа из Улангомского могильника, относящиеся к саянотувинской культуре V—III вв. до н. э., т. е. к самому концу скифской эпохи. Краниологические данные по этому могильнику, расположенному на крайнем северо-западе Монголии, вблизи границы СССР, до настоящего времени полностью не опубликованы, но мы имеем возможность благодаря любезному разрешению Н. Н. Мамоновой ознакомиться с ними [Мамонова, 1976].

Улангомские черепа характеризуются средними величинами всех трех основных диаметров мозговой коробки, мезокранией, широким средненаклонным лбом, сравнительно небольшим по азиатским масштабам скуловым диаметром, средневысоким лицом, мезоринным носом. Лицевой скелет у них был значительно профилирован как в верхней, так и в нижней части, носовые кости выступали значительно (табл. 20). Можно вполне согласиться с Н. Н. Мамоновой, что племена, расселявшиеся в позднескифское время на территории Северо-Западной Монголии и сопредельных с ней районов Алтая и Тувы, в расовом отношении были близки между собой: в их составе преобладали европеоидные расовые компоненты, но имелись и определенные монголоидные включения, которые в Улангомском могильнике были более заметны, чем в скифских захоронениях Алтая и Тувы. Очень интересны наблюдения Н. Н. Мамоновой о том, что доля черепов с монголоидными чертами в женской группе больше, чем в мужской. Вероятно, в западной части Монголии наблюдались в рассматриваемое время расо- и этногенетические процессы,

ДРЕВНИЕ ЧЕРЕПА ИЗ ЮЖНОЙ СИБИРИ И МОНГОЛИИ

Признаки № по Мартину	Мужские черепа				Женские черепа							
	МНР		Южная Сибирь		Южная Сибирь		Южная Сибирь					
	Поздние скифы. Уланом [Мамонов, 1976]	Сюньну (Гунца) [Мамонов, 1976]	Забайкалье (Гун- ца) [Мамонов, 1974]	Минусинская котловина [Алексеев, 1963]	Таштыкцы (Динлин- серия [Козинцев, 1977])	Таштыкцы (Динлин- серия [Козинцев, 1963])	Забайкалье (Гун- ца) [Мамонов, 1974]	Минусинская котловина [Алексеев, 1963]	Таштыкцы (Динлин- серия [Козинцев, 1977])			
										Татарцы		Татарцы
	I	II	III	I	II	III	I	II	III			
II Продольный диаметр	185,4 (46)	187,5 (9)	186,4 (125)	189,4 (83)	188,4 (31)	186,9 (319)	181,7 (31)	176,7 (10)	170,9 (51)	176,9 (13)	179,0 (247)	178,7 (20)
8 Поперечный диаметр	142,7 (36)	146,3 (8)	141,5 (123)	140,3 (77)	139,7 (25)	140,6 (293)	140,0 (31)	148,5 (10)	137,0 (73)	139,7 (13)	135,0 (223)	137,6 (21)
8 : 1 Черепной указатель	76,9 (37)	78,9 (8)	75,2 (120)	74,0 (75)	74,7 (25)	75,3 (285)	77,2 (31)	83,7 (10)	76,5 (72)	78,8 (12)	75,5 (216)	77,2 (20)
17 Высотный диаметр	134,0 (38)	126,7 (7)	136,5 (102)	136,0 (59)	137,0 (24)	135,9 (256)	130,7 (28)	124,5 (10)	130,8 (62)	131,1 (41)	129,5 (205)	129,0 (15)
17 : 1 Высотно-продоль- ный указатель	73,1 (37)	71,1 (9)	73,3 (101)	71,8 (58)	73,3 (24)	72,9 (249)	71,9 (28)	70,4 (10)	73,2 (61)	74,1 (10)	72,7 (198)	72,6 (14)
17 : 8 Высотно-поперечный указатель	94,6 (30)	91,3 (7)	96,1 (100)	97,6 (57)	99,8 (22)	96,8 (242)	93,6 (28)	84,0 (10)	95,6 (60)	97,4 (39)	96,8 (188)	94,1 (15)
9 Наименьший лобный диаметр	96,9 (40)	91,4 (9)	99,4 (129)	99,6 (85)	101,1 (31)	98,8 (346)	96,2 (33)	90,8 (10)	96,6 (89)	96,4 (55)	95,8 (264)	96,8 (22)
9 : 8 Лобно-поперечный указатель	{68,8}	{62,6}	70,1 (120)	70,9 (73)	72,2 (24)	70,3 (290)	68,9 (31)	61,2 (10)	70,3 (72)	71,5 (47)	71,1 (219)	70,4 (21)

Таблица 20 (продолжение)

Признаки № по Мартину	Мужские черепа						Женские черепа							
	МНР			Южная Сибирь			Южная Сибирь			Южная Сибирь				
	Поздние скифы, Улатом [Мамонов, Ва, 1976]	Сюнну (Гунны) [Мамонов, 1976]	Забайкалье (Гун- ны) [Мамонов, 1974]	Минусинская котловина [Алексеев, 1963]	Татарцы	Татарцы: сводная серия [Козинцев, 1977]	Таштыкцы (Динли- ны) [Алексеев, 1963]	Минусинская котловина [Алексеев, 1963]	Татарцы	Татарцы: сводная серия [Козинцев, 1977]	Таштыкцы (Динли- ны) [Алексеев, 1963]			
	I	II	III	I	II	III	I	II	III	I	II	III		
5	102,8 (33)	98,9 (7)	100,2 (9)	104,7 (100)	105,5 (57)	104,4 (23)	105,0 (258)	97,2 (27)	97,0 (10)	100,4 (62)	100,7 (40)	98,8 (10)	100,3 (201)	98,2 (14)
40	99,6 (30)	96,0 (7)	99,0 (8)	101,4 (88)	102,7 (54)	101,0 (20)	101,7 (223)	97,6 (25)	97,3 (10)	98,9 (57)	98,1 (36)	96,5 (10)	98,6 (172)	95,0 (14)
40 : 5	96,5 (27)	97,0 (7)	99,4 (8)	97,1 (96)	97,5 (54)	96,7 (20)	96,9 (224)	97,2 (25)	99,2 (10)	98,5 (57)	98,0 (36)	97,7 (10)	98,3 (170)	96,2 (14)
32	82,1 (40)	77,0 (8)	77,5 (8)	83,2 (95)	83,1 (58)	84,8 (22)	82,3 (252)	82,8 (22)	78,8 (10)	85,1 (65)	84,8 (42)	85,2 (12)	83,8 (211)	84,9 (18)
48	70,7 (50)	71,3 (9)	74,5 (8)	71,9 (115)	72,8 (73)	72,7 (27)	71,8 (290)	72,6 (30)	71,1 (10)	69,5 (78)	68,9 (53)	67,3 (12)	68,6 (218)	68,3 (19)
48 : 17	52,8 (33)	56,3 (7)	55,9 (8)	52,7 (91)	53,5 (55)	52,3 (20)	52,8 (217)	55,7 (25)	57,1 (10)	52,8 (59)	52,7 (38)	51,5 (40)	52,8 (172)	52,5 (15)
45	136,3 (44)	139,9 (7)	140,9 (9)	138,1 (99)	138,0 (62)	134,7 (19)	137,6 (224)	134,2 (28)	133,1 (10)	129,6 (60)	128,6 (44)	130,3 (15)	128,4 (192)	129,0 (15)
48 : 45	52,1 (41)	49,7 (9)	53,4 (8)	52,0 (96)	52,6 (59)	53,7 (19)	52,3 (208)	53,9 (28)	53,4 (10)	53,6 (59)	53,5 (43)	51,7 (12)	53,4 (171)	52,2 (15)
72	86,3 (39)	88,0 (8)	83,2 (5)	86,6 (94)	85,6 (57)	86,5 (22)	85,1 (241)	86,5 (27)	84,0 (10)	85,4 (65)	85,7 (42)	83,7 (12)	83,9 (189)	86,3 (16)

Т а б л и ц а 20 (продолжение)

Признаки № по Мартину	Мужские черепа						Женские черепа							
	МНР			Южная Сибирь			Южная Сибирь			Южная Сибирь				
	Поздние скифы, Улангом [Мамо- ва, 1976]	Сюнну (Гунны) [Мамонова, 1976]	Забайкалье (Гун- ны) [Мамонова, 1974]	Минусинская котловина [Алексеев, 1963]			Минусинская котловина [Алексеев, 1963]			Таргачи	Таргачи	Таргачи (Линин- ский) [Алексеев, 1963]		
				Таргачи	Таргачи	Таргачи	Таргачи	Таргачи	Таргачи					
И	II	III	И	II	III	И	II	III	И	II	III			
74	—	—	70,8 (5)	82,1 (80)	78,7 (38)	83,1 (18)	80,2 (210)	80,2 (24)	69,4 (10)	77,8 (52)	80,3 (31)	77,5 (11)	77,3 (170)	76,2 (12)
77	140,7 (42)	147,4 (9)	149,0 (9)	141,2 (98)	140,7 (57)	140,2 (26)	140,3 (275)	141,5 (24)	148,9 (10)	141,2 (66)	140,8 (40)	142,5 (11)	140,5 (216)	142,3 (18)
—	131,4 (41)	138,5 (9)	139,7 (8)	127,9 (86)	129,8 (42)	129,4 (20)	128,7 (247)	130,6 (24)	135,5 (10)	128,2 (61)	127,5 (36)	130,3 (11)	128,2 (207)	129,7 (16)
52 : 51.	77,1 (46)	—	80,1 (8)	75,0 (100)	75,7 (52)	73,9 (27)	75,8 (270)	78,4 (25)	83,2 (10)	78,3 (66)	78,9 (39)	78,9 (10)	78,5 (226)	80,5 (18)
52 : 51a	81,7 (44)	87,2 (9)	84,8 (8)	79,4 (116)	80,3 (75)	79,1 (30)	79,8 (280)	83,9 (30)	88,4 (9)	82,9 (78)	83,2 (53)	82,7 (10)	82,7 (229)	84,5 (19)
54 : 55	49,7 (45)	50,0 (9)	49,6 (8)	49,0 (116)	48,3 (72)	48,5 (22)	48,3 (301)	49,5 (20)	52,5 (10)	49,6 (79)	50,0 (50)	49,7 (10)	49,1 (237)	49,5 (18)
—	73,1 (43)	44,0 (9)	42,6 (8)	55,2 (103)	49,5 (54)	52,0 (26)	53,4 (279)	46,4 (25)	35,3 (9)	46,8 (64)	44,1 (42)	46,2 (11)	46,9 (226)	42,6 (18)
75(1)	31,0 (36)	17,9 (7)	22,3 (3)	30,4 (94)	30,3 (58)	27,0 (23)	30,5 (234)	24,1 (28)	19,3 (8)	26,4 (60)	26,8 (43)	23,4 (11)	26,3 (185)	23,4 (14)
—	3,1 (49)	3,4 (9)	2,3 (9)	3,63 (131)	3,58 (85)	3,63 (32)	3,7 (341)	3,03 (33)	1,6 (10)	2,40 (83)	2,36 (56)	2,21 (14)	2,2 (264)	2,41 (22)
—	4,83 (47)	—	4,4 (7)	—	—	—	5,26 (274)	—	3,5 (10)	—	—	—	4,71 (221)	—

аналогичные тем, которые протекали среди усуньско-юэчжийских племен Семиречья и Тянь-Шаня: внедрение в состав европеоидных популяций с востока монголоидных элементов, связанных скорее всего с сюнну, постепенно продвигавшихся от северных рубежей ханьской империи в западном направлении.

С самими сюнну (гуннами), непосредственными северными соседями древних китайцев на протяжении всего периода династий Цинь и Хань, связываются многие могильники Южной Сибири (включая Прибайкалье и Забайкалье), а также Монголии. Хорошая сводка данных по антропологии гуннов Забайкалья помещена в одной из последних статей Н. Н. Мамоновой, основанной главным образом на изучении материалов из известного могильника Черемуховая падь [Мамонова, 1974, 201—228]. Тому же автору принадлежит характеристика черепов сюнну из различных местонахождений в МНР [Мамонова, 1976, рукопись]. Почти все краниологические серии сюнну (как из СССР, так и из МНР) характеризуются в целом типичными особенностями континентальных (северных) монголоидов: очень плоским, широким и довольно высоким лицом, округлыми глазницами, относительно низким переносьем, слабо выступающим носом и т. п. (см. табл. 20). Мезокrania, небольшой высотный диаметр мозговой коробки, узкий, но наклонный лоб, развитое надбровье и некоторые другие признаки позволяют отнести большинство черепов сюнну к массивному палеосибирскому типу, известному на востоке Сибири и в Центральной Азии еще с неолита. Однако на отдельных черепах сюнну отмечаются европеоидные черты. Особняком стоит краниологическая серия из Нейма-Тологой (МНР, недалеко от Улан-Батора), которую Т. Тот описал как европеоидную с монголоидными чертами и считал возможным сблизить ее с черепами усуней Южного Казахстана [Т. Toth, 1967]. Таким образом, возможно, что смешение европеоидов с континентальными монголоидами частично происходило и в гуннской этнической среде. О наличии узколидых тихоокеанских монголоидов в составе сюнну у нас нет никаких антропологических данных.

К более далеким соседям древних китайцев ханьского времени обычно относят живших предположительно в бассейне верхнего Енисея динлинов, с которыми многие исследователи связывают памятники позднетагарской и особенно таштыкской культур. Тагарцы Минусинской котловины по своему расовому типу были мезодолихокранными европеоидами, по многим признакам сходными с популяциями андроновской и афанасьевской культур; однако в тагарской краниологической серии присутствует небольшая, но вполне отчетливая монголоидная примесь [Дебец, 1948, 124—129; Алексеев, 1963, 159—160; Козинцев, 1977, 63—67]. Смена тагарской культуры таштыкской на рубеже нашей эры происходила постепенно и сопровождалась возрастанием удельного веса монголоидных компонентов, которое нахо-

дит отражение в том, что таштыкские черепа по сравнению с тагарскими несколько более плосколицы, обладают более округлыми глазницами и менее выступающими носовыми костями [Дебец, 1948, 129—135; Алексеев, 1963, 160—161]. Однако «монголизация» населения Минусинской котловины в таштыкскую эпоху не сопровождалась увеличением высоты и ширины лица, что дало повод Г. Ф. Дебецу предполагать формирование у тагарцев метаморфного уральского типа [Дебец, 1948, 134]. Увеличение доли монголоидных компонентов и возникновение переходных, метисных форм можно наблюдать на характерных для таштыкской культуры гипсовидных масках, отлитых по формам, снятым с

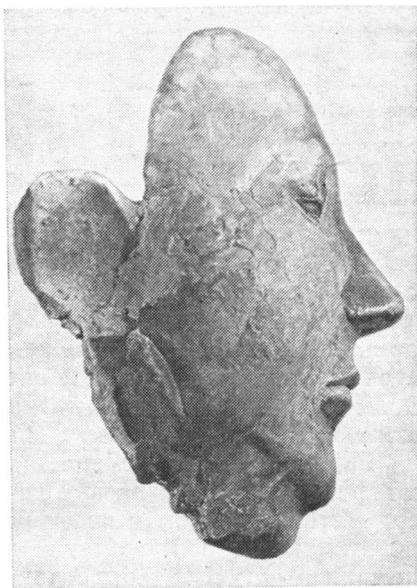


Рис. 16. Таштыкская маска

лица покойников (рис. 16). Таким образом, зона взаимодействия и смещения различных монголоидных и европеоидных популяций в конце I тысячелетия до н. э. и в начале II тысячелетия н. э. охватывала огромную территорию в пределах современного Сибиряна, Средней Азии, Казахстана, Южной Сибири и Монголии.

Новейшие археологические и палеоантропологические данные, относящиеся к Минусинской котловине, позволяют значительно дополнить, а частично и пересмотреть наши представления об истории расового состава населения этого края. Прежде всего оказывается, что черепа, считавшиеся принадлежащими к III стадии тагарской культуры, должны быть выделены в особый период, который по своему характеру можно назвать «предташтыкским» или даже «прототаштыкским» [Козинцев, 1977, 11]. Начало данного периода относится к III в. до н. э., т. е. как раз к тому времени, когда в китайских источниках впервые упоминаются динлины. Отсюда можно сделать вывод, что большая монголоидность «поздних тагарцев» (см. колонки в табл. 20), возможно связанных с динлинами, может быть объяснена их первым появлением в верховьях Енисея.

Если мы будем сравнивать сводную тагарскую серию Козинцева, состоящую из нескольких сотен мужских и женских черепов, с таштыкскими сериями Г. Ф. Дебеца и В. П. Алексева, то нетрудно заметить, что по многим ведущим расодиагностиче-

ским признакам таштыкцы окажутся гораздо более монголоидными по сравнению с тагарцами; так, например, у таштыкцев был гораздо меньше высотный диаметр черепа, заметно больше назомолярный и особенно зиго-максиллярный углы, выше оба орбитных указателя (в особенности от дакриона), гораздо ниже симатический указатель и угол выступления носовых костей. Значительны были различия между тагарцами и таштыкцами также по многим другим признакам, в особенности по средним величинам продольного диаметра и соответственно черепного указателя, который у вторых был значительно выше по сравнению с первыми; интересно, что различия между мужскими краниологическими сериями тагарцев и таштыкцев по большинству признаков больше, чем между женскими (см. табл. 20). Создается впечатление, что в последних веках до нашей эры в верховья Енисея проникли какие-то новые племена, которые, возможно, и были динлинами древнекитайских источников.

Гипотеза Г. Ф. Дебеца о формировании у таштыкцев метаморфной уральской расы с явными монголоидными чертами при сравнительно узком и невысоком лице в свете новейших данных по этнической антропологии народов Сибири может получить несколько иную интерпретацию, если учесть, что раса эта складывалась, возможно, на основе древнеуральского прототипа, который характеризовался «необычным сочетанием признаков: светлой пигментацией, слабым ростом бороды, уплощенным лицом с умеренно выступающими скулами, очень прямым лбом, выраженной складкой века, высокой частотой лопатообразных резцов» [Давыдова, 1976, 17—18]. Для интенсивно пигментированных древних китайцев ханьского периода тип этот, к которому могли принадлежать и динлины, должен был казаться необычным; с ним вполне могли быть связаны легенды о северных рыжеволосых и светлоглазых варварах, давшие повод Г. Е. Грумм-Гржимайло выступить с сенсационными статьями о рыжеволосых демонах и белокурой расе в Средней Азии. Вспомним, что А. И. Ярхо еще в 1929 г. писал о возможности некоторой депигментации волос, глаз и кожи у народов Алтае-Саянского нагорья вне всякой связи с мифическим распространением в Южной Сибири северных европеоидов [Ярхо, 1929, 24—58]; по своему происхождению протоуральцы скорее всего связаны с субарктической зоной Северо-Восточной Европы и Сибири, так как депигментация вообще наиболее характерна для северных (бореальных) рас как восточного, так и западного подразделения (ствола) людей современного вида [Чебоксаров, Чебоксарова, 1971, 146—153].

**ДРЕВНИЕ КИТАЙЦЫ
И ИХ СОСЕДИ:
ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
ВЗАИМООТНОШЕНИЙ**



**ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ЦЕНТРАЛИЗОВАННЫХ ГОСУДАРСТВ
С СЕВЕРНЫМИ СОСЕДЯМИ**

Древние китайцы и сюнну в эпоху Цинь

Из всех соседей древних китайцев наибольшее беспокойство и заботу вызывал у них союз родственных кочевых племен, именуемых в китайских источниках термином «сюнну». По мнению монгольских исследователей, сюнну (хунну) были протомонголами (подробнее об этом см. [Сухбаатар, 1976, 123—133]). Если на юге, востоке и частично на западе империй Цинь—Хань жили земледельцы, то на севере обитали кочевники. Сюнну находились на той ступени варварства, когда «грабеж им кажется более легким и даже более почетным, чем созидательный труд» [Энгельс, 1961, 164]. Постоянные войны, прерываемые кратковременными перемириями, проходят красной нитью почти через всю историю взаимоотношений древних китайских империй с государственным образованием сюнну в III в. до н. э.—III в. н. э. Однако было бы ошибочным и исторически необоснованным считать лишь одних сюнну, находившихся к тому времени на стадии военной демократии, инициаторами агрессивных военных походов.

Если до V—III вв. до н. э. твердые целинные земли степей, на которых сюнну пасли свои многочисленные стада, не представляли экономического интереса, ибо их невозможно было поднимать примитивными деревянными орудиями, которыми древние китайцы обрабатывали плодородные наносные почвы в бассейне р. Хуанхэ, то в V—III вв. до н. э. и особенно в период империй Цинь—Хань положение в корне изменилось. Начиная с периода Борющихся царств (V—III вв. до н. э.) в Китае все шире развивается производство железных орудий, главным образом сельскохозяйственных. Плуг с тяжелым железным лемехом, влекомый быком или лошадью, свободно поднимает це-

лину. Поэтому земли северных соседей приобретают большое хозяйственное значение. Правящий класс империй в лице крупных землевладельцев-рабовладельцев и бюрократии рвется на север: ему нужны земли. Сюнну обладали еще одним богатством, которое в Китае ценилось даже дороже земли,— лошадьми. Древние китайцы не умели выращивать хороших коней. Стреловые кони нужны были для армии, ибо с IV в. до н. э. все большую роль начинают играть кавалерийские части. Императорский двор и высшая бюрократия стремились иметь как можно больше резвых скакунов, именуемых «потеющими кровью» («ханьсюэ ма») [Шефер, 1980, 89, 389]. Наконец, лошадь нужна была и как тягловая сила в земледелии.

Сюнну контролировали Великий шелковый путь, по которому шла торговля со странами запада, они грабили караваны, облагали китайских купцов данью. Все это осложняло отношения китайцев с северным беспокойным соседом. Сюнну постоянно тревожили пограничные территории, часто совершали глубокие рейды во внутренние округа страны, особенно в периоды джута, когда им было нужно зерно.

Правда, уже в те времена существовала и мирная торговля. В приграничных с Китаем пунктах создавались рынки, куда съезжались кочевники, которые в обмен за меха и продукты животноводства «много брали китайских произведений» [Бичурин, 1950, 1, 57]. Однако главным источником получения китайских товаров, прежде всего зерна, ваты и шелка, особо ценимого знатью, оставались войны.

Совокупность столь сложных отношений постоянно порождала борьбу мнений при императорском дворе о политике в отношении с сюнну. Одни сановники предлагали навсегда разделиться с сюнну, другие предпочитали искать путь мирных переговоров и укрепления границ. Полемика началась вскоре после образования империи Цинь и продолжалась несколько сот лет.

К 221 г. до н. э. соотношение сил сложилось не в пользу древних китайцев. Пользуясь царившей в V—III вв. до н. э. в Китае междоусобицей, военачальники сюнну совершали частые набеги на царства Цинь, Чжао и Янь. Набеги усилились к концу этого периода, когда сюнну удалось отвоевать у царства Чжао накануне его поглощения царством Цинь местность Цзююань, расположенную к северу от излучины р. Хуанхэ [Ян Куань, 1957, 88]. Бои на северных границах страны не прекращались и в первые годы империи. Стабилизация положения внутри страны позволила Цинь Шихуану перейти от оборонительных действий к наступательным.

Не исключена возможность, что одной из причин войны с сюнну была заинтересованность императора в получении хороших скакунов. Еще в бытность циньским царем он держал в своей конюшне несколько лошадей, именуемых «куай ти» [Та-

кигава, 1955, 8, 9]. Лошадей этой породы выращивали на берегах Аральского и Каспийского морей. Х. Г. Крил полагает, что лошади «куай ти» весьма напоминают именно тех «потеющих кровью» коней, которых разводили и в Фергане [Creel, 1965, 658]. В китайских источниках сообщается, что поставщиком коней был богатый китайский купец Го, который дарил правителям северных кочевников большие партии шелка в обмен на лошадей. Цинь Шихуан высоко оценил деятельность Го, пожаловав ему звание, равное правителю округа, и приравняв к высшим сановникам двора [Такигава, 1955, 10, 15—16]. Стремление Шихуана развернуть военную кампанию против северных соседей разделяли отнюдь не все его сановники. Ближайший сподвижник императора, первый советник Ли Сы, инициатор многих реформ, проведенных в империи Цинь, был против войны с сюнну. Он считал, что уничтожить всех сюнну невозможно, война лишь обескровит империю. «Нельзя этого делать,— увещевал Ли Сы императора.— Сюнну не имеют для жительства городов, обнесенных внешними и внутренними стенами, у них нет запасов, чтобы защищать их; они кочуют с места на место, поднимаясь [легко], словно птицы, а поэтому их трудно прибрать к рукам и управлять ими. Если в их земли глубоко вторгнутся легковооруженные войска, им неизбежно будет не хватать продовольствия, а если войска прихватят с собой зерно, то, обремененные грузом, будут [везде] опаздывать. Приобретение принадлежащих им земель не принесет нам пользы, а присоединение народа не создаст возможности подчинить его и удержать под контролем. Если же, одержав победу, истребить их, то вы не будете отцом и матерью для народа. [Война] утомит лишь Срединное государство и принесет радость сюнну, а это недальновидный план» [Такигава, 1955, 9; Материалы, 1968, 112].

Однако Шихуан не внял увещеваниям своего первого советника. Боевые действия начались в 215 г. до н. э., когда Шихуан послал на север армию полководца Мэн Тяня, насчитывавшую, по словам Сыма Цяня, около 300 тыс. воинов. Следует отметить, что по уровню вооружения древние китайцы превосходили кочевников (рис. 17). В период империй широкое распространение получили арбалет и алебарда. Арбалет состоял из лука, прикрепленного к прикладу со спусковым механизмом и стремянем для упора ногой при натягивании тетивы. Дальность полета стрелы превышала 600 шагов. Алебарда, представлявшая собой длинное древко с топорovidным лезвием, заканчивалась острым копьём, что позволяло использовать ее в качестве как рубящего, так и колющего оружия. Получилось удачное соединение двух различных видов оружия — копья и боевого топора [Материалы, 1968, 17]. Говоря о боевых достоинствах арбалета и алебарды, ханьский сановник Чао Цо (? — 154 г. до н. э.) отмечал, что кожаные латы и де-



Рис. 17. Циньский воин в доспехах

новить северные границы Китая, существовавшие в период Борющихся царств, ибо Гаоцюе, Иньшань и Бэйцзя были расположены как раз вдоль сторожевой стены бывшего царства Чжао [Переломов, 1962, 169]. В результате двухлетней упорной войны с сюнну циньские войска отвоевали у кочевников огромную территорию протяженностью с севера на юг около 400 км [Цзя И. Об ошибках династии Цинь.— Такигава, 1955, 2, 97].

Великая китайская стена

Для того чтобы обезопасить северные районы страны и вновь завоеванные территории, а также караванные пути на запад от возможных нападений стремительной боевой конницы сюнну, Шихуан решил приступить к строительству грандиозного сооружения — оборонительной стены вдоль всей северной границы империи. Строительство этого сооружения облегчалось тем, что к этому времени каждое из трех северных царств Китая — Цинь, Чжао и Янь — уже имело свои стены, ограждавшие их от нападения кочевников. При Шихуане все эти стены были отремонтированы, расширены и соединены в

ревянные щиты сюнну не выдерживали удара стрел, выпущенных арбалетом [там же, 18]. Превосходство в вооружении и многочисленность воинов сыграли свою роль. В том же, 215 г. армия Мэн Тяня отвоевывает у сюнну огромный район Хэнаньди [Такигава, 1955, 2, 47—48]. Район этот был расположен к северу от излучины р. Хуанхэ (современный округ Хэтао Автономного района Внутренняя Монголия). Укрепившись на южном берегу реки, войска Мэн Тяня в 214 г. до н. э. переправились через Хуанхэ и заняли Гаоцюе (современный уезд Линьхэ Автономного района Внутренняя Монголия), Иньшань и Бэйцзя (восточнее Гаоцюе). Таким образом, к концу 214 г. до н. э. Шихуану удалось восста-

стройное единое оборонительное сооружение протяженностью свыше 10 тыс. ли, отсюда и возникло название «Ваньли чанчэн» — «Стена длиной в 10 тысяч ли» [Такигава, 1955, 8, 3]. В Европе она известна как Великая китайская стена. Широкое строительство стены началось уже в 215 г. до н. э., когда на север прибыла 300-тысячная армия полководца Мэн Тяня. Вместе с воинами над сооружением стены трудились осужденные, государственные рабы и общинники, мобилизованные на государственные трудовые повинности со всей страны. То был тяжелый и изнурительный труд в непривычных для многих суровых климатических условиях: тысячи людей погибали от истощения и непосильного труда. Через два года, к концу 213 г. до н. э., строительство Великой китайской стены было в основном закончено. Стена была выложена из больших плит, пересыпанных утрамбованным лессом, наружная часть облицована крупными прямоугольными плитами. Высота стены в среднем 7,5 м, ширина 5,4 м — в расчете, чтобы могли разминуться две встречные повозки. Следует учитывать, что реальная высота стены была больше, ибо строители, умело используя рельеф местности, вели ее по вершинам гор и холмов. В стене были сделаны смотровые щели и бойницы, для того чтобы постоянно наблюдать за противником. На расстоянии 2,5—3 км друг от друга находились сторожевые башни, возвышавшиеся метров на пять над стеной. Все башни, как правило, двухэтажные; на верхнем этаже — закрытая с четырех сторон ровная площадка с амбразурами, на нижнем — жилое помещение для бойцов охраны. В Нанкинском историческом музее хранятся находки, обнаруженные археологом Хуан Вэньби в одной из сторожевых башен на берегу оз. Лобнор, в юго-восточной части Синьцзянского автономного округа. По мнению Хуан Вэньби*, обнаруженные предметы относятся к периоду правления ханьского императора Сюань-ди (73—48 гг. до н. э.). По ним можно составить представление о жизни древнекитайских пограничных застав. Деревянный прядильно-ткацкий станок, куски рогожи, сплетенные из коры деревьев, остатки овечьей шерсти, куски древесной веревки — все это свидетельствует о трудовой деятельности воинов сторожевого гарнизона. По-видимому, воины сами плели древесные дождевые накидки, а на самодельном деревянном станке пряли овечью пряжу и ткали ткань для одежды. На первом этаже стены, в специальном углублении, хранился сухой хворост, в случае появления конницы кочевников воины тотчас зажигали на верхней площадке костер, оповещая своих ближайших соседей об опасности; те, в свою очередь, извещали таким же способом воинов соседней сторожевой башни и т. д., пока известие не доходило до крупного

* Сообщение, высказанное автору данной главы Л. С. Переломову в 1958 г.

воинского гарнизона, который выступал в полной боевой готовности против надвигающейся кончицы.

Стена начиналась от местечка Линьтао, находившегося на территории современного уезда Миньсянь провинции Ганьсу, и тянулась до восточных границ империи, до р. Датун, на границе с современной КНДР. Великая китайская стена защищала северные границы, однако для мобильной переброски войсковых частей и соединений из центральных районов страны к северной границе в случае какой-либо опасности необходимо было иметь хорошие дороги, удобные для транспортировки войск. Поэтому в 212 г. Шихуан приказал Мэн Тяню приступить к строительству магистральной дороги. В том же году многотысячная армия Мэн Тяня, имевшая уже богатый опыт строительных работ, с помощью осужденных, государственных рабов и мобилизованных общинников построила дорогу от Цзююаня, т. е. непосредственно от Великой китайской стены, на восток через Юньчжун и затем прямо на юг, вплоть до столицы циньской империи г. Сяньяна. Судя по сообщению Сыма Цяня, строителям был дан строгий императорский наказ: ради сокращения пути проводить прямую дорогу строго с севера на юг, невзирая ни на какие трудности. Вот почему в «Исторических записках» говорится, что строители «прорывали горы, засыпали долины, проводили прямой путь» [Такигава, 1955, 2, 53].

Военные поселения — один из методов освоения завоеванных территорий

Для закрепления и освоения отвоеванных у сюнну территорий Цинь Шихуан создал там 44 уезда, куда переселил колонистов из центральных районов страны. В 212 г. до н. э. 50 тыс. земледельческих семей были переселены на целинные пастбищные земли сюнну в Юньян, поближе к западной границе. Эти семьи освобождались от государственных повинностей на десять лет [Такигава, 1955, 2, 54]. В 219 г. до н. э. императорским эдиктом переселяются в Хэбэй, в район между р. Хуанхэ и Великой китайской стеной на северо-западе империи, и в Юйчжун (севернее современного уезда Миньсянь провинции Ганьсу), у западной границы страны, 30 тыс. семей — также на льготных условиях: главам семей присваивался ранг знатности [там же, 2, 60]. То, что в обоих случаях переселенцы освобождались от несения повинностей, позволяет предположить, что они были свободными земледельцами, согласившимися переехать в новые районы добровольно. Заселение пограничных территорий создавало надежную продовольственную базу для северной группы войск: государству уже не надо было так часто отправлять огромные караваны с продовольствием к далеким северным границам.

Это были первые военные поселения в истории Китая. В дальнейшем на протяжении многих сотен лет институт военных поселений будет расти и совершенствоваться. Институт этот был многофункционален: с помощью военных поселений древние китайцы осваивали и присваивали новые территории; военные поселения являлись как бы форпостом для начала последующих этапов дальнейшей эскалации, известной как политика «цань ши» — «постепенно поедать [чужую территорию], как шелковичный червь листья»; поселения эти находились в непосредственном подчинении двора, что усиливало его позиции в борьбе с местничеством и центробежными тенденциями; именно здесь в постоянных столкновениях с кочевниками воспитывались самые лучшие воины, привыкшие с детства держать в руках оружие; пограничные территории не только обеспечивали себя продовольствием, но еще могли делать запасы на случай дальнейших походов, и, наконец, система военных поселений способствовала в определенной степени разрешению аграрного кризиса и высвобождению частнозависимых земледельцев, переходу их в категорию государственнозависимых крестьян.

Казалось бы, многолетняя деятельность Цинь Шихуана по созданию эшелонированного оборонительного комплекса на севере страны должна была привести к еще большей стабилизации режима. Однако произошло обратное. Насильственное перемещение материальных и людских сил на строительные работы привело к резкому увеличению налогов, ухудшалось и без того тяжелое положение непосредственных производителей. В стране начались волнения. В 209 г. до н. э. на территории современной провинции Аньхой подняли восстание земледельцы, мобилизованные на пограничную службу на северной границе. Вскоре восстание охватило всю страну, а в 207 г. до н. э. династия Цинь пала. Сказались пророческие слова Ли Сы: война с сюнну и строительные работы действительно «утомили Срединное государство». После пятилетней ожесточенной войны двух руководителей восстания — Сян Юя и Лю Бана — в 202 г. до н. э. к власти пришел Лю Бан, основавший династию Хань (подробно о народной войне 209—202 гг. до н. э. см. [Переломов, 1962, 182—225]).

Древние китайцы и сюнну в начале правления династии Хань

Со времени правления Лю Бана, принявшего титул Гао-цзу (202—194 гг. до н. э.), и вплоть до воцарения У-ди (140—86 гг. до н. э.) в отношениях между императорским Китаем и государством сюнну наступил качественно иной период, нежели при Шихуане. Китай в этот период теряет доминирующее положение в военной, политической и дипломатической обла-

стях. Такое изменение в соотношении сил двух противостоящих этносов объясняется двумя причинами. Экономический и политический кризис, приведший к крушению империи Цинь, а также народные восстания, многолетняя борьба вооруженных группировок, относительная слабость центральной власти первых ханьских императоров — Гао-цзу, Хуэй-ди, Люй-хоу, Вэнь-ди и Цзин-ди — на время вывели страну из категории могущественных держав древнего мира. Северный же сосед переживал совершенно иной период жизни. Для него это был этап подъема, когда сюнну превратились в активную, всеокрушающую силу. Рассматривая стадии развития этноса, М. В. Воробьев на примере истории чжурчжэней, объясняя причины их блестящих побед над Китаем, вскрывает общую закономерность, присущую стадии подъема: «В период подъема развития этноса... в условиях общественного и политического переустройства (реорганизации общины, создания государственности) и при совпадении этих процессов этнос приобретает огромную активную силу, базирующуюся на относительном единстве и однородности социального и этнического состава, хозяйственного уклада, языка, культуры, самосознания и цели. Эта сила позволяет ему одерживать победу над этническими и государственными образованиями, потенциально куда более мощными, но терзаемыми этническими, социальными и политическими противоречиями, и закреплять эту победу созданием собственного государства или империи» [Воробьев, 1975, 380]. Думается, что эта закономерность может быть отнесена и к государству сюнну времен правления Маодуня. Приняв в 209 г. до н. э. от убитого им отца Тоуманя титул шаньюя (досл. «обширного») — верховного правителя, Маодунь сумел быстро подчинить кочевую знать и провести ряд административных реформ. По мнению известного американского китаевода, проф. В. Эберхарда, большую роль в создании нового государственного аппарата играли перебежчики — древние китайцы [Eberhard, 1969, 75]. Древние китайцы бежали к сюнну еще в период Борющихся царств и особенно во времена Шихуана, спасаясь от войн и непосильных налогов. Поскольку сюнну нуждались в квалифицированных ремесленниках и трудолюбивых земледельцах, они охотно принимали беглецов [там же]. Часть «специалистов» захватывалась во время набегов на Китай. Особенно высоко ценились грамотные, знакомые с делопроизводством, а также чиновники. Писцами во вновь созданном государственном аппарате Маодуня были китайцы, и писали они по-китайски, иероглифами, так как сюнну в то время, по-видимому, еще не имели своей письменности [там же]. Тот же В. Эберхард полагает, что древние китайцы не только служили в гражданской администрации и при ставке шаньюя, но и являлись инструкторами в «воинских частях, обучая сюнну искусству ведения войны против некочевников» [там же]. Структура

управления у сюнну была основана на степени родства с шаньюем: все высшие посты занимали его сыновья и ближайшие родственники. Древние китайцы довольно свободно разбирались в структуре управления сюнну. Сыма Цянь пишет, что со времени правления Маодуня уже можно было записывать названия должностей «в его государстве», и дает длинный перечень должностей, среди которых наряду с сюннскими встречаются и древнекитайские [Такигава, 1955, 9, 20—21]. Преобразование политической структуры, ориентированной на консолидацию всей полноты власти в одних руках, и жестокая расправа с явными и потенциальными противниками укрепили положение Маодуня и способствовали стабилизации в обществе сюнну. Конница Маодуня разгромила на востоке племена дунху, захватив у них много пленников и скота, затем двинулась на север, покорила динлинов и предков современных киргизов, после чего повернула на запад и прогнала с насиженных мест племена даюэчжи (массагетов). Империя Маодуня простиралась на многие тысячи километров: на западе она граничила с современным Синьцзяном, на севере достигала Байкала, на востоке доходила до р. Ляохэ, на юге упиралась в Великую китайскую стену. Говоря о северном соседе Китая того времени, Сыма Цянь писал: «Когда к власти пришел Маодунь, сюнну достигли наивысшего могущества, они покорили всех северных варваров и на юге создали государство, способное противостоять Срединному государству» [там же, 20]. Сыма Цянь несколько недооценивает военный потенциал сюнну, сравнивая их со «Срединным государством» (Чжун го). Хотя в период правления Маодуня количество сюнну достигало лишь 1,5 млн. человек и он мог выставить всего свыше 300 тыс. лучников [там же], это было хорошо подготовленное и обученное войско. Воспользовавшись царившей в Китае междоусобицей и неустойчивостью только что созданного режима, Маодунь вторгся на территорию северных округов (рис. 18). Хань Синь, один из бывших сподвижников императора Гао-цзу во время борьбы с династией Цинь и Сян Юем, владевший территорией на севере страны, перешел на сторону сюнну и даже стал командовать отрядом, боровшимся с императорскими войсками. Назревал крупный военный конфликт, двор должен был принять какое-то решение. И снова мнения разделились: одни сановники настаивали на немедленном выступлении, другие не советовали втягиваться в бесперспективную войну. Цензор Чэн Цзин увещевал императора: «Нельзя [этого делать]. Сюнну по своей природе скапливаются [в стаи], как звери, и рассеиваются, как птицы, гоняться за ними все равно что ловить свою тень. Ныне если напасть на сюнну, то я опасюсь, что вы, несмотря на высокие добродетели, окажетесь в опасном положении» [Такигава, 1955, 9; Материалы 1968, 113]. Доводы Чэн Цзина весьма напоминают аргументацию советника Цинь Ши-

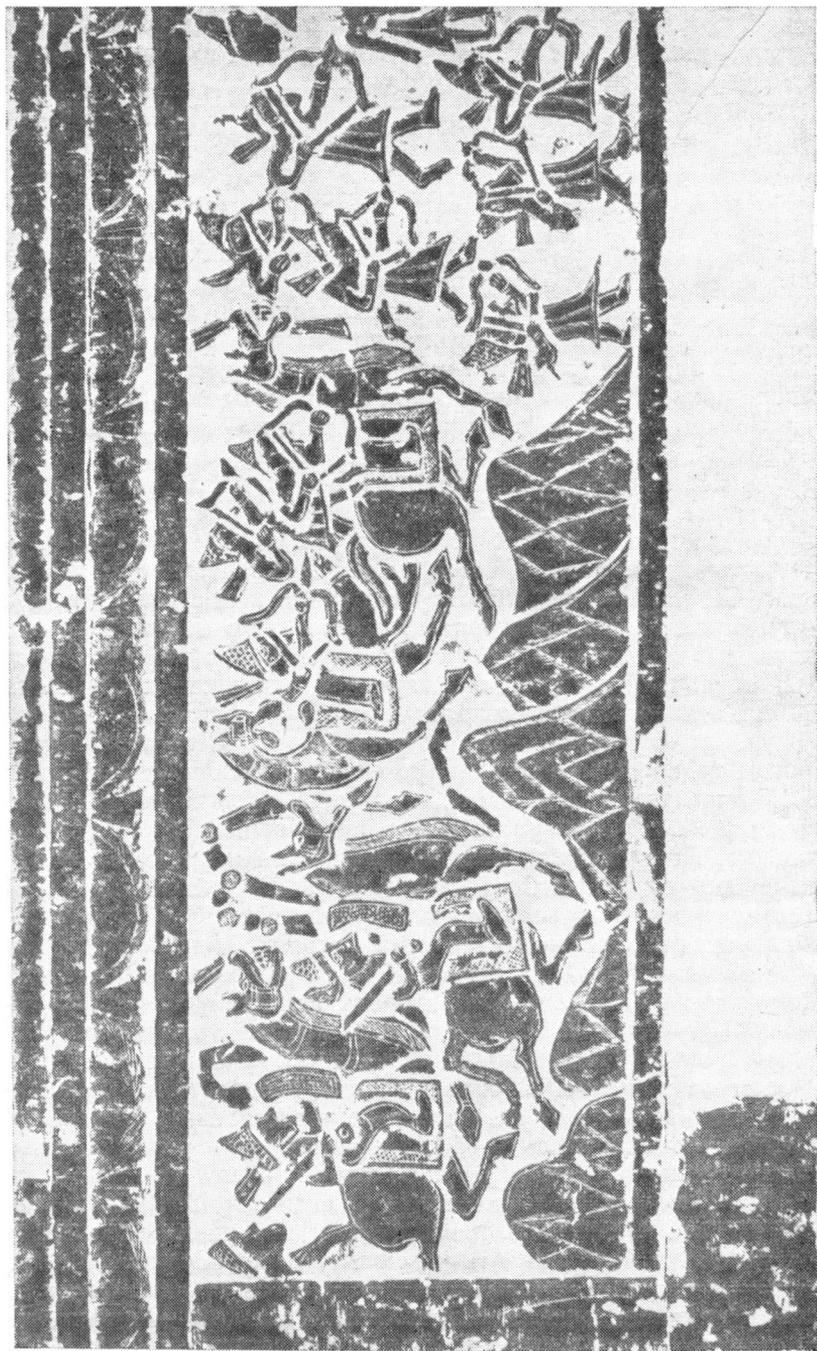


Рис. 18. Столпу в бою. С ханьского барельефа

хуана — Ли Сы. Так же как и тогда, император не внял советам сановника, однако результат был совершенно противоположный. Выступление древнекитайских войск закончилось трагедией: преследуя умышленно отступавших сюнну, отряд Гао-цзу оторвался от основных сил и попал в засаду. Семь дней император находился в окружении войск Маодуня и с большим трудом вышел из окружения. В 193 г. до н. э. между Гао-цзу и Маодунем был заключен «договор о мире, основанный на родстве».

*«Договоры о мире, основанные на родстве»,
и их место во внешнеполитической доктрине Китая*

Этот договор, известный в древнекитайских источниках как «хэ цинь юэ» [Такигава, 1955, 8, 4233], сыграл качественно новую роль в формировании внешнеполитической доктрины императорского Китая, открыв новый тип взаимоотношений Китая с «варварами». Поскольку в современной исследовательской и общественно-политической литературе этот новый тип договорных отношений ханьской империи с сюнну трактуется по-разному, то необходимо остановиться на анализе этой проблемы несколько подробнее.

В. Эберхард вполне заслуженно придает этому договору особое значение в истории межгосударственных отношений стран Дальнего Востока. «Это был первый международный договор на Дальнем Востоке,— пишет он,— между двумя независимыми державами, обоюдно рассматривающимися как равные, и формы международной дипломатии, разработанные в то время, стали стандартными формами на ближайшую тысячу лет. Соглашение возобновлялось при начале правления каждого нового правителя, но никогда не соблюдалось полностью ни той, ни другой стороной» [Eberhard, 1969, 77]. В. С. Таскин оценивает характер договора «хэ цинь юэ» совершенно иначе: отметив, что, поскольку условия договора помимо выдачи невесты-принцессы предусматривали систематическую посылку вождям сюнну богатых даров, которые являлись, по сути дела, «замаскированной данью», он приходит к выводу, что в «198 г. до н. э. было положено начало унижительным для Китая договорам, известным в истории как договоры о мире, основанные на родстве» [Таскин, 1975, 154; Материалы, 1968, 25].

В историографии КНР можно выделить два разных подхода к оценке этих договоров. Так, например, проф. Шан Юэ рассматривает эти договоры как вынужденные и не видит в них ни равенства, ни тем более представления о «детях одной семьи». «Только еще создававшаяся ханьская империя,— писал Шан Юэ,— крайне нуждалась в передышке и была не в силах воевать. Ей пришлось прибегнуть к унижительной политике примирения, царствующий дом вступил в родство с гуннами, ежегод-

но им посылались дары: вата, шелковые ткани, вина и яства. Тем не менее гунны продолжали время от времени вторгаться в пограничные области ханьской империи, подрывая своими набегами производство, и уводили в рабство ханьских людей (китайцев)» [Шан Юэ, 1959, 78].

Аналогичную оценку мы встречаем и у проф. Люй Чжэньюя, который рассматривает эти договоры как вынужденную уступку ханьского Китая: «Начиная со времени окружения императора Гао-цзу в Байдэне правительство династии Хань много раз „испытывало позор“, „заключало договоры о мире, основанные на родстве“, и это длилось вплоть до правления императора У-ди, однако эта политика так и не смогла приостановить агрессию сюнну» [Люй Чжэньюй, 1957, 172].

В 60—70-х годах появляется принципиально иная оценка «хэ цинь юэ». Если Шан Юэ, Люй Чжэньюй и др. рассматривали отношения ханьского Китая с сюнну как отношения двух различных этносов, каждый из которых имел собственную государственность, т. е. на уровне межгосударственных, межэтнических связей, то в «Первоначальном варианте истории Китая», вышедшем в 1963 г. под редакцией Го Можо, этот государственный уровень исчезает. Проводится идея слияния, сплочения различных народов и народностей эпохи Хань в единую общность. Весьма показательно, что «хэ цинь юэ» рассматривается уже в главе «Восстание Чэнь Шэна и У Гуана, развитие единого многонационального феодального абсолютистского государства» в разделе «Дальнейшее укрепление межнациональных отношений в период Западной Хань» [Чжунго шигао, 1963, 65—97]. В этой работе сюнну включены в состав «многонационального» древнекитайского государства: «В состав национальностей, населявших в то время пределы Китая, помимо ханьцев входили также сюнну, различные национальности Западного края, юэсцы (современные вьетнамцы.— Л. П.) и другие национальные меньшинства» [там же, 95].

Правда, авторы говорят об империи Маодуня, но обходят молчанием ее границы. Они отмечают лишь, что «сюнну контролировали огромные районы на северо-востоке, севере и западе Китая, у них была трехсоттысячная кавалерия и они представляли огромную силу» [там же]. Возникновение договоров «хэ цинь юэ» объяснялось экономической, политической и военной слабостью ханьского двора, которому ничего не оставалось, как «проводить компромиссную политику. Ханьский Гао-цзу принял предложение Лю Цина заключить с сюнну договор о мире, основанный на родстве, принцесса была отдана замуж за шаньюя сюнну, ежегодно в качестве даров посылалось огромное количество ваты, шелковой ткани, вина, продуктов питания и т. п., к тому же договорились с сюнну стать братьями» [там же, 97]. Авторы правильно отмечают,

что такая политика в отношении сюнну проводилась при императоре Хуэй-ди, императрице Люй-хоу, императорах Вэнь-ди, Цзин-ди, в начале правления У-ди и способствовала некоторому сковыванию наступательных военных действий сюнну, хотя и не смогла полностью приостановить этот процесс [там же].

Чтобы разобраться в сущности договоров этого типа, необходимо обратиться к первоисточникам.

Официально творцом договоров типа «хэ цинь юэ» являлся советник императора Гао-цзу — Лю Цзин.

Договор «хэ цинь юэ» рождался в необычных условиях: первый император династии Хань, Гао-цзу, терпел постоянные поражения от войск предводителя сюнну Маодуня и чудом вырвался из окружения на горе Байдэн, некоторые его военачальники, в частности Хань Синь, перешли на сторону могущественных сюнну. Империя, раздираемая сепаратистскими тенденциями, нуждалась хотя бы в кратковременной передышке. Перед ханьской администрацией, среди которой было немало конфуцианцев, встала проблема установления договорных отношений с правителем сюнну; необходим был мирный договор, но такой, который хотя бы внешне, формально соответствовал уже сложившимся представлениям о внешнеполитических функциях китайского императора. Реальное положение Гао-цзу не соответствовало той конфуцианской внешнеполитической доктрине, которая уже существовала в теории. Надлежало «не потерять лицо», и выход был найден, его нашел советник Лю Цзин. Он обратился к императору со следующим предложением: «Поднебесная только что умиротворена, воины устали от сражений, привести [сюнну] к покорности силой оружия нет возможности. Маодунь убил отца и занял его место, женился на матерях, силой поддерживает свое величие, воздействовать на него человеколюбием и справедливостью нельзя. Можно лишь с помощью плана, рассчитанного на далекое будущее, превратить его сыновей и внуков в наших слуг, но боюсь, что ваше величество не согласится на [этот план]» [Такигава, 1955, 8, 4232; Таскин, 1968, 71].

Чем интересны рассуждения Лю Цзина? Армии императора Гао-цзу терпят поражение за поражением, однако советник даже в этой ситуации не рассматривает Маодуня в качестве равноправного, суверенного партнера, он не теряет надежды на покорение сюнну, превращение их в вассалов Среднего государства. Трезво учитывая сложившееся соотношение сил, он понимает, что ссылками на древность, обращением к принципам «гуманности и справедливости» делу не поможешь. Необходимо выработать особый, новый курс в отношении «варваров», курс, рассчитанный на долгие годы, т. е. стратегический план, осуществление которого в конечном счете позволит все же покорить сюнну. Для этого он предлагает на рассмотрение

Гао-цзу следующий план: «Если вы, ваше величество, в самом деле сможете отдать [Маодуню] в жены старшую дочь от главной жены и послать ему щедрые дары, он подумает, что дочь ханьского императора от главной жены принесет варварам богатства, а поэтому, соблазнившись ими, непременно сделает ее главной женой, а когда у нее родится сын, объявит его наследником, который станет вместо него шаньюем. Почему [произойдет так]? Из-за жадности к дорогим ханьским подаркам. Вы же, ваше величество, отправляйте подарки в соответствии с сезонами года, то, что имеется в избытке у Хань, но недостает у сюнну, справляйтесь о здоровье [шаньюя] и, пользуясь удобным случаем, посылайте ши (конфуциански образованных людей.— Л. П.), владеющих красноречием, чтобы они незаметно наставляли его в соблюдении ли (правил поведения.— Л. П.). Пока Маодунь жив, он, разумеется, будет вашим зятем, а после его смерти шаньюем станет сын вашей дочери. А разве когда-нибудь было видано, чтобы внук относился к деду как к равному? [Так] можно без войны постепенно превратить [сюнну] в своих слуг» [Такигава, 1955, 8, 4232—4233; Материалы, 1968, 71—72].

Само предложение о выдаче китайской принцессы за предводителя сюнну противоречило, как известно, основной заповеди Конфуция, выступавшего за обособленность хуася. Однако времена менялись, и интересы государства требовали иного подхода в выработке внешней политики. Можно сказать, что в рассуждениях Лю Цзина мы встречаем немало легистских мотивов: учет реальной ситуации, умение извлечь пользу из вечного стремления людей, в данном случае шаньюев, к выгоде и, наконец, главное — установление прямых контактов с «варварами», вплоть до заключения брачных союзов, если при этом преследуется цель усиления государства. А ведь именно на это и был нацелен стратегический план Лю Цзина, с помощью которого китайская бюрократия пыталась со временем превратить сюнну в «слуг Китая». В плане Лю Цзина присутствовали и конфуцианские догмы, однако они скорее должны были придать ему лишь внешнюю репрезентативность, сохранить лицо, внушить самой бюрократии, что конфуцианские ценности (послушание внука деду) смогут улучшить положение Китая.

Гао-цзу одобрил план Лю Цзина, и договор был заключен, он получил наименование «хэ цинь юэ» — «договор о мире, основанный на родстве» [Такигава, 1955, 8, 4233]. Правда, китайцы обманули сюнну: в жены шаньюю вместо принцессы отдали «девушку из простой семьи» [там же]. И это также было весьма характерно для императорской администрации: верные заповедям Конфуция, ханьские бюрократы не сочли это нарушением принципов честности, искренности, правил поведения, ибо не считали сюнну равными партнерами. Правила

поведения и моральные ценности, принятые среди ханьцев, не распространялись на сюнну, даже на их вождей, ибо они являлись людьми этически неполноценными, стоявшими на более низкой ступени нравственного развития, поэтому обман не считался нарушением морали. Идея подчиненности вождей сюнну китайским правителям была заложена уже в первоначальном плане Лю Цзина.

Несколько слов о месте договоров «хэ цинь юэ» в системе внешнеполитических представлений ханьской бюрократии. Мы уже отмечали влияние конфуцианских и легистских доктрин на их формирование; наблюдается синтез отдельных концепций этих учений на уровне становления уже государственной доктрины. Интересы государства, а не слепое следование Конфуцию играют уже на этом раннем этапе решающую роль; бюрократия отбирает то, что выгодно государству, она идет на временные союзы с «варварами», преследуя при этом главную цель — подчинение власти императора окружающих Китай народов.

Завершение многолетней войны ханьского Китая с сюнну

Фактически древний Китай на время попал в зависимое положение от сюнну. После смерти Гао-цзу (не сбылось пророчество Лю Цзина) Маодунь, стремясь укрепить узы родства, сделал официальное предложение вдове императора, Люй-хоу, выйти за него замуж. Само предложение было грубейшим нарушением конфуцианских «правил поведения» (вдовы обязаны были хранить верность до самой смерти). Стиль и смысл письма Маодуня был столь вызывающим, что Сыма Цянь не решился привести его текст. Однако здесь он будет уместен, ибо наглядно отражает уровень взаимоотношений двух держав. «Я, одинокий,— пишет Маодунь,— и находящийся [от этого] в возбуждении государь, родился среди низин и болот, вырос в краю степных волов и лошадей. Несколько раз я подходил к границам, желая подружиться со Срединным государством. Вы, ваше величество, сидите одна на престоле, и у меня, одинокого и возбужденного, никого нет рядом. Обоим нам скучно, мы лишены того, чем бы могли потешить себя. Хотелось бы променять то, что имею, на то, чего не имею» [Бань Гу, 1901, гл. 94; Материалы, 1968, 138].

Получив письмо, императрица пришла в ярость, льстивые придворные, такие, как Фань Куай и другие, ратовали за немедленное объявление войны сюнну. Однако разумные рассуждения трезво мыслящих сановников, среди которых выделялся Цзи Бу (он даже предложил казнить Фань Куая за прожектерские планы), убедили императрицу в абсолютной нереальности ответной мести Маодуню, грубо нарушившему не только правила конфуцианской морали, но и нормы дипломатических отношений двух держав, заключивших договор о мире. Китай

тогда не был готов к войне, и Маодунь прекрасно знал это. Правила дипломатического этикета требовали ответного послания, и Маодунь получил его: «Я, стоящая во главе бедного владения,— отвечала Люй-хоу,— испугалась и, удалившись, обдумывала письмо. Я стара летами, моя душа одряхлела, волосы и зубы выпали, походка утратила твердость. Вы, шаньюй, наверно, слышали обо мне, вам не следует марать себя. Я, стоящая во главе бедной страны, не виновата и должна быть прощена [за отказ]. У меня есть две императорские колесницы и две четверки упряжных лошадей, которые подношу вам для обычных выездов» [Материалы, 1968, 139].

Никогда в истории Китая его правители не писали столь уничижительных писем, да еще «варварам», находившимся, по мнению древнекитайской аристократии, где-то на далеких подступах к начальным этапам духовного развития. Реальное соотношение сил вынуждало правителей ханьского Китая проводить политику уступок. Это видно не только из переписки Маодуня и Люй-хоу, но и из сопоставления стоимости даров, которыми обменивались договорные стороны. В 176—174 гг. до н. э. Маодунь и император Вэнь-ди обменялись следующими дарами: получив одного верблюда, двух верховых лошадей и две упряжные четверки, Вэнь-ди отправил шаньюю 40 кусков обычного гладкого шелка (красного и зеленого), 30 кусков шелковой ткани с затканым узором, 10 кусков шелковой ткани с вышитым цветным узором, несколько золотых украшений, значительное число стеганых халатов из шелковой ткани с затканым узором и, наконец, несколько нестеганых халатов из шелковой ткани с вышитым цветным узором [Такигава, 1955, 9, 30—32]. Последний тип халатов ценился особенно высоко.

Подобный неэквивалентный обмен дарами продолжался весь период начала правления династии Хань, вплоть до воцарения императора У-ди, когда в отношениях с сюнну произошел производственный перелом. Императору У-ди, находившемуся на престоле несколько десятилетий (140—86 гг. до н. э.), удалось путем различных административных реформ и преобразований в области экономической политики двора добиться укрепления центральной власти и стабилизировать положение в стране. И вновь, как прежде, встал вопрос о взаимоотношениях с сюнну. Вновь разделились мнения представителей высшей придворной бюрократии, собравшихся в 133 г. до н. э. для обсуждения планов внешней политики. Группировка Хань Аньго настаивала на сохранении мирных отношений, в то время как Ван Хуэй и его единомышленники призывали к войне с сюнну. Верх одержала военная группировка, и в 129 г., весной, 40 тыс. конников, разделенных на четыре отряда, выступили одновременно на север. Поход этот окончился для древних китайцев неудачно. Сюнну, вдохновленные победой (два китайских отряда были разгромлены), вновь активизировались. Они

совершали глубокие рейды из Ордоса и северной части современной провинции Шаньси. Северная Шаньси гориста, для нее характерны глубокие ущелья, поэтому сюнну удавалось иногда проникать в районы, непосредственно прилегающие к Чанъани — столице империи. В 127 г. китайцы вновь выступили на север, на этот раз поход был более удачен. Армии Вэй Цина удалось захватить Ордос и тем самым ликвидировать опасность прямого нападения на столицу. На территории Ордоса был учрежден округ Шофан, и по примеру Шихуана император У-ди переселил туда 100 тыс. земледельцев, снабдив их всем необходимым. На вновь созданные военные поселения древних китайцев возлагались все те же задачи и надежды. Все последующие годы, почти до самой смерти У-ди, прошли в ожесточенных сражениях с сюнну, в которых с китайской стороны участвовали сотни тысяч человек. И китайцы и сюнну понесли большие потери: десятки тысяч воинов погибли или были взяты в плен [Материалы, 1968, 28—32]. Несмотря на ряд крупных побед, кочевники отступили, перенеся свою ставку на север, за пустыню Гоби. У-ди удалось расширить свои владения на северо-западе, на территории современной провинции Ганьсу, разобшив здесь племена цянов с сюнну. Контроль над Ганьсуйским коридором обеспечивал беспрепятственное продвижение древнекитайских торговых караванов на запад. Войны с сюнну дорого обошлись Китаю — многие семьи лишились кормильцев: «сироты попрошайничали на дорогах, старые матери и вдовы плакали» [Ван Лици, 1958, 267]. Последствия войны отразились и на общегосударственной полемике 81 г. до н. э., известной как «Дискуссия о соли и железе» (тогда решалась судьба государственной монополии на соль и железо) — по названию одноименной книги Хуань Куаня, записавшего содержание полемики. Свыше 60 сановников и известных ученых специально прибыли в столицу империи — Чанъань для обсуждения проблем внутренней и внешней политики.

Из внутренних проблем помимо чисто экономических существенное внимание уделялось также вопросам наказаний и мер морального (духовного) воспитания народа (подробнее об этом см. [Loewe, 1974, 91—113]). Внешнеполитические вопросы сконцентрировались на проблеме взаимоотношений с сюнну. И вновь, как прежде, выявилось два полярных подхода к решению проблемы сюнну. Один из ближайших советников У-ди, легист Сан Хунъян, сохранивший свой пост и при императоре Чжао-ди (86—73 гг. до н. э.), настаивал на продолжении активной агрессивной войны с сюнну, в то время как его противники, главным образом провинциальные конфуцианцы, возглавляемые сановником Хо Гуаном, выступали за передышку, мирные переговоры, мотивируя это истощением людских и материальных ресурсов [Ван Лици, 1958, 262—268].

Не вдаваясь в суть полемики, отметим лишь, что как кон-

фуцианцы, так и легисты придерживались в принципе единых взглядов на характер внешнеполитических функций китайского императора. Уже сложилась общегосударственная внешнеполитическая доктрина о мироустроительных функциях главы китайского государства. Наиболее четко она была изложена конфуцианским сановником, выступающим в тексте в качестве «знатока писаний» («вэньсюе»). «Истинный царь,— поучает „знаток писаний“,— стоя в центре, внемлет [делам] Поднебесной; благодеяния, исходящие от его внутренней силы, распространяются на [область] за [пределами четырех] сторон Поднебесной; посольства из отрезанных от нас, [отдаленных] государств и [от народов, соблюдающих] чуждые нам обычаи, собираются при дворе за башнями дворцовых ворот; птицы фэн и хуан находятся на стоящих рядами деревьях, единороги цилинь находятся на болотах за предместьями [столицы]. Все живые, все существа без исключения удостаиваются быть орошенными благодеяниями [государя]» [Ван Лици, 1958 — цит. по Кроль, 1978, 28].

Противоречия между конфуцианцами и легистами во время знаменитой дискуссии 81 г. до н. э. не касались стратегического внешнеполитического курса китайского двора и основных внешнеполитических функций императора. Полемика разгорелась по чисто тактическим вопросам: как лучше прибрать к рукам сюнну — военным путем, на чем настаивали легисты, или мирными средствами, как считали конфуцианцы. Весьма характерно, что, аргументируя необходимость карательного похода против сюнну, легист Сан Хунъян оперирует конфуцианским представлением об этической неполноценности «варваров», которые не соблюдают конфуцианских принципов справедливости: «Ведь, полагаясь на ум, строить планы против глупого, опираясь на справедливость, идти карательным походом на не соблюдающего справедливость подобно тому, чтобы, воспользовавшись осенним инеем, помочь листопаду» [там же, 37]. Это высказывание свидетельствует о продолжавшемся сближении некоторых теоретических основ некогда полярных этико-политических школ.

Для Китая того периода сюнну уже не представляли такой серьезной угрозы, как в начале правления императора У-ди. Многолетние кровопролитные войны с армиями У-ди, в результате которых погибло не только много воинов, но и материальных ценностей, особенно крупного рогатого скота и лошадей, трагически сказались на судьбе империи сюнну. Тяжелое положение усугубилось суровыми зимами и вспыхнувшей чумой. Начались распри среди шаньюев, подогреваемые тайными китайскими лазутчиками. В 51 г. до н. э. шаньюй Хуханье прибыл к китайскому двору и признал себя вассалом Хань. Часть сюнну, несогласных с изменой Хуханье, во главе с шаньюем Чжичжи ушла на север, за пустыню Гоби. Произошел рас-

кол сюнну на южных и северных. Это было началом конца империи сюнну.

Наступил новый этап в истории взаимоотношений двух некогда равных этносов: определяющей до конца правления династии Хань являлась уже политика китайского двора. В этот период древнекитайская бюрократия начинает все активнее претворять в жизнь ставшую впоследствии традиционной политику «с помощью варваров уничтожить варваров». Диапазон ее был довольно широк — от методов дипломатических, включая психологическое воздействие, разжигающее распри между соплеменниками, вплоть до прямого использования южных сюнну в войне против северных.

Несколько десятилетий древнекитайская бюрократия методично прибирала к рукам южносюннских правителей, превращая их в своих преданных вассалов. Сыновья шаньюев воспитывались при императорском дворе, находясь фактически на положении заложников. Проводился эксперимент конфуцианизации «варварской» верхушки, ибо древние китайцы придавали большое значение идеологическому воспитанию. При этом не забывался и легистский принцип наград и поощрений за примерную службу (подробнее см. [Переломов, 1973, 113—133]). Поощрения были немалые. Так, например, в 50 г. император Гуан У-ди пожаловал шаньюю кроме головного убора пояс, одежды, золотую государственную печать, коляски, лошадей, сабли, луки, стрелы, 10 тыс. кусков парчи и других шелковых тканей, 10 тыс. цзиней ваты, 25 тыс. мешков риса и 36 тыс. голов мелкого и крупного рогатого скота [Думан, 1970а, 39]. Вслед за неоднократными пожалованиями такого типа осуществляется постепенное внедрение китайской администрации во владения шаньюев. Назначается специальный эмиссар двора (чжун ланцзян), которому вменяется в обязанность управлять южными сюнну. В его подчинении несколько чиновников и небольшой вооруженный отряд. Все они находились в стойбище шаньюя, «принимая там участие в обсуждении спорных дел и следя за порядком у сюнну» [там же]. Шаньюев принуждали выполнять весь традиционный древнекитайский дипломатический ритуал, демонстрировавший их подчиненное положение. Принимая императорский указ в своей ставке, они обязаны были падать ниц, отвешивать земные поклоны и называть себя вассалами [там же].

Умело играя на возникшей отчужденности между северными и южными сюнну, древнекитайские сановники стремились сохранить напряженность в отношениях со свободными сюнну. В начале 50-х годов северные сюнну неоднократно отправляли к императорскому двору посланников с предложением «заключить договор о мире, основанный на родстве», однако китайцы отклоняли эти предложения [Материалы, 1973, 74—77]. Сказывалось их отношение к договорам такого типа, которые они

не рассматривали как равноправные. Л. И. Думан правильно отмечал, что договор такого типа «ставил Китай в менее выгодное положение, заставляя его идти на уступки сюнну: он обязывал китайского императора выдавать замуж царевну за иностранного правителя и ежегодно посылать ему условленное в договоре количество даров. Но времена менялись, изменялось и содержание договоров, заключавшихся Китаем с кочевыми народами» [Думан, 1970а, 43]. Китайцы настаивали на подчинении им не только северных сюнну, но и зависимого от них населения Западного края. Среди северных сюнну произошел раскол, часть аристократии, взирая на своих южных соплеменников, считала более выгодным перейти на сторону Китая и прекратить всякие военные действия. В 85 г. семьдесят три рода во главе со старейшинами бежали в Китай.

Императорский двор решил, что наконец наступило то долгожданное время, когда можно окончательно разгромить сюнну. Стремясь сохранить силы для решительного удара, древнекитайские сановники на первом этапе действовали только «с помощью варваров». Было организовано одновременное нападение с нескольких сторон: южные аймаки (Л. И. Думан полагает, что это были южные сюнну) напали с фронта, динлины ударили с тыла, сяньбийцы — с востока, а туркестанские отряды — с запада [Думан, 1970а, 44]. Понеся большие потери, с тяжелыми боями северные сюнну отступили далеко в пустыни.

Приближался последний этап многолетней борьбы императорского Китая с государством сюнну. На этом этапе активную роль сыграл шаньюй южных сюнну Туньгухэ, предложивший китайскому двору свои услуги в борьбе с северными сюнну. В письме на имя вдовствующей императрицы от 88 г. он писал: «Я, ваш слуга, совместно с князьями, гудухоу и перебежчиками-вождями обсудили с разных сторон план действий, при этом все сказали: „Сейчас, когда среди северных варваров происходят раздоры, следует направить против них войско“». Далее в письме сообщалось: «Хочу собрать лучших воинов в своем государстве... и послать в поход» [Материалы, 1973, 82]. Письмо понравилось: двор мог убедиться в результативности долголетней тактики щедрых пожалований сюннуской верхушке. Столичный военачальник Гэн Бин советовал императрице принять предложение Туньгухэ: «Ныне по милости неба среди северных варваров возникли раздоры, а так как нападения одних варваров на других выгодны империи, следует согласиться с представленной просьбой» [там же, 83].

В 89 г. китайские войска, возглавляемые Гэн Бином, совместно с конницей Туньгухэ выступили против северных сюнну. В результате трехлетних военных действий северные сюнну потерпели полное поражение: было убито и взято в плен свыше 200 тыс. человек [там же]. Государство северных сюнну перестало существовать; оставшиеся мелкие владения уже не

играли никакой роли. Так закончилось, по крайней мере на время правления ханьской династии, многолетнее противоборство двух государств.

КИТАЙ И ЗАПАДНЫЙ КРАЙ

Западным краем (Сиюй) древние китайцы называли все земли, расположенные западнее их страны. В то же время этот термин употреблялся, особенно начиная с периода правления династии Поздняя Хань (I—III вв. н. э.), и для обозначения небольших государств Средней Азии, расположенных в бассейне р. Тарим. «Государства, находящиеся в Западном крае,— говорится в главе „Сиюй“ „Истории династии Поздняя Хань“,— с востока на запад занимают территорию свыше 6000 ли, с юга на север— более 1000 ли, на востоке доходят до Юймыня и Яньгуаня, на западе достигают Цуньлиня. На севере и востоке они граничат с сюнну и усунями, на юге и востоке— высокие горы, в центре— река» [Фань Е, 1940]. Бассейн Тарима, окруженный на севере Тянь-шаньской дугой и Памирской аркой, на юге представлял благодатный край, издревле населенный земледельцами. Древние китайцы, особенно купцы, хорошо знали оазисы, протянувшиеся ниточкой от Кашгара (Суле) на юго-восток через Яркенд (Согюй), Хотан (Юйтянь) до оз. Лобнор. Вторая цепочка оазисов была расположена севернее и шла от того же Кашгара на северо-восток к Куче (Гуйцзы), Харашару (Яньти), Хами (Ивулу) до Яньгуаня, на границе с Китаем. Трудлюбивые земледельцы, владевшие в совершенстве техникой ирригационных работ, в изобилии выращивали маис, пшеницу, дыни, арбузы, абрикосы, гранаты, виноград и т. п. [Grousset, 1970, 70; Сладковский, 1974, 6—9].

Многие из этих продуктов впервые попали в древний Китай именно из Западного края. Но Западный край приобретал все большее значение не только из-за своих природных богатств,— это было окно в западный мир.

Великий шелковый путь и его роль в контактах ханьского Китая со странами Запада

Дорога через Таримский бассейн с ее двумя естественными маршрутами, по которой китайцы экспортировали главным образом шелк, стала известна как Великий шелковый путь.

Шелк, производимый в древности только в Китае, пользовался колоссальным спросом как в государствах Западного края, так и далеко за их пределами. Исследователь экономических связей ханьского Китая Инши Юй отмечает, что «из всех товаров, вывозимых из ханьского Китая, шелк был исключительным товаром, безусловно больше всего ценившимся

иностранцами. Большая ценность шелка вкупе с его малым объемом и легким весом должна была сделать его особенно любимым предметом и среди китайских и среди „варварских“ купцов и посланников во время их путешествий в ханскую империю. Шелк так высоко ценился народами Западного края, что в некоторых местах китайцы должны были использовать его наравне с золотом при обмене на продукты питания» [Ying-Shih Yü, 1967, 151]. И в самом Китае шелк иногда использовался в связи с повышенным спросом за границей в функции денег. Так, например, в эдикте ханьского императора Чжанди от 82 г. н. э. говорилось, что «уплативший 20 кусков шелка избавляется от смертной казни» [Пэй Синьвэй, 1958, 79].

Помимо правительей Западного края и кочевой знати постоянным и ненасытным потребителем шелка стал Рим. По мнению многих исследователей, впервые китайский шелк появился на территории Римской империи в период правления Августа (27 г. до н. э.— 14 г. н. э.) [Warmington, 1928, 175; Ying-Shih Yü, 1967, 159]. В то время, по-видимому, еще не было прямой связи между Китаем и Римом, основными поставщиками этого ценного товара являлись Средняя Азия и Парфия, которые способствовали возникновению и функционированию торговли шелком между Востоком и Западом. По мнению Хадсона, «шелк... вероятно, был представлен в Средней Азии парфянами, когда они познакомились с ним по подаркам китайских послов; через некоторое время парфяне закупили его не только для своего собственного потребления, но и для продажи дальше на запад. Так шелк впервые достиг Средиземноморья сухопутным путем» [Hudson, 1931, 77]. К аналогичному заключению пришел и О. Латтимор, согласно которому возможно даже, что первично экспорт шелка возник из даров, что куски шелка таким образом стали стандартом ценности предметов роскоши, что правители маленьких государств, получившие шелк в качестве дара, продавали его на отдаленных рынках, становясь посредниками в торговле [Lattimore, 1962, 493].

На самом отдаленном рынке шелк был почти немедленно принят состоятельными римлянами — и мужчинами и женщинами. Много упоминаний об использовании шелка для одежды, различных подушек и т. п. можно найти у писателей эпохи Августа [Warmington, 1928, 175]. Писавший во второй половине I в. н. э. Плиний включает шелк в свой список наиболее дорогих и ценных товаров и жалеет, что «серы» (китайцы) вместе с Индией и Аравией выкачивали из Римской империи по меньшей мере 100 миллионов сестерций каждый год. «Вот,— отмечает он,— сумма, в которую нам обходятся наша роскошь и наши женщины» (цит. по [Ying-Shih Yü, 1967, 159]).

Спрос определял предложение: Китай, государства Средней Азии, Ближнего Востока и Римская империя оказались вовлеченными в активную международную торговлю. И основную

роль в этой международной экономической торговле суждено было сыграть Великому шелковому пути. Его главная трасса начиналась в столице ханьской империи Чанъани, шла на запад вдоль коридора Ганьсу, пересекала бассейн Тарима и горы Памира, проходила через Туркестан (где особенно активны были самаркандские и бухарские купцы), затем через современные Ирак, Иран, Сирию и в конце концов доходила до Средиземного моря. Чем дальше поступал шелк от границ китайской империи, тем выше была его цена, ибо посредники взимали немалые пошлины. Так, правители парфянской империи, осуществлявшие строгий контроль за китайско-римской торговлей шелком, взимали как минимум пошлину в размере 25% продажной цены [там же, 158]. Поэтому не удивительно, что в Риме подчас один фунт шелка равнялся в цене такому же весу золота [там же]. И тем не менее богатые римляне охотно покупали этот престижный товар, ибо он был в большой моде. Клеопатра, стремясь поразить своих гостей, появлялась на пиру в шелковом платье. Спрос на древнекитайский шелк был столь велик, что Тиберий издал специальный эдикт, запрещавший мужчинам носить шелковые одежды, дабы хватило его для женщин [Grosset, 1970, 78].

Китайская бюрократия учитывала этот постоянно растущий спрос и умело использовала шелк в своей внешней политике. Шелк был включен в число стратегических товаров, которые должны были «работать» на внешнеполитическую доктрину. В период централизованных империй Цинь — Хань торговля стала составной частью политики. Так называемой чистой государственной торговли не существовало; все товары, как поставляемые двором, так и получаемые им, должны были быть оформлены в виде подарков. Иноземные державы и их торговые представители могли получить шелк лишь в виде китайских подарков в обмен на предоставленную дань, иной формы торговли не существовало. Впоследствии специалисты охарактеризуют этот вид внешнеэкономических связей как «данническую торговлю», и этот институт, возникший в глубокой древности, просуществует вплоть до XIX в. [Fairbank, Teng, 1942]. Торговля шелком помогла китайскому двору превратить в своих «вассалов» многих иностранных правителей, включая римского императора Марка Аврелия Антония, о чем говорится в «Истории династии Поздняя Хань» [Фань Е, 1940, гл. 118, 5]. Действительно, в 166 г. н. э. в Чанъань прибыли представители Рима, но это было не «посольство из Рима», а просто предприимчивый итальянский купец выдал себя за императорского посланника, чтобы получить необходимый ему товар. Как отмечает М. Чарлсворс, «вполне естественно, что национальная гордость превратила предприимчивого купца в официальное посольство, а подарки правителю — в дань» [Charlesworth, 1924, 72]. Остается лишь дополнить, что неиз-

вестный итальянский купец, посетивший Чанъань в 166 г. н. э. и выдавший себя за представителя подвластного Китаю Рима, открыл целую серию «фальшивых посольств», состоящих из купцов западных царств, которые, усвоив китайский дипломатический ритуал, подделывали государственные послания от имени королей, представителями которых они себя объявляли, и под предлогом того, что они послы, предлагали дань китайскому двору и получали в ответ подарки. Такая данническая торговля велась на протяжении многих столетий, но это отнюдь не свидетельствовало, как хотел этого китайский двор, о реальной вассальной зависимости всех торговых партнеров Китая. Они вынуждены были принять условия торговли, навязываемые Китаем.

Западный край интересовал ханьских правителей не только сам по себе, а также как транзитный путь в торговле с Римом; он играл большую роль и в жизни сюнну, являясь для них как бы экономической базой. Особенно ценен и жизненно необходим был им этот край в периоды джута. Ханьским правителям необходимо было лишить сюнну базы, а заодно получить породистых скакунов из Ферганы.

Военные походы ханьских императоров в Западный край

Император У-ди решил овладеть Западным краем, возведя охрану торгового пути и борьбу с сюнну в ранг государственной политики. Начиная со 138 г. до н. э. он дважды посылал Чжан Цяня в Западный край, обязав его не только заключить союзы с усунями и даюэчжи против сюнну, но главным образом собрать как можно больше сведений, завязать нужные контакты, разведать надежные маршруты для продвижения войск [Чжан Вэйхуа, 1957, 161—164]. Полученных сведений оказалось достаточно, чтобы начать вплотную готовиться к серьезной военной экспедиции. Конечным пунктом была намечена Фергана.

Выбор этот для У-ди не был случайным: он давно стремился приобрести как можно больше ферганских коней. В период империй в Китае имелись две породы лошадей: одна — низкорослая, быстрая, используемая в кавалерийских частях. То были, как правило, лошади, приобретенные или захваченные у сюнну, ибо они выгодно отличались от местной породы, хотя и были сходны с ней. Чао Цо писал, что «в подъеме и спуске с гор, преодолении ущелий и горных потоков китайские лошади не могут сравниться с лошадьми сюнну» (цит. по [Creel, 1965, 658]).

Вторая порода — так называемые «ханьское ма» («потеющие кровью») — в кавалерии использовалась редко, ибо стоила чрезвычайно дорого. Эти лошади нужны были для императорских выездов и для выездов высших чиновников. По сведе-

ниям придворных, лошади из Ферганы «более крепкие», нежели те, что Чжан Цянь привез в дар У-ди от усуней. Они были «высотой в семь чи» [63, 66 дюйма (1 дюйм=2,54 см), что соответствует 16 ладоням] [Сгеел, 1965, 661; Шефер, 1980, 90]. Х. Крил сообщает, что они были выше, чем самая высокая лошадь из Пазырыкских курганов, и даже выше минимального стандарта для современных тяжеловесов — першеронов [Сгеел, 1965, 661]. Конь породы «ханьские ма» — неотъемлемая часть атрибута чиновников высших рангов, а поскольку бюрократия по мере укрепления центральной власти росла довольно быстро, то государственный аппарат испытывал острую нужду в «потехных кровью».

Бюрократия, богатые землевладельцы и крупные торговцы (а в период Хань между этими тремя категориями населения существовали очень прочные связи) были кровно заинтересованы в походе на Западный край.

В 110 г. до н. э. 60-тысячная армия воинов, сопровождаемая носильщиками, слугами и огромным обозом, насчитывавшим 100 тыс. волов, 30 тыс. лошадей, десятки тысяч ослов, мулов и верблюдов, вступила на территорию Таримского бассейна [там же, 662]. По пути она разгромила отряды цянов. Население Западного края оказало решительное сопротивление: до Ферганы добралось лишь 30 тыс. воинов. Сорок дней длилась осада города, наконец ферганцы убили своего правителя и согласились отдать часть коней. Древние китайцы возвели на престол нового, преданного им хана и удалились вместе с лошадьми. Они отобрали «много десятков лучших коней» и более 3 тыс. жеребцов и кобыл несколько худшего качества [там же, 663]. Так завершился этот грандиозный поход, окончившийся трагедией для его участников, — домой вернулось лишь около 10 тыс. воинов и тысяча лошадей [там же]. Но организаторы экспедиции были довольны: наконец-то они приобрели достаточное количество «потехных кровью».

Вряд ли можно согласиться с Фань Е, сообщавшим, что в результате этого похода 36 государств Западного края оказались во власти Китая и управлялись специально назначенным «сяо взем» [Фань Е, 1940, гл. 78, 3227]. Кратковременное господство в Западном крае окончилось с уходом войск: древние китайцы были не в состоянии постоянно держать там большие гарнизоны, а без них управление было невозможно. К началу нашей эры, ко времени второй экспансии древних китайцев, связанной с деятельностью Бань Чао, государства Западного края, расположенные вдоль северной караванной дороги: Чэши Передний, Чэши Задний, Яньти, Гуйцзы, Гумо и др. — находились под контролем северных сюнну; те же, что были на южной дороге, были более свободны [Васильев, 1955, 108]. Прибыв в Западный край в 73 г. в составе войск Доу Гу, Бань Чао пробыл там 29 лет, изъездив этот край вдоль и поперек.

Местные правители и население смогли наглядно убедиться в сущности древнекитайской политики «с помощью варваров уничтожать варваров». Бань Чао оказался крупным и весьма искусным специалистом в этой области: подкупы, вероломство, заверения в дружбе и предательство, раздоры в правящей верхушке, натравливание одних правителей на других, жестокие убийства — все использовалось им для укрепления китайского влияния. С помощью присылаемых из центра войск Бань Чао удалось на время достичь намеченной цели: «На шестом году [правления императора Хэ-ди] (т. е. в 94 г. н. э. — Л. П.) Бань Чао вновь овладел Яньти (Харашаром). Тогда свыше 50 государств прислали заложников и подчинились [Китаю]» [Фань Ё, 1940, гл. 78, 3229]. Однако вскоре после отъезда Бань Чао, в 106 г., в Западном крае вновь вспыхнуло крупное антикитайское восстание. Ханьским императорам так и не удалось окончательно овладеть Западным краем.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ЦЕНТРАЛИЗОВАННЫХ ГОСУДАРСТВ С ЮЖНЫМИ СОСЕДЯМИ

Уже в глубокой древности, во II тысячелетии до н. э., в бассейне нижнего и среднего течения р. Янцзы сложилась обширная этническая общность, известная под названием цзяо чжи (жяо ти).

Археологические изыскания показали, что жители этого района были тесно связаны с населением бассейна р. Сицзян и Северо-Восточного Индокитая. На всей этой территории существовал единый позднеолитический культурный комплекс — культура плечикового топора и штампованной керамики. У жителей региона были сходные орудия труда (мотыги, кирки) и оружие; они воздвигали однотипные сооружения вокруг своих поселений.

Население, принадлежавшее к этнической общности цзяо чжи, отличалось от своих северных соседей. Цзяо чжи были предками современных вьетнамцев. Вьетнамский историк проф. Дао Зюй Ань, исследуя древнекитайские летописи, пришел к выводу, что предки вьетнамцев до эпохи Чжаньго (V—III вв. до н. э.) жили на территории современных провинций Хунань, Цзянси, части провинций Хубэй и Аньхой, т. е. в бассейне оз. Дунтинху и по среднему течению Янцзы [Деопик, 1961, 11]. Постепенно цзяо чжи передвигались на юг. Из ранних вьетнамских объединений наиболее могущественным было государство Вьет (Юэ), находившееся на территории современной китайской провинции Чжэцзян. Наивысшего расцвета оно достигло при правителе Кау Тиене (505—465 гг. до н. э.). В IV в. до н. э. оно вело войны с древнекитайскими царствами У и Чу. В 333 г. до н. э. чусцам удалось овладеть западной частью государства

Вьет; вьеты ушли на юг. С этого времени вместо названия Вьет (Юэ) в китайских источниках появляется название «Бать вьет» (Бай юэ) — «Сто родов вьет». Эти племенные союзы обитали на территории современных китайских провинций Фуцзянь и Гуандун.

Аулак и древний Китай накануне создания империи Цинь

В 257 г. до н. э. в результате объединения лаквьетских племен на северо-востоке Индокитайского полуострова было создано государственное образование Аулак (257—207 гг. до н. э.). Оно занимало дельту и среднее течение Красной реки, а также районы, прилегающие к ней с юга.

Боле 30 лет между Аулаком и древним Китаем существовали мирные отношения. В значительной степени это объяснялось тем, что во второй половине III в. до н. э. некогда могущественному царству Чу, расположенному севернее Аулака, было не до своего южного соседа. Царству Чу приходилось отражать нападения другого древнекитайского царства — более могущественного государства Цинь.

Аулак вел торговлю с древнекитайскими царствами. По-видимому, торговые связи были довольно активными, так как китайские деньги имели широкое хождение в Аулаке. Китайские купцы доставляли в Аулак оружие: бронзовые и железные мечи, копья, кинжалы и т. п. Большим спросом у знати Аулака пользовались китайские бронзовые и керамические вазы, большие бронзовые флаконы со стилизованными масками — тао те, тарная керамика, представленная большими плоскодонными сосудами сфероконической формы со стоячими венчиками и наклепными маленькими ручками. В Аулак ввозились также сельскохозяйственные орудия и крупный рогатый скот. Аулак снабжал древнекитайские царства некоторыми видами металлических изделий, рогами носорогов, жемчугом, перьями зимородка, драгоценными камнями, ювелирными изделиями.

Походы Цинь Шихуана против древних вьетнамцев

Характер мирных отношений Аулака с древним Китаем резко изменился после создания империи Цинь — первого централизованного китайского государства. Если ранее различные древнекитайские царства, занятые междоусобными войнами, не имели реальных возможностей для продвижения на юг, то с объединением страны такая возможность появилась. Правящие классы древнего Китая (административная верхушка, наследственная аристократия, богатое купечество) уже давно стремились к владычеству над своими южными соседями. Судя по сообщению «Хуайнаньцзы» — памятника, составленного во II в. до н. э., знатные китайцы были весьма наслышаны о богат-

ствах районов, населенных вьетнамцами, где в изобилии имелись предметы, высоко ценившиеся на рынках империи, например рога носорога, из которых древние китайцы варили ценное лекарство, слоновая кость, красочные перья редкостных птиц, жемчуг и т. п. [Хуайнаньцзы, 1931, гл. 18, 23—27].

Вскоре после объединения страны Шихуан обрушил на районы, населенные вьетнамцами, 500-тысячную регулярную армию. Наступление велось широким фронтом, древнекитайские войска были разделены на пять армий, двигавшихся в пяти различных направлениях: первая колонна двигалась на Таньчэн (Хунань, юго-запад современного уезда Цинсянь), вторая — на Цзюньшань (Хунань, современный уезд Цзянхуа), третья — в сторону Паньюя (современный Гуанчжоу), четвертая — на Наньюэ (государство Намвьет) и пятая — на Юйганьшуй (река на территории современного уезда Юйгань провинции Цзянси). Источники сообщают лишь о трех командующих армиями — Ту Цзюе, Жэнь Сяне и Чжао То, имена остальных неизвестны*. Наступление велось в непривычных и тяжелых для северян климатических условиях. Кроме того, в этих районах не было магистральных дорог, что затрудняло снабжение войск провиантом и оружием. Добыть необходимое продовольствие на завоеванной территории древнекитайские войска не могли, ибо все население ушло в леса и горы, захватив с собой имущество и скот [там же, 23]. Дальнейшее продвижение войск в условиях бездорожья и нехватки провианта ставило весь поход под угрозу поражения. Тогда командование китайской армией бросило часть войск на строительство канала, соединившего р. Сяньшуй, вытекавшую из оз. Поянху, с р. Люшуй, притоком р. Сицзян. Этот канал, построенный в рекордно короткий срок, позволил снабжать войска всем необходимым. Китайцы называли этот путь «дорогой продовольствия». Однако, несмотря на разрешение продовольственного вопроса, войска продвигались крайне медленно, так как им приходилось вести непрерывные бои с отрядами лаквьетов, совершавшими стремительные и неожиданные набеги днем и ночью. Война принимала невыгодный для империи Цинь партизанский характер. Лаквьеты держали китайские войска в постоянном напряжении. По сообщению источника, китайские воины в течение „трех лет не снимали доспехов, не ослабляли [тетивы] арбалетов“ [там же]. Правда, первые три года принесли кое-какие успехи: китайские войска продвинулись во всех пяти направлениях и даже убили Июйсуня, правителя Западного Аулака, но не смогли закрепить за собой всю завое-

* А. И. Мухлинов и Д. В. Деопик ошибочно приписывают руководство походом одному Чжао То [Мухлинов, 1961, 23, 221; Деопик, 1961, 89]. В то время Чжао То был лишь одним из пяти командующих. В 214 г. до н. э., после разгрома 500-тысячной армии, Шихуан бросил в наступление новые войска, поручив командование походом уже одному Чжао То [Такигава, 1955, 9; Ли Чжэнфу, 1945, 4—6].

ванную территорию. В 214 г. до н. э. войска государства Аулак совместно с отрядами племен юэ в ночном сражении разгромили китайскую армию и убили полководца Ту Цзюя [там же, 23—24].

Под угрозой оказалась вся южная кампания. Тогда Шихуан срочно провел мобилизацию по всей стране. Специальные императорские эмиссары рыскали повсюду в поисках „тех, кто укрылся от воинской повинности“ [Такигава, 1955, 2, 462]. В 214 г. до н. э. вновь созданная армия, возглавляемая Чжао То, была направлена на помощь отступавшим китайским войскам. Численный состав этой армии неизвестен. Получив подкрепление, китайские войска захватили Намьвет и северо-восточную часть Аулака. На вновь присоединенной территории были учреждены округа Наньхай (современная провинция Гуандун), Гуйлин (современная провинция Гуанси) и Сян (Слоновий).

Среди исследователей до сих пор не утихают споры о местонахождении округа Сян. А. Масперо считал, что этот округ находился на территории южной части нынешней провинции Гуанси. Т. В. Степугина относит эту границу приблизительно к 17-й параллели, захватывая таким образом северную часть Вьетнама [Степугина, 1956, 486]. Вьетнамский историк Минь Чань также полагает, что округ Сян находился на севере Вьетнама [Минь Чань, 1960, 12]. Такой же точки зрения придерживается и советский этнограф А. И. Мухлинов [Мухлинов, 1961, 222].

Несколько иначе к решению этой проблемы подходит Д. В. Деопик. «Для нас важно, — пишет он, — что независимо от решения вопроса о том, где Цинь собирались основать цзюнь (округ) Сян, все данные говорят о том, что войска они ввели только в цзюни (округа) Миньчжун и Наньхай, т. е. в два других, более северных цзюня. Поэтому главный вопрос — подчинили Цинь лаквьетов или нет — решается в настоящее время отрицательно» [Деопик, 1961, 17]. Гу Цзеган в «Атласе исторических карт Китая» отодвигает южную границу округа Сян почти до 13-й параллели, т. е. фактически включает в Сян всю область Чунгбо [Гу Цзеган, 1955, 6]. Точно такие же границы округа Сян даны и на карте империи Цинь, выпущенной редакцией исторических карт для средних школ КНР [Циньго ту, 1958].

Как видим, в современной историографии существуют самые противоречивые мнения о местонахождении округа Сян; более того, некоторые исследователи, например Д. В. Деопик, ставят вообще под сомнение сам факт существования этого округа, отрицая его подчинение империи Цинь. А между тем вопрос о местонахождении округа Сян имеет большое принципиальное значение. Его решение помогает выяснить, насколько глубоко вклинились китайские войска на территорию древнего Вьетнама и удалось ли им покорить Аулак. Поэтому мы вынуждены уделить этой проблеме особое внимание.

Прежде всего попытаемся выяснить, проникали ли циньские войска на территорию округа Сян. Иными словами, учреждали ли циньцы такой округ или лишь собирались основать, как отмечал Д. В. Деопик?

Обратимся к источникам. Самым ранним и достоверным источником являются «Исторические записки» Сыма Цяня, составленные в конце II — начале I в. до н. э. В гл. 6, посвященной жизнеописанию императора Цинь Шихуана, говорится: «На 33-м году правления (214 г. до н. э. — *Л. П.*) были призваны в армию скрывавшиеся от воинской повинности, заложенные зятья (одна из категорий частных рабов.— *Л. П.*) и торговцы, их послали на захват земель Лулян, и когда [на этих землях] учредили округа Гуйлин, Сян и Наньхай, то их послали охранять [вновь завоеванную территорию]» [Такигава, 1955, 2, 48]. Танские комментаторы „Исторических записок“ Сыма Чжэн и Чжан Шоуцзе отмечали, что „земли Лулян“ — это обиталище „жестоких людей“, поселившихся в горах южнее Пяти хребтов [Хуайнаньцзы, 1931, гл. 18, 23]. Землями Лулян ханьцы называли районы, населенные древними вьетнамцами. Следует отметить, что у древних китайцев были основания называть вьетов „жестокими людьми“, ибо вьетнамцы оказывали китайским войскам упорнейшее сопротивление, нанося им ощутимые потери. В одном лишь ночном сражении, когда вьеты убили циньского полководца Ту Цзюя, «кровь лилась рекой, убитых было несколько сот тысяч...» [там же, 24]. Эта цифра, конечно, несколько преувеличена, но войны с вьетами действительно обескровливали империю Цинь. Проведя в 214 г. до н. э. дополнительную мобилизацию, Шихуан с трудом сумел продвинуть свои армии на юг. Сыма Цянь говорит, что округ Сян был действительно учрежден, и прямо указывает, какие войска были посланы для охраны в округа Сян, Гуйлин и Наньхай. Теперь следует ответить на другой вопрос: где же находился этот загадочный округ? Сунский комментатор „Исторических записок“ Пэй Инь, идентифицируя местонахождение округа Сян, ссылается на известного историографа и комментатора классической литературы Вэй Чжао, жившего в середине III в. н. э. «Округ Сян,— пишет Вэй Чжао,— это современный Жинань» [Такигава, 1955, 2, 48]. Сообщение Вэй Чжао относится к самым ранним из известных нам сведений о местонахождении округа Сян. В „Большом словаре китайских древних и современных географических названий“ говорится, что округ Сян находился на юге Аньнани (современного Северного Вьетнама) [Чжунго димин, 1933, 156]. Более конкретные данные приводятся в энциклопедии, составленной Сыма Гуаном в XI в., где говорится, что округ расположен в 17 500 ли от Чанъани — столицы империи [Сыма Гуан, 1956, гл. 7, 242]. К сожалению, Сыма Гуан не указывает, какая имеется в виду граница округа — северная или южная. Однако, даже основываясь только на приведенных выше данных, мы

можем заключить, что округ Сян находился на территории современной Социалистической Республики Вьетнам.

Итак, уже в 214 г. до н. э. на землях, принадлежавших предкам вьетнамцев, а также на части современного Вьетнама были учреждены китайские округа. В источниках отсутствуют какие-либо прямые данные о методах управления захваченной территорией. Однако некоторые косвенные данные позволяют реконструировать хоть бы приблизительно систему управления. Известно, что во вновь созданные округа Шихуан посылал старших чиновников (чжан ли) [Такигава, 1955, 9, 4]*. Согласно циньской системе управления к категории старших чиновников относились высшие чиновники окружных управлений и начальники уездов. Таким образом, можно предположить, что в период циньского господства на завоеванной территории были учреждены и уезды. Это предположение подтверждается одним фактом из биографии Чжао То — правителя государства Намвьет. В период Цинь Чжао То, китаец по национальности, занимал должность начальника уезда Лунчуань округа Наньхай [там же, 24].

В новых округах Шихуан пытался ввести свою административную систему управления. В империи Цинь каждый округ был разделен соответственно на уезды, волости и тины (десять общин). Самой низкой единицей этого деления была община (ли). Китайская община в то время имела свои собственные органы управления в лице выборных или наследственных „фу лао“ — „отцов-старейшин“. Органы императорской администрации действовали в надобщинной сфере. Во Вьетнаме китайцы, по-видимому, не смогли проникнуть дальше уезда: на местах действовали местные вьетнамские чиновники или органы самоуправления вьетнамской общины. Поэтому вслед за войсками во Вьетнам двинулся поток переселенцев. Колонизация окраин китайским населением — испытанный метод, получивший широкое распространение со времен империй Цинь и Хань. Этот метод освоения завоеванных земель был известен под названием „цань ши“ — „поедать постепенно земли соседей так же, как шелковичный червь листья“. Описывая эти события, Сыма Цянь отмечал: «И был послан народ, дабы жил он совместно с вьетнамцами» [там же, 2]. Судя по сообщению ханьского ученого Жу Чуня, колонизация завоеванных округов осуществлялась за счет переселенцев из центральных районов империи [Сюй Фу, 1959, 263]. Обычно Шихуан освобождал переселенцев от несения

* В то время, по-видимому, имелся немалый спрос на китайских чиновников, которых нужно было послать на вновь захваченные земли. Однако желающих ехать добровольно было немного, поэтому в 213 г. до н. э. Шихуан специально посылает «нерадивых чиновников-законников» во Вьетнам [Такигава, 1955, 2, 4]. Уже сам факт отправки чиновников-законников позволяет предположить, что были сделаны попытки ввести китайское законодательство.

государственных повинностей и предоставлял им ряд льгот [Такигава, 1955, 2, 54—55]. Вполне возможно, что и на этот раз колонисты были освобождены от повинностей. Вероятно, им предоставляли и лучшие, очищенные от джунглей пахотные земли, сгоняя аборигенов на худшие поля. Можно предположить, что Шихуан пытался также создать на новой территории военные поселения. В этой связи заслуживает внимания следующее сообщение Сыма Цяня: «Цинь Шихуан послал Вэй То (Чжао То.— Л. П.) переправиться через Пять хребтов и напасть на вьетов... [Чжао То] отправил императору письмо с просьбой прислать 30 тыс. незамужних женщин, дабы они шили одежды для воинов. Цинь Шихуан согласился послать 15 тыс. женщин» [там же, 9, 23—24].

Установление циньского господства, сопровождавшееся притеснениями местного населения, не могло не вызвать волну протеста. Как только в 209 г. до н. э. в Китае началось народное восстание против династии Цинь, вьеты сразу же включились в эту борьбу. Известно, что в повстанческой армии беглого каторжника Цин Бу, действовавшей в 207—206 гг. до н. э. на юге Китая, активную роль играл большой отряд вьетов из округов Наньхай и Гуйлин [там же, 8, 3].

Создание независимого государства Наньюэ

Воспользовавшись восстанием, китайский чиновник Чжао То, бывший начальник уездного управления в округе Наньхай, овладел всем округом. Чжао То перебил циньских чиновников и вместо них назначил начальниками округов и уездов своих родственников — членов патриимии Чжао [Такигава, 1955, 9, 4].

Вскоре после гибели династии Цинь в 207—206 гг. до н. э., Чжао То присоединил к своим владениям округа Гуйлин и Сян и провозгласил себя правителем (ваном) независимого государства Наньюэ [там же]. Он разделил территорию прежнего Аулака на три области: Жяоти, Кыу-тян и Ньят-нам. Будучи в свое время циньским чиновником, Чжао То пытался ввести в своем государстве китайскую систему управления. Выше мы отмечали, что в округе Наньхай он сохранил деление на уезды, удалось ли ему внедрить такое же административное деление в более отдаленных округах, в частности в округе Сян, ответить довольно трудно. По-видимому, на первых порах у него не хватало чиновников. Поэтому он вступил в контакт с местной наследственной аристократией, сохранив за ней определенные права. На местах непосредственное управление осуществляли представители наследственной аристократии Аулака [Мухлинов, 1961, 222]. За их деятельностью наблюдали чиновники, назначаемые самим Чжао То. Среди чиновников были и лаквьеты, ибо некоторые из родственников Чжао То породнились с местной аристократией. Весьма интересно, что в Намвьете, так же как и

в Цинь, подвластное чиновникам население делилось по десятичной системе. Жалование чиновников зависело от рангов: чиновник высокого ранга имел право взимать с населения от 600 до 1000 даней риса (1 дань = 103,5 л) в год, чиновник низшего ранга — не более 200 даней [там же]. По существу, Чжао То скопировал циньскую систему обеспечения должностных лиц. Чиновники, даже самые высшие, не имели земельных владений: все они получали от государства регулярное натуральное довольствие.

При жизни Чжао То Намвьет был вполне самостоятелен в проведении внешней политики. В первой половине II в. до н. э. Китай был еще слаб, страна не могла еще оправиться от долгих войн. Не окрепла центральная власть, были сильны сепаратистские тенденции местных китайских правителей. Поэтому первый ханьский император, Гао-цзу, в 196 г. до н. э. прислал своего специального эмиссара Лу Цзя для установления посольских связей [Такигава, 1955, 9, 4]. Более того, Гао-цзу издал запоздалый указ о назначении Чжао То правителем Намвьета, стремясь тем самым поставить Чжао То в зависимое положение от древнего Китая. На первых порах Гао-цзу устраивал бы чисто номинальный вассалитет. Неизвестно, как Чжао То реагировал на заигрывание ханьского двора, он, видимо, понимал, что Китай для него в то время не представлял большой опасности.

В этот период оживились торговые связи: китайские купцы поставляли в Намвьет сельскохозяйственные орудия и рабочий скот [Минь Чань, 1960, 13]. Укрепление экономических контактов настораживало китайских правителей. Опасаясь усиления Чжао То, вдовствующая императрица Люй-хоу (187—180 гг. до н. э.) запретила вывозить из Китая в Намвьет железные орудия [Такигава, 1955, 9, 5]. По-видимому, в данном случае речь шла о запрете на вывоз китайского оружия. В ответ Чжао То порвал дипломатические отношения с Китаем, провозгласил себя императором Нанью и напал на южные районы Китая, контролировавшиеся правителем Чанша.

Император Вэнь-ди (179—157 гг. до н. э.) повел более гибкую политику в отношении правителя Намвьета. Он пытался сыграть на национальных и родственных чувствах Чжао То. Для древнего китайца, воспитанного в конфуцианском духе, почитание предков стоит в числе первейших заповедей. Известно, что Чжао То был родом из уезда Чжэндин современной провинции Хэбэй. Император Вэнь-ди послал специальных людей для того, чтобы они ухаживали за родовым кладбищем семьи Чжао и во время общекитайских церемоний приносили жертвы предкам Чжао То [Ян Исян, 1956, 61]. Это был мудрый со стороны Вэнь-ди дипломатический прием. Чжао То и его многочисленным родственникам, занимавшим высшие посты в административном аппарате Намвьета, было лестно, что об их предках заботится сам ханьский император. Вэнь-ди в своем стремлении

расположить к себе Чжао То пошел еще дальше: он предоставил родственникам Чжао То, проживавшим в Китае, административные посты, одарив их при этом богатыми императорскими подарками [там же]. Известно, что в Китае в эпоху Хань сохранялись большие патронимии, насчитывавшие от нескольких сотен до тысячи семей [Переломов, 1965, 93—99]. Члены патронимии, связанные кровнородственными отношениями и общностью идеологической (совместные культовые отправления), а также общностью хозяйственной (обычай взаимопомощи), поддерживали между собой самые тесные отношения и выступали во внешнем мире согласованно. В патронимии Чжао То могло быть несколько сотен взрослых мужчин.

Покорение Намвьета ханьскими войсками

После смерти Чжао То в правящем лагере Намвьета постепенно усиливается борьба за императорский престол. В этой борьбе представители семьи Чжао обращаются за помощью к ханьской империи. Сыма Цянь сообщает о том, что мать малолетнего императора Синя, носившая титул тайхоу (вдовствующая императрица), опасаясь переворота, обратилась за помощью к ханьскому двору. Поскольку сама тайхоу была китайяной, она надеялась, что ханьский двор не откажет ей в помощи. В своем послании на имя китайского императора У-ди тайхоу просила приравнять намвьетских правителей к высшей китайской знати (чжухоу), соглашалась один раз в три года прибывать ко двору и открывать заставы на границах [Такигава, 1955, 9, 4]. В ответном послании У-ди отмечал, что на ряд административных должностей вдовствующая императрица уже может назначать чиновников по собственному усмотрению [там же, 10]. Здесь мы встречаемся с явной попыткой усилить китайское влияние в Намвьете, попыткой прибрать к рукам право назначения на высшие административные посты. Одновременно объявлялось о внедрении ханьского законодательства и отмене некоторых китайских видов наказания, уничтоженных в самом Китае при императоре Вэнь-ди. Явное вмешательство во внутренние дела намвьетских правителей вызвало протест со стороны первого советника Люй Цзя и других высокопоставленных намвьетских чиновников. Люй Цзя и его приверженцы убили вдовствующую императрицу и ее сына Чжао Синя, а также ханьского посла, прибывшего в Намвьет в 113 г. до н. э.

Потерпев поражение на дипломатическом поприще, У-ди в 112 г. до н. э. переходит к открытым военным действиям. Несколькими боевыми колоннами двинулось 100-тысячное ханьское войско на Намвьет. В 111 г. до н. э. две китайские армии под командованием Лу Бодэ и Ян Пу обрушились на столицу Намвьета г. Паньюй (современный Гуанчжоу) и захватили ее. Люй Цзя и его сторонники бежали на кораблях в море. Ханьские

войска покорили Намвьет и учредили на территории этого государства девять областей: Наньхай (современный Гуанчжоу в провинции Гуандун), Хэпу (современный Хэпу в провинции Гуандун), Цаньфу (современный Цаньфу в провинции Гуанси), Юйлин (современный Гуйсян в провинции Гуанси), Даньэр (северная часть о-ва Хайнань), Чжуйяй (южная часть о-ва Хайнань), Цзяочжи (современный Хэпэй в СРВ), Цзючжэнь (современный Циньхуа в СРВ), Жинань (современный Иань в СРВ).

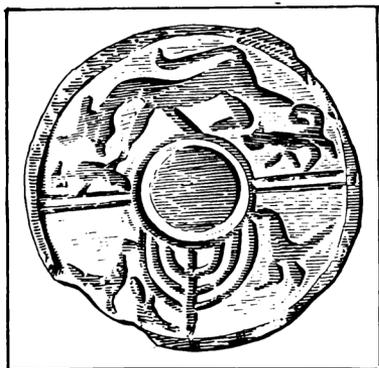
Со 111 г. до н. э. начинается процесс китаизации захваченной территории. Этот процесс усилился в начале нашей эры. Была введена китайская система управления с делением всех округов на уезды, система сдачи экзаменов при назначении на любую должность, китайская налоговая система и т. п. Д. В. Деопик правильно отметил, что китайская налоговая система, основанная на семейном, а не на общинном принципе, давила сильнее, нежели налоговая система раннерабовладельческих государств Аулак и Намвьет [Деопик, 1960, 158]. Внедрение китайской системы управления сопровождалось насильственным введением целого ряда китайских норм жизни, в частности правовых, вызывавших противодействие местного населения. Вьеты выступали против стремления китайской администрации изменить местные обычаи. Насильственная китаизация вызвала протест всего народа: в 42—44 гг. во Вьетнаме вспыхивает народное восстание, руководимое сестрами Чынг Чак и Чынг Ни из богатой семьи Лак.

Громя один за другим ханьские гарнизоны, повстанцы в скором времени освободили свыше 60 укрепленных пунктов [Чжунго шигао, 1963, 176]. Объединив округа Цзяочжи, Цзючэн и Енань, Чынг Чак образовала независимое королевство со столицей в Мелине и стала его главой. Ханьский двор в 40 г. н. э. послал против возродившегося вьетнамского государства огромную армию во главе с опытным полководцем Ма Юанем. Несмотря на упорное сопротивление вьетнамцев, нанесших вначале ряд поражений китайским войскам, Ма Юаню все же удалось в конце 44 г. н. э. подавить в крови это героическое национальное восстание. Десятки тысяч лаквьетов погибли в упорной борьбе. Только в одном округе Цзючжэнь было казнено несколько сот лаквьетских руководителей и более 5 тыс. воинов. Сотни семей наиболее активных противников династии Хань были насильно выселены в Китай. Ханьские войска грабили местное население, из Цзючжэня было угнано свыше тысячи голов скота. Однако и древнекитайские войска понесли тяжелые потери во время борьбы с мужественными вьетами. Ма Юань потерял от 40 до 50% солдат [Loewe, 1961, 9]. Следует отметить, что современная китайская историография переоценивает последствия вторжения армий Ма Юаня, односторонне подчеркивая лишь так называемые «благоприятные последствия» (уничтожение отсталых норм законодательства, проведение ирригации и т. п.),

забывая сказать, что в результате агрессии ханьских войск народ древнего Вьетнама лишился на время суверенитета и оказался под пятой захватчиков [Чжунго шигао, 1963, 176].

После подавления восстания, возглавляемого сестрами Чынг, Вьетнам на несколько столетий потерял свою независимость и вошел в состав китайского государства. Во II в. н. э. во Вьетнаме вспыхивают отдельные крестьянские восстания, однако они не достигают грандиозного масштаба восстания 42—44 гг. Мужественные руководительницы восстания Чынг Чак и Чынг Ни стали национальными героями Вьетнама.

ХОЗЯЙСТВО



ПРИРОДНАЯ СРЕДА

Вплоть до наших дней ландшафтно-климатические условия обитания народов оказывают существенное влияние на особенности их хозяйства и культуры. В древности воздействие естественной среды на формирование этих особенностей было, бесспорно, более значительным и всеобъемлющим. Наибольшее значение имели в этом отношении три аспекта экологических условий: ландшафт, уровень влажности, температурный режим.

Ландшафтные зоны

Первоначальное формирование этнической общности древних китайцев I тысячелетия до н. э. проходило на довольно значительной территории, но практически в аналогичных условиях среды — в речных долинах среднего и нижнего течения Хуанхэ. Предки древних китайцев начиная с эпохи неолита и вплоть до середины I тысячелетия до н. э. были привязаны к плодородным поймам рек: за пределами этих узких полос земли земледелие с использованием существовавших тогда орудий труда было невозможно. Но после появления железных орудий, среди которых первостепенное значение имел железный сошник, изменяются и способы возделывания земли и впервые появляется возможность резко расширить площадь земель, используемых под пашню, и выйти из давно обжитых долин на лёссовое плато, сплошь покрытое в эту эпоху девственными лесами. Со второй половины I тысячелетия до н. э. начинается постепенный процесс сплошного освоения бассейна Хуанхэ. Это приводит к значительным изменениям в природных условиях — к сокращению площади лесов, что, в свою очередь, не могло не отразиться и на климате этого региона.

Политические события последних веков до нашей эры, завершившиеся объединением страны в рамках централизованной империи, а затем существенное расширение этнической терри-

тории древних китайцев в результате завоевательных походов Цинь Шихуана и ханьского У-ди привели к тому, что древние китайцы вышли далеко за пределы района своего первоначального расселения. Дальнейшая история древнекитайской этнической общности протекала в III в. до н. э.— III в. н. э. в принципиально иных условиях экологической среды, чем несколькими столетиями до этого. Теперь этническая территория древних китайцев не была уже так однородна, как раньше. В нее оказались включенными районы иных ландшафтно-климатических зон.

Расширение границ империй Цинь и Хань на севере привело к тому, что определенная часть древнекитайского населения оказалась расселенной на территории, относящейся к зоне степей и полупустынь. «От холода там трескается земля, и пронизывающий ветер обдувает солончаки. Там перемешались песок и камни, земля не может найти себе применения» — такая характеристика вновь присоединенных районов на северо-западе империи содержится в «Яньтелунь» [Го Можо, 1957]. Дошедшие до нас письма военных поселенцев, оказавшихся на территории северной части современной провинции Ганьсу, свидетельствуют о трудностях вживания в новую среду: «Здесь очень жарко, кругом песок, а зимой сильные морозы» [Цзюйянь, 1959, 77, № 1865-А].

В непривычных условиях оказались и древнекитайские переселенцы в южные округа. В этих районах „густые леса и бамбуковые заросли, реки изобилуют порогами, в лесах множество ядовитых змей и хищных животных“; там „жарко и влажно, в летнее время свирепствует желтая лихорадка“; „люди Среднего государства не могут переносить здешний климат“ [Бань Гу, 1964, 9, 2779, 2781].

Следует, однако, отметить, что, несмотря на тропические болезни, переселенцы быстрее приспособлялись к условиям жизни на юге, чем на севере. В процессе своего многовекового продвижения на юг древние китайцы осваивали прежде всего районы с более привычным для них ландшафтом. Это были речные долины, пригодные для земледелия. Горные районы на южных территориях, присоединенных к империи Хань, продолжали быть населенными исключительно местными племенами. Не случайно потомков восточных юэ древние китайцы называли в первые века нашей эры горными юэ.

Таким образом, можно говорить о трех ландшафтных зонах, входивших в территорию расселения древних китайцев в III в. до н. э. — III в. н. э.: основной, умеренной зоне лёссовых равнин (здесь в рассматриваемое время проживало большинство древнекитайского населения); более северной зоне степей и полупустынь; субтропической зоне с преобладанием гористого рельефа.

Границы этих зон лишь в самых общих чертах совпадали с современными. Наибольшие сдвиги произошли на стыке первых двух зон; они непосредственно связаны с эпохальными изменениями влажности климата в соответствующих регионах, что определяло смещение границ аридной зоны.

Эта проблема давно уже привлекает внимание специалистов в области исторической географии. Широко известна дискуссия между Л. С. Бергом и Г. Е. Грумм-Гржимайло по вопросу об усыхании Центральной Азии на протяжении двух тысячелетий. За последние годы влияние климатических колебаний на историю этнических общностей Евразии подробно исследовалось Л. Н. Гумилевым.

Основываясь на выводах А. В. Шнитникова относительно закономерностей изменчивости общей увлажненности Евразийского континента, Л. Н. Гумилев предложил свою схему чередования периодов увлажнения и усыхания аридной и гумидной зон [Гумилев, 1967, 59]. Одной из основных посылок в концепции Гумилева является положение, согласно которому в период увлажнения аридной зоны усыхает гумидная, а при увлажнении полярной происходит одновременное усыхание гумидной и аридной зон, но возникает активное увлажнение зоны субтропической. В соответствии с этой закономерностью, полагает Л. Н. Гумилев, в первые века до нашей эры шло интенсивное увлажнение аридной зоны, тогда как первые века нашей эры характеризовались общим понижением влажности в аридной зоне и повышенной увлажненностью гумидной зоны Евразии (за исключением III в. н. э., когда происходило одновременное усыхание обеих зон).

Повышенная увлажненность аридной зоны Евразии в последние века до нашей эры объясняет, по мнению Л. Н. Гумилева, причины возвышения сюнну, чья экономика целиком зависела от площади и качества пастбищных угодий. В IV—III вв. до н. э. сюнну занимали район Иньшаня, о котором сообщалось, что «сии горы привольны лесом и травой, изобилуют птицей и зверем», тогда как севернее «земли ровные, лесов и травы мало, но более глубокие пески» [Бичурин, 1950, 1, 94]. Процесс перехода к аридному климату стал решающим фактором, препятствовавшим развитию традиционных форм хозяйства сюнну, что в конечном итоге привело к гибели их державы [Гумилев, 1967, 60].

Не касаясь здесь вопроса о взаимосвязи между усыханием зоны степей на территории Внутренней Монголии и историческими судьбами сюнну, следует сказать, что археологические находки в этом районе подтверждают мнение о прогрессивном понижении уровня увлажненности и перемещении границ пустыни к югу. В частности, в результате археологических разведок в рай-

оне Шароосогола в песках Ордоса были обнаружены развалины крепостей, продолжавших функционировать здесь вплоть до VII—VIII вв. В источниках содержатся сведения о том, что здесь когда-то было озеро Шэяньцзэ. Полевые исследования 1964 г. обнаружили следы, указывающие на прежние границы этого озера (первоначальная площадь его превышала 100 кв. км) [Хоу Жэньчжи, 1973, 35—40].

Какими данными располагаем мы для суждения об уровне влажности в основной ландшафтной зоне расселения древних китайцев?

Это свидетельствования письменных источников, прежде всего упоминания об отклонениях от нормального среднего состояния, содержащиеся в „Ханьской истории“ Бань Гу. Эти данные были систематически изучены Вэнь Хуаньжанем, посвятившим проблеме климата Среднекитайской равнины в эпохи Цинь и Хань специальную монографию.

Результаты исследования Вэнь Хуаньжана были обобщены им в таблицах, которые приводятся ниже в несколько упрощенном виде. Упоминания об избытке осадков и о засухах сгруппированы по периодам в 20 лет; число соответствующих записей приводится отдельно по шести районам: верхнее течение Хуанхэ (1), нижнее течение Хуанхэ (2), районы с частичным вклю-

Таблица 21
КОЛИЧЕСТВО УПОМИНАНИЙ ОБ ИЗБЫТКЕ ОСАДКОВ
И О ЗАСУХЕ В ХАНЬСКИХ ИСТОЧНИКАХ

Период	Избыток осадков						Засуха					
	1	2	3	4	5	6	1	2	3	4	5	6
200—181 гг.	—	2	—	—	2	2	—	—	—	—	—	2
180—161 гг.	2	1	—	2	—	3	—	—	—	—	—	3
160—141 гг.	—	—	1	—	—	1	—	—	—	—	—	3
140—121 гг.	1	1	—	—	—	1	—	1	—	—	—	3
200—101 гг.	—	3	—	—	—	3	—	1	—	—	—	8
100—81 гг.	1	—	—	1	—	1	—	—	—	1	—	6
80—61 гг.	—	—	—	—	—	1	1	1	1	1	—	3
60—41 гг.	—	1	—	—	—	1	—	—	—	—	—	1
40—21 гг.	2	5	1	1	—	6	—	1	—	—	—	1
20—1 гг.	2	6	1	—	1	8	—	1	—	1	—	6
1—20 гг.	1	3	—	1	—	4	—	3	—	—	—	5
21—40 гг.	—	4	—	—	3	5	1	3	1	1	2	7
41—60 гг.	—	2	—	—	2	4	—	5	—	—	4	7
61—80 гг.	—	—	—	—	—	1	—	10	—	—	6	15
81—100 гг.	—	2	—	—	1	4	1	7	—	1	5	9
101—120 гг.	1	8	1	—	5	5	—	10	—	—	8	16
121—140 гг.	1	7	1	1	5	8	1	12	1	1	8	14
141—160 гг.	1	5	1	1	3	6	—	5	—	—	5	7
161—180 гг.	—	5	—	—	4	6	1	8	—	—	3	9
181—200 гг.	2	3	—	2	1	5	2	4	—	2	—	7
201—220 гг.	—	4	—	—	—	4	—	3	—	—	—	3

чением верхнего или нижнего течения Хуанхэ (3), Чанъань (4), Лоян (5) и все среднее и нижнее течение Хуанхэ в целом (6).

В пересчете на периоды по 100 лет соотношение числа упоминаний об избытке осадков и засухе может быть представлено в следующей таблице (цифра со знаком плюс означает превышение числа упоминаний об избытке осадков, со знаком минус — превышение числа упоминаний о засухе):

Т а б л и ц а 22
СООТНОШЕНИЕ ЧИСЛА УПОМИНАНИЙ ОБ ИЗБЫТКЕ
ОСАДКОВ И О ЗАСУХЕ

Период	1	2	3	4	5	6
200—101 гг.	+2	+ 5	+1	+2	+ 2	— 9
100—1 гг.	+4	+ 9	+1	—1	+ 1	0
1—100 гг.	—1	—17	—1	—1	—11	—23
101—200 гг.	+1	—11	+2	+1	— 7	—13

Разумеется, не следует абсолютизировать приведенные выше данные. На них неизбежно должны были отражаться такие факторы, как неравномерность распределения сообщаемых сведений, субъективность автора и т. д. Тем не менее эти данные, бесспорно, свидетельствуют о наиболее общих тенденциях изменения климатических условий на Среднекитайской равнине в рассматриваемое время [Вэнь Хуаньжань, 1959, 61].

1. В целом на Среднекитайской равнине число отмеченных засух превышает число сообщений об избыточном количестве влаги. Однако для нижнего течения Хуанхэ эти показатели практически равны, а в верхнем ее течении, и в частности в Чанъани, чаще сообщалось об избытке влаги.

2. Что касается изменений степени увлажненности по столетиям, то I в. до н. э. отчетливо противопоставляется с этой точки зрения I веку н. э. В I в. н. э. во всех районах (кроме Чанъани) сообщения об избытке влаги преобладают; в следующем столетии во всех районах преобладают сообщения о засухе, причем I век н. э. оказывается самым засушливым в пределах всего ханьского периода. Наиболее резкие изменения в уровне увлажненности отмечаются в нижнем течении Хуанхэ, в частности в районе Лояна.

3. Позднее, во II в. н. э., соотношение двух приведенных показателей несколько выравнивается. Однако и в это время сведения о засухах в нижнем течении Хуанхэ продолжают преобладать.

Данные, проанализированные Вэнь Хуаньжанем, позволяют считать, что в целом для ханьского времени характерна тенденция к понижению уровня увлажненности по сравнению с пред-

шествующими периодами. Однако в своем абсолютном выражении этот уровень был близок к современному [там же, 1959, 76].

Температурный режим

Первоначальное формирование этнической общности древних китайцев, относящееся в целом к середине I тысячелетия до н. э., проходило в условиях среды, значительно отличавшихся от современных. Во II—I тысячелетиях до н. э. климат Среднекитайской равнины был заметно более теплым и влажным, чем сейчас. На берегах Хуанхэ, в ее среднем и нижнем течении, сплошь покрытых девственными лесами, иньцы охотились на слонов, носорогов, тапиров, кабаргу, бамбуковую крысу и других животных, северная граница нынешнего распространения которых проходит гораздо южнее. Систематическое изучение названий растений, упоминаемых в „Шицзине“, показывает, что в чжоуское время на Среднекитайской равнине произрастали субтропические деревья и кустарники (в том числе *Pinus mitch*, встречающаяся ныне в пределах провинций Цзянсу, Чжэцзян, Хубэй, Сычуань, Гуандун) [Лу Вэнью, 1957, 11].

В трактате „Люйши чуньцю“, составленном в конце III в. до н. э., содержится утверждение, что через 57 дней после зимнего солнцестояния появляются первые ростки травы; комментируя его, автор XVII в. Чжан Бяо писал: «Ныне климат на севере холоднее, и даже случается, что через 60—70 дней после зимнего солнцестояния всходов еще нет» [Чжу Кэчжэнь, 1972, 21].

Что касается периода III в. до н. э. — III в. н. э., то относящиеся к нему письменные памятники содержат значительное число сведений, позволяющих охарактеризовать приблизительный уровень среднегодовых температур на основной территории расселения древнекитайского этноса.

На первый взгляд некоторые из этих данных плохо согласуются между собой и кажутся противоречивыми. В наибольшей степени это относится к сообщениям некоторых источников о том, что в императорских парках близ Чанъани произрастали различные субтропические растения.

Так, в оде ханьского поэта Сыма Сянжу, посвященной столичному парку Шаньлиньюань, мы читаем:

Черные есть померанцы
И желтые, и апельсинны,
И жоупо, и персики,
И мушмула, и личжи...
Вишня, и черная груша,
И земляничное дерево,
Дикая слива, жужбы.
И виноград, и хурма!
Рядами стоят деревья.
Дворцов не видать за ветвями,
Северные сады
Вниз по холмам бегут!

Царство деревьев тут,
Всюду шумят шатры
Их бирюзовой листвы,
Любят на свет глядеть
Красные их цветы...

[Сыма Цянь, 1955, 229,
ср. Такигава, 1955,
9, 4742—4743].

Обратим внимание на то, что среди фруктовых деревьев, наполнявших парк Шаньлиньюань, автор оды упоминает и апельсины. Поэт конца III в. н. э. Цзо Сы, критикуя творческий метод Сыма Сянжу, утверждал, что описанная в данном произведении картина не соответствует действительности, поскольку, в частности, апельсины в Чанъани не могли плодоносить. Мнения ученых на этот счет разделились.

Сюй Чжуншу высказал предположение, что и Сыма Сянжу и Цзо Сы по-своему правы. Дело лишь в том, что они жили в разное время. Климат II в. до н. э. в районе Чанъани мог отличаться от условий, которые были характерны для него почти пятью столетиями позже. Более того, с резким похолоданием в западной части бассейна Хуанхэ этот исследователь связывает даже такой исторический факт, как перенос столицы из Чанъани в Лоян после реставрации династии Хань в начале I в. н. э. [Сюй Чжуншу, 1940].

С Сюй Чжуншу полемизирует Вэнь Хуаньжань. Он ссылается, в частности, на следующее толкование слова «апельсин» в словаре «Шовэнь цзецзы» (I в. н. э.): «Фрукт растет к югу от Янцзы». В сочинении «Яньцзы чуньцю» упоминается о том, что «апельсин, растущий к югу от Хуайхэ, всегда остается апельсином; если же он растет в местности к северу от Хуайхэ, то превращается в горький померанец» [У Цзэюй, 1962, 392]. Сходное высказывание содержится и в трактате «Яньтелунь»: «Апельсины и помелоны растут в местности к югу от Янцзы, и все люди с удовольствием едят их» [Го Можо, 1957]. Во времена Сыма Цяня «в округах Шу, Хань и Цзянлин (т. е. на территории современных провинций Сычуань и Хунань.— М. К.) тысячами выращивались апельсиновые деревья» [Такигава, 1955, 10, 5165] и т. д. К этому можно добавить, что апельсины упоминаются в списке фруктов, которые были положены в захоронение раннеханьского времени близ Чанша, раскопанное в 1961 г.; в том же захоронении найдена кожа апельсина, принадлежавших к виду *Citrus sinensis* [Чанша шанцзытан, 1963, 22].

Все эти данные позволяют согласиться с мнением Вэнь Хуаньжана о том, что на грани нашей эры район произрастания апельсинов находился южнее линии Циньлин—Хуайхэ; сведения о цитрусовых в Чанъани, приводимые Сыма Сянжу, по-видимому, недостоверны. Что же касается личжи, якобы плодоносивших в императорском парке Шаньлиньюань, то это сообщение прямо опровергается следующим свидетельством «Сань фу

хуанту»: «Дворец Фулигун находится в парке Шаньлиньюань. В 6 г. Юаньдин (т. е. в 111 г. до н. э.— М. К.) разгромили южных юэ и заложили Фулигун, вокруг которого высадили полученные на юге редкостные травы и необычные деревья... Иста саженцев личжи, привезенных из Цзяочжи, ни один не прижился. В течение нескольких лет продолжали высаживать их. Спустя некоторое время один из них зазеленел, но ни цветков, ни плодов так и не было. Император заботился о нем, и, когда в один несчастный день деревце засохло, несколько десятков чиновников было казнено. После этого личжи больше не сажали. А плоды личжи ежегодно получали с юга в виде подношений двору» [Чжан Чжунсян, 1958, 26—27].

Рассмотрев сохранившиеся в ханьских источниках сведения о периоде цветения персиков и сливы, а также о времени ежегодного появления в долине Хуанхэ перелетных птиц, Вэнь Хуаньжань приходит к выводу о том, что и с точки зрения температурного режима климат на Среднекитайской равнине в ханьское время существенно не отличался от современного.

Этот вывод согласуется с результатами исследования Чжу Кэчжэня, полагающего, что примерно на грани нашей эры кривая среднегодовых температур, характерных для основной территории Китая, пересекла отметку, соответствующую современному уровню. Затем началось кратковременное потепление, после чего — длительный период похолодания, максимум которого приходится на XII в. [Чжу Кэчжэнь, 1972, 15—38].

ОСНОВНЫЕ ЗАНЯТИЯ

Согласно представлениям, господствовавшим в ханьское время, все занятия населения страны можно разделить на две категории. Первая из них должна быть уподоблена стволу дерева (бэнь) — это основа всей экономики страны, «главное», т. е. земледелие. Вторая категория занятий соотносится с первой, как ветви дерева (мо) с его стволом. Это «второстепенное» — ремесло и торговля. Для экономической мысли ханьской эпохи в высшей степени характерно представление о том, что «второстепенное» мешает «главному». Вопреки объективной тенденции прогрессирующего усложнения структуры хозяйства считалось, что только занятие земледелием создает реальные ценности. В действительности соотношение важнейших отраслей экономики ханьской империи было гораздо более сложным.

Земледелие

Если земледелие считалось «главным» занятием населения, то основной сферой приложения труда земледельца было возделывание зерновых культур.

Уже в первой половине I тысячелетия до н. э. на Среднекитайской равнине, где главной сельскохозяйственной культурой была первоначально чумиза, ассортимент культурных злаков значительно расширился. В «Шицзине» упоминаются названия пятнадцати злаковых культур, в том числе пшеница и рис [Ци Сыхэ, 1949, 263—311].

Комментаторы ханьского времени, толкуя древние сочинения, в частности «Шицзин», основывались на реалиях своей эпохи. В число основных сельскохозяйственных культур они включали также коноплю, что в совокупности составляло «шесть хлебов» (см., например, «Люйши чуньцю», составленное в конце III в. до н. э.).

О том, какие культуры возделывались в ханьское время, мы можем судить сегодня не только по письменным источникам, но и по эпиграфическим надписям, а также по находкам материальных следов зерна. Наиболее полные сведения на этот счет имеются по району среднего течения Хуанхэ. Так, в погребениях близ Лояна постоянно находятся модели зернохранилищ с надписями на них. Изучение этих надписей [Чэнь Чжи, 1961, 628—630; Хаяси, 1975, 2—10, и др.] показало, что в ханьское время там возделывались чумиза (*Setaria italica*), просо (*Panicum miniaceum*), пшеница (*Triticum aestivum*), ячмень (*Hordeum vulgare*), рис (*Oryza sativa*), соя (*Glicinemax*), фасоль (*Phaseolus angularis*), конопля (*Cannabis sativa*). Наиболее часто в них упоминается чумиза — традиционная культура бассейна Хуанхэ. Что же касается риса, то он встречается лишь в 7 случаях из 24; в целом для Среднекитайской равнины он был нехарактерен.

Однако возделывание здесь риса не вызывает сомнений. Находки зерен риса в погребении близ Лояна дали возможность определить, что они принадлежат к подвиду гэн (*Oryza sativa* f. *Spontanea* Roschev. subsp. *Keng Ting*), широко возделывавшемуся в бассейне Янцзы начиная с эпохи неолита [Дин Ин, 1959, 31—33]. В ханьское время рис все еще продолжал оставаться ведущей культурой на территории южнее Среднекитайской равнины.

Для северян широкое распространение на юге риса, которого на севере было мало и который поэтому высоко ценился, ассоциировалось с общим благосостоянием и процветанием. «Народ там питается рыбой и рисом», — пишет Сыма Цянь о районе Цзяннани и утверждает, что общий уровень жизни там очень высок.

Специфика отдельных районов страны заключалась не только в преимущественном распространении тех или иных культур, но и в применявшихся для их возделывания орудиях труда. «Ведь в Цинь, Чу, Янь и Ци качество почв неодинаково. Твердые и мягкие почвы обрабатываются по-разному. Использование больших и малых, прямых и изогнутых орудий зависит от

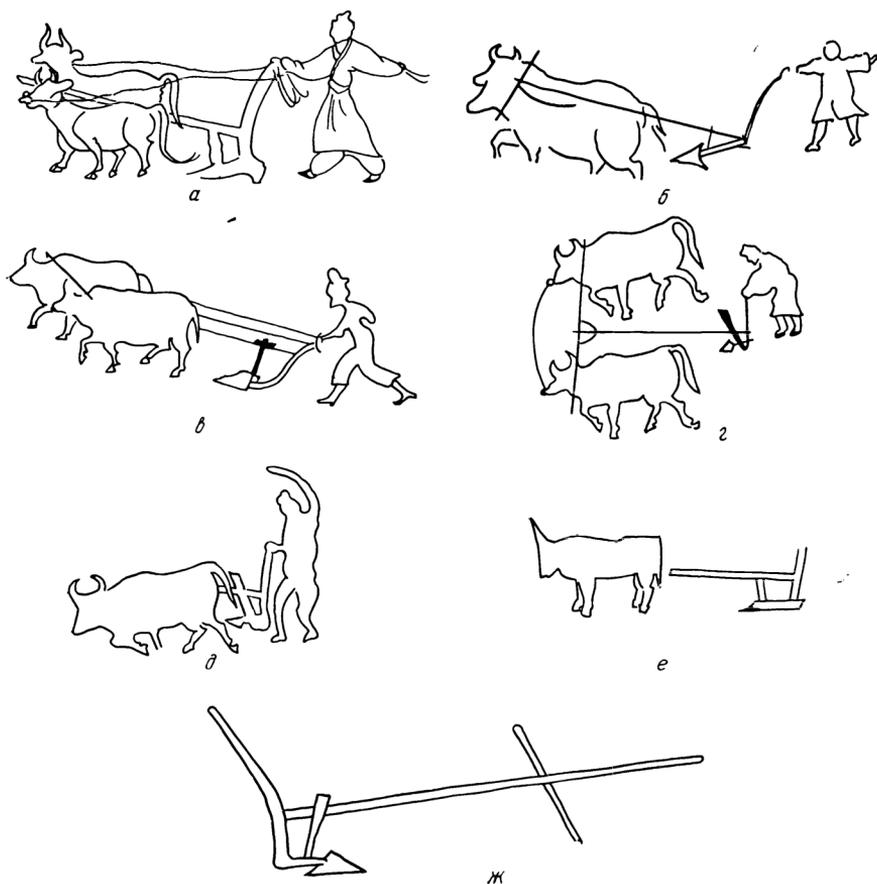


Рис. 19. Ханьские пахотные орудия

местности и обычаев; в определенных условиях каждое орудие имеет свое преимущество», — говорится в «Яньтелуне» [Го Можо, 1957, 12]. Ведущее место среди них занимали упряжные пахотные орудия, определявшие уровень развития земледельческой техники в целом.

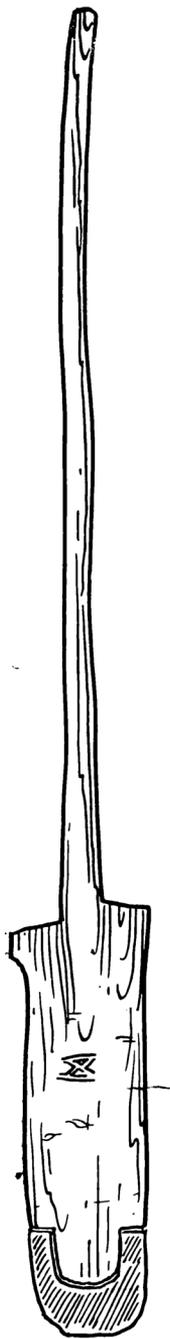
О конструкции ханьских пахотных орудий мы можем судить по изображениям на каменных барельефах и фресках I—III вв. (в настоящее время известно в общей сложности около 10 таких изображений), а также благодаря тому, что в погребении I в. до н. э. в Увэ сохранилась деревянная модель пахотного орудия (подробнее см. [Чжан Чжэньсинь, 1977, 57, 58]). Кроме того, немаловажное значение имеют находки железных деталей, позволяющих составить более конкретное представление о применении этих орудий.

В ханьское время чаще всего применялись пахотные орудия, по своим конструктивным особенностям относящиеся к типу однорукоятчных прямогрядильных рал (о классификации древних рал см. [Краснов, 1975, 22—33]). Такое орудие состоит из следующих основных частей: ральника (рабочая часть), составляющего одно целое с рукояткой, грядиля и стойки (рис. 19). Особенностью древнекитайских рал было то, что, во-первых, ральник в рабочем положении находился параллельно плоскости земли, т. е. представлял собой полоз; во-вторых, рало имело длинный и прямой грядиль; в-третьих, грядиль закреплялся в рукоятке довольно высоко над полозом; на ральник насаживался У-образный железный наконечник (наральник).

Рало такого типа было хорошо приспособлено для работы на открытых плоских пространствах с почвами, не засоренными камнями или корнями деревьев. Недостаток его отмечается автором сельскохозяйственного трактата «Циминь яошу» Цзя Сысе (V в.): «На ровных местах пахать ралом с длинным грядилем еще можно, но для горных районов оно не подходит. Чрезвычайно трудно поворачивать его, и это требует больших усилий. Такое рало не столь удобно, как используемое жителями Ци на заросших участках полей» [Циминь яошу, 1957, 13]. Хотя автор трактата не объясняет особенностей конструкции рала из Ци, но, по-видимому, он имеет в виду орудие с укороченным и изогнутым грядилем, получившим широкое распространение в эпоху Тан и характерным для современных китайских плугов [Стариков, 1967, 138], но в ханьское время еще неизвестным.

Изучение ханьских железных наконечников для пахотных орудий позволяет утверждать, что наряду с собственно ралами, характеризующимися симметричной рабочей частью и отсутствием отвального приспособления, в I—III вв. применялись уже и плуги, способные не только взрыхлять почву, но и переворачивать пласт. Железные лемехи с отвалом известны по находкам в уездах Аньцю (Шаньдун), Чжунмоу, Хэби (Хэнань), Чанъань, Лицюань, Сяньян, Лунсянь (Шэньси) и т. д. [Чжан Чжэньсинь, 1977, 60; Хаяси, 1976, 270].

Обращает на себя внимание тот факт, что все известные нам изображения рал происходят с территории северной части империи Хань (современные провинции Шэньси, Шаньси, Ганьсу, Шаньдун, Цзянсу). По-видимому, на этом основании можно сделать вывод, что упряжные пахотные орудия применялись в ханьское время преимущественно на севере страны. С другой стороны, в погребениях ханьского времени в бассейне Янцзы часто находят статуэтки, изображающие людей с заступами в руках. Первая находка самого такого орудия близ Чанша относится к 1974 г. Это деревянный заступ длиной 139,5 см, он имеет плоскую часть размером 46,5×13,5 см с железной насадкой (общий вес орудия — 1400 г, вес насадки — 265 г) [Вэнь



Бао, 1974, 45—46] (рис. 20). Заступ был в эпоху Хань универсальным землеройным орудием, широко применялся на строительстве ирригационных сооружений. Но использовался он и в качестве земледельческого копательного орудия, функционально аналогичного более раннему лэй. Когда автор «Яньтелуня» говорит о том, что в его время «мало людей, которые держали бы в руках заступ, сами пахали и ткали» [Го Можо, 1957, 57], он имеет в виду не малоупотребительность заступа как земледельческого орудия, а уменьшение общего количества занятых в «основном» производстве. По-видимому, особенно широко применялся заступ на юге страны, где физико-географические условия препятствовали использованию рал северного типа. Распространение упряжных пахотных орудий на юге Китая начинается в более позднее время*.

Некоторое представление об агротехнических приемах, применявшихся при обработке полей на юге страны, дают модели, найденные в погребениях. Так, в одном из захоронений близ г. Гуанчжоу была обнаружена глиняная модель заливного рисового поля (рис. 21). С помощью насыпных бровок оно разделено на прямоугольные участки. На одном из них на земле лежит заступ с U-образной насадкой, а рядом стоит человек в широкополой шляпе. Волнообразные штрихи на всех участках, кроме одного, указывают на то, что они залиты водой. Рядом с полем — лодка в воображаемом канале.

Помимо возделывания зерновых китайцы занимались огородничеством и садоводством, «вокруг дома сажали туты, для овощей устраивались грядки, а тыкву высаживали вдоль межей» [Бань Гу, 1964, 4, 1120].

Об ассортименте наиболее популярных овощных культур, возделывавшихся на Среднекитайской равнине, можно судить по сле-

* В первой половине I в. некто Жэнь Янь предпринял попытку внедрить применение пахоты на быках на территории нынешней провинции Гуандун, но заметных результатов это не дало; в Луцзяне в конце I в. упряжные пахотные орудия были еще совершенно неизвестны [Ли Цзяньнун, 1957, 173].



Рис. 21. Модель заливного рисового поля. Терракота. Эпоха Хань

дующему сообщению «Ханьшу». Некто Гун Сун был назначен при императоре Сюань-ди наместником округа Бохай. Приехав к месту службы, он обнаружил, что местное население занято в большинстве «второстепенными» промыслами и не уделяет должного внимания земледелию. Тогда новый наместник распорядился, чтобы все жители округа в обязательном порядке начали заниматься огородничеством: каждый человек обязан был посадить по одному вязу (почки вяза древние китайцы употребляли в пищу), по сто корней чеснока, пятьдесят корней лука и грядку черемши [Бань Гу, 1964, 11, 3640].

Иным выглядит набор овощей, представленный в списке продуктов, положенных в погребение супруги крупного сановника III в. до н. э. Ли Цана близ Чанша: молодые побеги бамбука, таро, тыква, корневища лотоса, листья фиалки, репа, латук и др. [Хаяси, 1975, 55—56].

В том же списке перечисляются и местные сорта фруктов: ююба (*Ziziphus jujuba* Mill), груши (*Pyrus purifolia*), два вида слив (*Prunus mume*), плоды земляничного дерева (*Myrica rubra*). В других аналогичных надписях из района Чанша мы видим упоминания об абрикосах, апельсинах, мушмуле [Хаяси, 1975, 63—64]. Что же касается районов среднего и нижнего течения Хуанхэ, то здесь выращивали преимущественно ююбу, каштаны, хурму, персики, сливу (*Prunus mume*), груши и т. д. Сыма Цянь, например, сообщает, что «в Аньи тысячами растут ююбы, в Янь и Цинь — каштаны, в Цзянлине — апельсины, к югу от Хуайбэя и Чаншаня, в междуречье Хуанхэ и Цишуя, — маллоты» [Такигава, 1955, 1, 5165]. Ван Бао, автор I в. до н. э., родом из Цзычжуна (Сычуань) так описывает сады в этих местах: «Сажают персики, сливы, груши, хурму, кудранию и тутовник, по восемь деревьев в ряд с расстоянием между деревьями 3 чжана, один сорт фруктовых деревьев следует за другим, и они равномерно распределяются вдоль и поперек» [Чунцинши боугуань, 1957, 12].

Особо следует отметить возделывание тутовых деревьев, плоды которых употреблялись в пищу, а листья использовались для выкармливания тутового шелкопряда. В источниках тутовник часто упоминается рядом с другой технической культурой — коноплей, особенно широко выращивавшейся в нижнем течении Хуанхэ: «В Ци и Лу — тысячи му заняты коноплей и тутами» [Такигава, 1955, 10, 5165]. Волокно конопли (*Cannabis sativa*) и рами (*Boehmeria nivea*) было основным сырьем для производства грубых тканей.

Скотоводство

В I тысячелетии до н. э. основной целью разведения домашних животных в древнем Китае было производство мяса. Потребление мясных продуктов было ограничено рамками ритуала: мясо предназначалось прежде всего для принесения жертв предкам. Примерно в середине I тысячелетия до н. э. в этой области производства происходят существенные изменения, вызванные общими сдвигами в уровне производительных сил общества. Распространение железа и упряжных пахотных орудий привело к тому, что крупный рогатый скот во всевозрастающих масштабах начинает использоваться в качестве тягловой силы.

В III в. до н. э. — III в. н. э. разведение домашних животных в древнем Китае преследовало несколько целей. Будучи источником мяса (его потребление было в эту эпоху менее регламентировано, чем раньше, хотя по-прежнему оставалось привилегией высших слоев общества), домашний скот применялся и в качестве тягла на сельскохозяйственных работах, использовался в качестве упряжных животных для передвижения и, наконец, для верховой езды.

В погребении Мавандуй I, датированном III в. до н. э., сохранились остатки нескольких мясных блюд, приготовленных для усопшей. В них обнаружены кости четырех видов домашних животных: собаки, свиньи, коровы и барана; кроме того, в списке кушаний, положенных в это погребение, упоминается блюдо из конины [Гао Яотин, 1973, 76—78]. В сценах, изображающих приготовление пищи, на каменных барельефах и фресках эпохи Хань чаще всего присутствуют свиньи, коровы, собаки, бараны [Цзэн Чжаоцзюй, Цзян Баогэн, Ли Чжунъи, 1956, табл. 35; Ли Вэнсинь, 1955; Цзягугуань вэй цзинь, 1974, 68, табл. 4].

Единственным видом домашних животных, разводимым только на мясо, была свинья. Свиноводство всегда было тесно связано в древнем Китае с сельскохозяйственным зерновым хозяйством, так как кормом для свиней служили преимущественно отходы зерна. В тех районах, где возделывание зерновых было развито меньше, поголовье свиней, как правило, было незначительным. В частности, упоминавшийся выше Гун Сун, назначен-

ный наместником округа Бохай, обязал жителей района не только сажать лук и черемшу, но и разводить свиней — «по две свиноматки на семью» [Бань Гу, 1964, 11, 3640].

Собачье мясо считалось в древнем Китае лакомством. В погребении Мавандуй 1 были обнаружены кости от трех собачьих тушек, причем все они принадлежали щенкам в возрасте до года [Гао Яотин, 1973, 76].

Кроме того, некоторые породы собак использовались в качестве сторожевых псов. Собаки применялись также на охоте [Цзягугуань, 1972, 39, рис. 21].

Крупный рогатый скот разводился на мясо и был главной тягловой силой на земледельческих работах. На многих изображениях сцен пахоты мы видим, что в рало впрягалось по два быка; таким образом, спрос на крупный рогатый скот был очень велик. Резкое повышение цен на хлеб объясняется в императорском рескрипте 76 г. н. э. тем, что эпидемия чумы привела к сокращению поголовья тяглового скота [Ван Саньцян, 1959, 1, 128]. Быки служили и транспортным тяглом [Цзягугуань, 1972, 38, рис. 17; Шаньбэй дунхань, 1959, 23].

Ездить на повозке, запряженной лошадыми, было в ханьскую эпоху своего рода престижной маркой, свидетельством благосостояния и высокого положения в обществе. Поэтому стены погребальных камер в захоронениях знатных вельмож, как правило, украшались изображениями верениц великолепных экипажей, запряженных парами, тройками и четверками лошадей [Хаяси, 1966]. Свидетельством процветания государства накануне завоевательных походов У-ди было, по мнению конфуцианцев, изобилие лошадей; их было якобы так много, что на них пахали землю и каждый простолюдин имел возможность ездить верхом на лошади или в лошадиной запряжке [Го Можо, 1957, 30]. Это бесспорное преувеличение. Лошадь, по всей вероятности, никогда не применялась в Китае в качестве упряжного животного, используемого в земледелии.

Иное дело — применение лошади для езды верхом. Заимствовав этот способ передвижения у своих северных соседей, древние китайцы быстро привыкли к нему. Особенно большое значение езда верхом имела в военном деле. Успешно бороться с кочевниками можно было только в том случае, если империя располагала сильной конницей, и ханьские правители прекрасно понимали это. Чжан Цянь, первым из жителей Среднего государства посетивший Фергану, был поражен великолепными качествами местных лошадей, порода которых существенно отличалась от распространенной в древнем Китае. Чжан Цянь назвал ферганских коней «небесными». Изображения лошадей, встречающиеся на барельефах позднеханьского времени, характеризуются чертами, свидетельствующими о появлении в Китае новых пород, пришедших на смену прежней — монгольской, с понурой шеей и длинным хвостом.

Разведение лошадей было отличительной особенностью северо-западных районов ханьского Китая. Только здесь для пастбищного содержания скота были необходимые условия. Поэтому на барельефах с территории Шэньси и Ганьсу часто представлены сцены выпаса скота, среди которого преобладают лошади [Шэньсишэн боугуань, 1959, 22; Цзягугуань, 1972, 38, рис. 16].

От северных кочевников в ханьский Китай проникли и некоторые ранее совершенно неизвестные там породы скота — мулы, лошади, верблюды [Го Можо, 1957, 30]. Однако в целом они, по-видимому, не получили в это время еще сколько-нибудь широкого применения.

Шелководство и шелкоткачество

Ханьская империя была в свое время единственной страной мира, производившей шелковые ткани. Шелководство и шелкоткачество, имеющие давние традиции в древнем Китае, достигли к первым векам до нашей эры весьма высокого уровня развития. Совершенствование методов выращивания шелковичного червя, применение более прогрессивных конструкций ткацкого станка, повышение качества красителей создают условия для производства чрезвычайно разнообразной продукции, получившей известность далеко за пределами страны. Главными центрами шелководства и шелкоткачества были в то время Линьцзы (Шаньдун), Синьи (Хубэй), Чэнду (Сычуань) и др. В этом отношении особенно славился Шаньдун: население этого района, по словам Бань Гу, одевало всю Поднебесную [Бань Гу, 1964, 6, 1660].

Ткачество было единственной отраслью ремесла, рассматривавшейся как основное, а не побочное занятие: если земледелие было делом мужчины, то разведение шелкопряда, обработка шелка-сырца, прядение и ткачество считались основным занятием женщины. Не случайно император Цзин-ди утверждал, что он сам работает в поле, а императрица в это время занята сбором листьев тутовника [там же, 1, 151]; в императорских рескриптах земледелие и шелководство постоянно упоминаются рядом [там же, 232, 314 и др.].

На изображениях сцен сбора тутового листа, относящихся к V—IV вв. до н. э. (рис. 22), можно видеть два различных вида тутового дерева. Один из них отличается значительной высотой, и сборщицы с корзинами вынуждены залезать на дерево; именно о таких тутах упоминается в «Цзочжуани»; цзиньский Вэнь-гун во время своего пребывания в Ци разговаривал со своими спутниками под тутовым деревом, на котором в это время сидела оставшаяся незамеченной девушка, собиравшая листья [Legge, 1940, 7, 184]. Наряду с этим встречаются изображения туютов, высотой не превышающих роста человека. Этот вид



Рис. 22. Сбор тутового листа. С изображений на сосудах V—III вв. до н. э.

тутового дерева отличается обилием листвы и является поэтому экономически более выгодным [Ся Най, 1972, 14—15].

Туты сажали преимущественно вдоль межей, около жилищ и т. д. Но в ряде районов страны можно было видеть и значительные площади тутовых садов. Применяя специальные методы посадки, некоторые хозяева получали значительные урожаи листьев туты: одного му площади было достаточно для того, чтобы обеспечить кормом три решета шелкопряда [Ши Шэнхань, 1956, 31].

По традиции утром первого дня третьего месяца женщины отправлялись на реку промывать яички шелкопряда. После этого их помещали в специальные кормушки и ставили в теплое место. Считалось, что если поливать яички шелкопряда отваром полыни, то гусеницы появятся скорее. Весьма ответственной операцией было выкармливание гусениц: в это время необходимо поддерживать в помещении определенную температуру, которая не должна быть слишком высокой; нужно следить за тем, чтобы на гусениц не попадала вода; листья туты, скармливаемые гусеницам, должны быть чистыми и т. д. Примерно через 21—22 дня гусеницы начинали вить коконы. Куколок шелкопряда замаривали, а коконы варили в кипятке и разматывали.

Основными приспособлениями для выращивания шелкопряда были плоские корзины прямоугольной формы, плетенные из тростника или расщепленного бамбука. Такие кормушки бывали или самодельными, или купленными на рынке (один из сподвижников первого ханьского императора, Чжоу Бо, в юности зарабатывал на жизнь тем, что плел кормушки для тутового шелкопряда) [Такигава, 1955, 6, 3132]. После того как гусеницы начинали вить коконы, их помещали в специальные решета, устанавливаемые на стеллажах в среднем по десять решет на каждой полке [Фанъянь, 1956, 56—57]. Таким образом, в ханьское время использовались те же самые приспособления для

выращивания шелкопряда, что и в настоящее время [Сунь Юй-тан, 1963, 147]. Совершенствование технологий позволяло приближаться к современному. В частности, изучение образцов ханьских тканей, обнаруженных в Пальмире, показывает, что толщина шелковой нити составляла в то время 0,02—0,03 мм (современный гуанчжоуский шелк — 0,0218 мм, японский — 0,0273, сирийский — 0,029, французский — 0,0316 мм и т. д. [Pfister, 1934, 1, 39, 56]).

Письменные источники ханьского времени содержат упоминания о многочисленных видах и сортах производившихся тогда шелковых тканей. Исследование их материальных остатков, находимых в погребениях ханьской эпохи, позволяет выделить среди них четыре основных типа, различающихся по способу переплетения: одноцветные безузорные, камчатые, газовые и узорные полихромные [Лубо-Лесниченко, 1961, 6—13; Ся Най, 1972, 17—20].

Шелковые ткани (главным образом одноцветные) изготовлялись в шелководческих районах почти в каждом крестьянском хозяйстве. Помимо этого существовали значительные по размерам частные и казенные мастерские. В зависимости от сорта изготавливаемых тканей в мастерских применялись различные по конструкции ткацкие станки, хотя и принадлежавшие в целом к одному и тому же типу.

Основные детали традиционного древнекитайского ткацкого станка упоминаются уже в текстах доханьского времени (в частности, в «Шицзине»). Это рама для закрепления основы, челнок, подножки [Лубо-Лесниченко, 1961, 15]. Устройство станка для производства простых безузорных тканей может быть реконструировано по изображениям на барельефах II в. н. э. (всего в настоящее время известно восемь таких изображений; все они обнаружены в Шаньдуне и прилегающих районах). Устройство всех восьми станков одинаково: закрепленная на горизонтальной стороне наклонная рама для основы, две подножки, соединенные с ремизками и обеспечивавшие зевообразование (рис. 23). Реконструкция ткацкого станка этого типа [Сун Бинь, Ли Чжунъи, 1962, 30] представлена на рис. 18. Для производства полихромных тканей применялись станки более сложной конструкции. В частности, важные нововведения в устройство ткацких станков были осуществлены ученым III в. н. э. Ма Цзюанем [Лубо-Лесниченко, 1961, 18]. Однако изображений такого рода станков не сохранилось.

Важное место в технологии производства полихромных тканей занимало крашение. В ханьском комментарии к «Чжоули» отмечается, что окраске шелка непременно предшествовала подготовка нитей: «Выварщики готовят шелк, который окрашивают красильщики. Если первая работа не выполнена, то краски не сядут на шелк» [там же, 21]. Шелковые нити вывари-

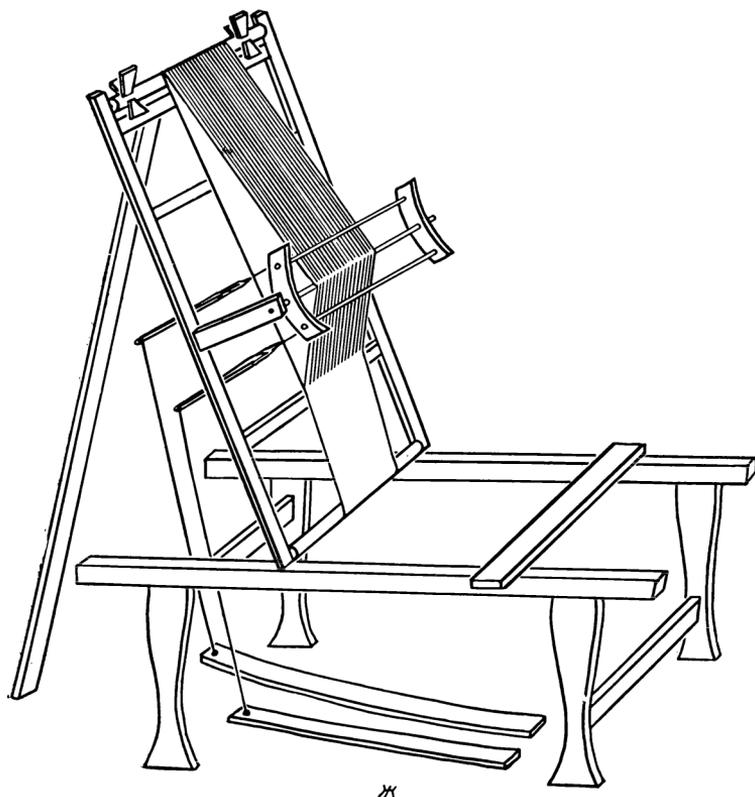
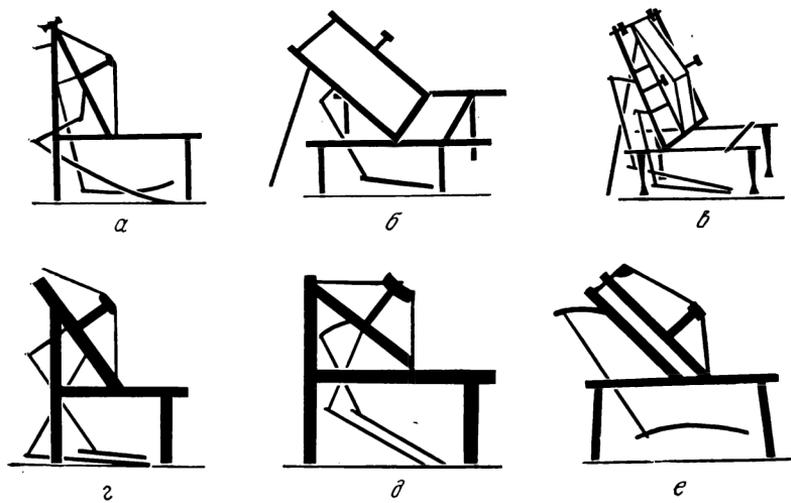


Рис. 23. Ханьские ткацкие станки

вали в воде с добавлением золы, затем отбеливали их с помощью извести, получаемой из жженных раковин, и, наконец, протравливали железным купоросом или квасцами. Для окрашивания нитей и готовых тканей применяли преимущественно растительные красители. Из минеральных красителей наиболее широкое применение имела киноварь.

Единицей измерения тканей ханьского времени был кусок длиной в 4 чжана (около 9 м). Ширина ткани зависела от размеров станка, составляя в среднем около 45—50 см. Ширина узорчатых полихромных тканей, производившихся в казенных мастерских, была строго регламентирована и составляла 2 чи и 2 цуня (около 50 см). Именно такой ширины, зафиксированной в письменных источниках, полихромные шелковые ткани, хранящиеся в Государственном Эрмитаже [там же, 19]. О производительности ткацкого станка для простых безузорных тканей можно составить представление по следующей задаче из учебника математики «Цзючжан суаньшу»: «Искусная ткачиха тклет в [каждый следующий] день в два раза больше, [чем в предыдущий]. За 5 дней наткала 5 чи. Спрашивается, сколько она выработывала ткани ежедневно?» [Математика, 1957, 458]. Таким образом, для изготовления одного куска ткани искусной ткачихе требовалось примерно полмесяца [Чэнь Чжи, 1958, 87].

Другие отрасли ремесла

«Для земледельческих работ крестьянину необходимы следующие железные орудия: наральный, мотыга, серп, заступ, жатвенный нож; получив их, он может заниматься земледелием. Чтобы изготовить колесницу, необходимы топор, пила, ступицы колеса, сверло, долото, железная ось; при наличии всего этого можно сделать колесницу. Женщине необходимы ножницы, шило, большая и малая иглы; когда все это имеется, женщина может заняться своим делом».

Эти слова автора трактата «Гуаньцзы» вполне могут быть отнесены к ханьскому времени, когда от железных орудий труда действительно зависело как сельскохозяйственное производство, так и основные отрасли ремесла. Железные орудия ханьского времени известны нам сегодня не только по своим названиям, приводимым, в частности, в словаре «Шимин», но и по археологическим находкам. По данным на 1961 г., железные орудия, датируемые III—I вв. до н. э., найдены в более чем 60 пунктах на территории страны, тогда как соответствующие предметы I—III вв. — более чем в 100. Все это — свидетельство мощного развития металлургии железа в рассматриваемую эпоху.

На территории современных провинций Хэнань, Хэбэй, Шаньдун, Цзянсу, Шаньси, Шэньси и во Внутренней Монголии раскопаны остатки около 20 железоделательных мастерских эпо-

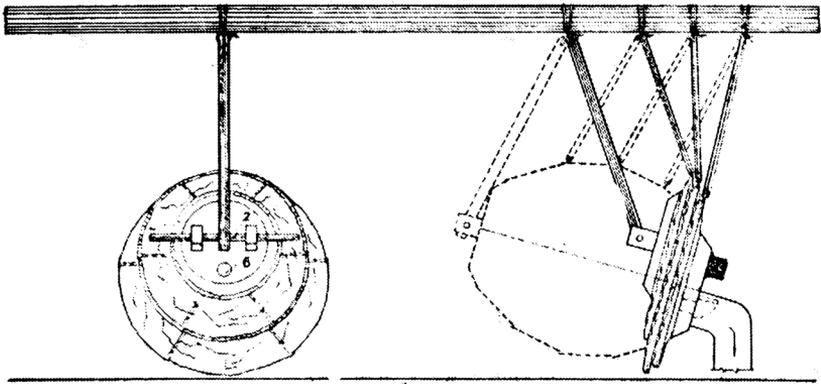


Рис. 24. Кузнечные меха эпохи Хань. Реконструкция

хи Хань. Эти данные в целом сопоставимы с обобщениями письменных источников о том, что в ханьское время в 42 округах и наследственных владениях существовали должности специальных чиновников, ведавших производством железа. Сопоставление этих свидетельств с местонахождением обнаруженных мастерских, а также изучение клейм на железных орудиях позволяют нам более полно представить общую картину распространения железоделательного производства на территории империи. Таким образом, изготовление железных изделий не было связано исключительно с несколькими определенными районами страны; оно было сравнительно равномерно представлено практически во всех частях империи. Объяснялось это тем, что центры ремесленного производства в древности возникали в непосредственной близости от источника сырья. Что же касается железа, то оно встречается почти повсюду на Среднекитайской равнине и в бассейне Янцзы (не случайно автор «Гуаньцзы» упоминает лишь о 467 известных ему месторождениях меди и о 3609 (!) месторождениях железа).

Наиболее крупная из известных в настоящее время железоделательных мастерских (в Тешэнгоу, уезд Гунсянь, пров. Хэнань) расположена всего в нескольких километрах от древних горных разработок. На общей площади в 2000 кв. м обнаружены помещения для обогащения руды, 20 плавильных печей, литейные ямы, обломки оборудования, литейные формы, готовые изделия и т. д. Для характеристики технического уровня железоделательного производства существенно отметить применение в качестве топлива каменного угля и каменноугольных брикетов [Гунсянь тешэнгоу, 1962].

Необходимая температура внутри плавильной печи достигалась благодаря применению не только высококачественного

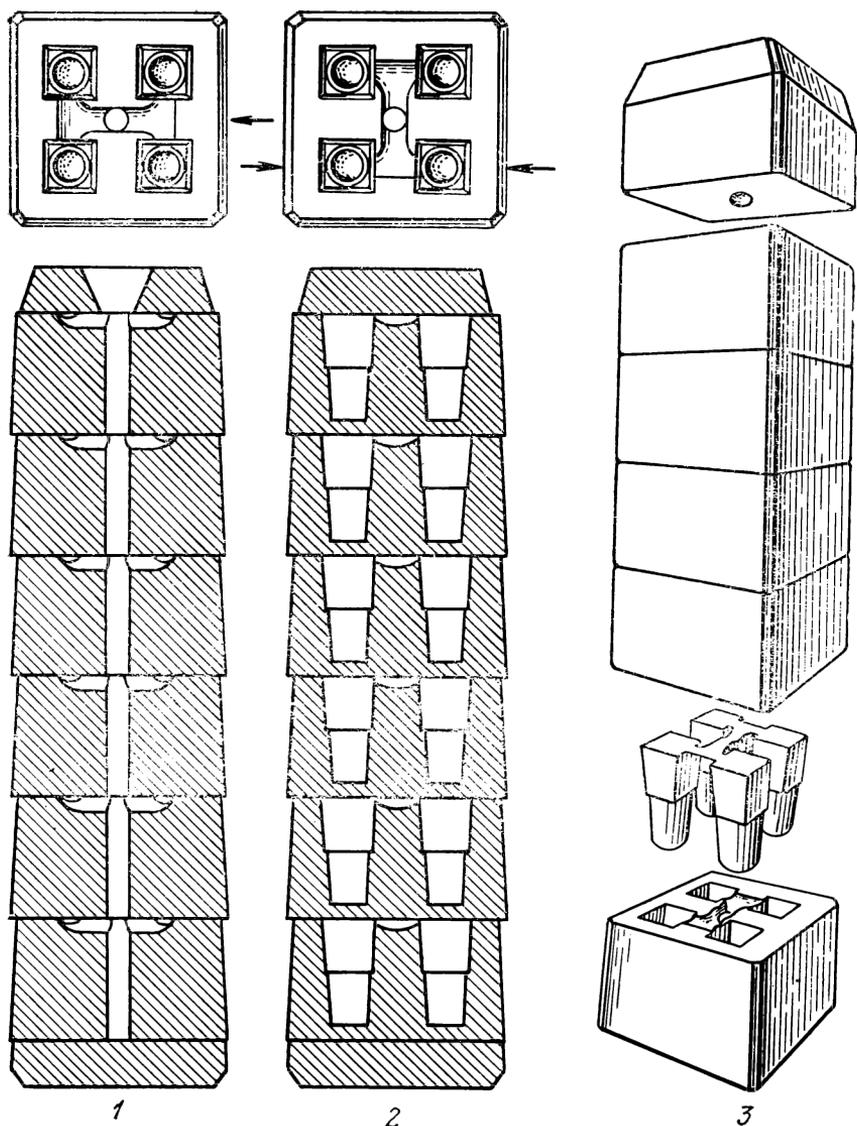


Рис. 25. Керамические формы для литья. Эпоха Хань

топлива, но и более совершенной конструкции мехов. (рис. 24). Мехи изготовлялись из лошадиной кожи; с помощью снабженных клапанами глиняных трубок они соединялись с плавильной печью [Е Чжаохань, 1959, 20—21; Ван Чжэньдо, 1959, 43]. В 31 г. н. э. некто Ду Ши, назначенный наместником округа Наньян, изобрел мехи, которые приводились в действие водой,

что резко повысило производительность труда, обеспечив тройную экономию рабочей силы [Ван Сяньцзянь, 1959, 2, 1151].

Большого совершенства достигли ханьские мастера в изготовлении керамических форм для литья. Как показывают, например, находки в специализированной гончарной мастерской для производства литейных форм в уезде Вэньсянь (Хэнань), металл заливали в «обойму» из нескольких форм, что способствовало увеличению выпуска продукции [Хэнаньшэн, 1976, 66—75] (рис. 25).

Если, по словам автора трактата «Яньтелунь», «железные орудия — важнейший предмет потребления народа» [Го Можо, 1957, 70], то продукция другой не менее развитой отрасли ханьского ремесла — лаковые изделия — в основной своей массе была предметом роскоши. «Одна расписная чашка стоит столько же, сколько 10 бронзовых, которые употребляются так же, но стоят дешевле», — утверждает в том же сочинении [там же, 59]; «для изготовления одной чашки требуется труд ста человек, а одной ширмы — целых десяти тысяч» [там же, 63].

Особенность производства лаковых изделий заключалась в строго регламентированной специализации отдельных операций, выполнявшихся последовательно несколькими мастерами. Существовало два основных способа изготовления лаковых изделий: первый из них заключался в том, что лаком покрывали предмет, вырезанный из дерева; при втором сначала изготавливали шелковую основу, которую затем покрывали несколькими слоями лака.

Основными центрами производства лаковых изделий были округа Шу, Чэнду, Гуанхань, Уду (т. е. главным образом район Сычуани), а также Хэнэй [Чэнь Чжи, 1958, 97]. Поэтому наиболее широкое распространение лаковая посуда имела в южных районах империи (в качестве примера можно указать на то, что в погребении жены знатного сановника Ли Цана было обнаружено более 180 различных предметов из лака [Чанша мавандуй и хао, 1972, 7—8]). Значительная часть продукции казенных мастерских предназначалась специально для императорского двора, о чем свидетельствуют надписи на изделиях.

Добывающие промыслы

Помимо разработок рудных ископаемых, обеспечивающих сырьем железоделательные и бронзолитейные мастерские, важное экономическое значение имел в ханьское время соляной промысел.

Сыма Цянь отмечал, что в восточных приморских районах страны соль добывали из морской воды, а к западу от хребта Тайханшань разрабатывали солонцы [Такигава, 1955, 10, 5160]. О том, что добыча соли не была ограничена каким-то одним регионом, можно судить по данным «Ханьшу» о местоположении

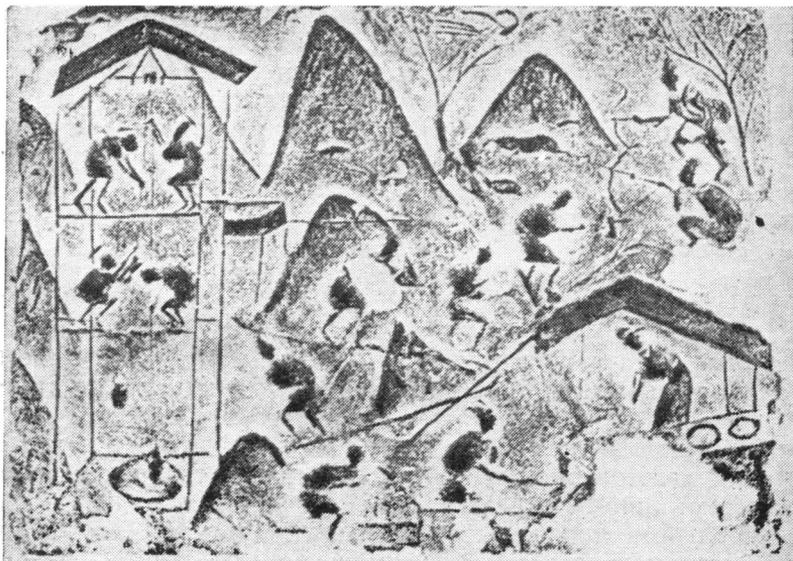


Рис. 26. Добыча соли. С ханьского барельефа

казенных соляных управлений. В III—I вв. до н. э. общее их число достигало 32.

Соляные управления были организованы после того, как император У-ди ввел монополию на добычу и продажу соли и железа. До этого соляные промыслы принадлежали частным лицам. «Некогда,— говорил во время дискуссии о соли и железе сторонник легистского подхода к проблемам экономики,— сильные дома имели право извлекать доход из гор и морей, добывать железную руду и плавить железо, а также выпаривать соль. На одного хозяина работало иногда более тысячи человек. Чаще всего на разработки привлекали бродячий люд, оставивший родные места и могилы своих предков. Нанимаясь к богатым хозяевам, они собираются в труднодоступных горах и на непроходимых болотах» [Го Можо, 1957, 13]. Неоднократно подчеркивается, что соляные промыслы создавали в глухих местах, «в темных ущельях, где редко появлялись люди» [там же, 19].

Прекрасной иллюстрацией сказанному служат каменные барельефы из Сычуани. На одном из них изображены поросшие лесом горы, по склонам которых бродят дикие звери. В одном из ущелий вырыт колодец, увенчанный двухэтажной деревянной или бамбуковой вышкой. На промежуточных настилах располагаются люди. С помощью каната, переброшенного через блок, они вытягивают из колодца большие деревянные ведра. Поднятый на поверхность земли соляной раствор по трубе поступает в чан. Тут же находится печь с несколькими конфорка-

ми. Раствор разливается в котлы, в которых и происходит выпаривание соли. Топливом служит хворост, который рубят поблизости и подносят к печи подсобные рабочие. Специальный работник следит за печью, подбрасывая хворост и раздувая огонь веером (рис. 26).

Упоминания о соляных колодцах встречаются во многих сочинениях, где так или иначе описываются особенности хозяйства округа Шу и близлежащих районов.

ГОРОД

В ханское время городская жизнь уже стала неотъемлемой составной частью общественного быта. Рост городов как центров ремесла и торговли был одним из проявлений общего экономического развития страны и расширения сферы товарно-денежных отношений. Городской уклад жизни способствовал появлению новых черт в традиционной культуре древних китайцев. Именно города были опорными пунктами распространения культурного влияния основного населения империи на коренное население окраин.

Крупнейшие городские центры ханьского времени

Наиболее крупные города эпохи Хань возникли несколькими веками раньше, в начале периода Чжаньго. Если в VIII—VI вв. до н. э. «даже большие города имели территорию, не превышающую 300 чжанов в окружности, а население не превосходило 3000 семей», то накануне объединения страны «тут и там были города с территорией в 1000 чжанов и населением в 10 000 семей» [Го Сифэнь, 1934, 4, разд. 20, 1—2]. О размещении ремесленно-торговых центров V—III вв. до н. э. мы можем судить по надписям на монетах, отливавшихся в различных царствах [Чжэн Цзясян, 1958].

Первую сводку данных о расположении и экономической роли городов ханьского времени составил Сыма Цянь. Судя по его данным, города размещались в конце II в. до н. э. главным образом на Среднекитайской равнине, хотя территория империи к этому времени достигла уже своих максимальных размеров. Города, упоминаемые Сыма Цянем, можно объединить в три группы, имеющие четкую географическую локализацию.

Первый район — столичная область в долине Вэйхэ, где был расположен один из крупнейших городов империи — Чанъань.

Второй район — территория современных провинций Хэбэй, Хэнань, Шаньси. Здесь находились такие города, как Ян (современный уезд Гундун), Пинъян (современный уезд Линьфэнь в Шаньси), Вэнь (современный уезд Вэнь), Чжи (современный уезд Цзиюань в Хэнани), Ханьдань, Янь (близ Пекина, Хэбэй).

Третий район — территория современных провинций Хэнань (к югу от Хуанхэ), Шаньдун, Хубэй и более южные районы. К числу наиболее крупных городов здесь относились Лоян, Линьцзы, Тао (современный уезд Цао в Шаньдуне), Суйян (современный уезд Шанцю в Хэнани), Цзянлин, Чэнь (современный уезд Хуайян в Хэнани), У (современный Сучжоу в Цзянсу), Шоучунь (современный уезд Шоу в Аньхое), Хэфэй, Инчуань, Вань (современный уезд Наньян), Паньюй (современный Гуанчжоу) [Такигава, 1955, 10, 5151—5160].

Во второй половине I в. до н. э. Хуань Куань перечислил в «Яньтелуне» все «известнейшие города Поднебесной». К ним он отнес Чжо (современный уезд Чжо в Хэбэе), Цзи (соответствует Янь у Сыма Цяня), Ханьдань, Вэнь, Чжи, Инъян (современный уезд Инъян в Хэнани), Линьцзы, Ваньцю (соответствует Чэнь у Сыма Цяня), Янди (современный уезд Юй в Хэнани), Саньчуань (соответствует Лояну у Сыма Цяня) [Го Можо, 1957, 7]. Хуань Куань не упоминает о Чанъани, но включение столицы в число наиболее известных городов подразумевалось. В целом данные «Яньтелуна» в основном совпадают со сводкой Сыма Цяня и не дают оснований говорить о каких-либо сдвигах в размещении городских центров.

Наконец, Ван Ман в начале I в. н. э. ввел в Чанъани и других важнейших «пяти городах» должности чиновников, заведовавших торговлей. Эти пять городов включали: Лоян, Ханьдань, Линьцзы, Вань, Чэнду [Бань Гу, 1964, 4, 1180]. Таким образом, здесь среди первых шести городов империи впервые упомянут город Чэнду (Сычуань).

После реставрации династии Хань столица была перенесена в Лоян; Чанъань постепенно утратила свое прежнее положение как один из главных центров империи. Ханьдань, Линьцзы, Вань, Чэнду продолжали оставаться наиболее крупными городами. Увеличение численности населения на юге страны не привело к возникновению там сколько-нибудь значительных новых городов [Ли Цзяньнун, 1957, 205].

Столица империи

На протяжении более чем двух столетий Чанъань была не только главным городом империи Хань, но и одним из самых крупных городов мира.

Основание Чанъани относится к 200 г. до н. э. Город был zaloжен на месте бывшего циньского загородного дворца, который при императоре Хуэй-ди (194—188 гг. до н. э.) начали перестраивать и расширять. В 194 г. до н. э. были начаты работы по возведению городской стены. Высота ее составляла 3 чжана 5 чи (более 8 м), толщина у основания — 1 чжан 5 чи (около 3,5 м) [Чжан Чжунсян, 1958]. В 190 г. до н. э. стена, имевшая 65 ли (более 30 км) в окружности, была наконец за-

вершена. В городской стене было 12 ворот, местоположение большинства которых установлено сейчас благодаря археологическим раскопкам [Ван Чжуншу, 1957; Ван Чжуншу, 1958].

Самыми высокими зданиями в Чанъани были императорские дворцы, среди которых выделялись Чанлэгуи и Вэйлянгун. В первом из них жил Гао-цзу; после Хуэй-ди официальной резиденцией императора стал Вэйлянгун. В Переднем зале этого дворца правители давали аудиенции высшим чиновникам; с запада и с востока к ней примыкали другие залы, в частности зал Белого тигра, где Чэн-ди в 25 г. до н. э. принимал сюннского шаньюя [Бань Гу, 1964, 1, 310]. Около северных ворот дворца совершались торжественные церемонии по случаю военных побед; на башни, расположенные по обе стороны от этих ворот, вешали головы поверженных врагов. Так, в 110 г. до н. э. У-ди послал к сюнну своего гонца с известием: «Голова правителя южных юэ уже висит на башне у северных ворот в столице Хань» [там же, 189].

Поскольку дворцы не были сосредоточены в одном месте и располагались в разных концах столицы, их соединяли крытые переходы и подвесные галереи, по которым император и его свита могли переходить из одного помещения в другое, не боясь досужих взоров простолудинов. Галереи были выкрашены в фиолетовый цвет, контрастировавший с красными дверями дворцов (красный цвет был в ханьское время символом императора).

Вблизи дворцов располагались выкрашенные в желтый цвет здания правительственных учреждений. Они, как правило, имели четыре двери, причем через западные входил начальник соответствующего ведомства, а через восточные впускали посетителей. В отличие от местных административных учреждений в столице было не принято оповещать о приближении чиновника ударами в подвешенный у ворот барабан.

В общей сложности в Чанъани было 160 жилых кварталов, соединенных прямыми и ровными улицами. Каждый квартал был окружен стеной с воротами, запиравшимися на ночь. У ворот квартала нужно было сойти с повозки.

В Чанъани было девять рынков, часть из которых находилась в городской черте, часть — вне ее. Здесь перекрещивались торговые артерии страны: по словам современников, «здесь продавались товары, привезенные со всех четырех стран света, покупатель ни в чем не знал отказа, а продавец наживался вдвое». Здесь постоянно можно было видеть иноземных купцов. Приезжая в Чанъань, они обычно останавливались в специально отведенных для них постоянных дворах на улице Хаоцзе. О том, какое огромное количество людей скапливалось одновременно на столичных рынках, можно судить по событиям 90 г. до н. э., когда наследником императора У-ди был поднят мятеж: не сумев захватить командование гарнизоном, «наслед-

ник сигнал людей с четырех рынков — несколько десятков тысяч человек — к западным воротам дворца Чанлэгуан» [там же, 9, 2881].

Но в повседневной жизни процветающей столицы была и другая сторона. Город страдал от бандитов, тайно изготавливавших оружие и грабивших население. Ходить в сумерках по улицам было опасно. «Чанъань процветала, — писал Бань Гу, — на каждой улице и в каждом квартале свой предводитель смельчаков» [там же, 11, 3705]. В последние десятилетия I в. до н. э. в Чанъани орудовали шайки наемных убийц, которые, замышляя что-то, бросали жребий: вытащивший красный шарик убивал военных чиновников, вытащивший черный — гражданских, а тот, кому достался белый, должен был хоронить своих товарищей [там же, 3673].

Столичные тюрьмы, которых насчитывалось несколько десятков, были постоянно полны заключенными, ожидавшими приговора. Тюрьмы существовали при высшем училище и даже во дворцах. Начальник уезда Чанъань, Инь Шан, выстроил в 16—12 гг. до н. э. тюрьму, получившую в народе название «Логово тигра». Это была огромная яма, выкопанная в земле на глубину около 10 м, выложенная изнутри кирпичом и прикрытая сверху каменными плитами [там же].

Город как политический и торговый центр

Древнекитайские города формировались в I тысячелетии до н. э. прежде всего как опорные пункты политической власти. Подавляющее большинство крупных городов ханьского времени были бывшими столицами царств эпохи Чжаньго. В III в. до н. э. — III в. н. э. в них располагались окружные административные учреждения. Города более мелкого ранга были уездными центрами.

Функциональная структура ханьского города находила свое отражение в его планировке. Мы можем судить о ней благодаря исключительно ценным находкам фресок с изображением нескольких уездных городов в погребении восточноханьского времени в Хорингэре [Хэлиньгэр фасянь, 1974]. Лицо, захороненное там (имя его неизвестно), на протяжении своей жизни занимало несколько чиновничьих должностей: помощника наместника округа Сихэ, командующего войсками подчиненных владений округа Шан, начальника уезда Фаньян (округ Вэй) и, наконец, инспектора по делам ухуаней со ставкой в уездном городе Нинчэне (округ Шангу) [Хуан Шэнчжан, 1974а, 39—41]. Поэтому среди фресок, украшавших стены его склепа, мы видим изображения городов Фаньяна и Нинчэна, а также Учэна (здесь погребенный не служил, а лишь бывал по делам или у родственников).

Уездный город Нинчэн в плане представлял собой прямо-

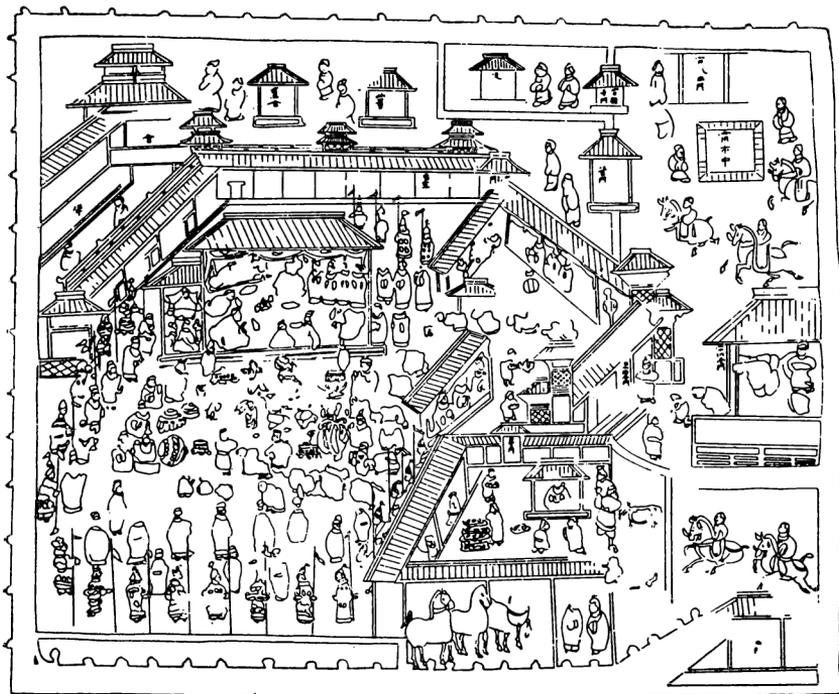


Рис. 27. Уездный город Нинчэн. С ханьской фрески

угольник, ориентированный по странам света, с воротами на южной, западной и восточной сторонах (об этом говорят надписи «восточные ворота города Нинчэна» и т. д.; соответствующая надпись на северной стороне отсутствует). Северо-западная часть пространства внутри городской стены занята присутственным местом инспектора по делам ухуаней. Рядом с восточными воротами помещался уездный приказ (рис. 27).

То, что помещения инспекции занимали значительную часть всей территории города, возможно, объясняется преувеличением художника, стремившегося подчеркнуть значение должности хозяина склепа. Тем не менее несомненно, что благодаря этому мы можем более детально познакомиться с планировкой данной части города.

Присутственное место инспектора западной и северной сторон вплотную примыкает к городской стене, а с востока и юга окружено собственной внутренней стеной. Ее южные ворота расположены напротив южных городских ворот. По обеим сторонам южных ворот присутственного места — помещения, использовавшиеся как комнаты для приезжающих. Южные ворота вели во двор, с четырех сторон ограниченный жилыми помещениями. Для того чтобы оказаться на главной территории

присутственного места, нужно пройти еще одни ворота. За ними расположена просторная площадь со зданием приказа посреди нее. Это здание отчетливо делится на две части — переднюю (тан) и заднюю (нэй); первая из них предназначена для исполнения служебных обязанностей, вторая является жилым помещением.

Между присутственным местом инспектора и восточной городской стеной расположены административные здания, примыкающие к уездному приказу. За ними в северо-восточном конце города — здание с надписью «амбар», рядом с ним — «арсенал». На площади вблизи восточных ворот города находится рынок, окруженный квадратной в плане стеной.

Отсутствие пояснительных надписей затрудняет аналогичную интерпретацию планировки уездного города Фаньяна. Это также прямоугольник не вполне правильной формы с вписанным в него другим прямоугольником, где, надо полагать, находятся уездные административные здания. На территории города имеется еще три прямоугольных пространства, окруженных внутренней стеной и одной стороной примыкающих к стене города. По своей планировке Фаньян чрезвычайно напоминает главный город округа Ляодун, известный нам по фреске начала V в. из одного когурёского погребения [Юй Вэйчао, 1960, 60]. Сопоставление с изображениями из Хорингэра подтверждает мнение Юй Вэйчао о том, что внутренняя стена отделяла от жилых кварталов г. Ляодуна именно присутственное место [там же].

Заметим, что на плане Нинчэна жилые кварталы не показаны вовсе, как нет на нем и каких-либо свидетельств наличия в городе ремесла. Этот недостаток восполняют разведки и раскопки некоторых других крупных городов V—III вв. до н. э., в частности Линьцзы и Янь, где в черте городской стены обнаружены следы железодельного, бронзолитейного, керамического, косторезного производства, а также мастерских, где отливали монеты и изготовляли оружие.

В письменных источниках мы находим свидетельства того, что в каждом более или менее крупном городе непременно существовал рынок. В Хуайине молодые люди решили унизить Хань Синя, и «весь рынок смеялся над ним» [Такигава, 1955, 8, 4051]; в Хуайяне был рынок, где помимо всего прочего казнили преступников [там же, 4034]; Мэй Фу, скрываясь от преследования, изменил фамилию и имя и стал «стражником на рынке в округе У» [Бань Гу, 1964, 9, 2927]; Инь Вэнгуэй был надсмотрщиком на рынке в Пиньяне, и все торговцы боялись его [там же, 10, 3206]; Чжан Юй жил в детстве в уездном городе Ляньбай и любил ходить на рынок, где гадалышки предсказывали судьбу [там же, 3347]; Ван Чун, не имея средств на покупку книг, читал их в лавках на рынке в Лояне [Ван Сяньцзянь, 1959, 3, 1755]; Лю Лян, напротив, жил тем, что продавал книги на рынке в Ниньяне [там же, 4, 2892], и т. д.

В Чанъани большинство рынков были расположены в непосредственной близости от городских ворот (рис. 28). Можно предполагать, что это не было случайным явлением: с надвратных башен стража могла без труда наблюдать за тем, что происходит на рынке. Власти стремились строго контролировать жизнедеятельность рынков. Для этого назначался начальник [Бань Гу, 1964, 3, 736] с помощником и целым аппаратом надсмотрщиков. В обязанности последних входило взимание торгового налога: иметь лавку на рынке могли лишь те, кто регистрировался в специальных «рыночных реестрах» [там же, 2, 3482].

Лавки располагались на рынке рядами; в каждом ряду торговали преимущественно только одним каким-то товаром. Это было удобно как для покупателя, так и для рыночной администрации [Ли Цзяньнун, 1957, 212]. Особо располагались лавки менял. Рынок обычно был отделен стеной от остальной части города. Ворота рынка открывались в полдень и закрывались уже затемно [Хуайнаньцзы, 1936, 5, гл. 17]. Об открытии рынка оповещали вывешиванием флага на башнях, из-за чего эти башни у рыночных ворот именовались «павильонами с флагом» (см. комментарий Чжэн Сюаня к «Чжоули» [Чжоули, 1937, 91]). Позднее, видимо уже в I в. н. э., было введено новое правило: об открытии и закрытии рыночных ворот извещали ударами в большой барабан. На каменных барельефах из Сычуани, датированных восточноханьским временем, мы находим изображение рынка с башнями, на которых укреплен такой барабан [Лю Чжиюань, 1973]. В этом смысле исключением был, пожалуй, Ясеновый рынок в предместье Чанъани. Он находился недалеко от высшего училища, и студенты приходили на него, чтобы купить книгу, музыкальный инструмент и т. д. Рынок располагался в ясеновых аллеях и «не имел ни стен, ни крытых помещений» [Ли Цзяньнун, 1957, 210].

На рынке в ханьское время не только продавали и покупали. Зачастую тут же в лавках изготовлялись предметы, шедшие на продажу. На рынках размещались также и казенные мастерские, о чем говорят надписи на их продукции [Юй Вэйчао, 1963, 35].

Рынок, где всегда было много народу, оказывался идеальным местом для представителей профессий «обслуживающей» сферы, например для брадобреев. Как можно видеть из приводившегося выше отрывка из биографии Чжан Юя, на рынке можно было зайти к гадалышке и узнать, что ждет тебя в будущем. Об одном из известных хиромантов своего времени, обосновавшемся на Восточном рынке в Чанъани, рассказывает Сыма Цянь. За несколько десятков монет тот не только мог предсказать судьбу, но и побеседовать с клиентом об устрой-



Рис. 28. На рынке. С ханьского барельефа

стве мироздания. Не удивительно, что «сидеть без дела» ему приходилось лишь в дождливую погоду, когда горожане предпочитали оставаться дома [Такигава, 1955, 10, 5066—5067].

Рынок был своего рода рупором общественного мнения. Подвергнуться осмеянию на виду всего рынка означало для горожанина «потерять лицо», лишиться престижа (случай с Хань Синем). Напротив, Хоу Ин, сторож при городских воротах в Даяне, заставивший Синьлин-цзюня ждать его на рынке, в немалой степени способствовал укреплению репутации этого аристократа как человека гуманного и достойного. (Описание этого эпизода Сыма Цянем [Такигава, 1955, 7, 3665—3666], хотя и относится к началу III в. до н. э., отражает положение вещей, характерное для периода жизни самого историка). Именно поэтому рынок был местом публичных экзекуций. Смертный приговор приводился в исполнение на рыночной площади, где затем оставляли для всеобщего обозрения тело казненного (отсюда официальное название смертной казни в эпоху Цинь и Хань — *ци ши* — «быть брошенным на рынке»). Так, Чао Цо, которого император Цзин-ди был вынужден казнить, пытаясь тем самым смягчить противоречия во время «мятежа семи ванов», был выведен в придворном одеянии на Восточный рынок в Чанъани и там обезглавлен [Бань Гу, 1964, 8, 2302].

Роль города в трансформации традиционного уклада жизни

Сосредоточение в городах большой массы населения ставило перед обществом принципиально новые проблемы. Хотя города, общая численность которых достигала в I в. до н. э. почти по-

лутора тысяч, продолжали оставаться редкими островками в море сельского населения, крупнейшие ремесленно-торговые центры империи насчитывали в эту эпоху по несколько десятков тысяч дворов. По словам Чжуфу Яня, в середине II в. до н. э. в г. Линьцзы было 100 тыс. дворов [Бань Гу, 1964, 7, 2000]. Если исходить из того, что семья насчитывала от 4 до 5 человек [Chang Chun-sun, 1975, 66], то численность городского населения в Линьцзы достигала в это время почти полмиллиона человек. Чжуфу Янь указывает, что по численности населения этот город превосходил даже столицу империи Чанъань.

Хотя некоторую часть населения городов по-прежнему составляло сельскохозяйственное население, ритм их жизни определялся иными, чем в сельской местности, экономическими факторами. Яркую характеристику социальных проблем ханьского города дал во II в. н. э. Ван Фу в своем сочинении «Цяньфулунь»: «Ныне люди оставляют земледелие и стремятся заняться торговлей. Повозки, запряженные быками и лошадьми, наводняют дороги, а города полны бездельников и обманщиков... Возьмем, к примеру, сегодняшней Лоян: занимающихся второстепенными промыслами в нем в десять раз больше, чем земледельцев, а проходимцев и бездельников — в десять раз больше, чем занятых ремеслом и торговлей... В Поднебесной сотни окружных и тысячи уездных городов, а всего их десятки тысяч, и всюду в них дело обстоит так» [Хэ Цзыцюань, 1958, 107].

Появление новых, чисто городских профессий, казавшееся приверженцам старины явлением ненормальным, противестественным, в действительности было велением времени. Город был проводником новых веяний, изменявших традиционный уклад жизни.

Человека, попадавшего в город впервые, поражало, например, то, что на рынке там торговали съестным. По традиции, искони существовавшей у древних китайцев, готовить пищу для членов семьи следовало на домашнем очаге, символизировавшем единство обитателей дома. «В древности,— читаем мы в «Яньтелуне»,— не торговали пищей. Впоследствии на рынках появились лавки мясников, стали продавать вино, торговать сушеным мясом, рыбой, солью, и только. Ныне же целые ряды заполнены готовой пищей, рынки завалены различными яствами. Людям становится лень готовить самим и, когда приходит время обеда, они отправляются на рынок» [Го Можо, 1957, 60—61]. Вразрез с традициями шло, например, и то, что в ханьское время на рынке горожанам приходилось приобретать предметы, связанные с обрядово-ритуальной стороной жизни. По мнению многих, это отрицательно сказывалось на нравственных устоях, ибо «торговец гробами хотел бы, чтобы люди больше болели» [Хуайнаньцзы, 1936, 5, гл. 17, 3].

Город, прежде всего столица, был в глазах состоятельных слоев общества законодателем моды. Стремясь не отставать от

столичного уровня, богачи на периферии старались перенимать тамошние новшества. «Изменение нравов имеет свою подоплеку,— говорил в докладе императору Ма Ляо (I в. н. э.).— Рассказывают, что некогда правитель царства У с уважением относился к умеющим владеть мечом, и в народе многие выставляли напоказ свои шрамы. Правитель царства Чу любил женщин с тонкой талией, и в его гареме многие умирали, добровольно отказываясь от пищи. Простонародная присказка, распространенная в Чанъани, гласит: „В городе в моде высокие прически, и повсюду делают прически высотой в целый чи; в городе считают красивыми широкие брови, и повсюду их подводят так, что они закрывают половину лба; в городе стали носить длинные рукава, и повсеместно теперь на рукава тратят по целому куску шелка“. Все это звучит как шутка, но она недалеко от правды» [Ван Сяньцзянь, 1959, 2, 902].

Как уже отмечалось выше, именно через города культура древних китайцев оказывала воздействие на местное некитайское население, способствуя его постепенной ассимиляции. В качестве иллюстрации этого можно сослаться на то место в «Ханьшу», где Бань Гу описывает обычаи населения Сюаньту и Лолана — округов, созданных во II в. до н. э. на землях древнего Чосона: «Сельские жители пользуются здесь для питья и еды корзинками, сплетенными из бамбука, и деревянными чашками на высокой ножке. В городах же по большей части подражают чиновникам и торговцам из внутренних округов, зачастую пользуясь для еды овальными чашками» (бэй) [Бань Гу, 1964, 6, 1658], которые были распространены тогда у всего древнекитайского населения.

ХОЗЯЙСТВЕННО-КУЛЬТУРНОЕ РАЙОНИРОВАНИЕ

Первые попытки региональной характеристики территории, занятой древнекитайскими царствами, относятся ко второй половине I тысячелетия до н. э. В трактате «Сюньцзы» (философ, которому приписывается авторство этого сочинения, жил в начале III в. до н. э.) мы встречаем обобщенное описание того, что получают люди Срединных царств из соседних районов: «На берегу Северного моря резвые лошади и громко лающие собаки, но в Срединных царствах получают, разводят и используют их; на берегах Южного моря есть перья диковинных птиц, слоновая кость, шкуры носорогов, малахит и киноварь, но в Срединных царствах получают и применяют это; на берегах Восточного моря есть шелковые и пеньковые ткани, рыба и соль, но в Срединных царствах получают все это и используют для производства одежды и в пищу; на берегах Западного моря есть кожи и бычьи хвосты, но в Срединных царствах получают и используют их. Поэтому живущие на озерах имеют достаточно

древесины, а живущие в горах не испытывают недостатка в рыбе. Крестьяне не работают топором и не занимаются железоделательным ремеслом, но имеют достаточно орудий труда. Ремесленники и торговцы не пахут полей, но у них в достатке зерно» [Сюньцзы иньдэ, 1950, 20].

«Девять областей»

Примерно в это же время в древнем Китае складывается система представлений о своей стране как о «девяти областях» — больших регионах, характеризующихся определенными хозяйственно-культурными особенностями и не совпадающих с политическими границами отдельных царств. Первые упоминания о «девяти областях», введение которых приписывается легендарному правителю Юю, встречаются в эпитафических текстах VI в. до н. э. [Го Можо, 1958, 8, 203]. В наиболее полном виде специфика этих областей изложена в «Чжоули», а затем повторена Бань Гу в географическом разделе его «Ханьшу»:

«Область на юго-востоке называется Янчжоу. Гора там называется Куайцзи, озеро — Цзюйцзюй, река — Саньцзын (букв. „три реки“), канал — Уху. Область богата золотом, оловом и бамбуком для изготовления стрел. Двое мужчин здесь приходится на пять женщин. Разводят птиц и домашних животных. Из злаков родится рис.

Область на юге называется Цзинчжоу. Гора там называется Хэншань, озеро — Юньмэн, реки — Цзын и Хань, каналы — Ин и Шэнь. Область богата киноварью, серебром, слоновой костью, кожами. Один мужчина приходится на двух женщин. Разведение домашних животных и земледелие аналогичны Янчжоу.

Область к югу от Хуанхэ называется Юйчжоу. Гора там называется Хуашань, озеро — Путянь, реки — Жун и Ло, каналы — По и Ча. Область богата лесом, лаком, шелком. На двух мужчин приходится три женщины. Разводят шесть видов домашних животных. Родится пять видов злаков.

Область на востоке называется Цинчжоу. Гора там называется Ишань, реки — Хуай и Сы, каналы — И и Шу. Область богата тростником и рыбой. На двух мужчин приходится три женщины. Разводят кур и собак. Из злаков рождаются рис и пшеница.

Область на востоке от реки называется Яньчжоу. Гора там называется Юэшань, озеро — Тайе, реки — Хуанхэ и Цзы, болота — Лу и Вэй. Область богата тростником и рыбой. На двух мужчин здесь приходится три женщины. Разводят шесть видов домашних животных. Родится четыре вида злаков.

Область на западе называется Юнчжоу. Гора там называется Юйшань, озеро — Сюаньпу, реки — Цзин и Жуй, болота — Вэй и Ло. Область богата нефритом и камнем. На трех мужчин здесь приходится две женщины. Разводят коров и лошадей. Из злаков рождаются чумиза и черное просо.

Область на северо-востоке называется Ючжоу. Гора там называется Пулай, озеро — Сиян, реки — Хуанхэ и Цзы, болота — Цзы и Ши. Область богата рыбой и солью. На одного мужчину приходится три женщины. Разводят четыре вида домашних животных. Родится три вида хлебных злаков.

Область в излучине Хуанхэ называется Цзичжоу. Гора там называется Хошань, озеро — Яньюй, река — Чжан, болота — Фэнь и Лу. Область богата кедром и кипарисом. На пять мужчин приходится три женщины. Разводят коров и овец. Из злаков рожатся чумиза и черное просо.

Область на севере называется Бинчжоу. Гора там называется Хэншань, озеро — Шаоюйци, реки — Хучи, Цюйи, болота — Лай и И. Область богата плотным и шелковыми тканями. На двух мужчин приходится три женщины. Разводят пять видов домашних животных. Родится пять видов злаков» [Бань Гу, 1964, 6, 1539—1542].

При всей схематичности характеристика эта интересна тем, что наряду с естественно-природными условиями учитывает специфику основных занятий населения и даже своеобразный демографический индекс.

Несколько отличный от изложенного вариант соотношения «девяти областей» изложен в сочинении «Юйгун», вошедшем в современный текст «Шаншу» [Инь Шицзи, 1957, 3—26].

Концепция Сыма Цяня и Бань Гу

Интересный подход к проблеме районирования территории страны продемонстрировал Сыма Цянь. Он не только отказался от традиционного деления на девять областей, но и обратил внимание на ранее не учитывавшиеся особенности регионов. Наконец, он сформулировал свое собственное мнение о взаимосвязи и особенностях отдельных частей страны.

Главным фактором, определяющим специфику того или иного региона, Сыма Цянь считает природную среду. Под ней он понимает не только естественно-климатические условия, но также плодородие почвы и относительную плотность населения [Такигава, 1955, 10, 5151—5161].

В целом Сыма Цянь выделяет 13 регионов, в основном совпадающих с территорией важнейших царств периода Чжаньго (во времена Хань, напомним, их границы давно уже утратили свое политическое значение).

Мысли Сыма Цяня по поводу региональной характеристики империи Хань были восприняты и развиты другим крупнейшим историком ханьского времени — Бань Гу. Изложенная в его сочинении концепция историко-культурных областей наиболее полно и всесторонне отражает конфуцианские представления о человеке, его обществе и их месте в структуре универсального макрокосма.

Важнейший исходный пункт этой концепции — идея взаимосвязи между расположением небесных светил и различных регионов Поднебесной, что и определяет особенности последних.

Заметим, что в «Исторических записках» Сыма Цяня в общей сложности описано 98 созвездий (369 звезд); в «Ханьшу» количество созвездий увеличилось до 118, звезд — до 783. Однако для характеристики историко-культурных регионов Бань Гу использует 25 основных созвездий, соответствующих 13 регионам Поднебесной (табл. 23).

Т а б л и ц а 23

СООТНЕСЕННОСТЬ РЕГИОНОВ НА ТЕРРИТОРИИ ИМПЕРИИ ХАНЬ
С НЕБЕСНЫМИ СВЕТИЛАМИ

Регион	Территория (округа, наследственные владения)	Созвездия
Цинь	Цзинчжао, Фуфэн, Фэнъи, Бэйди, Шан, Сихэ, Аньдин, Тяньшуй, Лунси, Ба, Шу, Гуанхань, Цяньвэй, Уду, Цзиньчэн, Увэй, Чжанъи, Цюцюань, Дуньхуан	Дунцзин, Юйгу
Вэй	Хэнэй, Хэдун, Чэньлю, Жуань, Инчуань, Хэнань	Цзыси, Сань
Чжоу	Хэнань	Лю, Цисин, Чжан
Хань	Наньян, Инчуань, Жуань, Хуннун	Цзяо, Кан, Ди
Чжао	Чжэньдин, Чаншань, Чжуншань, Чжо, Гуанпин, Цзюйлу, Цинхэ, Хэцзянь, Бохай, Тайюань, Динсян, Юньчжун, Уюань, Шандан	Мао, Би
Янь	Юянь, Юбэйпин, Ляоси, Ляодун, Шангу, Дай, Яньмэнь, Бохай	Вэй, Ци
Ци	Цычуань, Дунлай, Ланъя, Тайшань, Цяньчэн, Цзинань, Пинъюань	Сюй, Вэй
Лу	Дунхай, Сышуй, Линьхуай	Куй, Лоу
Сун	Пэй, Лян, Чу, Шаньян, Цзиньинь, Дунпин, Дун	Фан, Синь
Вэй	Дун, Вэй, Хэнэй	Инши, Дунби
Чу	Нань, Цзянся, Линлин, Гуйян, Улин, Чанша, Жунань	И, Чжэнь
У	Куайцзи, Цюцзян, Даньян, Юйчжан, Луцзян, Гуанлин, Линьхуай	Доу
Юэ	Цанъу, Юлинь, Хэпу, Цзяочжи, Цючжэнь, Наньхай, Жинань	Цяньню, Моунюй

В целом регионы Бань Гу совпадают, как и у Сыма Цяня, с крупными царствами периода Чжаньго. Это, однако, не всегда так. О регионе Чэнь, например, Бань Гу пишет, что соответствующее царство было уничтожено Чу, но «с точки зрения небесных письмен оно по-прежнему сохранило свою самостоятельность» [Бань Гу, 1964, 6, 1653]. Лу также было уничтожено царством Чу, но «первоначально это было большое государство, и поэтому его территория составляет отдельный регион» [там же, 1662]. Так же объясняет Бань Гу и выделение Сун в качестве самостоятельной единицы регионального деления [там же, 1664].

ОСНОВНЫЕ ЦЕНТРЫ ЖЕЛЕЗОДЕЛАТЕЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА В ЭПОХУ ХАНЬ [ЛИ ЦЗИНХУА, 1974, 64—65]

Округ	Местонахождение чиновника, ведающего железом	Местонахождение остатков мастерских	Клеймо
Цзинчжаоинь	Чжэн		
Цзофэнъи	Лапъянь		«Тянь»
Юфуфэн	Сыян	Наньгучэн (Шэньси)	
Хуннун	Юн		«И»
Хэдун	Ци	Юйванчэн (Шапсьи)	«Дун-2» «Дун-3»
Тайюань	Иян		
Хэнэй	Аньи	Хэби (Хэнань)	
	Пиши	Чжэнчжоу (Хэнань)	«Хэ-1»
	Пинъян	Сядянь (Хэнань)	«Хэ-2»
	Цзян	Тшэнгоу (Хэнань)	«Хэ-3»
	Далип		«Чуань»
Хэнань	Лунлюй		
	Лоян		
	Ми		
Инчуань	Яичэн		
Жуань	Сипин		
Наньян	Вань	Напьян (Хэнань)	«Ян-1»
		Пиши (Хэнань)	«Ян-2»
Луцзян	Вань II		
Шапьян			«Шапьян-2»
Пэй	Пэй		
Вэй	Уань		
Чаньшань	Пуу		
	Дусян		
Чжо	Чжо		
Цяньчэн	Цяньчэн		
Цзинань	Дунпин	Лингучэн (Шаньдун)	
	Личэн		
Ланъя	Дунъу		
Дунхай	Сяпэй		
	Цзюй		
Линьхуай	Яньду		«Хуай-1»
	Танъи		
		Фэншань (Цзянсу)	
Тайшань	Ин		
Ци	Линьцзы		
Дунлай	Дунмоу		
Гуйян	Линь		
Ханьчжун	Мяньян		
Шу	Линьцюн		«Чэнду»
Цзяньвэй	Уян		
	Наньянь		
Динсян		Чэнлэ (Внутренняя Монголия)	
Юйян	Юйян		
Юбэйпин	Сиян		
Ляодун	Пинго		

Округ	Местонахождение чиновника, ведающего железом	Местонахождение остатков мастерских	Клеймо
Чжуншань Цзяодун Гуанъян Чэпъян Дунпин Лу	Бэйпин Ючжи Цзюй Уянь Лу	Цзи (Хэбэй)	«Чжуншань»
Чу Гуанлин	Пэнчэн Гуанлин	Сюйчжоу (Цзяпсу)	

Напротив, маленькое царство Вэй рассматривается отдельно на том основании, что просуществовало дольше своих соседей — в течение 40 поколений, т. е. почти 900 лет (это царство было разгромлено и перестало существовать в 254 г. до н. э., всего за 33 года до объединения страны [там же, 1665]). Наконец, царства Чжэн и Чэнь были присоединены к Чу, но они «относятся к тому же звездному району, что и Хань» [там же, 1651], поэтому Бань Гу рассматривает Чжэн и Чэнь как подразделения региона Хань.

Положение региона относительно определенной группы созвездий обуславливает, по Бань Гу, распределение природных богатств на земле.

Главное богатство Поднебесной — земли, пригодные для возделывания. Ими славится прежде всего район Вэйхэ, где «плодородные земли тянутся на тысячи ли». На территории округов Ба и Шу прекрасные условия для выращивания зерновых культур, кроме того, там возделывают овощи и в особенности фрукты (прежде всего цитрусовые). Бывшее царство Янь славится каштанами, ююбой и т. д.

На уровень благосостояния населения непосредственно влияет его относительная плотность. Чрезмерная скученность населения характерна для районов с плодородными почвами. Напротив, наличие благоприятных условий для земледелия и сравнительно небольшое население — редкое явление в Поднебесной. Оно отмечается Бань Гу (как и Сыма Цянем) в среднем течении Янцзы: «К югу от реки — обширные земли... Холод и голод не угрожают здесь людям» [Бань Гу, 1964, 6, 1666].

Немаловажная черта того или иного региона — наличие там лесов, а также зарослей тростника и бамбука, имевших большое практическое применение. Бань Гу обращает внимание и на распределение полезных ископаемых: железо — почти повсеместно на территории империи, медь и золото — в низовьях Янцзы, медь и серебро — в современном Гуандуне и т. д.

Выше уже упоминалось о том, что сведения о размещении в ряде округов империи специальных чиновников, ведавших же-

ХАРАКТЕРИСТИКА ОСНОВНЫХ ХОЗЯЙСТВЕННО-КУЛЬТУРНЫХ РЕГИОНОВ
НА ТЕРРИТОРИИ ИМПЕРИИ ХАНЬ (ПО БАНЬ ГУ)

Регион	Район	Природные условия	Занятия населения
Цинь	Бывшие циньские земли	Плодородные почвы; заросли бамбука; родится хурма	Первоначально земледелие. После переселения многие жители стали заниматься торговлей
	Тяньшуй, Лунси, Аньдин, Бэйди, Шан, Сихэ	Горы покрыты лесом	Местное население переняло у «варваров» обычай охотиться
	К западу от Увэй	Земли удобны для скотоводства	Скотоводство
	Ба, Шу, Гуаньхань	Плодородные почвы; обилие лесов; заросли бамбука	Рисоводство; выращивание овощей и фруктов; рыболовство
Вэй	Уду, Цзяньвэй, Юэси		
	К западу от Хуанхэ К востоку от Хуанхэ	Местность равнинная, богатая солью и железом	
Чжоу Хань	Чжэн	Местность холмистая, малопригодная для земледелия	
	Чэнь Инчуань, Наньян		Многие жители занимаются торговлей
Чжао	Чжао, Чжуншань	Земля неплодородна, а население многочисленно	
	Ханьдань Тайюань, Шандан		
	Чжун, Дай, Ши, Бэй		Местное население не занимается ни земледелием, ни торговлей
Янь	Динсян, Юньчжун, Уюань		Население промышленно охотой
	Цзи От Шангу до Ляодуна	Земли обширные, а населения мало. Район славится рыбой, солью, ююбой и каштанами	
Ци	Сюаньту, Лолан	Земля богата солью, а хлеба рождаются плохо	Развито ткачество

Регион	Район	Природные условия	Занятия населения
Луу		Здесь мало лесов и озёр	Разведение тутов и выращивание конопли
Сун Вэй Чу		Регион перенаселен Земля родит плохо, и и народ беден Местность богата реками, озерами, лесом. Здесь постоянное изобилие продуктов питания	Рисосеяние, рыбная ловля, охота, лесные промыслы
У Юэ		Добываются морская соль, медь, золото Водятся слоны и носороги. Добывают жемчуг, медь, серебро	

лезодельным производством, а также данные раскопок литейных мастерских и изучение штампов на готовых изделиях позволяют составить представление об основных центрах производства железа в эпоху Хань (табл. 24).

Вполне в духе своего времени Бань Гу считает «основным» занятием земледелие, а ремесло и торговлю — «второстепенным». Однако приводимые им данные показывают, что в ханьское время на территории империи были значительные районы, подавляющее большинство населения которых не занималось земледелием. Это относится, в частности, к северо-западным округам, где ведущей отраслью хозяйства было скотоводство.

Хотя принципы районирования, примененные Бань Гу (табл. 25), не могут полностью удовлетворить современным требованиям, они позволяют восстановить картину размещения основных групп населения ханьской империи по признаку специфических черт хозяйства и культуры.

Первая из этих групп — древнекитайское население среднего и отчасти нижнего течения Хуанхэ. Основу хозяйства в эпоху Хань, как и в предшествующее время, составляло здесь пашенное земледелие с возделыванием традиционных для этого района культур: чумизы, проса, пшеницы. Именно об этих землях Сыма Цянь писал, что по площади Гуаньчжун составляет одну треть Поднебесной, но его богатство равно шести десяткам всего производимого в стране [Такигава, 1955, 10, 5152].

Вторая группа населения империи была занята преимущественно земледелием в районах бассейна Янцзы. Здесь, как и в более раннее время, преобладало рисосеяние. Постепенно получает распространение техника пахоты с использованием рала.

Третья группа — население нижнего течения Хуанхэ, глав-



Рис. 29. Пряжение. С ханьской фрески

ным образом на п-ве Шаньдун, где природные условия не благоприятствовали возделыванию зерновых культур, и основное богатство края составляли культуры технические — конопля и тутовые деревья. На этой основе здесь получило значительное развитие ремесло, в частности ткацкое производство (рис. 29).

Четвертая группа — население лесистой зоны, протянувшейся от северной части провинции Шэньси до запада Шаньси. Хозяйство этих районов, комплексное в своей основе, в значительной степени базировалось на охоте и рыболовстве (рис. 30).

Пятая группа — население северо-западной части империи (нынешняя провинция Ганьсу). Преобладание степных ланд-

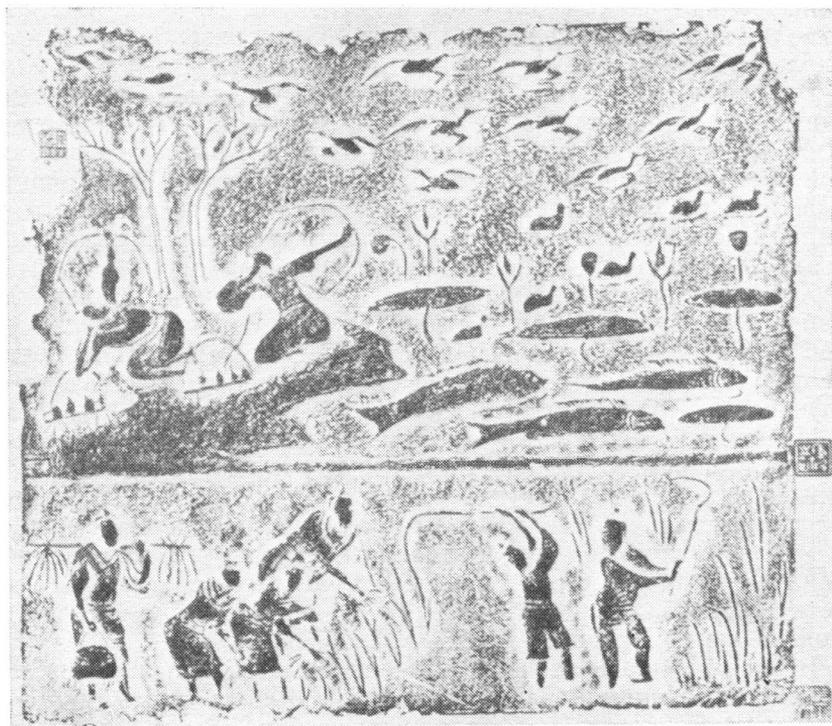
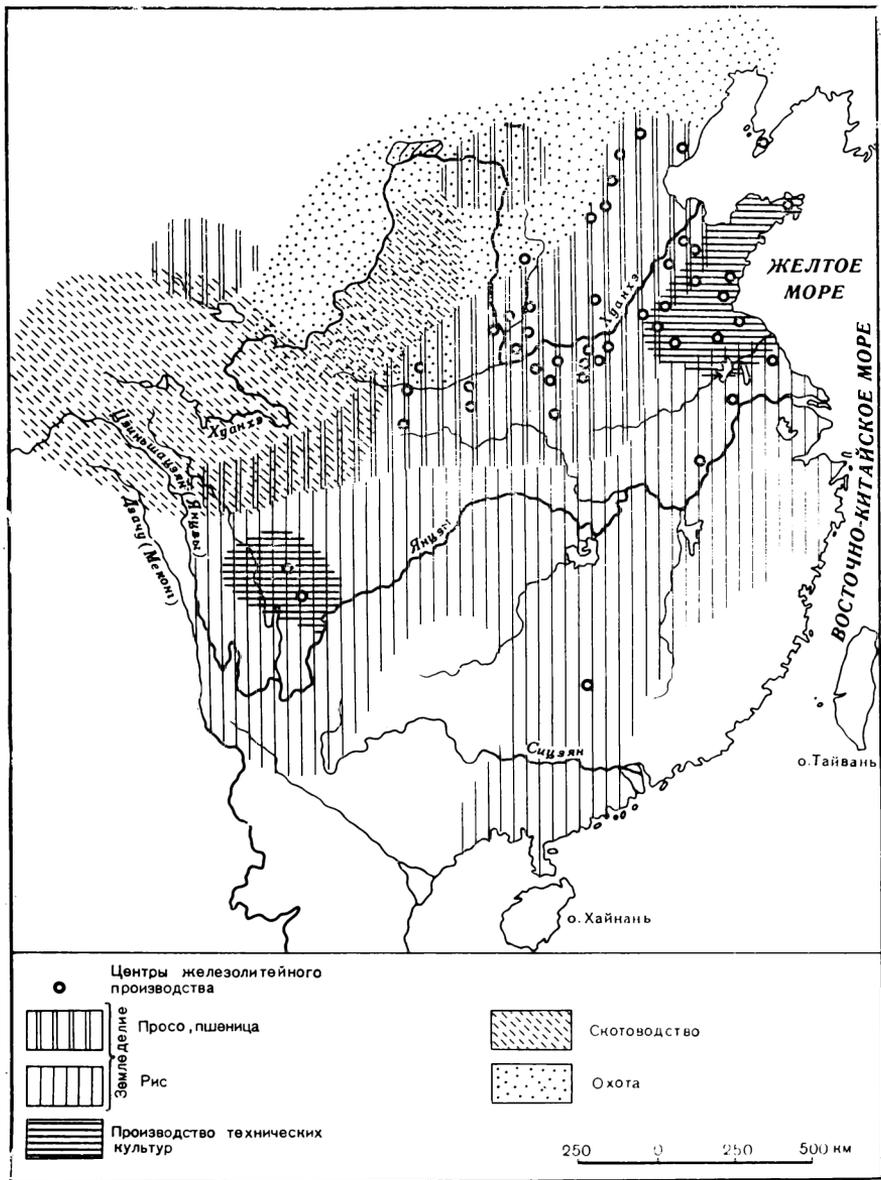


Рис. 30. В поле и на охоте. С ханьского барельефа



Карта 9. Хозяйственно-культурные зоны на территории империи Хань

Таблица 26

ЧИСЛЕННОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ ОСНОВНЫХ ХОЗЯЙСТВЕННО-КУЛЬТУРНЫХ
ОБЛАСТЕЙ ИМПЕРИИ ХАНЬ (I В. II. Э).

Область	Основа хозяйства	Численность населения, млн. человек	Относительная численность, процент ко всему населению
Среднее течение Хуанхэ Бассейн Янцзы	Земледелие (чумиза, просо, пшеница)	30,0	50,00
	Земледелие (рис)	15,0	25,00
	Возделывание технических культур	7,5	12,50
Нижнее течение Хуанхэ	Охота, рыболовство	2,0	0,03
	Северная лесистая зона	0,5	Менее 0,01
Северо-западная степная зона	Скотоводство	5,0	0,08
	Прочее		

шафтов определяло преимущественное развитие скотоводства в этом районе.

Абсолютная и относительная численность основных групп населения империи Хань в начале I в. н. э. может быть представлена в табл. 26, а их географическое размещение — на карте 9.

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА



ОДЕЖДА

Одежда относится к тем аспектам материальной культуры, которые имели в древности отчетливо выраженную этноразличительную функцию. Так, характеризуя сюнну, древние китайцы подчеркивали, что «они носят одежду, отличную от той, которая распространена в Среднем государстве» [Бань Гу, 1964, II, 3834]. Ханьский чиновник, перешедший на сторону сюнну, полагал, что источник нравственной силы этого племени заключается в его приверженности к своей традиционной культуре. «Сюнну,— говорил он,— по численности меньше, чем население одного ханьского округа, но сильны они тем, что отличаются от Хань в одежде и пище!» [там же, 3759].

Представление о том, чем же характеризовалась древнекитайская одежда ханьского времени, мы можем составить себе сегодня главным образом благодаря археологическим находкам последнего времени.

Состав костюма

Основные предметы одежды перечисляются в этимологическом словаре II в. н. э. «Шимин», автор которого поясняет не только назначение каждого из этих предметов, но и происхождение их наименований. В словаре упоминаются: передники фу, куртки жу, штаны ку, рубахи дань, чаньюй и гоу, безрукавки ляндан, плахты цюнь, халаты пао, набрюшники кунь, чулки ва, туфли люй, сапоги хуа и др. [Ван Сяньцзянь, 1937, 2, 248—263].

Однако из самого текста неясно, какие из этих предметов были составными компонентами единого комплекса, а какие представляли собой альтернативные варианты одного и того же компонента. Ответить на этот вопрос в известной мере помогают документы, обнаруженные в пограничных крепостях на северо-западной границе ханьской империи, близ Цзюйяня.

Солдатам, несшим гарнизонную службу на границе, выдавалась казенная одежда, для чего составлялись специальные ведо-

Таблица 27

СОСТАВ СОЛДАТСКОГО КОСТЮМА, ПО ДАННЫМ ХАНЬСКИХ ДОКУМЕНТОВ
ИЗ ЦЗЮРИЯ ЦЗЮИЯНЬ, 1939г

Категория и название предмета		Номер документа *																			
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20
Напелчная одежда	Верхняя	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	Шуба цю	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	Куртка жу Халат си Халат пао	+	-	-	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-	+
Нижняя	Рубаха даньи	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	Рубаха чаңной	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Поясная одежда	Штаны ку	+	+	+	-	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
	Чулки цюаньва Чулки сыва Туфли люй Туфли фэй	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Обувь	Чулки цюаньва	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	Чулки сыва Туфли люй Туфли фэй	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-

* 1 — № 162; 2 — № 163; 3 — № 285; 4 — № 348; 5 — № 1018; 6 — № 1142; 7 — № 1209; 8 — № 1597; 9 — № 1903; 10 — № 2030; 11 — № 2032; 12 — № 484; 13 — № 2035; 14 — № 2039; 15 — № 2041; 16 — № 2049; 17 — № 2053; 18 — № 2060; 19 — № 2171; 20 — № 2054.

мости. В них указывалось, кому, что и в каком количестве было выдано.

Из табл. 27, в которой обобщены эти данные, явствует, что обязательным компонентом костюма солдата были штаны, упоминающиеся во всех без исключения рассмотренных документах. Столь же необходимым предметом одежды был халат типа пао или си (он отсутствует лишь в одном случае — № 1209 [Цзюйянь, 1959, 51]). Ношение нижней наплечной одежды (рубашки дань или чаньюй) не было абсолютно обязательным (она упоминается в 10 случаях из 20). Другие типы наплечной одежды, кроме халата (куртки, шубы), составляли дополнительный компонент одежды и встречались реже. Что касается обуви, то чулки заменяли туфли, и наоборот; разница между двумя типами чулок (сыва и цюаньва) не вполне ясна. Таким образом, можно утверждать, что костюм солдата состоял в ханское время прежде всего из штанов, халата и туфель. Не случайно, что именно эти компоненты костюма упоминаются в документе, сообщающем о поимке беглого раба: «Фэнь Сюань, скандалями на обеих ногах, 27—28 лет, среднего роста, волосы иссиня-черные длиной 5—6 цуней, бороды и усов нет, одет в черный халат, белые полотняные штаны, белые кожаные туфли, имеет при себе меч» [Цзюйянь, 1959, 14].

Таким образом, данное сочетание компонентов было характерно для костюма не только солдата, но и гражданских лиц.

Любопытно, что в цзюйяньском архиве сохранилось несколько купчих крепостей на покупку отдельных предметов одежды. Благодаря этому

мы можем судить о приблизительных ценах на одежду в пограничных районах империи (табл. 28).

Отметим, что в цзюйяньских документах совершенно не упоминаются какие-либо головные уборы.

Рассмотренные данные интересно сопоставить со сведениями о составе мужского костюма, происходящими из другого района империи и относящимися к более раннему времени, а именно к началу II в. до н. э. Речь идет о списке предметов одежды, положенных в погребение чиновника (табл. 29). Единственное существенное отличие этого перечня от предыдущих — наличие в нем плахты цюнь (33), фигурирующей наряду со штанами ку [Цзинь Ли, 1976, 69—70]. Здесь также не упомянут какой-либо головной убор.

Таблица 28

СТОИМОСТЬ ОДЕЖДЫ, ПО ДАННЫМ ХАНЬСКИХ ДОКУМЕНТОВ ИЗ ЦЗЮЙЯНЯ (В МОНЕТНЫХ ЕДИНИЦАХ II—I ВВ. ДО Н. Э.)

Номер документа	Название предмета	Стоимость
0187	Шуба цю	1150
0348	Халат пао на подкладке	400
1373	Полотняная рубашка дань	350
0473	Штаны ку	700

Таблица 29

ПРЕДМЕТЫ ОДЕЖДЫ, УПОМИНАЕМЫЕ В ПЕРЕЧНЕ ВЕЩЕЙ, ПОЛОЖЕННЫХ
В ПОГРЕБЕНИЕ ФЭНХУАНШАНЬ 8

Категория и название предмета			Количество предметов
Наплечная одежда	Верхняя	Халаты си полотняные	1
		Халаты пао белые, шелковые	1
		Халаты пао (...) новые	2
		Халаты пао из тафты (...)	2
		Халаты пао старые, из полихромной ткани	2
		Халаты пао желто-черные	1
	Нижняя	Куртки жу без подкладки	2
		Куртки зеленые, на подкладке	1
		Рубахи белые	1
		Рубахи черные	1
		Рубахи дань полотняные	2
		Рубахи дань новые, белые	1
Поясная одежда	Штаны ку новые, из одноцветной ткани	1	
	Штаны ку полотняные, без подкладки	1	
	Штаны ку старые, на подкладке	1	
	Плахты цюнь старые, шелковые	1	
	Плахты цюнь полотняные, без подкладки	1	
	Плахты цюнь вышитые, на подкладке	1	
Обувь	Чулки ва новые, одноцветные	1 пара	
	Чулки ва (...)	1 „	
	Туфли люй лакированные	1 „	

Таблица 30

ПРЕДМЕТЫ ОДЕЖДЫ, ПОЛОЖЕННЫЕ В ПОГРЕБЕНИЕ МАВАНДУИ 1

Категория		Название предмета	329	357	65	Итого
Одежда наплечная	Верхняя	Халаты пао шелковые	6	5	—	11
	Нижняя	Рубахи дань	3	—	—	3
Одежда поясная		Плахты цюнь	2	—	—	2
Обувь	Чулки ва	2	—	—	2	
	Туфли люй	—	—	1	1	

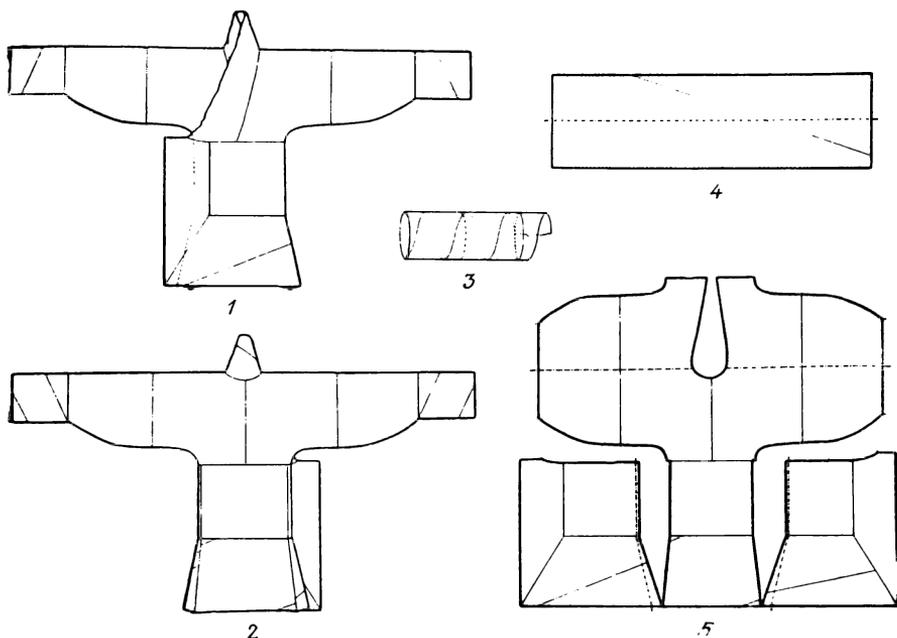


Рис. 31. Покрой ханьского женского халата

О женской одежде можно судить по предметам, найденным в погребении Мавандуй 1 близ Чанша (начало II в. до н. э.) (табл. 30). Сопоставление всех этих данных позволяет прийти к выводу о том, что в ханьское время мужская одежда по своему составу не отличалась сколько-нибудь существенно от женской.

Наплечная одежда

К категории одежды, которую мы называем наплечной, древние китайцы относили все компоненты костюма, имеющие ворот. Поэтому именно слово «ворот» (лин) используется в ханьское время в качестве классификатора при счете наплечной одежды, точно так же как туфли исчисляются «парами» и т. д.

В словаре «Шимин» мы находим перечисление основных конструктивных деталей наплечной одежды, среди которых отмечены: 1) ворот (лин); 2) передняя пола (цзинь); 3) рукав (сю); 4) средняя часть рукава (мэй); 5) обшлаг рукава (цюй); 6) край верхней полы (цзюй) и др.

Находки в Мавандуй 1 впервые позволили детально изучить особенности покроя ханьской наплечной (в данном случае женской) одежды. В общей сложности в этом погребении было обнаружено 12 халатов и 3 рубахи, большая часть которых полностью сохранилась. Покрой халата и рубахи практически одинаков, они различаются лишь по материалу (рис. 31).

Характерные черты покроя женской верхней наплечной одежды из Мавандуй 1 сводятся к следующему. Это распашной двубортный халат с запахом направо, открытого типа; края ворота перекрещиваются на груди, откуда происходит современное китайское название такого халата — цзяолинпао — «халат с перекрещивающимся воротом» (34). Эти особенности ханьской наплечной одежды традиционны, они характерны для древнекитайского костюма начиная по крайней мере с иньского времени [Крюков, Софронов, Чебоксаров, 1978, 256].

Наряду с этим в наплечной одежде из Мавандуй 1 отчетливо выделяются два подтипа, различающиеся по форме верхней полы. В одних случаях край этой полы прямой, в других — пола имеет треугольный выступ; в древних письменных источниках халат такого типа именуется одеждой «с изогнутым краем полы» — цюйцзюй (35) (рис. 32).

Для покроя халатов обоих типов характерно, что их верхняя часть отделена от нижней. Верхняя часть кроится из четырех кусков ткани (два — перед и спинка, два — рукава). Ширина куска — около 50 см. Это означает, что для кроя верхней части халата ткань использовалась во всю свою ширину. Покрой нижней части более сложен и требует большего расхода ткани (в особенности для халата «с изогнутым краем полы»).

Авторы первоначальной публикации ссылаются в этой связи на одно место из трактата «Яньцзы чуньцю», где говорится о необходимости избегать использования клиньев при крое халата [У Цзэюй, 1962, 1, 128]. Согласно произведенному расчету, на халат с прямой полкой (считая верх и подкладку, имевшие одинаковый раскрой) необходимо было около 23 м шелковой ткани (примерно 10 чжанов ханьского времени), а на халат с «изогнутым краем полы» — 32 м (14 чжанов) [Чанша мавандуй, 1973, 1, 68]. Между тем, по приблизительному подсчету Чэнь Чжи, на обычный мужской халат могло хватить 4 чжана ткани [Чэнь Чжи, 1958, 86]. Покрой обычного мужского халата был более простым и экономным, о чем свидетельствует следующее. Полотнянный халат на подкладке стоил в Цзюйяне 400 монет [Цзюйянь, 1959, 17]. В то же время полотно продавалось там по цене от 240 до 400 монет за кусок [Чэнь Чжи, 1958, 286]. Таким образом, на полотнянный халат солдата шло около 1 куска ткани (=4 чжанам=9,2 м), т. е. по крайней мере в 2,5 раза меньше ткани, чем на женские халаты первого типа из Мавандуй 1, и в 3,5 раза меньше материала, чем на халаты второго типа. Не случайно, что покрой наплечной одежды с «косыми углами» считался в ханьское время признаком излишней роскоши.

Несомненный интерес представляет анализ размеров верхней наплечной одежды (12 халатов) из Мавандуй 1 (табл. 31).

Женщина, погребенная в Мавандуе, имела рост 154 см [Чанша мавандуй, 1973, 28]. Между тем длина халатов, по крайней мере часть из которых она носила при жизни, колеблется в пре-

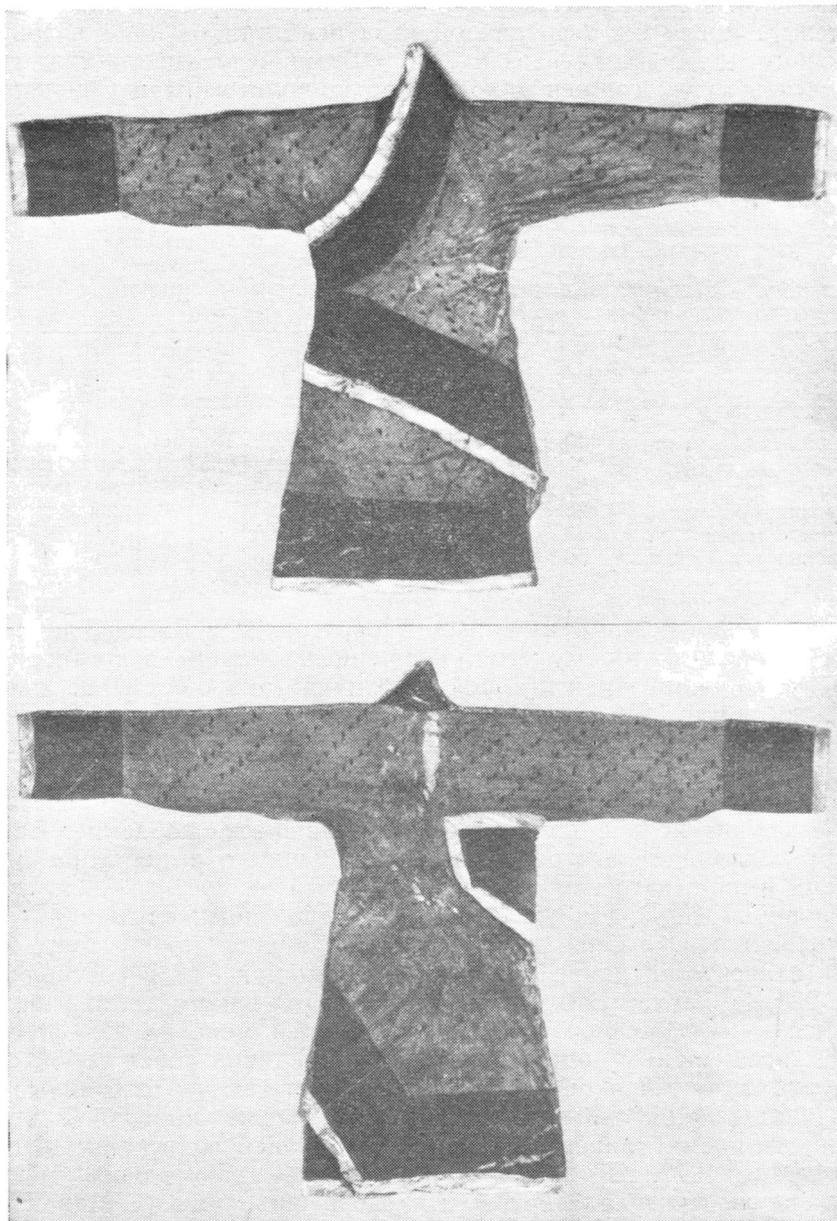


Рис. 32. Женский халат с «изогнутым краем полы»

делах 130—160 см. Известно, что длина верхней наплечной одежды могла быть различной в зависимости от пола и социального положения ее хозяйина. В «Шимине» утверждается, что мужской халат должен доходить до щиколоток [Ван Сяньцзянь, 1937, 2, 256]. На некоторых изображениях эпохи Хань можно видеть и еще более длинные мужские халаты. О некоем Гай Куньяо сообщается, что он укоротил свою одежду настолько, чтобы она не касалась земли [Бань Гу, 1964, 10, 3244].

Таблица 31

РАЗМЕРЫ ОТДЕЛЬНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ ВЕРХНЕЙ НАПЛЕЧНОЙ ОДЕЖДЫ ИЗ МАВАНДУЙ 1 [ЧАНША МАВАНДУИ, 1973, 68]

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Общая длина халата	140	140	136	150	155	150	130	162	160	130	132	130
Общая длина рукавов	245	238	240	250	243	240	232	235	?	250	228	236
Ширина рукава	36	39	30	37	35	34	30	30	23	39	38	41
Ширина обшлага	25	24	24	28	27	28	24	23	?	25	28	30
Ширина талии	52	63	58	60	60	57	58	60	?	51	54	48
Ширина халата внизу	58	80	66	67	70	63	66	60	?	66	74	57

Начальник одного из ханьских округов Чжу Бо ввел правило, согласно которому его подчиненные должны были носить одежду, нижний край которой на 3 цуня (около 7 см) не доходил до земли [там же, 3400]. Наряду с этим солдаты носили в ханьское время укороченные халаты, доходившие лишь до колен. Судя по многочисленным изображениям, представительницы состоятельных слоев общества носили халаты, полностью скрывавшие ноги и при ходьбе волочившиеся по земле. Бань Гу рассказывает, что однажды жена будущего императора Ван Мана вышла к гостям в халате, который не достигал земли, и чиновники не узнали ее, решив, что перед ними служанка.

Обращает на себя внимание также общая длина рукавов: она относится к длине халата в среднем как 5:3 и составляет от 228 до 250 см. Это означает, что рукав такого халата опускался ниже кончиков пальцев по крайней мере на 25—30 см. Обычно женщины сидели или стояли, соединив перед собой согнутые в локтях и опущенные вниз руки, так что собранные в складки рукава скрывали кисти рук. Только иногда (например, во время танцев) рукава распускались во всю их длину [Шитань, 1972, 20] (рис. 33). При столь значительной длине рукава женских халатов были и очень широкими (в Мавандуе ширина рукавов составляет от 23 до 41 см). В словаре «Шимин» отмечается, что ширина рукавов облегчает сгибание рук в локтях [Ван Сяньцзянь, 1937, 2, 244].

В целом покрой халатов, найденных в погребении Мавандуй 1, не соответствует тому, что зафиксировано в разделе трактата

«Лицзи», касающемся регламентации одежды (там, в частности, устанавливается, что ширина талии должна быть в 3 раза больше, чем ширина обшлагов, а ширина халата внизу должна соответствовать ширине талии и т. д.). По-видимому, эти расхождения объясняются изменениями в покрое верхней наплечной одежды, имевшими место на протяжении III—II вв. до н. э.

Что касается исподней наплечной одежды, то, как уже отмечалось, она по покрою практически не отличалась от халата. Женские рубахи из погребения Мавандуй 1 сшиты из легкой одноцветной шелковой материи (одна из них весит 48 г, другая — 49 г). Ворот и обшлага рукавов обшиты полусой материи другого цвета. Размеры рубахи обычно несколько превышали размеры халата, из-под которого виднелись край ворота и рукава исподней одежды. Абсолютные размеры трех нижних рубах из Мавандуя приведены в табл. 32.



Рис. 33. Танцовщица. Крашенная терракота. Эпоха Хань

Таблица 32

РАЗМЕРЫ ОТДЕЛЬНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ НИЖНЕЙ НАПЛЕЧНОЙ ОДЕЖДЫ ИЗ ПОГРЕБЕНИЯ МАВАНДУЙ 1, СМ

	1	2	3
Длина рубахи	160	128	140
Общая длина рукавов	195	190	232
Ширина рукава	27	30	25
Ширина талии	48	49	50
Ширина рубахи внизу	49	50	75

Как и халаты, рубахи были двух типов, различаясь формой верхней полы. Обычная рубаха с прямым краем полы называлась дань, а с треугольным выступом — чаньюй [Цзюй Сюань-ин, 1937, 1, 2].

По свидетельствам источников, вплоть до времени правления ханьского Мин-ди (58—75 гг.) в империи не существовало строгой регламентации одежды [Шан Бинхэ, 1, цз. 5, 23]. Поэтому во II—I вв. до н. э. чиновники в жаркую погоду могли являться во дворец в одной рубахе [Бань Гу, 1964, 10, 3244 и др.].

Вся наплечная одежда была с правым запяхом, что по традиции считалось одним из наиболее важных признаков, отли-

чавших древнего китайца от «варвара». Л. П. Сычев, анализируя отдельные ханские барельефы, на которых древние китайцы изображены в верхней одежде с левым запахом, справедливо усматривает здесь отражение древнего обычая, согласно которому одежда умершего должна запахиваться налево [Сычев Л. П., Сычев В. Л., 1975, 33—34]. Действительно, этот обычай, частично сохраняющийся до настоящего времени [Стариков, 1967, 86], сформировался уже в ханское время. Халат, который надевали на покойника, имел левый запах и назывался си. Таким образом, все цзюйяньские документы с упоминанием халатов си связаны с выдачей одежды для совершения погребального ритуала. Именно поэтому халаты пао и си нигде не упоминаются одновременно в одной и той же ведомости.

Описание наплечной одежды ханского времени можно закончить упоминанием о том, что ее неизменным атрибутом был пояс. Как и в предшествующее время, пояса изготавливались обычно из ткани и лишь изредка — из кожи (в Мавандуй 1 найден матерчатый пояс длиной 145 см и шириной 11 см) [Чанша мавандуй, 1973, 1, 73]. Твердые пояса, характерные для средневекового китайского чиновничьего костюма появились много позднее, не ранее времени Тан—Сун [Шан Бинхэ, 1, цз. 5, 27].

Поясная одежда

Как для мужского, так и для женского костюма ханского времени в равной мере характерны два предмета поясной одежды — плахта цюнь и штаны ку. Однако если покроем и способ ношения первого из них не вызывают споров, то ряд проблем, связанных со вторым, до сих пор не может считаться решенным.

Слово «ку» разъясняется в словаре «Шимин» довольно неопределенно: «Две ноги продаются отдельно». Комментируя это место источника, ученый XIX в. Ван Сяньцзянь высказал предположение, что термином «ку» обозначались ноговицы (совр. таоку), состоявшие из двух отдельных штанин, закреплявшихся на поясе [Ван Сяньцзянь, 1937, 2, 250].

Впоследствии эта точка зрения получила широкое признание среди исследователей материальной культуры древнего Китая. С. И. Руденко, анализируя предметы одежды из ноинулинских курганов, писал следующее: «В отличие от... типичных для хуннов шаровар, имелись у них и штаны китайского покроя, состоящие из двух самостоятельно надевавшихся штанин и, естественно, без мотни» [Руденко, 1962, 40]. Он имел в виду найденные в Ноин-Уле широкие ноговицы с петлями для прикрепления к поясу, переходящие внизу в пришитые к ним войлочные полусапожки [там же, табл. XII]. Л. П. Сычев считает эти ноговицы предметами «явно китайского происхождения» и полагает, что это как раз и есть ку ханского времени [Сычев Л. П., Сычев В. Л., 1975, 32]. Вместе с тем он ссылается на свидетельства

существования в древнем Китае штанов с мотней, именованных цюнку. Речь идет о следующем отрывке из «Ханьшу»: «Тогда император почувствовал себя плохо. Придворные и лекари, заискивая перед ним, наперебой советовали отказаться от посещения внутренних покоев. Хотя наложницы в соответствии с приказом надели цюнку, им пришлось дополнительно подвязаться еще одним поясом» [Бань Гу, 1964, 12, 3960]. В комментарии разъясняется, что под цюнку имеются в виду глухие штаны с мотней, отличавшиеся от обычных ку.

Однако Шан Бинхэ интерпретирует это свидетельство в том духе, что ку ханьского времени были похожи по своему покрою на современные детские штаны типа кайданку — с мотней, но имеющие вырез сзади [Шан Бинхэ, 1, изд. 5, 24].

В пользу гипотезы о том, что ку первоначально представляли собой ноговицы, говорит тот же отмечавшийся исследователями факт, что классификатором, использовавшимся для счета этих предметов одежды, было в ханьское время слово «лян» (букв. «пара»); этот же классификатор применялся при счете туфель и чулок [Цзюйянь, 1959, 9 и др.]. Однако несколькими столетиями позднее ку, как и плахты цюнь, стали исчисляться с использованием обычного классификатора для счета предметов поясной одежды — яо (букв. «талия», «пояс»).

Обувь

Обувь — необходимый элемент древнекитайского костюма. Когда в конце I в. н. э. вновь назначенный чиновник прибыл в Чанша, местные жители, глазевшие на незнакомца, были босы, и ему стало ясно, что вокруг него — «варвары» [Ван Сяньцзянь, 1959, 4, 2696].

В ханьское время существовало несколько типов обуви, различавшихся по материалу, фасону и способу ношения.

Чаще всего туфли люй шились из грубой сыромятной кожи. Такие туфли нередко скрипели при ходьбе (каждый раз, увидев Чжэн Чуна в кожаных туфлях, император говорил со смехом: «Я узнаю министра Чжэна по скрипу его туфель» [Бань Гу, 1964, 10, 3255]). В цзюйяньских документах упоминаются туфли из белой кожи, которые носили солдаты: в ханьское время они были символом простоты и бережливости. Не случайно император Вэнь-ди, прославившийся своей скромностью, имел обыкновение надевать кожаные туфли [там же, 3070].

Солдаты носили также и другую обувь — плетеную из пеньковых бечевок [Цзюйянь, 1959, 9 и др.]. При раскопках ханьской крепости близ Лобнора были найдены две пары таких туфель [Чэнь Чжи, 1958, 91]. По свидетельству Бань Гу, когда будущий ученый конфуцианец Ди Фанцзинь приехал в столицу учиться, он существовал на деньги, выручаемые за туфли, которые плела его мать [Бань Гу, 1964, 10, 3411].

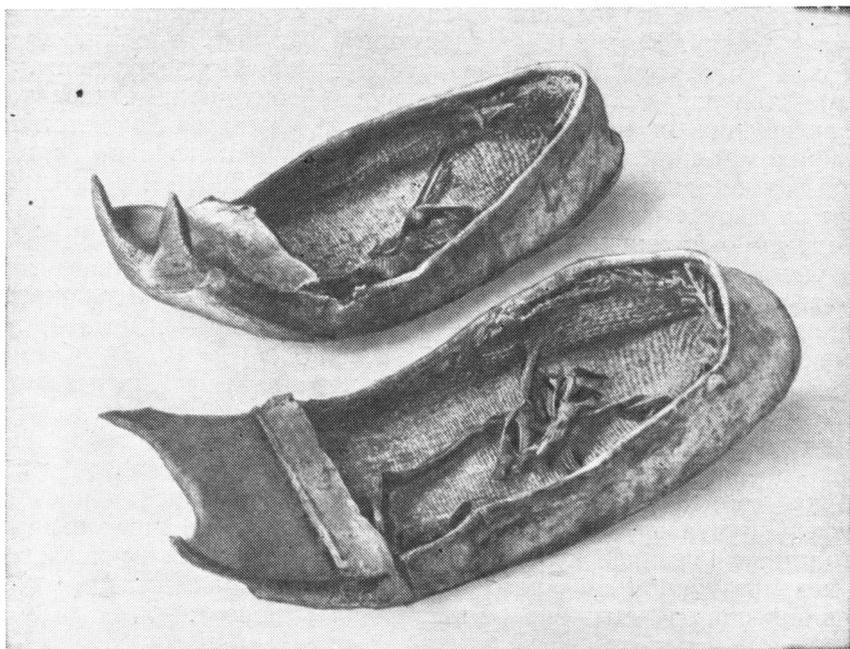


Рис. 34. Ханьские туфли

Наконец, признаком богатства и знатности при Хань были шелковые туфли. Цзя И, критикуя свойственное его времени стремление к роскоши, говорил, что даже рабов, предназначенных для продажи, хозяин нередко одевал в вышитый халат и шелковые туфли с узорчатым краем [там же, 8, 2242].

Среди предметов одежды, положенных в женское погребение Мавандуй 1, есть четыре пары шелковых туфель, одна из которых сохранилась полностью. Эти туфли сшиты из шелковой ткани зеленоватого оттенка (в списке сопогребенных вещей они названы «зелеными шелковыми туфлями с узорчатым краем» [Чанша мавандуй, 1973, 1, 150]). Они напоминают тапочки с прямоугольным плоским носком, несколько загнутым кверху и имеющим спереди округлый вырез (рис. 34). Туфли такого же фасона, сшитые из пеньковой ткани, найдены и в мужском погребении Фэнхуаншань 168 [Хубэй цзянлин, 1975, 6—8]. Сопоставление размеров этих двух пар туфель (табл. 33) показывает, что мужская обувь такого типа отличалась от женской только шириной.

На деревянных фигурках слуг, положенных в погребение Мавандуй 1, также можно обнаружить туфли описанного выше типа. Однако здесь они только на женщинах, тогда как мужские туфли имеют закругленные носки. Вероятно, женские туфли мо-

гли иметь более глубокий вырез носка, чем мужские, и в этом случае производили впечатление «остроконечных» (ср. у Сыма Цяня: «Ныне красавицы из Чжао и Чжэн... носят одежду с длинными рукавами и остроконечные туфли, они завлекают глазами и призывают голосом сердца» [Такигава, 1955, 10, 5163].

Таблица 33

РАЗМЕРЫ ТУФЕЛЬ ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ МАВАНДУИ 1 И ФЭНХУАНШАНЬ 168 СМ

Погребение	Пол	Рост	Длина туфель	Ширина туфель	Глубина задника
Мавандуй 1	женский	154	26	7	5
Фанхуаншань 168	мужской	166	29	11	6

В чжоуское время древние китайцы надевали туфли на босу ногу [Крюков, Софронов, Чебоксаров, 1978, 255]; в ханьское время впервые возникает обычай помимо туфель носить чулки.

Собственно говоря, чулками этот предмет одежды можно назвать лишь условно. Чулки ва были полотняными: когда у Лю Сю, ставшего затем императором Гуан У-ди, испачкалась одежда, он разделся и попросил некоего Ли Чжуана выстирать ему белье; тот же предпочел дать своему патрону «новый халат, рубашку и чулки» [Ван Сяньцзянь, 1959, 2, 791]. Женские чулки, обнаруженные в погребении Мавандуй 1, скроены из целого куска шелковой ткани. Сзади они имеют разрез, к которому прикреплены матерчатые тесемки (табл. 34).

Таблица 34

РАЗМЕРЫ ЧУЛОК ИЗ ПОГРЕБЕНИЯ МАВАНДУИ 1, СМ

№	Цвет	Длина ступни	Длина раструба	Ширина носка	Длина разреза
329-3	Белый	23,4	22,5	8,0	8,7
329-4	Фиолетовый	23,0	21,0	10,0	10,0

Ходить в незавязанных чулках считалось неприличным, поэтому в жизнеописании императора Ай-ди специально отмечается случай, когда у знатного аристократа на пиру «развязались тесемки чулок» [Бань Гу, 1964, 1, 333]. Тем более непристойным считалось попросить постороннего человека помочь завязать чулки, как поступил некий старец, желая унижить сановника Чжан Шичжи. «У меня развязались чулки,— сказал он и, обернувшись к Чжан Шичжи, предложил ему:— Завяжи мне



Рис. 35. Прически воинов Цинь Шихуана

чулки». Чжан Шичжи встал на колени и завязал их. Кто-то из присутствующих укорил старика: «Как же можно было при всех опозорить начальника судебного ведомства Чжана, заставив его на коленях завязывать чулки!» [там же, 8, 2312].

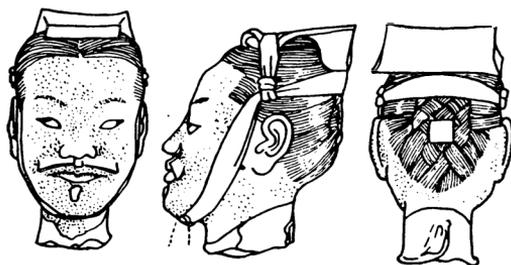
Однако в ханьское время нередко ходили и без чулок. Хотя грубые полотняные чулки иногда заменяли солдатам обувь, надевая туфли, они обходились без чулок. Так же поступали и бедняки. Господин Дунго, рассказывает Сыма Цянь, был беден, плохо одет, и туфли у него почти развалились; когда он шел по дороге, на снегу отпечатывались следы пальцев ног [Такигава, 1955, 10, 5053].

Помимо обычной обуви были распространены также туфли на деревянной подошве (нечто вроде японских гета), которые надевали в грязь. Их изготовляла прислуга из ненужных обрезков досок.

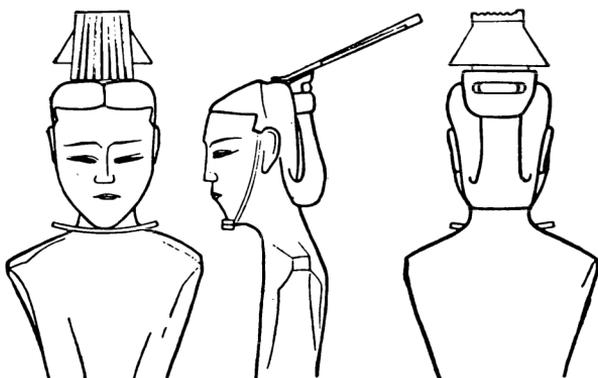
Автор «Шимины» упоминает также о сапогах хуа, использовавшихся для езды верхом, и отмечает, что первоначально они были составной частью «варварской одежды», которая была перенята чжаоским Улин-ваном в IV в. до н. э. Сапоги носили, по-видимому, только воины.

Головной убор

Как и в предшествующее время, древние китайцы ханьской эпохи не стригли волос, а укладывали их на голове, скрепляя шпилькой. Для реконструкции мужских причесок III в. до н. э.



а



б

Рис. 36. Мужские головные уборы эпохи Цинь — Хань

исключительный интерес представляют керамические фигуры воинов, найденные близ могилы Цинь Шихуана. Реалистическая манера, в которой выполнены эти скульптуры, позволяет выделить по крайней мере два типа причесок [Линьтунсянь, 1975, 5—6].

В первом случае пучок волос на макушке делился на две части, которые вместе с прядями у висков заплетались в две косы. В третью косу заплетались разделенные на три части волосы на затылке. После этого все три косы соединялись на затылке, а затем вместе с основной массой волос закручивались узлом в верхней части головы правее макушки (рис. 35).

Во втором случае волосы спереди и с боков зачесывались назад, делились на шесть прядей, заплетавшихся в плоскую косу. Коса закручивалась на затылке. Поверх узла волос надевался головной убор в виде согнутого под острым углом прямоугольного куска кожи (?); он закреплялся с помощью ленты, завязанной под подбородком. В данном случае перед нами наи-

более раннее достоверное изображение головного убора гуань (36), претерпевшего в эпоху Хань существенную эволюцию*. Конструктивно близкий к этому тип гуань представлен на рисунке из погребения Мавандуй 1, а также на найденных там же деревянных фигурках людей (рис. 36).

Наряду с этим в раннеханьских захоронениях теперь обнаружены гуань иного типа. Это нечто вроде прямоугольного мешочка из легкой и прозрачной шелковой материи, надевавшегося сверху на узел волос [Чанша мавандуй эр сань хао, 1974, 45; Хубэй цзянлин, 1975, 6].

Позднее возникает головной убор цзиньсяньгуань, характерный в позднеханьское время прежде всего для конфуцианских ученых. Он совмещает в себе украшение над узлом волос и околыш, исторически восходящий к головной повязке типа платка. В I—II вв. эти два элемента убора были еще отдельными предметами, и лишь позднее произошло их соединение [Сычев Л. П., Сычев В. Л., 1975, 56—57].

Заслуживает внимания мнение В. Эберхарда о том, что первоначально головная повязка цзэ восходила к южной традиции, тогда как другой простонародный головной убор — бьянь (37), представлявший собой кожаную шапку, — возник на севере страны [Eberhard A., Eberhard W., 1946].

ПИЩА

Сопоставление письменных, эпиграфических и археологических данных позволяет более или менее детально восстановить основные особенности пищи древних китайцев эпохи Хань: ее компоненты, способы приготовления и ритуал, связанный с приемом пищи.

Фань и мучные блюда

Основу рациона древних китайцев составляло зерно. Не случайно в могилу с умершим в ханьское время клали миниатюрные модели зерновых амбаров: в загробном мире души усопших нуждались в хорошей привычной еде. В надписях на таких моделях указывалось, какое именно зерно хранилось в них.

Достаточно подробные сведения о видах зерна, употреблявшегося в пищу, содержатся в цзюйяньских документах. Из них мы узнаем также и средние нормы довольствия солдат и членов их семей. Солдату полагалась месячная норма неочищенного зерна, равная 3 даням 3 доу 3 шэнам ($\approx 66,5$ л). Размер довольствия членов семей зависел от их возраста и пола (табл. 35).

* Весьма подробно этот вопрос разобран Л. П. Сычевым [Сычев Л. П., Сычев В. Л., 1975, 55—59].

В счет ежемесячного довольствия солдатам и их семьям выдавались пшеница, ячмень, просо, чумиза, гаолян [Чэнь Гунчжоу, Сюй Пиньфан, 1960, 50].

Таблица 35
НОРМЫ ВЫДАЧИ ЗЕРНА ЧЛЕНАМ СЕМЕЙ СОЛДАТ,
НЕСУЩИХ КАРАУЛЬНУЮ СЛУЖБУ НА ГРАНИЦЕ

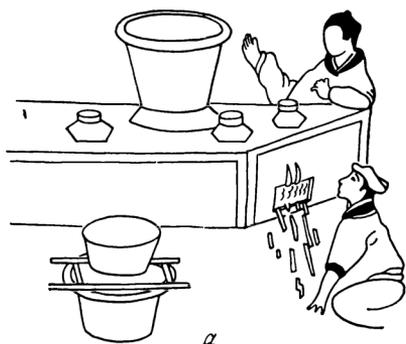
Возраст	Пол	Объем, шэны	Объем, л
До 6 лет	мужской	166	33,2
	женский	116	23,2
От 7 до 14 лет	мужской	216	43,2
	женский	166	33,2
15 лет и старше	мужской	333	66,6
	женский	216	43,2

Эти данные свидетельствуют, что в ханское время продолжали возделываться в основном те же хлебные злаки, что и прежде. Однако важнейшее место среди них уже занимала пшеница. Именно эта культура, как правило, упоминается в императорских указах, связанных с продовольственной проблемой в стране. Вареная пшеница составляла основу повседневного рациона простолюдинов. Когда будущий император Гуан У-ди воювал в Хэбэе, один из его приближенных сварил пшеницу и угостил его — этот эпизод был в ханской историографии одним из свидетельств неприязнительности и простоты правителя Поднебесной. Напротив, ханский сановник Цзин Дань был возмущен, когда ему подали на обед вареную пшеницу: он швырнул свою чашку на пол и потребовал более пристойного кушанья [Ван Сяньцзянь, 1959, 4, 3045]. Принимая гостей, их нередко потчевали вареной чумизой: «резать кур и варить чумизу» было общепринятым выражением, обозначающим хлопоты хозяйки перед приходом гостей. Рис, как и раньше, считался дорогим угощением. Вспомним, что Сыма Цянь, характеризуя земли к югу от Янцзы как область, где уровень жизни, с его точки зрения, был очень высок, писал: «Народ там питается рыбой и рисом».

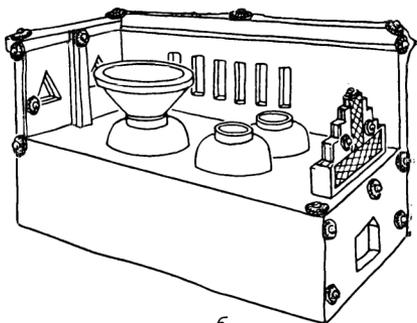
В ханском учебнике арифметики «Цзючжан суаньшу» приводится таблица, где указано соотношение объема зерна различной степени очистки [Цзючжан суаньшу, 1, 1]:

Просо	50
Грубо очищенное пшено	30
Очищенное пшено	27
Хорошо очищенное зерно	24
Пшено высшего качества	21

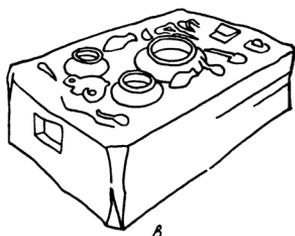
Зерно очищали с помощью крупорушки, представлявшей собой каменный пест на рычаге, приводимом в движение ногой; модели крупорушек нередко встречаются наряду с иной мелкой пластикой в инвентаре ханских погребений.



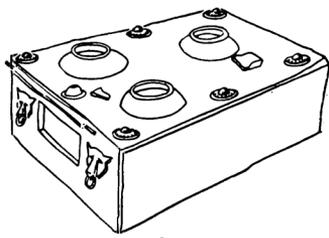
а



б



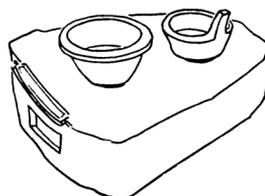
в



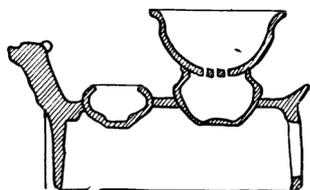
г



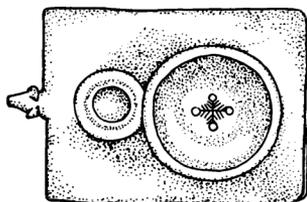
д



е



ж₁



ж₂

Рис. 37. Кухонные плиты. Терракота. Эпоха Хань

В ханьское время основным способом приготовления риса и иных круп была варка на пару. Для этого использовался сосуд с отверстиями (цзэн) (38), со специальной вставной плетенкой

(би) (39), на которую клали полусваренное зерно. Сосуд ставился на котел (фу) (40) с кипящей водой, и зерно проваривалось на пару до готовности [Окадзаки, 1955, 108—112].

Наглядной иллюстрацией этому служат изображения на фреске в ханьском погребении из Ляояна, где мы видим цзэн и фу, стоящие на печи. Модели таких кухонных печей часто встречаются в инвентаре ханьских погребений. Так, в районе Шаогуо, близ Лояна (Хэнань), в 1953—1954 гг. было раскопано 225 могил ханьского времени. В них найдено 155 моделей печей, сгруппированных авторами отчета о раскопках в пять категорий (девять типов). Печи различаются по размерам, числу конфорок, форме трубы и т. д. В то же время их объединяет одна общая черта: центральное положение на плите занимает котел с поставленным на него сосудом цзэн [Лоян шаогуо, 1959, 119—125] (рис. 37).

Тот факт, что в ханьское время, как и сейчас, варенное на пару зерно (фань) (41) составляло основу рациона, подтверждается следующей статьей словаря «Шовэнь»: «Фань — это пища». Таким образом, уже в эпоху Хань слово «фань» имело два различных значения: «зерно, приготовленное на пару» и «пища вообще» (ср. русское «хлеб насущный» или меланезийское «нванг»: 1) печеное таро, 2) пища вообще).

Помимо этого применялся и способ варки зерна в воде. Так готовилась жидкая кашка (чжоу) (42), которой питались во время траура по умершим родственникам или во время неурожая. В «Хоуханьшу», например, сообщается, что во время голода 194 г. н. э. мера риса стоила в столице 500 тыс. монет, бобов или пшеницы — 200 тыс. В городе были случаи людоедства. Тогда император Сянь-ди приказал открыть дворцовый амбар и «накормить кашей голодающих» [Ван Сяньцзянь, 1959, 1, 350].

Наконец, в ханьское время готовили также и мучные блюда. Муку мололи обычно на ручной мельнице, изобретение которой приписывается известному мастеру периода Чуньцю Гуншу Баню. Такие мельницы упоминаются вместе с котлами для приготовления пищи в реестрах военных поселений в Цзюйяне [Цзюйянь, 1959, 1].

Из муки варили лапшу, причем это блюдо продавалось в готовом виде на рынке. Сановник позднеханьского времени Чжао Ци, спасаясь от наказания, бежал, скрыв свое имя и фамилию, и «торговал лапшой на рынке в главном городе округа Бэйхай» [Ван Сяньцзянь, 1959, 3, 2312].

Заслуживает внимания также тот факт, что во II в. н. э. в результате интенсивных контактов со Средней Азией в Китай проникают лепешки из пшеничной муки, ранее там совершенно неизвестные, но весьма характерные для древних земледельческих среднеазиатских народов. В словаре «Шимин» мы находим объяснение термина «варварская лепешка» (ху бин) (43): «Она



Рис. 38. Разделка туш. С ханьского барельефа

изготавливается больших размеров и сверху посыпается варварской коноплей» (читай: кунжутным семенем) [Ван Сяньцань, 1937, 1, 201—202].

Мясные и овощные блюда

Как уже отмечалось выше, в число «шести видов домашних животных», чье мясо в ханьское время употреблялось в пищу, входили коровы, лошади, бараны, свиньи, собаки и куры. Кроме того, нередко готовили блюда из рыбы и дичи. Остатки трапезы, положенной в погребение Мавандуй 1, содержат кости зайца (*Lepus sinensis* Gray), пятнистого оленя (*Carvus nippon* Temminck), дикого гуся (*Anser* sp.), утки (*Anatidae*), бамбуковой курочки (*Bambusicola thoracica* Temminck), аиста (*Grus* sp.), сороки (*Pica pica* L.), воробья (*Passer montanus* L.) и т. д. Там обнаружены кости нескольких видов пресноводных рыб: карпа (*Cyprinus carpio* L.), карася (*Carrasius auratus* L.), леща (*Acanthobrama simoni* Bleeker), окуня (*Xenocypris argentea* Gunter) и др. [Чанша мавандуй, 1973, 35]. На моделях кухонных печей иногда можно видеть рельефные изображения кур, уток, рыбы и пр. [Хэнань шаньсянь, 1965, 129—131]. Представление о наборе мясных продуктов, использовавшихся при приготовлении пищи в домах ханьских аристократов, дают многочисленные каменные барельефы [Хаяси, 1975, 26—27] (рис. 38).

На этих изображениях представлены не только сцены разделывания туш, но и отдельные части туши. О названиях последних можно судить по списку съестных продуктов, специально положенному в погребение Мавандуй 1. Там упоминаются вырезка (янь), грудинка (лэй), лопатка (цзянь), задняя часть (цзин), печень (гань), желудок (вэй), селезенка (пи), язык (хань), сердце (синь), легкие (фэй) и т. д. [Чанша мавандуй, 1973, 1, 133—137, таблички № 31, 36, 39, 42, 51, 52, 61, 85].

Основным способом заготовки мяса впрок было сушение. Разъясняя текст «Чжоули», комментатор II в. н. э. Чжэн Сюань писал: «Когда большие туши разделяются и сушатся, это называется сушеным мясом... Мясо, нарезанное тонкими ломтиками, называется фу; предварительно отбитое и сдобренное им-

бирем или корицей — дуань сю; маленькие тушки, высушенные целиком, называются ла» [Чжоули, 1937, 27]. На табличках из Мавандуй 1 упоминается мелко нарезанное сушеное мясо оленя [Чанша мавандуй, 1973, 1, 134, табличка № 35], встречающееся также в надписях из погребения в Шацзыдуй [Хунаньшэн, 1963, 19].

Такое мясо сушилось на солнце (в «Шовэне» отмечается, что для этого нарезанное ломтиками мясо клали на крышу); мясо сушили и на медленном огне (так заготавливали впрок главным образом птицу). Для этого использовали древесный уголь, почти не дававший дыма. Кроме того, мясо коптили. Существовал также способ маринования мяса и рыбы с добавлением соли, уксуса и масла [Хаяси, 1975, 32—36].

Переходя к способам приготовления мясных блюд, необходимо отметить, что предки китайцев в эпоху Хань употребляли в пищу и сырое мясо. Одним из наиболее известных примеров этого является описание пира в Хунмэне, на котором Фань Куаю «дали кусок сырого кабаньего мяса. Фань Куай положил на землю свой щит, а на него — [кабанью] лопатку, выхватил меч, разрубил им мясо на куски и стал есть его» [Такигава, 1955, 2, 562]. У средневековых комментаторов «Исторических записок» слово «сырой» в качестве определения к «кабаньему мясу» вызвало подозрение в том, что здесь допущена ошибка при переписке текста. Однако, как было убедительно показано Хаяси Минао, сцена пира в Хунмэне не представляла собой ничего необычного: в ханьское время действительно нередко лакомились большими кусками сырого мяса [Хаяси, 1975, 40—41].

Наряду с этим древние китайцы ели также мелко накрошенное сырое мясо (куай) (44). В «Шимине» объясняется, что для приготовления этого блюда брали различные сорта мяса и, мелко нарезав его, перемешивали [Ван Сяньцзянь, 1937, 1, 209]. На табличках из Мавандуй 1 упоминается куай из говядины, баранины, оленины и рыбы [Чанша мавандуй, 1973, 1, 135, таблички № 56—59]. Неизвестно, добавлялись ли к мясному крошеву в рассматриваемое время овощи и приправы, но в трактате «Лици», составление которого относится к последним векам до нашей эры, сообщается: «Весной куай готовится с луком, а осенью — с горчицей» [Лици цзишо, 1934, 5, 54].

Специальное блюдо, употреблявшееся в качестве закуски к вину, — сюэ янь (45) — готовилось из сырой крови [Ван Сяньцзянь, 1937, 1, 210]. Как отмечает Хаяси, большие чанообразные сосуды, обязательный атрибут бойни, служили для сбора крови [Хаяси, 1975, 44].

Наконец, в «Лици» описывается еще одно блюдо, приготовлявшееся из сырого мяса: «Берут говядину, непременно свежего убоя, режут ее тонкими ломтиками, обязательно перерезая жилы, кладут в ароматное вино до утра и затем едят, сдабривая соусом» [Лици цзишо, 1934, 5, 61].

Вареное или жареное мясо было также составной частью супов и добавлялось к сваренному на пару зерну.

Пространный список блюд, положенных в погребение Мавандуй 1, открывается перечислением супов (гэн) (46), приготовленных из различных продуктов (табл. 36). Супы готовили двух основных типов. Первый из них — «основной (букв. „большой“) суп» варился из мяса без добавления соли и овощей, второй — «светлый (букв. „белый“) суп» заправлялся различными овощами и подсаливался [Хаяси, 1975, 45—46].

Таблица 36

ОСНОВНЫЕ ИНГРЕДИЕНТЫ ДЛЯ ПРИГОТОВЛЕНИЯ СУПОВ
(ПО ДАННЫМ НАДПИСЕЙ ИЗ МАВАНДУИ 1)

Тип супа	Подтип	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16*
Юй гэн («основной суп»)	А	+															
	Б		+														
	В			+													
	Г				+												
	Д					+											
	Е						+										
	Ж							+									
Бай гэн («светлый суп»)	А	+															
	Б																
	В					+											
	Г					+											
	Д					+											
	Ж							+			+		+				+
Цинь гэн («суп с сельдереем»)	А	+															
	В		+		+												
Фэн гэн («суп с репой»)	А							+									
	В											+	+				
Ку гэн («суп с осотом»)	А																
	Б	+							+								

* 1 — говядина; 2 — баранина; 3 — свинина; 4 — мясо поросенка; 5 — оленина; 6 — мясо собаки; 7 — курятина; 8 — мясо дикой утки; 9 — мясо фазана; 10 — мясо речного моллюска; 11 — карась; 12 — мясо дикого гуся; 13 — молодые побеги бамбука; 14 — таро; 15 — бобы; 16 — корневища лотоса.

Мясо, добавлявшееся в сваренное на пару зерно, приготовлялось несколькими способами, четыре из которых были перечислены автором трактата «Лицзи» среди важнейших культурных достижений, связанных с изобретением огня [Лицзи цзишо, 1934, 4, 45]:

1) поджаривание большими кусками на открытом огне (фань) (52). Приготовление пищи таким способом изображено на фреске из раннеханьского погребения близ Лояна, воспроизводящей сцены пира в Хунмэне [Го Можо, 1964, 2—3];

2) поджаривание на вертеле (чжи) (53) отличается от первого способа тем, что мясо режется на небольшие кусочки и насаживается на трехзубую вилку. Процесс подобного приготовления мяса представлен на фресках из погребения в Цзягугуани, датируемых концом III в. н. э. [Цзягугуань, 1972, 40, вклейка 7, рис. 1]. Автор «Шимина» перечисляет различные виды поджаривания на вертеле [Ван Сяньцзянь, 1937, 1, 209—210].

3) запекание в искусственной оболочке (бао) (54) осуществлялось следующим образом. Куски мяса обмазывались глиной, смешанной с мякиной, а затем помещались в огонь. Через некоторое время обожженная и затвердевшая оболочка разламывалась, а содержимое, готовое к употреблению, вынималось из нее. Иногда таким способом готовили птицу, не очищая ее предварительно от перьев;

4) варка в котле (чжу) (55) — так, согласно «Лицзи» и комментариям Чжэн Сюаня, готовились свинина, курятина, рыба и мясо черепахи [Лицзи цзишо, 1934, 5, 54].

Таблица 37

МЯСНЫЕ БЛЮДА, УПОМИНАЕМЫЕ В НАДПИСЯХ ИЗ ПОГРЕБЕНИЯ
МАВАНДУЙ 1

Блюда	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11*
Мясо, сушенное ломтиками	+			+							
Мясо, сушенное тушкой		+								+	
Мелко накрошенное мясо	+	+		+							+
Мясо, жаренное на вертеле	+		+	+	+						
Слабо обваренное мясо	+		+			+					
Вареное мясо	+										
Тушеное мясо			+			+	+	+	+	+	
Мясо, запеченное в оболочке	?										

* 1 — говядина; 2 — баранина; 3 — свинина; 4 — оленина; 5 — мясо собаки; 6 — курятина; 7 — мясо дикой утки; 8 — мясо фазана; 9 — мясо дикого гуся; 10 — зайчатина; 11 — рыба.

В надписях из погребения Мавандуй 1 упоминаются мясные блюда, приготовленные тремя последними способами [Чанша мавандуй, 1973, 1, 134—137, таблички № 38—46, 85, 89]. Кроме того, в этом же списке фигурируют тушеные (ао) (56) мясные

блюда и из мяса, сваренного в овощном отваре (чжо) (57) [там же, 135—136, таблички № 51—55]. Набор мясных блюд, представленных в этих надписях (за исключением перечисленных супов), выглядит следующим образом (табл. 37).

Анализ источников, таким образом, показывает, что в III в. до н. э. — III в. н. э. в древнекитайской кулинарии практически не применялись такие способы приготовления мясных и овощных блюд, как поджаривание на масле. Объясняя причины этого, Синода Тоити высказывает предположение о том, что, несмотря на широкое применение железа для производства оружия и орудий труда, металлическая посуда тогда еще не была известна [Синода, 1959, 255].

Приправы и специи

К «пяти вкусовым ощущениям» древние китайцы относили острое, кислое, соленое, горькое и сладкое; важнейшими приправами, позволяющими придавать кушаньям соответствующий вкус, считались: имбирь, уксус, соль, вино и патока.

Однако фактически набор приправ и специй был гораздо шире. Об этом свидетельствуют надписи из Мавандуй 1, а также граффити на сосудах из погребения близ Лояна и данные письменных памятников (табл. 38).

Хаяси Минао обращает внимание на ханьский термин «соус» (цзян) (58), указывая по меньшей мере три его различных значения.

Так называлась жидкая или полужидкая соленая приправа из мяса, иногда с добавлением рыбы, бобов и т. д. Способ приготовления такого соуса описан Чжэн Сюанем: «Необходимо сначала высушить мясо, затем нарезать его, добавить зерна, дрожжей и соли, залить ароматным вином, запечатать в чан, и через сто дней соус будет готов к употреблению» [Чжоули, 1937, 33].

Термином «цзян» называлась также приправа с добавлением уксуса, о чем говорит тот же Чжэн Сюань [там же, 34].

Наконец, это же слово служило для обозначения соленых или кислых приправ вообще [Хаяси, 1975, 58—60].

Таблица 38

ВАЖНЕЙШИЕ ПРИПРАВЫ (ПО ДАННЫМ ХАНЬСКИХ ИСТОЧНИКОВ)

Вид приправы	I	II	III*
Соль	+	+	+
Уксус		+	+
Соленая мясная паста		+	
Соленая мясная подлива	+		
Рыбный соус	+		
Соленая бобовая паста	+	+	+
Соус «цзян»	+	+	+
Маринованные овощи	+		
Мед			+
Дрожжи			+

* I — надписи из Мавандуй 1; II — надписи из Лояна; III — «Исторические записки» Сыма Цяня (гл. 129).

Что касается уксуса, то он приготавливался из жидкой каши, куда добавлялось вино. На одной из фресок в погребении близ Цзягугуана изображены чаны, служащие для сцеживания уксуса: через отверстия на дне жидкость стекает в другой сосуд [Цзягугуань, 1972, 39, рис. 19].

Среди приправ, придававших блюдам сладкий вкус, следует отметить мед. Мед иногда добавлялся к мясу, обжариваемому на открытом огне [Ван Сяньцзянь, 1937, 1, 209].

Остается спорным вопрос о том, каково было значение слова «тан» (59), обозначающего ныне сахар. По мнению Ци Дунъюя, производство тростникового сахара было распространено в Китае уже в эпоху Хань [Ци Дунъюй, 1962, 48—49]. У Дэдо, отвергающий доводы Ци Дунъюя, относит начало сахароварения к эпохе Тан [У Дэдо, 1962, 42—44]. По-видимому, следует присоединиться ко второй из этих двух точек зрения. В надписях из Мавандуй 1 встречается упоминание термина «тан», однако его значение остается здесь неясным. Можно предполагать, что мы имеем дело с разнописью слова, обозначавшего некое подобие конфеты-тянучки, о которой упоминается в «Шимине»: «Тан... делается из разваренного зерна» [Ван Сяньцзянь, 1937, 1, 213]. Такие конфеты в I—II вв., по свидетельству Чжэн Сюаня, продавали вразнос на улицах, привлекая внимание покупателей звуками свирели [Хаяси, 1975, 63].

Наконец, следует упомянуть о закваске цзюй, применявшейся для производства мясных соусов. В надписях на керамических сосудах из Лояна упоминается ячменная и пшеничная закваска [там же].

Напитки

«В зимние дни пьют горячий отвар, а в летние дни пьют воду» — этот древнекитайский обычай, сформулированный Мэнцзы в начале III в. до н. э. [Legge, 1940, 2, 400], имел распространение на всем протяжении ханьской эпохи.

Не останавливаясь здесь на таких продуктах, как кисловатые на вкус отвары из различных фруктов (сливы, персики), упоминаемых в «Шимине», отметим, что широкой популярностью пользовались опьяняющие напитки, которые условно можно объединить под названием «вино».

Вино (цзю) (60) в древнем Китае приготавливалось из зерна и представляло собой нечто вроде браги. Сорта вин различались главным образом по сроку выдержки: молодое вино (лао) (61) было готово к употреблению через 3—4 дня, а выдержанное (и) (62) должно было простоять не менее месяца.

В свою очередь, выдержанное вино могло быть трех сортов: ши цзю (63), си цзю (64) и цин цзю (65).

Ши цзю приготавливалось специально для торжественных церемоний, прежде всего для жертвоприношений, в любое время



Рис. 39. Процеживание вина. С ханьского барельефа

года и выдерживалось около месяца. Насколько можно судить по комментарию к «Лицзи», оно не было прозрачным. В отличие от него си цзю было более крепким и светлым вином. Наконец, для производства цин цзю требовалось несколько месяцев — с зимы до лета [Хаяси, 1975, 71—74]. Выдержанное вино отличалось значительной крепостью, поэтому оно и использовалось для иллюстрации понятия «горький».

Молодое вино иногда называлось «сладким». Оно не процеживалось перед употреблением.

В письменных источниках можно обнаружить по крайней мере пять различных терминов для обозначения сортов молодого вина [Ван Сяньцзянь, 1937, 1, 213—214].

Процесс производства вина может быть частично восстановлен благодаря находке в позднеханьском захоронении близ Лояна модели винодельни. В крытом помещении и около него были расставлены сосуды и приспособления для ряда последовательных производственных операций: ступки, воронки для процеживания жидкости и т. д. [Лоян цзяньси, 118—119]. Сцена процеживания готового вина предстает перед нами на барельефе из Шаньдуна (рис. 39).

Посуда и приспособления для еды

Одним из важнейших результатов раскопок раннеханьского погребения Мавандуй 1 следует считать то, что в нем был найден полностью сохранившийся набор столовой посуды. Эта находка в сопоставлении с данными письменных источников позволяет судить, из чего и как ели древние китайцы рассматриваемой эпохи.

Кушанья подавали на маленьких столиках (цзи) (66) в деревянных кастрюлях с крышками (хэ) (67). Последние ста-

вились обычно на блюдо круглой или прямоугольной формы. Вино подавалось в больших бочкообразных сосудах на трех ножках (цзунь) (68), а затем разливалось по кружкам (чжи) (69). В «Чжаньгоцэ» описывается случай, когда гостям выставили кружку вина, но «на всех этого было мало, а один всего бы не выпил» [Чжаньгоцэ, 1936, 2, цз. 9, 2]. Во время пира в Хунмэне Фань Куаю подали кружку, вмещающую 1 доу [Такигава, 1955, 2, 562]. Таким был, видимо, предельный объем винной кружки. В надписях из погребения Мавандуй 1 упоминается «винная кружка в 1 доу» (табличка № 179), а сама эта кружка, найденная там же, вмещает 2,1 л, что действительно примерно соответствует 1 доу ханьского времени [Чанша мавандуй, 1973, 1, 82]. В ходу были кружки и меньшего размера (в этом погребении обнаружены экземпляры с надписями «7 шэнов» и «2 шэна» объемом 1,5 и 0,5 л соответственно [там же]). В ханьскую эпоху винная кружка относилась к числу предметов посуды малого размера, поэтому Ван Чун использует ее в метафоре, иллюстрирующей несоответствие цели и используемых средств: «резать курицу ножом для убоя коровы, обтесывать палочки для еды топором, наливать в кружку из таза» [Ван Чун, 1934, 2, 247]. Одна из найденных в погребении Мавандуй 1 лакированных кружек снабжена бронзовыми позолоченными ручками: по-видимому, посуду такого типа имел в виду автор «Яньтелуня», говоря о «серебряных краях и золотых ручках» [Го Можо, 1957, 59].

Непременной составной частью набора столовой посуды были ковшеобразные сосуды куй (70), в которых подавали суп. В Мавандуй 1 найден лакированный сосуд этого типа, в рукоятке которого имеется углубление в виде желоба [Чанша мавандуй, 1973, 88]. Недалеко от Сиани был обнаружен серебряный куй с надписью «1 доу 7 шэнов» (около 3,6 л) [Чжан Тесюань, 1954, 54]. Этот сосуд изображен на барельефе из Шаньдуна.

Несомненно, что важнейшим предметом столовой посуды были в то время овальные неглубокие чашки с двумя плоскими ручками (бэй) (71). Из них ели варенное на пару зерно и мясные блюда (на дне лакированных чашек из Мавандуй 1 написано: «Господин, отведайте кушанья!»), из таких же чашек пили вино (надпись на других подобных предметах из того же погребения гласит: «Господин, отведайте вина!») [Чанша мавандуй, 1973, 1, 82—83]. Из такой же посуды ели и суп, о чем можно судить по следующему эпизоду борьбы между претендентами на императорский престол в III в. до н. э.: в ответ на угрозу Сян Юя сварить живьем отца Лю Бана тот ответил: «Ну что же, тогда соизволь угостить меня чашкой супа!» [Такигава, 1955, 2, 589].

Важным предметом настольного прибора в ханьское время были, как и сегодня, палочки для еды (чжу) (72). Сыма Цянь



Рис. 40. Кормление старика. С ханьского барельефа

рассказывает, что император Цзин-ди, стремясь поставить в неловкое положение сановника Чжоу Яфу, пригласил его на обед, но на стол подали лишь мясо, нарезанное большими кусками. Чжоу Яфу не смутился и, обернувшись к столынику, велел принести палочки для еды [там же, 6, 3151].

Такая манера приема пищи возникла в древнем Китае не ранее последних веков до нашей эры. Чжоусцы хотя и пользовались палочками, но совершенно иначе, чем жители ханьской империи, и в основном ели руками [Крюков, Софронов, Чебоксаров, 1978, 259]. Поэтому можно утверждать, что изображенная на каменном барельефе из Шаньдуна сцена, где почтительный сын кормит своего престарелого отца с помощью палочек, восходящая к весьма древнему сюжету, отражает реалии ханьского времени [Ван Чжэньдо, 1964, 9, рис. 5] (рис. 40). Распространившись на рубеже нашей эры среди древних китайцев, палочки затем попадают от них к народам, оказавшимся в сфере китайского культурного влияния. Так, бронзовые палочки для еды найдены в погребении дяньцев в Юньнани [Чэ Цифан, 1960, 19].

ЖИЛИЩЕ

«...Мы перевалили через вершину горы, и я остановился, зачарованный зрелищем, которое показалось мне исполненным огромного смысла. В маленькой долине среди холмов уютилась крохотная деревушка с наблюдательной вышкой в одном из ее углов. Мое внимание особенно привлекло то, что построена она была по образцу двухтысячелетней давности, насколько об этом можно судить по моделям жилищ, находимым в погребениях ханьского времени!»

Так писал в своем путевом дневнике Ю. Андерсон во время своей поездки в Ганьсу [Anderson, 1934, 218]. Действительно, многие характерные черты традиционного китайского жилища сложились уже в ханьскую эпоху.

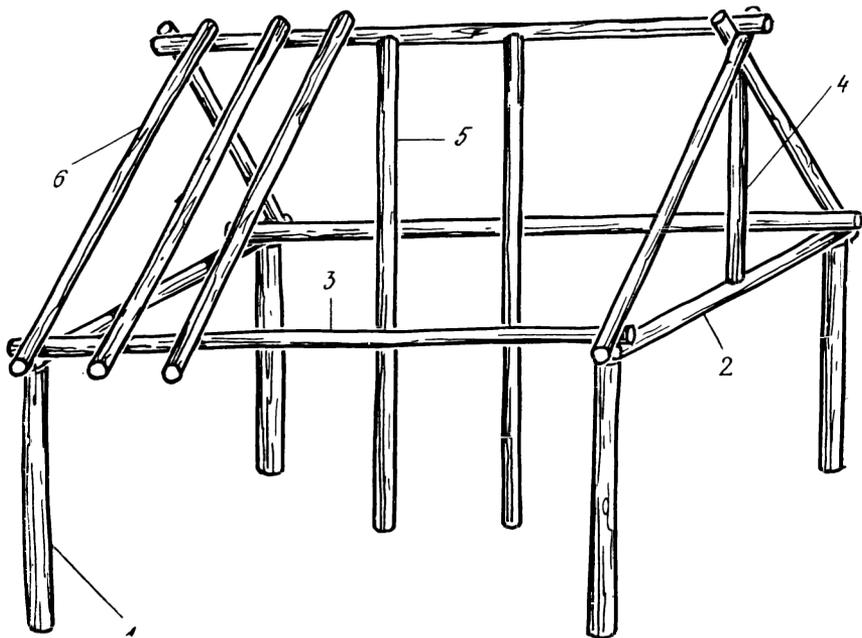


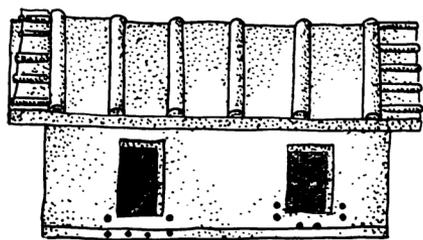
Рис. 41. Конструкция каркасно-столбового жилища эпохи Хань

Основные конструктивные особенности жилища

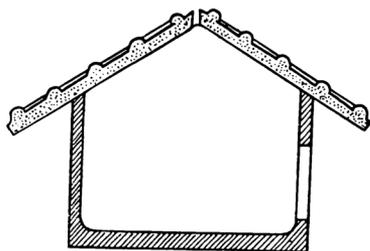
По своей конструкции ханьское жилище относится к каркасно-столбовому типу, сложившемуся на Среднекитайской равнине еще в эпоху неолита. Каркас сооружался из дерева. «Мудрый правитель,— писал автор трактата „Хуайнаньцзы“,— подбирает себе людей так, как умелый мастер использует в деле дерево. Из больших стволов он делает... колонны и поперечные балки, из маленьких... боковые стойки дверей. Длинные куски дерева он использует на... следи, а короткие — на опорные стойки и доугуны, так что все — и маленькое и большое, и длинное и короткое — идет в дело по своему назначению [Хуайнаньцзы, 1936, 3, гл. 9, 12].

Здесь перечислены фактически все основные элементы деревянного каркаса жилища. Их названия и функции приводятся также в словаре «Шимин» [Ван Сяньцзянь, 1937, 2, 269—276], что позволяет с большей или меньшей степенью достоверности реконструировать ханьское жилище (рис. 41).

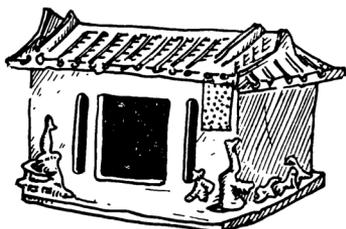
Основу каркаса составляли расположенные по его периметру столбы чжу. На них покоились балки — две поперечные (лянь) (73) и три продольные (дун) (74). Некоторые комментаторы высказывают мнение, что число продольных балок было



а



б



в



г

Рис. 42. Однокамерные жилища эпохи Хань. Терракота

равно пяти, причем термином «дун» обозначалась лишь одна — коньковая — балка, тогда как остальные назывались «мэй» (75) [Лао Гань, 1940, 125]. На поперечных балках укреплялись стойки чжужу (76), служившие дополнительной опорой для коньковой балки. Основная тяжесть последней приходилась на две внутренние колонны ин (77). Как показано Ван Чжэньдо, конструкция каркаса могла иногда включать лишь одну колонну (об этом можно судить по имитирующим жилые помещения погребальным камерам в крупных захоронениях позднеханьского времени; следы аналогичной конструкции обнаружены при раскопках раннеханьского дома в Лояне) [Ван Чжэньдо, 1963, 8—9].

Слеги шуай, закреплявшиеся на продольных балках, составляли основу крыши. Наиболее типичной была в ту эпоху двускатная кровля, крытая черепицей.

Широкое распространение в эпоху Хань получает черепица двух видов: плоская, в виде прямоугольных плиток, и полукруглая. Край крыши украшался дисковидными концевыми черепицами, прикрывавшими срезы полукруглых черепиц. Эти диски, имевшие главным образом декоративное назначение, орнаментировались или покрывались иероглифическими надписями (последнее было более характерно для дворцовых помещений).

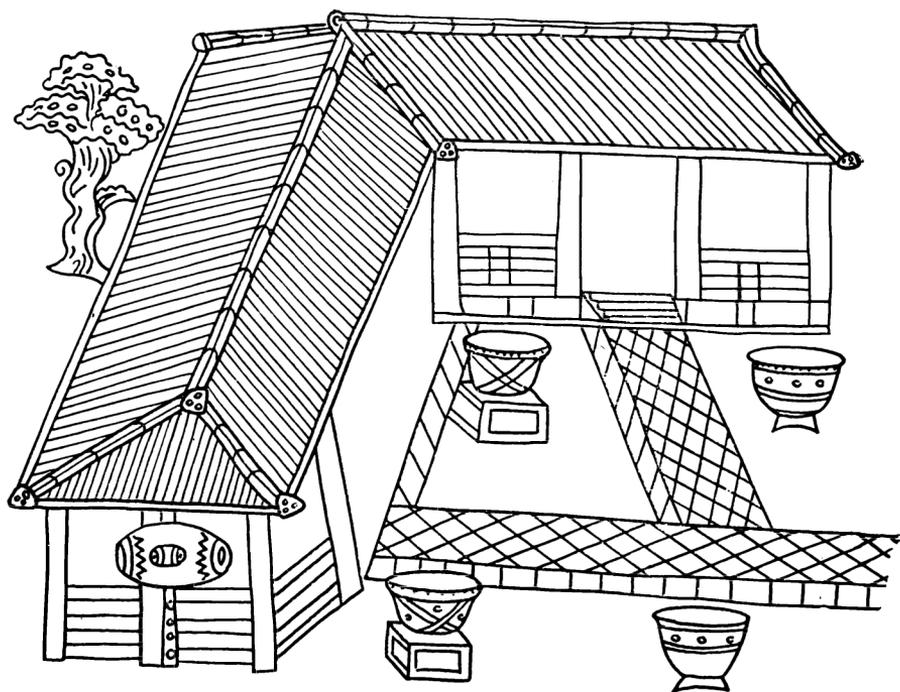


Рис. 43. Типы ханьских усадеб (1)

Древнекитайское жилище воздвигалось чаще всего прямо на грунте (рис. 42). Однако состоятельные слои общества предпочитали дома, построенные на стилобате — прямоугольной платформе. Для того чтобы попасть в такой дом, нужно было подняться по ступеням, ведущим к главному входу. Эта особенность конструкции жилища нередко используется в ханьское время в метафорах и сравнениях, например: «Авторитет правителя подобен залу, его подданные — ступеням, а простолюдины — основанию дома» [Бань Гу, 1964, 8, 2254].

В южных районах ханьской империи среди древнекитайского населения получили распространение также свайные постройки, первоначально ему совершенно несвойственные [Гуанчжоу, 1958, 516]. Жилое помещение находилось в этом случае на поддерживаемой сваями деревянной платформе, а пространство под ней использовалось для скота. В такой конструкции дома прослеживаются строительные традиции местного, аборигенного населения, воспринятые пришельцами с севера.

Усадьба

Жилое помещение в ханьское время почти никогда не было отдельным, самостоятельным строением. Оно было основным,

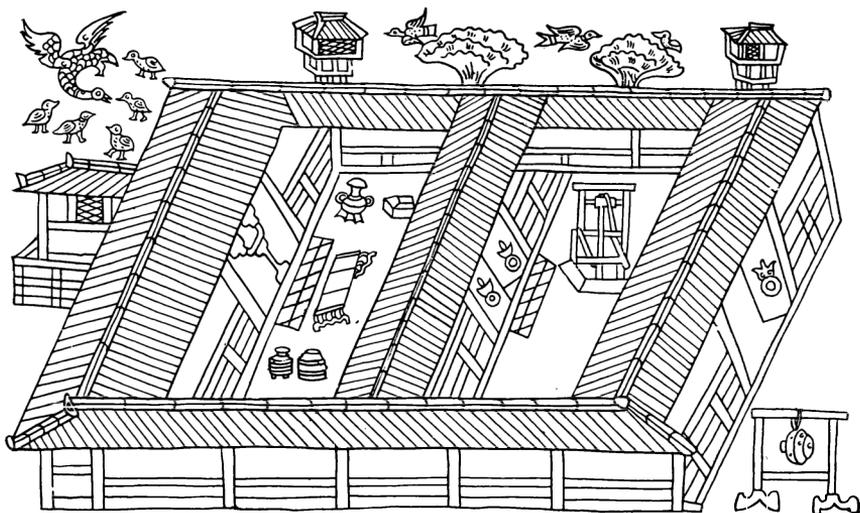


Рис. 44. Типы ханьских усадеб (2)

но не единственным компонентом более крупного комплекса — усадьбы.

Усадьба (чжай) (79), совпадающая с домохозяйством (ху) (80), было основной единицей застройки как сельского поселения, так и города. Окруженная стеной, она в известной мере была изолирована от внешнего мира. По ханьским законам жителям империи гарантировалась неприкосновенность их домов-усадьбы: «Чиновникам запрещается входить в дома без соответствующего документа, чтобы брать людей под стражу. Люди могут ударить и ранить того, кто вошел в их дом, и дело будет затем разбираться в соответствии с „Законом о запрещении входить в чужой дом”» [Chang, 1975, 67-68].

Таблица 39

РАЗМЕРЫ ОТДЕЛЬНЫХ СТРОЕНИЙ
УСАДЬБЫ (ТЕРРАКОТОВАЯ МОДЕЛЬ
ХАНЬСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ ЧЖЭНЧЖОУ)

Строение	Размеры, мм		
	длина	ширина	высота
Жилый дом	34	8	45
«Сени»	42	19	46
Амбар	35	19	70
Кухня	34	17	42
Башня	25	25	80
Отхожее место	22	10	26

Простейший тип ханьской усадьбы состоял из двух жилых помещений, соединенных вместе в виде буквы Г (рис. 43). Однако часто к ним присоединялось еще отхожее место, и, будучи дополнена стеной-забором, такая усадьба получала в плане форму квадрата и представляла собой замкнутый дворик (рис. 44).

Более сложный вариант усадьбы второго типа изоб-

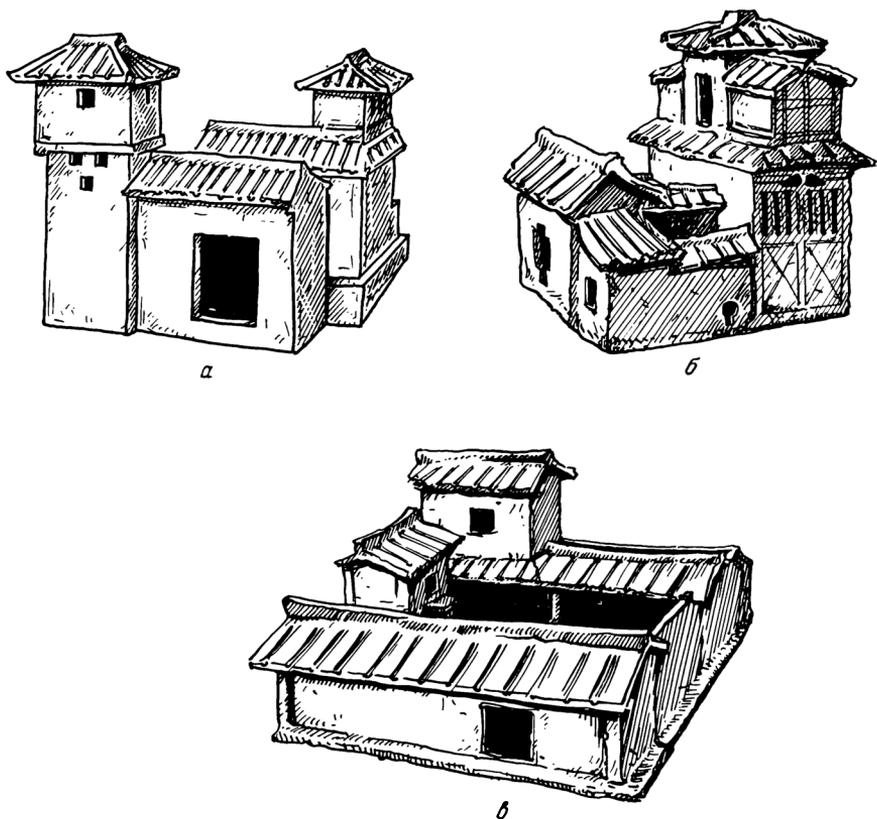


Рис. 45. Типы ханских усадеб (3)

ражен на рис. 45. Он включает шесть отдельных строений: жилой дом, помещение у ворот («сени»), амбар, кухню, башню и отхожее место, совмещенное со свинарником (табл. 39).

Еще более сложным является устройство усадьбы, изображенной на каменном барельефе из Сычуани. Она также квадратная в плане, но разделена внутренней стеной на две половины. Правая половина состоит из двух двориков. Первый из них отделен от второго стеной, имеющей ворота, расположенные на одной оси с наружными воротами и жилым помещением. Левая половина усадьбы также разделена на две части. В одной из них, примыкавшей к передней стене, находились кухня и колодец, во второй — наблюдательная вышка (рис. 46).

Наконец, в I—III вв. широкое распространение получили усадьбы, представлявшие собой подобие небольшой крепости. Примером такого рода может быть модель из погребения близ Гуанчжоу, датированного 76 г. н. э. [Гуанчжоу, 1958, 51—54].

Подсобные и хозяйственные постройки, находящиеся на тер-

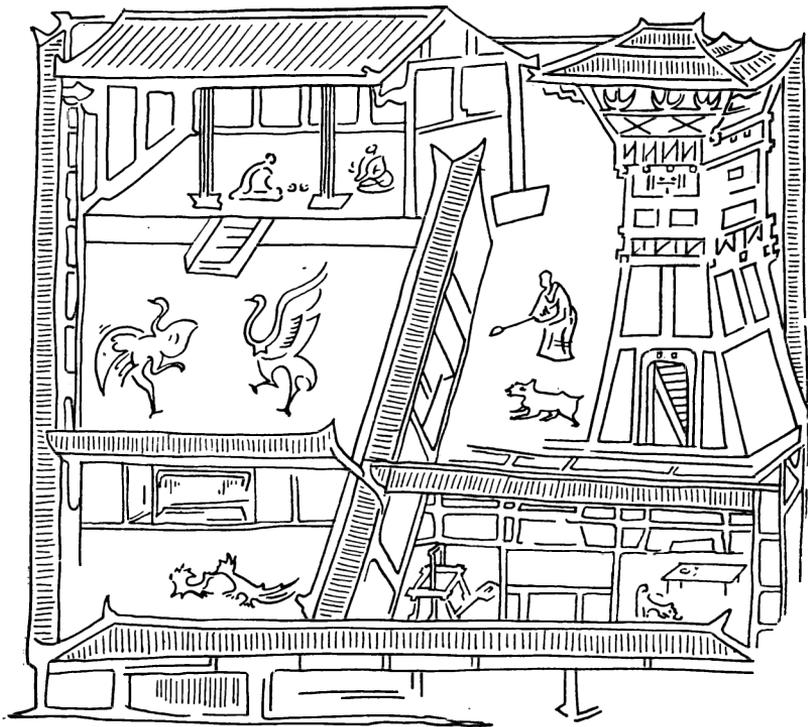


Рис. 46. Типы ханских усадеб (4)

территории усадьбы, обеспечивали ее обитателям все насущные нужды повседневной жизни.

Амбар служил хранилищем зерна — основного продукта питания. Хлебный амбар северного типа — капитальное строение, имевшее приспособления для проветривания внутреннего помещения. По своей конструкции такие амбары имеют немало общего с обычными жилыми домами. Наряду с этим в южных районах получает распространение другой тип, представленный в виде моделей, клавшихся в погребения на территории современной провинции Гуандун. Подавляющее большинство этих строений — на сваях. Наибольший интерес представляют круглые зернохранилища на платформе с крышей грибовидной формы [там же, 68—69]. Этот тип амбаров, совершенно неизвестный в ханьское время на севере страны, предстает перед нами и в изображениях на бронзовых барабанах — характерных предметах материальной культуры вьетских (юэских) племен [Вэнь Ю, 1954, рис. 57].

Источником питьевой воды был колодец, располагавшийся в непосредственной близости к кухне. В колодезную яму нередко помещали керамические секции в виде отрезков труб



Рис. 47. Расчистка колодца эпохи Хань в Лояне.
Фото М. В. Крюкова

большого диаметра (рис. 47). Над отверстием ямы устраивалось специальное приспособление для подъема сосуда с водой. Чаще всего это был блок, закреплявшийся на деревянной раме (рис. 48): Над колодцем часто устраивалась беседка. Кроме того, воду из колодцев иногда доставали с помощью журавля.

Отхожее место, как правило, располагалось на втором этаже и совмещалось с находившимся непосредственно под ним свинарником.

Интерьер жилища

Как и в предшествующее время, в ханьском доме почти не было мебели. Основным предметом внутренней обстановки бы-

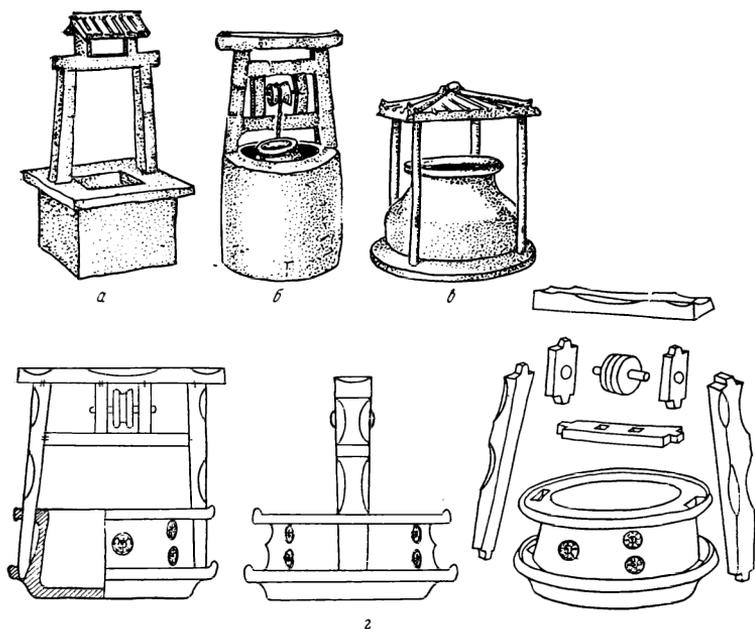


Рис. 48. Типы ханьских колодцев

ли циновки (си) (81), которыми застилалось все жилое помещение.

Как показывают находки в погребении Мавандуй 1, циновки были двух видов: грубые циновки из тонких полосок расщепленного бамбука размером 2 м 35 см × 1 м 69 см [Чанша мавандуй, 1973, 1, 121], и более тонкие циновки, изготовлявшиеся из стеблей. Они упоминаются в надписях, одна из которых сохранилась целиком («две циновки из травы гуань, одна обшита синей тканью, другая — узорчатой» [там же, 152, табличка № 289], 2 м 20 см × 82 см). Способ плетения похож на применяемый в Китае в наши дни: основу составляют 53 конопляных шнура, а в качестве утка используются сухие стебли травы. По краю циновка обшита полосой выцветшей полихромной шелковой ткани. Ширина циновок (80—82 см) была в ханьское время, по-видимому, стандартной. Во всяком случае, в документах из Цзюйяня упоминается циновка шириной в 3 чи 5 цуней (около 82 см), «с краем, обшитым синей тканью». Такая циновка стоила 300 монет [Цзюйянь, 1959, 2534].

На такой циновке могли сидеть несколько человек. Однако на одной циновке в ханьское время сидели обычно люди, равные по своему общественному положению; уважаемого человека сажали на отдельную циновку. Поэтому, когда двум почтенным мужам предложили сесть на одну циновку с рабами, они выхватили нож и рассклели ее на две части [Цзюй Сюаньин,

1937, 2, 253]. На аудиенции во дворце сановники сидели на циновках и лишь император — на топчане [там же, 254].

На низеньких деревянных топчанах сидели и спали. Топчан, имевший 3,5 чи (около 82 см) в длину, назывался та (82) и использовался для сидения; аналогичный предмет длиной в 8 чи (около 190 см) — чуан (83) [там же, 256].

Рядом с сиденьем в зале ставили ширму, отгораживавшую часть жилого пространства. Ширмы делали из ткани, натянутой на раму, или из дерева, нередко покрывавшегося лаком и расписывавшегося. Небольшая деревянная ширма, найденная в погребении Мавандуй 1, представляет собой прямоугольную доску (72×58 см) [Чанша мавандуй, 1973, 1, 94].

Спали, подложив под голову подушку (чжэнь) (84) в форме валика. Подушка из Мавандуй 1 (45 см×10,5 см×12 см) набита листьями кумаруны [там же, 71].

Так как, находясь в доме, человек большую часть времени проводил непосредственно на полу, застеленном циновками, входящий снимал обувь. Право подчиненных подниматься во дворец, не оставляя у дверей меча и не снимая туфель, жаловалось императором за особые заслуги.

Однако если находиться в помещении босиком считалось нормой, то показаться без туфель на улице было неприличным и унижало человеческое достоинство. Поэтому снять туфли вне дома означало то же, что снять головной убор: это было равнозначно признанию себя преступником. Древние китайцы четко противопоставляли себя народам, не знавшим обуви.

Большое значение они придавали и манере сидеть. Как и в более раннее время, единственно приемлемой позой считалось подогнуть под себя ноги, как бы становясь на колени, и опуститься на пятки. В такой же позе в ханьское время сидели и на топчане. Сидеть, свесив ноги вниз, считалось неприличным. Сыма Цянь в своих «Исторических записках» приводит случай, когда ханьский император, Лю Бан, принимая у себя во дворце одного из приближенных, сидел на ложе, свесив ноги. По мнению историка, это характеризовало императора как грубого и бесцеремонного человека [Такигава, 1955, 8, 4188].

Совершенно недопустимым считалось сидеть, скрестив ноги или вытянув их вперед. О том же Лю Бане автор «Исторических записок» пишет в другом месте: «Император Гао-цзу сел, вытянув ноги вперед, и разразился бранью» [там же, 4008].

Не менее интересен и показателен пример, имевший место во время пребывания ханьского посла при дворе Чжао То, правителя государства Наньюэ. Чжао То был родом со Среднекитайской равнины, но, став царем юэ, перенял их обычаи. Ханьского посла он принял, «будучи причесан на варварский манер; сидел, вытянув ноги вперед». Посол долго убеждает Чжао То в том, что, в сущности, он был и остается китайцем и поэтому должен быть лоялен к ханьскому императору. Красноречие по-

сла не пропало даром. «Чжао То вдруг поднялся и сел, подогнув под себя ноги. „Я так долго жил среди варваров, что совершенно забыл о правилах этикета“, — стал он извиняться» [Бань Гу, 1964, 7, 2111—2112].

МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ

Среди предметов материальной культуры музыкальные инструменты занимают особое место, будучи теснейшим образом связаны с традициями духовной культуры этноса. Исключительное значение, придававшееся древними китайцами музыке как выражению внутреннего мира человека, определяло и место музыкальных инструментов в общей системе культуры.

Традиционный набор музыкальных инструментов

Уже в чжоуское время сложились устойчивые представления древних китайцев о музыкальных инструментах как о едином комплексе, состоящем из некоторого числа строго определенных элементов. В полном соответствии с общим духом конфуцианской доктрины Сюньцзы, например, связывал основные группы музыкальных инструментов с компонентами вселенной: «Барабаны подобны небу, колокола — земле, литофоны — воде, свирели, флейты и дудки подобны звездам, солнцу и луне...» [Сюньцзы иньдэ, 1950, 77].

Анализ многочисленных упоминаний музыкальных инструментов, встречающихся в «Шицзине», убеждает в том, что приблизительно один и тот же набор их применялся при совершенно различных обстоятельствах: жертвоприношениях, угощении друзей, свадьбе и т. д. В песнях «Шицзина» содержатся отдельные указания на материал, из которого изготовлялись те или иные музыкальные инструменты («Орех и каштан насадил он кругом, и тис, и сумах, и катальпу над рвом — на цитры и гусли их срубят потом» [Шицзин, 1957, 63]). Однако в целом музыкальные инструменты группировались по функциональному признаку — по их месту в составе оркестра.

Здесь отчетливо выделяются четыре группы инструментов: ударные — колокола чжун (85), барабаны гу (86), литофоны цин (87); струнные — цитры цинь (88), гусли сэ (89); духовые — шэн (91), яо (93) и прочие — окарина сюань (95) и бамбуковый инструмент неизвестного звучания чи (96). Последняя группа занимает особое место среди других инструментов, никогда не сочетаясь с ними (табл. 40).

Вопрос о музыке и музыкальных инструментах неоднократно поднимался в трактате «Моцзы». В нем мы находим те же группы инструментов, за исключением последней.

Практически аналогичный набор музыкальных инструментов встречается и в трактате «Сюньцзы» (табл. 41).

Таблица 40

МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ В «ШИЦЗИНЕ»

Инструменты Раздел «Шицзина»	Ударные			Струнные		Духовые		Прочие	
	чжун	гу	цин	цинъ	сэ	шэн	яо	сюань	чи
I.II	+	+		+	+				
I.IV.VI				+	+				
I.VII.VIII				+	+				
I.X.III	+	+			+				
II.I				+	+	+			
II.I.VIII	+	+							
II.III.I	+	+							
II.V.V								+	+
II.VI.IV	+	+		+	+	+	+		
II.VI.V	+	+							
II.VI.VII		+		+	+				
II.VII.VI	+	+				+	+		
II.VIII.V	+	+						+	+
III.II.X								+	+
IV.II.V		+	+						

Таблица 41

МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ В «СЮНЬЦЫ»

Инструменты Раздел «Сюньцзы»	Ударные			Струнные		Духовые					Прочие	
	чжун	гу	цин	цинъ	сэ	юй	шэн	сяо	яо	гуань	сюань	чи
32.27	+	+	+	+	+	+	+				+	
34.62	+	+		+	+	+	+					
70.5	+	+	+	+	+	+	+			+		
74.84				+	+	+	+					
75.122	+	+	+	+	+	+	+					
77.37	+	+	+	+	+	+	+	+	+		+	+
77.39	+	+	+			+	+			+	+	
77.28	+	+	+	+	+			+		+		
86.80	+	+								+		

Состав ханьского оркестра

Если о наборе традиционных музыкальных инструментов доцинского времени мы можем судить прежде всего по данным письменных источников (известные в настоящее время изображения, проливающие свет на интересующий нас вопрос, край-

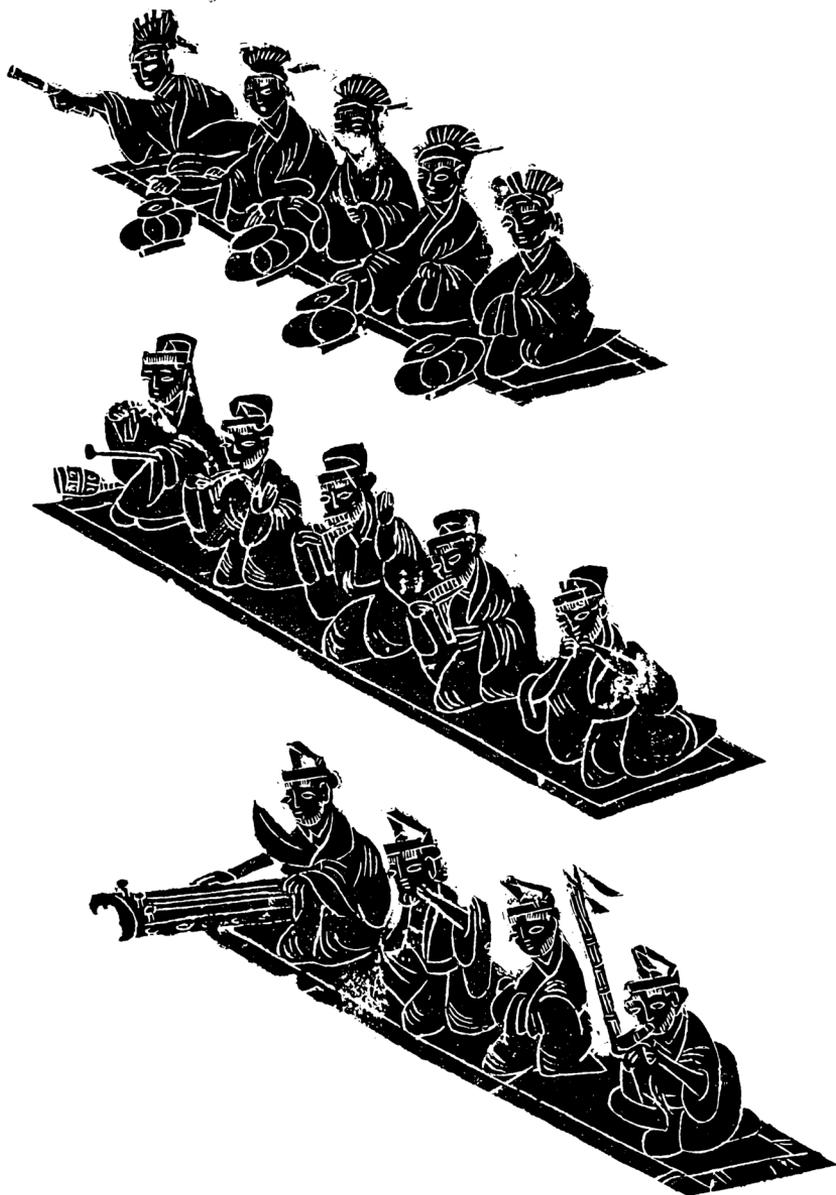


Рис. 49. Оркестр. С ханьского барельефа



Рис. 50. Выступление акробатов. Крашенная терракота

не немногочисленны), то о составе оркестра ханьской эпохи говорят в первую очередь каменные барельефы и фрески. Эти изображения, происходящие из различных районов ханьской империи и относящиеся к разному времени, не вполне аналогичны, однако обнаруживают немало общих черт.

Наиболее полно музыкальные инструменты представлены на барельефах из погребения в Инани (Шаньдун), датируемого III в. н. э. На восточной стене среднего зала погребальной камеры изображены 17 музыкантов, расположенных двумя группами — сверху и снизу. Оркестранты, составляющие нижнюю группу, сидят на трех циновках. На переднем плане — пять девушек, крайняя правая из которых держит в руках небольшую палочку и, по-видимому, дирижирует; перед остальными на полу стоят четыре небольших круглых барабана. На следующей циновке — пять мужчин. Музыкант слева держит у рта маленький, почти незаметный инструмент (вероятно, окарину), другие играют на флейтах Пана, а крайний справа кроме этого бьет в лежащий перед ним плоский колокол. На третьей циновке — четверо музыкантов. Человек справа играет на большом струнном инструменте, один конец которого лежит у него на коленях, другой — на полу. Музыкант рядом с ним держит обе руки у рта, однако определить, на каком инструменте он играет, невозможно. Следующий — сидит, спрятав руки в широкие рукава халата, а его сосед слева играет на шэне (рис. 49).

Верхняя группа состоит из трех человек. Один из них, держа в обеих руках по бите, стоит перед большим барабаном, укрепленным горизонтально на подставке с замысловатыми украшениями из лент. За его спиной установлена рама с подвешенными на ней двумя колоколами; стоящий рядом человек держит закрепленную на ленте или ремне биту и ударяет ею в колокол. Еще дальше на такой же раме подвешено четыре

литофона разных размеров; музыкант с битой в руках сидит на маленькой циновке рядом с рамой.

Большой интерес представляет также глиняное изображение цирковой группы, выступающей под аккомпанемент оркестра. Оно было найдено близ Цзинани, в Шаньдуне, и может быть датировано II в. до н. э. Здесь представлено шесть музыкантов. Стоящий слева бьет в большой барабан на подставке, рядом с ним — рама с двумя колоколами (или литофонами?) и стоящий за нею оркестрант. Далее сидят еще четыре музыканта: один — с маленьким круглым барабаном, следующий — с лежащим на полу струнным инструментом и два — с шэнами (рис. 50).

Наконец, значительной степенью репрезентативности отличаются находки в погребении Мавандуй¹, близ Чанша, датированные, как уже отмечалось, серединой II в. до н. э. В числе сопогребенных предметов там были найдены деревянные фигурки пяти музыкантов. Все они изображены сидящими. Двое из них играют на инструментах типа шэна, трое — на лежащих перед ними на полу струнных инструментах. В том же погребении были обнаружены и сами эти инструменты [Чанша мавандуй, 1973, 1, 100, 102—110].

Сопоставление этих материалов позволяет прийти к выводу, что на всем протяжении ханьской эпохи продолжал употребляться тот же набор музыкальных инструментов, который был характерен для чжоуского времени. Различия в составе оркестра объяснялись, по-видимому, прежде всего материальными возможностями его хозяина: по словам автора трактата «Яньтелунь», у богатых колокола, барабаны, музыкальные инструменты пяти видов и целые капеллы певцов, а люди среднего достатка играют на юе и сэ, для них танцуют девушки из Чжэн и Чжао [Го Можо, 1957, 61]. Не случайно, вероятно, стандартная благопожелательная формула на бронзовых зеркалах, рассчитанная на средние слои общества, включала слова: «Пусть вас окружают юй и сэ, а красавицы прислуживают вам» [Чэнь Чжи, 1957, 83].

Изменения в традиционных музыкальных инструментах начинают проследиваться лишь в конце эпохи Хань. Но отдельные нововведения еще не приводят в это время к перестройке всего состава оркестра, для чего было необходимо по крайней мере еще несколько столетий.

Ударные инструменты

Музыкальные инструменты этой группы отличаются в ханьское время большим разнообразием. Сюда относятся колокола чжун (85), барабаны гу (86), литофоны цин (87).

Колокол — один из древнейших музыкальных инструментов, широко применявшихся предками хуася. Уже в иньское время

несколько бронзовых колоколов различного размера использовались в качестве устойчивого набора. При раскопках иньского кладбища близ Аньяна был, в частности, обнаружен такой набор из трех колоколов. Найденный в Синьяне набор колоколов, датированных концом VI в. до н. э., включал 13 предметов (это же число упоминается и в надписи из того же погребения). Колокола были укреплены на раме высотой 80 см и длиной 242 см. К ним были приложены две деревянные биты в виде молоточка на рукоятке длиной 53 см. Предполагают, что звук извлекался двумя музыкантами, которые вероятнее всего сидели перед рамой на полу.

Способ подвески колоколов не изменился и в ханьское время. Автор «Шимины» сообщает, что вертикальные стойки рамы называются сюнь, а доска, на которой закрепляются колокола,—е [Ван Сяньцзянь, 1937, 2, 328]. Однако число колоколов, использовавшихся в одном оркестре, сократилось: ни на одном изображении мы не видим более двух колоколов на одной раме. Это свидетельствует, надо полагать, об уменьшении удельного веса колоколов в общем наборе музыкальных инструментов.

Литофон цин — не менее древний инструмент, применявшийся уже в иньское время. Иньские литофоны имели треугольную или полукруглую форму; экземпляр, найденный в 1950 г. в Аньяне, по своим очертаниям занимает промежуточное положение между ними, имеет 48 см в длину и 42 см в ширину. В музее Гугун в Пекине хранится набор иньских литофонов, состоящий из трех предметов разного размера. На изображении V—IV вв. до н. э. пять цинов подвешены на одной раме с колоколами; на барельефе в Инани колокола и литофоны помещены на отдельных рамах. В ханьскую эпоху литофоны, как и колокола, использовались лишь в наиболее торжественных случаях, главным образом в дворцовых оркестрах.

Древнекитайские барабаны гу были разнообразны по форме, способу извлечения звука и функциям.

Большие барабаны, закрепленные в горизонтальном положении на подставке (цзянь гу или ин гу), представлены на многих ханьских барельефах. Нередко такой инструмент занимает центральное место в композиции, что, вероятно, объясняется его значительными размерами. Обязательная принадлежность цзянь гу — украшения из лент и перьев, подробно описываемые в ряде ханьских письменных источников. Звук из такого барабана извлекался одним музыкантом с помощью двух бит; некоторые особенно крупные экземпляры требовали усилий двух человек одновременно. Цзянь гу использовались и в военных оркестрах — в этом случае их устанавливали на колеснице. Кроме того, они могли служить сигнальным барабаном: ударами в цзянь гу оповещали о прибытии чиновника в присутственное место или гостей в частную усадьбу.

В ханьское время существовал и другой тип барабана — небольшой круглый инструмент, высота которого была значительно меньше диаметра, его держали в одной руке либо клали перед собой на пол. Барельефы демонстрируют различные способы извлечения звука из таких барабанов, именовавшихся сяо гу: иногда для этого использовались палочки, в других случаях по барабану били пальцами, а кроме того, музыкант мог встать на него и ударять по нему ногой [Чжунго иньюэши, 1956, 6, 6—8].

Наконец, были также небольшие плоские барабаны с рукояткой и двумя шариками на шнурках — тао гу (97). По свидетельству ханьского комментатора, этот инструмент «по форме напоминает барабан, но меньшего размера; если встряхивать его, держа за рукоятку, то расположенные по краям подвески придут в движение и будут ударять в него» [Цыхай, 1948, 1467]. Этот музыкальный инструмент был известен еще Конфуцию, который упоминает о нем в «Луньюе» [Legge, 1940, 1, 338]. Тао гу представлены на многих ханьских изображениях. Любопытно, что чаще всего один и тот же музыкант держал в правой руке тао гу, а в левой — флейту Пана [Чжунго иньюэши, 1956, 6, 5—7].

Струнные инструменты

Оба традиционных древнекитайских струнных инструмента — цитра цинь (88) и гусли сэ (89) — относятся к категории щипковых. Они весьма близки друг к другу по своей конструкции: струны закрепляются на деревянной прямоугольной резонаторной доске.

Древнейшие упоминания об этих двух инструментах содержатся в «Шицзине». Большим ценителем игры на гусях и цитре был Конфуций. В «Луньюе», в частности, рассказывается, что некто Жу Пэй хотел видеть Конфуция, но тот был болен. Когда гость вышел за ворота, Конфуций взял гусли и запел, аккомпанируя себе на них, чтобы Жу Пэй мог услышать его [Legge, 1940, 1, 327]. Широкую известность получила в древности история Не Чжэна, который, намереваясь отомстить правителю царства Хань за смерть своего отца, спрятал в цитре кинжал и проник во дворец под видом музыканта [Чжунго иньюэши, 1956, 5]. Сыма Цянь в «Исторических записках» рассказывает о том, как во время встречи с циньским ваном правитель Чжао играл ему на гусях [Такигава, 1955, 8, 3776]. Из этих свидетельств ясно, что как цитра, так и гусли использовались в древнем Китае для сольного исполнения. Вместе с тем струнные инструменты были необходимой составной частью оркестра.

Помимо изображений цинь и сэ на каменных барельефах сейчас мы располагаем довольно многочисленными находками этих инструментов, относящихся к IV—II вв. до н. э. Подавля-

ющее большинство из них составляют сэ, обнаруженные в погребениях на территории царства Чу периода Чжаньго (табл. 42).

Таблица 42

ЧУСКИЕ ГУСЛИ ИЗ РАСКОПОК НА ТЕРРИТОРИИ ЦАРСТВА ЧУ
(РАЗМЕРЫ, СМ)

Место находки	Год находки	Длина	Ширина	Количество струн	Количество колок
Чанша	1935	103	39	25	4
Чанша	1935	100	?	23	4
Синьян	1957	185	48	25	4
Синьян	1957	124	37	25	4
Синьян	1958	180	47	25	4
Синьян	1958	134	45	25	4
Синьян	1958	187	47	25	4
Цзянлин	1964	67	28	?	4
Цзянлин	1965	116	45	25	4
Цзянлин	1965	86	38	23	4
Чанша	1971	104	42	24	4
Цзянлин	1972	53	27	24	4
Цзянлин	1972	84	45	?	4
Цзянлин	1973	134	?	25	4

Ханьские гусли, найденные в погребении Мавандуй 1, по своим конструктивным особенностям полностью аналогичны чуским. Это и не удивительно. Они, несомненно, являются результатом развития более раннего чуского прототипа. Вместе с тем прекрасная сохранность гуслей из Мавандуя позволяет решить ряд вопросов истории этого инструмента, ранее оставшихся неясными.

Резонатор гуслей из Мавандуя представляет собой прямоугольную деревянную доску размером 116×39,5 см. Поверхность ее несколько выпукла, так что в средней части она имеет 10,8 см в высоту, а по бокам — 8,4 см. В нижней части резонатора во всю его длину вставлена дощечка толщиной около 1 см, закрепленная шипами. В правой части резонатора находится шу юэ длиной 40,4 см, а за ним — 25 отверстий для струн. На противоположной левой стороне — три вэй юэ. Средний из них равен 11 см, за ним находится семь отверстий для струн; для других вэй юэ имеют 14 см в длину, и им соответствует по девять отверстий. Правее находятся четыре колка для подтягивания струн (рис. 51).

Таким образом, гусли из Мавандуя, как и абсолютное большинство известных нам чуских инструментов, имели 25 струн, что совпадает с данными письменных источников. В чжоуское время существовали и 23-струнные гусли, но они представляли собой исключение из общего правила.

Большое значение для описания гуслей из Мавандуя имеет тот факт, что тут впервые оказалось возможным установить расположение чжу.

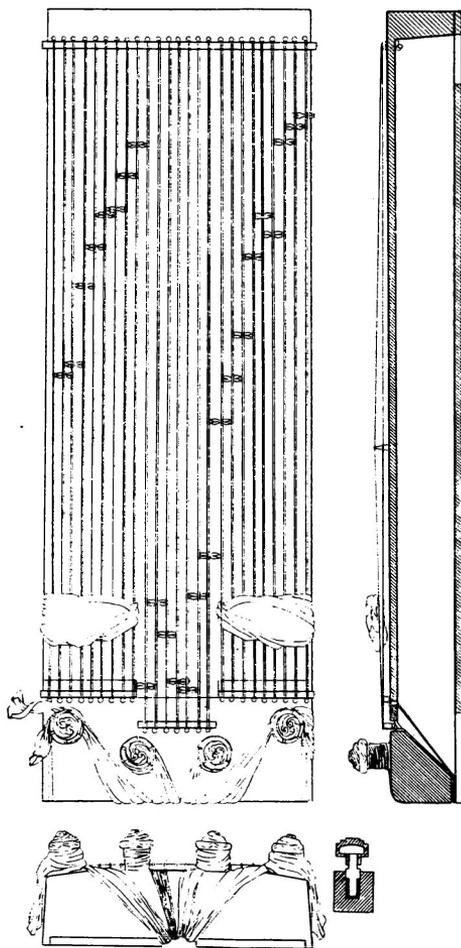


Рис. 51. Гусли из Мавандуя

положен специальный язычок, который и является звучащим элементом инструмента.

Как указывают письменные свидетельства, в древности резервуар подобных язычковых инструментов делался из высушенной тыквы, отчего они и относились к категории «тыквенных» (в общей сложности существовало восемь видов материалов для изготовления музыкальных инструментов: камень, металл, шелк, кожа, дерево, бамбук и тыква). Однако юй, найденный в погребении Мавандуй 1, имеет деревянный резервуар, что характерно и для более поздних инструментов этого типа [Чанша мавандуй, 1973, 1, 107].

Юй из Мавандуя имеет 22 бамбуковые трубки толщиной

Наконец, фигурки музыкантов с миниатюрными моделями гуслей, обнаруженные в том же погребении, позволяют составить конкретное представление о том, как играли на этом инструменте. Музыкант сидел, вытянув руки над лежащими перед ним гуслями, и перебирал струны указательными пальцами (рис. 52). Иное положение инструмента зафиксировано на нескольких барельефах позднеханьского времени: там один конец его лежит на коленях исполнителя, другой же касается пола.

Духовые инструменты

Духовыми мы условно называем здесь все музыкальные инструменты, звучащие под воздействием создаваемого ртом исполнителя потока воздуха. Важнейшее место среди них занимают чрезвычайно специфичные язычковые инструменты юй (90) и шэн (91). Это комбинация воздушного резервуара и нескольких трубок различной длины. В

нижней части трубки распо-

8 мм и длиной от 14 до 78 см. Трубки расположены в два ряда, причем две наиболее длинные — посередине. В верхней части этих двух трубок привязаны шелковые ленты (рис. 53). Это характерная деталь, прослеживающаяся также на нескольких изображениях таких инструментов. По данным письменных источников, единственным отличием инструментов типа шэн и юй были их размеры (длина юй могла достигать до 4 чи 2 цуней, что составляет около 1 м; шэн был значительно меньше) [там же].

Кроме язычковых инструментов в Хань, как и прежде, были распространены также флейты и свирели. О флейте Пана уже упоминалось выше. Некое подобие ее обнаружено в погребении Мавандуй 1: в матерчатом чехле находились 12 бамбуковых трубок [там же, 109—110].

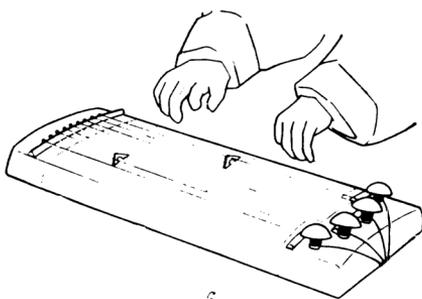


Рис. 52. Способ игры на ханьских гусях

Заимствованные музыкальные инструменты

Таким образом, набор музыкальных инструментов, имевший распространение в эпоху Хань, был традиционным, сложившимся задолго до III в. до н. э. Наряду с этим в первых веках нашей эры в результате интенсивных контактов древних китайцев с соседними этническими группами в Китай проникают новые, ранее здесь совершенно неизвестные инструменты, постепенно завоевывавшие все большую популярность.

В словаре «Шимин» есть упоминание о щипковом струнном инструменте под названием пипа (98). Само это название кажется необычным: для древнекитайского языка двусложные слова были нехарактерны. Автор словаря объясняет происхождение слова звукоподражанием [Ван Сяньцзянь, 1937, 2, 330]. Вероятно, это древнекитайская транскрипция иноязычного слова. В «Шимине» отмечается, что пипа первоначально была «варварским» инструментом и на ней играли, сидя на лошади. Пипа не встречается ни на одном ханьском изображении с традиционным составом оркестра. Лишь на фресках из погребения в Цзягугуани, датируемых III в. н. э., есть сцена с изображением этого инструмента.

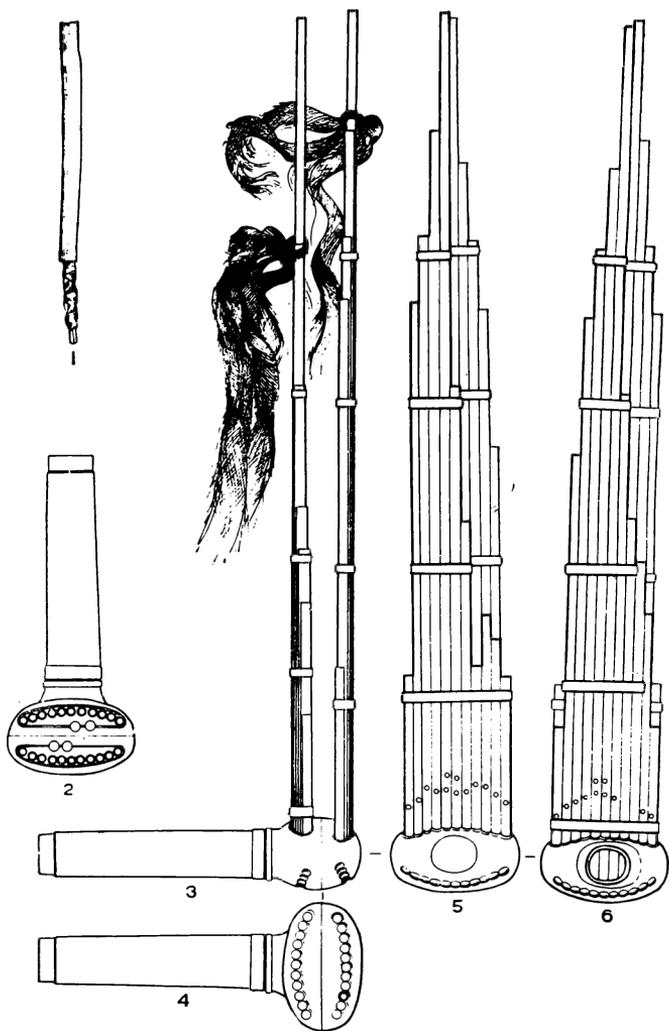


Рис. 53. Юй из Мавандуя

Одновременно с пипой древние китайцы познакомились со струнным инструментом, широко распространенным в ту эпоху на Ближнем Востоке и в Средней Азии — кунхоу (99). Это подобие арфы: струны натянуты у нее на изогнутую раму. В «Шимине», где встречается одно из первых в древнекитайской литературе упоминаний инструмента, нет подробностей, связанных с его устройством. Однако уже спустя одно-два столетия кунхоу прочно входит в быт древних китайцев. Обучение игре на кунхоу стало в III—IV вв. обязательным элементом до-

машного воспитания девочек (наряду с обучением ткачеству и пр.).

Еще один музыкальный инструмент, появившийся в Китае на грани нашей эры, также имел иноэтническое происхождение — поперечная флейта ди, именуемая в источниках цянской. Единственное известное в настоящее время изображение этого инструмента, включенного в ансамбль вместе с гусями, шэном, флейтой Пана и барабаном тао гу, представлено на каменном барельефе из Шаньдуна, датированном 86—87 гг. н. э. [Чжунго иньюэши, 1956, 6].

ПИСЬМЕННЫЕ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

Среди многих диковинных вещей, с которыми древние китайцы познакомились после «открытия» Западного края во II в. до н. э., было то, что в Парфии и соседних с ней странах «пишут на коже, причем строки идут в сторону» [Бань Гу, 1964, 12, 3890]. Это было удивительно и совсем не похоже на казавшиеся единственно возможными способы письма, сложившиеся в древнем Китае задолго до ханьской эпохи.

Материалы для письма

Бамбуковые или деревянные таблички, шелк, бумага — таковы три основных вида материалов, использовавшихся для письма в III в. до н. э.—III в. н. э. древними китайцами. Дерево было древнейшим из них.

Уже в иньских надписях мы встречаем знак, изображающий несколько длинных и тонких планок, связанных вместе. В X—IX вв. до н. э. на таких планках записывались приказы правителя, которые зачитывались во время церемонии награждения или назначения на должность [Го Можо, 1958, 7, 79, 80, 88, 100 и др.]. Древнейшие образцы планок для письма были обнаружены близ Чанша (1952—1953), а затем в Синьяне (1957 г.). Они датируются V—III вв. до н. э. [Ли Сюэцин, 1956, 48; Вого каогу, 1957, 22]. Кроме того, в 1965 г. в Цзянлине (провинция Хубэй) были найдены хорошо сохранившиеся тексты на аналогичных планках того же времени.

Многочисленные находки ханьских текстов на деревянных и бамбуковых планках дают достаточное представление об использовании этого материала для составления документов и рукописных копий книг.

Как сообщает Ван Чун, для изготовления бамбуковых табличек стебель распиливали на куски необходимой длины, а затем полученные таким образом трубки раскалывали на планки [Ван Чун, 1934, 1, 222]. После этого необходимо было соскоблить верхний слой и высушить готовые таблички на огне, чтобы удалить из них лишнюю влагу. Длина табличек зависела

от того, для какой цели они использовались. В «Яньтелуне» сообщается, что указы и распоряжения записывались на планках длиной в 2 чи 4 цуня «как в древности, так и сейчас» [Го Можо, 1957, 105]. Именно такую длину имели и таблички из Увэя, на которых был переписан текст трактата «Или» — в среднем 55,5—56,0 см [Увэй, ханьцзянь, 1960, 32]. В то же время планки с изложением императорских указов, найденные там же, были длиной 23—24 см [Ганьсу увэй, 1960, 22], что соответствует свидетельствам письменных источников: ханьский Вэнь-ди, например, послал сюннускому шаньюю письмо «на табличках длиной в 1 чи 1 цунь» [Бань Гу, 1964, 11, 3760].

Табличка обычно имела около 1 см в ширину. Иероглифы писали на ней в одной вертикальной строке. На планке длиной в 2 чи 4 цуня помещалось в среднем 60 знаков. Если текст был достаточно длинным, требовалось несколько планок, которые соединяли между собой завязками из кожи, шелковых нитей или пеньковой бечевки. В зависимости от длины планок таких завязок могло быть 5, 4 или 3. При этом сначала писали текст, а затем уже связывали планки или сначала связывали планки, а затем уже писали текст, отступая от места соединения. Готовый текст свертывался (рис. 54).

Позже, чем деревянные и бамбуковые планки, в качестве материала для письма в древнем Китае стали использовать шелк. Но уже в VI—V вв. до н. э. бамбук и шелк начинают упоминаться вместе: в трактате «Моцзы», например, говорится о том, что «записанное на бамбуке и шелке станет известным потомкам в последующих поколениях» [Моцзы иньдэ, 1948, 51]. Наиболее ранним из известных в настоящее время древнекитайских текстов на шелке является сочинение ритуально-магического содержания, найденное в 1942 г. близ Чанша. Оно датируется периодом Чжаньго.

Во время раскопок раннеханьского погребения Мавандуй 3 было обнаружено большое количество текстов на шелке, представляющих собой списки различных сочинений доциньского времени. Характерно, что по форме они копируют тексты на бамбуковых табличках; в частности, куски шелка шириной около 18 см предварительно разграфлены красными полосами на вертикальные строки шириной 6—7 мм [Чанша мавандуй эрсань хао, 1974, 42].

По традиции изобретение бумаги приписывается Цай Луню, жившему во II в. н. э. Между тем в 1957 г. в раннеханьском захоронении близ Сиани были найдены древнейшие в Китае образцы бумаги, датируемые II—I вв. до н. э. Первое упоминание о том, что бумага стала использоваться в качестве материала для письма, встречается в «Ханьшу» [Бань Гу, 1964, 12, 3991, 3992, примеч. 10]. При раскопках остатков пограничных крепостей в Цзюйяне и Дуньхуане были найдены документы, написанные на бумаге [Чэнь Чжи, 1963, 41].

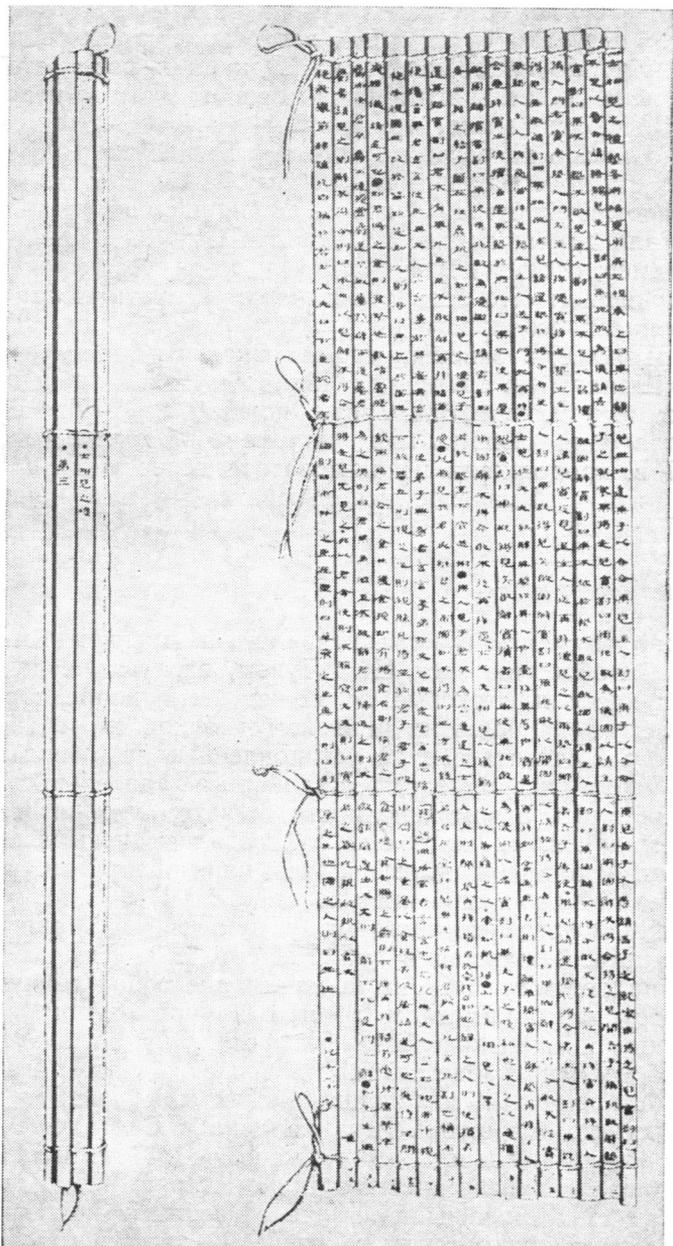


Рис. 54. Глава трактата «Или». Из находок в погребении близ Увэя

В свете этих данных становится очевидным, что Цай Лунь отнюдь не «изобрел» бумагу. Он, вероятно, лишь усовершенствовал технологию ее производства. Однако и после этого бумага в течение длительного времени не могла вытеснить дерево и шелк. Здесь сказалась, по-видимому, сила традиции: более дешевая бумага в качестве материала для письма получила во II—III вв. распространение главным образом в менее состоятельных слоях общества. Знать и чиновничество по-прежнему предпочитали традиционные материалы. Цуй Ай (77—142) писал, например, своему другу о том, что посылает ему рукопись одного сочинения: «По бедности я не мог достать шелка и поэтому переписал его просто на бумаге» [Ван Мин, 1955, 57]. В 121 г. Чжоу Цин завещал своим сыновьям переписать одну из глав «Шаншу» на табличках длиной в 2 чи 4 цуня и положить ее в могилу отца [Ван Сяньцзянь, 1959, 2, 1379]. Что касается составления официальных документов, то для этого до конца III в. продолжали использоваться деревянные или бамбуковые планки. Массовое использование бумаги начинается лишь в IV—V вв.

Нож и кисть

Подобно тому как бумага появилась в древнем Китае задолго до «изобретения» ее Цай Лунем, заслуга первого употребления кисти для письма не может быть, вопреки существующей легенде, приписана циньскому полководцу Мэн Тяню. Сейчас можно считать твердо установленным, что кисть существовала уже в иньскую эпоху. Надписи на гадательных костях сначала делались с помощью кисти, а затем уже вырезались. находка надписи, знаки в которой остались невырезанными, показывает, что иньцы пользовались для письма не твердым стилем, а мягкой волосяной кистью.

В 1954 г. в погребении периода Чжаньго близ Чанша была найдена кисть, лежавшая в гробу вместе с другими письменными принадлежностями. Она представляла собой тонкую бамбуковую трубочку диаметром 0,4 см и длиной 18,5 см, рабочая часть длиной 2,5 см — из заячьей шерсти. Она была закреплена поверх трубочки, а не вставлена в нее, как это обычно делается в современных китайских кистях для письма. Вторая кисть доциньского времени была найдена в Синьяне.

Первая ханьская кисть обнаружена в 1931 г. в Цзюйяне. Она сделана из дерева: четыре тонко оструганных щепочки длиной 20,9 см соединены по длине с помощью круглого колпачка, надетого на них с одного конца. С другого между ними вставлена рабочая часть длиной 1,4 см, закрепленная с помощью обвязки. Поверх нее для прочности нанесен слой лака. Приблизительная датировка — I в. н. э.

Новые находки ханьских кистей были сделаны в Увэе в



Рис. 55. На уроке. С ханьского барельефа

1957 и 1972 гг. Оба обнаруженных здесь экземпляра практически почти не отличаются друг от друга. Они сделаны из сплошного кусочка дерева, а не составлены из четырех частей, как цзюйяньская кисть. Длина ее без рабочей части — 20,9 и 21,9 см. Кончик кисти имеет правильную конусообразную форму, вставлен в углубление деревянной части, обмотан шелковой нитью и закреплен слоем лака.

Одна из последних находок ханьских кистей связана с раскопками погребения Фэнхуаншань 168 в Цзянлине. В обнаруженном здесь наборе письменных принадлежностей присутствует кисть, сделанная из бамбука и положенная в бамбуковый футляр. Длина кисти — 24,8 см.

Эти находки показывают, что длина писчей кисти была в ханьскую эпоху стандартизирована. Они подтверждают высказывание Ван Чуна о том, что способному человеку кроме языка длиной в 3 цуня нужна еще «кисть длиной в 1 чи» [Ван Чун, 1934, 1, 232].

Качество кисти в значительной мере определяется тем, из чего сделана ее рабочая часть. В ханьское время славилась заячья шерсть из наследственного владения Чжао (об этом упоминает знаменитый каллиграф IV в. Ван Сичжи в своем сочинении «Канон кисти»). В цзюйяньских документах упоминается «кисть из Хэнэя»; на этом основании Чэнь Чжи делает

вывод, что округ Хэнэй также был известен производством кистей [Чэнь Чжи, 1963, 42]. Мастера, изготавливавшие кисти, зачастую ставили свое имя на готовой продукции. Подобная «реклама фирмы» обнаружена на кистях из Увэя. На одной из них написано: «Сделано Шиху»; на другой: «Сделано Байма».

В древнекитайских письменных источниках писчая кисть часто упоминается вместе с ножом. «Нож и кисть» — образное выражение для обозначения чиновника. Действительно, нож был в древнем Китае столь же необходимым предметом для письма, как и кисть. Поскольку основным материалом для письма было дерево, ошибки в написанном кистью исправлялись путем подчистки ножом. Поэтому в завещании Чжоу Цина помимо текста «Шаншу», переписанного на бамбуковых планках, упоминаются также «нож и кисть», которые он просил положить ему в гроб [Ван Сяньцзянь, 1959, 2, 1379].

Нож, используемый в качестве принадлежности для письма, в ханское время чаще всего носили на поясе. На каменном барельефе из Чэнду изображена сцена преподавания канона. Учитель сидит на возвышении, вокруг него — шесть учеников. В руках они держат свернутые планки для письма, а у одного из них на поясе — нож с кольцеобразной рукояткой (рис. 55).

Такой нож представлен наряду с прочими письменными принадлежностями в числе предметов, положенных в погребение Фэнхуаншань 168. Он имеет 22,8 см в длину (лезвие — 13,9 см, рукоятка — 8,9 см), на конце рукоятки — кольцеобразное навершие. По форме он почти не отличается от ножа, найденного в шкатулке с женскими косметическими принадлежностями, из погребения Мавандуй 1 [Чанша мавандуй, 1973, 1, 128—129].

Помимо таких обычных ножей, изготавливавшихся из бронзы, в эпоху Хань имели распространение и более ценные письменные принадлежности этого типа, производством которых славился округ Шу. Бань Гу сообщает, что Вэнь Вэн был родом из Шу, своим ученикам он подарил писчие ножи местного производства. Комментатор поясняет, что здесь имеются в виду так называемые «ножи с золотой лошадью»: их рукоятка инкрустирована золотом в виде силуэта лошади [Бань Гу, 1964, 11, 3625, 3626]. «Ножи с золотой лошадью» упоминаются и в специальном эссе, принадлежавшем кисти Ли Юаня, автора II в. Он сообщает о том, что такие ножи изготавливались из высококачественной стали, украшались золотым изображением лошади и имели надпись с указанием имени мастера. Несколько таких предметов сохранилось в коллекциях любителей древности. Два из них имеют дату (16-й год правления Юн-юань, т. е. 104 г.) и указание на то, что они сделаны в казенных мастерских округа Гуанхань [Сяосяо цзингэ, 1935, 14, 7]. Почти полностью аналогичный экземпляр был найден в 1957 г. в Сычуани. Это железный нож длиной 18,5 см и шириной 1,5 см. На

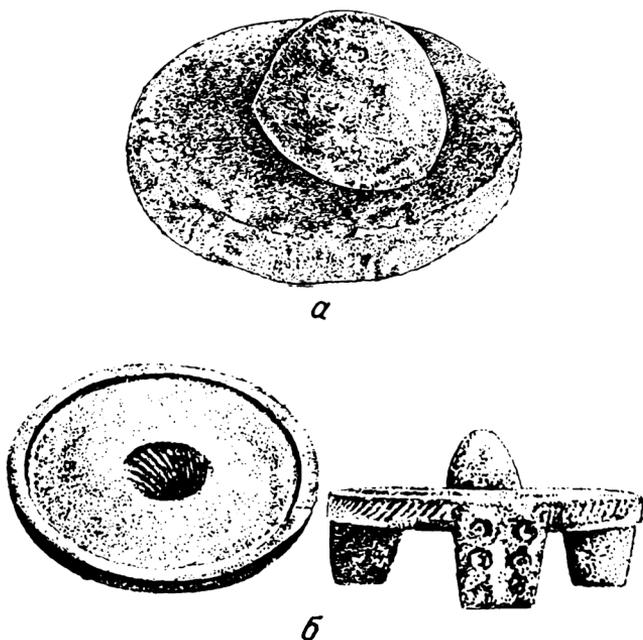


Рис. 56. Ханьские тушечницы

лезвии с одной стороны — надпись, инкрустированная золотой нитью, с другой — выполненное в той же технике изображение парящих птиц. Из надписи явствует, что нож изготовлен в казенной мастерской округа Гуанхань в 7-м году правления Гуан-хэ (184 г.).

Тушь и тушечница

Хотя вопрос о том, когда в древнем Китае стала применяться тушь, остается спорным, несомненно, что надписи на деревянных и бамбуковых планках периода Чжаньго, обнаруженные в Чанша и Синьяне, выполнены тушью.

Насколько можно судить по источникам ханьского времени, применявшаяся тогда тушь была двух видов. Во-первых, в качестве таковой использовали каменный уголь (о такой «каменной туши» сообщается, что она добывается в столичной области, близ Чанъани, и идет на рынке по 800 монет за 1 дань [Чэнь Чжи, 1963, 41]. Во-вторых, уже во II—III вв. тушь изготовляли из сажи, получаемой от сжигания сосновых дров. Во всяком случае, в одной из од Цао Чжи говорится, что «тушь получают из дыма зеленых сосен» [там же]. Считалось, что для производства туши особенно хороши сосны, растущие по склонам гор Чжуннаньшань. Подробнейший рецепт изготовления

туши, восходящий, по всей видимости, к позднеханьской эпохе, приводит в своем сельскохозяйственном сочинении «Циминь яошу» автор V в. Цзя Сысе.

Как первый, так и второй вид туши применялся в виде небольших кусочков или палочек, которые необходимо было растереть на специальном приспособлении. Поэтому тушечница наряду с кистью и ножом была неотъемлемой частью набора письменных принадлежностей.

Тушечница из погребения Фэнхуаншань 168 представляет собой круглый диск толщиной 1,5—1,6 см, диаметром 9,5 см, изготовлена из мелкозернистого песчаника. Камень для растирания туши — галька, сточенная с одного конца. Этот тип тушечницы представлен и в инвентаре других ханьских погребений. Почти совершенно аналогичный предмет был найден в Лояне, хотя датируется он восточноханьским временем, а не началом Западной Хань, как тушечница из Цзянлина (рис. 56).

Наряду с этим среди многочисленных тушечниц ханьской эпохи, открытых за последние годы в раскопках, встречаются предметы, имевшие не только утилитарное значение, но рассматривавшиеся явно как произведения искусства. Таковы тушечницы с крышками в виде различных животных (например, черепахи). К числу лучших образцов относится бронзовая позолоченная тушечница в виде жабы из маньчэнской гробницы.

Из рассмотренного выше материала очевидно, что в эпоху Хань происходили существенные изменения в традиционном наборе письменных принадлежностей, сложившемся несколькими столетиями раньше. Эти изменения были вызваны прежде всего появлением нового материала для письма — бумаги. Хотя обычай писать сверху вниз и справа налево, обусловленный длительным применением деревянных или бамбуковых планок, был перенесен на новый материал, однако специфика последнего сделала ненужным такой прежде необходимый предмет традиционного набора письменных принадлежностей, как нож. Начиная с ханьского времени постепенно формируется новый набор, получивший впоследствии название «четыре драгоценности, используемых для письма»: бумага, тушь, кисть, тушечница.

БЫТОВЫЕ АСПЕКТЫ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ



ОБРЯДЫ ЖИЗНЕННОГО ЦИКЛА

Превращение конфуцианства в официальную государственную идеологию в значительной мере способствовало канонизации тех сторон традиционного общественного быта, которые рассматривались сторонниками этого учения в качестве основополагающих, фундаментальных характеристик этнической сущности хуася. К их числу относилась и обрядовая сторона древнекитайской культуры. Абсолютизируя роль обрядов и ритуалов, конфуцианские мыслители видели в них основной регулятор взаимоотношений между людьми в обществе, с одной стороны, и рычаг, с помощью которого идеальный правитель способен умиротворить Поднебесную, — с другой.

Было бы ошибкой полагать, что конфуцианская идеальная модель и социальная реальность ханьского времени полностью совпадали между собой. Но несомненная конфуцианизация духовной культуры древних китайцев начиная со II в. до н. э. составляла одну из важных особенностей эпохи. Это отчетливо прослеживается на примере двух важнейших обрядов жизненного цикла — свадьбы и похорон.

Свадьба

Когда чиновник Жэнь Янь был назначен на должность в один из южных округов империи, населенный племенами лаквьетов, он с изумлением обнаружил, что местные жители не имеют представлений о «правильных» брачных обычаях. Движимый стремлением приобщить их к нормам конфуцианской нравственности и морали, Жэнь Янь распорядился, чтобы «все мужчины в возрасте от 20 до 50 лет и женщины от 15 до 40 лет вступали в брак сообразно своему возрасту» [Ван Сяньцзянь, 1959, 4, 2698]. Между тем вопрос о том, в каком возрасте молодым людям следует вступать в брак, был в то время предметом оживленной дискуссии среди знатоков обычаев старины.

Ван Чун писал, что, хотя брачным возрастом мужчины считалось достижение им 30 лет, а женщиной — 20, фактически это правило постоянно нарушалось [Ван Чун, 1934, 2, 72]. Так, император Хуань-ди женился в 16 лет [Вань Сяньцзянь, 1959, 1, 278], а Лин-ди и Сянь-ди — даже в 15 [там же, 314, 351]. Нередки были и случаи, когда девушки выходили замуж в 13 лет [там же, 382]. Распространившаяся в обществе практика заключения ранних браков встречала осуждение со стороны поборников ортодоксального конфуцианства. Ван Цзи, в частности, утверждал: «Супружество — важнейшее основание человеческой морали, причина преждевременной смерти или долголетия. Сейчас принято слишком рано выходить замуж и жениться. Но если человек имеет детей, сам еще не постигнув пути родителя, он не сможет наставлять своих потомков, и это приведет к преждевременной гибели» [Бань Гу, 1964, 10, 3064].

Решение о вступлении в брак принималось родителями, причем инициатива чаще всего принадлежала отцу жениха. Сделав выбор, будущий свекор сам или через посредника обращался к родителям девушки за согласием на ее брак. Иногда, впрочем, бывало и наоборот. Так произошло, в частности, с первым ханьским императором, Гао-цзу, когда он и не помышлял еще о своей будущей карьере. «Люй-гун обладал даром физиономиста. Лишь увидев Гао-цзу, он стал относиться к нему с величайшим уважением. Однажды он пригласил Гао-цзу к себе домой и усадил на почетное место. Когда все немного опьянели, Люй-гун стал настойчиво предлагать Гао-цзу посидеть еще немного. Вино кончилось, и Люй-гун сказал: «Я с малолетства определяю достоинства людей по их внешнему виду, и немало их уже прошло перед моими глазами. Но ни один не обладает такими качествами, как вы! Мне хотелось бы, чтобы вы сами оценили себя. У меня есть дочь, и я хочу, чтобы она стала вашей служанкой, держащей в руках совок и метелку». После выпивки жена Люй-гуна набросилась на него: «Раньше ты говорил, что твоя дочь обладает необыкновенными талантами и ее нужно выдать за богатого. Начальник уезда ценит тебя и посватался к дочери, а ты не отдал ее. Почему же ты сейчас сам столь безрассудно обещал ее Люй Цзи?» — «Женщине этого не понять», — отвечал Люй-гун и отдал дочь за Гао-цзу. Так дочь Люй-гуна стала императрицей Люй-хоу» [Бань Гу, 1964, 1, 3—4].

Столь же необычным было сватовство известного деятеля начала III в. до н. э. Чэнь Пина, который был беден, но приглянулся будущему тестю [там же, 7, 2038]. Так или иначе, слово родителей имело решающее значение, и без их согласия свадьба не могла состояться. Поэтому открытым вызовом традиции была история любви поэта Сыма Сянжу и красавицы Чжо Вэньцзюнь, бежавшей из отчего дома со своим избранником [там же, 8, 2530].

Выбор невесты определялся в ханское время несколькими критериями: внешним обликом [там же, 11, 3635], происхождением [там же, 3738], богатством [там же, 7, 2038] и т. д.

Когда выбор был сделан, начиналась подготовка к свадьбе. Прежде всего полагалось послать подарки родителям невесты. Соображения престижа требовали, чтобы подарки были обильны и разнообразны. Если глава семейства занимал чиновничью должность, он преподносил тридцать различных предметов, включавших мясо, вино, шелк и пр. [Ян Шуда, 1934, 11—12]. Каждый подарок завертывался отдельно и снабжался специальной благопожелательной надписью.

Вслед за поднесением подарков родственники жениха осведомлялись об имени невесты: его они до этого могли и не знать. Узнать, как зовут девушку было немаловажно, потому что по имени с помощью гадания устанавливали, нет ли препятствий к браку. Затем по гороскопу определялась дата свадьбы, после чего семья невесты снова получала подарки. Яркое описание сватовства и подготовки к брачной церемонии мы находим в «Песне о жене Цяо Чжунцина»:

Встает поспешно с места сват довольный
И, соглашенье снова подтвердив,
К правителю торопится с ответом:
«Я, недостойный, выполнил приказ.
К вступлению в брак судьба благоприятна».
Правитель в радости большой глядит
В календари и памятные книги:
«Удачная свадьба в этой же луне —
Шесть соответствий точно совпадают.
День свадьбы выпал на тридцатый день,
И до него всего три дня осталось.
Пусть к свадьбе приготовится жених».
В тюки огромные кладут подарки —
Как туча черная, гора тюков.
Их нагружают в парусные лодки,
Рисованные птицы на бортах,
Над лодками — с драконами знамена,
И лодки медленно плывут вперед.
В повозках золотых из яшм колеса,
Стучат копыта вороных коней,
Узорною резьбой покрыты седла,
Везут монеты в связках без числа,
Нанизаны на шелковые нити.
Везут золототканые шелка,
Отборных рыбных яств купить послали
По всем окрестным рынкам и торжкам...»
[Юэфу, 1959].

Тщательно готовились к церемонии проводов невесты из отчего дома. Тем временем в доме жениха собирались гости, пришедшие поздравить молодых. Для собравшихся устраивалось богатое угощение с мясом и вином, требовавшее огромных расходов. Нередки были случаи, когда родителям жениха приходилось залезать в долги, лишь бы пригласить на свадьбу «полную залу гостей» [Бань Гу, 1964, 7, 2038]. Поэтому многие дея-

тели ханьского времени выступали против соблюдения установившихся в обществе свадебных обычаев. Во время дискуссии между конфуцианцами и легистами, развернувшейся при дворе в 80 г. до н. э., последние высказывали мысль о том, что по соображениям престижа во время свадьбы «богатые стремятся превзойти других, а бедные не хотят отставать от богатых» [Го Можо, 1957, 57]. Вопрос этот приобрел столь значительную остроту, что в 56 г. до н. э. император Сюань-ди был вынужден обнародовать специальный рескрипт, посвященный проблеме свадебного ритуала.

«Церемония бракосочетания — одно из важнейших проявлений норм поведения людей, — объявлял Сюань-ди, — а свадьба с вином и угощением — это то, с помощью чего осуществляется этот ритуал. Между тем некоторые высшие чиновники в округах и наследственных владениях по собственному произволу вводят строгие ограничения свадебного обряда. Они запрещают народу устраивать угощения и выпивку для гостей, пришедших поздравить новобрачных, и тем нарушают простонародные обычаи. Лишать подданных радости не значит настаивать их на путь. Запрещая вводить эти чрезмерные ограничения!» [Бань Гу, 1964, 1, 265].

Похороны

Не менее острое столкновение мнений вызывали в ханское время обычаи, связанные с погребальным обрядом. Достаточно сказать, что императоры неоднократно обращались к этой проблеме в специальных рескриптах: Чэн-ди в 13 г. до н. э. [Бань Гу, 1964, 1, 324—325], Гуан У-ди в 31 г. н. э. [Ван Сяньцян, 1959, 1, 49], Мин-ди в 69 г. [там же, 107], Чжан-ди в 77 г. [там же, 130], Хэ-ди в 99 г. [там же, 175], Ань-ди в 107 г. [там же, 199] и в 118 г. [там же, 207].

Суть вопроса сводилась к тому, что похороны, так же как и свадьба, требовали больших — для многих непосильных — расходов. Опровергая доводы конфуцианцев о том, что существующий погребальный ритуал освящен мудростью великих правителей прошлого, легисты подчеркивали существенные различия в этом отношении между древностью и современностью. «В древние времена, — говорится в „Яньтелуне“, — гробом служил глиняный сосуд, способный только-только вместить тело усопшего. Если же хоронили в деревянном гробу, то доски едва скрывали останки, пряча от взоров людей волосы и зубы покойника. Затем стали делать внешние гробы из тунгового дерева, но не покрывали их тканью, стали использовать расписные внутренние гробы, но не украшали их резьбой. Ныне же богатые обивают стены склепа вышитыми тканями и делают на них надписи, люди среднего достатка готовят внешний гроб из катальпы, а внутренний — из камфарного дерева, бедняки же кладут

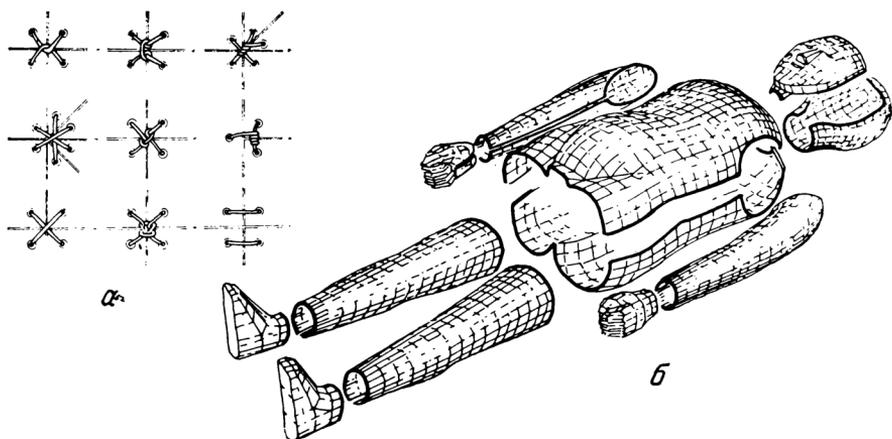


Рис. 57. «Яшмовые одежды»

в погребение шелковую одежду, узорчатые мешочки и яркие узлы с утварью» [Го Можо, 1957, 61]. Таким образом, погребальный обряд отражал в ханьское время социальное положение усопшего.

После смерти тело покойника клали на землю и совершали омовение [Бань Гу, 1964, 11, 3716], а затем начинали обрядовать его. Некто Лян Шан, чувствуя приближение конца, завещал своему сыну: «Когда я испущу дух, обрядите меня в одежду, которую я носил при жизни, и сверх этого больше ничего не шейте» [Ян Шуда, 1934, 78]. Из этих слов можно сделать вывод, что обычно для покойника шили специальную погребальную одежду (выше уже упоминалось о запахивающихся налево халатах си, предназначенных для обрядования усопших).

Затем тело умершего «обертывали шелковой тканью и связывали руки и ноги» [Бань Гу, 1964, 9, 2908]. Раскопки погребения Мавандуй 1 показали, что под этим имелось в виду: тело захороненной там женщины поверх двух халатов было обернуто 18 слоями материи, а затем завязано узкой полосой ткани [Чанша мавандуй, 1973, 1, 28—30].

Особый случай обрядования покойника заключался в том, что вместо савана использовали особые «яшмовые одежды». Упоминания о них дошли до нас в ряде письменных источников, где описывался погребальный ритуал императора или его ближайших родственников. Первая находка таких «яшмовых одежд» была сделана в Маньчэне (Хэбэй) в 1968 г. Тело захороненного там Лю Шэна, наследственного правителя царства Чжуншань (сына императора Цзин-ди), было облачено в подобие панциря, изготовленного из яшмовых пластинок. Он состоял из двенадцати отдельных частей (рис. 57). В общей сложности было использовано более двух тысяч пластин раз-

личной формы, соединенных между собой золотой проволокой. Аналогичное одеяние было на супруге Лю Шэна, похороненной в том же склепе [Маньчэн ханьму, 1972; Сапон, MacGuitty, 1973, 8—24]. Еще один комплект «яшмовых одежд» был найден в 1973 г. в уезде Динсянь (провинция Хэбэй), также на территории ханьского наследственного владения Чжуншань. В связи с этим высказывалось предположение, что «яшмовые одежды» были предметом пожалования со стороны императора, так как в «Хоуханьшу» говорится: «Правителей наследственных владений... хоронят в яшмовых одеждах, скрепленных серебряными нитями» [Ван Сяньцзянь, 1959, 5, 3559].

Исключительное значение придавалось размерам, материалу и украшениям внутреннего и внешнего гробов. Нередко тело покойного помещали в несколько внутренних гробов, отличавшихся друг от друга размерами и характером росписи. В качестве примера можно указать на погребение Мавандуй 1, где внутренних гробов было в общей сложности четыре (табл. 43).

Таблица 43

РАЗМЕРЫ ВНУТРЕННИХ ГРОБОВ ИЗ ПОГРЕБЕНИЯ
МАВАНДУИ 1, СМ

Номер гроба	Длина	Ширина	Высота	Толщина крышки	Толщина стенок
1	295	150	144	15	11
2	256	118	114	13	11
3	230	92	89	13	11,5
4	202	69	63	13	9,5

При этом гроб № 1 был покрыт одноцветным черным лаком, № 2 — росписью по черному фону, № 3 — росписью по красному фону, а № 4 — обит узорчатой материей.

В день похорон в доме покойного собирались родственники и близкие. Присутствие детей на траурной церемонии было обязательным; если сын в момент смерти отца или матери находился где-нибудь в другом месте, он обязан был вернуться домой [Бань Гу, 1964, 9, 3007]. Возвращались домой и замужние дочери [там же, 8, 2414]. Проститься с покойным приходили его друзья [там же, 10, 3085]. При этом как женщины, так и мужчины должны были громко оплакивать усопшего [там же]. После этого для всех присутствующих устраивалось угощение [Го Можо, 1957, 61].

Затем гроб с телом покойного ставили на повозку, и траурный кортеж направлялся к кладбищу. На похоронах матери Лоу Ху за гробом следовало 2—3 тыс. экипажей, Кун Гуана — более 10 тыс. [Ян Шуда, 1934, 111]. По обе стороны от катафалка несли большие белые матерчатые опахала, которые затем были воткнуты в могильный холм [там же, 110].

Согласно обычаю, господствовавшему в ханском обществе, человек — будь то император или мелкий чиновник — начинал загода готовить себе место для могилы. Строительство гробницы императора начиналось вскоре после его вступления на престол. В качестве особой милости император жаловал своим приближенным участки земли для будущей могилы, причем особенно почетным считалось быть похороненным недалеко от императорской гробницы [там же, 151—153]. Тот, кто не мог рассчитывать на столь ценный подарок, вынужден был заботиться о себе сам и заблаговременно купить себе участок земли для могилы. Вот пример купчей крепости, которой юридически оформлялась такая покупка:

«В год жэнь-шэнь, 1-й год правления Хуан-лун, в пятом месяце, начавшемся в день бин-цзы, на восьмой день и-хай, Чжугэ Цзин купил у Ма Цзицина, мужчины из Наньяна, принадлежащий ему... участок поля стоимостью в 21 тысячу монет. Деньги были переданы в тот же день. На востоке это поле граничит с владением Хэ Фана, на юге — Шэнь Даи, на западе подходит вплотную к дороге, а на севере граничит с полем Чжэн Цзяншэна. Отныне все живущее и растущее на этом поле будет принадлежать Чжугэ Цзину. А если в поле будут найдены останки людей, то мужчины будут считаться рабами, женщины — рабынями, которые будут прислуживать Чжугэ Цзину [после его смерти]» [Сяосяо цзингэ, 1935, 13, 76].

Над могилой возводился холм, на котором высаживались деревья — сосны, туи [Бань Гу, 1964, 10, 3085]. Высота могильного холма регламентировалась ханским законодательством: у обладателя высшего ранга знатности она могла составлять 4 чжана (более 9 м) и сокращалась соответственно рангу [Чжоули, 1937, 142].

Рядом с могилой нередко сооружалась кумирня для принесения жертв, обычно это здание, сложенное из камня. При описании достопримечательностей в различных районах страны Ли Даюань в своем «Комментарии к трактату о реках» неоднократно упоминает о каменных кумирнях, расположенных близ могил известных деятелей ханьской эпохи [Ян Шуда, 1934, 168—169]. До нашего времени сохранилось лишь одно такое здание. Это кумирня около могилы некоего Го Цзюя в уезде Личэн провинции Шаньдун. Судя по надписи на стеле, установленной внутри ее, сооружение этого погребального комплекса относится ко времени до 129 г. н. э., вероятнее всего к I в. н. э. [Ло Чжэвэнь, 1961, 44—51].

Около могилы устанавливалась также каменная стела с выбитым на ней текстом, который включал краткое жизнеописание погребенного и стихотворную эпитафию. До наших дней дошло более 250 ханьских надгробных стел [Ян Дяньсюнь, 1957, 1—25].

После похорон начинался период траура по усопшему род-

стеннику. На это время сыновья должны были поселиться в шалаше близ могилы родителя [Ван Сяньцян, 1959, 1, 628; 2, 777, 1387 и др.]. Во время траура им запрещалось есть мясо и пить вино, приближаться к женщинам, играть на музыкальных инструментах и т. д. (именно это было поставлено в вину правителю наследственного владения Чанъи [Бань Гу, 1964, 9, 2940]).

По традиции лицам, занимавшим чиновничью должность, в связи со смертью родителей предоставлялся отпуск для поездки на родину. В цзюйяньском архиве сохранилось официальное донесение, в котором высшие инстанции извещались о временном отсутствии одного из должностных лиц по причине смерти его отца [Цзюйянь, 1959, 104, № 2553].

По истечении срока траура родственники регулярно посещали могилу для принесения жертв усопшему. Ван Чун видел в этом существенное изменение традиционных обычаев: «В древности жертвоприношения совершались в храме предков, ныне же жертвы принято приносить на могиле» [Ван Чун, 1934, 2, 147]. Ритуалом посещения могилы руководил наследник, устраивавший после этого угощение для родственников и одаривавший их в зависимости от степени родства с покойным [Бань Гу, 1964, 12, 4199].

КАЛЕНДАРНЫЕ ПРАЗДНИКИ

Помимо ритуалов, связанных с важнейшими периодами жизни человека, в ханском обществе придавалось большое значение обрядности годового цикла. Поскольку такого рода обряды были приурочены к определенным календарным датам, для понимания их сущности необходимо кратко охарактеризовать особенности ханьской системы исчисления времени.

Основы ханьского календаря

В отличие от египтян и римлян древние китайцы использовали три естественные единицы исчисления времени — день, месяц, год.

День, представляющий собой период обращения Земли вокруг своей оси, в древнекитайском языке обозначался словом «жи», которое имело также значение «солнце». Из этого можно заключить, что первоначально древние китайцы, подобно многим народам мира, считали за «день» только время от восхода до захода солнца (ср. у Плиния: «Действительная продолжительность дня разными людьми воспринимается по-разному... простыми же людьми везде — от рассвета до темноты» [Бикерман, 1975, 10]). Но в ханьскую эпоху это слово употреблялось уже в ином значении — «время от полуночи до полуночи».

чи», причем часть суток от восхода солнца до сумерек обозначалась другим термином — «чжоу». День делился на 12 периодов: бань е — «полночь», цзи мин — «пение петухов», жи чу — «рассвет», пинь дань — «восход солнца», цзао ши — «время завтрака», дун чжун — «солнце на востоке», жи чжун — «солнце в зените», жи ди — «солнце склоняется», ся фу — «время обеда», жи жу — «заход солнца», хунь ши — «сумерки», жэнь дин — «время отдыха» [Чэнь Гунчжоу, Сюй Пиньфан, 1960, 50].

Для исчисления времени использовался период в 60 дней, внутри которого каждый день обозначался своим собственным названием, состоящим из сочетания знаков двух циклических рядов — десятичного (цзя, и, бин, дин, у, цзи, гэн, синь, жэнь, гуй) и двенадцатеричного (цзы, чоу, инь, мао, чэнь, сы, у, вэй, шэнь, ю, сюй, хай), что в общей сложности давало 60 наименований. По истечении этого периода цикл повторялся (табл. 44).

Т а б л и ц а 44

ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ НАИМЕНОВАНИЙ ДНЕЙ ШЕСТИДЕСЯТЕРИЧНОГО ЦИКЛА

	цзя	и	бин	дин	у	цзи	гэн	синь	жэнь	гуй
цзы	1		13		25		37		49	
чоу		2		14		26		38		50
инь	51		3		15		27		39	
мао		52		4		16		28		40
чэнь	41		53		5		17		29	
сы		42		54		6		18		30
у	31		43		55		7		19	
вэй		32		44		56		8		20
шэнь	21		33		45		57		9	
ю		22		34		46		58		10
сюй	11		23		35		47		59	
хай		12		24		36		48		60

Месяц в древнекитайском календаре был не условной единицей, как у нас, а естественной, строго совпадающей с фазами Луны: он начинался вместе с появлением молодого месяца, а середина его приходилась на полнолуние. Но цикл изменения фаз Луны равен в среднем 29,53 дня. Поэтому, чтобы согласовать исчисление времени по дням и по месяцам, в ханьское время было установлено, что месяцы делятся на «большие» (30 дней) и «малые» (29 дней).

Древние китайцы пользовались лунно-солнечным календарем. В III—II вв. до н. э. применялся календарь, который в 104 г. до н. э. был реформирован У-ди. Текст календаря, датированный этим годом, дошел до наших дней. Календарный год состоял в нем из 13 месяцев («дополнительный» месяц встав-

лялся после девятого). Первый, третий, пятый, седьмой, девятый, десятый и двенадцатый месяцы были «большими» (30 дней); второй, четвертый, шестой, восьмой, «дополнительный девятый» и одиннадцатый — «малыми» (29 дней). Календарный год, таким образом, включал 384 дня (продолжительность года без «дополнительного» месяца составляла 355 дней) [Чэнь Цзюцюань, Чэнь Мэйдун, 1974, 67—68].

Двадцать четыре сезона года

Особенностью лунно-солнечного ханьского календаря было то, что календарный год делился на 24 отрезка, соответствующие 24 точкам эклиптики. Цикл земледельческих работ определяется чередованием времен года, которые, в свою очередь, зависят от количества получаемого землей света и тепла, т. е. в конечном счете от угла падения солнечных лучей на земную поверхность. Древние греки различали четыре «поворотные точки» Солнца: два солнцестояния, когда Солнце достигает самой дальней точки от Земли по эклиптике, и два «равноденствия» — точки пересечения эклиптики с небесным экватором [Бикерман, 1975, 46]. Древние китайцы определяли положение Солнца на эклиптике по длине тени. В день зимнего солнцестояния (дун чжи) солнечная тень была самая длинная, а продолжительность дня — наименьшая; летнее солнцестояние (ся чжи) характеризовалось наименьшей длиной тени и наибольшей продолжительностью дня. Каждая из двух половин эклиптики между точками солнцестояния делилась на 12 частей, соответствующих 15° эклиптики. Наиболее полное изложение этой системы мы находим в трактате «Хуайнаньцзы» [Хуайнаньцзы, 1, разд. 3, 6—7] (табл. 45).

Однако во II—I вв. до н. э. для практических целей 24 сезонами года почти не пользовались. В специальном сельскохозяйственном сочинении Фань Шэнчжи указывает сроки начала земледельческих работ, беря в качестве точки отсчета дни зимнего и летнего солнцестояния. Так, сеять чумизу на твердых почвах следует «за 20 дней до летнего солнцестояния» [Ши Шэнхань, 1956, 18]; озимую пшеницу — «спустя 70 дней после летнего солнцестояния» [там же, 19]; рис — «через 110 дней после зимнего солнцестояния» [там же, 21] и т. д.

В то же время древние китайцы выделяли и некоторые другие периоды года, не совпадавшие с 24 сезонами. К их числу относятся дни фу жи. Всего их было три: чу фу («начальный»), чжун фу («средний») и хоу фу («последний»). Они соответствовали трем дням, названия которых начинались с циклического знака гэн, после летнего солнцестояния [Ло Фуи, 1974, 34]. Кроме того, третий по счету после зимнего солнцестояния день, название которого начиналось с циклического знака суй, имелся ла.

В календаре 134 г. до н. э. отмечены даты зимнего и летнего солнцестояния, начала осени, трех фу и ла [Чэнь Цзю-цзинь, Чэнь Мэйдун, 1974, 67—68].

Т а б л и ц а 45
24 ПЕРИОДА ГОДА

№	Название	Значение термина	Месяц по лунному календарю
1	Дун чжи	Зимнее солнцестояние	11-й
2	Сяо хань	Малые морозы	12-й
3	Да хань	Большие морозы	12-й
4	Ли чунь	Начало весны	1-й
5	Юй шуй	Дождевая вода	1-й
6	Цзин чжи	Пробуждение от зимней спячки	2-й
7	Чунь фэнь	Середина весны	2-й
8	Цин мин	Ясная погода	3-й
9	Гуй юй	Урожайные дожди	3-й
10	Ли ся	Начало лета	4-й
11	Сяо мань	Малое наполнение	4-й
12	Ман чжун	Всходы	5-й
13	Ся чжи	Летнее солнцестояние	5-й
14	Сяо шу	Малая жара	6-й
15	Да шу	Большая жара	6-й
16	Ли цю	Начало осени	7-й
17	Чу шу	Последняя жара	7-й
18	Бай лу	Белые росы	8-й
19	Цю фэнь	Середина осени	8-й
20	Хань лу	Холодные росы	9-й
21	Шуан цзян	Иней	9-й
22	Ли дун	Начало зимы	10-й
23	Сяо сюэ	Малый снег	10-й
24	Да сюэ	Большой снег	11-й

Установление регулярных соответствий между месяцами и днями, с одной стороны, и 24 сезонами года — с другой, относится к календарю, введенному У-ди в 104 г. до н. э. Судить о нем можно по дошедшему до нас календарю, датированному 63 г. до н. э. Фрагмент календаря, обнаруженного в цзюйяньском архиве, содержит указание на то, что летнее солнцестояние приходилось в этом году на день жэнь-цзы в пятом «большом» месяце. Но пометы о датах «трех фу» в отличие от календаря 134 г. до н. э. здесь отсутствуют [Цзюйянь, 1959, 43, № 1017].

Начало весны

В первом месяце по лунному календарю в ханьское время широко отмечался праздник начала весны. К этому дню специально готовили изображения, символизирующие пробуждение природы и начало цикла сельскохозяйственных работ. По

словам Ван Чуна, «на праздник начала весны... из глины делают фигуры людей — две мужские и две женские, в руках у них сохи и мотыги. Иногда воздвигают глиняных быков» [Ван Чун, 1934, 2, 19]. То же сообщает «Хоуханьшу»: «В день начала весны... столичные чиновники, одетые в зеленые одежды, и чиновники из округов и уездов, вплоть до низших чинов, в зеленых головных повязках, с зелеными знаменами выносят глиняных быков и пахарей за городские ворота» [Ван Сяньцзянь, 1959, 5, 3507].

Любопытным комментарием к этому может быть надпись на каменной стеле, обнаруженной в 1958 г. в г. Наньяне. Наместник округа Наньян объявлял жителям уезда Вань, что некто Чжан Цзин вызвался осуществить за свой счет все необходимые подготовительные работы для празднования начала весны. Обычно для этого за южными воротами города сооружались глиняные быки, а также фигуры людей, пашущих землю, и т. д. Для подготовки всех необходимых атрибутов праздника приходилось собирать людей из 14 волостей, причем стоимость расходов достигала 600 тыс. монет. Чжан Цзин, который назван в надписи просто «мужчиной», т. е. простолюдином, не имеющим ранга знатности, предложил взять эти расходы на себя, а в качестве компенсации попросил освободить его и его потомков от всех повинностей. Надпись датирована 159 г. [Чжэн Цзесян, 1963, 1—3].

В день начала весны император, по установившемуся обычаю, издавал рескрипт, в котором объявлялось о снисхождении к совершившим преступление [Ван Сяньцзянь, 1959, 5, 3507].

На примере весеннего праздника мы можем судить об относительных темпах формирования традиционной обрядности древних китайцев. Уже в I в. до н. э. символом начала весенних полевых работ стал глиняный бык (первые упоминания об этом содержатся в трактате «Яньтелунь») [Го Можо, 1957, 69]. Между тем еще три-четыре века до этого пахота с использованием тяглового скота не получила повсеместного распространения. Таким образом, формирование данной традиции относится к последним векам до нашей эры.

Праздник весны отмечался не только официальными церемониями, в которых участвовали император и чиновники, но и особыми семейными обрядами. Одним из основных источников наших сведений об этой стороне весеннего праздника является сочинение Цуй Ши «Сыминь юэлин» (II в. н. э.). Семейным календарным ритуалам посвящено не менее одной шестой общего объема этой книги, описывающей быт усадьбы землевладельца [Ebrey, 1974, 185].

Вот как характеризует Цуй Ши обряд жертвоприношения предкам, совершавшийся во время праздника весны: «За четыре дня до этого глава семьи и прочие участники церемонии начинают поститься для внутреннего очищения. В день жерт-

воприношений подносят вино и призывают души предков спуститься вниз. После этого все члены семьи — уважаемые и подчиненные, молодые и старые — садятся перед предками — сыновья, их жены, внуки и правнуки. Каждый из них подносит вино главе дома. Поднимая свою чашу, каждый с радостью провозглашает многие лета. Затем люди посещают своих хозяев, учителей, старших и родичей по клану, старших братьев отца и его друзей, своих собственных друзей, родственников по матери и прочих уважаемых людей общины» [Сыминь юэлин, 1965, 1].

Примерно в это же время было принято совершать жертвоприношение духу дороги. Согласно поверью, сын Желтого императора Лэй-цзу любил путешествовать и умер на дороге. Поэтому в первый день, название которого начиналось с циклического знака дин, во дворе дома приносили жертвы Лэй-цзу [там же, 7].

Наконец, в первом месяце совершалась церемония подношений духу земледелия Шэньуну (см. также [Ван Сяньцзянь, 1959, 5, 3511—3512]).

Летний праздник (фу жи)

В шестом месяце, на который приходились «три фу», отмечали летний праздник.

В 94 г. император Хэ-ди ввел правило, согласно которому в эти дни чиновники не должны были являться на службу [Ван Сяньцзянь, 1959, 1, 170]*.

В какой именно день праздновать лето, наместникам таких округов, как Ханьчжун, Ба, Шу, Гуанхань, разрешалось определять по своему усмотрению. Комментаторы следующим образом объясняют это: в указанных округах климат теплый и влажный, деревья и травы там рано распускаются и поздно засыхают. Поэтому здесь и допускается отступление от общего порядка [Цюй Сюаньин, 1937, 3, 653].

За 18 дней до «начала осени» принято было совершать жертвоприношения Желтому императору (Хуан-ди). В этот день столичные чиновники надевали церемониальную одежду желтого цвета [Ван Сяньцзянь, 1959, 3529].

В календаре 134 г. до н. э. «три фу» приходятся соответственно на 15-й и 25-й дни шестого месяца (гэн-цзы и гэн-сюй)

* Обычно выходной день полагался чиновникам один раз в пять дней; он предназначался для «отдыха и мытья» [Бань Гу, 1964, 9, 2934]. Кроме того, чиновники не ходили на службу в дни зимнего и летнего солнцестояния. Когда наместник столичной области Се Сюань обнаружил, что во время солнцестояния один мелкий чиновник не ушел домой, а остался в присутственном месте, он счел это служебным проступком: «Главное в правилах поведения — согласованность, а в жизненных правилах — единообразие. Между тем давно уже установлено, что в день солнцестояния чиновникам полагается отдыхать!» [там же, 10, 3390].

и 26-й день седьмого месяца (гэн-чэнь). Таким образом, последний из них следует за «началом осени».

Первые упоминания об особых церемониях, связанных с днями фу, содержатся в «Исторических записках» Сыма Цяня, где он сообщает о них, излагая события 2-го года правления циньского Дэ-гуна [Такигава, 1955, 1, 347]. Р. В. Вяткин и В. С. Таскин следующим образом переводят это свидетельство: «На втором году (676 г.) впервые [установили периоды] фу и использовали собак для защиты от ядовитых насекомых» [Сыма Цянь, 1975, 2, 22]. В «Ханьшу» тот же эпизод приводится в несколько иной редакции: «Ввели жертвоприношения в дни фу, когда на воротах города вывешивали разрезанные собачьи туши для защиты от вредоносной скверны» [Бань Гу, 1964, 4, 1196]. Комментатор поясняет, что в период Западного Чжоу подобный ритуал был неизвестен [там же]. К сожалению, сообщения источников слишком кратки для того, чтобы уяснить сущность религиозной подоплеки описанного обряда. Как было отмечено Фэн Чанфэном, в провинции Гуандун до недавнего времени существовал обычай в день летнего солнцестояния резать собак, чтобы «противостоять темному началу». Собачье мясо до сих пор является излюбленным лакомством гуандунцев, но чаще всего его едят во время летнего праздника [Фэн Чанфэн, 1970, 125—126]. В этом обычае, несомненно, находит свое отражение традиция, сложившаяся еще задолго до нашей эры.

Цуй Ши, не упоминаящий о собачьем мясе в связи с летним праздником, сообщает о принесении в шестом месяце жертв в виде пшеницы и тыкв.

Середина осени (цю фэнь)

По сообщению Ян Сюна, в восьмом месяце отмечался праздник, во время которого обычно совершали жертвоприношения предкам. В округе Хэдун он считался главным календарным праздником [Цюй Сюаньин, 1937, 3, 653].

Несколько более подробное описание обрядов, совершавшихся в день осеннего равноденствия, мы находим у Цуй Ши. В качестве жертвенной пищи в восьмом месяце использовались просо и свинина (в день зимнего солнцестояния, например, просо и баранина). Жертвоприношения в это время совершались на общинном алтаре земли (тай шэ), а также на могилах предков.

Помимо жертвоприношений предкам праздник «середины осени» включал также церемонии в честь духов: «В начале месяца посредством гадания выбирается подходящий день. Совершаются жертвоприношения духам, которым молятся ежегодно и посезонно» [Сыминь юэлин, 1965, 60]. Цуй Ши дополняет это предписание следующим: «В течение семи дней до этого никто из членов семьи не должен посещать дома, где носят

траур по умершему или где есть новорожденные младенцы» [там же].

По традиции праздник «середины осени» рассматривался как наиболее подходящее время для свадеб [Ebrej, 1974, 190].

С восьмым месяцем в ханьской империи был связан также обычай, согласно которому уездные чиновники должны были производить проверку реестров населения для выявления престарелых. Всем, кому в этом году исполнилось 70 лет, жаловали почетный посох и специальное угощение. Посох, сообщает «Хоуханьшу», имел украшение в виде голубя [Ван Сяньцзянь, 1959, 5, 3531]. В 1959 г. в ханьском погребении близ Увэя, в Ганьсу, были обнаружены деревянные таблички с текстом указов, связанных с пожалованием почетных посохов. В одном из них, обнаруженном императором Чэн-ди в 31 г. до н. э., говорилось: «Получивший посох по достижении семидесятилетия приравнивается к чиновнику с окладом жалованья 600 даней зерна. Входя во дворец, он не должен отбивать земных поклонов, а совершив незначительное преступление, не наказывается ударами палки. Всякий обидевший его считается совершившим самое тяжкое преступление» [Увэй моцзуйцзы, 1960, 29]. В другом указе отмечалось, что «престарелые получают посох, на котором изображен голубь; все могут видеть его. Этот посох приравнивается к бунчуку... Имеющий его может свободно входить в присутственные места и пользоваться дорогами по обе стороны императорского тракта. Если посох будет продан на рынке, он вновь не выдается» [там же]. Там же были обнаружены деревянные посохи, о которых говорилось в тексте императорских указов; длиной они 194 см, в верхней части на них насажено выточенное из дерева изображение птицы 18—19 см в длину [Ганьсу увэй, 1960, табл. 7].

В восточноханьское время в южном пригороде Лояна существовала кумирня, посвященная престарелым. В восьмом месяце в ней приносили жертвы духу долголетия [Ван Сяньцзянь, 1959, 5, 3531].

Зимние праздники

В одиннадцатом месяце, с наступлением зимнего солнцестояния, начиналась подготовка к зимним праздникам, главным из которых был ла: «В двенадцатом месяце... приносят жертвоприношения рисом и мясом диких гусей. Кроме того, за пять дней до этого убивают свинью, а за три дня — барана. За два дня совершают пост для внутреннего очищения, а затем готовят необходимую утварь, убирают в доме и моются. После этого совершают жертвоприношение ла своим предкам... На следующий день, именуемый малым Новым годом, ставят вино и призывают души предков спуститься. Следует попотчевать вином также старших и уважаемых лиц... На следующий день

· вновь совершают жертвоприношения... Тремя днями позже, когда семейные церемонии закончены, приглашают в гости родичей по клану, родственников со стороны матери и жены, соседей и приезжих... В это время отдохнуть должны также земледельцы и работники...

В этом месяце духи собираются покидать людей. После церемонии зимних жертвоприношений следует молиться на могилах прежних правителей, учителей, родственников и друзей, чтобы проявить свое уважение к усопшим и не забывать их» [Сыминь юэлин, 1965, 74].

В это же время совершали разнообразные жертвоприношения духам дверей, колодца, очага и т. д. [Ебгеу, 1974, 188—189]. Так, например, существовало поверье, что, если во время зимних праздников зарыть в углу усадьбы круглый камень, на следующий год можно будет избежать болезней [Цюй Сюаньин, 1937, 3, 656].

Но самой яркой и запоминающейся частью зимнего праздника, которую с нетерпением ожидали все, от мала до велика, было шествие но. Истоки этого обычая уходят в глубокую древность: большое значение ему придавал Конфуций. «Когда односельчане совершали церемонию но,— говорится в „Луныюе“,— он, одетый в праздничные одежды, стоял на ступенях дома» [Legge, 1940, 1, 233].

Смысл этого обряда заключался в «изгнании злых духов». Когда к нему готовились при дворе, выбирали сто двадцать мальчиков в возрасте от 10 до 12 лет, раздавали им красные головные повязки и ручные барабаны. Двенадцать человек надевали маски священных животных. Руководил церемонией Фансян-ши, одетый в пурпурную куртку и алую плахту, с медвежьей шкурой на плечах. На нем была маска с четырьмя золотыми глазами. Когда все было готово, ряженные нараспев произносили заклинание, а мальчики хором подхватывали его. Затем Фансян-ши пускался в пляс, увлекая за собой 12 животных. С факелами в руках они преследовали злых духов сначала во дворце, а затем на улицах города. Шествие заканчивалось тем, что горящие факелы бросали в реку [Ван Сяньцзянь, 1959, 5, 3535—3537; см. также Granet, 1926, 229—370].

По словам Ван Чуна, обряд «изгнания злых духов» символизировал «проводы старого и встречу нового» [Ван Чун, 1934, 2, 179]. Он пользовался огромной популярностью в народе. Ритуально-магическое тесно переплеталось в нем со светским, карнавальным. Позднее предновогодние шествия с ряжеными все больше и больше утрачивают свое первоначальное культовое назначение, превращаясь в простонародное зрелище [Позднева, 1970, 77—84]. Поэтому уже в ханьское время раздаются голоса, предлагающие запретить горожанам устраивать карнавалы с «сотней игр». Несколькими столетиями позже конфуцианцы добиваются этого запрещения, хотя традиции народных



Служанка с лампой.
Позолоченная бронза. Маньчэн.



Служанка с лампой (деталь).



а



б



в

Сцены хозяйственного быта:

а — пахота; б — работа на току; в — сбор тутовых ягод. Расписной кирпич. Цзятугань.



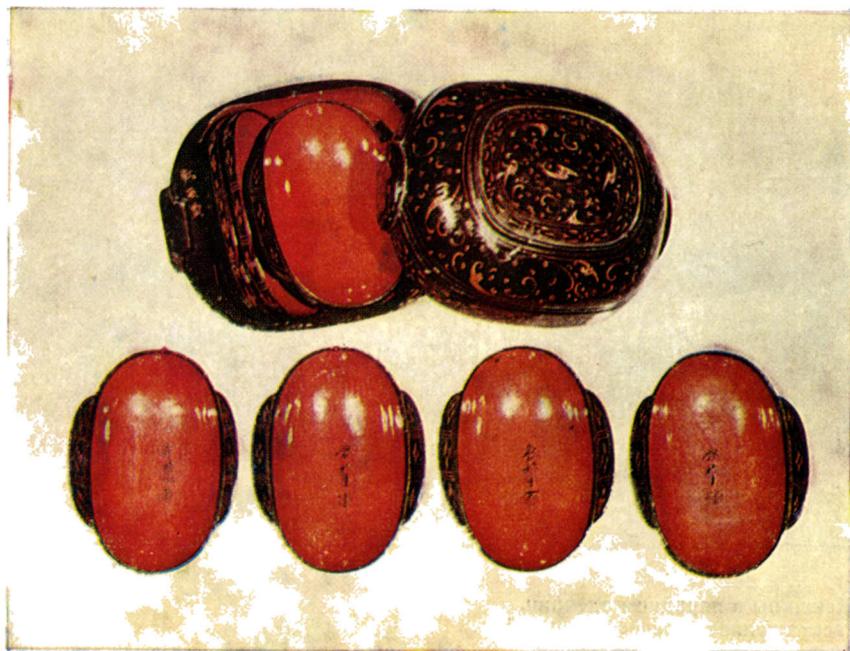
**Ханьская шелковая ткань с вышивкой.
Мавандуй.**



Женщины в парадном одеянии.
Раскрашенное дерево. Мавандуй.

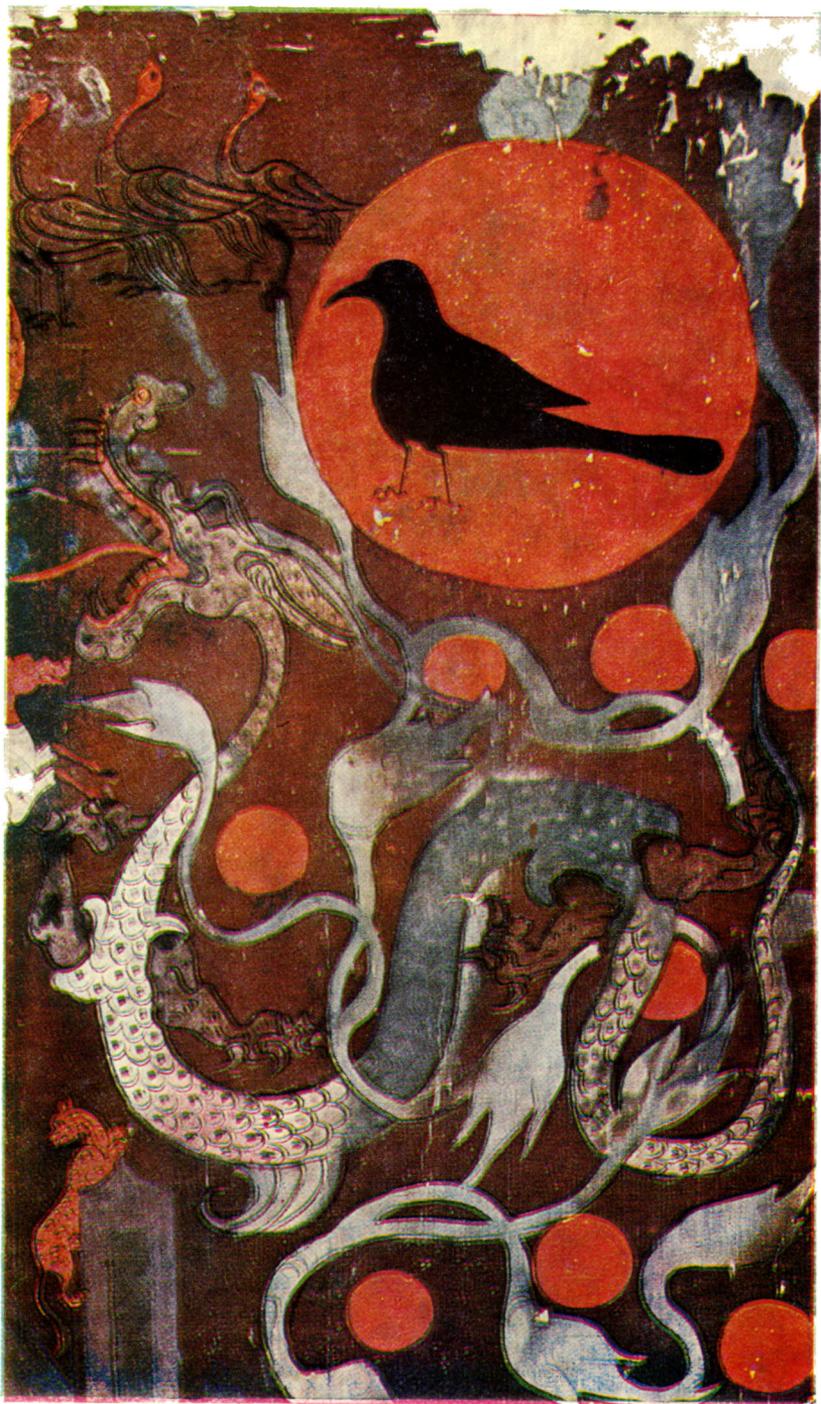


Лаковая посуда.
Мавандуй.





Картина на шелке (деталь). Мавандуй.



Картина на шелке (деталь). Мавандуй.

празднеств не прервались. Они были восприняты средневековой городской жизнью, оказав заметное влияние на формирование многих жанров народной литературы и оставшись составной частью культуры китайцев позднейшего времени.

НАРОДНЫЕ ВЕРОВАНИЯ

В духовной культуре ханьской эпохи отчетливо прослеживаются два пласта или уровня: официальная идеология, за господствующее место в системе которой тогда успешно боролось конфуцианство, и простонародная бесписьменная культура. Оказывая влияние на многие аспекты общественного быта, в особенности на его обрядовую сторону, конфуцианство в то же время трансформировалось не только за счет заимствования отдельных элементов других философских учений, но и под воздействием того пласта народных верований, который так никогда и не был полностью конфуцианизирован.

Мифы о сотворении мира

Давно уже была замечена одна знаменательная особенность древнекитайской мифологии, которую традиционная средневековая историография не отделяла от достоверной истории: чем древнее эпоха, олицетворением которой считался тот или иной персонаж, тем позднее он оказывался включенным в общую систему мифологических образов. До ханьского конфуцианства знало лишь двух предшественников великого Юя — совершенно мудрых правителей Яо и Шуня. Во II в. до н. э. Сыма Цянь считает необходимым начать свои «Исторические записки» с главы о древних правителях, число которых к этому времени увеличилось до пяти, причем Яо и Шунь оказались последними из них. В I—II вв. в легендарную хронологию включается новая эпоха — «трех императоров», предшествовавших «пяти правителям», и т. д. Постепенное расширение списка легендарных деятелей прошлого происходило за счет включения в него древних мифических персонажей, существовавших до этого в рамках неканонической системы народных верований.

Интересна и поучительна судьба одного из немногих женских образов в ханьской мифологии — Нюйва. Ее изображение постоянно встречается на каменных барельефах в погребениях эпохи Хань. Нюйва изображалась в виде змеи с женской головой, что соответствует ее описаниям в исторических источниках: «У Нюйва... тело змеи» [Яншина, 1961, 71]. Вместе с тем характерно, что на раннеханьском изображении из Мавандуя Нюйва занимает центральное место между солнцем и луной [Чанша мавандуй, 1973, 1, 40]. Позднее же Нюйва выступает только в паре с другим мифическим персонажем — Фуси, у которого «тело покрыто чешуей». На одном из барельефов мы

видим Нюйва и Фуси, олицетворяющих два противоположных начала природы: Нюйва держит в руках луну, а Фуси — солнце. Наконец, Нюйва превращается в своего рода придаток Фуси; на изображении из Шаньдуна она принимает из рук Фуси угольник — символ творца-созидателя. В процессе канонизации образ Нюйва постепенно отступает на второй план, оттесняемый фигурой Фуси. Теперь, по одной версии, Нюйва — это супруга Фуси, по другой — его младшая сестра.

Но в народном сознании Нюйва по-прежнему была творцом земли, человека и всего сущего. Отголоски этих представлений дошли до нас в ряде письменных памятников, в частности в «Хуайнаньцзы»: «В древности Гунгун боролся за власть (Верховного) бога с Чжуансюем. Разгневался и ударился о гору Бучжоу. Небесные столбы обломались, земные углы поломались... Четыре полюса разрушились, девять областей разделились. Небо неплотно покрывало, земля не полностью покоилась. Пламя огня бушевало и не унималось, воды разлились безбрежно и не успокаивались. Свирепые звери поедали простой народ, птицы хватили старых и слабых. Тогда Нюйва растопила разноцветные камни, чтобы залатать ими синее небо; отрубила ноги гигантской черепахе (Ао), чтобы подпереть ими четыре края (света); убила черного дракона, чтобы спасти область Цзи; собрала золу, чтобы остановить разбушевавшиеся воды. Синее небо было починено, четыре полосы (края света) выпрямлены, разлившиеся воды иссякли (высохли), страна (область) Цзи приведена в порядок...» [Яншина, 1961, 72].

Другой древний миф приписывает Нюйва сотворение людей: «Простой народ говорит, что, когда небо и земля только что отделились друг от друга, еще не было людей. Нюйва взяла желтую землю и стала их лепить. Но силы у нее истощились, и не хватило времени. Тогда она стала делать людей, вода веревкой по простой глине. Богатые, знатные и ученые — это люди, вылепленные из желтой земли, а бедные, подлые и неучи — сделанные веревкой (из простой глины)» [там же, 73].

Конфуцианский канон инкорпорировал (хотя и в сильно трансформированном виде) не только образ Нюйва, но и многие другие представления, существовавшие задолго до ханьского времени в народных верованиях. Любопытно, что Ван Чун критикует конфуцианцев за их утверждение: «На солнце есть трехногая птица, на луне есть заяц и лягушка» [Ван Чун, 1934, 1, 200]. В действительности речь идет о древних мифологических сюжетах, отсутствовавших в первоначальной конфуцианской традиции. На изображении из погребения Мавандуй 1 на фоне багрового солнечного диска выделяется силуэт черной птицы, а на молодом месяце видны лягушка и заяц [Чанша мавандуй, 1973, 1, 40].

Помимо «главного» солнечного диска здесь изображено еще несколько солнц, расположенных на ветвях дерева. Все это вос-

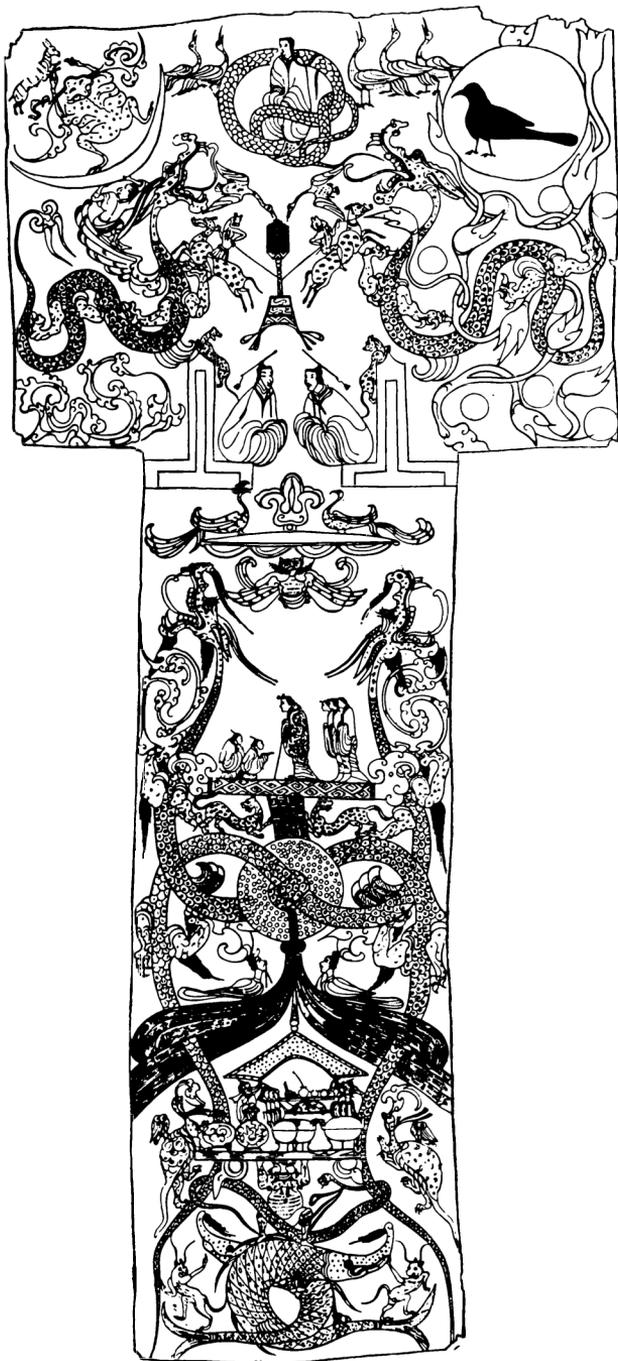


Рис. 58. Картина на шелке из погребения в Мавандуе

крешает в памяти миф о десяти солнца, которые сначала вставали на небосклоне поочередно, но затем взошли одновременно [Хуайнаньцзы, 3, цз. 8, 5]. От невероятной жары людей спас стрелок И, сбивший с неба лишние солнца. Потом стрелок И выпросил у Сиванму эликсир бессмертия, но его жена Чантэ украла священное лекарство и скрылась на луне [там же, 2, цз. 6, 10]. Этот эпизод также изображен на картине из Мавандуя (рис. 58).

Вера в загробную жизнь

Изображения на шелке из погребения Мавандуй 1 проливают свет и на традиционные представления ханьцев о том, что происходит с человеком после его смерти.

Несомненно, уже в ханьское время сложились основные черты культа тела покойника, существовавшего в Китае на протяжении многих последующих веков [Васильев Л. С., 1970, 149]. Самой страшной казнью считалось обезглавливание и тем более четвертование: этим наносился непоправимый ущерб душе умершего, которая продолжала существовать в его телесном облике. Поэтому же во время погребения принимались разнообразные меры, чтобы уберечь тело от разложения. Детали этого сейчас практически неизвестны, однако письменные источники свидетельствуют, что в ряде случаев удавалось сохранить погребенного на протяжении длительного времени. Так, Ли Даюань в своем «Комментарии к „Трактату о реках“» приводит сообщение о том, что в конце правления Хуан-чу (225 или 226 г.) местные жители раскопали могилу правителя наследственного владения Чанша У Жуя, скончавшегося в 201 г. до н. э. Тело его сохранилось настолько, что лицо казалось живым. «Как вы похожи на правителя Чанша У Жуя! — сказал после этого один из участвовавших во вскрытии могилы некоему У Гану, — только вот уши у вас немного короче». Впоследствии выяснилось, что У Ган был потомок У Жуя в шестом поколении [Ян Боцзюнь, 1972, 37]. Принципиальная достоверность этого и других аналогичных свидетельств была подтверждена раскопками погребений Мавандуй 1 и Фэнхуаншань 168. В первом из них было обнаружено тело женщины, сохранившееся настолько, что мышцы еще не утратили упругости; во втором — тело мужчины аналогичной степени сохранности [Чанша мавандуй, 1973, 1, 28, 31; Хубэй цзянлин, 1975, 3].

Помимо всего прочего для предотвращения нежелательного воздействия на тело покойника со стороны потусторонних сил гроб разрисовывали магическими изображениями. В погребении Мавандуй 1 один из гробов покрыт росписью, основным мотивом которой является борьба со змеями. Главное действующее лицо — чудовище с головой оленя и длинным хвостом, в человеческой одежде. Сунь Цзюнь полагает, что это изо-

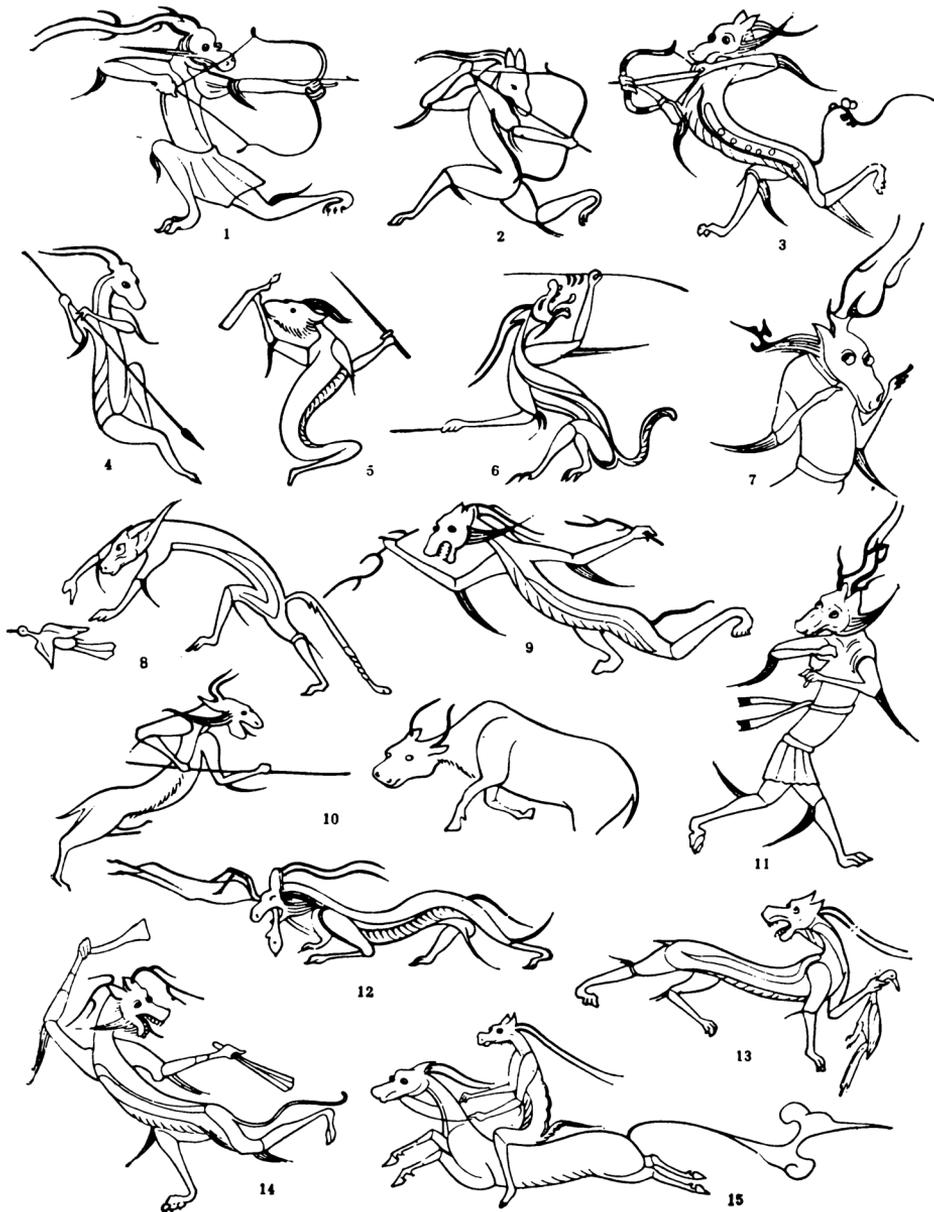


Рис. 59. Тубо и его свита

бражение хозяина подземного царства Тубо [Сунь Цзюнь, 1973а, 247—251]. В подчинении у Тубо находятся различные фантастические существа в облике животных (рис. 59).



Рис. 60. Сцены из загробной жизни. С картины на шелке. Эпоха Хань

Вполне естественно, что древние китайцы переносили на подземное царство картину взаимоотношений между людьми в реальной действительности (рис. 60). Поэтому в гроб чиновника иногда клали официальное письмо, адресованное соответствующим властям в мире теней, например: «В 4-м году, в дополнительном девятом месяце, в день синь-хай, Чжан Янь, удафу из Пинли, докладывает подземному владыке: „Я, моя одежда и предметы, а также то, с помощью чего приносятся жертвы, готовы в соответствии с законом...“» [Гуаньюй фэнхуаншань, 1975, 13]. Другой аналогичный пример: «В 13-м году, в пятом месяце, в день гэн-чэнь, помощник начальника уезда Цзянлин осмеливается доложить помощнику подземного владыки: „Суй Шаоянь, удафу из Шяна, а также 28 рабов, в том числе Лян и другие, 18 рабынь, в том числе И и другие, две легкие повозки, одна телега, пристяжных лошадей 4, коренных лошадей 2, оседланных лошадей 4 находятся в распоряжении чиновников. Осмеливаюсь просить доложить об этом владыке“» [там же].

Наряду с господствовавшими представлениями о загробной жизни в ханское время высказывались и противоположные идеи. Некто Чжао Цзы (II в.) завещал похоронить его предельно скромно, так как погребение предназначено не для обеспечения покойника всем необходимым на том свете, а лишь для того, чтобы укрыть от взоров людей его останки [Ван Сяньцзянь, 1959, 2, 1399—1400].

Сущность жизни и смерти — одна из главных тем трактата Ван Чуна «Луньхэн». Последовательно выступая против существования у человека души, продолжая жить после его смерти, Ван Чун считает пышные похороны ненужным расточительством. При этом он критикует как Конфуция, так и его идейного противника — Моцзы: первый был за строгое соблюдение погребальных обрядов, хотя и не верил в душу и духов; второй требовал сокращения расходов на похороны, но полагал, что духи существуют. «Я утверждаю,— говорил Ван Чун,— что человек рождается в мире тварей; тварь умирает и не может стать духом, почему же только человек, умирая, может превратиться в духа?» [Ван Чун, 1934, 2, 101]. Опровергая утверждения о том, что некоторым людям иногда доводилось видеть духов, Ван Чун приводит следующий простой и убедительный довод: с тех пор как разделились небо и земля, люди непрерывно умирали, причем многие из них в детстве или в среднем возрасте. Поэтому число живущих ныне гораздо меньше числа людей, живших раньше. Но если бы человек после смерти действительно превращался бы в духа, то сегодня нам на каждом шагу приходилось бы сталкиваться с духами. Почему же людям доводится видеть их так редко? [там же, 102—103; подробнее об этом см. Петров, 1954, 71—85].

Предрассудки и суеверия

Философ-материалист Ван Чун стремился объяснить явления окружающего мира с чисто рационалистических позиций. Поэтому он решительно боролся против существовавших в его время предрассудков, об особенностях которых мы можем судить в первую очередь по тексту трактата «Луньхэн».

Многочисленные суеверия были связаны с календарными датами. Считалось, что различным родам человеческой деятельности соответствуют специальные «счастливые» дни и, напротив, дни, когда то или иное занятие могло причинить человеку зло.

Так, существовало поверье, что мытье головы в день цзы делает человека привлекательнее, а если голову моют в день мао, то от этого появляются седые волосы [Ван Чун, 1934, 2, 157]. В несчастливый день нельзя было шить одежду и начинать строительство дома [там же, 158]. Сооружавшему кровлю в пятом месяце грозило облысение [Цзюй Сюаньин, 1937, 2, 413]. В день жэнь-шэнь остерегались ездить верхом на лошади [там же, 414]. День бин считался неподходящим для изучения иероглифов [Ван Чун, 1934, 2, 159].

В своем сельскохозяйственном трактате Фань Шэнчжи (конец I в. до н. э.), обобщив практический опыт древнекитайских земледельцев, дает рекомендации относительно того, когда следует начинать те или иные виды полевых работ. Вместе с тем

он приводит и распространенные в его эпоху суеверия о необходимости избегать посева зерновых культур в определенные дни: риса — в день чэнь, проса — в день бин, чумизы — в день чоу, черного проса — в дни инь и вэй, пшеницы — в день сой, ячменя — в день цзы и т. д. «У всех девяти видов злаков есть запретные дни. Если сеять их, нарушая запрет, это причинит ущерб урожаю. Это не пустые слова!» — утверждает Фань Шэнчжи [Ши Шэнхань, 1956, 9]. Соответственно существовали дни, которые считались благоприятными для посева. Для тыквы, например, таким днем был у-чэнь [там же, 59].

Столь значительное внимание, уделявшееся при Хань «счастливым» и «несчастливым» датам, имело своим прямым следствием бурное развитие мантической практики. Гадательные книги и гороскопы пользовались большим спросом. «Книги для определения времени и дня многочисленны и неединообразны», — отмечал Ван Чун. Он упоминает о книгах, по которым выясняли дни, благоприятные для похорон [Ван Чун, 1934, 2, 155]; календари с указанием «счастливых» дней для строительства усадьбы и сооружения кровли [там же, 158] и т. д. Широкое распространение имели и специальные астрологические инструменты, позволявшие гадателю определить соотношение между небесными светилами и днями, благоприятными для намечаемого мероприятия. (один такой инструмент, состоящий из квадратного основания и вставленного в него круглого диска с названиями созвездий, циклических названий дней и т. д., был найден в ханьском захоронении в Увэе).

Излагая поверье о том, что ребенок, родившийся в первом или пятом месяце, убьет своих родителей, Ван Чун ссылается на «Исторические записки» Сыма Цяня. Там рассказывается, что известный деятель периода Чжаньго Тянь Вэнь (Мэнчан-цзюнь) родился пятого числа пятого месяца и отец приказал не оставлять его в живых. Когда Тянь Вэнь, втайне вскормленный его матерью, вырос и родитель узнал об этом, между ними произошел следующий разговор: «Почему вы отказались от ребенка, родившегося в пятом месяце?» — спросил Тянь Вэнь. «Такой ребенок, возмужав, достаёт головой до дверного косяка и причиняет зло своим родителям», — отвечал отец [Такигава, 1955, 7, 3616].

Впрочем, в округе Увэй в ханьское время было распространено поверье о том, что несчастье принесут родителям дети, родившиеся пятого числа второго месяца. Назначенный наместником этого округа Чжан Хуань решил искоренить это суеверие [Ван Сяньцзянь, 1959, 3, 2335].

Для Ван Чуна различия в подобных предрассудках, свойственных одному району и неизвестных в другом, были доказательством их необоснованности. Он иллюстрирует это на примере поверья о том, что встреча с кормящей матерью сулит несчастье. Между тем, отмечает Ван Чун, обычай, предписы-

вающий матери кормить новорожденного вне дома, распространен преимущественно на территории к югу от Янцзы, а к северу от этой реки люди не видят ничего дурного в том, что женщина кормит ребенка в доме. Напротив, в северных районах не разрешают собаке кормить щенят в доме, а на юге не придают этому никакого значения [Ван Чун, 1934, 2, 149].

Другим доказательством необоснованности суеверий Ван Чун считает их непоследовательность. Почему считается, что расширять усадьбу в западном направлении сулит несчастье ее обитателям? Причем именно усадьбу, а не могилу или поле, хотя усадьба предназначена для жизни человека, поле — для того, чтобы кормить его, а могила служит его прибежищем после смерти [там же, 146]. Почему некоторые дни считаются неблагоприятными для принесения жертв духам, хотя все без исключения дни благоприятны для приема пищи человеком? Если жертвоприношения служат для того, чтобы обеспечить духов пищей, а духи ничем не отличаются от людей, то приносить жертвы можно в любой день. Если же духи отличаются в способности принимать пищу от людей, то они не извлекут никакой пользы из жертвоприношений, в какой бы день они ни совершались [там же, 156]. Почему мыть ноги можно в любой день, а голову — в определенный? Может быть, потому, что голова — это самое главное в человеке? Но тогда и причесываться нужно не каждый день [там же, 157] и т. д.

Наконец, по мнению Ван Чуна, некоторые обычаи могут найти себе вполне рациональное объяснение; они никак не связаны с духами или иными потусторонними силами. Например, дурной приметой считается, когда во время приготовления соевого соуса будут слышны раскаты грома; в действительности же это отнюдь не дурное предзнаменование, а лишь напоминание, что нужно работать быстрее и успеть заготовить соус до наступления весны. Полагают, что нельзя точить нож над колодецем; да, потому что, если уронишь нож в колодец, его уже оттуда не достать. Нельзя передавать еду друг другу палочками — так ее легко уронить и пр. «Когда говорят „не следует делать чего-то“, то призывают людей к осторожности, побуждают их делать доброе. Скажем, правила хорошего тона предписывают: „Не ешь руками, не проливай того, что пьешь“. Это запреты, связанные с правилами поведения, они не связаны с дурными или добрыми предзнаменованиями» [там же, 151].

Магическая практика

Идеи Ван Чуна намного опередили свой век; в его время суеверия и предрассудки во многом определяли специфику общественного быта, органической составной частью которого были мантические и магические обряды.

Как и у многих других народов мира, лечебная магия древ-

лих китайцев тесно переплеталась с народной медициной. В традиционных методах лечения болезней рациональное и иррациональное столь тесно связано одно с другим, что разделить их часто бывает затруднительным. К тому же чисто магические обряды, несомненно, вызывали значительный психотерапевтический эффект, что в сочетании с действительно лекарственными средствами могло приводить к быстрому излечению [Бромлей, Воронов, 1976, 13—14].

Значительный интерес в этом отношении представляют рукописи медицинских сочинений, найденные недавно в погребении Мавандуй 3. Они включают трактат по диетологии, руководство по лечебной гимнастике, пособие по лечению методом прижигания и, наконец, сборник рецептов [Мавандуй ханьму, 1975; Мавандуй ханьму, 1975а].

До этого древнейшими сведениями о лекарственных методах лечения считались узоминания, сохранившиеся в цзюйяньском архиве. Для лечения различных болезней в пограничных крепостях использовались припарки [Цзюйянь, 1959, 37, № 876], пилюли [там же, 62, № 1478], отвары [там же, 26, № 599; 58, № 1386]. На одной из табличек сохранился рецепт лекарства от болезни шанхань [там же, 23, № 509].

Сборник рецептов из Мавандуя содержит 280 предписаний, предназначенных для лечения 52 болезней (судороги, нервные расстройства, лихорадка, грыжа, глистные заболевания, раны, нарывы, укусы, геморрой, лишай, опухоли, женские и детские болезни и т. д.). Основные средства лечения — лекарства, изготовлявшиеся из более чем 240 ингредиентов, а также прижигания, акупунктура с применением каменных игл и заговоры. В некоторых рецептах указывается на необходимость соблюдения диеты во время приема лекарств: «До окончания лечения не следует есть рыбу, свинину, конину, черепах» [Мавандуй ханьму, 1975а, 36, № 27]; «Во время приема лекарства нельзя есть рыбу, а после выздоровления — как прежде» [там же, 39, № 125]. Упоминаются и иные запреты: «находиться в доме с закрытыми окнами и дверями, не входить в женские покои, не смотреть на луну в течение месяца» [там же, 44, № 316—317]. Для прекращения кровотечения из раны помимо таких средств, как прикладывание жженого волоса, рекомендуется заговор: «У мужчины остановится, у женщины прекратится» [там же, 36, № 13].

При лечении некоторых болезней заговаривание и совершенные магических действий имело решающее значение. Например, для исцеления от опухолей на шее рекомендовалось следующее. В конце месяца, когда серп месяца едва виден, провести по опухоли дважды по семь раз старым веником, приговаривая: «Сегодня луна на ущербе, выметем опухоль на север», а затем бросить веник в колодец [там же, 38, № 104]. Для лечения грыжи следовало выбрать день синь-мао. Встав около дома

лицом на восток, к солнцу, родственники больного, поддерживая его, произносили: «Сегодня день синь-мао, а ты отныне будешь зваться Юем!» [там же, 41, № 207]. В день синь-сы эту болезнь заговаривали иначе: «Небесный дух спустится, чтобы исцелить от недуга, а небесная дева выслушает его поучения...» и т. д. [там же].

В более поздних медицинских сочинениях, восходящих к ханьскому времени («Хуанди нэйцзин» и др.), магические приемы лечения болезней практически не упоминаются. В то же время лечебная магия становится атрибутом религиозного даосизма. Патриарх даосской секты тайпиндао Чжан Цзяо был известен умением исцелять людей с помощью «заговоренной воды».

Бок о бок с лечебной магией в ханьское время существовала магия вредоносная. Тогда существовало поверье, что, закопав близ жилища какого-либо человека вырезанные из тунгового дерева фигурки, можно тем самым наслать на него порчу и смерть. Именно на этом фоне в последние годы жизни императора У-ди разыгрались события, связанные с именем его наследника.

В 92 г. до н. э. сын высшего сановника Гунсунь Хэ присвоил казенные деньги и попал в тюрьму. Для того чтобы искупить преступление своего сына, Гунсунь Хэ лично взялся за поимку некоего Чжу Аньши, бежавшего из-под стражи. Вскоре Чжу Аньши был пойман. Решив отомстить Гунсунь Хэ, он написал из тюрьмы письмо У-ди, в котором сообщал, что сын Гунсунь Хэ якобы вступил в незаконную связь с дочерью императора и замыслил убить его самого, закопав во дворце Ганьцюаньгун деревянных человечков. Получив это известие, У-ди приказал найти и выкопать фигурки, а затем, закрыв ворота в Чаньани, произвести в столице аресты. Гунсунь Хэ и его сын были казнены, а вскоре после этого во дворце, где жил наследник престола со своей матерью, было якобы найдено большое количество человечков, служивших орудием порчи. В этот критический момент наследник, возглавив охрану столичного гарнизона и захватив арсенал, пытался овладеть положением в городе. Однако уличные бои закончились его поражением. Мать наследника покончила с собой, сам он вскоре был убит, и все его родственники казнены. Удалось спастись лишь внуку наследника, будущему императору Сюань-ди [Бань Гу, 1964, 7, 2178—2179; 9, 2742—2744, 2878—2882].

Отметим, что для противоборства мнимой порче, направленной на императора У-ди, его приближенные использовали «варвара-мага» [там же, 7, 2178]. В источниках ханьского времени упоминаются также и «юэские маги», умевшие ходить приставным шагом [Цзюй Сюаньин, 1934, 2, 406]. Комментатор поясняет, что, когда великий Юй боролся с наводнением, у него болела нога и он ходил, волоча ее; «ныне маги имеют обык-

новение подражать походке Юя» [Цыхай, 1948, 986]. По-видимому, отнюдь не случайно, что таким же шагом должен был двигаться лекарь во время совершения магического обряда для исцеления больного [Мавандуй ханьму, 1975а, 38, № 97, 106; 41, № 209].

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ СЧАСТЬЕ

По словам Ван Чуна, в его время «люди верили в жертвоприношения и считали, что приносящий жертвы непременно удостоится счастья» [Ван Чун, 1934, 2, 181]. Эта мысль была отнюдь не нова: столетий за десять до того предки древних китайцев постоянно совершали жертвоприношения усопшим родственникам в надежде, что те «ниспошлют счастье без границ и пределов» [Го Можо, 1958, 7, 83]. Моления о счастье оставались важным компонентом традиционной обрядности на всем протяжении средневековой истории Китая, вплоть до нового времени. Внешняя форма этого обряда почти не изменилась в течение столетий. Менялось другое — само содержание понятия «человеческое счастье».

Эволюция понятия «счастье» в эпоху Чжоу

В наши дни социолог, задавшийся целью изучить современные представления о том, что такое счастье, чаще всего пользуется методом анкетирования. Исследование в этом случае должно отвечать по крайней мере двум требованиям: во-первых, достаточной представительности выборки и, во-вторых, ее случайности. Историк лишен возможности пользоваться анкетой, но в его распоряжении оказываются подчас источники, по своему характеру весьма напоминающие ответы на вопросы интервьюера. Для изучения исторической трансформации понятия «счастье» в чжоуское время таким источником являются надписи на ритуальных бронзовых сосудах, предназначенных для жертвоприношений. Это в значительной мере определяет содержание надписей и то внимание, которое уделяется в них проблеме счастья. Надписи эти достаточно многочисленны, причем «выборка» дошедших до нашего времени текстов была, разумеется, случайной.

Наиболее типичной для надписей X—IX вв. до н. э. являлась ситуация, при которой правитель в той или иной форме оказывал честь аристократу, а тот отливал по этому случаю сосуд для жертвоприношений своим предкам. «Я, Лянь, сделал священный сосуд для моих величественных предков,— читаем мы в одном из текстов,— я буду использовать его для принесения жертв моим величественным предкам, чтобы они послали мне

здоровье и радость, одарили своим заступничеством, долголетием и спокойной кончиной» [Го Можо, 1958, 7, 124].

Обобщая данные этих надписей, можно прийти к выводу, что представитель аристократии в чжоуском обществе имел основания считать себя счастливым, если он мог заручиться защитой со стороны предков: быть «достойным подданным Сына Неба» [там же, 123]; обрести долголетие, исчислявшееся «десятью тысячами лет жизни» или бывшее даже «беспредельным» [там же, 84]; быть здоровым и веселым [там же, 123]; умереть своей смертью [там же, 106].

Почти все эти составные части представления о счастье присутствуют и в обобщенной характеристике «пяти проявлений счастья», содержащейся в главе «Великий план» в «Шуцзине». Точная датировка текста этой главы затруднительна, однако несомненно, что он был составлен во второй четверти I тысячелетия до н. э.

«Первое проявление счастья — долголетие, — говорится в рассматриваемом тексте, — второе — богатство, третье — здоровье тела и спокойствие духа, четвертое — любовь к целомудрию, пятое — спокойная кончина, завершающая жизнь» ([Legge, 1940, 4, 342—343], перевод С. Кучеры [Древнекитайская философия, 1972, 1, 111]).

Наряду с теми «проявлениями счастья», которые совпадают в обоих случаях, в главе «Великий план» упоминается одно, ни разу не встретившееся в надписях X—IX вв. до н. э., — богатство. Из этого отнюдь не следует, что чжоуские аристократы были равнодушны к земным благам. Как раз наоборот: на различии в социальном и имущественном положении человека в обществе зиждилась в ту эпоху вся иерархия общественных отношений. Но богатство было тогда органически связано со знатностью, оно определялось принадлежностью к одному из социальных рангов, и его количественная и качественная сторона оставалась фиксированной и в принципе неизменной на протяжении всей жизни человека. Родившемуся знатным богатство было обеспечено, а простолудин не мог ни при каких обстоятельствах надеяться обрести его. Поэтому богатство и не включалось в число благ, обладание которыми зависело от счастливого стечения жизненных обстоятельств. Появление частной собственности на землю, развитие товарно-денежных отношений привели во второй четверти I тысячелетия до н. э. к кризису традиционной системы социальных рангов. Суть дела была лаконично и убедительно изложена одним из сановников VI в. до н. э.: «Родившись в смутный век, можно быть знатным, но бедным» [Legge, 1940, 8, 493]. Богатство перестало быть само собой разумеющимся атрибутом знатности. К богатству теперь надо было стремиться и добывать его в жизненной борьбе. Богатство стало «проявлением счастья».

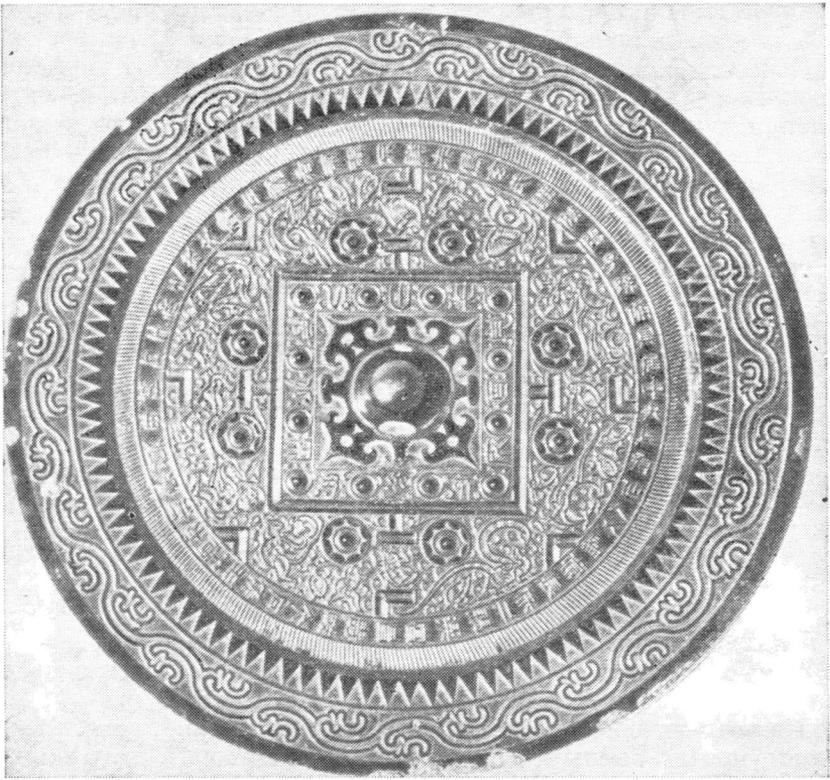


Рис. 61. Ханьское бронзовое зеркало с благопожелательной надписью

Типология ханьских благопожеланий

Проследить дальнейшую трансформацию представлений о том, что такое человеческое счастье, позволяют нам эпиграфические тексты ханьского времени: «Счастье влюбленным! А тот, кто не знает любви, да погибнет. Дважды погибель тому, кто запрещает любить!»

Древние римляне имели обыкновение украшать подобными надписями стены своих домов [Петровский, 1962, 138]. Древние китайцы помещали надписи с пожеланиями счастья на черепице, венчавшей край крыши [Чэнь Чжи, 1963], на зеркалах [Karl-gren, 1934] (рис. 61), на тканях [Лубо-Лесниченко, 1961, 28, 44], на предметах домашнего обихода [Сяосю цзингэ, 1935, 13, 62], на поясных пряжках [там же, 29—37] и т. д.

Благопожелательные формулы ханьской эпохи обладают некоторыми общими внешними признаками. В большинстве своем они состоят из четырех иероглифов, которые, в свою очередь, чаще всего членятся на парные словосочетания. Что касается

содержания этих пожеланий, то их можно сгруппировать в несколько категорий.

1. Долголетие. Пожелания этой категории многочисленны и разнообразны. Наиболее типичны словосочетания янь нянь («продлить годы»), и шоу («увеличить долголетие»), цянь цю («тысяча осеней»), вань суй («десять тысяч лет»). Кроме того, встречаются пожелания типа «чтобы долголетие было подобно металлу и камню» [Karlgren, 1934, № 66], «чтобы жизнь была подобна горной скале» [там же, № 67] и т. д.

2. Многочисленное потомство. Стандартный компонент пожеланий этой категории — цзы сунь («дети и внуки»). Иногда речь идет о том, чтобы «детей и внуков был полон дом» [Ван Шилунь, 1958, 87, № 41], в других случаях указывается приблизительное количество потомков — «восемь сыновей и двенадцать внуков» [Karlgren, 1934, № 87], «десять сыновей и пять дочерей» [Ван Шилунь, 1958, 86, № 29] и т. д.

3. Исполнение желаний. Подобные пожелания выражаются обычно в общей форме: «пусть все получают то, чего желают» [там же, 87, № 36], «получить желаемое» [Karlgren, 1934, № 32], «постоянно удовлетворять желания» [там же, № 82], «на протяжении десяти тысяч поколений получать удовлетворение» и пр.

4. Радости жизни. Если древние римляне считали, что «бани, вино и любовь разрушают конец наше тело, но и жизнь создают бани, вино и любовь» [Петровский, 1962, 116], то древние китайцы относили к главным радостям жизни вино, музыку и женскую красоту: «Пусть рядом с тобой будут красавицы, пока ты видишь свет солнца»; «Пусть вам прислуживают со свирелями и гусями, а сердце ваше радуется» [Karlgren, 1934, № 79]; «Пусть всегда будет вино и закуска» [там же] и т. д.

5. Богатство. Надежной гарантией обладания земными благами являются деньги, поэтому, если вы хотите пожелать кому-нибудь счастья, предреките ему «десятки и тысячи десятков монет ежедневного дохода» [Сяосяо цзингэ, 1935, 13, 32] или «тысячи даней зерна в день» [Чжу Цзецинь, 1957, 85]. Рекламируя свой товар, ремесленник-зеркальщик обещает: «Купивший это зеркало обогатит свою семью» [Ван Шилунь, 1958, 86, № 21]. Некоторые пожелания предназначены специально для торговцев («Если его будет носить при себе купец, пусть у него будет вдоволь золота и денег» [там же, 87, № 36]; «Купишь это зеркало — займешь место на большом рынке» [там же, 86, № 21]). Учтены интересы землевладельца («Пусть в соответствующий сезон года пройдут своевременные дожди и пять видов злаков дадут обильный урожай» [там же, № 31]) и скотовода («Непременно будут быки и бараны» [там же, № 27]; «Пусть шесть видов скота размножаются в изобилии» [там же, 87, № 41]). Будет богатство — будет и знатность, поэтому то и другое зачастую упоминается рядом в одном и том же пожелании [Karlgren, 1934, № 32, 37, 38, 81, 98 и др.].

6. Служебная карьера. В чжоуское время чиновничьи должности были наследственными, поэтому, если предок не был чиновником, надежды стать им практически не было. Иное дело — эпоха Хань. Мастер-зеркальщик, предлагавший свой товар купцу, стремится заинтересовать и того, кто уже стал чиновником: «Если его будет носить с собой служилый, пусть он получит прибавку к жалованью»; «Тот, кто будет носить его, да займет он высокий пост» [Ван Шилунь 1958, 87, № 36 и № 41]. Вершиной чиновничьей карьеры является должность одного из трех высших сановников империи — пожелание продвинуться по служебной лестнице до «трех гунов» должно импонировать самолюбиво чиновника [Сяосяо цзингэ, 1935, 13, 31]. Разумеется, это доступно не каждому, но на то, что он получит повышение и займет место «справа от других», может надеяться даже мелкий чиновник [Хунань чуту, 1960, 103, № 77]. Начинать службу в столице нужно было с должности лана, чего и желали мужчине (женщине же предрекали удачное замужество [там же, 86, № 60]). Если же самому уже поздно было думать о карьере, то приятно было услышать пожелание сыновьям «стать хоу или ваном» [Ван Шилунь, 1958, 86, № 21].

7. Добрые отношения между родственниками. Древние китайцы не мыслили себе счастья без поддержания предписываемых обычаям отношений между членами семьи и более дальними родственниками. Мужчине желали «найти красивую жену, подобную Дань Цзи *» [Чэнь Чжи, 1957а, 62], но для счастья необходимо было также согласие и мир между супругами. Поэтому одной из стандартных благопожелательных формул было: «Пусть муж и жена любят друг друга, а их взаимная привязанность усиливается с каждым днем» [Ван Шилунь, 1958, 84, № 1]. Считалось, что человек может быть счастливым только в том случае, если он будет «приносить пользу отцу и матери» [там же, № 14]. В том, чтобы «постоянно заботиться о родителях» [там же, 86, № 20 24], заключалась и обязанность и радость.

8. Процветание государства. В условиях, когда империя постоянно вела войны с соседями, личные жизненные успехи нередко зависели от того, насколько благоприятной для этого была ситуация в государстве в целом. Поэтому древние китайцы мечтали об «умиротворении Поднебесной» [там же, № 19], об «освобождении Поднебесной от невзгод». А для этого, по их мнению, необходимо было, чтобы «варвары четырех стран света подчинились» [там же, № 30], причем лучше всего «по своей собственной воле». Добрым пожеланием было «искоренение северных варваров» [там же, № 31], а также «уничтожение северных варваров и цянов» [там же, № 30]. Почетным предназначе-

* Дань Цзи — легендарная древняя красавица.

нием человека в ханьском обществе было поэтому «стать опорой государства» [там же, № 23].

Личные имена и социальная психология эпохи

Представления о человеческом счастье находили свое выражение не только непосредственно, в виде благопожелательных формул, но и косвенным образом — в таком своеобразном историческом источнике, каким является антропонимия.

«Что в имени?» — задавала в свое время вопрос Джульетта, полагая, что и без имени Ромео хранил бы все милые достоинства свои. Теперь мы достаточно хорошо знаем, что Джульетта была не права. Личное имя — это своего рода социальный знак [Никонов, 1974, 12—27]. Социальная обусловленность имени не только в том, что оно — пароль, обозначающий принадлежность носителя к тому или иному общественному кругу [там же, 20]. У многих народов, в частности у китайцев, имя указывает на принадлежность своего носителя к определенному родственному коллективу, социальной ячейке и в то же время отличает его от прочих лиц, входящих вместе с ним в состав этого коллектива [Крюков, 1969, 36—44]. Для нас в данном случае существенно то, что именник (если только он не подвержен строгой регламентации, например, со стороны церкви) всегда отражает социальную психологию соответствующей эпохи.

Для древнекитайских личных имен было характерно, что, во-первых, раз навсегда установленного, фиксированного именника не существовало и, во-вторых, имена всегда имели достаточно прозрачную этимологию. Нарекая своего ребенка, родители желали ему обрести в будущем качества, выраженные именем. Таким образом, за некоторыми исключениями, в древнекитайской антропонимии господствовали имена-пожелания. Не случайно в VIII в. до н. э. сановник царства Цзинь, узнав, что правитель назвал одного из своих сыновей Чоу (Враг), а другого — Чэнши (Победа в бою), воскликнул: «Какие странные имена дает правитель своим детям! Имя должно выражать то, что считается справедливым; справедливое — основа взаимоотношений между людьми; на взаимоотношениях между людьми зиждется управление...» [Legge, 1940, 7, 38].

Ввиду того что древнекитайские иероглифы имеют, как правило, много различных значений, для выяснения смысла пожеланий, вкладывавшихся в имена ханьского времени, удобнее всего анализировать двусложные имена. При этом следует иметь в виду, что обычай называть детей двусложными именами был распространен главным образом в III—I вв. до н. э. После узурпации трона Ван Маном был издан указ о запрещении носить двусложные имена [Бань Гу, 1964, 12, 4153; Сяо Яотянь, 1970, 74—75]. Поэтому в более позднее время такие имена встречаются сравнительно редко.

Таблица 46

ЧАСТОТНОСТЬ ЛИЧНЫХ ИМЕН РАЗЛИЧНЫХ КАТЕГОРИЙ
В ХАНЬСКИХ ИСТОЧНИКАХ

Категория, имя	«Ханьшу»	Прочее	Таблички	Печати	Всего
Долголетие					
1. Яньнянь	3	17	7	—	27
2. Яньшоу	2	10	5	—	17
3. Цяньцю	1	13	3	—	17
4. Пэнцзю	1	9	2	—	12
5. Ваньнянь	1	7	1	—	9
6. Вэйян	—	5	2	2	9
7. Ишоу	—	4	2	—	6
8. Ваньсуй	—	1	1	1	3
Итого . . .	8	66	23	3	100
Преодоление жизненных трудностей					
1. Шэнчжи	—	8	6	1	15
2. Бухай	—	11	—	—	11
3. Буи	2	6	—	—	8
4. Ухай	—	5	2	—	7
5. Ушан	—	3	2	—	5
6. Цзэвэй	—	4	1	—	5
7. Суйчэн	—	3	—	1	4
8. Бифэй	—	1	1	—	2
Итого . . .	2	41	12	2	56
Умиротворение Поднебесной					
1. Аньго	1	14	4	3	22
2. Аньши	—	5	4	2	11
3. Бацзюнь	—	5	—	—	5
4. Баши	—	2	—	—	2
Итого . . .	1	26	8	5	40
Служение государству					
1. Чунго	1	12	1	—	14
2. Динго	1	5	2	1	9
3. Фэнши	1	3	1	—	5
4. Цзяньго	—	1	2	—	3
5. Чжуго	—	2	—	—	2
Итого . . .	3	23	6	1	33
Военные успехи империи					
1. Гуанхань	1	6	—	2	9
2. Поху	—	3	2	—	5
3. Пицзян	—	5	—	—	5

Категория, имя	«Ханьшу»	Прочее	Таблички	Печати	Всего
4. Жунну	—	4	—	—	4
5. Кайфан	—	2	—	—	2
6. Пифан	—	2	—	—	2
Итого . . .	1	22	2	2	27
Добрые отношения с родственниками					
1. Лицинь	—	3	1	—	4
2. Гуанцзун	—	1	3	—	4
3. Фэнцинь	—	1	2	—	3
4. Гайцзун	—	1	1	—	2
Итого . . .	—	6	7	—	13
Радости жизни					
1. Чанлэ	1	3	—	—	4
2. Лэчэн	—	1	1	2	4
3. Аньлэ	1	1	—	—	2
Итого . . .	2	5	1	2	10
Добродетель					
1. Гуандэ	1	3	1	1	6
2. Цзяньдэ	—	3	—	—	3
3. Фэндэ	—	—	2	—	2
Итого . . .	1	6	3	1	11
Богатство					
1. Шичан	1	3	—	1	5
2. Гуанчан	—	2	—	—	2
3. Фучан	—	1	1	—	2
Итого . . .	1	6	1	1	9
Чиновничья карьера					
1. Сянжу	1	4	—	1	6
2. Чанцин	—	4	1	—	5
Итого . . .	1	8	1	1	11
Стабильность					
1. Чжунгу	—	5	—	—	5
2. Чжунгэнь	—	4	—	—	4
Итого . . .	—	9	—	—	9
Исполнение желаний					
1. Жун	—	4	—	—	4
2. Гуанъи	—	3	—	—	3
Итого . . .	—	7	—	—	7

Сведения об именах деятелей ханьского времени могут быть почерпнуты из различных источников. Главными среди них являются упоминания личных имен в «Ханьшу» Бань Гу, в прочих

Таблица 47

ОТНОСИТЕЛЬНАЯ ЧИСЛЕННОСТЬ ИМЕН ОСНОВНЫХ СЕМАТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ (ПО ОТНОШЕНИЮ КО ВСЕМУ КОНТИНГЕНТУ МУЖЧИН С ДВУСЛОЖНЫМИ ИМЕНАМИ), %

Категория имен	Численность
Долголетие	9,8
Преодоление трудностей	5,5
Умиротворение Поднебесной	3,8
Служение государству	3,2
Военные успехи империи	2,2
Отношения с родственниками	1,2
Прочее	5,5
Итого . . .	32,2

письменных памятниках (имена людей, биографии которых не были включены в «Ханьшу» и «Хоуханьшу», собраны в индексе Чжуан Динъи [Чжуан Динъи, 1936]), в документах на деревянных табличках и в надписях на личных печатях [У Шифэнь, 1904].

Анализ этимологии личных имен ханьского времени позволяет сгруппировать их в несколько категорий (табл. 46); в целом они могут быть соотнесены с теми категориями благожелательных формул, о значении которых речь шла выше.

Таким образом, почти у трети из общего числа учтенных нами мужчин ханьского времени (1015) их двусложные имена относились к наиболее распространенным категориям (табл. 47).

Десять наиболее популярных имен ханьской эпохи приведены в табл. 48. Не случайно в числе самых распространенных имен автор ханьского учебника «Цзицзюпянь» называл Яньнянь [Шэнь Юань, 1962, 67].

Таблица 48

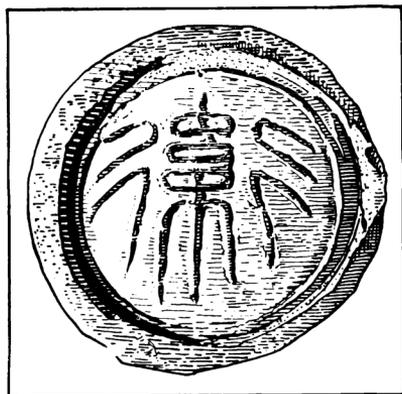
ДЕСЯТЬ НАИБОЛЕЕ УПОТРЕБИТЕЛЬНЫХ ИМЕН ХАНЬСКОЙ ЭПОХИ

Имя	Значение	Частота употребительности, процент ко всему контингенту
Яньнянь	Продлить годы	2,6
Аньго	Умиротворить страну	2,1
Яньшоу	Продлить долголетие	1,6
Цяньцю	Тысяча осеней	1,6
Шэньчжи	Одержатъ верх	1,4
Чунго	Способствовать благоденствию страны	1,3
Пэнцзу	Быть подобным Пэнцзу *	1,1
Бухай	Избежать вреда	1,0
Аньши	Умиротворить людей	1,0
Гуанхань	Расширить пределы Хань	1,0

* Пэнцзу — мифическая личность, символ долголетия.

Анализ личных имен показывает, как в представлениях древних китайцев о благополучии и счастье преломлялись не только традиционные нравственные ценности и факторы социальной реальности эпохи, но и события политической истории. Длительные войны ханьской империи с соседями вызвали в сознании людей стремление достичь благоденствия, «раздвинув границы» (Пицзян), «разгромив северных варваров» (Поху); но постепенно становится ясным, что война несет лишь разорение и нужду, — житейский идеал рисуется теперь в неразрывной связи с таким положением, когда «страна будет умиротворена» (Аньго), а «армия распущена» (Бацзюнь).

ЯЗЫК, ПИСЬМЕННОСТЬ, ФОРМИРОВАНИЕ ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ



КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК В III В. ДО Н. Э. — III В. Н. Э.

Китайский язык с V в. до н. э. по III в. н. э. называется древнекитайским или классическим китайским языком [Яхонтов, 1965, 7]. Китайский язык этого долгого периода его истории, засвидетельствованный в письменных памятниках, характеризуется высокой степенью однородности: язык текстов, написанных в начале нашей эры, мало отличается от языка классических произведений периода Чжаньго. Китайский разговорный язык того времени представлял собой совокупность многочисленных диалектов, лексика которых достаточно полно описана в словаре «Фанъянь». Поэтому однородность письменных текстов свидетельствует о наличии письменного языка, возвышавшегося над диалектами.

Структурное развитие китайского языка в эпоху Хань

Китайский язык эпохи Хань сохраняет основные черты фонетики древнекитайского языка эпохи Чжоу.

Основная типологическая характеристика древнекитайской морфемы состоит в том, что она, за редкими исключениями, представляет собой отдельный слог. Таким образом, китайский язык в самом древнем письменно засвидетельствованном состоянии уже является слогоморфемным языком. Структура слога, насколько можно судить по имеющимся реконструкциям, могла быть довольно сложной. Наряду с простыми открытыми слогами в китайском языке того времени были слоги с глухими шумными конечными *-p*, *-t*, *-k*, звонкими *-b*, *-d*, *-g*, носовыми сонантами *-m*, *-n*, *-ng*, неносовым сонантом *-r*. В начале слога мог находиться как один простой согласный, так и стечения нескольких согласных. Эти сочетания состояли из начального согласного и сонантной медиали *-l* или *-r*, *pl-*, *pr-*, *kl-*, *kr-* и т. п. В древнекитайском языке реконструируется также морфологический

элемент *s*, который мог находиться как в начале слога, так и в его конце.

Открытые слоги китайского языка могли произноситься под одним из двух тонов — ровным и восходящим. Закрытые слоги, вероятно, особого музыкального тона не имели, однако их специфическое краткое произношение воспринималось в речи как особый тон. Суффикс *-s* оказал существенное влияние на развитие фонетики древнекитайского языка. Под его воздействием выпали предшествовавшие ему конечные смычные согласные, а в слогах с этим суффиксом с III в. до н. э. начал развиваться особый тон, получивший в дальнейшем название уходящего [Яхонтов, 1965, 28]. Таким образом, с этого времени в китайском языке существует система из четырех тонов, из которых два были чисто музыкальными и встречались в открытых слогах или в слогах с исходом на сонант, а два тона были обусловлены конечными шумными согласными разных типов.

В количественном отношении слово древнекитайского языка состояло, как правило, из одной морфемы. В словаре «Фань-янь» число двусложных слов ограничено. Структура двусложных слов здесь не всегда ясна современным исследователям древнекитайской лексики. Двусложные слова типа *тянься* «поднебесная», *юйфу* «рыбак» и т. п. здесь больше походят на сочетания независимых односложных слов. Среди двусложной лексики того времени преобладают слова, образованные путем полного или частичного повторения односложной морфемы.

Значения односложных слов древнекитайского языка были шире и менее специализированней слов в более поздние эпохи развития китайского языка. Так, например, слово *нун* «земледелие» могло означать также и человека, который занимается земледелием, слово *сань* «рассыпаться» могло означать также и то, что рассыпается, т. е. порошок. Древнекитайская лексика дошла до нас в записи иероглифической письменностью. Поэтому часть случаев неопределенности значений слов древнекитайского языка объясняется недостатками их письменной передачи. Иероглифы с различными чтениями, соответствующими их разным значениям, свидетельствуют о том, что на письме одним и тем же иероглифом могли обозначаться несколько родственных морфем.

Слово в древнекитайском языке не имеет морфологических показателей, с помощью которых его можно отнести к определенной части речи. Поэтому выделение грамматических классов слов связано с некоторыми трудностями. В древнекитайском языке легко выделяются классы знаменательных и служебных слов, хотя граница и между ними не всегда бывает выражена достаточно явно: некоторые знаменательные слова могут выступать в служебных функциях, и, наоборот, некоторые служебные слова восходят к знаменательным и иногда могут употребляться в своем первоначальном значении. Другим достаточно

четко очерченным классом является класс слов-заместителей, куда входят местоимения и заместители предикативов.

По своим синтаксическим функциям в предложении слова древнекитайского языка (без слов-заместителей) делятся на два основных класса — имя и предикатив. Граница между именами и предикативами весьма условна. В соответствующем контексте имя может быть употреблено в функции предикатива и, наоборот, предикатив в функции имени.

В древнекитайском языке именная морфема обозначает не единичный предмет, а все предметы с данным названием. В тех случаях, когда бывает нужно специально выразить множественность предметов, используется либо местоимение *чжу* «все», либо описательные конструкции с числительными типа *байцао* (досл. «сто трав») «травы», *байгуань* (досл. «сто чиновников») «чиновники» и т. п. Глагольная морфема древнекитайского языка могла относиться к любому временному плану, виду, залогу, наклонению в зависимости от контекстного окружения или грамматического оформления.

Характерной чертой личных местоимений древнекитайского языка является наличие нескольких местоимений для каждого лица в отдельности. В доклассическом китайском языке эти местоимения различались между собой функционально. Различия между ними лишь частично сохранились в древнекитайских текстах. Местоимение 1-го лица *у* чаще всего используется в функции подлежащего и реже бывает дополнением, а его синоним *во*, наоборот, чаще бывает дополнением, чем подлежащим. Местоимения 2-го лица *най* и *эр* выступают в функции определения, а *жу* и *жо* в этой функции не выступают.

Глаголы древнекитайского языка могут быть переходными и непереходными. Это различие выдерживается достаточно последовательно. Однако в отдельных случаях непереходные глаголы могут употребляться в функции переходных, и наоборот.

Время глагола древнекитайского языка выражается с помощью префигирующих служебных слов, стоящих перед знаменательной глагольной морфемой. Давнопрошедшее время древнекитайского глагола образуется с помощью служебного слова *чан*. В текстах после III в. до н. э. для этой цели стало использоваться также служебное слово *цэн*. Прошедшее совершенное образуется с помощью служебного слова *цзи*. В текстах после III в. до н. э. наряду с ним стало использоваться также служебное слово *и*. Будущее время древнекитайского глагола образуется с помощью служебного слова *цзян*.

В древнекитайском языке имеется пассивная конструкция, которая образуется с помощью служебного глагола *цзянь* «увидеть»: *цзянь фа* (досл. «увидеть нападение») «подвергнуться нападению» и т. п. Значение пассива могло быть выражено также конструкцией, состоящей из связки *вэй* «становиться», «делаться» и отглагольного имени с префиксом *со-*.

Возвратный залог глагола древнекитайского языка образуется с помощью префигирующего служебного слова *цзы*, взаимный залог образуется с помощью префигирующего служебного слова *сян*.

В ранних текстах на древнекитайском языке побудительная конструкция образовывалась с помощью служебного глагола *би* «побуждать». В текстах после III в. до н. э. побудительная конструкция образуется с помощью вспомогательных глаголов *ши* или *лин* «побуждать», «посылать».

Отглагольное имя образовывалось с помощью префикса *со*. Любой глагол с этим служебным словом функционировал в предложении как существительное. Оно могло субстантивировать не только отдельные глаголы, но также глагольные словосочетания и целые предложения.

Грамматические отношения внутри предложения древнекитайского языка выражаются как с помощью порядка знаменательных слов, так и служебными словами. Последовательность членов предложения открывается подлежащим, за которым следует сказуемое, после сказуемого следует прямое дополнение или обстоятельство места в зависимости от переходности или непереходности глагола, которым выражено сказуемое. В начале предложения может находиться обстоятельство времени или места, относящееся к предложению в целом. Перед именными членами предложения могут находиться определения, выраженные прилагательными или существительными, перед предикативными — определения, выраженные наречием.

Для древнекитайского языка характерен развитой синтаксис, использующий для связи простых предложений как союзы, так и бессоюзные конструкции. Развитой синтаксис, обеспечивающий адекватное выражение любой мысли, способствовал тому, что древнекитайский язык в несколько видоизмененном виде легко использовался в качестве письменного средства вплоть до начала XX в.

Сущность тех перемен, которые произошли в китайском языке к середине II в. н. э., сводится к тому, что китайский язык утратил специализированные языковые формы и стал широко пользоваться описательными конструкциями, где грамматическое значение выражалось не одним служебным словом, а сочетанием служебного слова со знаменательным. Среди служебных слов увеличилось число таких, которые происходят непосредственно от знаменательных. В языке окончательно возобладала аналитическая техника выражения грамматических категорий.

Диалекты китайского языка эпохи Хань

Китайский разговорный язык эпохи династии Хань представлял собой совокупность диалектов. Имеется несколько источников сведений о диалектах того времени. Из них основным

является словарь «Фанъянь», написанный знаменитым ханьским поэтом и филологом Ян Сюном на рубеже нашей эры. Указания на географические области распространения диалектной лексики в этом словаре позволяют выделить диалектные ареалы разного уровня.

В 30-х годах Линь Юйтан выделил 14 диалектных ареалов [Линь Юйтан, 1967, 36—37]. Используя методы современной лингвистической географии, в конце 50-х годов П. Серройс выделил следующие шесть крупных диалектных ареалов того времени.

1. Западные диалекты. Царства Цинь и Цзинь, административные округа Лянчжоу и Ичжоу — современный северо-запад и запад Китая.

2. Центральные диалекты. Их Ян Сюн обобщенно называл диалектами к востоку от заставы Ханьгугуань. В свою очередь, они делились на западную группу: домен Чжоу и царство Чжэн, долины рек Лошуй и Ханьшуй — западная часть современной провинции Хэнань и северная часть современной провинции Хубэй и восточную: царства Сун, Вэй, Лу, Ци, Вэй II — восточная часть современной провинции Хэнань и западная часть современной провинции Шаньдун.

3. Северные и северо-восточные диалекты. Царства Янь и Чжао, административный округ Дайцзюнь, территории на п-ове Ляодун и в современной Северной Корее — северная часть современных провинций Шэньси, Шаньси, Хэбэй, провинция Ляонин полностью.

4. Восточные диалекты. Восточное Ци, административные округа Хайдай и Сюйчжоу, долина р. Хуайхэ — восточная часть современной провинции Шаньдун, северная часть Цзянсу, восточная часть современной провинции Аньхой.

5. Юго-восточные диалекты. Царства У, Юэ, административный округ Янчжоу, долина р. Оуцзян — южная часть современной провинции Цзянсу, современная провинция Чжэцзян, северная часть Фуцзяни.

6. Южные диалекты. Царство Чу, которое, в свою очередь, делилось на три диалектных ареала: а) северная часть царства Чу и царство Чэнь, долины рек Жушуй и Иншуй — восточная часть современной провинции Хубэй; б) междуречье Янцзы — Хуайхэ — южная часть современной провинции Аньхой, в) южная часть царства Чу — административный округ Цзинчжоу, долины рек Янцзы, Сянцзян, Юаньцзян, Лицзян — северная часть современной Хунани [Segguys, 1959, 98—99].

Ло Чанпэй и Чжоу Цзумо пришли к сходной классификации диалектов китайского языка эпохи Хань. Они выделяют семь диалектных ареалов, потому что считают диалекты южной части царства Чу отдельной диалектной группой [Ло Чанпэй, Чжоу Цзумо, 1958, 72].

Важным источником наших сведений о диалектах китайского

языка того времени являются труды ханьских филологов, которые в своих комментариях к классическим текстам упоминали о диалектной принадлежности некоторых слов. Указания на диалекты, встречающиеся в их трудах, даются в географических терминах, близких к терминологии «Фанъяня». Они подтверждают достоверность сведений, сообщенных в словаре Ян Сюаня, и в некоторых случаях уточняют их.

Наиболее достоверные и систематические сведения о фонетике китайского языка III в. до н. э. — III в. н. э. дает анализ рифм поэтических произведений того времени. Династия Хань была периодом расцвета китайской поэзии. За шесть веков ее правления было создано множество поэтических произведений, большая часть которых дошла до нашего времени. Поэты периода династии Хань не имели словарей рифм, которые появились позднее — в V—VI вв. Поэтому они версифицировали свободнее, чем поэты следующих поколений. Однако это вовсе не означало полной свободы в рифме. Обязательным образцом для подражания для них всегда был «Шицзин», на рифмы которого ориентировались ревностные сторонники традиции. Устное исполнение стихов требовало ясного созвучия рифмующихся слов, поэтому введение больших или меньших элементов современно-го чтения иероглифов в поэтическую практику сторонников традиции было неизбежно. Рифмы поэтических произведений эпохи династии Хань убеждают в том, что большинство поэтов придерживалось неписаных правил версификации, учитывающих как поэтическую традицию, так и современный язык. При этом обнаруживается, что отдельные поэты отклоняются от общей тенденции версификации несколько больше, чем другие, причем поэты, происходящие из одной и той же диалектной области, обнаруживают сходные особенности рифмовки, которые можно объяснить только особенностями их родного диалекта.

По рифмам произведений поэтов — уроженцев Западного Китая, можно сказать, что западные диалекты того времени утратили или почти утратили звонкие конечные согласные. Слоги с конечным *-m* перед гласными переднего ряда иногда рифмовались со слогами с конечным *-n*, что означает начало перехода конечного *-m* в *-n* в слогах этого типа. Слоги с конечными согласными *-k* и *-p* могли рифмоваться между собой, но никогда не рифмовались со слогами с конечным *-t* [Ло Чанпэй, Чжоу Цзунмо, 1958, 97—100].

По рифмам поэтических произведений, принадлежащих уроженцам Северо-Восточного Китая, можно сказать, что северо-восточные диалекты того времени утратили почти полностью звонкие конечные согласные. Они сохранились, по-видимому, только в отдельных словах. Слоги с конечным *-ng* в этих диалектах свободно рифмуются со слогами с конечными *-n* и *-m*. Слоги с глухими смычными *-p*, *-t*, *-k* на конце также свободно рифмуются между собой [там же, 89—99].

По фонетическим глоссам словаря «Шимин», написанного Лю Си, уроженцем Цинчжоу, можно сказать, что восточные диалекты того времени почти полностью утратили звонкие конечные согласные. Слоги с конечным *-m* не рифмуются со слогами с другими конечными носовыми сонантами. Однако слоги с конечным *-ng* и слогообразующими гласными переднего ряда могли рифмоваться со слогами с конечным *-n*. Слоги с конечным *-n* и слогообразующими гласными переднего ряда могли рифмоваться с соответствующими открытыми слогами [там же, 112].

По рифмам поэтических частей философского трактата «Хуайнаньцзы», написанного Лю Анем, уроженцем Пэйсяня, можно сказать, что юго-восточные диалекты китайского языка эпохи династии Хань сохраняли вокализм, который был близок вокализму «Шицзина». Эти диалекты сохраняли звонкие конечные согласные, полностью или почти полностью утраченные в северных и восточных диалектах. Слоги с конечным *-m* не рифмуются со слогами с другими конечными носовыми сонантами. Глухие конечные согласные *-p*, *-t*, *-k* никогда не рифмуются между собой. Примечательной особенностью юго-восточных диалектов китайского языка является то, что слоги с конечным сонантом *-ng* и слогообразующими гласными переднего ряда могли рифмоваться со слогами с конечным *-n*. Слоги с конечным *-n* могли рифмоваться с открытыми слогами с соответствующими слогообразующими гласными [там же, 76—83].

Аналогичные особенности версификации обнаруживаются в поэтических произведениях Сыма Сянжу, Ван Бао, Ян Сюна — уроженцев Шу (Сычуань), а также поэтов — уроженцев южной части современной провинции Хэнань [там же, 86—89, 103—104]. Это позволяет считать, что все диалекты китайского языка, расположенные в ареале, протянувшемся вдоль северного берега Янцзы от Восточно-Китайского моря до современной провинции Сычуань, обладали этими общими признаками.

Исследование лексик диалектов китайского языка периода династии Западная Хань приводит к реконструкции весьма примечательной структуры диалектов того времени. Основная лингвистическая граница, которая делила всю область распространения китайского языка на две части, проходила по долине р. Фэньхэ и далее на юг до пересечения с Янцзы. Эта линия делила диалекты китайского языка на западную и восточную группы. Приведенные выше основные особенности вокализма диалектов эпохи Хань в целом подтверждают это деление. Западные диалекты характеризуются стабильными конечными носовыми сонантами *-m*, *-n*, *-ng* и нестабильными конечными шумными *-p*, *-t*, *-k*, между тем как восточные диалекты — стабильными шумными смычными *-p*, *-t*, *-k*, стабильным *-m* и нестабильными *-n* и *-ng*. Северные диалекты в этом отношении больше напоминают западные, а южные — восточные.

Одновременно с этой традиционной линией деления диалек-

тов китайского языка на западную и восточную группы явственно просматривается зарождение новой линии деления диалектов китайского языка на северную и южную группы. Северная группа характеризуется наличием значительного числа новых черт в фонетическом облике своих слов, между тем как южная группа диалектов сохраняет архаические черты, свойственные китайскому языку «Шицзина» — древнейшего поэтического памятника Китая.

Диалекты и общий язык

При составлении своего словаря диалектов Ян Сюн последовательно различал слова, принадлежащие определенным диалектам, и слова, распространенные повсеместно, которые он называл туньюй или фаньюй. Задача его словаря состояла в том, чтобы истолковать малоизвестные или вообще неизвестные диалектизмы с помощью таких слов, которые были знакомы тем, кто мог воспользоваться его словарем. Таким образом, в его словаре лексика общего языка состояла из слов, которые он сам охарактеризовал как общераспространенные, и из слов, с помощью которых истолковывалась диалектная лексика.

Сравнение лексики общего языка с диалектной показывает, что общий язык эпохи династии Хань формировался на основании диалектов. Исследователь «Фанъяня» П. Серройс при сравнении диалектов китайского языка эпохи Хань различает два вида сходства: совпадающие слова, обозначенные одним и тем же иероглифом, и фонетически сходные слова с одинаковым или близким значением, обозначенные разными иероглифами [Sergruys, 1959, 188].

По абсолютному числу диалектных слов, совпадающих со словами общего языка, диалектные ареалы выстраиваются в следующей нисходящей последовательности: западный ареал в целом («к западу от заставы Ханьгугуань»), ареал царств Цинь и Цзинь, царство Чу, восточный ареал («к востоку от заставы Ханьгугуань»), включая домен Чжоу и царство Чжэн, южное Чу, царства Чжао и Вэй, царства Чэнь, Ци, Восточное Ци, царство У. По абсолютному числу диалектных слов, лишь незначительно отличающихся от слов общего языка, диалектные ареалы выстраиваются в почти той же последовательности [там же, 190].

Слова общего языка, совпадающие со словами диалектов китайского языка периода династии Хань, составляют примерно треть общекитайской лексики. Остальные две трети являются словами, в большей или меньшей степени сходными с лексикой диалектов эпохи династии Хань. Если попытаться выяснить, на какие диалекты более всего походят слова общего языка, не совпадающие с диалектной лексикой, то окажется, что по абсолютному числу слов, сходных с общим языком и обнаруживаемых в разных диалектах, диалектные ареалы выстраиваются

в следующей нисходящей последовательности: царство Чу, Южное Чу, царства Цинь и Цзинь, ареал «к востоку от заставы Ханьгугуань», царство Ци, царство Вэй, ареал «к западу от заставы Ханьгугуань», Восточное Ци, царство У, царство Чжао, ареал Хай—Дай, долина р. Хуайхэ, царства Ян и Юэ [там же, 190—191].

При всем несовершенстве этой статистики приведенные данные показывают, что в лексике общего языка явственно различаются два пласта, из которых один состоит из слов западного происхождения, другой — из слов, обнаруживающих сходство со словами восточных диалектов китайского языка. Слова западных диалектов китайского языка явно представляют собой новый слой лексики общего языка, появление которого вызвано широко известными фактами истории — объединением страны и ролью царства Цинь в этом объединении. Их появление связано с перемещением столицы в Чанъань, с возрастанием значения выходцев из западных царств в сфере управления и культуры. Однако эти новые слова западного происхождения не создали новый общий язык, а лишь присоединились к общему языку, который существовал в конце эпохи Чжоу и в эпоху Цинь. Этот более старый слой лексики общего языка сохраняет явные связи с лексикой царств долины Хуанхэ и междуречья Хуанхэ—Янцзы.

Эти факты свидетельствуют о том, что начало формирования общего устного языка в Китае относится к периоду Чжаньго. Частые войны и вызванные этим перемещения значительных масс населения, естественно, приводили к смешению диалектов и к выравниванию диалектных признаков. Скорее всего на территории Китая того времени существовал не один, а несколько центров смешения диалектов и формирования локальных общих языков. Наиболее значительным центром такого рода была долина Хуанхэ.

Центральные диалекты, явственно выделяемые в словаре «Фанъянь», носят обобщенное название диалектов ареала «к востоку от заставы Ханьгугуань». В эту группу входят диалекты домена Чжоу царств Чжэн, Сун, Вэй, Лу, Ци, Вэй II. П. Серройс рассматривает эту группу диалектов как консервативную и несклонную к восприятию слов других групп. Их консерватизм отражает сознание важности и правильности своего языка, свойственное этим царствам, которые действительно были в культурном отношении более развиты по сравнению со своими соседями [Serruys, 1959, 218—220].

Лингвистическая интеграция Китая, проходившая в период Чжаньго и продолжившаяся ускоренными темпами в эпоху Цинь и Хань, шла параллельно процессу политической интеграции. Очевидно, что к началу нашей эры, когда составлялся словарь «Фанъянь», процессы лингвистической интеграции продвинулись настолько, что сфера распространения общего языка расшири-

лась и включала не только центральные области, но также и восточные.

К началу династии Хань китайская письменность и китайский язык, засвидетельствованные в памятниках письменности, уже прошли тысячелетний путь развития.

Исследователи китайского письменного языка обращают внимание на то, что язык надписей на бронзе, относящихся к династии Западная Чжоу, в грамматическом отношении лишь незначительно отличается от языка гадательных надписей, несмотря на то что эти надписи представляют непрерывную линию развития языка на протяжении по меньшей мере пяти столетий [Чжоу Цзумо, 1957, 32]. Такая стабильность языка на протяжении столь длительного периода может быть объяснена тем, что язык надписей очень быстро сделался письменным языком, который не совпадал с разговорным языком того времени.

Широкое распространение письма в период Чжаньго привело к сближению письменного языка с разговорным. Это сближение проявилось в том, что в некоторых текстах, особенно в созданных в окраинных китайских царствах, стала встречаться лексика, отсутствующая в текстах, созданных в долине Хуанхэ. Часть этой диалектной лексики, встречающаяся в памятниках письменности периода Чжаньго, собрана в словаре «Фанъянь». Статистические исследования древнейших письменных текстов указывают на различие в использовании некоторых служебных слов, исследования по лексике — на наличие диалектных слов в отдельных текстах эпохи Чжаньго [Яхонтов, 1965, 83; Карапетьянц, 1968, 106—109]. Однако в целом тексты периода Чжаньго в их современном виде написаны на достаточно стандартизованном языке, который мог быть только языком письменным, потому что в той лингвистической ситуации, которая сложилась в эпоху Чжаньго, тексты, написанные на устном языке, никак не могли бы обнаружить столь высокой степени однородности.

Столь раннее появление письменного языка в древнем Китае периода Чжоу не является исключением в мировой истории письменных языков. Письменные языки с особой легкостью появляются в обществах, говорящих на многих диалектах. Один из этих диалектов — иногда языков — может в таких случаях выступать как письменный. Как отмечает И. М. Тронский, искусство письма всегда казалось в древности сокровенной мудростью и требовало соответствующего языкового стиля [Тронский, 1973, 99]. Поэтому разумнее считать, что письменный язык ни в эпоху Чжоу, ни в какую другую эпоху не был прямым воспроизведением какого-либо одного диалекта. Скорее всего это был наддиалектный письменный язык, который грамматически и лексически базировался на диалектах центральных царств.

Эпоха Хань, воспринявшая культурную традицию предшествующей эпохи Чжоу, унаследовала от нее также письменный

язык и способы пользования им. Конфуций считал образцом для современных ему философских и исторических трудов язык «Шицзина», «Шуцзина» и других классических книг [Legge, 1940, 1, 200]. Для ханьских авторов образцами для подражания служили не только древнейшие классические книги, но также и произведения философов и историков эпохи Чжаньго.

Все тексты эпохи династии Хань написаны на письменном языке, основанном на классических текстах эпохи Чжаньго. В настоящее время известен только один текст, в котором нашел отражение китайский разговорный язык эпохи Хань,— это комментарий к классическому тексту Мэнцзы, составленному китайским филологом Чжао Цзи (умер в 201 г. н. э.). Составной частью комментария Чжао Цзи является парафраза текста Мэнцзы простым языком для тех, кто начинал изучение этого произведения. У. Добсон называет язык этого парафраза «простым литературным языком», которому он противопоставляет «классический китайский язык эпохи Хань», отличающийся значительной сложностью [Dobson, 1964, 109—111]. В языке парафраза Чжао Цзи уже отчетливо видны его связи со среднекитайским языком.

Для развития письменного языка в эпоху Хань и в последующее время большое значение имели «Исторические записки» Сыма Цяня. Это произведение по праву считается не только выдающимся историческим трудом, но также и образцом научной и повествовательной прозы. При создании «Исторических записок» Сыма Цянь пользовался такими широко известными историческими трудами эпохи Чжоу, как «Цзочжуань» и «Чжаньгоцз», а также неопубликованными материалами из императорского архива. Для того чтобы сделать свое изложение исторических событий как можно ближе к источникам, Сыма Цянь очень часто близко к тексту пересказывал содержание известных исторических трудов древности. При их пересказе он не только сокращал их, но также иногда и вносил изменения лингвистического характера, цель которых состояла в том, чтобы сделать чжоуский источник более понятным своим современникам. Так, например, в «Цзочжуани» говорится: *Чжуан Гун у шэн* — «Чжуан Гун родился в муках». У Сыма Цяня это событие описывается следующим образом: *Чжуан Гун шэн чжи нань* — «Чжуан Гун родился с трудом». В изложении Сыма Цяня слово *у* «кричать во сне», «кричать в бессознательном состоянии» заменено более понятным для его современников словом *нань* «трудный, мучительный» [Ван Босянь, 1957, 3].

Несомненно, что за четыре века, отделявшие Сыма Цяня от эпохи Чжаньго, китайский язык претерпел изменения и, конечно, отличался от языка исторических произведений этого периода. Сыма Цянь не пошел по пути воспроизведения языка классических текстов. Он модернизировал язык чжоуских исторических текстов, добавив в них отдельные слова и грамматиче-

ские формы современного ему древнекитайского языка эпохи Хань.

Служебные слова древнекитайского языка, встречающиеся в классических текстах, Сыма Цянь использует двояко. В одном случае он использует служебное слово чжоуских текстов в том же самом значении, в котором оно встречается там, например *янь* «где», «куда?». В других случаях он видоизменял значение служебного слова. Например, служебный глагол *ми* встречается в «Шицзине» в значении «не иметь», однако у Сыма Цяня эта же морфема используется в местоименном значении «никто» или «ничто» [Ян Шуда, 1954, 33] наряду со стандартным словом *мо* для передачи этого значения.

В свои «Исторические записки» Сыма Цянь вносил элементы современного ему разговорного языка.

Префигирующее служебное слово *чан* для образования формы давнопрошедшего времени глагола употреблялось как в чжоуских текстах, так и в «Исторических записках». Однако наряду с ним Сыма Цянь использует в том же значении служебное слово *цэн*, которое в чжоуских текстах не встречалось. Очевидно, что эта форма давнопрошедшего времени пришла в «Исторические записки» из разговорного языка своего времени.

В языке «Исторических записок» появляются отсутствующие в чжоуских текстах служебные морфемы *сян* — показатель взаимного залога, *и* — показатель давнопрошедшего времени, местоимение 3-го лица *и* («он»), а также глагол-предлог *цун* («из»). Все эти слова, которые используются у Сыма Цяня лишь время от времени, представляют собой регулярные формы среднекитайского языка. Очевидно, что в нужных случаях Сыма Цянь без колебаний вводил в свое произведение грамматические формы современного ему языка, которые отсутствовали в классических текстах.

«Исторические записки» Сыма Цяня были первым и наиболее авторитетным трудом по истории Китая, который послужил образцом для всех последующих династийных историй не только по своей структуре, но также и по языку. Сыма Цянь освободил письменный язык своего времени от явных архаизмов в лексике и грамматике. Он приблизил письменный язык к разговорному языку своего времени, но это сближение имело свои пределы. Отдельные фразы на разговорном языке, содержащиеся в «Исторических записках», свидетельствуют о том, что различие между письменным и разговорным языком уже существовало во времена Сыма Цяня. На письменном языке того времени, вероятно, еще можно было говорить, но для этого требовалась специальная подготовка, поэтому владение устной формой письменного языка было уделом сравнительно небольшого числа людей, получивших классическое образование.

Структура знаков китайской иероглифической письменности проделала обычную для иероглифических письменностей эволюцию от преобладания пиктограмм к преобладанию фонетических знаков. Как уже указывалось, наиболее ранние графические формы знаков китайского письма встречаются в надписях на гадательных костях. Более поздняя эпоха графической эволюции отражена в надписях на бронзовых сосудах, относящихся ко времени династии Западная Чжоу. В последующие исторические эпохи Чуньцю и Чжаньго число письменных памятников быстро растет. В настоящее время исследователи истории китайской письменности располагают сведениями о графической форме знаков китайского письма разного времени и из разных частей древнего Китая.

Однако графическая эволюция китайской письменности протекала не только под влиянием стихийных факторов. Письменность как один из важных компонентов культуры очень рано сделалась предметом интереса политических деятелей. Поэтому развитие китайского письма в эпоху Цинь и Хань — это период государственной реформы письменности и первые шаги развития китайского письма в рамках официальных установлений.

Реформа письма и развитие графики

К моменту образования империи Цинь история китайской письменности уже насчитывала не менее тысячи лет. За это время она прошла ряд стадий в своем развитии, засвидетельствованных в различных эпиграфических памятниках. В графической эволюции китайского письма легко прослеживается прямая линия от самых ранних изображений на гадательных костях к знакам современного вида. Однако при общем сходстве графические формы знаков эпохи Чжаньго существенно варьировали в зависимости от времени и места их начертания.

Пока китайская письменность не получила широкого распространения, проблема графического единства письма не имела существенного значения, однако по мере распространения письма расширялись и его общественные функции, поэтому потребность в государственном контроле над графическим единством китайского письма становилась все более настоятельной. Первым известным опытом кодификации графики китайского письма является список иероглифов «Ши Чжоу пянь», написанный при Сюань-ване (827—782 гг. до н. э.) придворным историографом Ши Чжоу. Этот список состоял из 15 глав, где иероглифы, вероятно, были расположены в некотором осмысленном порядке.

Графическая форма знаков китайского письма, кодифицированных в «Ши Чжоу пяне», называется дачжуань — «великая

печать». Знаков дачжуань известно не так много. Все они приводятся в словаре «Шовэнь цзецзы». Один из вариантов письма дачжуань можно увидеть также на нескольких надписях, появившихся немного позже появления «Ши Чжоу пня». Эти древнейшие памятники китайского письма дачжуань называются шигу вэнь — надписи на каменных барабанах. Десять каменных барабанов с такими надписями были обнаружены на территории бывшего царства Цинь еще в эпоху династии Тан (VII—X вв.) [Крюков, 1969, 4—5]. Письмо такого же типа используется на Пинъянской стеле, обнаруженной тоже на территории бывшего царства Цинь [Лян Дунхань, 1965, 179].

Знаки дачжуань, встречающиеся в указанных эпиграфических памятниках, проще знаков дачжуань, приведенных в словаре «Шовэнь цзецзы». Это означает, что эффективность «Ши Чжоу пня» как нормативного документа была невысока и для практических целей могли использоваться упрощенные знаки. Таким образом, «Ши Чжоу пня» выполнял в эпоху Чжоу функции графического стандарта, от которого могли быть довольно значительные отклонения.

По мере усиления центробежных тенденций в эпоху Чжоу становились более ощутимыми также особенности письма в разных царствах этой эпохи. В период Чжаньго локальные черты китайской письменности достигли высшего развития.

Ван Говэй высказал мнение, что в период Чжаньго в Китае существовало два варианта письменности — письменность Цинь и письменность остальных шести царств. Письменность Цинь он выводил непосредственно из дачжуань, кодифицированной в «Ши Чжоу пня», а письменность шести царств — гувэнь — из письменности Инь и Чжоу [Ван Говэй, 1959, 2]. Однако современные эпиграфические материалы позволяют считать, что существовала по меньшей мере еще одна разновидность китайского письма — письменность царства Чу, которая существенно отличалась от других вариантов, представленных в эпиграфических памятниках Чжаньго [Лян Дунхань, 1965, 180].

Исследование текста шелковой грамоты сакрального содержания, написанной в царстве Чу в конце эпохи Чжаньго, свидетельствует о значительном своеобразии иероглифической письменности и языка этого периферийного ареала древнего Китая. Текст грамоты первоначально состоял из 963 иероглифов, из которых сохранилось только 804. Из числа сохранившихся 110 знаков не встречаются ни в одном из известных письменных памятников той эпохи и не имеют наследников в современном китайском письме [Barnard, 1973, 56—57]. Насколько можно судить по сохранившимся частям этого текста, его грамматика не отличается от грамматики текстов той эпохи, написанных в других частях древнего Китая, однако такое количество специфических знаков говорит о том, что его лексика насыщена словами, большинство которых принадлежало диалекту царства Чу.

Значение иероглифической письменности как важного фактора духовной жизни Китая того времени было достаточно осознано в высших политических кругах. Поэтому после объединения древнекитайских царств под властью династии Цинь политика в области китайского письма формулировалась как шу тун вэнь — «писать одинаковыми знаками». Одной из первых правительственных реформ, проведенных после объединения Китая, была реформа письменности. «Когда циньский Шихуанди впервые объединил Поднебесную,—описывал Сюй Шэнь события того времени,—его первый министр подал доклад об унификации письменности и упразднении тех знаков, которые не были сходны с циньским письмом. Ли Сы написал „Цан Цзе пянь“, Чжао Гао — „Юаньли пянь“, Ху Гуаньцзин — „Босюэ пянь“. Во всех этих книгах они использовали письменность великой печати Шин-чжоу, но при этом некоторые знаки были существенно упрощены и изменены. Это письмо и было так называемой малой печатью — сяочжуань» [Сюй Шэнь].

Это описание реформы письменности вполне соответствует современному определению унификации и упрощения. Книги, написанные Ли Сы, Чжао Гао и Ху Гуаньцзингом, представляли собой нормативные документы этой реформы. В дальнейшем они были объединены в единый нормативный свод иероглифов китайской письменности под названием «Сань цан».

Исследователи истории китайского письма указывают особо на устойчивость результатов реформы циньского Шихуан-ди. В самом деле, династия Цинь просуществовала всего 40 лет — совершенно мизерный срок по сравнению со временем существования китайской письменности. И несмотря на это, новое письмо не было отброшено в смутное время соперничества Чу и Хань за имперский престол, а продолжало существовать в реформированном виде. В послесловии Сюй Шэня к «Шовэню» содержится явный намек на уничтожение книг при циньском Шихуан-ди как на основную причину гибели старого письма. «В то время,— пишет он,—династия Цинь уничтожила огнем конфуцианские каноны; отбросила древние книги, вела большие походы, благоустроила северо-запад. Государственных дел было очень много, и поэтому впервые в это время появилось писцовое письмо лишь, основными принципами которого были простота и легкость, и древнее письмо с этого времени прекратило свое существование» [Сюй Шэнь]. Основная масса текстов древнего письма была уничтожена, поэтому оказалось, что единственным видом китайского письма, которое было известно большинству грамотных людей в конце династии Цинь и в начале династии Хань, было новое, реформированное письмо.

Письменность была унифицирована, однако унификация не препятствовала сосуществованию нескольких стилей начертаний иероглифов. В эпоху династий Цинь и Хань было восемь таких стилей (100): 1) дачжуань (101) — «великая печать»,



Рис. 62. Ханьская надпись на каменной стеле

2) сяочжуань (102) — «малая печать», 3) кэфу (103) — «письмо для резных бирок», 4) чуншу (104) — «знаки, похожие на насекомых», 5) муин (105) — «знаки для печатей», 6) шушу (106) — «канцелярское письмо», 7) шушу (107) — «знаки для надписей на оружии», 8) лишу (108) — «писцовое письмо». Первые семь из перечисленных восьми стилей начертания знаков были слишком сложны для повседневного употребления, поэтому наиболее распространенным оказался самый простой — восьмой — стиль лишу, родоначальник современного начертания знаков китайского письма.

Лишу сформировался в результате тех изменений в начертании иероглифов, которые потребовались при массовом использовании китайской письменности. Лян Дунхань считает, что так называемое циньское лишу фактически представляет собой небрежное начертание знаков сяочжуань [Лян Дунхань, 1965, 182]. Стабилизация лишу как самостоятельного стиля начертания знаков китайского письма произошла в эпоху династии

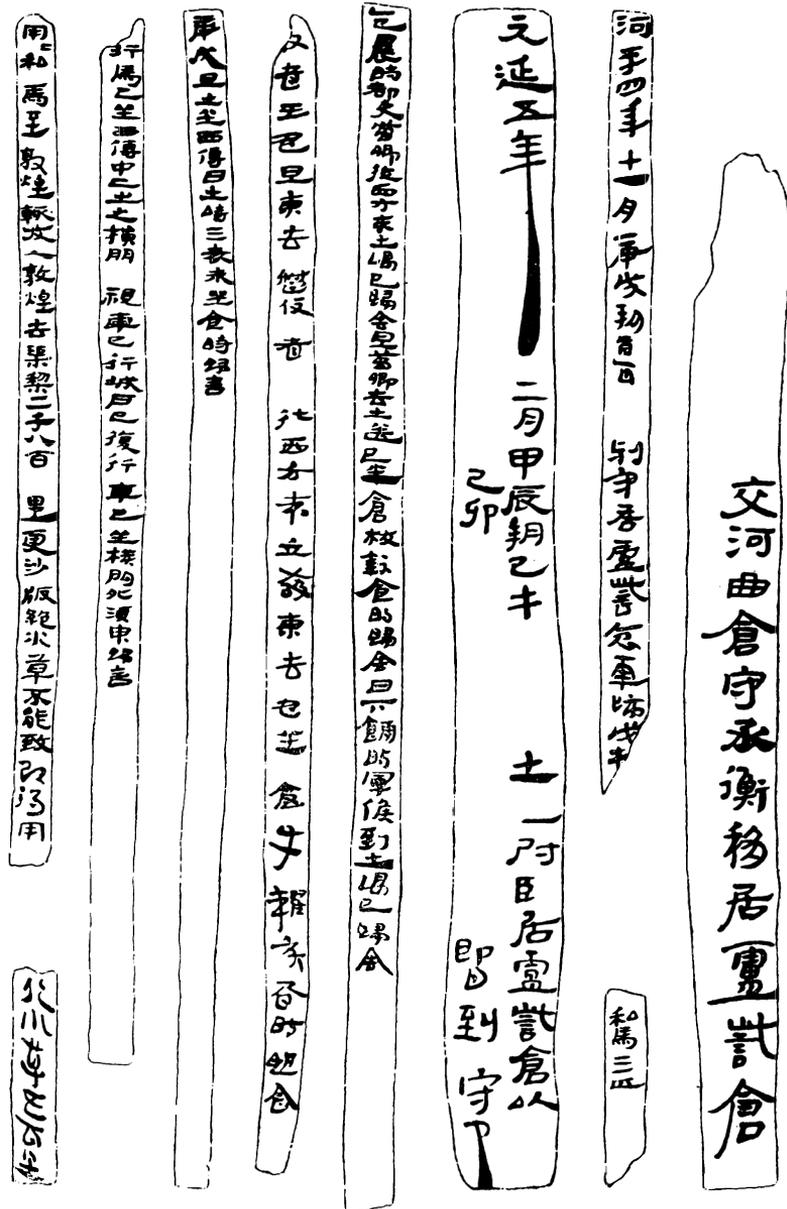


Рис. 63. Образцы ханьского почерка «паошу»

Хань. Лишу первых столетий династии Хань называется древним лишу. Наиболее ранним образцом этого стиля является стела 2-го г. Уфэн императора Сюань-ди (56 г. до н. э.). Графи-

чески лишь характеризуется переходом от закругленных линий стиля чжуань к острым углам, а в расположении графических элементов внутри знака — переходом от вертикально-прямоугольной к квадратной или горизонтально-прямоугольной компоновке (рис. 62).

В дальнейшем ханьский стиль лишь стал развиваться в двух направлениях: создание скорописных начертаний стиля цаошу (109) — «травяное письмо» и создание стандартного начертания кайшу. Были созданы два варианта скорописного стиля цаошу: чжанцао (110) — «регулярное цаошу» и куанцао (111) — «бешеное цаошу». Название «травяное письмо» было дано этому стилю начертания иероглифов потому, что скорописные линии знаков, переходящие одна в другую, производили впечатление спутанных стеблей травы. Чжанцао («регулярное цаошу») представляло собой такой стиль, где знак писался не отрывая кисти от бумаги, но соединение соседних знаков запрещалось (рис. 63). Куанцао («бешеное цаошу») — это такой стиль, где начертания соседних знаков переходили одно в другое. Такого рода начертание приводило к значительной деформации знаков и использовалось прежде всего в частной переписке и в художественных надписях.

В результате дальнейшего усовершенствования лишь был создан стандартный стиль кайшу (112) («уставное письмо»), который отличался от лишь тем, что в нем отсутствовали утолщенные линии, компоновка графических элементов всегда была строго квадратной. Это стандартное письмо сохранялось вплоть до реформы китайской письменности 1956—1959 гг. На основании кайшу были разработаны также курсив синшу (113) и новая скоропись цаошу. Так к концу династии Хань была создана графическая форма китайской письменности, которая просуществовала многие столетия и с небольшими изменениями продолжает существовать в наши дни.

Теория китайской письменности

Несмотря на то что письменность дачжуань в эпоху Чжоу сохраняла еще достаточно прочные связи с ранним пиктографическим письмом, которое, как мы предполагаем, в некоторых случаях позволяло догадываться о значении отдельных письменных знаков по их внешнему виду, однако в конце эпохи Чжоу основная масса письменных знаков принадлежала идеографической и фонетической категориям, т. е. большинство из них стало обладать внутренней смысловой структурой. В поздних чжоуских текстах встречаются отдельные примеры истолкования смысловой структуры знаков китайского письма. Большинство грамотных людей во времена династии Поздняя Чжоу достаточно хорошо сознавали то, что знаки китайского письма состоят либо из простых знаков *вэнь*, внутри которых невозможно выде-

лить значимые части, либо из сложных знаков *цзы*, которые состоят из нескольких значимых графических элементов. Так, например, в «Цзо чжуани» говорится, что знак (114) *гу* «яд» состоит из знаков (115) *чун* «пресмыкающееся» и (116) *минь* «чашка» [Лян Дунхань, 1965, 88]. Однако далеко не всегда их понимание смысловой структуры знаков китайского письма было правильным.

Сведения о структуре знаков китайской письменности были в конце концов сведены в систему. Первое упоминание о теории китайского письма содержится в «Чжоули». В разделе о воспитании наследника престола говорится, что в числе шести искусств, которым он должен быть обучен, имеется искусство шести категорий письма. Так впервые в китайской письменной традиции появляется термин «шесть категорий письма», содержание которого было расшифровано только лишь в первом столетии нашей эры — в предисловии Сюй Шэня к словарю «Шовэнь». Помимо Сюй Шэня сведения о шести категориях китайского письма можно найти у Бань Гу в его истории Хань и в комментарии Чжэн Чжуна к «Чжоули», однако у Баня и Чжэна имеются лишь перечисления этих шести категорий в различной последовательности и под разными наименованиями. Поэтому о содержании этих шести категорий можно судить только по тому, что сказано о них в предисловии к «Шовэню» и в самом словаре; но о последовательности этих категорий и о различных пониманиях связей между ними, которых придерживались разные школы филологов династии Хань, можно судить и по перечислениям Бань Гу и Чжэн Чжуна. Рассмотрим шесть категорий китайского письма в последовательности Сюй Шэня.

1. Иероглифы указательной категории. «Знаки указательной категории, — пишет Сюй Шэнь, — можно распознать при взгляде на них: при внимательном рассмотрении видно их значение. Таковы знаки *шан* (117) „верх“ и *ся* (118) „низ“». В действительности к указательной категории относились не только знаки, представляющие собой указания на направление или местонахождение. Такие знаки чаще всего создавались для слов, обозначающих часть или неотделяемую принадлежность предмета. Например, по поводу знака *бэнь* (119) „корень“ в „Шовэне“ говорится: «То, что в низу дерева, называется корень; этот знак состоит из знака *му* (120) „дерево“ и *и* (121) „один“ внизу»; по поводу знака *мо* (122) „вершина“ говорится: «То, что вверху дерева, называется вершиной; он состоит из знака *му* (120) «дерево“ и *и* (121) „один“ наверху». Очевидно, что в обоих этих случаях знак *и* „один“ выступает не как знаменательная часть знаков „корень“ и „вершина“, а как указатель на то, что в пиктограмме „дерево“ выделена нижняя или верхняя часть для получения соответствующих значений.

2. Иероглифы изобразительной категории. „Знаки изобразительной категории, — пишет Сюй Шэнь, — изображают предмет,

который они обозначают, воспроизводя его внешние очертания. Таковы знаки *жи* (123) „солнце“, *юэ* (124) „луна“». Знаки этой категории очень важны в китайской письменности, потому что они представляют собой основу для образования более сложных знаков с развитой семантической структурой. Однако подобие знака изображаемому предмету, которое было достаточно наглядно в ранних памятниках китайской письменности, постепенно утрачивалось в ходе истории китайского письма. После реформы Ли Сы это сходство было значительно подорвано, а после перехода к современному письму кайшу оно оказалось утраченным окончательно.

3. Иероглифы фонетической категории. «Знаки фонетической категории,— пишет Сюй Шэнь,— это такие знаки, где в зависимости от обозначаемого предмета определяется имя, а затем берется сходный знак и они соединяются вместе. Таковы знаки *цзян* (125) „Янцзы“ и *хэ* (126) „Хуанхэ“». Это определение означает, что знаки фонетической категории представляют собой сочетание семантической части знака, содержащей указание на его значение, и фонетической, содержащей указание на его чтение.

Смысловая часть иероглифа фонетической категории может указывать принадлежность предмета, обозначенного этим иероглифом, к определенному предметному классу; например, *чжан* (127) «камфорное дерево» состоит из смысловой части *му* (120) „дерево“ и фонетической части *чжан* (128) «глава». Иногда смысловая часть иероглифа может обозначать значение иероглифа в целом, например *цяо* (129) «высокий», смысловая часть которого представляет собой усеченный знак *гао* (130) «высокий».

4. Иероглифы идеографической категории. «Знаки идеографической категории,— пишет Сюй Шэнь,— это такие знаки, которые получаются в результате установления пропорции между категориями, с тем чтобы стало видно значение. Таковы знаки *у* (131) „военный“, *синь* (132) „верить“». Это не вполне понятное для нас определение означает, что к идеографической категории относятся сложные знаки, состоящие из двух или большего числа простых; при этом значения простых знаков в сумме составляют значение иероглифа идеографической категории в целом. Это определение не было понятно в полной мере китайским филологам, поэтому в китайской науке о письменности имеется несколько различных толкований этого определения.

Из приведенного выше определения явствует, что создатели знаков идеографической категории решали приблизительно ту же задачу, что и представители современной лингвистической семантики, которые описывают значение слов в терминах ограниченного числа элементарных значений. Объединение элементарных знаков в сложный иероглиф идеографической категории происходило по следующим правилам: 1) сложение двух или

большого числа одинаковых элементарных знаков. Таким путем создавались знаки для слов, обозначающих совокупность однородных предметов или качественную ступень проявления признака при его количественном увеличении: *му* (120) „дерево“, *линь* (133) „лес“, *сэнь* (134) „густой лес“, *янь* (135) „говорить“, *тэ* (136) „болтливость“; 2) объединение двух или большего числа графических элементов по методу сложения значений: значение сложного иероглифа составлено из суммы значений его составных частей. Например, *цао* (137) „пение птиц“, который состоит из *пинь* (138) три „рта“ и знака *му* (120) „дерево“; 3) объединение двух или большего числа графических элементов по методу сложения слов, представляемых этими графическими элементами. Например, *да* (139) „большой“ и *эр* (140) „уши“ образуют *да* (141) „большие уши“; *шао* (142) „мало“ *ли* (143) „сила“ образуют *ле* (144) „слабый“; *му* (120) „дерево“, *сы* (145) „четыре“, *фан* (146) «сторона» — получается (147) *лэн* «четырёхугольный брус» и т. п.; 4) «идеография с помощью непиктографических образов» [Лян Дунхань, 1965, 113—114]: *сяо* (148) «маленький», *да* (139) «большой» образуют знак *цзянь* (149) «острый», т. е. сверху маленький, а снизу большой.

5. Видоизмененные иероглифы. «Видоизмененные знаки,— пишет Сюй Шэнь,— это такие знаки, которые при установлении семантической классификации принадлежат к одной категории, они имеют одинаковое значение и могут употребляться один вместо другого. Таковы знаки *лао* (150) „старый“ и *као* (151) „предок“». По поводу этого довольно туманного определения велись споры между китайскими филологами на протяжении многих столетий. Существует три толкования этого определения: графическое, семантическое и фонетическое. Согласно первому толкованию, в эту категорию входят производные знаки, согласно второму толкованию, иероглифы этой категории рассматривались как частные случаи синонимии знаков, согласно третьему, основанием для образования видоизмененных знаков была потребность в знаках для производных слов. Создание знаков видоизмененной категории не было продуктивным способом образования иероглифов, поэтому наличного материала мало, чтобы с достаточной ясностью представить все принципы образования этих знаков. Однако приложение этого принципа к тангутскому письму указывает на то, что такой способ может с успехом использоваться для образования знаков, служащих для обозначения синонимов или слов, которые связаны ассоциативно. В этих случаях сходство графической формы служило мнемоническим средством, напоминающим о сходстве или об ассоциативной близости значений этих иероглифов.

6. Заимствованные иероглифы. «Когда для предмета нет собственного знака,— пишет Сюй Шэнь,— предмет обозначается с помощью одинаково звучащего иероглифа. Таковы знаки *лин*

(152) „приказ“ и *чан* (153) „длинный“». Общим принципом заимствования иероглифов является использование редких знаков для обозначения часто употребляемых слов. Обязательным условием заимствования было совпадение или сходство чтений заимствуемого знака и слова, для которого этот знак заимствуется. Заимствованные знаки представляли собой частое явление в текстах периодов Чжоу и Хань. Очень часто оказывалось так, что первоначальное значение иероглифа оказывалось забытым, а сохранялось его второе значение, которое он приобрел как заимствованный. Примером может служить знак *нань* (154) „трудный“. Первоначальное его значение — это название птицы, что засвидетельствовано в „Шовэнь цзецзы“. Однако в дальнейшем этот знак используется исключительно в своем современном значении, и о его происхождении напоминает только ключевой знак *чжуй* (155) «короткохвостая птица».

Этимология и графическая система китайского письма

В период династии Западная Хань китайская культура переживала период расцвета. Одним из его признаков было широкое распространение грамотности и быстрое развитие филологии, которая была теоретической основой для образования того времени. Как уже указывалось выше, пособиями при обучении грамоте были списки знаков, сделанные Ли Сы и его сподвижниками, которые неоднократно пополнялись. В дополнение к этим официальным спискам были написаны учебные пособия, которые тем не менее не вмещали в себя всех знаков, находившихся в употреблении.

Помимо того что учебные пособия не давали знания китайского письма того времени в полном объеме, они не содержали также никаких пояснений по поводу значения иероглифов. Между тем потребность в таких пояснениях была достаточно настоятельной. При толковании знаков китайского письма в то время возникали две основные проблемы: что значит иероглиф и почему этот иероглиф имеет такое значение. Иначе говоря, филологи того времени интересовались как современным им значением иероглифа, так и его этимологией.

Исследование этих проблем представляло собой весьма непростую задачу. Письменность эпохи династии Поздняя Хань была реформированной письменностью стиля *лишу*, которая уже далеко отошла от старых начертаний стиля *дачжуань* и сяочжуань, поэтому этимологии знаков, достаточно различные в этих ранних стилях, были затемнены при переходе к начертанию в стиле *лишу*. Трудности этимологии немедленно породили значительное число ошибочных толкований происхождения иероглифов.

Одновременно с процессом создания ложных этимологий филологи, прежде всего филологи направления старого письма, за-

нимались научным анализом знаков китайской письменности со стороны их этимологии и со стороны их современного значения. Первым трудом, в котором были обобщены все достижения китайских филологов в этой области, был словарь «Шовэнь цзецзы», написанный Сюй Шэнем.

Точные даты жизни Сюй Шэня остаются неизвестными. Он родился в середине I в. н. э., а умер в конце первой четверти II в. Однако даты основных событий его жизни известны достаточно хорошо. Его научная жизнь тесно связана с крупным филологом направления старого письма Цзя Куем (30—101), учеником которого он был. Словарь „Шовэнь цзецзы“ был закончен в год смерти Цзя Куя. Поэтому, несомненно, Цзя Куи был осведомлен о его работе и, вероятно, обсуждал с Сюй Шэнем некоторые проблемы, связанные с нею. Однако Сюй Шэнь получил известность не только как ученик Цзя Куя, но и как крупнейший филолог своего времени. Его имя встречается среди имен членов коллегии, редактировавшей тексты классических книг в 4-м году Юнчу императора Ань-ди (114 г. н. э.). В 121 г. он был уже настолько болен, что не выходил из дома и просил своего сына Сюй Чжуна представить его словарь императору. Вскоре после этого словарь был опубликован. 121-й год считается годом издания словаря „Шовэнь цзецзы“ [Чжоу Цзумо, 1956, 26].

Словарь Сюй Шэня представляет собой собрание всех знаков китайского письма и некоторых их исторических форм, известных в его время. Каждая словарная статья „Шовэнь цзецзы“ является кратким исследованием этимологии и современного значения иероглифа. Словарная статья открывается подлежащим истолкованию знаком китайского письма, написанным в стиле сяочжуань, далее объясняется его значение с помощью синонима или более пространного описания, после чего излагается его этимология. При объяснении этимологии перечисляются все составные части иероглифа и указываются конструктивная и семантическая функции каждой из них в отдельности. Объяснение этимологии завершается указанием на принадлежность знака к одной из шести категорий иероглифов.

При объяснении значения иероглифа Сюй Шэнь исходил из того, что каждый знак китайского письма может иметь только одно значение, которое он считал основным; все остальные считались производными от основного. Однако в некоторых случаях в словаре указывается не одно, а два значения. Обычно это бывает в тех случаях, когда разные направления китайской филологии того времени расходились во взглядах на значение иероглифа. Например, знак *цю* (156) толкуется следующим образом: „взятка“, „в обход закона благодарить ценной вещью“. Семантическая часть — *бэй* (157) „драгоценность“, фонетическая часть — *цю* (158) „просить“. Некоторые говорят, что *цю* (156) — это „подарок“.

В словаре „Шовэнь цзецзы“ отсутствуют систематические указания чтений иероглифов. Однако в некоторых случаях Сюй Шэнь считал необходимым указывать такие чтения. Единственным известным ему способом было указание другого знака, чтение которого предполагалось заведомо известным; при этом сообщалось, что этот знак читается так же, как и толкуемый. Исследование этих фонетических толкований показывает, что в качестве указателя чтения мог быть привлечен знак как с точно таким же, так и с похожим чтением.

Важным открытием Сюй Шэня, оказавшим определяющее влияние на структуру словарей китайской письменности, является создание ключевой системы расположения знаков в словаре. Как известно, „Шовэнь цзецзы“ содержал около 10 тыс. иероглифов. Создание словаря такого объема было задачей, которую Сюй Шэнь решал первым в истории китайской филологии. Он распределил все знаки по содержательным классам. Очевидно, что это решение является прямым развитием принципов, лежащих в основе первых учебников китайской письменности.

Сюй Шэнь сделал первый шаг в сторону создания формальной системы классификации знаков китайской письменности по графическим элементам. Он обратил внимание на то, что слова, образующие определенный семантический класс, часто обозначаются иероглифами, имеющими общие семантические части; например, знаки, содержащие семантический элемент „дерево“, обозначают деревянные предметы или названия деревьев, а знаки, содержащие семантический элемент „металл“, обозначают металлические предметы и т. п.

Все знаки своего словаря Сюй Шэнь распределил по 540 содержательным категориям, которые он назвал *бу* (159). При этом первый знак этой категории, *бушоу* (160), был простым, который входил в состав остальных сложных знаков, содержащихся в этой категории. Порядок следования знаков китайской письменности внутри класса «Шовэнь цзецзы» также не случаен. Например, класс „дерево“ начинается с простого знака *му* „дерево“, который входит в состав всех знаков этого класса, затем следуют названия частей дерева — корень, вершина, ствол, ветви, затем названия предметов, непосредственно связанных с деревом, — плод и т. п., а затем названия изделий из дерева. В разделе *янь* (135) „речь“ отдельными группами стоят такие слова, как *ши* (161) „стихи“, *чань* (162) „предсказание“, *фэн* (163) „читать вслух“, *сун* (164) „декламировать“, и такие, как *шань* (165) „злословить“, *цзи* (166) „насмехаться“, *у* (167) „клеветать“, *фэй* (168) „наговаривать“, *бан* (169) „хулить“ [там же, 27]. Очевидно, что эта группировка перенесена в словарь из учебных списков иероглифов.

Последовательность классов в „Шовэнь цзецзы“ также не случайна. Первый знак класса представлял собой как бы его заглавие, а 540 первых знаков классов этого словаря своего ро-

да классификационную схему, назначение которой состояло в том, чтобы вместить все знаки китайской письменности. Список *бушоу* начинается с *и* (121) „один“ и завершается циклическим знаком *хай* (170). Эта последовательность является отражением натурфилософской идеи начала нашей эры, согласно которой в основе природы лежит идея единства, выраженная знаком *и* „один“, а все мироздание завершается инклическим знаком *хай* (170). Таким образом, в самом расположении классов „Шовэнь цзецзы“ легко заметить, что его автор рассматривал свою схему классификации знаков китайской письменности не только как филологическую, но и как философскую проблему и видел в классификации знаков письма классификационную модель мира в целом.

Основное значение словаря Сюй Шэня состоит в том, что здесь проведена кодификация семантической структуры значения каждого знака китайского письма. Тем самым он создал основу филологической традиции на последующие века ее существования. После появления на свет этого словаря все дискуссии относительно значений иероглифов или их этимологии решаются с помощью «Шовэнь цзецзы» и мнение Сюй Шэня считается окончательным.

В настоящее время, после того как проделана большая работа по дешифровке древнейших памятников на костях и бронзовых сосудах, можно указать на отдельные ошибки Сюй Шэня. Так, например, знак *ши* (171) Сюй Шэнь толкует следующим образом. «*Ши* (171) — стрела для лука или арбалета. Состоит из знака *жу* (172) „входить“ и изображения древка, наконечника, оперения». Однако в письменности на гадательных костях стрела изображается просто как древко с наконечником, без знака *жу* (172) „входить“. Имеются и другие примеры ошибочных толкований такого же рода, однако, давая оценку труду Сюй Шэня с точки зрения современных достижений эпиграфики и филологии, можно лишь удивляться, как мало ошибочных этимологий мог сделать человек, отделенный многими веками от письменности на гадательных костях и на бронзе, и признать, что китайская филологическая традиция строилась на прочной основе.

ОСНОВЫ ПИСЬМЕННОЙ ТРАДИЦИИ

Примечательной особенностью китайской средневековой культуры является то, что она построена на сравнительно небольшом числе текстов, относящихся к последнему периоду династии Чжоу — к периоду Чжаньго, времени расцвета общественно-политической мысли, когда были сформулированы основные философские и политические концепции, оказавшие решающее влияние на духовную жизнь Китая последующих эпох. Их

влияние остается значительным и в новое время. Идеи китайских мыслителей этой эпохи известны достаточно хорошо, и интерес к ним не ослабевал никогда на протяжении всей истории Китая. Эти идеи передаются из поколения в поколение в виде письменных текстов, часть которых, несомненно, принадлежит определенным авторам, часть приписывается им, а часть представляет собой запись древнейших традиций. Древние тексты эпохи Чжоу в дальнейшем были сакрализованы, поэтому развитие общественной мысли средневекового Китая часто принимало форму их нового толкования. Вот почему классические тексты и письменная традиция имеют важное значение для истории китайской духовной культуры. Китайская традиционная филология потратила несколько столетий на создание канонического текста произведений, написанных в эпоху Борющихся царств, чтобы передать их последующим поколениям.

Письменные тексты китайской культуры

Период Чжаньго является особой эпохой развития китайской культуры, когда произошел синтез культурных достижений предшествующих эпох и была создана основа для развития духовной жизни Китая на многие столетия его последующей истории. Развитие китайского этноса и его культуры в условиях иноплеменного окружения и острой борьбы за первенство между собственно китайскими государствами не могло не порождать противоречивых тенденций в его культурном развитии. Тем не менее ведущей тенденцией культурного и идеологического развития чжуского Китая было сближение культуры всех китайских государств. Важным средством поддержания культурного единства китайских государств является общая для них всех культурная традиция.

Формирование общей культурной традиции начинается с осознания реального культурного единства нескольких этнических общностей или с осознания необходимости их культурного единства. В любом случае формирование культурного единства является необходимой предпосылкой для создания более тесного политического и экономического единства. Не удивительно, что китайские царства, разделенные значительными расстояниями и естественными преградами, соперничавшие между собой за первенство на Среднекитайской равнине, тем не менее ясно осознавали единство своей культуры и общую противопоставленность иноплеменному окружению.

Точно так же как и в античном мире, важную роль в формировании культурного единства в Китае периода Борющихся царств сыграли ранние формы эпоса. Записи народных песен глубокой древности считались значительной культурной ценностью и наряду с государственными актами хранились в архивах китайских государств. В эпохи Инь и Чжоу уже существовали

сказители, которые исполняли эпические произведения, закладывавшие основы общей культуры китайских государств. Они знакомили слушателей с эпическими произведениями различных царств, что создавало основу для их культурного сближения.

Из ранней истории китайского этноса известно, что такие носители духовной культуры, как прорицатели, политические советники, военачальники высоких и низких рангов, постоянно перемещались из одного царства в другое, от одного правителя к другому, поэтому культурные достижения, созданные в одной части чжоуского Китая, недолго оставались монополей этой области, а распространялись по всей стране. Часть этих советников правителей китайских царств были настоящими мыслителями, создававшими свои школы с многочисленными учениками. Поэтому и тексты, принадлежавшие представителям отдельных школ, вскоре становились достоянием всех китайских царств.

Среди философских школ периода Борющихся царств особое место принадлежит школе Конфуция. Он хорошо понимал действие механизма объединения китайских царств на основе общей культуры и считал, что будущее культурное и политическое единство Поднебесной окажется возможным при наличии мифа о единстве в прошлом. Тем самым будущее единство представится уже не отдаленной целью, а утраченным достоянием, которое нужно всего лишь возратить. Этим следует объяснять его ориентацию на прошлое и основную идею его философской системы „передаю, но не сочиняю“.

Такой подход к культурному наследию не является принципиально новым для Китая того времени. Достижения духовной культуры Китая собирались и распространялись и до Конфуция. Он сумел превратить эту сумму традиционных идей в систему, которой была суждена долгая жизнь в китайской культуре.

В соответствии с такими установками основой учения Конфуция были древние письменные документы, которые он собрал в архивах царства Лу. Эти документы составили шесть книг конфуцианского канона: лю и — „шесть искусств“ или лю цзин — „шесть канонов“.

«Ицзин» — „Книга перемен“ — представляет собой наиболее древний текст, содержащий сведения по натуральной философии. Первоосновой этой книги являются восемь триграмм, создание которых приписывается мифическому императору Фуси. Триграммы представляют собой сочетание трех линий — целых или прерванных. Каждая триграмма имеет собственное значение. Свое значение имеют также отдельные черты, а также позиции, которые они занимают внутри триграммы. Эти триграммы собираются попарно в 64 гексаграммы с собственным значением. Триграммы и гексаграммы использовались в гадательной практике. Большую часть текста „Книги перемен“ состав-

ляют комментарии к гексаграммам, которые содержат важные сведения по натуральной философии и истории древнего Китая.

«Шуцзин» — „Книга документов“ — собрание исторических документов, которые приписываются мифическим и реальным историческим лицам: Яо, Юю, Чэн Тану, Пань Гэну. Содержание этих документов различно; это могут быть речи, обращенные к народу или к придворным, исторические или административные документы и т. п. Глава „Великий закон“ представляет собой вполне законченный философский трактат, начинающийся с изложения космологии и завершающийся изложением проблем этики правителя и подданного.

«Шицзин» — „Книга стихов“ — собрание поэтических произведений периода династии Чжоу. Книга делится на следующие части: „Нравы царств“, где последовательно излагаются стихи, происходящие из разных царств чжоуского Китая, „Малые оды“, „Великие оды“, „Гимны“. В главе „Нравы царств“ представлен фольклор, между тем как в остальных главах наряду с фольклорными собраны авторские произведения, посвященные различным историческим событиям и лицам.

«Лицзин» — „Книга ритуалов“ — изложение теории государственного устройства, приписываемой Чжоу Гуну. Книга делится на шесть глав в соответствии с шестью отраслями государственного управления: министерство Неба — управление первого министра, министерство Земли — управление министра культов и просвещения, министерство Весны — управление министра культов, министерство Лета — управление военного министра, министерство Осени — управление министра общественного спокойствия, министерство Зимы — управление министра податей и финансов.

Летопись «Чуньцю» представляет собой официальную летопись царства Лу, отредактированную самим Конфуцием. В соответствии с правилами построения летописи изложение в ней ведется по годам правления правителей царства Лу. Для этой летописи характерны лапидарный стиль и система авторских оценок действий и поступков исторических деятелей, основанных на употреблении специальных оценочных глаголов, с помощью которых выражается одобрение или неодобрение. В этих оценках выражены взгляды Конфуция на межгосударственные отношения и действия правителей.

С «Чуньцю» неразрывно связано другое историческое произведение эпохи Чжаньго — „Цзочжуань“, — представляющее собой подробную историю того же периода, который был описан в «Чуньцю». „Цзочжуань“ считается комментарием к «Чуньцю», но, вероятно, первоначально представляла собой самостоятельное историческое произведение.

«Юэцзин» — „Книга музыки“ — утеряна. Музыка была важной составной частью ритуала, поэтому Конфуций и его школа уделяли ей особое внимание. Содержание книги неизвестно.

Из этого перечисления явствует, что конфуцианский канон в своем первоначальном виде не содержал трудов, созданных непосредственно Конфуцием. По существу, эти шесть книг были текстами культуры, широко известными по всей стране до Конфуция. Они цитируются всеми авторами эпохи Чжоу как самостоятельные произведения. Таким образом, письменное наследие эпохи Чжоу представляло собой конфуцианское шестикнижие, состоявшее из древнейших текстов, унаследованных от предшествующих эпох, и значительного числа авторских, принадлежавших писателям, философам, общественным деятелям периода Борющихся царств.

Важной составной частью этого наследия являются письменные памятники другого влиятельного философского течения древнего Китая — даосизма. Основу письменной традиции даосизма составляет «Даодэцзин», авторство которого приписывается Лаоцзы. Остальные основополагающие тексты даосской школы были написаны Чжуанцзы и другими видными деятелями даосизма эпохи Чжаньго и составили книгу «Лецзы».

Третьей составной частью письменного наследия Чжоу являются труды философов Мэнцзы, Мо Ди, Гуаньцзы и исторические работы «Чжаньгоэ», «Го юй» и др.

Судьба письменных памятников эпохи Чжоу

Бурное время реформ после объединения Китая под властью династии Цинь не благоприятствовало конфуцианству и соответственно древнейшим текстам китайской культуры, которые были прочно связаны с ним. После того как циньский Шихуан взшел на императорский престол, он по совету своего первого министра Ли Сы расправился с конфуцианцами и их книгами. По распоряжению императора книги были сожжены, большая группа ученых была закопана живыми. Только «Книга перемен» была пощажена. Само по себе сожжение конфуцианских книг носило скорее символический характер, поэтому в начале III в. до н. э. еще сохранялось значительное число списков книг конфуцианского канона.

Однако обстановка, сложившаяся в период краткого правления династии Цинь и в первые годы династии Хань, была неблагоприятна для конфуцианцев и их книг, потому что ведущее положение при императорском дворе приобрели ученые легисты и даосы. В результате число интересующихся конфуцианскими текстами существенно сократилось. Это привело к уменьшению числа книг, находящихся в обращении. Кроме того, уменьшилось число людей, которые знали и могли бы истолковать их содержание. В то время знание книги означало ее знание наизусть, поэтому утрата письменных текстов не привела к разрыву культурной традиции, которая продолжалась в устной форме. После того как были утрачены подлинные тексты, сохранив-

шнеся со времени династии Чжоу, книги конфуцианского канона были записаны заново иероглифами в новом начертании лишу со слов тех, кто знал их наизусть. Эти книги конфуцианского канона, записанные иероглифами лишу, назывались книгами нового письма. По преданию, эти классические книги восходили непосредственно к ученикам Конфуция через несколько поколений конфуцианских ученых.

После воцарения императора У-ди в 140 г. до н. э. ситуация изменилась. По совету Дун Чжуншу от двора были отрешены даосы и легисты. В сфере официальной идеологии был сделан поворот в сторону конфуцианства. Это означало возрождение конфуцианской письменной традиции. Однако когда встала задача собрать уцелевшее наследие Конфуция и его учеников, то оказалось, что во всей империи нашлось лишь 14 человек, которые помнили наизусть отдельные книги конфуцианского канона. Знатоками «Шицзина» были Шэнь Пэйгун из Лу, Юань Гу из Ци, Хань Ин из Янь. Знатоком „Лицзина“ был Гао Тан из Лу. Знатоком „Шуцзина“ был Фу Шэн из Цзинаня. Знатоком „Ицзина“ был Тянь Хэ из Цычуаня. Знатоками „Чуньцю“ были Хуму Шэн и Дун Чжуншу из Ци [Чжоу Юйтун, 1957, 6—7]. Каждый из них был главой собственной школы изучения известного им текста и передавал свои знания многочисленным ученикам. В дальнейшем наиболее способные ученики создавали свои школы и передавали свои знания ученикам последующих поколений.

Число конфуцианских ученых, наизусть знающих и могущих истолковать одну из книг конфуцианского канона, быстро росло. В конце правления У-ди (начало I в. до н. э.) было учреждено звание знатока пяти канонов для тех, кто знал их полностью. В момент учреждения этого звания им были удостоены примерно 50 человек, однако в годы правления императора Чэн-ди (конец I в. до н. э.) их число возросло до трех тысяч, а в конце династии Хань общее число учащих в государственных учебных заведениях достигло 30 тыс. человек. В семьях Кун, Хуань, Фу знание конфуцианских книг передавалось из поколения в поколение. Наиболее крупные конфуцианские ученые были собраны при императорском дворе, в учреждении, носившем название Тайчан (Великое постоянство), которое ведало ритуалами.

Большинство конфуцианских ученых того времени изучало классические тексты с очевидной практической целью — использовать их в качестве пособия для своей практической деятельности как советника различных политических деятелей. Первые знатоки конфуцианского канона были придворными советниками императора. Так, знатоки „Ицзина“ Ши Чоу, Мэн Си, Лянцю Цзя гадали по этой книге и предсказывали будущее. Знатоки „Шуцзина“ братья Сяхоу (Сяхоу Шэн и Сяхоу Цзянь), Оуян Шэн и Ни Куань своими толкованиями этого текста мог-

ли оказывать влияние на императора. Знатоки „Шицзина“ Шэнь Пэйгун, Юань Гушэн, Хань Ин, Ван Цзе, Куан Хэн могли делать то же самое с помощью толкования его стихов. Знатком „Чуньцю“ был Дун Чжуншу, который с помощью этой летописи улаживал споры и выносил судебные решения. Знатоки „Лицзина“ Цзя И и Вэй Сюаньчэн давали советы относительно ритуалов. Помимо книг классического канона широко распространялись также тексты, примыкающие к нему: „Сяоцин“ („Книга о сыновнем почтении“) и „Луныюй“ („Беседы и суждения“) Конфуция. Знатоки этих книг также пользовались авторитетом наряду со знатоками канонов и также давали политические и деловые советы, основываясь на толковании своих книг [Ху Пуань, 1969, 1—2].

Грань между использованием классических текстов в качестве материалов для советов и просто для гадания была весьма тонкой. Для совета нужно было выбрать соответствующее место или ситуацию в тексте, показать аналогию существующей и сделать вывод относительно того, как следует действовать в этой наличной ситуации. В ситуации гадания по той же книге действовал в какой-то форме момент случайности в выборе места для толкования. Поэтому были созданы и специальные варианты классических книг, приспособленные для гадания. Они отличались от основных текстов тем, что последовательность глав и разделов была связана с традиционными классификационными схемами древнего Китая: циклическими знаками, названиями пяти первоэлементов, темного и светлого начал в природе и т. п. В отличие от основных вариантов такие книги назывались не цзин — „основа“, а вэй — „уток“, „уточная нить“. Соответственно они назывались не цзиншу, а вэйшу.

Книги, передаваемые изустно, естественно, содержали разночтения, неизбежные при передаче такого рода; однако книги, восходящие к разным учителям, различались также и объемом. Несмотря на эти расхождения, школы, сложившиеся вокруг каждого конфуцианского канона, строго придерживались текста, полученного от своих первых учителей — основателей школ.

Отношение к тексту со стороны первых конфуцианских ученых — знатоков классических текстов было чисто интерпретаторским. Предметом изучения был текст классических книг, который рассматривался как словесная реализация мысли Конфуция. Конфуций, таким образом, признавался автором всех этих книг, назначение которых состояло в том, чтобы в пределах возможного строить существующий общественный порядок по образцу порядков древности. Исходя из этого, они располагали классические книги в порядке глубины их содержания. Так, „Шицзин“ текст с наиболее конкретным содержанием, они ставили на первое место, на предпоследнее — „Ицзин“ и на последнее — „Чуньцю“, как наиболее лаконичный и нуждающийся в специальном комментарии.

В оценке „Чуньцю“ ранние конфуцианские ученые ссылались на мнение Мэнцзы: «Слова этой книги говорят об истории, однако ее смысл состоит в том, чтобы показать, как сам Цю лично воспринимал это» [Legge, 1940]. И так, важны не события, важна оценка событий, которую дает Конфуций. В их глазах Конфуций был не историком — в этом случае он, вероятно, мог бы создать более подробное описание этого же периода истории династии Чжоу — он был политиком, философом, воспитателем.

Подобного рода расположение классических книг было оправдано также и с дидактической точки зрения. Ранние конфуцианские ученые считали, что первые четыре книги конфуцианских классиков — „Шицзин“, „Шуцзин“, „Лицзин“, „Юцзин“ — составляли свод начальных знаний в школе Конфуция, которыми ученики овладевали в первую очередь. Две последние книги — „Ицзин“ и „Чуньцю“ — представляли собой вместилище его общефилософских, политических и моральных идей, которые могут быть постигнуты лишь лучшими учениками, прошедшими начальный курс, состоявший в изучении первых четырех книг.

Конфуцианские классические книги стали официальной основой всей духовной жизни ханьского Китая, поэтому потребовалась унификация их текста и толкования, ибо многочисленные школы интерпретации делали знание классических произведений слишком индивидуальным. Индивидуализированные знания классических текстов были терпимы, пока конфуцианские ученые насчитывались единицами и все они или почти все были сосредоточены при императорском дворе или при крупнейших сановниках империи Хань. Однако после реформ У-ди, создавшего систему конфуцианского образования и введшего систему государственных экзаменов для кандидатов на должности чиновников, потребовалась унификация самих знаний и текстов, лежавших в их основе. Императоры династии Хань неоднократно созывали конфуцианских ученых для обсуждения проблем текстов и их трактовки. Это нелегко было сделать ввиду различий в текстах памятников письменности, принадлежавших разным школам. Первая среди известных дискуссий была проведена в зале Шицой (Каменный канал) в годы Ганьлу (53—50 гг. до н. э.), где обсуждению подвергались тексты конфуцианских классиков [Кроль, 1970, 293].

Формирование канонических текстов

К концу долгого правления императора У-ди в общих чертах сложилась система конфуцианских текстов. Эти тексты были объявлены официальным каноном, который разрешалось преподавать в государственных учебных заведениях — сюэгуань. Не все известные в то время варианты текстов были канонизирова-

ны. Например, известно, что в годы правления императоров Сюань-ди и Юапъ-ди (73—33 гг. до н. э.) канонизированными текстами «Ицзинна» были варианты Ши, Мэна, Лянцю и Цзина, однако помимо них в обращении находились также два неканонизированных варианта Фэя и Гао. Канонизация новых конфуцианских текстов была делом Тайчана, который очень неохотно принимал решения подобного рода. Так, в конце правления императора У-ди была обнаружена глава Тайши из «Шицзинна», которая после обсуждения специалистов была одобрена и допущена к изучению в учебных заведениях. Однако в целом такие разрешения были редкостью. Конфуцианские ученые, состоявшие на службе в Тайчане, с недоверием относились к вновь найденным текстам.

Однако новые варианты канонических текстов продолжали появляться. В конце правления императора У-ди правитель царства Лу, Гун Ван, собрался расширить свой дворец, для чего ему потребовалось сломать стену дома, где жил Конфуций. В разрушенной стене был обнаружен тайник, в котором хранились тексты «Шуцзинна», «Лицзи», «Лунъюя», «Сяоцзинна», написанные древним, еще дореформенным письмом. Легенда гласит, что, когда после этого Гун Ван вошел в собственный дворец, ему послышалась музыка. Напуганный всеми этими событиями, он остановил работы и не стал разрушать дом Конфуция [Бань Гу, 1964, 1706]. Потомок Конфуция Кун Аньго, которому Гун Ван передал обнаруженные книги, изучил их и нашел, что они во многом дополняют официальные канонические тексты. Однако на его обращение в Тайчан с просьбой о канонизации этих текстов был получен отказ. В «Ханьшу» говорится, что ответом на его просьбу была клевета. Клевета в данном случае означает обвинение в фальсификации канонических текстов.

Розыски древних книг продолжались в годы правления императора Чэп-ди (32—7 гг. до н. э.), который уделял им много внимания. По его повелению на розыски были направлены специальные чиновники. Однако самым важным было его решение инвентаризировать собственные императорские архивы, где скопилось множество документов и книг за много веков. Он назначил комиссию в составе Лю Сяна, которому вменялось в обязанности заняться разборкой конфуцианских и неконфуцианских текстов, Жэнь Хуна, ответственного за военные тексты, Инь Сяня, которому были поручены книги по математике, Ли Чжуго, который должен был заняться медицинскими текстами. После смерти Лю Сяна в состав комиссии был введен его сын Лю Синь, который продолжил дело отца. Работа комиссии завершилась составлением каталога императорских архивов, где все материалы были распределены по семи отделам. Этот каталог назывался «Цилюэ» — «Семь обобщений».

Находки, сделанные в императорском архиве, открывали новые перспективы изучения классических текстов. Они прежде

всего подтвердили достоверность книг, принадлежащих Кун Аньго. Кроме того, они давали возможность реконструировать классические тексты в том виде, в котором они существовали в конце династии Чжоу. После открытий Лю Синя сформировалась новая область классической текстологии — изучение текстов, написанных древними письменами. Это новое направление вступило в длительную полемику с существующей филологической наукой, которая занималась изучением текстов, написанных новой письменностью. Сокращенно эти два направления текстологии известны как направления нового и старого письма.

Исследование, проведенное Лю Синем, показало, что наличные тексты нового письма восходят к текстам старого письма. Однако тексты нового письма были, как правило, короче соответствующих текстов старого, потому что тексты нового письма восходят к дефектным копиям, где не хватало отдельных планок, а иногда и целых глав. Как известно, книга эпохи Чжаньго представляла собой связку бамбуковых планок или дощечек, на которые кистью наносились иероглифы. Эти планки скреплялись кожаным или растительным шнуром. В зависимости от формата книги планки были длинными — в 2 чи — или короткими — в 1 чи. На таких дощечках помещалось соответственно 25 или 20 иероглифов. Пропуски в текстах нового письма часто были кратными 25 или 20 знакам, что соответствовало утрате одной или нескольких планок. С другой стороны, те части текстов нового письма, которые отсутствовали в текстах старого, также можно было рассматривать как достоверные материалы для реконструкции первоначального классического текста [Ху Пуань, 1969, 8—9].

Завершив работу над текстами классических произведений, в основу которых были положены их архивные варианты, написанные старым письмом в период Юаньшоу (6—1 гг. до н. э.), Лю Синь обратился к императору Ай-ди с просьбой канонизировать эти тексты и ввести их в школьное преподавание. В ответ на эту просьбу император приказал обсудить это предложение с учеными Тайчана. Однако они отказались вступить в дискуссию с Лю Синем и передали ему свое мнение, которое состояло в следующем: материалы Лю Синя по текстам «Шуцзина» и «Лицзина» достойны внимания, но его взгляды на «Цзо-чжуань» неприемлемы. В ответ Лю Синь написал дерзкое письмо ученым Тайчана, где обвинял их в том, что их наука основана на неполных текстах. Ученые Тайчана не остались в долгу: они обвинили его в фальсификации канонических текстов [Чжоу Юйтун, 1957, 13—14].

Тексты классических произведений, написанные древним письмом, все более и более привлекали внимание филологов того времени. Примерно через двадцать пять лет была сделана следующая попытка канонизировать тексты старого письма. В годы правления Цзяньу (25—55) императора Гуань-ди Хань

Синь подал доклад на высочайшее имя, в котором просил канонизировать тексты «Ицзина» в версии Фэя и «Цзочжуани», по поводу которой возник спор между Лю Синем и учеными Тайчана. Император Гуань-ди дал обычный в таких случаях ответ обсудить эту проблему в кругу специалистов. В первый месяц 4-го года Цзяньбу (в 29 г. н. э.) в башне Юньтай состоялась дискуссия в присутствии императора и высших сановников. С докладом по предмету дискуссии выступил Фань Шэн — видный представитель направления нового письма. Он сказал, что автором «Цзочжуани» является не Конфуций, а Цзою Мин; мы не знаем, от каких учителей к каким ученикам она передавалась, поэтому нельзя утверждать, что эта книга является наследием древних мудрецов. Из его рассуждения следовало, что представленный текст не может быть канонизирован и введен в учебные заведения как специальный предмет изучения. Дискуссия, в которой со стороны направления старого письма приняли участие Хань Синь и Сюй Шу, продолжалась целый день, после чего Фань Шэн отказался продолжать обсуждение и подал императору прошение, в котором доказывал недостоверность «Цзочжуани». Примечательно, что в числе лиц, которым он выразил недоверие, был также и Сыма Цянь. В «Исторических записках» он использовал «Цзочжуань» в качестве источника, что привело к извращению исторической истины. От сторонников направления старого письма последовало прошение, в котором опровергались аргументы Фань Шэна. В результате императора склонили на сторону направления старого письма. «Цзочжуань» была канонизирована, но вскоре снова деканонизирована [Чжоу Юй ун, 1957, 14].

Последующие дискуссии проходили в более спокойной атмосфере. Император Чжан-ди в 1-м году Цзяньчу (76 г. н. э.) приказал Цзя Кую, видному филологу направления старого письма, подготовить список расхождений между версиями текстов старого и нового письма. В 79 г. н. э. Чжан-ди повелел Ли Юю, стороннику направления нового письма, обсудить проблемы классических текстов с представителями направления старого письма. Однако никаких официальных решений по поводу текстов классиков не было принято.

Последняя дискуссия носила уже чисто научный характер. В годы правления императоров Лин-ди и Чжан-ди (147—182) Хэ Сю, последователь направления нового письма, написал несколько полемических трактатов, в которых приводил трудные места из «Цзочжуани» и доказывал невозможность их истолкования. Однако Чжэн Сюань, представитель направления старого письма, в своих ответах на эти трактаты показал, что все эти непонятные места вполне поддаются истолкованию [там же, 15].

Таким образом, двухсотлетняя дискуссия между направлениями нового и старого письма завершилась не победой какого-либо одного направления, а постепенным слиянием их в единую

классическую филологию, для которой были одинаково ценны памятники как устной, так и письменной традиции. Деятельность таких филологов, как Чжэн Сюань и Ван Сяо, привела к созданию не только комментария, но и критических текстов классических произведений, основанных на достижениях направлений старого и нового письма. Разногласия между этими двумя школами можно сформулировать следующим образом. 1. Направление нового письма считало, что шесть традиционных классических книг были написаны Конфуцием, а направление старого письма считало их историческими трудами, принадлежащими предшествующим поколениям. 2. Направление нового письма поклонялось Конфуцию как совершенному мудрецу, средоточию философских, политических, этических и моральных идей в одном лице; направление старого письма поклонялось Чжоу Гуну, а Конфуция считало первоучителем и прежде всего историком. 3. Направление нового письма пользовалось гадательными книгами — *вэйшу* — и толковало как скрытый, так и общий смысл классических текстов; направление нового письма не признавало гадательных книг и считало их шарлатанскими сочинениями. 4. Направление нового письма утверждало, что классические тексты старого письма были фальсифицированы Лю Си-нем, а направление старого письма утверждало, что тексты направления нового письма являются ненадежными остатками старых книг, уцелевшими после уничтожения во времена циньского Шихуана [там же, 9—10].

ФОРМИРОВАНИЕ ПИСЬМЕННОЙ ТРАДИЦИИ

Важная особенность китайской иероглифической письменности состоит в том, что ее связи с языком очень слабы. Чтение иероглифа условно, поэтому любой из них может иметь несколько чтений. И действительно, известны современное стандартное, современные диалектные, реконструированные исторические чтения иероглифов, а также иноязычные чтения — японское, корейское, вьетнамское. Отсутствие прямых связей графического изображения с чтением не позволяет сопоставить древний знак со словами современного языка и таким образом получить представление о его древнем или каком-либо историческом значении. Поэтому иероглифическая письменность не может существовать и успешно функционировать без серьезной филологической базы — специальной литературы, где записывались бы все сведения об иероглифах, т. е. сведения об их начертании, чтении, значении.

Устная традиция и «малое учение»

Ни одна письменность мира не может существовать без официального списка письменных знаков. В алфавитных письменностях таким списком является алфавит. В иероглифических письменностях этот список представляет собой перечень всех

существующих знаков, т. е. словарь. В отличие от алфавита список иероглифов открыт: он постоянно пополняется новыми знаками, но знаки, вышедшие из употребления, из списка не выводятся, поэтому он постоянно растет. Первым списком иероглифов, о котором сохранились исторические сведения, является «Ши Чжоу пянь», составленный историографом Сюань Вана — Ши Чжоу. Иероглифы в этом списке были написаны стилем дачжуань. Этот список можно считать первым словарем китайского письма. После реформы китайского письма, проведенной в первые годы правления династии Цинь, старый список историографа Чжоу был заменен списком самого Ли Сы «Цан цзе пянь». Он был продолжен и дополнен списками его соратников — «Юаньли пянь» Чжао Гао и «Бо сюэ пянь» Ху Гуаньцина. Эти три списка носили объединенное название «Цан цзе пянь» или «Сань цан» и содержали 3300 иероглифов. Они использовались непосредственно как пособия для обучения грамоте.

В роли составителей учебных пособий для обучения иероглифической письменности выступали крупные филологи и писатели эпохи Хань. Известно учебное пособие Сыма Сянжу «Фань цзян пянь», Ши Ю «Цзи цю пянь», Ян Сюна «Сюньцзуань пянь». В конце I в. н. э. Цзя Фан составил «Пань си пянь». Некоторые из этих пособий были составлены в форме связного текста, где ни один иероглиф не повторялся дважды. Следующее поколение ханьских филологов объединило все эти учебники в единое целое: «Цан цзе пянь» был первым томом, «Сюньцзуань пянь» — вторым, «Пань си пянь» — третьим; эти три книги снова были названы «Сань цан».

Большинство из этих ранних учебных пособий не дошло до наших дней. «Цзи цю пянь» сохранился почти полностью, а от «Цан цзе пяня» остались лишь фрагменты, позволяющие, однако, представить как содержание, так и форму изложения в этих списках иероглифов. Дидактическая ориентация списков требовала смысловой организации материала. Список знаков был предназначен для заучивания наизусть, поэтому, естественно, он излагался в стихотворной форме, наиболее удобной для запоминания. Эти стихи могли быть весьма совершенны у таких знаменитых поэтов, как Сыма Сянжу или Ян Сюн, но о них нельзя сказать ничего, потому что учебники не сохранились. Поэты — составители учебников следовали уже сложившейся традиции. «Цан цзе пянь», составленный Ли Сы и его соратниками, был написан четырехсложными стихами в размере «Шицизна». Трудно сказать, восходит ли эта традиция к первому списку иероглифов «Ши Чжоу пянь», но не исключено, что и там материал был изложен в стихотворной форме.

Из всех этих пособий сохранился только «Цзи цю пянь», который дает представление о том, как были устроены все книги такого рода. «Цзи цю пянь» открывается строками, поясняющими цели и задачи книги:

Прекрасный учебник «Цзи цзю пянь» отличен от обычных. В нем перечислены названия всех вещей и имена людей. Они разделены на классы и не смешиваются между собой. Они могут быть заучены за короткое время. Радостью будет вознагражден тот, кто потрудится над ним [Ван Ли, 1963, 236].

Собственно учебный текст начинается с перечисления фамильных знаков и иероглифов, которые часто встречаются в составе личных имен,— всего 132 фамильных знака. За фамильными знаками следовало перечисление различных предметов по рубрикам: ткани, еда, напитки, одежда, чины и гражданские состояния, пресмыкающиеся и рыбы, украшения, музыка, части тела, оружие, повозки и лошади, дворцы и постройки, растения, животные, болезни, лекарства, похоронные предметы, ритуалы. В последнем разделе перечислялись должности чиновников государственного аппарата и приводилась административная терминология. Текст «Цзи цзю пянь» завершается стихами, прославляющими династию Хань.

Это учебное пособие представляло собой список иероглифов, который для удобства запоминания был изложен в стихотворной форме. Однако в нем не содержалось никаких объяснений, там не указывалось, какова графическая структура иероглифов, как они должны быть прочитаны и что они значат. Всю эту информацию о знаках китайской письменности учащийся получал от своего учителя. Знание письма могло быть получено и передано только устно, потому что долгое время не существовало специальных средств для записи чтений иероглифов. Все эти сведения о китайском письме составляли содержание так называемой сяо сюэ — «малой науки». Этот термин происходит от названия начального образования в древнем Китае. В чжоуском Китае существовали две ступени образования: малая наука, которая состояла в запоминании списка иероглифов, умения читать и писать, и великая наука, т. е. изучение шести искусств. В дальнейшем за тем разделом китайской филологии, где изучались начертание, значение, звучание письменных знаков, закрепилось название «малая наука».

Устную традицию «малой науки» было нелегко поддерживать, потому что в такой большой стране, каким Китай был в эпоху династии Хань, неизбежно должны были возникнуть различные школы внутри филологической традиции. Для обеспечения единства китайской письменности тех мероприятий, которые были проведены в начале династии Цинь, оказалось недостаточно. Выяснилось, что помимо графической унификации нужна также унификация чтений и значений иероглифов. Поэтому центральная власть время от времени проводила мероприятия, направленные на поддержание единства порядка применения иероглифической письменности. В период правления императора Сюань-ди (73—49 гг. до н. э.) ко двору были вызваны знатоки

«малой науки» из царства Ци, которое в то время было одним из центров культуры. Они были нужны для того, чтобы сделать «правильное чтение», которое было им известно, достоянием «малой науки» во всей стране. Правильное чтение — чжэн ду — означало в те годы не только произношение иероглифа, оно означало знание иероглифа в целом, т. е. его графической структуры, значения и чтения. Кстати сказать, фонетической стороне письменности при ханьской династии уделялось меньшее внимание, чем в последующие эпохи, поэтому «правильное чтение» в эту эпоху вряд ли означало единое для всей страны произношение иероглифов.

Авторитет «малой науки» при династии Хань был весьма велик. Растущий государственный аппарат династии Хань требовал грамотных людей. По правилам того времени учащиеся от 17 лет и старше должны были держать экзамены. Те из них, которые наизусть знали 9 тыс. знаков, могли занимать должности в местных органах государственной власти. Выдержавшие дополнительно специальный экзамен по «восьми почеркам» могли сделаться чиновниками императорской канцелярии — шаншу ши. Требования к уровню грамотности документов, циркулирующих в государственном аппарате, были очень высоки. Тот, кто допускал ошибку в документе, поданном на имя императора, нес наказание как уголовный преступник.

Все это не могло не способствовать росту значения «малой науки», открывавшей дорогу к административной карьере. Отсюда становится понятно, почему лучшие поэты и филологи этого времени не считали зазорным для себя писать учебники для начального обучения грамоте. В эпилоге к биографии Ян Сюа в «Ханьшу» говорится, что он считал «Ицзин» главной книгой среди классиков и в подражание ему написал свой «Тайцзи»; считал «Луньюй» главным среди преданий и потому написал свое «Слово закона»; «Цан цзе пянь» — главной книгой среди писцовых и потому написал свой «Сюнь цзуань пянь» [Бань Гу, 1964, 3585]. Это означало, что для него «Ицзин», «Луньюй» и «Цан цзе пянь» были равны по значению.

Комментарии и своды комментариев

Классические тексты, написанные китайскими авторами второй половины эпохи Чжоу, становились с течением времени все более трудными для понимания в связи с изменениями в китайском языке. «После того как Чжунни (Конфуций) умер, стал утрачиваться смысл его иносказаний, а после того как были похоронены его семьдесят учеников, стал искажаться внутренний смысл его учения» [Бань Гу, 1964]. Одним из путей сохранения первоначального смысла классических текстов явилось создание школ их истолкователей. Образование этих школ восходит к концу эпохи Чжоу, когда язык классических произведений был

еще вполне понятен. Значения отдельных иероглифов и общий смысл этих текстов передавались от одного поколения учеников к другому. Практика письменной традиции в начале династии Хань состояла в том, что ученые-книжники того времени специализировались на одном определенном произведении, которое они знали наизусть и могли толковать.

Несмотря на все эти меры, в текстах классических произведений оставались неясные места. Трудности возникали там, где использовались заимствованные иероглифы, и там, где встречались слова, которые вышли из употребления или приобрели новые значения в период династии Хань. Таким образом, сущность толкования древнего текста состояла в том, чтобы изложить его содержание — целиком или по частям — на современном языке. Общие принципы истолкования древних текстов были достаточно хорошо известны в то время.

«Чтение древних текстов должно быть подобно классическому образцу. Поэтому толкуй древнее современным языком, чтобы оно стало понятным». Так об этих принципах говорилось в «Ханьшу». Термин «ду» — «чтение» означает здесь не только чтение в смысле произношения иероглифов, но также и его значение, а выражение «подобный классическому образцу» указывало на то, что целью деятельности ученых-книжников эпохи династии Хань было воспроизведение древнего текста во всех деталях. Именно оно давало возможность правильно понять его содержание. Таким образом, принцип эръя — подобия классическому образцу — был основным принципом работы с классическими текстами. В связи с этими трудностями одна из задач толкователя текста состояла в том, чтобы указать основной знак вместо заимствованного, что было непросто, потому что уже в то время каждое слово китайского языка могло иметь много омонимов. Другой задачей было истолкование устаревших слов с помощью их перевода на современный им язык — язык эпохи династии Хань.

Филологической основой ранних комментариев к классическим текстам была устная комментаторская традиция, разработанная направлением нового письма. Традиционный комментарий представлял собой указание значения текста классического произведения в целом, значения его частей, значения отдельных иероглифов, входящих в его состав. Наиболее существенным признаком раннего комментария является то, что он был основан не на филологическом исследовании одного или многих классических текстов, а на традиции его толкования, восходящей к тому времени, когда эти тексты были полностью понятны. Устные комментарии не могли передаваться без искажений на протяжении слишком долгого времени и поэтому были записаны. Скорее всего первые письменные комментарии появились одновременно с письменными текстами различных школ нового письма.

Каждая школа истолкователей текста классических произведений предлагала не только свой вариант текста, но также и свою собственную традицию толкования классического произведения. Соблюдение традиции своей школы — цзя фа — было обязательно для всех ученых-книжников соответствующей школы. Разные школы толкования одного и того же классического произведения в целом понимали его одинаково, мнения расходились лишь по поводу понимания отдельных трудных мест.

Устойчивая традиция толкования классических текстов обеспечивала высокую стабильность их интерпретации, несмотря на изменения в языке или во взглядах на цели интерпретации. Деление на школы, изучавшие один памятник письменности, сокращало возможности филологического исследования. По обычаю той эпохи, ученые-книжники, как правило, знали один классический текст и не всегда знали достаточно хорошо все остальные.

Открытие текстов классических произведений, написанных древним письмом, способствовало появлению и постепенному укреплению методов филологического исследования текстов письменных памятников. Ученые-книжники, работавшие над исследованием памятников древнего письма, не были связаны традициями существовавших школ и имели более широкие исследовательские интересы по сравнению со своими коллегами, принадлежавшими направлению нового письма. Работа над текстами нескольких памятников одновременно расширяла возможности филологического исследования: в более широком контексте значения лингвистических единиц могли быть определены точнее. К началу династии Восточная Хань китайские книжники, принадлежавшие направлению старого письма, завершили составление комментария ко всем текстам классического канона.

Дискуссии между представителями направлений нового и старого письма содействовали взаимному обмену идеями и результатами истолкования текстов. Основные участники дискуссии, как правило, хорошо знали работы своих друзей и противников, поэтому с точки зрения тенденции развития древнекитайской текстологии было примечательным появление в первом столетии нашей эры словаря Сюй Шэня «Шовэнь цзецзы», где толкования, принятые в среде сторонников направлений нового и старого письма, излагались параллельно.

От этой работы Сюй Шэня оставался лишь один шаг к пониманию того, что направления старого и нового письма работают над истолкованием одних и тех же текстов. Известный ханьский филолог Чжэн Сюань (127—200) синтезировал достижения этих двух направлений. Он с детства проявил незаурядные способности к наукам и прошел школу у наставников, принадлежавших к направлениям как нового, так и старого письма. Он был первым в истории китайской культуры, кто знал наизусть и тщательно исследовал все пять классических книг и

связанные с ними тексты. Это открывало перед ним возможность для решения проблемы толкования классических текстов на максимально широком материале.

Заслуга Чжэн Сюаня не ограничивается синтезом достижений направлений нового и старого письма. Он последовательно использовал методы филологического исследования текстов: он устанавливал значение интересующего его слова древнекитайского языка не только и не столько по традиционным комментариям, а прежде всего на основании анализа его значений в различных контекстовых условиях. Этот метод позволил ему раскрывать содержание таких мест, которые направление нового письма истолковать не могло, потому что не располагало данными филологической традиции. Благодаря филологическим методам, разработанным Чжэн Сюанем, эти места легко поддавались истолкованию. Ученый-книжник Хэ Сю, принадлежавший направлению нового письма, написал несколько исследований по поводу трудных мест в «Цзоцжуани». Их содержание можно представить по заглавиям: «Тайны „Гунъян чжуань“», «Больные места „Цзоцжуани“», «Неизлечимые недуги». Ответом на вызов послужили исследования Чжэн Сюаня под не менее колоритными названиями: «Разгаданные тайны „Гунъян чжуань“», «Исцеляющий укол в больные места „Цзоцжуани“», «Излечение неизлечимых недугов» [Чжоу Юйтун, 1957, 15].

Чжэн Сюань составил комментарии ко всем классическим текстам, получившим признание современников. Этим комментариям была суждена долгая жизнь. Большинство трудов ханьских филологов погибло в смутное время Троецарствия и Шести династий, но труды Чжэн Сюаня сохранились.

Деятельность Чжэн Сюаня разрушила перегородки между школами и направлениями в комментировании древних текстов и открыла путь к созданию специальных филологических трудов, не связанных непосредственно с текстами письменных памятников. Первым трудом такого рода является свод комментариев «Эръя» — «Подобный классическому образцу». В «Ханьшу» имеется упоминание об «Эръя» без указания имени автора [Бань Гу, 1964, 1718]. Поэтому существует несколько легенд относительно авторства этой книги. Называются имена нескольких крупных деятелей китайской культуры: Чжоу Гун, Конфуций, ученик Конфуция — Цзы Ся.

Анализ содержания «Эръя» показывает, что он состоит из толкований слов, встречающихся в классических текстах, и что эти толкования не принадлежат одному автору. Об источниках этого свода комментариев можно было бы сказать значительно больше, если бы мы располагали всеми ханьскими комментариями. В настоящее время установлены явные связи с комментарием Чжэн Сюаня к «Шицину». Эти совпадения позволяют считать, что текст современного «Эръя» создавался во времена Чжэн Сюаня или даже позднее. Это утверждение отнюдь не ис-

ключает возможности того, что свод под таким названием мог существовать и ранее. Его содержание не было постоянным, оно пополнялось по мере развития китайской филологии.

Материал «Эръя» расположен по идеологическому принципу, который был хорошо известен в китайской филологии по учебникам для начального обучения грамоте. Современный текст «Эръя» состоит из 19 тематических глав: толкования, слова, комментарии, термины родства, жилища, инструменты, музыка, небеса, земля, холмы, горы, воды, травы, деревья, гады, рыбы, птицы, дикие животные, домашние животные.

Назначение «Эръя» состояло в том, чтобы объяснять слова из древних текстов с помощью обычных значений обиходных слов своего времени. Техника толкования слов в своде в принципе ничем не отличалась от соответствующей техники истолкования в тексте. Различие состоит лишь в том, что в комментарии один знак текста поясняется с помощью его современного синонима, между тем как в «Эръя» несколько древних слов с одинаковым значением могут быть одновременно истолкованы с помощью одного современного слова. Наряду с указанием синонима древнего слова в «Эръя» используются также описания значений в нескольких словах.

Техника описания значений слов в «Эръя» не свободна от недостатков. Во многих случаях представления древних филологов о том, какие слова являются синонимами, довольно существенно отличаются от современных, поэтому в группы синонимов вводятся иногда слова, связанные самым поверхностным сходством значения. Однако, несмотря на это, «Эръя» является первым сводом древнейших значений слов китайского языка, с помощью которого можно было в последующие исторические эпохи устанавливать первоначальные значения иероглифов и правильно понимать тексты эпох Чжоу и Хань.

Словари

Своды комментариев ставили перед собой ограниченную задачу — собрать существующие толкования и классифицировать их каким-то удобным способом. Объектом толкования чаще всего избирались слова с устаревшими и не вполне ясными значениями. Слова, значения которых не требовали специального толкования, в своды комментариев не попадали. Однако потребность в пособии, которое содержало бы толкование всех слов китайского языка, засвидетельствованных в письменных памятниках к началу нашей эры, была очевидной. Первым словарем китайского языка, включавшим все знаки китайского письма того времени, был «Шовэнь цзе цзы» — «Объяснение простых знаков и истолкование сложных».

Автор «Шовэня» Сюй Шэнь (Сюй Шучжун) был известным филологом периода династии Восточная Хань, которого совре-

менники называли несравненным знатоком пятикнижия. После-словие к словарю датировано 12-м годом правления императора Хэ-ди, т. е. 100 годом н. э., а через 21 год, в 1-м году Цзяньгуан императора Ань-ди, его сын Сюй Чжун представил словарь императору.

Словарная статья «Шовэня» была построена следующим образом: толкуемый иероглиф, написанный почерком сяочжуань, за которым следовало объяснение его значения и графической структуры. Графические аспекты толкования знаков в «Шовэне» были рассмотрены выше, в разделе о кодификации китайской письменности в эпоху династии Хань. Здесь рассмотрим лингвистические аспекты толкования знаков в этом словаре.

Наиболее частым способом выяснения значения иероглифа в словаре «Шовэнь» является его определение с помощью синонима. Синоним мог быть односложным, например: *бин* (173) — это *мин* (174) «светлый», *вань* (175) — это *мо* (176) «вечер», или двусложным: *сян* (177) — это *цзисы* (178) «думать» и т. п. Для толкований с помощью синонима справедливо утверждение, высказанное по отношению к сводам комментариев: в комментариях и сводах комментариев менее распространенный синоним толковался с помощью более распространенного, устаревшее слово — с помощью современного.

В тех случаях, когда подходящего синонима не было или когда синоним отсутствовал, использовалось описание значения слова. Так, например, знак *мин* (179) «петь» имел толкование «голос птицы». Помимо простейших толкований в словаре можно встретить более пространные: *ли* (180) «трава, пригодная для изготовления желтой краски», *бу* (181) «тростник» — «трава, пригодная для изготовления циновок», *бао* (182) «леопард» — «похож на тигра, но с круглыми пятнами», *шо* (183) «новолуние» — «первый день народившейся луны», *ван* (184) «полнолуние» — «полная луна; когда бывает видна одновременно с солнцем, то кажется, что она идет на прием ко двору владельца». В некоторых случаях толкование значения слова носило вполне энциклопедический характер: *бэй* (157) — «моллюск, водящийся у берега моря... в древности раковины были предметом торговли, а панцири черепах — драгоценностью. При династии Чжоу были введены в обращение деньги цянью, а при династии Цинь раковины были запрещены как денежное средство».

Сюй Шэнь отчетливо сознавал, что почти каждое слово может обладать не одним, а несколькими значениями, и, как филолог, он, вероятно, знал все значения слов китайского языка — как письменного, так и устного. Однако в его словаре лишь единичные слова имеют более одного значения, так как Сюй Шэнь стремился описать самое основное, первоначальное значение слов, из которого можно вывести все остальные. В соответствии с этой основной идеей знак *сян* (185), во времена Сюй Шэня уже имевший значение «направляться», толкуется как «окно».

И действительно, в «Эръя» также имеется толкование этого знака как «окно, обращенное на север», которое подтверждается в классических текстах. Развитие значения «окно» в значении «направляться» может быть объяснено как результат обобщения первоначального смысла слова и его метафорического изменения.

Однако дело обстоит так просто не всегда. Как уже говорилось выше, один и тот же знак китайской письменности мог быть использован для обозначения нескольких слов. При этом иногда бывало так, что в функции заимствованного знака иероглиф употреблялся чаще, чем в своей основной функции — обозначения того слова, для которого был создан. Поэтому знак *гоу* (186) толкуется как «название травы», без упоминания о том его служебном значении — «если», в котором он употребляется чаще всего. Это значение было известно современникам Сюй Шэня. Чжэн Сюань в своем комментарии к «Ли цзи» писал, что *гоу* — это *це* (187) «если» [Гу Цзиньчэн, 1972, 133].

Исследователи «Шовэня» отмечают, что иногда Сюй Шэнь недостаточно точно определял первоначальное значение слов китайского языка. Так, например, знак *сян* (188) «запах» толкуется как *фан* (189) «запах травы», откуда следует, что первоначальным значением слова *сян* является не запах вообще, а более частное значение приятного запаха, запаха трав. Ван Ли при этом обращает внимание на то, что графический анализ знака может сказать больше о его первоначальном значении. Знак *сян* состоит из *шу* (190) «просо» и *гань* (191) «сладкий», это означает, что первоначально имелся в виду не запах травы вообще, а конкретно запах проса [Ван Ли, 1963, 312].

Ханьские филологи были согласны по поводу значений основной массы иероглифов, однако среди десяти тысяч знаков китайского письма, существовавших на рубеже нашей эры, были такие, по поводу которых мнения филологов расходились. Эти знаки принадлежали к числу редких, встречавшихся в таких контекстах, где точно определить их значения невозможно. В одних случаях эти расхождения были незначительны, например: *цю* (156) «взятка», «в нарушение закона благодарить ценной вещью». К этому толкованию Сюй Шэнь прибавлял: «Другие говорят: *цю* — подарок». В других случаях расхождения были велики, например: *ци* (192) это *син* (193) «счастье». Некоторые считают, добавляет Сюй Шэнь, что *ци* означает «говорить с затруднением, заикаться».

В словаре «Шовэнь цзецзы» еще отсутствует указание на чтение иероглифов. Однако в отдельных случаях Сюй Шэнь считал необходимым специально указать чтение некоторых знаков. Для этого он приводил другой знак, который читался точно так же, как и искомый, и пользовался формулой *ду жо* «читай так же, как...». Исследование чтений знаков, связанных в «Шовэне» этой формулой, показывает, что точное уподобление чтению ис-

когого знака было не всегда. В отдельных случаях наблюдается лишь сходство их чтений.

Таким образом, словарь «Шовэнь цзецзы» представляет собой свод значений всех иероглифов китайской письменности с указанием их основного значения, объяснением их графической структуры и в некоторых случаях с чтением. Высокий авторитет этого словаря позволил на протяжении многих веков удерживать стабильность значений иероглифов китайской письменности и единообразие толкования их графической структуры.

В предисловии к «Фэнсу тунъи» содержится рассказ о специальной службе чжоуского двора, задачей которой было изучение народа Поднебесной — его языка, обычаев, фольклора. Собранные за многие годы материалы складывались в секретных хранилищах наравне с историческими документами и использовались придворными церемониймейстерами и переводчиками при встрече посольств из соответствующих царств.

При династиях Цинь и Хань такая служба при императорском дворе уже не существовала, а архивные материалы были утеряны во время бурных политических событий, предшествовавших воцарению династии Хань. Однако земляки уроженца Сычуани писателя и филолога Ян Сюна — Чжуан Цзунь (Янь Цзюньпин) и Линьйюй Жу хранили свыше тысячи слов на дощечках, уцелевших от гибели вместе с архивами Чжоу. Ян Сюн (53 г. до н. э. — 18 г. н. э.) заинтересовался этими материалами и получил их в свое распоряжение после смерти владельцев. В 11 г. до н. э. Ян Сюн был переведен на службу в столицу династии Западная Хань Чанъань. Он сохранил интерес к диалектам китайского языка и продолжал собирать материалы путем опроса студентов, прибывавших со всех частей страны в столицу на государственные экзамены, и солдат, несших здесь охранную службу. Однако служебная и литературная деятельность занимала большую часть его времени. Работа над диалектными материалами продвигалась медленно. В 17 г. н. э., когда Ян Сюну было уже 70 лет, к нему обратился придворный вельможа и филолог Лю Синь, готовивший первую в Китае библиографию «Цилюэ» — «Семь сводов», с просьбой показать его словарь, который был уже достаточно известен в кругу специалистов-филологов. В ответном письме Ян Сюн решительно отказался показать свою работу, ссылаясь на то, что она не закончена. Труд Ян Сюна не был включен в библиографию Лю Синя, сам Ян Сюн умер через два года. Незавершенный труд был издан учениками Ян Сюна, но и в таком виде этот словарь содержит исключительно ценные сведения о диалектах китайского языка периода династии Хань и более раннего времени.

Словарь «Фанъянь» не является словарем диалектов китайского языка в современном смысле этого слова. Скорее он представляет собой собрание специфических слов различных диалектов, значения которых объясняются с помощью слов общего

языка периода династии Западная Хань. В словарной статье «Фанъянь» не только толкуются значения диалектных слов, но также описываются ареалы их распространения. Для обозначения этих ареалов Ян Сюн пользовался географической терминологией трех различных видов: названиями древнекитайских царств эпохи Чжаньго, названиями административных областей, существовавших в эпохи Цинь и Хань, названиями гор, рек, горных проходов. Помимо истолкования диалектной лексики «Фанъянь» имел и другое назначение — истолкование древней лексики, поэтому полное название словаря гласит: «Диалекты разных царств и истолкование слов прошлых времен от гонцов на легких экипажах». Однако большая часть словаря посвящена диалектной лексике. К «словам прошлых времен» Ян Сюн обращался лишь время от времени.

Примером может служить статья, открывающая словарь. «Дан (194), сяо (195), чжэ (196) — это чжи (197) „знать“». В царстве Чу говорят *дан* или *сяо*, в царствах Ци и Сун говорят «чжэ» [Фанъянь, 1956, 1.1.1]. Об ареале распространения объясняющего слова не говорится ничего. Подразумевается, что слово *чжи*, которое толкует значения диалектных слов, принадлежит общему языку.

Китайские филологи эпохи Хань интересовались не только реальным значением слов родного языка, но также и их этимологиями. В этом отношении китайские филологи не отличались от античных, которые также стремились отыскать истинное значение слова через его этимон. Примеры объяснения значения слова через его этимон можно найти в трудах древних философов Китая. Одним из наиболее известных примеров этимологии в философских произведениях является знаменитое высказывание Конфуция: «Управление — от слова правильный».

Следует сказать, что этимологии в трудах китайских филологов не всегда основаны на словах, происходящих от одного корня. Основная масса этимологий такого рода явно искусственна. Однако среди них имеется определенная доля реальных, основанных на реальном этимологическом родстве между словами, входящими в так называемые «семейства слов». Этимология *чжэн* «управление» от *чжэн* «правильный» представляется вполне закономерной.

Этимологическое толкование слов китайского языка называется шэнсюнь — «фонетическое толкование». Его существо состоит в том, что происхождение какого-нибудь слова выводится из другого слова современного толкователю языка с одинаковым или сходным произношением. Например, слово *цзин* (198) «пейзаж» происходит от слова *цзин* (199) «граница», потому что пейзаж — это то, что видно, а глазу доступно то, что освещено солнцем, а места, освещенные солнцем, имеют границу. Слово *фэн* (200) «ветер» происходит от слова *фан* (201) «свободный», потому что ветер — это свободное движение эфира. В первом

случае этимология выведена от слова с одинаковым произношением, во втором — со сходным.

Китайские филологи прежде всего искали этимологии различного рода терминов и слов с сакральным и мистическим смыслом. Пример этимологии политического термина можно найти в трудах Конфуция. Однако наибольшее число примеров этимологии можно найти в трудах школы натуральной философии — иньян цзя. Основным объектом толкования ученых этой школы явились циклические знаки и названия основных восьми триграмм.

Число смысловых интерпретаций циклических знаков и восьми триграмм очень велико. Поэтому определение их истинного значения по тому, как звучат эти письменные знаки, составляло постоянную задачу философов школы иньян цзя.

Несколько этимологических толкований можно найти в «Эрья» и «Шовэне», однако и здесь они встречались главным образом для истолкования терминологии и слов с сакральным и мистическим значением. Первая попытка отыскать этимологии всех слов китайского языка была предпринята Лю Си. «Каждое слово в мире имеет свое значение,— пишет он в предисловии.— Эти слова люди произносят каждый день, но не знают, откуда они произошли. Поэтому я описал небо и землю, темное и светлое начала, времена года, государства, города, повозки и одежду, похороны и поминовения, утварь, которой простой народ пользуется каждый день, распределив их по категориям. Книгу свою назвал я „Шимин“ — „Толкование слов“».

По своим принципам исследование Лю Си ничем не отличается от более скромных по масштабам опытов его предшественников. Лю Си попытался на уровне представлений своего времени объяснить наличие различных диалектных вариантов одного и того же слова (см., например, объяснения к словам *тянь* (202) «небо», *сянь* (203) «светлый», *дань* (204) «ровный» и др.).

Филологи эпохи династии Хань в результате многолетних усилий разработали методы критики китайских классических текстов, канонизировали тексты классических произведений и истолковали их содержание; они разработали теорию китайской иероглифической письменности и провели ее кодификацию, попытались по-своему объяснить происхождение слов и их диалектных вариантов. Труды китайских филологов способствовали более глубокому познанию родного языка — одного из существенных признаков этноса, более глубокому проникновению в смысл текстов древних памятников культуры.

ЭТНИЧЕСКОЕ САМОСОЗНАНИЕ



ФИЛОСОФСКИЕ ШКОЛЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ И ПРОБЛЕМЫ ЭТНОСА

Анализируя данные источников, содержащие сведения о развитии древнекитайского этноса, необходимо учитывать то обстоятельство, что они отражают не только объективные процессы, происходившие в обществе того времени, но и определенные теоретические установки их авторов. Ханьское время было «эпохой синтеза» важнейших достижений культуры предшествующего периода. Поэтому бесполезно рассмотреть основные концепции различных философских школ древнего Китая VI—III вв. до н. э., имеющие отношение к вопросам развития этнической общности древних китайцев и их самосознания в эпоху Цинь—Хань.

*«Обособленное» и «всеобщее»
в учениях Конфуция и Моцзы*

Конфуций (Кунцзы, 551—479 гг. до н. э.) жил и творил в эпоху, когда сложившиеся в чжоуском обществе социальные отношения уже перестали отвечать потребностям общественного прогресса. Товарно-денежные отношения подтачивали основы условного землевладения, на котором покоилась вся традиционная социальная система. Появление частной собственности на землю привело к изменениям в формах отчуждения прибавочного продукта: в VI в. до н. э. наиболее развитые царства ввели поземельный налог. В обществе появился совершенно новый социальный слой — люди, приобретшие богатство путем эксплуатации, основанной на частной собственности. Так возникает основное социальное противоречие этого «смутного времени, когда можно быть знатным и бедным» [Legge, 1940, 8, 493].

Конфуций видел выход из этого противоречия в возвращении к порядкам мудрых древних правителей прошлого. Одним из важнейших положений созданного им социально-этического

учения было требование восстановить отношения в обществе, основанные на применении к государству модели клана — основной ячейки социального организма чжоуской эпохи.

Отношения внутри клана (цзу) покоились на двух принципах: генеалогическом родстве как узах, связывающих всех членов группы, и иерархичности входящих в нее подразделений. Отсюда, с одной стороны, конфуцианский тезис о неизбежности правопорядка, основанного на господстве и подчинении («правитель должен быть правителем, подданный — подданным»), с другой — трактовка социальных функций человека в духе отношений между родственниками (отцом и сыном, старшим и младшим братьями, мужем и женой). «Редко бывает, чтобы человек, отличающийся сыновней почитательностью и братской любовью, пожелал бы восставать против старших, и никогда не бывает, чтобы тот, кто не любит восставать против старших, захотел бы произвести возмущение. Совершенный муж заботится прежде всего об основах. Когда заложены основы, появляются правила поведения. Сыновняя почитательность и братская любовь — это корень гуманности» [Древнекитайская философия, 1972, 138—139].

С совершенно иных позиций подходил к проблеме поиска выхода из неустойчивости современного ему общества Моцзы (479—381 гг. до н. э.). Кланово-семейной морали конфуцианцев он противопоставил идею «всеобщей любви». Недаром один из наиболее крупных последователей Конфуция, Мэнцзы, позднее писал о нем: «Моцзы, призывая ко всеобщей любви, отказывается признавать своего собственного отца» [Legge, 1940, 2, 282].

Источником всех бед и несправедливостей в Поднебесной Моцзы считал стремление людей причинять друг другу вред. Это происходит, с его точки зрения, из-за «обособленности», свойственной взаимоотношениям между людьми. «Что характеризует тех в Поднебесной, кто ненавидит людей и вредит им, — всеобщность или обособленность?» — задает вопрос Моцзы и отвечает: «Конечно же, обособленность» [Моцзы иньдэ, 1948, 24]. Философ следующим образом поясняет свою мысль: «Представим себе двух мужей. Допустим, один из них выступает за обособленность, другой — за всеобщность. По этой причине муж, выступающий за обособленность, говорит: „Разве могу я относиться к моему другу как к самому себе, а к родственникам моего друга как к моим родственникам“? Видя, что его друг голодает, такой человек не накормит его, в холод не оденет, а во время болезни не будет ухаживать за ним, когда же он умрет, не позаботится похоронить его. Таковы слова мужа, выступающего за обособленность, и таковы его поступки. Иные слова и иные поступки у мужа, выступающего за всеобщность. Он говорит: „Я слышал, что благородный человек Поднебесной относится к своему другу как к самому себе, а к родственникам своего друга — как к своим родственникам, и только тогда он

может считаться благородным человеком Поднебесной“. Поэтому, видя, что его друг голодает, он накормит его» [там же, 25].

Обособленность кланового самосознания была реальностью древнекитайского общества эпохи Чуньцю. «Духи не получают удовлетворения от жертвоприношений, совершаемых неродственниками, а люди не приносят жертв тем, кто не относится к их цзу» [Legge, 1940, 7, 156]; «у тех, кто не относится к нашему цзу, непременно иные намерения» [там же, 354] — эти представления об идеологическом единстве членов клана неизбежно подразумевали противопоставление одного клана другому. Именно это и является источником бед Поднебесной, считает Моцзы. «Ныне глава цзу любит лишь свой клан и не любит чужие. Поэтому он не считает зазорным использовать свой цзу, чтобы причинить вред другим» [Моцзы иньдэ, 1948, 22], — такое положение может быть преодолено лишь в том случае, если все люди в Поднебесной будут исповедовать «всеобщую любовь», основывающуюся на стремлении удовлетворить потребности как можно большего числа людей.

Конфуцианцы решительно отвергали идею всеобщей любви. Они утверждали, что человек не может и не должен любить в равной мере всех окружающих, связанных с ним различными социальными узами. «Я не могу принять всеобщую любовь, — возражал конфуцианец У Мацзы, современник Моцзы, — я люблю жителей царства Цзоу больше, чем жителей царства Юэ; жителей царства Лу — больше, чем жителей царства Цзоу; моих односельчан — больше, чем [вообще] жителей Лу; членов моего цзу — больше, чем своих односельчан; своих близких родственников — больше, чем членов своего цзу; себя — больше, чем своих родственников» [там же, 81]. У Мацзы был родом из Лу, но жителей царства Цзоу он любил больше, чем Юэ, потому, что первое царство относилось к числу «срединных», второе же было «варварским». Противопоставление хуася и «варваров», таким образом, является логическим продолжением градаций в системе «обособленности», за которую выступали последователи Конфуция.

Правда, в основном памятнике раннеконфуцианской идеологии, «Луньюй», проблема хуася и «варваров» почти не затрагивается. Строго говоря, у нас нет оснований утверждать, как это делает акад. В. М. Алексеев, что для Конфуция «„Срединное царство“ есть нечто единое по своей культуре, которая ни в чем не напоминает и не должна напоминать варваров соседей» [Алексеев В. М., 1907, 127—128]. Более того, в «Луньюе» можно найти высказывания, говорящие скорее об обратном. Когда Фань Чи спросил, что такое человеколюбие, Конфуций ответил: «Дома будь почтителен. Занимаясь делом, уважай других. Имея дело с людьми, будь предан. От этих принципов нельзя отказаться, даже отправляясь к варварам» [Legge, 1940, 1, 271]. И тем не менее именно в конфуцианской доктрине, одной из важнейших

основ которой была идея обособленности противопоставление хуася и «варваров» получило позднее наиболее крайние формы своего выражения.

Моцзы о функциях культуры

Призыв к «всеобщности» в учении Моцзы, будучи реализован логически и последовательно, неизбежно должен был привести к отрицанию этого противопоставления. История античной науки знает мыслителей, которые считали существование «варваров» функцией. Моцзы, однако, не заходит так далеко. Его отрицательное отношение к преувеличению противоположности хуася и «варваров» проявляется в другом аспекте — понимании им сущности культуры и ее функций.

Конфуцианцы, как известно, придавали исключительное значение ритуальной стороне культуры, рассматривая ее в качестве механизма социального регулирования. Понятие «ли» — нормы взаимоотношения между людьми, правила благопристойности, представления о добре и зле — неразрывно связано у Конфуция с «юэ» — ритуальной музыкой, призванной оказывать облагораживающее воздействие на людей, приводить в гармонию их чувства и разум.

Моцзы выступает против конфуцианского понимания ритуально-обрядовой стороны культуры. Одна из глав трактата «Моцзы» названа «Отрицание музыки». Моцзы против музыки «не потому, что ему не нравятся звуки больших колоколов, звонких барабанов, цитр, лютней, свирелей и дудок» [Моцзы иньдэ, 1948, 54], он против всего, что не может непосредственно принести пользу людям. Назначение одежды — в том, чтобы зимой защищать человека от холода, летом — от жары; жилища — в том, чтобы зимой защищать человека от холода и ветра, летом — от дождя; лодок и повозок — в том, чтобы служить средством передвижения по воде и суше [там же, 34]. Все, что выходит за рамки этих функций материальной культуры, излишне и должно быть отброшено. Поэтому Моцзы решительно протестует против практиковавшегося в его время дорогостоящего похоронного обряда и соблюдения траура по усопшему.

Животные, полагает Моцзы, отличаются от людей тем, что они могут существовать, не создавая материальных ценностей. Перья и шерсть служат им одеждой, копыта и когти — обувью, трава — пищей. Поэтому самцы животных могут не заниматься земледелием, самки — прядением и ткачеством и тем не менее быть обеспеченными едой и пищей. Человек же существует только за счет своего труда. Для того чтобы облегчить положение людей, следует отказаться от всевозможных излишеств, к числу которых Моцзы относит и все эстетические культуры [там же, 55].

Такой утилитарный подход к человеческой культуре нереали-

стичен. Многообразие социальных функций культуры не может быть «отброшено» — оно существует объективно, независимо от воли людей. Отрицание Моцзы эмоционально-эстетической стороны человеческой культуры граничило у этого древнекитайского философа с отрицанием культуры вообще.

Неизбежным следствием такой постановки вопроса было стремление Моцзы преуменьшить реальные различия между хуася и «варварами» в области культуры, поскольку такие различия целиком относились не к утилитарной, а к эстетической стороне культуры.

Соотношение понятий «врожденные качества человека», «привычки», «нравы и обычаи»

В отличие, например, от древнегреческих философов мыслителей древнего Китая волновали в первую очередь не натурфилософские, а социально-этические проблемы. Одно из центральных мест среди последних занимал вопрос о сущности того, что дано человеку от рождения; в зависимости от решения этого вопроса различные философские школы и отдельные мыслители древнего Китая по-разному подходили к определению тех способов и мер, с помощью которых можно достичь конечной цели — упорядочить отношения между людьми в Поднебесной.

Тезис Конфуция о том, что люди «близки друг другу по своим врожденным качествам, но далеки друг от друга по своим привычкам [Legge, 1940, 1, 318], получил впоследствии различное толкование последователей его доктрины.

Хорошо известна теория Мэнцзы (390—305 гг. до н. э.) о том, что по своей природе человек добр; дурные поступки человека определяются не его врожденными качествами, а внешними обстоятельствами. Если мы посеем ячмень, то при одинаковой почве и прочих равных условиях, говорит Мэнцзы, всюду будут хорошие всходы. И если урожай будет различен, то это зависит не от качеств самого ячменя, а от плодородия почвы, обилия влаги и количества труда, затраченного на обработку поля. Если это так, то «почему в отношении человека мы сомневаемся в этом?» [там же, 2, 404].

С диаметрально противоположных позиций подходил к оценке природы человека другой древнекитайский философ, традиционно считающийся принадлежащим также к конфуцианской школе, — Сюньцзы (298—238 гг. до н. э.): «Человек по природе зол; доброе в нем — это благоприобретенное» [Сюньцзы иньдэ, 1950, 86].

В отличие от Мэнцзы его оппонент не только приводит доводы в пользу своей точки зрения, но и детально анализирует тот понятийный аппарат, которым он пользуется.

Сюньцзы различает «врожденные качества» (син) и «благоприобретенные» (вэй). Первое он определяет как «то, что яв-

ляется таковым от рождения»; второе — как «то, что постигается умом и осуществляется за счет способностей» [там же, 83]. Сюньцзы уверен, что природа человека, его врожденные качества не являются раз и навсегда данными, неизменными. «Врожденные качества,— говорит он,— суть то, чего сам я создать не могу. Но я могу изменить их... Поступки, привычки и обычаи — вот то, с помощью чего изменяют врожденные качества людей» [там же, 24—25].

Отсюда следует требование Сюньцзы «быть взыскательным к поступкам, внимательно относиться к привычкам и обычаям» [там же, 25]. «Все люди в известной мере одинаковы. Испытывая голод, они едят; когда им холодно, стремятся обогреться; уставши, хотят отдохнуть; люди любят пользу и ненавидят вред. Все это таково в людях от рождения... и в этом отношении Юй не отличается от Цзе. Человек может стать Яо и Юем, а может стать Цзе и Чжэ*; он может сделаться ремесленником, а может — земледельцем или купцом. Все зависит от постепенного воздействия на него поступков, привычек и обычаев» [там же, 10].

Вопреки мнению автора другого философского трактата — «Гуаньцзы», о неизменности нравов и обычаев («небу свойственны постоянные явления, земле свойственна постоянная форма, человеку свойственны постоянные нравы») [Древнекитайская философия, 1973, 15], Сюньцзы исходит из постулата об изменчивости обычаев. Задача настоящего правителя как раз и заключается в том, чтобы изменять нравы своих подданных, и одним из наиболее эффективных средств этого Сюньцзы считает музыку [Сюньцзы иньдэ, 1950, 77].

Различия в материальной культуре, языке и обычаях, наблюдаемые у жителей различных царств, не относятся, утверждает Сюньцзы, к категории врожденных человеческих качеств. «Человек живет в Чу и ведет себя по-чуски, живет в Юэ и ведет себя по-юэски, живет на землях ся и ведет себя так, как ведут себя люди ся,— это не от природы, а от постепенного воздействия» [там же, 25]. Поэтому, если «житель Юэ предпочитает юэское, житель Чу — чуское, а совершенный муж — изысканное, то это определяется не знаниями, способностями, природными талантами и врожденными качествами, а различием в поступках, привычках и обычаях [там же, 10].

«Все новорожденные кричат одинаково — у юйюэ, у и, у хэ. Но когда они вырастают, они следуют различным обычаям. Это — следствие внешнего воздействия»,— считает Сюньцзы, опровергая тем самым тезис автора «Лицзи» о том, что «жители Срединных царств и варвары — люди пяти стран света имеют

* Юй — добродетельный основатель династии Ся; Цзе — последний правитель Ся, известный своими пороками; Яо — совершенномудрый правитель древности; Чжэ — легендарный разбойник.

врожденные качества, изменить которые невозможно» [там же, 15].

Сходные идеи высказывались и в трактате «Люйши чуньцю», созданном во второй половине III в. до н. э. в царстве Цинь под руководством крупного политического деятеля Люй Бувэя. Считается, что в этом сочинении, представляющем собой энциклопедический компендиум естественных и социальных знаний того времени, нашли отражение взгляды последователей различных школ. Во всяком случае, в главе «Использование народа», приписываемой конфуцианскому автору [Древнекитайская философия, 1973, 285], мы находим суждения, весьма близкие к тезису Сюньцзы о решающем влиянии среды на формирование особенностей культуры и языка хуася и «варваров». «Жуны рождаются на землях жунов, вырастают среди жунов и говорят на языке жунов, не ведая того, как они ему научились. Чусцы рождаются в Чу, вырастают в Чу и говорят на языке Чу, не ведая того, как они ему научились. Если сейчас чусца вырастить среди жунов, а человека из жунов вырастить среди чусцев, то человек из Чу будет говорить на языке жунов, а тот, кто из жунов, будет говорить на языке чусцев... Вот почему в каждом случае следует внимательно рассматривать обстоятельства зарождения и роста» [там же, 296].

Эта мысль, которая позднее получит свое дальнейшее обоснование в ханьском трактате «Хуайнаньцзы», рассматривается в «Люйши чуньцю» и в другом аспекте. Если обычаи хуася и «варваров» определяются не врожденными качествами, а воздействием внешних условий, то на основании какого критерия мы можем считать свои собственные обычаи единственно правильными?

Этноцентризм и его критика

Если первоначально сложившееся в VII—VI вв. до н. э. представление о противоположности хуася и «варваров» основывалось на отрицании того, что и «варварам» может быть свойственна гуманность («варвары — это дикие звери»), то Моцзы, выступавший, как мы видели, против преувеличения различий между хуася и «варварами», стремится опровергнуть это.

Правитель царства Лу будто бы однажды спросил у Моцзы: «К югу от Чу есть царство людей Янь. Когда у них рождается старший сын, они убивают и съедают его. Это называется „облагодетельствовать младшего брата“... Бывает, что правитель радуется этому и награждает отца. Разве это не ужасный обычай?»

«Но ведь и в Средних царствах обычаи подобны этому. Случается, что сын убивает своего отца и удостоивается награды. Чем же это отличается от того, что награждают отца, съевшего своего сына? Как люди, не руководствующиеся гуман-

ностью и справедливостью, могут порицать варваров, поедающих своих детей?» [Моцзы иньдэ, 1948, 89].

С этих же позиций Моцзы подходит к вопросу о целесообразности существовавшего в его время погребального ритуала. Конфуцианцы обосновывали его соображениями гуманности и сыновней почтительности. Но Моцзы ссылается на то, что сыновняя почтительность отнюдь не везде понимается одинаково. В Янь, уже упоминавшемся царстве к югу от Чу, почтительным сыном считается лишь тот, кто хоронит кости умершего отца, предварительно отделив от них мясо. В Ицюй, расположенном к западу от Цинь, почтительный сын должен непременно сжечь тело своего отца. Это, по мнению Моцзы, типичный пример того, когда люди «считают правильными лишь свои привычки и справедливыми только свои обычаи» [там же, 39]. Поэтому с точки зрения других то, что считается в Срединных царствах добродетельным, может предстать жестоким и неестественным [там же].

Сюньцзы, придававший огромное значение ритуалу и обрядам в жизни общества, тем не менее в известном смысле разделяет эту мысль Моцзы, хотя и воздерживается от крайностей своего предшественника. Впервые побывав в Цинь, он чрезвычайно высоко оценил нравы и обычаи, характерные для этого царства [Сюньцзы иньдэ, 1950, 61]. Но в то же время он утверждает, что среди всех известных ему царств «нет ни одного, где не существовало бы каких-либо дурных обычаев» [там же, 41].

В рамках конфуцианской идеологии этноцентрическая система ценностей, выраженная у Конфуция еще очень неотчетливо, формируется как законченная концепция в учении Мэнцзы. Для Конфуция контакты хуся и «варваров» могли иметь своим следствием «варваризацию» древних китайцев (он видел заслугу Гуань Чжуна именно в том, что деятельность последнего предотвратила ее). Для Мэнцзы такой проблемы вообще не существует. Только хуся, обладающие подлинной человеческой культурой, могут воздействовать на «варваров»; обратный процесс, с его точки зрения, невозможен: «Я слышал, что ся изменяли варваров, но о том, чтобы ся изменялись под влиянием варваров, мне слышать не приходилось» [Legge, 1940, 2, 253].

Эта концепция одностороннего взаимодействия хуся и «варваров», согласно которой древние китайцы всегда и везде были активным, преобразующим началом в этнических и культурных контактах, позднее, уже в средние века, была взята на вооружение официальной китайской идеологией. В IV—III вв. до н. э. она неоднократно подвергалась критике и, во всяком случае, отнюдь не была общим местом в мировоззрении различных философских школ.

В «Люйши чуньцю» приводится высказывание, согласно ко-

тому стремления народов с различными обычаями одинаковы, хотя «то, что они делают, различается, произносимые ими названия непонятны, так, например, названия лодок, повозок, одежды, шапок, вкуса, тонов и цветов у них неодинаковы». Однако, полагает автор, это не дает еще оснований считать правильным только распространенное у «нас» и порицать свойственное другим [Древнекитайская философия, 1973, 303].

Это положение содержится в главе, приписываемой последователям легизма — учения, наиболее резко противостоявшего конфуцианству на всем протяжении IV—III вв. до н. э.

Легисты и конфуцианцы о заимствовании культурных достижений соседей

Вопрос о заимствовании тех или иных элементов культуры «варваров» был в древнем Китае столь же злободневным и острым, как и в Греции эллинистического и римского времени.

Когда Геродот писал свою «Историю», ситуация еще во многом была иной. Проблема заимствования эллинами отдельных обычаев или предметов материальной культуры для Геродота — вопрос фактов, не более. По его мнению, народам вообще свойственно заимствовать многое у своих соседей — исключение составляют, пожалуй, только египтяне, которые «избегают заимствований от эллинов и не только, впрочем, от эллинов, но вообще от какого бы то ни было народа» [Геродот, 1888, 1, 161]. Что же касается эллинов, то, по словам Геродота, культ Геракла — египетского происхождения, равно как и культ Диониса, а также способы гаданий [там же, 139, 143, 147]. Солнечные часы эллины заимствовали от вавилонян, щит и шлем — от египтян, письмо — от финикийцев [там же, 2, 28, 59, 384] и т. д.

Эти утверждения Геродота позднее вызывали негодование Плутарха, посвятившего специальный трактат доказательству «злокозненности» отца истории. В нем он называет Геродота «горячим сторонником варваров» и говорит, что многое, сообщаемое Геродотом об эллинах и «варварах», «ужасно» [Лурье, 1947, 167—168].

Яростные нападки на Геродота со стороны Плутарха во многом напоминают обвинения, выдвигавшиеся конфуцианцами в адрес легистов во время знаменитой дискуссии при дворе чжаоского правителя Улин-вана в связи с проблемой заимствования «варварской» одежды.

Описание обстоятельств дела дошли до нас в сочинении «Чжаньгоцэ»; в почти неизменном виде оно было включено Сыма Цянем в его «Исторические записки».

В 307 г. до н. э. правитель царства Чжао, Улин-ван, предложил реформировать армию Чжао. Для более успешной борьбы с северными кочевниками необходимо было использовать конни-

цу, которой у древних китайцев не было. Поэтому Улин-ван решил перенять у своих соседей манеру ведения боя в конном строю. Однако воевать верхом на лошади в традиционной чжоуской одежде было невозможно. Так возникла необходимость заимствовать одновременно и «варварскую» одежду — укороченный халат и, главное, штаны, которых древние китайцы до того времени не носили.

Однако замысел Улин-вана натолкнулся на открытое сопротивление его ближайших сановников, исключение из числа которых составили Лоу Хуань и Фэй И. Улин-ван все же решил ввести «варварскую» одежду, предписав надевать ее также и во время официальных церемоний во дворце. Но наследник престола отказался носить штаны, заявив:

«Я слышал, что Срединные царства — это местопребывание мудрых, средоточие всего, что необходимо человеку. Здесь осуществляются поучения совершенномудрых правителей древности; воплощаются гуманность и справедливость. Здесь находят свое применение великие каноны древности — книги песен, исторических преданий, ритуала и музыки. Здесь проверяются выдающиеся таланты. На Срединные царства взирают издали, и варвары стремятся подражать им.

Ныне же вы, о правитель, отказываетесь от этого. Вы надеваете одежду, которую носят в дальних краях, изменяете поучения древних, исправляете путь древности, идете против желаний людей. Вы вызываете гнев ученых и отказываетесь от Срединных царств» [Такигава, 1955, 6, 2678—2679].

В рассуждениях наследника нетрудно обнаружить идеи, непосредственно восходящие к этноцентрической концепции Мэн-цы.

Но эти доводы не убедили Улин-вана. «Главное в одежде — соответствовать назначению; главное в ритуале — соответствовать цели... Есть люди, которые коротко стригут волосы, разбивают тело, надрезают себе плечи и запахиваются налево, — это народ оуюэ. Есть люди, чернящие свои зубы и делающие себе знаки на лбу, не носящие головных уборов и носящие травяные накидки, — это народ у. Поэтому ритуалы и одежда бывают различными, но назначение их едино» [там же, 2679—2680]. Как видим, Улин-ван опровергает мнение наследника с позиций, весьма близких к идеям Моцзы. Действительно, легистская доктрина, получившая распространение в IV—III вв. до н. э., заимствовала и развила ряд моистских положений.

Одной из главных точек, в которых пересекались противоречия между конфуцианцами и легистами, было отношение к традиции. Конфуцианское понимание культуры немыслимо без подчеркивания роли преемственности и традиции. В этом смысле оно целиком восходит к раннечжоуским идеалам, согласно которым не активное созидание, а подражание готовым образцам прошлого рассматривалось как высший критерий мудрости [Ва-

силев К. В., 1973, 9—12]. Напротив, легизм по самой своей сути неразрывно связан с идеей преобразования и реформ.

Законодательной деятельностью Шан Яна, основоположника философского легизма, предшествовала борьба мнений, в ходе которой конфуцианцы пытались доказать порочность всякой попытки реформировать сложившийся правопорядок. «Я слышал, — утверждал Гань Лун, приближенный циньского Сяо-гуна, — что совершенномудрый наставляет народ, не изменяя обычаев, умный добивается хорошего управления, не изменяя законов». Этот довод отвергал Шан Ян: «Три династии достигли верховенства в Поднебесной, придерживаясь различных ли, а пять „гегемонов“ добились господства, применяя различные законы». В спор вступил Ду Чжи: «Я слышал, что, если выгода не будет стократной, законов не меняют; если успех не будет десятикратным, не меняют орудия. Я слышал, что, когда подражают древности, не совершают ошибок». Но и это звучит для Шан Яна неубедительно: «Прошлые поколения правителей наставляли народ по-разному, какой же древности они подражали?» [Книга правителя, 1968, 140—141].

Давно уже было отмечено, что дальнейшая дискуссия при дворе чжаоского Улин-вана в том виде, в каком она дошла до нас в «Чжаньгоцэ», почти дословно повторила все основные суждения, высказывавшиеся перед осуществлением реформ Шан Яна [Ян Куань, 1955, 37]. Это указывает на то, что споры, происходившие в обоих случаях, по-видимому, отражают не реальную, а некую абстрактную ситуацию: что сказали бы конфуцианцы и легисты по поводу предложения Шан Яна реформировать законы царства Цинь или в связи с намерением Улин-вана заимствовать «варварскую» одежду.

По первому пункту (традиция или инновация) в том и другом случае приводятся одни и те же доказательства. По второму (этноцентрическая концепция или представление о том, что каждый обычай любого народа имеет свой резон) скрещиваются мнения, противоположность которых также обусловлена общей направленностью конфуцианского и легистского подходов к действительности.

«Я не сомневаюсь, что заимствование варварской одежды необходимо, но боюсь, что Поднебесная будет смеяться надо мной!» — говорит Улин-ван в самом начале дискуссии. Стереотипные легистские доводы, повторенные в данном случае самим Улин-ваном, рассеивают его сомнения и страхи. «Тот, кто сегодня правит по-старому, не понимает изменений в событиях» [Такигава, 1955, 6, 2684] — этот тезис легистов, неоднократно повторявшийся и Шан Яном и Хань Фэем («итак, в древности и сейчас разные обычаи, старые и новые средства неодинаковы» [Древнекитайская философия, 1973, 264], вновь приобрел политическую актуальность, когда после многовековой раздробленности Поднебесная была объединена Цинь Шихуаном.

ПРАВЫ И ОБЫЧАИ ТРИНАДЦАТИ ОБЛАСТЕЙ ПОДНЕБЕСНОЙ

Как и во многих других ранних обществах, формирование этнического самосознания древних китайцев находило свое выражение, в частности, в противопоставлении своего этноса «варварам». Это представление покоилось на обобщении некоторых объективных различий между древними китайцами и их соседями — в языке, материальной культуре, обычаях и т. д. Наряду с этим контрверза «мы или они» отражала субъективное представление о превосходстве над соседями; в системе конфуцианских взглядов это идея приписывания «нам» единственно правильных норм морали и соответствующих им обычаев; считалось, что «варвары» лишены морали так же, как лишены ее дикие животные.

Однако даже в рамках конфуцианской доктрины такой подход к противопоставлению себя «варварам» не исключал признания различий внутри самой общности древних китайцев, в том числе и в сфере морально-этических норм и привычек. Для нас суждения ханьских ученых о природе этих различий существенны потому, что они позволяют более конкретно проанализировать вопрос о степени этнической консолидации древнекитайской общности.

Централизация страны и «местные обычаи»

Проблема соотношения народных обычаев и методов управления народом приобрела особую остроту в процессе объединительной деятельности Цинь Шихуана. В тексте на мемориальной стеле, установленной в Ланъя, император в числе своих заслуг упоминает о том, что он «устранил разноробой в обычаях» [Такигава, 1955, 2, 451]. Один из циньских документов, недавно обнаруженных в Юньмэне (провинция Хубэй), проливает дополнительный свет на эту сторону реформ основателя династии Цинь. Эти данные особенно интересны тем, что относятся к 227 г. до н. э. За шесть лет до завершения борьбы Цинь со своими противниками наместник округа Нань объявлял в своем предписании уездным начальникам: «В древности у народа существовали местные обычаи, его склонности, привязанности и антипатии не были едины. Кое-что в этом мешало народу и вредило государству. Поэтому мудрые ваны ввели законы, чтобы исправить намерения народа, преодолеть его заблуждения, искоренить его вредные обычаи. Однако законы и установления оказались недостаточными, народ во множестве прибегал к ухищрениям для того, чтобы нарушать их. Поэтому впоследствии правители стали издавать рескрипты. Законы, установления, рескрипты — все это предназначено для наставления народа на путь, для преодоления ошибочного и ложного, для искоренения его вред-

ных обычаев, чтобы поощрить его к добру. Ныне законы, установления и рескрипты всеобъемлющи, но чиновники и народ не следуют им. Люди, соблюдающие местные обычаи и погрязшие в заблуждениях, не знают удержу и тем нарушают правильные законы правителя» [Юньмэн циньцзянь, 1976а, 11].

Далее в предписании указывалось, что уездные чиновники, не принимающие мер пресечения «местных обычаев», сами совершают преступление. Если же чиновники не знают о том, что их подчиненные нарушают установления, то они не справляются со своими обязанностями. «Теперь приказываю всем тщательно соблюдать их, выявлять и наказывать тех, кто не следует приказам, вплоть до начальников уездов и их заместителей» [там же].

Округ Нань был создан на территории, ранее принадлежавшей царству Чу. Различия в языке, культуре и обычаях ощущались здесь особенно остро.

Даосская концепция соотношения обычаев и методов управления государством

Первые десятилетия II в. до н. э.— единственный период в древнекитайской истории, когда даосские идеи получили широкое распространение в высших слоях общества. Несомненно, это была реакция на крайности легизма во время правления Цинь Шихуана. Политика уступок, проводимая Гао-цзу и его преемниками, могла найти теоретическое обоснование именно в даосской концепции «недеяния».

Находки рукописных копий даосских сочинений (в том числе и тех, которые ранее вообще не были известны), сделанные в 1973 г., в какой-то мере отражают популярность такого рода книг в раннеханьском обществе: они были обнаружены в погребении, датированном 60-ми годами II в. до н. э. [Чанша мавандуй эр сань хао, 1974, 48].

В одной из глав рукописи, именуемой «Правление властителя», мы находим мысли по поводу обычаев и отношения к ним со стороны правителя, резко отличающиеся от того, что излагалось в предписаниях наместника округа Нань. «В течение первого года следуй обычаям. На второй год проявляй добродетель. Наступит третий год, и народ станет состоятельным. На четвертый год издавай приказы... На шестой год народ будет преисполнен страха и уважения. На седьмой год можно осуществлять управление» — таковы основные пункты изложенной там программы достижения правителем своей конечной цели [Лаоцзы ибэнь, 1975, 29].

Далее разъясняется, почему проведение подобной политики может дать желаемый результат: «Если в течение первого года следовать обычаям, то узнаешь, что народ считает правильным» [там же]. «То, что называется обычаем, есть следование жела-

ниями народа»; «осуществление изданных приказов становится обычаем». Таким образом, по мысли автора трактата, не насильственное искоренение сложившихся обычаев народа, а, напротив, использование силы обычая для проведения в жизнь принципов управления будет залогом успеха.

Важной составной частью этой программы является достижение «состоятельности» народа посредством «отмены налогов и поборов» [там же], что и осуществлялось практически при Гао-цзу, Вэнь-ди и Цзин-ди. Так, в 178 г. до н. э. Вэнь-ди «подарил народу Поднебесной половину поземельного налога этого года» [Бань Гу, 1964, 1, 118], т. е. снизил ставки этого налога вдвое; в 167 г. до н. э. поземельный налог вообще был отменен [там же, 125] и восстановлен лишь в 156 г. до н. э. в размере $1/30$ урожая [там же, 140].

«Если налоги и поборы ограничены,— продолжает автор трактата,— то народ богатеет. Разбогатев, народ начинает понимать стыд. Если у народа появляется стыд, то приказы становятся обычаем, а преступления не совершаются. Когда приказы становятся обычаем, а преступления не совершаются — это путь прочности и непобедимости» [Лаоцзы ибэнь, 1975, 29].

Осуществление на практике подобной концепции объективно способствовало консервации тех «местных обычаев», против которых столь рьяно восставал Цинь Шихуан. Но ему не удалось решить свою сверхзадачу.

Сыма Цянь о происхождении особенностей человеческого характера, обычаев и привычек

За сто с лишним лет, отделяющих эпоху Цинь Шихуана от периода жизни Сыма Цяня, эти различия не были и не могли быть полностью преодолены.

Вопрос о происхождении подобных различий интересовал многих древних мыслителей. Гиппократ, например, делил обитаемую землю на три пояса. Северный пояс — Скифия представлялась ему холодной и однообразной степью, где особенности климата определяют то, что звери там немногочисленны и малы ростом, коровы безроги, а местные жители рыжеволосы, грузны и неплодовиты. Южный пояс — Ливия, Египет и Азия — это жаркий и сухой район, в результате чего земли здесь плодородны, животные многочисленны и крупны размером, а люди темнокожи, черноволосы и маломощны. В среднем поясе разнообразие почв и ландшафтов сочетается с силой, смелостью и сообразительностью местных жителей. Эта последняя характеристика полностью применима к грекам, но не относится к живущим в том же поясе азиатам, ослабленным деспотическим образом правления [Томсон, 1953, 161—162].

Взгляды Сыма Цяня в целом близки к этой теории Гиппократа. Различия в манере поведения, нравах и обычаях совре-

менных ему людей древнекитайский историк объясняет прежде всего воздействием естественно-природных факторов. Важнейшее значение среди них имеют, по Сыма Цяню, плодородие почв и относительная численность населения. На юге «земли обширны, а население редко, там питаются рисом и рыбой... Земля в изобилии дает пищу... Поэтому к югу от [Янцзы]цзяна и Хуай[хэ] не бывает людей, страдающих от холода и голода, как нет и семей, обладающих имуществом в тысячу золотых. А к северу от И[шуя] и Сышуя есть подходящие условия для занятия земледелием, выращивания тутов и конопли, разведения домашних животных, но земли мало, а население многочисленно. Здесь часто случаются наводнения и засухи. Народ склонен к накоплению богатств» [Такигава, 1955, 10, 5160—5162].

Природные условия, плодородие почв, плотность населения, основные занятия определяют особенности поведения людей. Почти для каждого из выделяемых им районов Сыма Цянь приводит сведения о специфике местных нравов. На территории бывших царств Чу и Юэ он усматривает три региона, отличающихся по психологическому стереотипу населения. Жители «западного Чу» характеризуются тем, что они «заносчивы и легкомысленны, легко приходят в состояние гнева» [там же, 5157]. В «восточном Чу», напротив, люди «ценят выполнение обещаний» [там же]. Уроженцы «южного Чу» отличаются склонностью к «болтовне и хитроумным рассуждениям», «им трудно верить» [там же, 5159].

Подобно Гиппократу, Сыма Цянь видит причину различий в нравах и обычаях людей не только в условиях среды обитания, но и в воздействии «образа правления». К числу последних факторов Сыма Цянь относит «традиции прежних правителей». В Гуаньчжуне, например, на протяжении многих веков находилась столица чжоуских ванов. В этом, по мнению Сыма Цяня, заключается одна из причин того, что люди здесь положительны, занимаются они земледелием и «не склонны совершать дурное» [там же, 5151]. Точно так же в Цзоу и Лу ощущается влияние нравов, насаждавшихся в свое время Чжоу-гуном. Местные жители здесь легко воспринимают конфуцианское учение, придают большое значение нормам поведения, они нерасточительны, «боятся совершать преступления и сторонятся порока» [там же, 5156].

Проблема местных нравов в изложении Бань Гу

Несравненно более полное и систематическое изложение вопроса об особенностях региональных обычаев и нравов населения ханьской империи мы находим у Бань Гу. Приведя в гл. 28 традиционную характеристику «девяти областей», а затем перечислив данные об округах империи, численности их населения и количестве городов в каждом из них, Бань Гу излагает свою

схему хозяйственно-культурного районирования. Как явствует из авторского пояснения, он широко пользовался данными, собранными и систематизированными Чжу Гуном в 20-х годах I в. до н. э. Поскольку эти материалы, имеющие отношение к характеристике нравов и обычаев населения империи, не были обнародованы, Бань Гу «обобщил их и включил в свое сочинение» [Бань Гу, 1964, 6, 1640].

Подобно своим предшественникам, Бань Гу различает нравы (фэн) и обычаи (су). Первые определяются условиями среды обитания и проявляются в «твердости и мягкости, медлительности и порывистости», в «неодинаковости голоса»; вторые изменяются под воздействием воли правителя и выражаются в том, «что любят и что ненавидят, что предпочитают и от чего отказываются» [там же].

Большинство обычаев, наличие которых характеризует, по Бань Гу, тот или иной регион Поднебесной, связано преимущественно со сферой общественных взаимоотношений между людьми. Сюда относятся высокое социальное положение женщины, в целом для ханьского общества нехарактерное [там же, 1653]; несоблюдение предписываемых традицией норм половой сегрегации [там же, 1657]; обычай, согласно которому старшая дочь остается незамужней [там же, 1661]; пренебрежительное отношение мужчин к женской красоте и т. д. Кроме того, Бань Гу обращает внимание на такие обычаи, как несоблюдение правил, диктуемых различием в социальном статусе [там же, 1645]; склонность к излишней роскоши в свадебном и погребальном обрядах [там же, 1656]; обычай раздела имущества при жизни родителей [там же, 1654]; привычка постоянно ходить вооруженным [там же, 1667] и пр.

Гораздо более подробно описывает Бань Гу нравы, т. е. фактически наиболее типичные черты характера или психологического типа. При перечислении их историк указывает и на степень выраженности этих особенностей: а) данная черта присутствует (отсутствует); б) она преобладает над другими чертами; в) у данной группы населения эта черта более выражена, чем у других групп.

В большинстве случаев Бань Гу не дает своей собственной оценки той или иной черте характера. Он делает это лишь изредка, отмечая «недостатки» (ши) в особенностях поведения уроженцев некоторых регионов. «Недостаток чжоусцев,— пишет, например, он о жителях территории, ранее входившей в состав домена чжоуских ванов,— в том, что они хитры, неискренни, стремятся к выгоде, ценят богатство и не придают значения справедливости, уважают богатых и презирают бедных, с удовольствием становятся торговцами и не любят занимать государственные должности» [там же, 1651].

Иногда Бань Гу высказывает на этот счет не свое собственное мнение, а приводит суждение жителей какого-либо района

о «недостатках» их соседей. В Наньяне, например, это жадность и скардность, склонность к сутяжничеству и обычай делить имущество при жизни родителей [там же, 1654].

В целом население тринадцати выделенных Бань Гу регионов характеризуется определенным сочетанием следующих черт характера: скромность, стыдливость; твердость, решительность, настойчивость; оптимизм, умение переносить неудачи и трудности; вспыльчивость; необдуманность поступков; недалёковидность; честолюбие; стремление к знаниям и самоусовершенствованию; жадность; мстительность, злопамятность; любовь к тяжбам и спорам; склонность к злословию; стремление к роскоши; грубость, невоспитанность; пренебрежение гуманностью и правилами приличия; злобность, завистливость; распушенность; стремление к наживе; вера в духов; склонность к злоупотреблениям и воровству и т. д.

Примечательно, что для Бань Гу предложенная им «типология» обычаев и нравов отнюдь не была чисто теоретической проблемой. Поэтому в различных главах своего труда он нередко ссылается на обычаи, свойственные той или иной местности, для объяснения поступков отдельных исторических деятелей. Например, авторское резюме к биографиям правителей наследственных владений Хэншань и Хуайнань он завершает словами: «Ибо люди в Цзин и Чу заносчивы и легкомысленны, они склонны к мятежу — свидетельства тому известны издавна» [там же, 7, 2157]. В другом месте поведение Чжэн Пэна объясняется тем, что «он был родом из Чу и отличался вспыльчивостью» [там же, 10, 3286]. В уста Гунсунь Хуна историк вкладывает утверждение о том, что «люди из Ци склонны к обману и бездушию» [там же, 9, 2619]. Успех деятельности Ван Вэньшу на должности столичного инспектора Бань Гу связывает с тем, что тот «хорошо знал обычаи Гуаньчжуна» [там же, 11, 3657], и т. д.

Факторы, оказывающие воздействие на нравы и обычаи

Будучи в основе своей врожденными свойствами человеческой природы, обычаи и черты характера подвержены, полагает Бань Гу, воздействию со стороны внешних факторов. К их числу относятся деятельность царей, чиновников, мудрецов; переселения; территориальные контакты и заимствования.

Деятельность царей и чиновников может оказать двоякое влияние на нравы и обычаи: добродетельные правители прошлого, как правило, оставляют свои положительные «традиции», а противоположное воздействие оказывают правители-тираны. В северо-восточной части современной провинции Хэннань находилась некогда столица последнего иньского вана — деспота Чжоу Синя, а затем эти земли оказались в наследственном владении достоправного Тан-шу. Однако, по словам Бань Гу, в его время «традиции Тан-шу исчезли, а влияние Чжоу Синя все еще

сохранялось» [Бань Гу, 1964, 6, 1647], что и явилось причиной преобладания многих отрицательных качеств у жителей этого района.

Воздействие на нравы и обычаи могут оказывать также такие выдающиеся деятели прошлого, как, например, Конфуций. Благодаря ему жители бывшего царства Лу в целом отличаются стремлением к знанию [там же, 1662].

Бань Гу указывает также на примеры того, как могла повлиять на людские нравы деятельность чиновников прошлых лет. В частности, в округе Дун «до сих пор» ощущаются результаты пребывания там Хань Яньшоу, бывшего наместником этого округа при императоре Сюань-ди, т. е. лет за сто пятьдесят до Бань Гу [там же].

Изменению обычаев и нравов, сложившихся в том или ином районе, способствуют миграции населения. После того как Цинь завоевало Наньян, туда было переселено значительное число жителей «из разных мест Поднебесной» [там же, 1654], и это привело к возникновению там обычаев, отличающихся от собственных соседним районам. Другим типичным примером такого рода Бань Гу считает последствия переселения знати из бывших царств Ци и Чу в столичную область в начале династии Хань: «Здесь перемешались уроженцы пяти стран света, и поэтому обычаи и нравы тут неоднородны» [там же, 1642].

Если две местности относятся к различным регионам, но соседствуют друг с другом, это также может явиться причиной изменения обычаев их населения. Северные районы бывшего царства Янь сходны по господствующим там обычаям с соседними территориями царства Чжао, хотя с точки зрения соответствующих созвездий Янь и Чжао в целом не составляют единства. Другой пример — У, Юэ и Чу, которые «имели общие границы, и поэтому обычаи народа там в основном сходны» [там же, 1668].

Наконец, причиной появления специфических черт в нравах и обычаях может быть соседство с районами, населенными «варварами». Крайний запад и север современной провинции Шэньси в ханьское время «находился в непосредственной близости к жунам и ди, поэтому тамошнее население постоянно упражнялось в военном деле, считало главным достоинством человека умение стрелять из лука и охотиться; обычаи в этих округах грубы; воровство и разбой не считается зазорным занятием» [там же, 1644]. Примерно такая же ситуация, утверждает историк, существует на бывших чжаоских землях, которые «находятся вблизи от северных варваров, и поэтому народ отличается здесь злобностью и ценит храбрость» [там же, 1656].

Однако, противореча своей собственной концепции о нравственном превосходстве над «варварами», Бань Гу не только приводит примеры того, как влияние последних приводило к огрублению нравов древних китайцев, но и указывает на обрат-

ное. Коренное население округов Лолан и Сюаньту раньше вообще не знало, что такое воровство, и поэтому там «двери не запирались». Чиновники и купцы, приезжавшие туда из Ляодуна, оказали дурное воздействие на местные нравы, и случаи нарушения закона теперь резко участились. «Вот оно — влияние гуманных и мудрых!» — саркастически заключает Бань Гу [там же, 1658].

ЧЖУН ГО И ЧЖУН ГО ЖЭНЬ

Представление о чжун го — центре ойкумены, со всех сторон окруженном «варварами четырех стран света», — возникло во второй половине I тысячелетия до н. э. До объединения страны Цинь Шихуаном этим термином обозначались царства, населенные древними китайцами, — Срединные царства. В III в. до н. э. — III в. н. э. понятие «чжун го» претерпело значительную трансформацию, являющуюся отражением реальных изменений в древнекитайском этносе и его самосознании.

Два значения термина «чжун го»

Объединение древнекитайских царств и создание централизованных империй Цинь и Хань привели к важным сдвигам в формах государственного устройства, что повлияло как на общую этнополитическую ситуацию, так и на конкретное содержание термина «чжун го».

Следует напомнить, что вплоть до последних веков до нашей эры слово «го» лишь весьма условно могло быть переведено на русский язык как «государство». В традиционной системе представлений об обитаемом мире го было неразрывно связано с понятием «тянься» как объекта власти верховного правителя (вана). Го представляло собой наследственное владение, «пожалованное» ваном тому или иному чжухоу. Го, в свою очередь, состояло из нескольких цзя — владений наследственных аристократов (дафу). Тянься, го и цзя составляли три уровня единой иерархической системы.

Мы уже знаем, что эта система, существовавшая (по крайней мере в идеале) в эпоху Чжоу, претерпела к концу I тысячелетия до н. э. радикальные изменения. В ханьское время термин «го» наряду со своим старым значением (наследственное владение, подчиненное верховному правителю) получает новое, ранее совершенно несвойственное ему значение «государство», «страна», «империя». Так, ханьская империя иногда обозначалась термином «хань го» [Бань Гу, 1964, 9, 3027].

В соответствии с этим в ханьское время появляется словосочетание «вай го» («чужеземные, внешние страны»; «государства за пределами ханьской империи») [там же, 3007, 3022 и др.].

Это словоупотребление отражает представление о том, что в Поднебесной помимо страны, населенной древними китайцами, могут существовать иные государства,— идея принципиально новая, совершенно несвойственная системе мировоззрения доханьского времени.

Та же идея воплощена и в ханьском термине «ди го». В своем письме к правителю сюнну Лаошан-шаньюю (162 г. до н. э.) император Вэнь-ди писал о своем желании добиться мира между ханьской империей и сюнну. В тексте содержится фраза, которая была переведена Н. Я. Бичуриным следующим образом: «Хань и Хунну суть два смежные и равные государства [Бичурин, 1950, 1, 60]. Примерно так же понимает его и В. С. Таскин: «Хань и сюнну — равные по силе соседние государства» [Материалы, 1968, 1, 48].

Изменение значения термина «го» предопределило трансформацию понятия «чжун го». Если первоначально это словосочетание обозначало «Срединные царства», то теперь оно приобрело значение «Срединное государство», т. е. стало синонимом «Ханьской империи».

«Со всех четырех сторон Срединное государство имеет заставы и крепости»,— говорится в «Ханьшу» [Бань Гу, 11, 3805]. Здесь имеется в виду бесспорно вся империя в целом, так как заставы существовали в то время лишь на границах империи.

Обозначая ханьскую империю в целом, термин «чжун го» имел в то время не только территориальное, но и политическое значение. Так, в источниках есть упоминания о «печатах Срединного государства» [там же, 3819]— об официальных печатях, вручавшихся императором Хань как символ определенного социального статуса. Такие печати получали, в частности, вожди племен, признавшие вассалитет по отношению к Хань. В этом же смысле следует понимать, например, запись о том, что «шаньюй прибыл на аудиенцию в Срединное государство», и т. д.

Однако в источниках ханьского времени термин «чжун го» употребляется в другом смысле.

Многие конфуцианские авторы продолжают употреблять этот термин фактически в его старом значении, сложившемся в эпоху Чжаньго: им обозначалась теперь территория ханьской империи в том виде, какой она имела до начала завоевательных походов Цинь Шихуана, а затем У-ди.

В целом конфуцианцы нередко противопоставляли чжун го и пограничные округа, образованные на вновь присоединенных землях. В трактате «Яньтелунь», представляющем собой запись дискуссии между различными придворными группировками в 81 г. до н. э., где мы находим это противопоставление, пограничными округами автор называет земли «к западу от Шофан и к северу от Чаньани» [Го Можо, 1957, 33]. В аналогичном контексте вновь созданный округ Шофан противопос-

тавляется чжун го и в одной из глав «Ханьшу» [Бань Гу, 1964, 9, 2619]. В другом месте того же источника «пограничные округа» стоят в одном ряду со «столичной областью» и районом «к востоку от заставы» (территория современной провинции Хэнань) [там же, 10, 3296].

Другими словами, в таком понимании термина «чжун го» он фактически отождествлялся с тем, что в ханьское время называли «внутренними округами». В число последних не входили, например, ни округ Лолан, созданный на территории Корейского полуострова [там же, 3, 1658], ни территории западнее Увэй [там же, 1645], ни даже земли севернее столицы [там же, 9, 3024].

Конфуцианская контроверза «чжун го — варвары»

Конфуцианцы неоднократно подчеркивали различия в положении населения чжун го и пограничных округов, утверждая, в частности, что в первом случае население страдает главным образом от налогового бремени, во втором — от необходимости нести пограничную службу [Го Можо, 1957, 29]. Но эти различия имели с конфуцианской точки зрения и гораздо более глубокую, принципиальную первопричину.

«...В пограничных округах люди живут в горах и ущельях, и космические силы инь и ян находятся там в состоянии дисгармонии. От холода там трескается земля, и пронизывающий ветер обдувает солончаки. Там перемешались песок и камни; земля не может найти себе применения.

Чжун го находится в центре неба и земли, там где силы инь и ян сочетаются между собой. Солнце и луна проходят южнее, а Полярная звезда появляется севернее. Гармоническое дыхание земли порождает здесь все сущее» [там же].

Конфуцианцы, которым принадлежит это высказывание, считали, что чжун го занимает совершенно определенное место в универсальной системе макрокосма, в которой взаимообусловлены географическое положение территории, соответствующее тому или иному размещению небесных светил; соотношение космических сил инь и ян («темное» и «светлое» начала бытия); «дыхание земли», определяющее врожденные качества человеческого характера; принадлежность населения данной категории к истинным людям или к варварам, имеющим лишь внешний облик людей, но по существу не отличающихся от диких зверей (подробнее см. [Кроль, 1973]).

Таким образом, с конфуцианской точки зрения различие между центром Поднебесной и ее периферией — это различие качественное, непреходящее. Оно проявляется не только в занятиях, культуре, языке, врожденных чертах природы, но также и в тех методах, с помощью которых правитель оказывает на население Поднебесной свое регулирующее воздействие. «Вар-

вары,— читаем мы в «Байху туньи»,— живут на землях, отделенных от чжун го, и имеют иные обычаи. Они рождены не гармоническим дыханием земли, и на них невозможно оказать воздействие посредством категорий нравственного порядка (ли и)».

Та же концепция в более детальном изложении представлена в «Ханьшу» (речь здесь идет преимущественно о сюнну): «Варвары алчны и жаждут выгоды. Они ходят с распушенными волосами и запахивают одежду на левую сторону. У них лица людей и сердца диких зверей. Они носят одежду, отличную от той, которая принята в чжун го, они имеют иные обычаи и привычки, у них другая еда и напитки, они говорят на непонятном языке. Они живут далеко на севере, за пограничными заставами, переходят с места на место со скотом в поисках травы, занимаются охотой и тем добывают себе средства на жизнь. Они отделены от чжун го горами и ущельями, окружены пустыней. Здесь проходит граница между внутренним и внешним.

Поэтому мудрый правитель относится к варварам как к диким зверям» [Бань Гу, 1964, 2, 3834].

Эти конфуцианские рассуждения поразительно напоминают поучения Аристотеля, рекомендовавшего Александру Македонскому вести себя с эллинами как руководителю, с варварами же — как владыке; заботиться об эллинах как о родных и близких, а к варварам относиться как к животным [Лурье, 1947, 48].

Конфуцианская концепция, по которой «варвары» — это не вполне люди, нашла выражение и в переосмыслении старых терминов для их обозначения. Если раньше «жун», «ди», «и», «мань» воспринимались просто как обозначения различных групп иноплеменников, то в ханьское время конфуцианские авторы утверждают, что в самих этих терминах содержится указание на неполноценность «варваров». В «Байху туньи» говорится: «*Жун* означает „жестокий и дурной“; *ди* означает „легкомысленный“...» [Тjan Тjое Som, 1949—1952, 1, 401].

И в этом отношении прослеживается определенная параллель с трансформацией значения слова «варвар» в древнегреческом: первоначально оно означает просто «говорящий на чужом, непонятном языке» (такое словоупотребление встречается у Гомера, Гераклита, Аристофана); но уже Еврипид вкладывал в это слово иной смысл, этимологизируя его в значении «грубый», «невежественный», «скотский» [Лурье, 1947, 47].

Конфуцианцы о войнах с «варварами»

Конфуцианский подход к «варварам» как к существам иного рода, чем настоящие люди, определял и их позицию в таком остром политическом вопросе, каким в ханьское время было

отношение к войне как к средству расширения территории империи.

Коль скоро различие между жителями Срединного государства и «варварами» обусловлено устройством макрокосма, то по самой своей природе «варвары» не могут быть настоящими подданными, а населенные ими земли не могут быть использованы для земледелия. По мнению Бань Гу, отношение мудрого правителя к «варварам» заключается в том, что он «не заключает с ними договоров и не предпринимает против них походов. Если он будет заключать с ними договоры, то попусту израсходует свои богатства и будет обманут. Если он будет ходить на них походами, то приведет в изнеможение свое войско и вызовет ответное нападение. Их земли нельзя обрабатывать и тем добывать пропитание. К их народу нельзя относиться как к подданным. Поэтому мудрый правитель оставляет варваров вовне и не приближает их» [Бань Гу, 1964, 11, 3834].

С этой точки зрения Бань Гу оценивает два противоположных подхода к проблеме сюнну, представленных рядом крупных государственных деятелей начала Хань.

Одни из них (Бань Гу называет их «носящими чиновничий пояс») высказывались за заключение с сюнну договора о «мире, основанном на родстве», т. е. за умиротворение своих агрессивных соседей путем уступок и богатых даров. Другие («одетые в доспехи и шлемы») настаивали на активных наступательных походах против сюнну.

Оба эти мнения, говорит Бань Гу, основаны на сиюминутных соображениях и страдают односторонностью, потому что их авторы «не поняли сущности сюнну» [там же]. С сюнну, как и вообще с «варварами четырех стран света», с точки зрения Бань Гу, не следует иметь ни мирных отношений, ни войны: лучше всего вообще воздержаться от контактов с ними.

Эта конфуцианская точка зрения неоднократно звучала в докладах тех ханьских сановников, которые стремились удержать У-ди и его преемников от политики территориальных захватов. Раз сами варвары не могут быть настоящими подданными, а их земли непригодны для возделывания, то даже разгром варваров и присоединение их земель не принесут империи никаких выгод.

В сущности, эта мысль была высказана еще Чжан И, известным дипломатом эпохи Чжаньго, накануне присоединения к Цинь территории царства Шу: «Шу — государство, расположенное далеко на западе... Даже если захватить его земли, это не принесет пользы» [Такигава, 1955, 7, 3490]. С этих же позиций Гунсунь Хун пытался в 127 г. до н. э. заставить У-ди воздержаться от присоединения Ордоса, чтобы не «истощать силы Срединного государства ради приобретения ни на что не пригодных земель» [Бань Гу, 1964, 9, 2619].

С этой позицией тесно связана другая, впоследствии также

получившая широкое распространение концепция: если уж столкновение с соседями неизбежно, лучше всего воевать с «варварами» руками «варваров». Впервые она была отчетливо сформулирована Чао Цо: «Пойти на унижение и служить сильному — такая политика подходит для маленького государства. Объединить малое для нападения на большое — такая политика подходит для равных государств. Воевать с варварами руками варваров — такая политика подходит для Срединного государства» [там же, 8, 2281].

Антиконфуцианские мыслители об отсутствии принципиальных различий между жителями Срединного государства и «варварами»

Хотя тезис о врожденной неполноценности «варваров» имел в ханское время широкое хождение, он не разделялся многими противниками конфуцианского учения.

«Хотя по своим привычкам и обычаям варвары отличаются от жителей государства, исповедующего нравственность и долг, — утверждал, в частности, Чжао Чунго, — но их стремление избежать опасностей и добиваться выгоды, их любовь к родственникам и боязнь смерти одинаковы» [Бань Гу, 1964, 9, 2987].

Любопытные доводы против конфуцианского взгляда на проблему соотношения понятий «жители Срединного государства» и «варвары» были высказаны примерно в то же время неким Чжунхан Юэ. Он получил известность не как философ, а как чиновник, перешедший на службу к сюнну. Став советником шаньюя, Чжунхан Юэ приложил немало усилий для укрепления военной мощи сюнну.

«Сюнну по своей численности меньше населения одного ханьского округа, — сказал как-то Чжунхан Юэ, — но сильны они тем, что отличаются в одежде и пище от Хань и не зависят от нее. Ныне же вы, о шаньюй, изменили обычаям и обнаруживаете пристрастие к ханьским вещам. Даже если ханьские вещи будут составлять всего лишь две десятые того, что потребляется сюнну, все они попадут под власть Хань».

В связи с этим Чжунхан Юэ высказывает несколько неожиданное предложение: «Когда вы получите ханьские ткани, то скачите в одежде, сшитой из них, по траве и колючкам, и халат и штаны, чтобы показать, что они не так прочны и хороши, как войлочные шубы. Когда получите ханьские съестные продукты, выбросьте их, чтобы показать, что они не так вкусны, как молоко и сыр» [там же, 11, 3759].

Когда к сюнну прибыл ханьский посол, между ним и Чжунхан Юэ произошел диспут о преимуществах обычаев и морали жителей ханьской империи и сюнну. Посол, в частности, утверждал, что сюнну безнравственны, потому что после смерти отца женятся на мачехах, после смерти брата берут в жены невест-

ку. С конфуцианской точки зрения это было непровержимым доказательством того, что сюнну по своей сущности не отличаются от птиц и зверей. Однако Чжунхан Юэ не только отвел это обвинение, но и обратил его на пользу сюнну. Этот обычай, говорил Чжунхан Юэ, имеет своей целью поддержать единство рода. «Поэтому хотя у сюнну и бывают смуты, но правителями так или иначе становятся кровные родственники. А в Срединном государстве хотя и не женятся на женах отцов и старших братьев, но постепенное удаление степеней родства приводит к тому, что родственники начинают убивать друг друга, а иногда дело доходит даже до смены фамилий» [там же, 3760]. Из этого следует, заключал Чжунхан Юэ, что сюнну более нравственны, чем жители ханьской империи.

Следует заметить, что в своей практической деятельности У-ди, официально признавший конфуцианство государственной идеологией, зачастую жертвовал некоторыми положениями, казавшимися конфуцианцам незыблемыми. Это касается, в частности, и отношения к обычаю левирата, практиковавшегося не только сюнну, но и многими другими степняками ханьского времени. Вскоре после того, как древнекитайская царевна Сицзюнь была послана в жены правителю усуней, престарелый супруг решил выдать ее за своего внука. Потрясенная Сицзюнь отказалась от подобного бесчестия и написала У-ди письмо с жалобой. Ответ императора был для нее неожиданным: «Следуй обычаям этого государства. Я хочу, чтобы мы вместе с усунями разгромили северных варваров» [там же, 11, 3904].

Это кощунственное, с точки зрения конфуцианцев, решение было вызвано отнюдь не теоретическими, а чисто практическими соображениями политика. Но оно противоречит основам конфуцианской морали и в этом смысле непосредственно перекликается с некоторыми суждениями, содержащимися в трактате «Хуайнаньцзы». У сюнну иные обычаи, говорит автор трактата, но значит ли это, что у них не существует норм взаимоотношений между людьми (ли)? «Заклучая договор, сюнну пьют из чаши, сделанной из человеческого черепа; юэ надрезают себе плечо; в Срединном государстве мажут себе губы жертвенной кровью — различия здесь лишь в форме, но суть одна — выразить свою решимость» [Хуайнаньцзы, 4, разд. 16,6]. Для доказательства этого тезиса автор ссылается на исторические факты. Правитель Чу, Чжуан-ван, носил иную одежду, чем та, которая была принята в то время у хуася, но тем не менее ему подчинились все в Поднебесной и он стал гегемоном среди чжухоу. Циньский Вэнь-гун носил халат из грубой ткани и овчинный тулуп, подпоясанный ремнем из сыромятной кожи, но тем не менее его авторитет распространился далеко за пределами царства Цзинь. «Так неужели же, — заключает автор трактата, — только в царствах Цзоу и Лу существуют нормы взаимоотношений между людьми?» [там же, 6].

Выступая против культурной исключительности жителей Среднего государства, автор «Хуайнаньцзы» не только доказывает, что обычаи различных народов сопоставимы и равнозначны. Он опровергает и конфуцианский тезис о «врожденности» привычек и человеческих качеств, свойственных «варварам».

«Когда у цянов, ди, боди рождаются младенцы, все они кричат одинаково. Но стоит им подрасти, как они оказываются не в состоянии понять друг друга даже через переводчика. Это потому, что различаются их воспитание и их обычаи. Возьмите сейчас трехмесячного ребенка, перевезите его в другое государство — и впоследствии он и сам не будет знать, какие обычаи существуют на его родине. С этой точки зрения одежда, нормы поведения и обычаи — все это не прирожденные качества людей, а результат внешнего воздействия. В самом деле, по своим природным свойствам бамбук не тонет в воде. Но он потонет, если расщепить его на планки, связать пучком и бросить в воду. Это потому, что он утратил свое первоначальное состояние. По своим природным свойствам металл тонет в воде. Но он будет плавать, если положить его в лодку. Это потому, что нечто будет поддерживать его. Полотно белое, но покрасьте его черной краской — и оно будет черным. По своим природным свойствам чесуча желтая, но выкрасьте ее киноварью — и она станет красной!» [там же, 4].

Конфуцианская идея о том, что древним китайцам и «варварам» свойственны различные врожденные качества, «изменить которые невозможно», нашла своего противника также и в лице одного из крупнейших древнекитайских философов — Ван Чуна.

В своем трактате «Луньхэн» Ван Чун вообще уделяет большое внимание проблеме «врожденных качеств человека». Он выступает против обеих крайних точек зрения на природу человека, высказывавшихся в свое время Мэнцзы и Сюньцзы. По его мнению, добро и зло не суть врожденное свойство человека. «Вьюнок, — утверждает Ван Чун, — растет рядом с коноплей и стоит вертикально, хотя его не поддерживают. Белая ткань, опущенная в черную краску, темнеет, хотя ее не окрашивали специально. Между тем по своим первоначальным свойствам вьюнок не может расти прямо вверх, а ткань не обладает темным цветом: они стали прямым и темной из-за воздействия со стороны. Врожденные качества человека подобны вьюнку и ткани» [Ван Чун, 1934, 2, 26—27].

Ван Чун считает, что приверженность древних китайцев и «варваров» к тем или иным обычаям и привычкам не определяется их врожденными качествами. Он аргументирует это положение ссылкой на историю с ваном Наньюэ. Хуася по происхождению, Чжао То был циньским чиновником в округе Наньхай. После начала антициньского восстания он трезво

оценил обстановку и решил объявить себя ваном южных юэ. Постепенно переняв местные обычаи, Чжао То уже ничем не отличался от своих подданных. После воцарения ханьской династии Гао-цзу отправил к Чжао То посла с целью склонить правителя наньюэ к лояльности по отношению к Хань. Чжао То принял посла, будучи одетым на варварский манер и сидя по-варварски. Посол стал убеждать Чжао То, что он не должен забывать о своем происхождении: ведь родом он со Среднекитайской равнины. Красноречие посла не пропало даром. «Я так долго жил среди варваров, что совершенно забыл о правилах этикета»,— вдруг сказал Чжао То и сел так, как это было принято у древних китайцев [Такигава, 1964, 7, 2111—2112].

Чжао То, говорит Ван Чун, перенял обычаи «варваров», и «его пристрастие к ним могло показаться врожденным качеством». Но затем он вспомнил о своем происхождении и продемонстрировал свое отрицательное отношение к привычкам, которым он еще совсем недавно следовал. «Его презрение к варварской прическе и манере сидеть также могло быть принято за проявление врожденного качества. Но сначала он вел себя одним образом, затем — другим. Это свидетельствует о том, что поведение его определялось не только тем, что было заложено в нем от рождения, но и воздействием извне» [Ван Чун, 1934, 2, 31].

Если конфуцианские представления о врожденной противоположности «варваров» и древних китайцев совпадают со взглядами Аристотеля, разделявшимися в его время многими другими древнегреческими мыслителями, то идеи автора «Хуайнаньцзы» и Ван Чуна ставят их в один ряд с такими философами древности, как софисты-вольнодумцы Алкидамант и Антифонт. «По природе мы все и во всех отношениях одинаковы — и варвары и греки,— утверждал Антифонт.— Можно наблюдать существующие у всех людей от природы потребности; все одинаково могут удовлетворять их, и варвар не отличается от нас, как и грек от варвара: все мы через рот или через нос вдыхаем воздух и едим с помощью рук» [Радциг, 1965, 300]. Аналогичные мысли высказывал в свое время и Эратосфен. Он резко критиковал «тех, кто делит все человечество на две группы — на греков и варваров», и предлагал «делить людей по хорошим и дурным качествам, ибо есть не только много дурных греков, но и много образованных варваров» [Страбон, 1964, 72].

Этнические самоназвания древних китайцев

Коль скоро термин «чжун го» приобрел в ханьское время значение «Срединное государство», то выражение «люди Срединного государства» (чжун го жэнь) обозначало «население ханьской империи». «Ныне рельеф местности и занятия сюнну отличаются от Срединного государства,— читаем мы в «Хань-

шу». — Лошади Срединного государства уступают в способности подниматься на горные кручи и спускаться с них. Всадники Срединного государства уступают в способности скакать и стрелять из лука в теснинах и ущельях. Люди Срединного государства уступают в способности переносить дождь, ветер и усталость, голод и жажду» [Бань Гу, 1964, 8, 2281].

Но наряду с этим термин «чжун го жэнь» в ряде случаев употреблялся в ханьское время и в ином значении. Достаточно вспомнить упоминавшийся выше разговор Чжао То с ханьским послом. «Вы — чжун го жэнь!» — так был сформулирован главный довод, решивший весь ход переговоров. Контекст не позволяет предполагать здесь употребление данного термина в его обычном значении, указывающем на принадлежность к ханьской империи. Говоря это, посол хотел подчеркнуть, что по своему происхождению юэский правитель не имел ничего общего с подчиненными ему племенами.

Правнук Чжао То бывал в Чанъани при дворе ханьского У-ди, женился там на девушке родом из Ханьдани и привез ее с собой. Впоследствии окружение юэского властителя по-прежнему считало, что его жена — чжунго жэнь [там же, 11, 3854]. И в этом случае речь шла не о том, что она — подданная ханьского императора (таковой она в то время уже не являлась), а лишь о ее принадлежности к общности древних китайцев.

Характеризуя этническую специфику племен ухуань, автор «Хоуханьшу» отмечал, что души усопших ухуаней отправляются на гору Чишань, «подобно тому как у чжун го жэнь души умерших возвращаются на гору Юэшань» [Ван Сяньцзянь, 1959, 4, 3322]. Но самому Фань Е было, по-видимому, достаточно хорошо известно, что верования, связанные с горой Юэшань, существовали у древних китайцев, а отнюдь не у всех этнических общностей, населявших ханьскую империю.

Все это позволяет считать, что термин «чжун го жэнь» употреблялся в рассматриваемую эпоху также и в этническом смысле. Он пришел на смену термину «хуася» в качестве самоназвания этнической общности древних китайцев. Соответственно выражение «чжун го юй», обозначавшее буквально «язык Срединного государства», употреблялось в значении «древнекитайский язык». Например, автор «Вэйлюэ», характеризуя племена ди, населявшие северо-западные районы империи, утверждает, что они «в большинстве своем знают древнекитайский язык (чжун го юй)», потому что живут вперемежку с древними китайцами [Хуан Ле, 1965, 101].

Кроме того, в ханьское время в качестве самоназвания древних китайцев употреблялся и другой термин — «цинь», этимологически восходивший к названию предшествующей династии.

Излагая подробности похода Ли Гуанли на Давань (Фергану), Сыма Цянь сообщает, что во время осады города там оказались люди цинь, которые умели рыть колодцы и тем са-

мым обеспечили защищавшимся запас воды [Такигава, 1955, 10, 4995]. Под «людьми цинь» здесь подразумеваются перебежчики из армии Ли Гуанли, т. е. «древние китайцы», а вовсе не «подданные циньской империи», которой к тому времени давно уже не существовало. То же самое выражение, использованное Бань Гу при описании деятельности древнекитайских перебежчиков к сюнну, поясняется Янь Шигу следующим образом: «Те, кто во время династии Цинь бежал к сюнну» [Бань Гу, 1964, 11, 3782]. Но если такое понимание термина в данном тексте и может быть принято, то в случае с Ферганой оно неприемлемо: во времена циньской империи никаких связей с этим государством Средней Азии у древних китайцев не было.

Встречающееся в ханьских источниках противопоставление терминов «цинь» и «ху» сходно с аналогичным противопоставлением терминов «эллыны» и «варвары» в древнегреческих текстах. Например, в «Херсонесской присяге» (начало III в. до н. э.) говорится: «Из... территории, которой херсонесцы управляют или управляли, ничего никому не предаю, ни эллину, ни варвару» [Жебелев, 1935, 913]. Как явствует из купчей крепости, датированной 184 г. н. э., некто Фань Лицзя, покупая участок земли у Ду Гэцзы, оговаривает, что последний будет нести полную ответственность в том случае, если кто-нибудь предъявит свои права на эту землю, — «кто бы то ни был, будь то чиновник или простолюдин, цинь или ху». Ху — обычное в ханьское время название «северных варваров»; цинь в этом контексте может быть понято лишь как самоназвание этнической общности древних китайцев.

Таким образом, мы можем проследить следующую закономерность возникновения древнекитайских этнических самоназваний эпохи Хань: как чжун го жэнь, так и цинь первоначально выражали принадлежность к государственно-политической общности, а затем, по мере изменения своего содержания, превращались в этнические самоназвания.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Четыре с половиной столетия существования первых централизованных династий в Китае были периодом значительного развития и консолидации древнекитайской этнической общности. Это целая эпоха в истории китайского этноса. Не случайно именно наименование династии Хань стало впоследствии одним из самых распространенных самоназваний китайцев на всем протяжении средневековья вплоть до нового и новейшего времени.

РАЗВИТИЕ ДРЕВНЕКИТАЙСКОГО ЭТНОСА В ЭПОХУ ЦИНЬ — ХАНЬ

Длительный процесс формирования этнической общности древних китайцев, завершившийся во второй четверти I тысячелетия до н. э., проходил преимущественно на территории среднего течения р. Хуанхэ. Древнекитайские царства, население которых причисляло себя к хуася, были расположены в VII—VI вв. до н. э. главным образом в пределах современной провинции Хэнань. После бурных событий, связанных с вторжением племен ди и их последующей ассимиляцией, постепенно складывается представление об этих царствах как о «срединных», расположенных в центре обитаемого мира и окруженных со всех сторон «варварами четырех стран света».

Период Борющихся царств (Чжаньго) был временем последовательного расширения этнической территории хуася. В орбиту культурной и этнической общности древних китайцев постепенно втягивается население таких царств, как Чу, Янь, Цинь.

III—II века до н. э. отмечены усиливающимися процессами этнической интеграции на территории бывших семи царств, объединенных теперь в рамках централизованного государства. Однако завоевательные войны Цинь Шихуана и ханьского У-ди значительно усложняют сложившуюся этническую ситуацию. Они приводят к новому расширению территории и резкому уси-

лению контактов древнекитайского населения с соседними народами Восточной, Юго-Восточной и Центральной Азии. Некоторые из этих народов, говоривших на алтайских, аустроазиатских, аустронезийских, тибето-бирманских и индоевропейских языках, оказываются насильственно включенными в состав населения империи Хань.

Характеризуя в I в. н. э. то, что мы назвали бы этническими процессами на территории империи, Ван Чун подчеркивал влияние древнекитайской культуры на соседние народы, оказавшиеся в пределах Хань в результате расширения ее границ. «Во времена Чжоу,— писал древнекитайский философ,— жители округов Ба, Шу, Юэси, Юлинь, Жинань, Ляодун и Лолан ходили непричесанными или заплетали волосы в косички. Ныне они носят [ханьские] головные уборы. Во времена Чжоу они общались [с жителями Срединных царств] через переводчиков. Ныне они наизусть цитируют „Шицзин“ и „Шаншу“...» [Ван Чун, 1934, 2, 86].

Такая характеристика страдает явной односторонностью и упрощает сложность реальных процессов, происходивших в ту эпоху на территории империи. III век до н. э.— III век н. э. были периодом не только значительной консолидации этнической общности древних китайцев, но и качественных изменений в самом древнекитайском этносе.

Изменения в хозяйственном укладе и культуре древних китайцев, прослеживаемые на протяжении III в. до н. э.— III в. н. э., отчасти могут быть объяснены адаптацией к новым, непривычным условиям экологической среды. К этому времени довольно существенно изменились климатические и природно-ландшафтные особенности первоначальной этнической территории древних китайцев. Кроме того, расширение границ империи и многочисленные переселения отдельных групп древнекитайского населения во вновь присоединенные районы также неизбежно приводили к трансформации некоторых черт его традиционной культуры.

Наряду с этим многие качественные характеристики древнекитайского этноса претерпевают в эту эпоху изменения потому, что, ассимилируя некоторые соседние этнические группы, он сам не мог не воспринять от них некоторые черты культуры и быта. Не случайно, давая описание основных региональных групп древнекитайского населения, Бань Гу в ряде случаев объясняет специфику их культуры воздействием со стороны «варваров».

В силу различных конкретных исторических причин тенденция интеграции и консолидации древнекитайского этноса была определяющим фактором его истории в рассматриваемый период. Однако консолидация отнюдь не означала полной этнокультурной унификации. Наряду с преобладающими чертами общего, существовавшими на всех уровнях этнической специ-

фики древних китайцев, в эпоху Цинь — Хань отчетливо прослеживаются и многочисленные локальные подразделения древнекитайского этноса, обладающие особенностями хозяйственного уклада, материальной и духовной культуры, языка и обычаев.

Древнекитайский язык представлял собой совокупность диалектов, которые достаточно существенно различались между собой. В целом каждое чжоуское царство периода Чжаньго говорило на собственном диалекте. Однако наряду с чисто локальными диалектами уже в это время начинают формироваться большие области устойчивого общения. Наиболее важными областями такого рода являются западная, охватывавшая Цинь и Цзинь вместе с прилегающими мелкими царствами (область «к западу от прохода Ханьгугуань»), и восточная, охватывавшая долину Хуанхэ, к востоку от заставы Ханьгугуань.

Активные политические и культурные контакты способствовали формированию общего языка. Этот язык был по преимуществу письменным, но, вероятно, имел также и устную форму, которой пользовались люди, владеющие письмом. Основой этого письменного языка послужили диалекты царств восточной части долины Хуанхэ.

Обращает на себя внимание дисперсность локальных «микроразночтностей» подразделений, в большинстве случаев унаследованных от предшествующей исторической эпохи. Хотя этнические процессы в северных и южных районах империи протекали по-разному, в целом в эпоху Цинь — Хань еще не сложилось противопоставления севера и юга, столь характерного для всей последующей этнической истории Китая.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И СПЕЦИФИКА ЭТНОСА

Во второй половине I тысячелетия до н. э. произошли важные сдвиги в социально-экономическом строе древнекитайского общества. Разрушение старой иерархической структуры наследственных социальных рангов и основанной на ней системы землевладения и землепользования привело к возникновению нескольких новых социально-экономических укладов, ведущими из числа которых были мелкое частнособственническое хозяйство и хозяйство, основанное на эксплуатации труда рабов. Поэтому, хотя уровень развития рабовладения в древнем Китае был ограниченным, эпоха Цинь — Хань, взятая в общей исторической перспективе, может рассматриваться как период наивысшего расцвета рабовладельческих отношений. Лишь в I—II вв. н. э. в недрах древнекитайского общества начинают возникать условия для развития форм эксплуатации, свойственных феодальному способу производства.

Формирование рабовладельческих отношений в древнекитайском обществе не сопровождалось качественными изменениями в древнекитайском этносе. Рост рабовладения не привел к перестройке структуры этнической общности хуася. Тезис С. А. Токарева о специфике этносов рабовладельческой эпохи, который, возможно, справедлив в отношении других стран древности, оказался неприменимым к ханьскому Китаю, поскольку здесь рабство существовало почти исключительно за счет внутренних источников. Основной производящий класс ханьского общества принадлежал поэтому к тому же этносу, что и класс эксплуатирующий.

Сказанное тем не менее не означает, что социально-экономические факторы не оказывали влияния на развитие этнической общности древних китайцев. Развитие частной собственности на землю, расширение сферы товарно-денежных отношений, создавая предпосылки для роста рабовладения, способствовали преодолению доселе непроходимых преград между наследственными социальными слоями, принадлежность к которым находила свое выражение в различных аспектах материальной и духовной культуры. Разрушение системы социальных рангов чжоуского типа привело к резкому изменению уровня социальной мобильности членов общества. Это, в свою очередь, во многом способствовало, говоря словами Моцзы, развитию тенденции к «всеобщности» в ущерб «обособленности». Таким образом, возникновение и развитие рабовладельческих отношений в целом сопровождалось не расчленением наиболее многочисленного этноса в древнекитайском обществе, а, напротив, созданием дополнительных объективных условий для его дальнейшей консолидации.

ВЛИЯНИЕ ГОСУДАРСТВА НА ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

На примере древнекитайского общества мы имеем возможность достаточно детально изучить вопрос о том, какое воздействие оказывает государство на развитие этнических общностей и каково соотношение этих двух различных типов человеческих общностей.

Пример древнего Китая свидетельствует, что процессы этногенеза и формирования государства могут совпадать во времени и протекать в целом на одной и той же территории, принципиально различаясь при этом по своей сущности.

Объединение племен под властью Инь, а затем и Чжоу было непрочным потестарным образованием, сохранявшим многие черты союза племен. Полунезависимые единицы, входившие в это объединение, этнически, по крайней мере в ряде случаев, значительно различались между собой. После чжоуского завоевания правящая элита многих наследственных владений

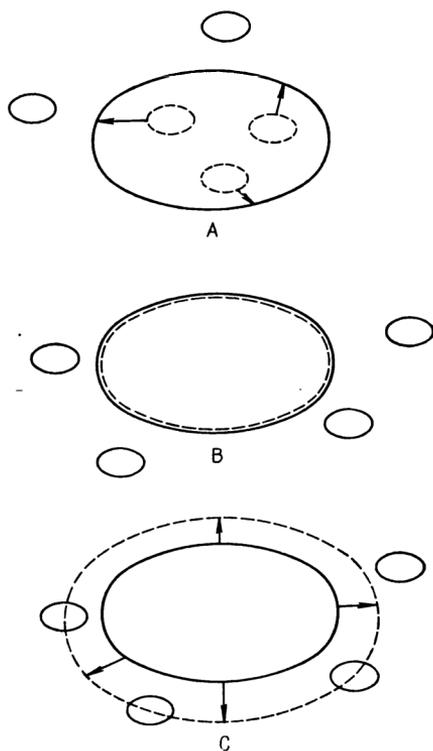
принадлежала к числу чжоусцев, а основное население составляли иноплеменники. Постепенно происходил процесс культурной и этнической интеграции населения нескольких наследственных владений в районе среднего течения р. Хуанхэ. На этой основе здесь складывалась этническая общность древних китайцев.

Завершение процесса этногенеза древних китайцев сопровождалось прямо противоположными явлениями в области политической: по мере того как все более отчетливо вырисовывались контуры новой этнической общности, потестарная общность населения этого региона распадалась. Начиная с VIII в. до н. э. бывшие наследственные владения становятся все более и более самостоятельными. В них угадываются уже черты складывающейся государственности. К VII—VI вв. до н. э. можно уже говорить о том, что на Среднекитайской равнине возникли многочисленные древнекитайские государства. Население каждого из них представляло собой определенную общность, четко противопоставлявшую себя своим соседям, с которыми оно могло объединяться в политические союзы или находиться в состоянии войны. В этих условиях древнекитайская этническая общность хуая включала в себя население нескольких государств. Ее рамки не только не совпадали с политическими границами, но даже существовали вопреки им.

Важным фактором, стимулировавшим завершение процесса формирования древнекитайского этноса и складывания его специфического самосознания, было вторжение в VII в. до н. э. племен ди. Внешняя угроза способствовала сплочению древнекитайских царств. Необходимость борьбы с «варварами» приглушает остроту борьбы между самими древнекитайскими государствами. Но и в это время никаких постоянных и сколько-нибудь прочных политических уз между населением отдельных царств еще не существовало.

Последующее развитие древнекитайской этнической общности, втягивание в ее сферу населения ряда царств, первоначально считавшихся «варварскими», стало в V—III вв. до н. э. одной из важнейших предпосылок, подготовивших объединение древнекитайских государств в единой империи Цинь Шихуана. Так существование этнической общности оказало влияние на формирование политической (государственной) общности. Тенденция к совмещению границ этноса и государства, настойчиво прокладывая себе дорогу на протяжении нескольких предшествующих столетий, реализовалась в конце III в. до н. э.

Однако фактическое совпадение этнических и государственных границ не было длительным. Оно было нарушено в результате завоевательных походов Цинь Шихуана и ханьского У-ди. Начиная с середины II в. до н. э. население империи Хань становится полиэтничным: в его состав оказались включенными многие соседние народы, которых древние китайцы считали



- Этнoсы
- Государственные образования
- Тенденции к совмещению этнических и государственных общностей

Рис. 64. Соотношение этнических и этнополитических общностей в древнем Китае

«варварами». В процессе взаимодействия основного населения страны — древнекитайского этноса — и иноэтнических групп само существование централизованного государства было дополнительным фактором, способствовавшим ассимиляции последних. Хотя, как было показано выше, характер этнических процессов не был единым на всей территории империи, в целом в рассматриваемое время имела место тенденция к китаизации населения вновь присоединенных районов. Инкорпорируя сравнительно малочисленные иноэтнические группы, утрачивающие свою первоначальную культурную и этническую специфику, древнекитайский этнос в эпоху Хань переживал период подъема. Если бы политическая ситуация в империи была бы стабиль-

лизирована, относительная численность древнекитайского населения в ней продолжала бы возрастать.

Таким образом, в этнической истории древних китайцев можно выделить три различных этапа, противопоставляемых друг другу по характеру взаимодействия этнических и политических общностей.

На первом этапе (конец II — начало I тысячелетия до н. э.) объединение племен в рамках потестарных образований Инь и Западное Чжоу может рассматриваться как этнополитическая общность: при всей своей непрочности узы, связывающие отдельные наследственные владения, способствовали процессу этнической интеграции.

На втором этапе (VII—III вв. до н. э.) эта этнополитическая общность перестала существовать. Мелкие государственные образования, возникавшие на месте объединения наследственных владений, которые ранее подчинялись чжоускому вану, в большинстве случаев находились в этот период в состоянии войны «всех против всех». Этнические рамки общности хуася на этом этапе шире государственных границ. Существование сформировавшейся древнекитайской этнической общности оказывало воздействие на процесс политического развития. Тенденция к совмещению этнических и государственных границ стимулирует объединение независимых царств в единой империи.

На третьем этапе (начиная с III—II вв. до н. э.) соотношение этнической и государственной общностей становится противоположным: государственные границы объединили несколько этносов, и государство оказалось общностью более высокого уровня и воздействовало в силу этого на процесс трансформации и развития этнических общностей. На этом этапе также существовала тенденция к совмещению этнических и государственных границ. Активной действующей силой, способствовавшей реализации этой тенденции, оказались теперь централизованные государства. Объединяя несколько этносов, они являлись этнополитическими общностями в том смысле, какой вкладывается в этот термин С. И. Бруком и Н. Н. Чебоксаровым (рис. 64).

ИМПЕРИЯ ХАНЬ И ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИЕ ГОСУДАРСТВА КАК ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ ОБЩНОСТИ

Есть основания полагать, что конкретное развитие древнекитайского этноса в I тысячелетии до н. э. в определенной степени отражало некоторые общие закономерности этнического процесса на данном этапе истории человеческого общества в целом. Об этом свидетельствует, в частности, значительное сходство путей эволюции общности хуася и древних эллинов — двух этносов, населявших противоположные оконечности тогдашней ойкумены и не имевших между собой каких-либо генетических связей.

Хотя в сознании древних эллинов сохранялось представление о былом политическом единстве, выражением которого был совместный поход против Трои, мы не знаем, существовало ли действительно такое единство и каковы были его формы. В VI в. до н. э. древнегреческие полисы представляли примерно такую же картину, что и древнекитайские царства того же времени. Подъем общеэллинского самосознания, которым отмечен период греко-персидских войн, сменился ожесточенным соперничеством отдельных городов; его кульминацией была Пелопоннесская война, во время которой «Эллада испытала столько бедствий, сколько не испытывала раньше никогда в равный промежуток времени» [Фукидид, 1915, 1, 17].

В IV в. до н. э. все чаще раздавались голоса, призывавшие к объединению полисов на основе эллинского этнического единства. В обращении к Филиппу, царю Македонии, Исократ рисовал заманчивую перспективу объединения всех эллинских государств и призывал его «считать своей отчиной всю Элладу» [Исократ, 1966, 170]. Походы Александра Македонского завершили процесс, подготавливавшийся на протяжении предшествующих столетий. Объединение древнегреческих полисов под властью македонских царей, в свою очередь, способствовало дальнейшей консолидации эллинского этноса, одним из ярких проявлений которой было возникновение общегреческого языка койнэ. Эпиграфические источники позволяют проследить постепенное вытеснение диалектов: уже начиная со II в. до н. э. в надписях перестают встречаться диалектизмы [История, 1960, 3, 12]. В эпоху Александра и диадохов койнэ выступает не только в качестве общегосударственного языка, но и как средство общения греко-македонской верхушки с населением покоренных областей.

Создание эллинистических государств явилось важным рубежом в этнической истории многих стран Передней Азии, завоеванных Александром. Этническая ситуация складывалась по-разному в различных государствах диадохов, однако повсюду распространение койнэ и эллинской культуры так или иначе привело к заметному изменению в направлении протекавших там до этого этнических процессов. Эллинизация особенно глубоко проникла туда, где городская жизнь получила наиболее полное развитие [Брутон, 1970, 14]. Ассимиляционные процессы в эллинистических государствах приводят в конечном счете к тому, что в Египте возникает новая, смешанная этническая общность, занимающая среднее положение между греками и египтянами, а слово «эллин» начинает означать человека, знакомого с элементами греческой культуры [Тарн, 1949, 190].

Империя Александра и государства диадохов оказались несравненно менее стойкими образованиями, чем империя Хань. Тем не менее характер воздействия этих империй на ход этнических процессов в принципе однотипен. По-видимому, в любом

централизованном государстве древности и раннего средневековья в той или иной мере проявлялась тенденция к совмещению этнических границ с границами политическими. Ни эллинистические государства, ни империи Цинь и Хань не были в этом отношении исключением.

ЭВОЛЮЦИЯ ЭТНИЧЕСКОГО САМОСОЗНАНИЯ

Анализ соотношения различных компонентов этнического самосознания древних китайцев на ранних этапах их истории позволил высказать гипотезу о том, что эволюция этнического самосознания проявляется помимо всего прочего в изменении относительной значимости его компонентов [Крюков, Софронов, Чебоксаров, 1978; Крюков, 1976, 60]. Изучение этнического самосознания древних китайцев в III в. до н. э.— III в. н. э. дает дополнительные свидетельства в пользу выдвинутого тезиса.

В VII—VI вв. до н. э. ведущим компонентом этнического самосознания общности хуая было представление о единстве происхождения, но со временем вера в то, что все древние китайцы произошли от общих предков и тем отличаются от «варваров», постепенно отходит на второй план, а затем и вообще исчезает. В немалой степени этому способствовали политические события начала ханьской эпохи, в частности «договор о мире, основанный на родстве» с сюнну. Сыма Цянь, излагая предания о происхождении некоторых народов — соседей древних китайцев, допускает, что они произошли от общих с ними предков. Так, по его мнению, сюнну были потомками боковых родственников великого Юя, династия которого дала имя этнической общности древних китайцев [Такигава, 1955, 9, 4498], и т. д.

На смену представлению об общности происхождения как ведущем компоненте этнического самосознания древних китайцев в последние века до нашей эры выдвигается представление об общности культуры. Это означало качественное изменение в подходе к пониманию того, что отличает «нас» от «варваров»: если раньше различие это считалось непреходящим, существовавшим от рождения, то теперь человеком хуая можно было не только родиться, но и стать. Эта же закономерность прослеживается и в эволюции эллинского этнического самосознания. Достаточно сослаться на следующие строки из трагедии Еврипида: «Ты так долго жил среди варваров, что сам стал варваром!» [Древнегреческо-русский словарь, 1958, 1, 288]. Весьма определенно об этом говорит Исократ в своем «Панегирике»: «Само имя эллина становится уже обозначением не происхождения, но культуры. Эллинами чаще называют получивших одинаковое с нами образование, чем людей одного и того же происхождения» [Исократ, 1965, 222].

В ханьское время получает развитие (по крайней мере в рамках конфуцианской системы взглядов) такой характерный компонент этнического самосознания древних китайцев, как представление о нравственном превосходстве над «варварами». В свое время С. Я. Лурье предпринял попытку обнаружить «главный, чисто экономический корень презрительного отношения к варварам», свойственного, в частности, мировоззрению Аристотеля: «Раб — низшее существо не потому, что он раб, а потому, что он „презренный варвар“» [Лурье, 1947, 47]. Против такого толкования, однако, говорит тот факт, что там, где формы этнического самосознания были чрезвычайно близки к древнегреческим, рабство иноплеменников не получило сколько-нибудь значительного развития.

Наряду с этим в эпоху Хань впервые были сформулированы взгляды, отрицающие принципиальные различия между древними китайцами и «варварами». Будучи аналогичны воззрениям древнегреческого софиста Антифонта, они закладывали основу представлений о человечестве как о едином братском обществе людей. На Западе подобные идеи человеческого братства были сформулированы Александром, который на пире в Опесе молился о единении сердец в общем государстве македонян и персов, в котором не должно быть ни грека, ни варвара. Эти идеи были подхвачены и развиты философами-стоиками. В Китае концепция противопоставления «людей Среднего государства» и «варваров» легла в основу официальной доктрины взаимоотношений с соседними государствами. Но в противоположность ей, как и на Западе, в средние века была сформулирована мысль о том, что «все люди на земле меж четырех морей — братья».

ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ И ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ДОКТРИНЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ (III в. до н. э. — III в. н. э.)

В развитии и становлении внешнеполитической доктрины древнего Китая можно выделить два основных этапа.

Первый этап охватывал длительный период китайской истории — начиная с эпохи Инь и кончая кануном образования империи Цинь. В этот период произошло формирование китаецентристской модели мира. Первые, самые ранние представления об окружающем мире формировались у древних китайцев по тем же законам, что и у всех земледельческих народов. В отличие от кочевников, для которых характерно линейное представление окружающего мира, китайцы, подобно римлянам и другим земледельческим народам, представляли себя в центре вселенной, т. е. им была свойственна эгоцентристская картина мира. Длительность и неизменность эгоцентристского видения мира зависела от характера развития государственной

системы. Если бы Китай пошел по пути демократических форм правления, то эта модель мира сохранилась бы в неизменном виде. Авторитарный же строй не мог не оказать качественно нового структурообразующего влияния на первоначально возникшую модель мира. Эгоцентристские представления об окружающем древних китайцев мире получили новый импульс в виде теории верховных прав иньских и чжоуских ванов как наместников Неба на земле на все окружающие Китай народы. Поэтому уже в периоды Инь и Чжоу китайский эгоцентризм был связан с представлениями о мироустроительных функциях именно китайских правителей. А если учесть, что по своему материальному и духовному уровню развития древний Китай находился на более высокой ступени, нежели окружающие его народы, то следует признать существование благоприятных объективных условий для формирования именно китаеццентристской модели мира в этом регионе планеты.

Однако на этом этапе, несмотря на отдельные высказывания древнекитайских философов (Конфуция, Мэнцзы), еще не возникло устойчивого деления мира по схеме «хуся — варвары».

Концепция китаеццентризма получила качественно новое развитие уже на втором этапе, в период централизованных деспотий Цинь и Хань (III в. до н. э. — IV в. н. э.).

Анализ внешнеполитической деятельности и внешнеполитических представлений китайской бюрократии периода Цинь — Хань свидетельствует о том, что в это время произошло завершение процесса формирования внешнеполитической доктрины китайского государства, истоки которой зародились еще в эпоху правления династий Инь — Чжоу.

Мироустроительные функции китайского императора, запечатленные Цинь Шихуаном в тексте Ланъятайской стелы, были восприняты и развиты ханьскими императорами. Весьма характерно, что уже в начале правления династии Хань, когда китайские императоры обладали весьма ограниченной властью и фактически некоторое время находились даже в вассальной зависимости от правителей сюнну, это представление о верховной власти над всеми окружающими страну территориями удерживалось довольно прочно. Приведем лишь несколько небольших выдержек из императорских эдиктов того времени.

«Мы обрели право оберегать храм предков,— говорилось в эдикте Вэнь-ди от 178 г. до н. э.,— и нам со столь малыми достоинствами поручено стоять над народами, над правителями и ванами, поэтому порядок или беспорядок в Поднебесной зависит только от нас одних и от двух-трех держащих бразды правления [сановников], которые подобны нашим рукам и ногам. Мы оказались не в состоянии привести в порядок и воспитать всех живущих внизу, [на земле], а наверху нанесли вред сиянию трех светил... Мы не в состоянии распространить наши добродетели на далекие земли, поэтому с тревогой помышля-

ем, что люди, живущие вне пределов [Срединного государства], могут сотворить зло...» [Такигава, 1955, 10, 756—757; Сыма Цянь, 2, 231].

Здесь звучит неприкрытая тревога о том, что реальные возможности императора Вэнь-ди (179—157 гг. до н. э.), четвертого императора династии Хань, далеки от тех прямых обязанностей, которые возложило на него как на главу китайского государства само Небо. Он обязан следить за порядком в Поднебесной, причем под термином «тянься» (Поднебесная) имеется в виду вся окружающая Хань ойкумена — об этом свидетельствует признание, что он не сумел «воспитать всех живущих внизу», нанеся тем самым «вред сиянию трех светил», т. е. сиянию солнца, луны и звезд, всему тому, что освещает и дает жизнь на земле. Его волнует, как бы неразумные существа, живущие не в Китае и лишённые воздействия императорской «добродетели», не натворили смуты в своих государствах. В тексте данного эдикта содержится одно весьма любопытное признание, свидетельствующее о новых качественных изменениях во внешнеполитических представлениях китайцев. Если в период Инь — Чжоу — Цинь мироустроительными функциями обладал лишь один император, то здесь уже эти функции распространяются на двух-трех высших сановников. В этом чувствуется влияние конфуцианской концепции цзюнь цзы («благородного человека») — только «благородный человек» способен управлять Поднебесной, а поскольку цзюнь цзы может стать всякий, кто в совершенстве овладеет учением Конфуция, то к управлению делами Поднебесной теоретически допускался уже не один лишь император. Признание Вэнь-ди весьма знаменательно, и на него следует обратить особое внимание, ибо это было, по-видимому, первое в истории китайской внешнеполитической мысли официальное признание, что отныне император делит свои мироустроительные функции с ближайшим окружением. Высшая бюрократия допускается к решению крупных международных проблем. В гл. 10 «Исторических записок» содержатся еще несколько эдиктов Вэнь-ди, где приводятся аналогичные высказывания о верховных правах китайского императора на все обитающее как «внутри четырех морей», так и за их пределами [Такигава, 1955, 10, 771, 781].

«Договоры о мире, основанные на родстве», следует рассматривать в общем контексте становления общегосударственной внешнеполитической доктрины. На их формирование оказали в равной степени влияние как конфуцианство, так и легизм. Прагматизм легистов мирно сочетался с конфуцианской концепцией этической неполноценности «варваров» и подчинения их путем «морального перевоспитания».

Такова была тенденция развития этого аспекта внешнеполитической доктрины. Как известно, конфуцианец Лю Цзин, обосновавший необходимость введения новой системы «дого-

воров о мире, основанных на родстве», рассчитывал на восприятие верхушкой сюнну некоторых конфуцианских моральных ценностей (например, слепое почитание внуком деда), а следовательно, на постепенное вовлечение правителей сюнну в орбиту конфуцианского влияния. Однако, как выясняется, эту идею разделяли немногие — известный древнекитайский мыслитель Дун Чжуншу (187—120 гг. до н. э.), которого специалисты по праву называют «ханьским Конфуцием», ибо именно он способствовал превращению конфуцианства в официальную идеологию господствующего класса, заимствовал многое от легизма, рассматривал «полезность» этих договоров совершенно в ином плане. «Он считал,— писал о воззрениях Дун Чжуншу ханьский историк Бань Гу,— что справедливость действует на благородных, а выгода оказывает влияние на корыстолюбивых, причем таких, как сюнну, нельзя удовлетворить человеколюбием и справедливостью, а можно удовлетворить лишь предоставлением больших выгод и связать обетом Небу. Поэтому сюнну нужно предоставить значительные выгоды, что лишит их присутствия им стремлений, нужно заключать договоры с принесением клятв Небу, что укрепит выработанные условия, нужно принимать в заложники любимых сыновей [шаньюя], что вселит в них беспокойство... стоимость подарков за счет собираемых налогов меньше расходов на содержание войск... разве Поднебесной не будет выгодно, если среди населения, обороняющего земли вдоль пограничной линии, отцы и старшие братья (т. е. главы патронимий.— Л. П.) ослабят пояса одежды, дети получат возможность нормально питаться, лошади варваров будут переходить за Великую стену, а спешные приказы о наборе воинов не будут рассылаться по Срединному государству?»* (цит. по [Материалы, 1973, 65]).

Рассуждения «ханьского Конфуция», наблюдавшего развитие внешнеполитической деятельности четырех императоров династии Хань, свидетельствуют о неприемлемости им идеи воздействия на сюнну с помощью принципов «человеколюбия и справедливости». Здесь Дун Чжуншу следует внешнеполитическим воззрениям Конфуция, однако в отличие от своего учителя он за контакты с сюнну вплоть до заключения договоров, которые, по его мнению, следует строить уже на легистских началах — учить выгоде извечное «стремление людей, в данном случае сюнну, к выгоде». В то же время в рассуждениях Дун Чжуншу прослеживается типично конфуцианская забота о народе, нежелание войны.

* В переводе В. С. Таскина слово «гуманность» заменено словом «человеколюбие», что более соответствует конфуцианскому понятию «жэнь». Забота Дун Чжуншу об «отцах и старших братьях» («фу сюн») свидетельствует о беспокойстве за сохранность патронимий («цзу», «цзун цзу»), основных социальных ячеек общества, функционировавших во многом на конфуцианских началах.

Однако сам У-ди и его ближайшее окружение рассматривали «договоры о мире, основанные на родстве», в качестве временной передышки, они использовались к тому времени бюрократией уже лишь для достижения тактических целей. Стратегический же аспект внешнеполитической доктрины, ее основной стержень — концепция верховенства Китая над окружающей его ойкуменой, присутствовавшая и в период вынужденных внешнеполитических уступок, была выдвинута на повестку дня, как только Китай окреп экономически, политически и в военном отношении. Наглядным свидетельством этого является тема сочинения на государственных экзаменах на получение высших чиновничьих рангов (гунов и цинов) для отбора «наиболее достойных», предложенная императором У-ди: «Мы слышали, что в глубокой древности при Тане и Юе преступникам разрывали одежду и народ не совершал преступлений, всюду, куда бы ни посылали свои лучи солнце и луна, не было [живых существ], не послушных [нам]. Во времена [династии] Чжоу орудия наказаний лежали повсеместно, но не использовались. Добродетель [Чжоу] достигала [даже] птиц и зверей, наставления [Чжоу] распространялись в пределах четырех морей, а за пределами четырех морей [все] пребывали в почтительном страхе [перед нами]... [варвары] — ши и цяны приходили засвидетельствовать [свою] покорность. Звезды не падали [с неба], солнце и луна не затемнялись, горы и холмы не рушились, реки и долины не высыхали, а на лугах и реках, что находились вблизи, несть числа было [всяких] единорогов и фениксов... Увы! Какие же меры можете вы предложить ныне двору?» [Бань Гу, 1901, 6, 4—5].

Тема сочинения построена в типично конфуцианском плане: идеальное прошлое должно стать идеальным примером для ныне живущих. Прежде всего обращает на себя внимание идея преемственности верховной власти китайских правителей, начинающая с легендарных Тана и Юя, над всем окружающим их миром. Предлагая внешнеполитическую тему, император У-ди требует от высшей бюрократии активного соучастия в разработке конкретных мер по восстановлению нарушенных норм во взаимоотношениях с окружающим миром. Для него, как правителя страны, вполне естественна его командная позиция, и история ханьцев служит наиболее обоснованным аргументом именно таких представлений. Нам неизвестно, что написали претенденты на должности гунов и цинов, важнее другое: на следующий год император У-ди начал серию агрессивных походов против сюнну, забыв о «договорах о мире, основанных на родстве», ибо они входили в набор тактических приемов внешнеполитической доктрины. Ему же надлежало восстановить несущую конструкцию этой доктрины — установить господство Китая по крайней мере над ближайшими соседями, в этом одна из причин агрессивной завоевательной политики У-ди

в отношении народов, живших к северо-западу, северу, востоку и югу от Китая. Помимо «договоров о мире, основанных на родстве», к числу тактических средств китайской дипломатии следует отнести политику «воевать с варварами руками варваров», предложенную ханьским сановником Чао Цо.

Реальные контакты страны со своими соседями — «варварами» — в политической, экономической и военной областях не вызвали кардинального изменения в уже сложившемся конфуцианском представлении об исключительном положении ханьцев в мире. Большинство китайской бюрократии, воспитанной на произведениях Конфуция, прежде всего на «Луньюе», восприняло его концепцию противопоставления хуся «варварам». В этом отношении весьма характерны рассуждения автора официальной истории Китая — «Истории династии Ранняя Хань» Бань Гу: «...в (летописи.— Л. П.) „Чуньцю“ сказано, что внутри (Срединных царств.— Л. П.) находятся владения [хуя]ся, а вовне — варвары... Они отрезаны горными долинами и укрыты песчаной пустыней, которыми Небо и Земля отделили внутренние земли от внешних. Поэтому мудрые правители относились к ним как к диким птицам и зверям, не заключали с ними договоров и не ходили против них в походы. Заключение договоров заставило бы только тратиться на подарки и принесло обман, а нападения утомили бы войска и вызвали набеги... варваров держали за границей, не принимая в пределы [Срединного государства], отстраняли подальше, не приближая к себе, на них не распространяли распоряжения и доброе влияние... Если они появлялись, их наказывали и управляли ими, если они уходили, принимали меры предосторожности против них и оборонялись, если они, ценя справедливость, приходили с данью, их принимали с почестью, проявляя учтивость. Таким образом, варваров непрерывно держали на привязи, стремясь возложить на них вину за несправедливые действия, и это был обычный путь, по которому шли мудрые правители, управляя варварами» (цит. по [Материалы, 1973, 67]).

Итак, если в практических контактах с соседями чувствовалось прежде всего влияние легистских доктрин (стремление идти на любые контакты, если они выгодны государству), то составной частью теоретического пласта внешнеполитической доктрины являлась концепция Конфуция о противопоставлении Китая «варварам». Такое сосуществование двух, казалось бы, взаимоисключающих начал позволяло Китаю сохранять и оберегать свое особое положение в мире.

Приведенный нами материал свидетельствует, что в период Цинь — Хань вся внешняя торговля, как частная, так и государственная, была подчинена политике. Именно в этот период окончательно оформился институт даннической торговли, ставший на многие века традиционным институтом внешнеполитической доктрины императорского Китая.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ДРЕВНЕКИТАЙСКИЕ МЕРЫ ДЛИНЫ, ПЛОЩАДИ, ОБЪЕМА И ВЕСА В ЭПОХУ ЦИНЬ — ХАНЬ

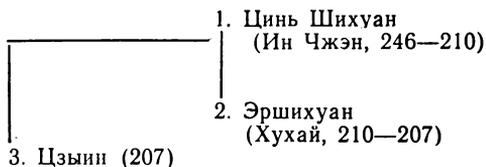
Длина
1 цунь=2,4 см
1 чи=10 цуней
1 чжан=10 чи=100 цуней
1 ли=180 чжанов=432 м

Площадь
1 му=0,05 га
1 цин=100 му

Объем
1 шэн=200 см³
1 доу=10 шэнов
1 дань=10 доу=100 шэнов

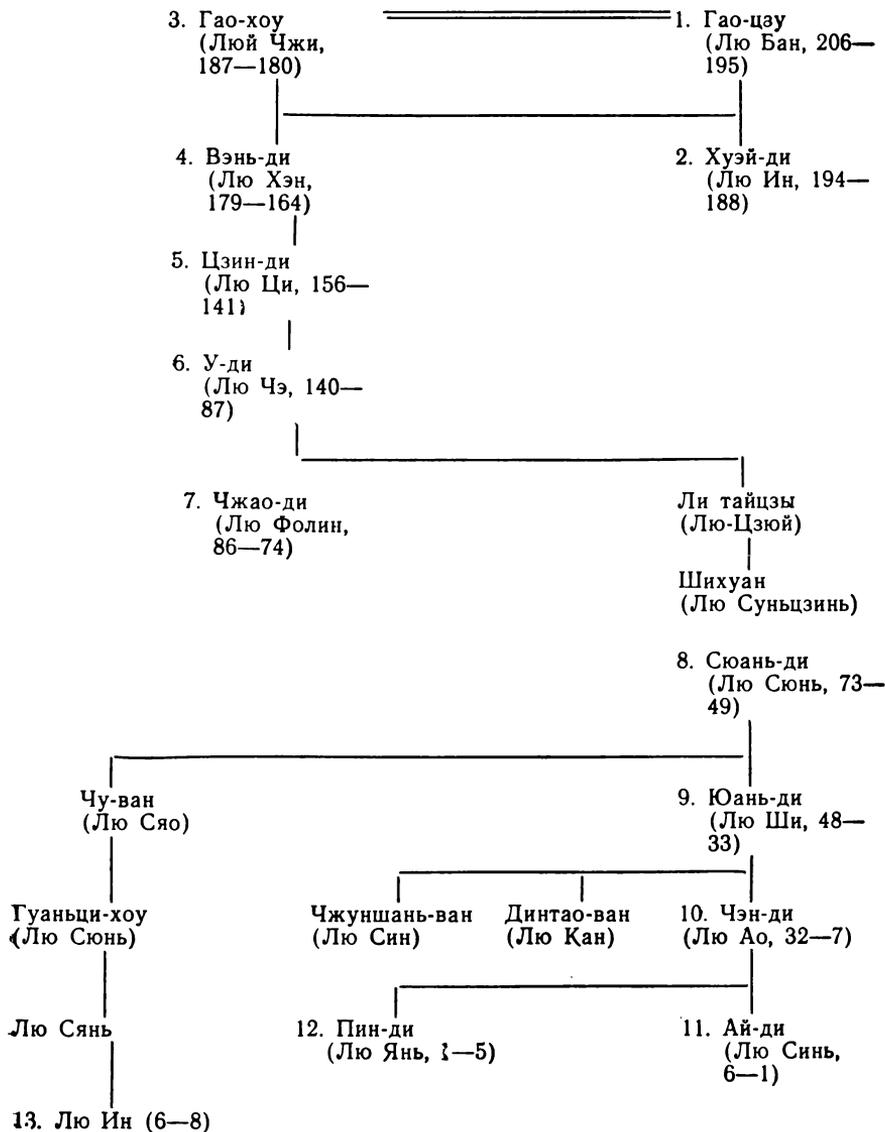
Вес
1 цзинь = 16 лянов =
= 250 г

ГЕНЕАЛОГИЯ ПРАВИТЕЛЕЙ ДИНАСТИИ ЦИНЬ *

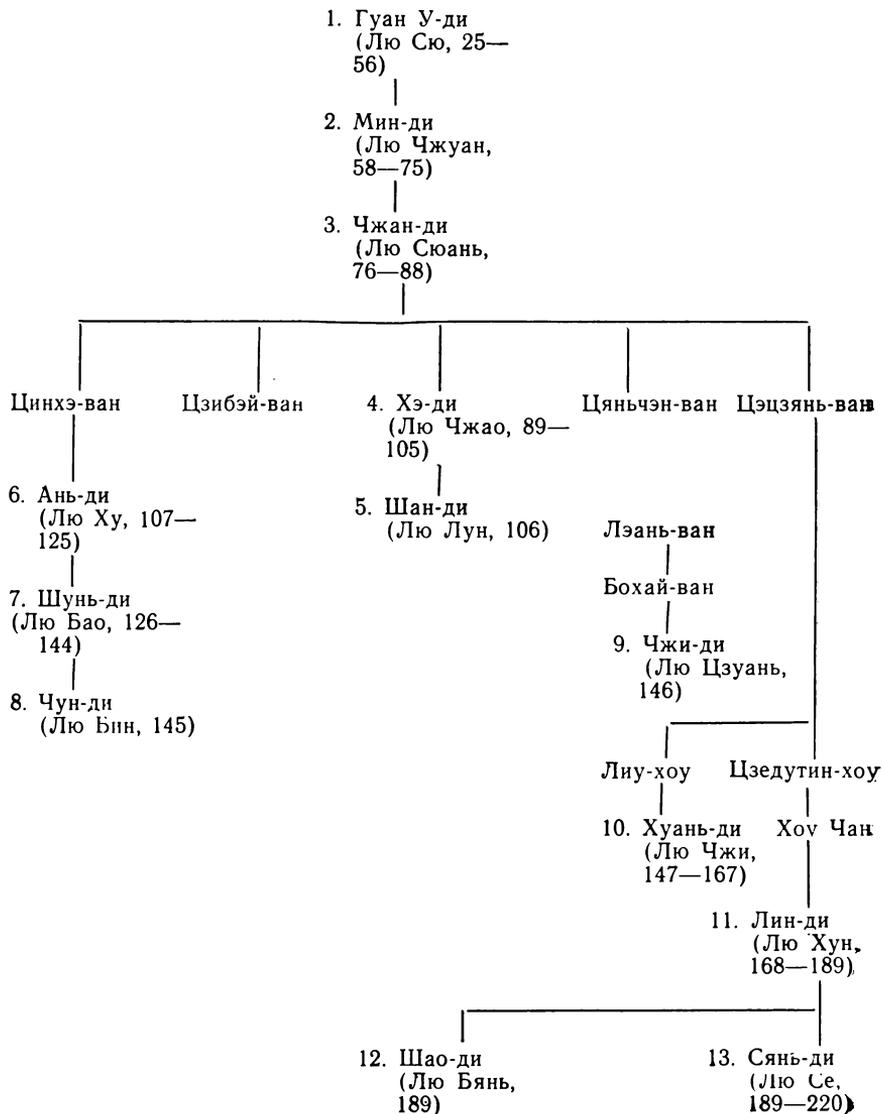


* Цифра перед титулом обозначает последовательность правления; в скобках — личное имя, затем годы правления.

**ГЕНЕАЛОГИЯ ПРАВИТЕЛЕЙ ДИНАСТИИ
ЗАПАДНАЯ ХАНЬ**



**ГЕНЕАЛОГИЯ ПРАВИТЕЛЕЙ ДИНАСТИИ
ВОСТОЧНАЯ ХАНЬ**



- | | | | |
|---------|---------|--------|---------|
| 1. 部族 | 32. 菲 | 63. 事酒 | 94. 管 |
| 2. 民族 | 33. 祸 | 64. 昔酒 | 95. 埧 |
| 3. 郡 | 34. 交领袍 | 65. 清酒 | 96. 篋 |
| 4. 县 | 35. 曲裾 | 66. 几 | 97. 鞀鼓 |
| 5. 道 | 36. 冠 | 67. 盒 | 98. 琵琶 |
| 6. 里 | 37. 弁 | 68. 尊 | 99. 箜篌 |
| 7. 月氏 | 38. 甗 | 69. 卮 | 100. 八体 |
| 8. 乌孫 | 39. 箠 | 70. 魁 | 101. 大篆 |
| 9. 匈奴 | 40. 釜 | 71. 杯 | 102. 小篆 |
| 10. 乌桓 | 41. 饭 | 72. 箸 | 103. 刻符 |
| 11. 鲜卑 | 42. 粥 | 73. 梁 | 104. 虫书 |
| 12. 丁零 | 43. 胡饼 | 74. 栋 | 105. 暮印 |
| 13. 高句丽 | 44. 脍 | 75. 楣 | 106. 署书 |
| 14. 蛮 | 45. 血脂 | 76. 柱 | 107. 殳书 |
| 15. 南蛮 | 46. 羹 | 77. 楹 | 108. 隶书 |
| 16. 越 | 47. 酏羹 | 78. 棖 | 109. 草书 |
| 17. 滇 | 48. 白羹 | 79. 宅 | 110. 章草 |
| 18. 巴 | 49. 葑羹 | 80. 户 | 111. 狂草 |
| 19. 蜀 | 50. 苦羹 | 81. 蓆 | 112. 楷书 |
| 20. 氏 | 51. 芹羹 | 82. 榻 | 113. 行书 |
| 21. 羌 | 52. 燔 | 83. 牀 | 114. 蛊 |
| 22. 裘 | 53. 炙 | 84. 枕 | 115. 虫 |
| 23. 襦 | 54. 炮 | 85. 鐘 | 116. 皿 |
| 24. 襲 | 55. 煮 | 86. 鼓 | 117. 上 |
| 25. 袍 | 56. 熬 | 87. 磬 | 118. 下 |
| 26. 單衣 | 57. 濯 | 88. 琴 | 119. 本 |
| 27. 襜褕 | 58. 酱 | 89. 瑟 | 120. 木 |
| 28. 褌 | 59. 糖 | 90. 竽 | 121. 一 |
| 29. 犬絺 | 60. 酒 | 91. 笙 | 122. 末 |
| 30. 私絺 | 61. 醪 | 92. 箫 | 123. 日 |
| 31. 履 | 62. 醴 | 93. 箛 | 124. 月 |

- | | | | |
|--------|-------------------------|-------------------------|--------|
| 125. 江 | 145. 四 | 165. 汕 | 185. 向 |
| 126. 河 | 146. 方 | 166. 讥 | 186. 苟 |
| 127. 樟 | 147. 楞 | 167. 诬 | 187. 且 |
| 128. 章 | 148. 小 | 168. 诽 | 188. 香 |
| 129. 喬 | 149. 尖 | 169. 谤 | 189. 芳 |
| 130. 高 | 150. 老 | 170. 亥 | 190. 黍 |
| 131. 武 | 151. 考 | 171. 矢 | 191. 甘 |
| 132. 信 | 152. 令 | 172. 入 | 192. 欽 |
| 133. 林 | 153. 長 | 173. 炳 | 193. 喬 |
| 134. 森 | 154. 難 | 174. 明 | 194. 党 |
| 135. 言 | 155. 佳 | 175. 晚 | 195. 晓 |
| 136. 轟 | 156. 賕 | 176. 暮 | 196. 哲 |
| 137. 臬 | 157. 貝 | 177. 想 | 197. 知 |
| 138. 品 | 158. 求 | 178. 冀 <small>思</small> | 198. 景 |
| 139. 大 | 159. 部 | 179. 鳴 | 199. 竟 |
| 140. 耳 | 160. 部 <small>首</small> | 180. 葦 | 200. 风 |
| 141. 聾 | 161. 诗 | 181. 蒲 | 201. 放 |
| 142. 少 | 162. 讖 | 182. 豹 | 202. 天 |
| 143. 力 | 163. 讽 | 183. 朔 | 203. 焮 |
| 144. 劣 | 164. 诵 | 184. 望 | 204. 坦 |

БИБЛИОГРАФИЯ

На русском языке

- Агаев, 1965 — Агаев А. Г. К вопросу о теории народности. Махачкала. 1965.
- Алексеев В. В., 1962 — Алексеев В. В. Род, племя, народность, нация (исторические формы, общности людей). М., 1962.
- Алексеев В. М., 1958 — Алексеев В. М. В старом Китае. Дневники путешествия 1907 г. М., 1958.
- Алексеев В. П., 1963 — Алексеев В. П. Происхождение хакасского народа в свете данных антропологии. — Материалы и исследования по археологии, этнографии и истории Красноярского края. Красноярск, 1963.
- Архангельский, 1961 — Архангельский А. М. Племя, народность, нация как исторические общности людей. М., 1961.
- Атеисты, 1967 — Атеисты, материалисты, диалектики древнего Китая. Вступительная статья, перевод и комментарии Л. Д. Позднеевой. М., 1967.
- Березкина, 1957 — Березкина Э. И. О «Математике в девяти книгах». — Историко-математические исследования. Вып. 10. М., 1957.
- Бернштам, 1947 — Бернштам А. Н. К вопросу об усунь, кушанах, тохарах. — «Советская этнография». 1947, № 3.
- Бикерман, 1975 — Бикерман Э. Хронология древнего мира. Ближний Восток и античность. М., 1975.
- Бичурин, 1950 — Бичурин Н. Я. [Иакинф]. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1—2. М.—Л., 1950.
- Бромлей, Воронов, 1976 — Бромлей Ю. В., Воронов А. А. Народная медицина как предмет этнографических исследований. — «Советская этнография». 1976, № 5.
- Броутон, 1970 — Броутон Т. Р. С. Преемственность и борьба на Ближнем Востоке в древности. М., 1970.
- Брук, 1964 — Брук С. И. Основные проблемы этнической географии. М., 1964.
- Брук, Чебоксаров, 1976 — Брук С. И., Чебоксаров Н. Н. Метаэтнические общности. — Расы и народы. 6, 1976.
- Вайнштейн, 1974 — Вайнштейн С. И. История народного искусства Тувы. М., 1974.
- Вайнштейн, 1976 — Вайнштейн С. И. Проблемы истории жилища степных кочевников Евразии. — «Советская этнография». 1976, № 4.
- Вайнштейн, Крюков, 1976 — Вайнштейн С. И., Крюков М. В. «Дворец Ли Лина» или конец одной легенды. — «Советская этнография». 1976, № 3.
- Васильев К. В., 1973 — Васильев К. В. Религиозно-магическая интерпретация власти вана в западночжоуских эпиграфических текстах. — Китай: общество и государство. М., 1973.
- Васильев Л. С., 1955 — Васильев Л. С. Бань Чао в Западном крае. — «Вестник древней истории». 1955, № 1.
- Васильев Л. С., 1970 — Васильев Л. С. Культы, религии, традиции в Китае. М., 1970.

- Вельгус, 1971 — Вельгус В. А. Понятие левирата в китайских источниках.— Страны и народы Востока. Вып. 11. М., 1971.
- Викторова, 1965 — Викторова Л. Л. Народы МНР. Исторический очерк.— Народы Восточной Азии. М.— Л., 1965.
- Воробьев, 1975 — Воробьев М. В. Чжурчжэни и государство Цзинь. М., 1975.
- Геродот, 1888 — Геродот. История в девяти книгах. Перевод с греческого Ф. Г. Мищенко. Т. 1—2. М., 1888.
- Гинзбург, Трофимова, 1972 — Гинзбург В. В., Трофимова Т. А. Палеоантропология Средней Азии. М., 1972.
- Грязнов, 1961 — Грязнов М. П. Древнейшие памятники героического эпоса народов Южной Сибири.— Археологический сборник. 3. Л., 1961.
- Гумилев, 1960 — Гумилев Л. Н. Хунну. М., 1960.
- Гумилев, 1967 — Гумилев Л. Н. Роль климатических колебаний в истории народов степной зоны Евразии.— «История СССР». 1967, № 1.
- Давыдова, 1976 — Давыдова Г. М. Антропологические исследования северных манси и некоторые вопросы их расо- и этногенеза. Автореф. канд. дис. М., 1976.
- Дебец, 1931.— Дебец Г. Ф. Еще раз о белокурой расе в Центральной Азии.— Советская этнография. Вып. 5—6, 1931.
- Дебец, 1948 — Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР.— «Труды Института этнографии». Новая серия. Т. 4. М., 1948.
- Деопик, 1960 — Деопик Д. В. Крестьянские восстания во Вьетнаме в I—II вв. н. э.— Вопросы истории и литературы стран Зарубежного Востока. М., 1960.
- Деопик, 1961 — Деопик Д. В. Ранние вьетские государства (рук. канд. дис.). М., 1961.
- Деопик, 1976 — Деопик Д. В. Некоторые тенденции в социальной и политической истории Восточной Азии в VIII—V вв. до н. э. (на основе систематизации данных «Чуьнцю»).— Китай: традиции и современность. М., 1976.
- Джарылгасинова, 1972 — Джарылгасинова Р. Ш. Древние когуресцы. М., 1972.
- Древнегреческо-русский словарь, 1958 — Древнегреческо-русский словарь под ред. С. И. Соболевского. Т. 1—2. М., 1958.
- Древнекитайская философия, 1972 — Древнекитайская философия. Собрание текстов в двух томах. Т. 1. М., 1972.
- Древнекитайская философия, 1973 — Древнекитайская философия. Собрание текстов в двух томах. Т. 2. М., 1973.
- Думан, 1940 — Думан Л. И. Очерки истории Китая.— Китай. М.— Л., 1940.
- Думан, 1957 — Думан Л. И. К вопросу о социально-экономическом строе Китая в III в. до н. э.— I в. н. э.— «Вопросы истории», 1957, № 2.
- Думан, 1970а — Думан Л. И. Внешнеполитические связи древнего Китая и истоки даннической системы.— Китай и соседи. М., 1970.
- Думан, 1970б — Думан Л. И. Внешнеполитические связи Китая с сюнну в I—III вв.— Китай и соседи. М., 1970.
- Ельницкий, 1976 — Ельницкий Л. А. Эпиграфика.— Советская историческая энциклопедия. Т. 16, 1976.
- Ефимов, 1953 — Ефимов Г. В. К вопросу об образовании китайской нации.— «Вопросы истории». 1953, № 10.
- Жебелев, 1935 — Жебелев С. А. Херсонесская присяга.— ИАН СССР. Отделение общественных наук. 1935, № 10.
- Зотов, 1977 — Зотов О. В. Некоторые вопросы истории кашгарской культуры в период древности и средневековья.— Восьмая научная конференция «Общество и государство в Китае». Т. 1. М., 1977.
- Исмагулов, 1970 — Исмагулов О. Население Казахстана от эпохи бронзы до современности. А.-А., 1970.
- Исократ, 1965 — Исократ, Речи.— «Вестник древней истории». 1965, № 4.

- Исократ, 1966 — Исократ. Речи.— «Вестник древней истории». 1966, № 1.
- История, 1960 — История древнегреческой литературы. Т. 1—3. М., 1960.
- Итс, 1972 — Итс Р. Ф. Этническая история юга Восточной Азии. Л., 1972.
- Итс, 1976 — Итс Р. Ф. Золотые мечи и колодки невольников. М., 1976.
- Карапетьянц, 1968 — Карапетьянц А. М. Лингвистический анализ древнекитайского памятника «Речи царств». — «Народы Азии и Африки». 1968, № 6.
- Карапетьянц, 1977 — Карапетьянц А. М. «Чунъю» в свете древнейших китайских источников.— Китай — общество и государство. М., 1977.
- Киселев, 1949 — Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М., 1949.
- Книга правителя, 1968 — Книга правителя области Шан (Шан цзюньшу). Перевод с китайского, вступительная статья и комментарий Л. С. Переломова. М., 1968.
- Козинцев, 1977 — Козинцев А. Г. Антропологический состав и происхождение населения тагарской культуры. Л., 1977.
- Краснов, 1975 — Краснов Ю. А. Древнейшие упряжные пахотные орудия. М., 1975.
- Кроль, 1970 — Кроль Ю. Л. Сыма Цянь — историк. М., 1970.
- Кроль, 1973 — Кроль Ю. Л. О концепции «Китай — варвары». — Китай: общество и государство. М., 1973.
- Кроль, 1978 — Кроль Ю. Л. Пространственные представления спорящих сторон в «Рассуждениях о соли и железе». Хуань Куаня (I в. до н. э.). — Государство и общество в Китае. М., 1978.
- Крюков, 1969 — Крюков М. В. Древнекитайские стихотворные надписи IV в. до н. э. и традиции «Шицзинна». — Жанры и стили литератур Китая и Кореи. М., 1969.
- Крюков, 1969а — Крюков М. В. О социологическом аспекте изучения китайской антропонимии. — Ономастика. М., 1969.
- Крюков, 1975 — Крюков М. В. Симпозиум по этнической истории китайцев. — «Советская этнография». 1975, № 4.
- Крюков, 1976 — Крюков М. В. Эволюция этнического самосознания и проблема этногенеза. — Расы и народы. 6, 1976.
- Крюков, Софронов, Чебоксаров, 1978 — Крюков М. В., Софронов М. В., Чебоксаров Н. Н. Древние китайцы: проблемы этногенеза. М., 1978.
- Левин, 1958 — Левин М. Г. Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока. — «Труды Института этнографии». Н. с. Т. 36. М., 1958.
- Левин, 1971 — Левин М. Г. Этническая антропология Японии. М., 1971.
- Лубо-Лесниченко, 1961 — Лубо-Лесниченко Е. И. Древние китайские шелковые ткани и вышивки V в. до н. э.— III в. н. э. в собрании Государственного Эрмитажа. Л., 1961.
- Лурье, 1947 — Лурье С. Я. Геродот. М., 1947.
- Мамонова, 1974 — Мамонова Н. Н. К антропологии гуннов Забайкалья (по материалам могильника Черемуховая падь). — Расогенетические процессы в этнической истории. М., 1974.
- Мамонова, 1976а — Мамонова Н. Н. Антропологический тип древнего населения Западной Монголии по данным палеоантропологии (рук.). М., 1976.
- Мамонова, 1976б — Мамонова Н. Н. Палеоантропологические материалы с территории МНР (рук.). Улан-Батор, 1976.
- Математика, 1957 — Математика в девяти главах. Пер. Э. И. Березкиной. — Историко-математические исследования. Вып. 10. М., 1957.
- Материалы, 1968 — Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). Предисловие, перевод и примечания В. С. Таскина. М., 1968.
- Материалы, 1973 — Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). Вып. 2. Предисловие, перевод и примечания В. С. Таскина. М., 1973.

- Минаков, 1961 — Минаков Э. И. Племя, народность, нация как исторические формы общности людей. Тирасполь, 1961.
- Мухлинов, 1961 — Мухлинов А. И. Сельская община у вьетнамцев.— Восточноазиатский этнографический сборник. Т. 23. М., 1961.
- Мухлинов, 1977 — Мухлинов А. И. Происхождение и ранние этапы этнической истории вьетнамского народа. М., 1977.
- Никонов, 1974 — Никонов В. А. Имя и общество. М., 1974.
- Переломов, 1956 — Переломов Л. С. Крестьянское восстание в Китае в 209—208 гг. до н. э.— «Советское востоковедение». 1956, № 3.
- Переломов, 1962 — Переломов Л. С. Империя Цинь — первое централизованное государство в Китае (221—202 гг. до н. э.). М., 1962.
- Переломов, 1965 — Переломов Л. С. О характере сельской общины в период Хань.— «Народы Азии и Африки», 1965, № 1.
- Переломов, 1973 — Переломов Л. С. Становление императорской системы в Китае.— «Вопросы истории». 1973, № 5.
- Переломов, 1974 — Переломов Л. С. Деспотии Цинь и Хань III— I вв. до н. э. Кризис древних империй.— История Китая с древнейших времен до наших дней. М., 1974.
- Петров, 1954 — Петров А. А. Ван Чун — древнекитайский материалист и просветитель. М., 1954.
- Петровский, 1962 — Петровский Ф. А. Латинские эпитафические стихотворения. М., 1962.
- Позднеева, 1970 — Позднеева Л. Д. Китайская литература.— Литература Востока в средние века. Ч. 1. М., 1970.
- Померанцева, 1969 — Померанцева Л. Е. О некоторых стилистических особенностях «Хуайнаньцзы» (II в. до н. э.).— Жанры и стили литератур Китая и Кореи. М., 1969.
- Радциг, 1965 — Радциг С. И. Введение в классическую филологию. М., 1965.
- Рерих, 1963 — Рерих Ю. Н. Тохарская проблема.— «Народы Азии и Африки». 1963, № 6.
- Руденко, 1962 — Руденко С. И. Культура хуннов и ноинунские курганы. М.— Л., 1962.
- Симоновская, 1950 — Симоновская Л. В. Вопросы периодизации древней истории Китая.— «Вестник древней истории». 1950, № 1.
- Синицын, 1975 — Синицын Е. П. Бань Гу — историк древнего Китая. М., 1975.
- Сладковский, 1974 — Сладковский М. И. История торгово-экономических связей народов России с Китаем (до 1917 г.). М., 1974.
- Стариков, 1967 — Стариков В. С. Материальная культура китайцев северо-восточных провинций КНР. М., 1967.
- Степугина, 1952 — Степугина Т. В. О способах порабощения в древнем Китае во времена империи Цинь и Ранняя Хань.— Сборник статей по истории стран Дальнего Востока. М., 1952.
- Степугина, 1956 — Степугина Т. В. Китай в V в. до н. э.— Всемирная история. Т. 2. М., 1956.
- Страбон, 1964 — Страбон. География в 17 книгах. М.— Л., 1964.
- Сухбаатар, 1976 — Сухбаатар Г. К вопросу об этнической принадлежности хуннов (сюнну).— Проблемы Дальнего Востока. М., 1976, № 1.
- Сыма Цянь, 1955 — Сыма Цянь. Избранное. М., 1955.
- Сыма Цянь, 1972 — Сыма Цянь. Исторические записки. Т. 1. М., 1972.
- Сыма Цянь, 1975 — Сыма Цянь. Исторические записки. Т. 2. М., 1975.
- Сычев Л. П., Сычев В. Л., 1975 — Сычев Л. П., Сычев В. Л. Китайский костюм: символика, история. М., 1975.
- Тарн, 1949 — Тарн В. Эллинистическая цивилизация. М., 1949.
- Таскин, 1975 — Таскин В. С. Отношения Китая с северными соседями в древности.— «Проблемы Дальнего Востока». 1975, № 3.
- Теплоухов, 1929 — Теплоухов С. А. Опыт классификации древних

металлических культур Минусинского края.—Материалы по этнографии. 4. Вып. 2, 1929.

Терехова, 1959 — Терехова Н. Н. Погребальные конструкции эпохи Хань в Китае.—«Советская археология». 1959, № 3.

Токарев, 1964 — Токарев С. А. Проблемы типов этнических общностей (к методологическим проблемам этнографии).—«Вопросы философии». 1964, № 11.

Толстов, 1948 — Толстов С. П. Древний Хорезм. М., 1948.

Томсон, 1953 — Томсон Дж. О. История древней географии. М., 1953.

Тронский, 1973 — Тронский И. М. Вопросы языкового развития в античном обществе. М., 1973.

Фукидид, 1915 — Фукидид. История. Т. 1—2. М., 1915.

Чебоксаров, 1947 — Чебоксаров Н. Н. К вопросу о происхождении китайцев.—«Советская этнография». 1947, № 1.

Чебоксаров, 1965 — Чебоксаров Н. Н. Антропологический состав населения.—Народы Восточной Азии. М., 1965.

Чебоксаров, 1966 — Чебоксаров Н. Н. Этнические процессы в странах Южной и Юго-Восточной Азии.—«Советская этнография». 1966, № 2.

Чебоксаров, 1967 — Чебоксаров Н. Н. Проблемы типологии этнических общностей в трудах советских ученых.—«Советская этнография». 1967, № 4.

Чебоксаров, 1978 — Чебоксаров Н. Н. Этническая антропология Китая. М., 1978.

Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А., 1971 — Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А. Народы. Расы. Культуры. М., 1971.

Чеснов, 1976 — Чеснов Я. В. Историческая этнография стран Индокитая. М., 1976.

Членова, 1967 — Членова Н. Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967.

Шан Юэ, 1959 — Шан Юэ. Очерки истории Китая. М., 1959.

Юэфу, 1959 — Юэфу. Из древних китайских песен. М.—Л., 1959.

Энгельс, 1961 — Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства.—Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. Т. 21. М., 1961.

Яншина, 1961 — Яншина Э. М. О некоторых изображениях на рельефах ханьских погребений (II в. до н. э.—II в. н. э.).—«Вестник древней истории». 1961, № 3.

Ярхо, 1929 — Ярхо А. И. Пигментация волос, глаз и кожи у народностей Алтае-Саянского нагорья.—«Русский антропологический журнал». 17, 1929.

Яхонтов, 1965 — Яхонтов С. Е. Древнекитайский язык. М., 1965.

На китайском языке

Ань Чжиминь, 1964 — Ань Чжиминь. Гуаньюй нэймэнгу чжалайноэр гумуань-ды цзущу вэньти (К проблеме этнической принадлежности людей, оставших древний могильник в Чжалайноере, Внутренняя Монголия).—«Вэньбу». 1964, № 5.

Бай Яотянь, 1959 — Бай Яотянь. Чжуанцзу юаньлю шитань (О происхождении народа чжуан).—«Шисюэ юэкань». 1959, № 6.

Бань Гу, 1964 — Бань Гу. Ханьшу (История [династии] Хань). Т. 1—12. Пекин, 1964.

Бохайвань, 1965 — Бохайвань сиань гу вэньхуа ичжи дяоча (Разведки древних памятников на западном побережье Бохайского залива).—«Каогу». 1965, № 2.

Ван Босянь, 1957 — Ван Босянь. Чуньцю Цзочжуань дубэнь (Хрестоматия по Чуньцю и Цзочжуани). Пекин, 1957.

Ван Говэй, 1959 — Ван Говэй. Гуань тан цзилинь (Собрание сочинений Ван Говэя). Пекин, 1959.

Ван Ли, 1963 — Ван Ли. Чжунго юйяньсюэ ши (История китайского языкознания). — «Чжунго юйвэнь». 1963, № 3.

Ван Лици, 1958 — Ван Лици. Яньте лунь цзяочжу («Дискуссия о соли и железе» с исправлениями и комментариями). Пекин, 1958.

Ван Сычжи, 1956 — Ван Сычжи. Цзайлунь ханьдай ши нули шэхуй (Еще раз о том, что эпоха Хань — рабовладельческое общество). — «Лиши яньцзю». 1956, № 9.

Ван Сычжи, Ду Вэнькай, Ван Жифэн, 1955 — Ван Сычжи, Ду Вэнькай, Ван Жифэн. Гуаньюй лянхань шэхуэй синчжи вэньти ды таолунь (К вопросу о характере общества в эпоху Хань). — «Лиши яньцзю». 1955, № 1.

Ван Сяньцянь, 1937 — Ван Сяньцянь. Шимин шучжэн бу («Шимин» с дополнительным комментарием). Т. 1—2. Шанхай, 1937.

Ван Сяньцянь, 1959 — Ван Сяньцянь. Хоуханьшу цзицзе («История [династии] Поздняя Хань» со сводным комментарием). Т. 1—5. Шанхай, 1959.

Ван Чжуншу, 1956 — Ван Чжуншу. Ханьдай учжи вэньхуа люэшо (Краткий очерк материальной культуры эпохи Хань). — «Каогу тунсюнь». 1956, № 1.

Ван Чжуншу, 1958 — Ван Чжуншу. Хань чапъаньчэн каогу гунцзо шоуху сойцзи (Еще по поводу результатов археологических работ по изучению Чанъани эпохи Хань). — «Каогу тунсюнь». 1958, № 4.

Ван Чжэньдо, 1959 — Ван Чжэньдо. Хань дай ете гуфэнцзи ды фюянь (Реконструкция плавильных мехов эпохи Хань). — «Вэньбу». 1959, № 5.

Ван Чун, 1934 — Ван Чун. Луньхэн (Критические рассуждения). Т. 1—2. Шанхай, 1934.

Ван Шилунь, 1957 — Ван Шилунь. Чжэцзян чуту тунцзин сюаньцзи (избранные зеркала, обнаруженные в Чжэцзяне), Пекин, 1957.

Ван Шилунь, 1958 — Ван Шилунь. Хань лючао цзинмин чутань (Предварительное исследование надписей на бронзовых зеркалах эпохи Хань и Шести династий). — «Каогу тунсюнь». 1958, № 9.

Вань Годин, 1931 — Вань Годин. Хань иянь жэнькоу цзи туди лююн чжи ибань (Общие сведения о населении и территории эпохи Хань и более раннего времени). — «Наньцзин сюэбао». Т. 1, 1931.

Вэнь Бао, 1974 — Вэнь Бао. Мавандуй сань хао ханьму чуту ды текоу муча (Деревянный заступ с деревянным наконечником, обнаруженный в ханьском погребении Мавандуй 3). — «Вэньбу». 1974, № 11.

Вэнь Моуянь, Цинь Чжунхан, 1975 — Вэнь Моуянь, Цинь Чжунхан. Циньюнь ишу (Художественные особенности циньских керамических фигур). — «Вэньбу». 1975, № 11.

Вэнь Хуаньжэнь, 1959 — Вэнь Хуаньжэнь. Цинь хань шидай хуанхэ чжун ся ю цихоу яньцзю (Изучение климата среднего и нижнего течения р. Хуанхэ в эпоху Цинь — Хань). Пекин, 1959.

Вэнь Ю, 1954 — Вэнь Ю. Гу тунгу тулу (Альбом древних бронзовых барабанов). Шанхай, 1954.

Ганьсу увэй, 1960 — Ганьсу увэй моцзуйцзы ханьму фацзюэ (Раскопки ханьских погребений в Моцзуйцзы, Увэй, пров. Ганьсу). — «Каогу». 1960, № 9.

Гао Чжиси, 1959 — Гао Чжиси. Таньтань хунань чуту ды дунхань цзяньчжу мосин (О моделях жилищ эпохи Восточная Хань, обнаруженных в Хунани). — «Каогу». 1959, № 11.

Гао Яотин, 1973 — Гао Яотин. Мавандуй и хао ханьму суйцзанпинь чжун гун ши юн ды жоулэй [Сорта мяса, использованные для приготовления блюд (из числа предметов, сопогребенных в ханьском погребении Мавандуй 1)]. — «Вэньбу». 1973, № 9.

Го Можо, 1954 — Го Можо. Нули чжи шидай (Эпоха рабства). Пекин, 1954.

Го Можо, 1957 — Го Можо. Яньтелунь дубэнь (Текст «Яньтелунь» со знаками препинания). Пекин, 1957.

То Мого, 1958 — Го Мого. Ланьчжоу цзиньвэньцы даси (Общий свод надписей на бронзе эпохи Чжоу). Т. 1—8. Пекин, 1958.

Го Мого, 1959 — Го Мого. Гуаньюй муцянь лиши яньцзю чжун ды цзигэ вэньти (По поводу нескольких вопросов современного состояния исторических исследований).— «Синь цзяньшэ». 1959, № 4.

Го Сифэнь, 1934 — Го Сифэнь. Чжаньго цэ пинчжу («Чжаньгоцэ» с комментариями). Шанхай, 1934.

Гу Цзеган, 1955 — Гу Цзеган. Чжунго лиши диту цзи (Атлас исторических карт Китая). Шанхай, 1955.

Гу Цзиньчэн, 1972 — Гу Цзиньчэн. Шовэнь цзунхэ ды яньцзю (Общее исследование Шовэня). Тайбэй, 1972.

Гуанчжоу, 1958 — Гуанчжоу чуту ханьдай таоу (Керамические модели жилища ханьской эпохи, обнаруженные в Гуанчжоу). Пекин, 1958.

Гуань Сянь, 1957 — Гуань Сянь. Пин тэшу ды миньцзю лунь (По поводу теории «нации особого типа»).— Хань миньцзю синчэн вэньти таолуньцзи (Сборник статей по проблемам формирования китайской нации). Пекин, 1957.

Гуаньюй фэнхуаншань, 1975 — Гуаньюй фэнхуаншань и лю ба хао ханьму цзотань цзюао (Обмен мнениями по поводу ханьского погребения Фэнхуаншань 168).— «Вэнью». 1975, № 9.

Гувэнь, 1937 — Гувэнь гуаньчжи (Древние тексты). Шанхай, 1937.

Гунсянь тешэнгоу, 1962 — Гунсянь тешэнгоу (Тешэнгоу в уезде Гун). Пекин, 1962.

Дин Ин, 1959 — Дин Ин. Цзян хань пинюань синьшици шидай хуншаоту чжун ды даогу кэ каоча (Обследование шелухи риса, обнаруженной в кусках обожженной глины эпохи неолита на равнине между Янцзы и Ханьшюем).— «Каогу сюэбао». 1959, № 4.

Ду Мань, 1957 — Ду Мань [Думан Л. И.]. Лунь сихань шидай гуанюань цянъ сань дао и шици чжунго ды шэхуэй цзинци чжиду (О социально-экономическом строе в Китае в эпоху Западной Хань (III—I вв. до н. э.).— «Байцзин дасюэ сюэбао». 1957, № 2.

Ду Чэнсян, 1948 — Ду Чэнсян. Вэй цин хо цюй бин синь чжуань (Новые биографии Вэй Цина и Хо Цюйбина). Шанхай, 1948.

Дунхань лоянчэн, 1972 — Дунхань лоянчэн наньцзюо ды синту муди (Кладбище преступников восточноханьского времени в южном пригороде Лояна).— «Каогу». 1972, № 4.

Е Гоцин, 1934 — Е Гоцин. Гу минь ди као (Исследование древнего топонима Минь).— «Яньцзин сюэбао». Т. 15, 1934.

Е Чжаохань, 1959 — Е Чжаохань. Ханьдай шикэ ете гуфэнлу ту (Изображение главных мехов на каменном барельефе эпохи Хань).— «Вэнью». 1959, № 1.

Жань Чжаодэ, 1964 — Жань Чжаодэ. Ханьдай ды дацзя чжунцзя хэ сяоцзя (большие, средние и малые хозяйства в эпоху Хань).— «Гуанмин жибао». 15.1.1964.

Жун Гуаньсюн, 1958 — Жун Гуаньсюн. Жэньминь гунтунти бу нэн тун чжунцзю хунь вэй и тань (Нельзя смешивать понятия исторической общности людей и расы).— «Шисюэ юэкань». 1958, № 2.

Жуфа доучжэнши, 1975 — Жуфа доучжэнши гай куан (Очерки истории борьбы конфуцианцев и легистов). Пекин, 1975.

Инь Шицзи, 1957 — Инь Шицзи. Юйгун цзицзе («Юйгун» с комментариями). Шанхай, 1957.

Лаоцзы ибэнь, 1975 — Лаоцзы ибэнь цзюань цянъ гу ишу шивэнь [Дешифровка текста, предшествовавшего сохранившимся главам «Лаоцзы» (вариант Б)].— «Каогу сюэбао». 1975, № 1.

Ли Цзинхуа, 1974 — Ли Цзинхуа. Ханьдай те нунци минвэнь шиши (Опыт дешифровки надписей на железных земледельческих орудиях эпохи Хань).— «Каогу». 1974, № 1.

Ли Цзяньнун, 1957 — Ли Цзяньнун. Сяньцинь лянхань цзинци шитао (Очерки экономической истории доциньского и ханьского времени). Пекин, 1957.

Ли Чжэнфу, 1945 — Ли Ч ж э н ф у. Цзюньсянь шидайчжи Аньнань (Аньнань периода округов и уездов). [Б. м.], 1945.

Лидай гэцзу, 1958 — Лидай гэцзу чжуаньцзи хуйбянь (Свод сведений о народах различных исторических эпох). Т. 1, 2. Пекин, 1958.

Линь Хуэйсян, 1958 — Линь Х у э й с я н. Наньян малайцу юй хуанань гу миньцзу ды гуаньси (Связь малайских народов Южных морей с древними народами Южного Китая). — «Сямэнь дасюэ сюэбао». 1958, № 1.

Линь Юйтан, 1967 — Линь Ю й т а н. Юйяньсюэ луньцун (Труды по языкознанию). Тайбэй, 1967.

Линь Яохуа, 1963 — Линь Я о х у а. Гуаньюй миньцзу и цы ды шиюнь хэ имин ды вэньти (Вопрос об использовании и переводе термина «миньцзу»). — «Лиши яньцзюэ». 1963, № 2.

Линьтунсянь, 1975 — Линьтунсянь циньюн кэн шицзюэ ди и хао цзяньбао (Краткий отчет № 1 о пробных раскопках ямы с фигурами циньского времени в уезде Линьтун). — «Вэнью». 1975, № 11.

Лицизи цзишо, 1934 — Лицизи цзишо (Свод толкований трактата «Лицизи»). Т. 1—10. [Б. м.], 1934.

Ло Фуи, 1974 — Ло Ф у и. Линьши ханьцзянь гайшу (Общие сведения о ханьских табличках из Линьши). — «Вэнью». 1974, № 2.

Ло Чанпэй, Чжоу Цзюмо, 1958 — Ло Ч а н п э й, Ч ж о у Ц з у м о. Хань Вэй Цзинь Наньбэйчао юньбу яньбянь яньцзюэ (Исследование развития поэтической рифмы в эпоху династий Хань, Вэй, Цзинь, Наньбэйчао). Т. 1. Пекин, 1958.

Ло Чжэвэнь, 1961 — Ло Ч ж э в э н ь. Сяотаншань го ши мушицы (Каменная кумирня у могилы Го в Сяотаншане). — «Вэнью». 1961, № 4—5.

Лоян чуту, 1959 — Лоян чуту гу цзин (Древние зеркала, обнаруженные в Лояне). Пекин, 1959.

Лоян шаогу, 1959 — Лоян шаогу (Ханьские погребения в Шаогу, Лоян). Пекин, 1959.

Лю Си. Шимин — Лю С и. Шимин (Толкование имен). Шанхай, 1934.
Лю Чжиюань, 1973 — Лю Ч ж и ю а н ь. Ханьдай шицзин као — шо дунхань шицзин хуасянчжуань (Рынки ханьской эпохи, барельеф восточноханьского времени с изображением рыночной сцены). — «Вэнью». 1973, № 3.

Люй Жунфан, 1959 — Лю й Ж у н ф а н. Чжунго дуннаньюй синьшици вэньхуа гэчжэн чжи и иньвэньтао (Одна из особенностей культуры неолита на юго-востоке Китая: штампованная керамика). — «Сямэнь дасюэ сюэбао». 1959, № 2.

Люй Чжэньюй, 1957 — Лю й Ч ж э н ь ю й. Цзяньмин чжунго тунши (Общая краткая история Китая). Пекин, 1957.

Лян Дунхань, 1965 — Л я н Д у н х а н ь. Ханьцзы ди цзегоу цзи ци любянь (Структура китайской письменности и ее эволюция). Шанхай, 1965.

Лян Цичао, 1934 — Л я н Ц и ч а о. Чжунго лиши яньцзюфа бубянь (Методы изучения истории Китая, с дополнениями). Шанхай, 1934.

Мавандуй ханьму, 1975 — Мавандуй ханьму чуту ишу шивэнь (Дешифровка медицинского сочинения из ханьского погребения Мавандуй 1). — «Вэнью». 1975, № 6.

Мавандуй ханьму, 1975а — Мавандуй ханьму чуту ишу шивэнь (Дешифровка медицинского сочинения из ханьского погребения Мавандуй 2). — «Вэнью». 1975, № 9.

Маньчэн ханьму, 1972 — Маньчэн ханьму цзинь лой юй и ды цинли хэфуюань (Раскопки и реставрация «яшмовой одежды, сшитой золотыми нитями», из ханьского погребения в Маньчэне). — «Каогу». 1972, № 2.

Минь Чань, 1960 — М и н ь Ч а н ь. Наньюэ шилуэ (История Вьетнама). Пекин, 1960.

Моцзы иньдэ, 1948 — Моцзы иньдэ (Индекс к «Моцзы»). Бэйпин, 1948.

Мэн Чи, 1975 — М э н Ч и. Цун синьцзянь лиши вэнью кань ханьдай цзай сной ды чжэнчжи цоши хэ цзинци цзяньшэ (Политические мероприятия и экономическое строительство в Западном крае в эпоху Хань по данным памятников материальной культуры Синьцзяна). — «Вэнью». 1975, № 7.

Мяо Юэ, 1959 — Мяо Юэ. Ба шу вэньхуа чулунь шанцюэ (По поводу статьи «Первоначальное изучение культуры ба и шу»).— «Сычуань дасюэ сюэбао». 1959, № 4.

Нэймэнгу, 1961 — Нэймэнгу чжалайнорэ гумуцунь фацзюэ баогао (Отчет о раскопках древнего могильника в Чжалайноре, Внутренняя Монголия).— «Каогу». 1961, № 12.

Пань Цзисин, 1964 — Пань Цзисин. Шицзе шан цзуй цзао ды чжи сянвэй чжи (Древнейшая в мире бумага из растительных волокон).— «Вэньбу». 1964, № 11.

Пань Цзисин, 1973 — Пань Цзисин. Гуаньюй цзаочжишу ды цюань чжунго гудай цзаочжи цзишу ши чжуаньти яньцзю (О происхождении техники изготовления бумаги: специальное исследование по истории техники производства бумаги в древнем Китае).— «Вэньбу». 1973, № 9.

Пэй Синьвэй, 1958 — Пэй Синьвэй. Чмунго хоби ши (История денег в Китае). Шанхай, 1958.

Сун Боинь, Ли Чжунъи, 1962 — Сун Боинь, Ли Чжунъи. Цун ханьхуасянши таньсо ханьдай чжицзи гоуцзао (Реконструкция устройства ткацкого станка ханьской эпохи по материалам ханьских барельефов на камне).— «Вэньбу». 1962, № 3.

Сунь Дэсюань, 1956 — Сунь Дэсюань. Лю си хэ тады шилин лю си и сю шилин.— «Чжунго юйвэнь». Пекин, 1956, № 11.

Сунь Цзоюнь, 1973 — Сунь Цзоюнь. Чанша мавандуй и хао ханьму чуту хуафань каоши (Интерпретация изображения на расписном покрывале из ханьского погребения Мавандуй 1).— «Каогу». 1973, № 1.

Сунь Цзоюнь, 1973а — Сунь Цзоюнь. Мавандуй и хао ханьму ци гуань хуа каоши (Интерпретация изображений на лакированном гробе из ханьского погребения Мавандуй 1).— «Каогу». 1973, № 4.

Сунь Юйтан, 1963 — Сунь Юйтан. Чжаньго цинь хань шидай фанчжи цзишу ды цзиньбу (Развитие техники ткачества в Чжаньго и Цинь — Хань).— «Лиши яньцзю». 1963, № 3.

Сы Те, 1959 — Сы Те. Цинь хань шици цзудянь гуаньси ды фашэн юй фачжань (Возникновение и развитие арендных отношений в период Цинь — Хань).— «Лиши яньцзю». 1959, № 12.

Сыма Гуан, 1956 — Сыма Гуан. Цзычжи тунцзянь (Всеобщее зеркало, помогающее управлению). Шанхай, 1956.

Сыминь юэлин, 1965 — Сыминь юэлин (Ежемесячные наставления простому народу). Пекин, 1965.

Сычуань, 1960 — Сычуань чуаньгуаньцзан фацзюэ баогао (Отчет о раскопках погребений в лодках в Сычуани). Пекин, 1960.

Сычуань шэн, 1960 — Сычуань шэн чуту тунцзин (Бронзовые зеркала, обнаруженные в Сычуани). Пекин, 1960.

Сюй Фу, 1959 — Сюй Фу. Цинь хуэйяо динбу (Сборник важнейших материалов по истории династии Цинь, исправленный и дополненный). Пекин, 1959.

Сюй Цзянь, 1962 — Сюй Цзянь. Чу сюэ цзи (Заметки для начинающих). Т. 1—2. Пекин, 1962.

Сюй Чжуншу, 1940 — Сюй Чжуншу. Гудай сычуань чжи вэньхуа (Древняя культура Сычуани).— «Шисюэ цзикань». Т. 1. 1940, № 1.

Сюй Чжуншу, 1959 — Сюй Чжуншу. Ба шу вэньхуа чулунь (Первоначальное изучение культуры ба и шу).— «Сычуань дасюэ сюэбао». 1959, № 2.

Сюй Шэнь — Сюй Шэнь. Шо вэнь цзе цзы (Толкование простых знаков и объяснение сложных). Чжу цзи шуцзюй. [Б. м., б. г.].

Сюньцзы иньдэ, 1950 — Сюньцзы иньдэ (Индекс к трактату «Сюньцзы»). Пекин — Бэйпин, 1950.

Ся Най, 1972 — Ся Най. Вого гудай цань сан сы чоу ды лиши (История шелководства и шелкоткачества в древнем Китае).— «Каогу». 1972, № 2.

Сяо Хань, 1974 — Сяо Хань. Чанша мавандуй ханьму бошу гайшу (Общие сведения о рукописях на шелке из ханьского погребения Мавандуй в Чанша).— «Вэньбу». 1974, № 9.

Сяо Чжисин, 1976 — Сяо Чжисин. Шиши хань гуй и цян чжан инь

(К дешифровке надписи на «печати предводителя цянов, вернувшегося в лоно Хань»).— «Вэньу». 1976, № 7.

Сяо Яотянь, 1970—Сяо Яотянь. Чжунго жэньминь ды яньцзю (Исследование имен китайцев). Гонконг, 1970.

Сяосяо цзингэ, 1935—Сяосяо цзингэ цзиньвэнь тобэнь (Эстампы надписей на металлических изделиях из собрания «Сяосяо цзингэ»). Шанхай, 1935.

Такигава, 1955—Такигава Каметаро. Шицзи хуэйчжу као-чжэн («Исторические записки» со сводным коммент.). Т. 1—10. Пекин, 1955.

Тан Лань, 1959—Тан Лань. Ван чао ши тиси ингай дапо (Необходимо преодолеть схему изложения истории по династиям).— «Синь цзяньшэ». 1959, № 4.

Тань Цижан, 1973—Тань Цижан. Шанхайши далу буфэнь ды хайлу бянцзянь хэ, кайфа гочэн (Изменения береговой линии и процесс освоения материка близ г. Шанхая).— «Каогу». 1973, № 1.

Тань Цижан, 1975—Тань Цижан. Эр цянй и бай до нянь цянй ды ифу диту (Карта древностью более 2100 лет).— «Вэньу». 1975, № 2.

У Жунцзэн, 1974—У Жунцзэн. Хэлиньгээр ханьму бихуа чжун фаньин ды дунхань шэхуй шэнхо (Общественный быт эпохи Восточная Хань, отраженный во фресках из ханьского погребения в Хорингере).— «Вэньу». 1974, № 1.

У Цзэюй, 1962—У Цзэюй. Яньцзы чуньцю цзиши («Яньцзы чуньцю» с комментариями). Пекин, 1962.

У Шифэнь, 1904—У Шифэнь. Фэнни каолюэ (Краткое исследование оттисков печатей). Шанхай, 1904.

Увэй моцзуйцзы, 1960—Увэй моцзуйцзы ханьму чуту ванчжан ши цзянь шивэнь (Дешифровка десяти деревянных табличек с надписями о почтовых посохах, обнаруженных в ханьских погребениях в Моцзуйцзы, Увэй).— «Каогу». 1960, № 9.

Фан Цидун, 1962—Фан Цидун. Цзилинь цзянь гаогоули бавапчао шаньчэн (Горная крепость когурёсцев Баванчао в Циани, Цилинь).— «Каогу». 1962, № 11.

Фан Чжуанью, 1964—Фан Чжуанью. Чжаныго илай чжунго були фачжаны вэньти шитань (Изучение вопроса о развитии пахотных орудий в Китае начиная с эпохи Чжаныго).— «Каогу». 1964, № 7.

Фаньянь, 1956—Чжоу Цзумо (ред.). Фаньянь цзяоцзянь цзи тунцзянь (Критический текст словаря «Фаньянь» с индексом). Шанхай, 1956.

Фань Вэньлань, 1954—Фань Вэньлань. Чжунго тунши цзянь-бянь (Краткий курс истории Китая). Пекин, 1954.

Фань Вэньлань, 1957—Фань Вэньлань. Цзы цинь хань ци чжунго чэнвэй тунъи гоцзя ды юаньин (Причины того, что начиная с эпохи Цинь—Хань Китай стал централизованным государством).— Ханьминьцзу синчэн вэньти таолуьнци (Сборник статей по проблемам формирования китайской нации). Пекин, 1957.

Фань Е, 1940—Фань Е. Хоуханьшу. (История династии Поздняя Хань. Изд. Ван Сянцяня). Чанша, 1940.

Фуцзянь миньхоу, 1965—Фуцзянь миньхоу гуанькоу цяотоушань фасянь гу му (Древние погребения в Цяотоушань, близ Гуанькоу, уезд Миньхоу, провинция Фуцзянь).— «Каогу». 1965, № 8.

Фуцзянь чунъань, 1960—Фуцзянь чунъань чэнцунь ханьчэн ичжи шицзюэ (Пробные раскопки остатков ханьского города в Чунъани, провинция Фуцзянь).— «Каогу». 1960, № 10.

Фэн Ханьцзи, 1961—Фэн Ханьцзи. Юньнань цзиньнин шичжайшань чуту вэньу ды цзусу вэньти шитань (Об этнической принадлежности людей, изображенных на предметах из Шичжайшаня, уезд Цзиньнин, пров. Юньнань).— «Каогу». 1961, № 9.

Фэн Чанфэн, 1970—Фэн Чанфэн. Хуажэнь цзелин фэнсу ши (История обрядов, связанных с календарными праздниками у китайцев). Сингапур, 1970.

Хоу Жэньчжи, 1973—Хоу Жэньчжи. Цун хунлюхэ шан ды гучэн

фэйсуй кань маоусу шамо ды бяньцзянь (Изменение границ пустыни Маоусу в свете данных об остатках древних городов в бассейне р. Хунлюхэ).— «Вэнью». 1973, № 1.

Ху Пуань, 1969 — Ху Пуань. Сюньгусуэй шиган (Краткая история экзегетики). Тайбэй, 1969.

Хуайнаньцзы, 1931 — Лю Вэньцзянь. Хуайнань хунле цзицзе (Хуайнаньцзы. Великая мудрость. Со сводным комментарием Лю Вэньцзяня). Шанхай, 1931.

Хуайнаньцзы, 1936 — Хуайнаньцзы (Трактат «Хуайнаньцзы»). Т. 1—6. Шанхай, 1936.

Хуан Ле, 1957 — Хуан Ле. Ши ханьцзянь чжун югуань ханьдай шэжуй синчжи чжу ли (Данные ханьских документов на деревянных табличках о характере ханьского общества).— «Лиши яньцзю». 1957, № 6.

Хуан Ле, 1965 — Хуан Ле. Югуань дицзу лайюань хэ синчэн ды исе вэньти (Некоторые вопросы, связанные с происхождением и формированием этнической общности ди).— «Лиши яньцзю». 1965, № 2.

Хуан Шэнчжан, 1974 — Хуан Шэнчжан. Хэлиньгээр ханьму бихуа юй лиши дили вэньти (Фрески из ханьского погребения в Хорингере и проблемы исторической географии).— «Вэнью». 1974, № 1.

Хуан Шэнчжан, 1974а — Хуан Шэнчжан. Цзянлин фэнхуаншань ханьму цзяньду цзи ци цзай лиши дили яньцзю шан ды цзячжи (Документы из ханьских погребений Фэнхуаншань в Цзянлине и их значение для изучения исторической географии).— «Вэнью». 1974, № 6.

Хубэй цзянлин, 1975 — Хубэй цзянлин фэнхуаншань и лю ба хао ханьму фацзюэ цзяньбао (Краткий отчет о раскопках ханьского погребения Фэнхуаншань 168 в Цзянлине, провинция Хубэй).— «Вэнью». 1975, № 9.

Хун И, 1974 — Хун И. Цзянлин фэнхуаншань шихао ханьму цзяньду чутань (Предварительное исследование документов на деревянных планках из ханьского погребения № 10 в Фэнхуаншане, уезд Цзянлин).— «Вэнью». 1974, № 6.

Хунань чуту, 1960 — Хунань чуту тунцизин тулу (Каталог бронзовых зеркал, обнаруженных в Хунани). Пекин, 1960.

Хэ Цзишэн, 1965 — Хэ Цзишэн. Люшэу чжунго гудай тунгу ды фэньбу диюй (Коротко об ареале распространения древних бронзовых барабанов в Китае).— «Каогу». 1965, № 1.

Хэ Цыцюань, 1958 — Хэ Цыцюань. Цун чэн сянь гуаньси кань лянхань хэ вэй цзинь наньбэйчао шэжуй цзинцизи ды бяньхуа (Об изменениях социально-экономического строя в период с Хань до Вэй — Цзинь и Наньбэйчао на материалах соотношения города и деревни).— «Бэйцзин ши-фань дасюэ сюэбао». 1958, № 2.

Хэлиньгээр фасянь, 1974 — Хэлиньгээр фасянь и цзо чжуняоды дунхань бихуа му (В Хорингере обнаружена могила с фресками эпохи Восточная Хань).— «Вэнью». 1974, № 1.

Хэнаньшэн, 1976 — Хэнаньшэн вэньсянь ханьдай хунфаньяо фацзюэцзяньбао (Краткий отчет о раскопках ханьской печи для обжига литейных форм в уезде Вэньсянь, провинция Хэнань).— «Вэнью». 1976, № 9.

Цао Юнъянь, Мэн Гуаньяо, 1976 — Цао Юнъянь, Мэн Гуаньяо. Цинь шихуан шици ды шэжуй цзинцизи (Социально-экономический строй в период Цинь Шихуана).— «Лиши яньцзю». 1976, № 3.

Цзин Хань, 1960 — Цзин Хань. Лянхань ды дукоу (Население эпохи Хань).— «Шисюэ юэкань». 1960, № 4.

Цзинь Ли, 1976 — Цзинь Ли. Цзянлин фэнхуаншань ба хао ханьму чжужэнь шиши (Дешифровка надписей на бамбуковых табличках из ханьского погребения Фэнхуаншань 8 из Цзянлина).— «Вэнью». 1976, № 6.

Цзэн Чжаоюй, Цзэн Баогэн, Ли Чжунъи, 1956 — Цзэн Чжаоюй, Цзэн Баогэн, Ли Чжунъи. Инань хуасянши му фацзюэ баогао (Отчет о раскопках погребения с каменными барельефами в Инани). Шанхай, 1956.

Цзюйянь, 1959 — Цзюйянь ханьцзянь цзябянь (Ханьские документы на табличках из Цзюйяня. Ч. 1. Пекин, 1959.

Цзючжан суаньшу — Цзючжан суаньшу (Математика в девяти книгах). Т. 1—3. Шанхай, [6 г.].

Цзягугуань, 1972 — Цзягугуань хань хуасян чжуаньму (Погребения с кирпичной кладкой и фресками эпохи Хань в Цзягугуани). — «Вэньбу». 1972, № 12.

Цзягугуань вэй цзинь, 1974 — Цзягугуань вэй цзинь муши бихуа ды тидай хэ ишу цзячжи (Сюжеты и художественные достоинства фресок в погребальной камере могил эпохи Вэй — Цзинь в Цзягугуани). — «Вэньбу». 1974, № 9.

Цзян Цюань, 1957 — Цзян Цюань. Шилунь ханьдай ды туди соючжи синши (О формах земельной собственности в эпоху Хань). — «Вэнь ши чжэ». 1957, № 9.

Цзянь Боцзань, 1954 — Цзянь Боцзань. Гуаньюй лянхань ды гуань сы нубэй вэньти (К вопросу о государственных и частных рабах в эпоху Хань). — «Лиши яньцзю». 1954, № 4.

Ци Сыхэ, 1949 — Ци Сыхэ. Маоши гумин као (Исследование названий злаков в «Шицзине»). — «Яньцзин сюэбао», 1949, № 3.

Ци Цичжан, 1957 — Ци Цичжан. Ти ханьдай ды нулисоючжэ суань и би чжан (Подведем сальдо за рабовладельца ханьской эпохи). — «Гуанмин жибао», 11.IV.1957.

Циминь яошу, 1957 — Циминь яошу цзинь ши («Циминь яошу» с переводом на современный китайский язык). Т. 1. Пекин, 1957.

Циньго ту, 1958 — Циньго диго цзяньюй ту чжунсюе шиюн. Дитучубаньшэ лишиту бянь чжи (Карта границ циньской империи для средних школ. Редакция исторических карт картографического изд-ва). Шанхай, 1958.

Цун наньян, 1965 — Цун наньян ваньчэн ичжи чугу ханьдай лихуа мо хэ чжуфань кань лихуа ды чжуцзао гуньи гочэн (Технология литья лемехов по данным находок ханьских моделей и форм в городище Ваньчэн, Наньян). — «Вэньбу». 1965, № 1.

Цыхай, 1948 — Цыхай (Море слов). Шанхай, 1948.

Цюй Сюаньин, 1937 — Цюй Сюаньин. Чжунго шэхуй шиляо цунчао (Материалы по истории китайского общества). Чанша. Т. 1—20. 1937.

Цюй Фэй, 1963 — Цюй Фэй. Баосе шикэ хэ ханьдай синту (Надписи на камне из Баосе и каторжники ханьской эпохи). — «Вэньбу». 1963, № 2.

Чанша мавандуй, 1973 — Чанша мавандуй и хао ханьму (Погребение Мавандуй 1 в Чанша). Т. 1, 2. Пекин, 1973.

Чанша мавандуй и хао, 1972 — Чанша мавандуй и хао ханьму фацзюэ цзяньбао (Краткий отчет о раскопках ханьского погребения Мавандуй 1 в Чанша). Пекин, 1972.

Чанша мавандуй эр сань хао, 1974 — Чанша мавандуй эр сань хао ханьму фацзюэ цзяньбао (Краткий отчет о раскопках ханьских погребений Мавандуй 2 и 3). — «Вэньбу». 1974, № 7.

Чанша шацзытан, 1963 — Чанша шацзытан сихань му фацзюэ цзяньбао (Краткий отчет о раскопках погребения эпохи Западная Хань в Шацзытане, близ Чанша). — «Вэньбу». 1963, № 2.

Чжан Вэйхуа, 1957 — Чжан Вэйхуа. Лунь хань уди (О ханьском У-ди). Шанхай, 1957.

Чжан Гуаньин, 1957 — Чжан Гуаньин. Гуаньюй хань миньцзу хэши синчэн ды исе вэньти ды шанцюэ (Обсуждение некоторых вопросов, связанных с проблемой датировки формирования китайской нации). — Хань миньцзу синчэн вэньти таолуньцзи (Сборник статей по проблемам формирования китайской нации). Пекин, 1957.

Чжан Хэншоу, 1957 — Чжан Хэншоу. Шилунь лянхань шидай ды шэхуэй синчжи (О характере общества в эпоху Хань). — «Лиши яньцзю». 1957, № 9.

Чжан Чжунсян, 1958 — Чжан Чжунсян. Цяочжэн саньфу хуанту («Саньфу хуанту» с дополнениями). Шанхай, 1958.

Чжан Чжэнлан, 1958 — Чжан Чжэнлан. Цинь хань синту ды каогу цзыляо (Археологические данные о каторжниках эпохи Цинь — Хань). — «Вэйцзин дасюэ сюэбао». 1958, № 3.

Чжан Чжэнмин, 1957 — Чжан Чжэнмин. Шилунь хань миньцзу ды синчэн (О формировании китайской нации).— Хань миньцзу синчэн вэньти таолуньцзи (Сборник статей по проблемам формирования китайской нации). Пекин, 1957.

Чжан Чжэньсинь, 1977 — Чжан Чжэньсинь. Ханьдай ды нюгэн (Пахота на быках в эпоху Хань).— «Вэнью». 1977, № 8.

Чжань Либо, 1976 — Чжань Либо. Мавандуй ханьму чуту ды шоубэйту таньтао (Изучение карты укреплений, обнаруженной в ханьском погребении Мавандуй).— «Вэнью». 1976, № 1.

Чжаньгоцэ, 1936 — Чжаньгоцэ (Планы сражающихся царств). Т. 1—6. Шанхай, 1936.

Чжоу Гучэн, 1955 — Чжоу Гучэн. Чжунго тунши (История Китая). Т. 1. Шанхай, 1955.

Чжоу Лянькуань, 1957 — Чжоу Лянькуань. Динлин ды жэньчжун хэ юйянь цзи ци мобэй чжу цзу ды гуаньси (О расовой принадлежности и языке динлинов и об их взаимоотношениях с народами, обитающими к северу от Гоби).— «Чжуншань дасюэ сюэбао». 1957, № 2.

Чжоу Фагао, 1956 — Чжоу Фагао. Чжунго юйвэнь яньцзю (Исследование по китайской филологии). Тайбэй, 1956.

Чжоу Иньмэн, 1956 — Чжоу Иньмэн. Ян сюн хэ тады фанъянь (Ян Сюн и его «Фанъянь»).— «Чжунго юйвэнь». Вып. 5. Пекин, 1956.

Чжоу Цзе, 1965 — Чжоу Цзе. Гуаньюй вого дунбэй дицюй чуту ваньчжуан гу цзяоци ды минчэн хэ юнту (О названии и назначении изогнутых костяных и роговых предметов, обнаруженных на территории северо-востока Китая).— «Каогу». 1965, № 8.

Чжоу Цзумо, 1956 — Чжоу Цзумо. Сюй шэнь хэ тады шовэнь цзецзы (Сюй Шэнь и его «Шовэнь цзецзы»).— «Чжунго юйвэнь». Пекин, 1956, № 9.

Чжоу Цзумо, 1957 — Чжоу Цзумо. Цун «вэньсюэ юйянь» ды гайнянь лунь ханьюйди яянь, вэньянь, гувэнь дэн вэньти (Проблема «образцового языка», вэньяня и гувэня в связи с идеей «литературного языка»).— Вэньсюэ юйянь вэньти таолунь цзи. Пекин, 1957.

Чжоу Цзумо, 1958 — Чжоу Цзумо. Цун «вэньсюэ юйянь» ды гайнянь лунь ханьюйди яянь, вэньянь, гувэнь дэн вэньти (Проблема «образцового языка», вэньяня и гувэня в связи с идеей «литературного языка»).— Вэньсюэ юйянь вэньти таолунь цзи. Пекин, 1958.

Чжоу Шижун, 1976 — Чжоу Шижун. Югуань мавандуй гу диту ды исе цзыляо хэ цзи фан ханьинь (Материалы, имеющие отношение к древней карте из погребения Мавандуй, и несколько ханьских печатей).— «Вэнью». 1976, № 1.

Чжоу Юйтун, 1957 — Чжоу Юйтун. Цзин гу вэнь сюэ (Классические произведения старого и нового письма). Пекин, 1957.

Чжоули, 1937 — Чжоули чжэн ши чжу («Чжоули» с комментариями Чжэн Сюаня). Шанхай, 1937.

Чжу Кэчжэнь, 1972 — Чжу Кэчжэнь. Чжунго цзинь у цяннь нянь лай цихоу бяньцянь ды чубу яньцзю (Предварительное исследование климатических изменений в Китае за последние пять тысяч лет).— «Каогу сюэбао». 1972, № 1.

Чжуан Динъи, 1936 — Чжуан Динъи. Лянхань бу ле чжуань жэньмин юньбянь (Список имен лиц, не имеющих жизнеописаний в сочинениях эпохи Хань). Шанхай, 1936.

Чжунго гудай, 1975 — Чжунго гудай цзянцзо (Лекции по древней истории Китая). 4.— «Лиши яньцзю». 1975, № 5.

Чжунго димин, 1933 — Чжунго гуцзинь димин да цзыдянь (Большой словарь древних и современных географических названий Китая). Шанхай, 1933.

Чжунго иньюэши, 1956 — Чжунго иньюэши (История китайской музыки). Т. 1—7. Пекин — Шанхай, 1956.

Чжунго шигао, 1963 — Чжунго шигао (Очерки истории Китая). Под ред. Го Можо. Т. 2. Пекин, 1963.

Чжэн Цзесян, 1963 — Чжэн Цзесян. Наньян синь чуту ды дунхань чжан цзин цзао туню бэй (Каменная стена восточноханьского времени с надписью о Чжан Цзине и сооружении глиняного быка, недавно найденная в Наньяне). — «Вэнью». 1963, № 11.

Чжэн Цзясян, 1958 — Чжэн Цзясян. Чжунго гудай хоби фачжань ши (История развития монеты в древнем Китае). Пекин, 1958.

Чэн Шудэ, 1955 — Чэн Шудэ. Цзю чао люй као (Исследование законодательства девяти династий). Шанхай, 1955.

Чэнь Гунчжоу, Сюй Пиньфан, 1960 — Чэнь Гунчжоу, Сюй Пиньфан. Гуаньюй цзюйянь ханьцзянь ды фасянь хэ яньцзю (Об открытии и изучении ханьских документов из Цзюйяня). — «Каогу». 1960, № 1.

Чэнь Лицюн, Ма Дэсянь, 1957 — Чэнь Лицюн, Ма Дэсянь. Юньнань цзиньнин шичжайшань гумуцюнь цинли чуци (Предварительное сообщение о раскопках древнего могильника в Шичжайшане, уезд Цзиньнин, провинция Юньнань). — «Вэнью цанькао цзыляо». 1957, № 4.

Чэнь Цзыу, 1957 — Чэнь Цзыу. Иньли янли иньянли (Лунный, солнечный и лунно-солнечный календарь). Пекин, 1957.

Чэнь Цзюцюань, Чэнь Мэйдун, 1974 — Чэнь Цзюцюань, Чэнь Мэйдун. Линь чуту ханьчу гули чутань (Предварительное исследование древнего календаря начала Хань из Линь). — «Вэнью». 1974, № 3.

Чэнь Чжи, 1957 — Чэнь Чжи. Ханьдай жэньминь ды жичан шэнхо (Повседневная жизнь народа в эпоху Хань). — «Сибэй дасюэ сюэбао». 1957, № 4.

Чэнь Чжи, 1957а — Чэнь Чжи. Хань цзинмин вэньсюэ шан цянцзай ды пчань Литературное наследие, скрытое в надписях на ханьских зеркалах). — «Вэнь ши чжэ». 1957, № 4.

Чэнь Чжи, 1958 — Чэнь Чжи. Лянхань цзинци шиляо луньцюн (Сборник статей об источниках по экономической истории эпохи Хань). Сиань, 1958.

Чэнь Чжи, 1961 — Чэнь Чжи. Лоян ханьмуцюнь таоци вэньцзы тунши (Дешифровка надписей на керамике из ханьского могильника в Лояне). — «Каогу». 1961, № 11.

Чэнь Чжи, 1962 — Чэнь Чжи. Хань цзинь госо тункао (Исследование подорожных грамот периода Хань — Цзинь). — «Лиши яньцзю». 1962, № 6.

Чэнь Чжи, 1963 — Чэнь Чжи. Цинь хань вадан гайшу (Общие сведения о декоративных черепичных дисках эпохи Цинь — Хань). — «Вэнью». 1963, № 11.

Чэнь Чжунфань, 1957 — Чэнь Чжунфань. Хань вэй лючао саньвэнь сюань (Антология текстов эпохи Хань — Вэй и Шести династий). Шанхай, 1957.

Шан Бинхэ, 1938 — Шан Бинхэ. Лидай шэхуэй чжуанкуан ши (История общественных явлений различных эпох). Шанхай, 1938.

Шан Юэ, 1954 — Шан Юэ. Чжунго лиши ганьяо (Очерк истории Китая). Пекин, 1954.

Шаньбэй дунхань, 1959 — Шаньбэй дунхань хуасян шикэ сюаньцзи (Альбом каменных барельефов эпохи Восточная Хань из северных районов провинции Шэньси). Пекин, 1959.

Шаньси шэн, 1959 — Шаньси шэн чуту тунцзин (Бронзовые зеркала, обнаруженные в Шэньси). Пекин, 1959.

Ши Нянхай, 1975 — Ши Нянхай. Цинь шихуан чжидао ици ды таньсо (В поисках следов «Прямого тракта» времен Цинь Шихуана). — «Вэнью». 1975, № 10.

Ши Шэнхань, 1956 — Ши Шэнхань. Фань шэн чжи шу цинь ши («Фань шэн чжи шу» с переводом на современный язык). Пекин, 1956.

Шитань, 1972 — Шитань цзинань уиншань чуту ды сихань юэу цзаоци яньинь таюн (О керамических фигурках эпохи Западная Хань, изображающих сцены танцев, циркового представления и пира, обнаруженных в Уиншани, близ Цзинани). — «Вэнью». 1972, № 5.

Шоу Ган, Ли Шишу, 1975 — Шоу Ган, Ли Шишу. Цинь хэ хань

чу ды дичжу цзедзи чжэнцюань юй фенцзянь соючжи (Политическая власть класса помещиков и феодальная система собственности в эпоху Цинь и в начальный период Хань).— «Лиши яньцзю». 1975, № 3.

Шэнь Юань, 1962 — Шэнь Юань. Цзицюопянь яньцзю (Изучение текста «Цзицюопянь»).— «Лиши яньцзю». 1962, № 3.

Эръя — Эръя ишу (Эръя с комментарием). Под редакцией Хэ Исина. Шанхай, 1934.

Юй Вэйчао, 1960 — Юй Вэйчао. Ба чаосьянь пинъаньняндао шуньчуаньцзюнь лунфэнли ляодунчэн чжун дяоча баогао (По поводу отчета об обследовании кургана, в котором был найден план Ляодунчэна).— «Каогу». 1960, № 1.

Юй Вэйчао, 1963 — Юй Вэйчао. Ханьдай ды тин ши таовэнь (Граффити на ханьской керамике: иероглифы «тин» и «ши»).— «Вэньбу». 1963, № 2.

Юй Хаолян, 1959 — Юй Хаолян. Ханьдай ды шэнчань гунцзюй ча (Заступ — орудие производства эпохи Хань).— «Каогу». 1959, № 8.

Юньмэн циньцзянь, 1976 — Юньмэн циньцзянь шивэнь (Дешифровка циньских документов на деревянных табличках из Юньмэна). 1.— «Вэньбу». 1976, № 6.

Юньмэн циньцзянь, 1976а — Юньмэн циньцзянь шивэнь (Дешифровка циньских документов на деревянных табличках из Юньмэна). 2.— «Вэньбу». 1976, № 7.

Юньнань сяньюнь, 1964 — Юньнань сяньюнь дапона муго тунгуань муцили баогао (Отчет о раскопках погребения с деревянным внешним и бронзовым внутренним гробами в Дапона, уезд Сяньюнь, пров. Юньнань).— «Каогу». 1964, № 12.

Юньнань цзянчуань, 1975 — Юньнань цзянчуань лицзяшань гумуцзюнь фацзюэ баогао (Отчет о раскопках древнего могильника в Лицзяшани, уезд Цзянчуань, пров. Юньнань).— «Каогу сюэбао». 1975, № 2.

Ян Боцзюнь, 1972 — Ян Боцзюнь. Люэтань вого шицзи шан гуаньюй шити фансю ды цзицзай хэ мавандуй и хао ханьму мучжу вэньти (Коротко о данных китайских исторических источников о мерах по предотвращению разложения трупов и о том, кто захоронен в погребении Мавандуй 1).— «Вэньбу». 1972, № 9.

Ян Вэйли, Вэй Цзюньди, 1956 — Ян Вэйли, Вэй Цзюньди. Ханьдай ши нули шэхуэй хайши фэнцзянь шэхуэй (Эпоха Хань: рабовладельческое или феодальное общество?).— «Лиши яньцзю». 1956, № 2.

Ян Дяньсюнь, 1957 — Ян Дяньсюнь. Шикэ тибя сонь (Индекс к дешифровкам надписей на камне). Шанхай, 1957.

Ян Исян, 1956 — Ян Исян. Цинь Хань ши ган яо (Очерки истории династий Цинь и Хань). Шанхай, 1956.

Ян Куань, 1955 — Ян Куань. Чжаныго ши (История периода Чжаныго). Шанхай, 1955.

Ян Куань, 1957 — Ян Куань. Цинь Шихуан. Шанхай, 1957.

Ян Шуда, 1934 — Ян Шуда. Ханьдай хунь сан лису као (Исследование свадебных и похоронных обычаев эпохи Хань). Шанхай, 1934.

На японском языке

Аикава, 1974 — Аикава, Каёко. Кандай ифуку си коко (Заметки к истории одежды эпохи Хань).— «Тохо гакухо». Т. 47, 1974.

Акияма, 1974 — Акияма Синго. Кандай-но соко-ни цуйтэ (Об амбарах ханьского времени).— «Тохо гакухо». Т. 46, 1974.

Есида 1974 — Есида Мидзукани. Субё кандай-но тоси (О городе эпохи Хань).— «Тохо гакухо». Т. 47, 1974.

Идзуи, 1953 — Идзуи Хисаносукэ. Люсян шо юань кандай хитцу-но эцука Они цуйтэ (О юэской песне из «Шююаня» Лю Сяна).— «Гэнго кэнкю». 1953, № 22—23.

Киёно, 1944 — Киёно. Нихон миндзоку сёсэйрон (Формирование японской народности). Токио, 1944.

Найто, 1974 — Найто Сигэнобу. Кандай-но онгаку то онгаку

рирон (Музыка и музыкальная теория эпохи Хань). «Тохо гакухо». Т. 46, 1974.

Сиратори К., 1970 — Сиратори Куракити. Цзэнсю (Полное собрание сочинений). Т. 1—10. Токио, 1970.

Сиратори Е., 1975 — Сиратори Ёсиро. Ёдзин бункё (Яские документы). Токио, 1975.

Сугимоно, 1974 — Сугимоно Кэндзи. Тюгоку кодай-но мокудзай-ни цуйтэ (О породах деревьев, использовавшихся в древнем Китае).— «Тохо гакухо». Т. 46, 1974.

Хаяси, 1966 — Хаяси Минао. Кокан дздай-но сяба гёрэцу (Кавалькады в эпоху Поздняя Хань).— «Тохо гакухо». Т. 37, 1966.

Хаяси, 1974 — Хаяси Минао. Кандай кидзин-но сэкай (Мир духов эпохи Хань).— «Тохо гакухо». Т. 46, 1974.

Хаяси, 1975 — Хаяси Минао. Кандай-но инсёку (Пища эпохи Хань).— «Тохо гакухо». Т. 48, 1975.

Хаяси, 1976 — Хаяси Минао. Кандай-но бумбуцу (Материальная культура эпохи Хань). Киото, 1976.

На корейском языке

Ким Чжэвон, 1947 — Ким Чжэвон. Тангун синхва-ы син ёнгу (Новое в изучении мифа о Тангуне). Сеул, 1947.

Чхве Вонхи, 1962 — Чхве Вонхи. Когурё нёчжа от-е кванханн ёнгу (Изучение женской одежды периода Когурё).— «Мунхва юсан». 1962, № 2.

На вьетнамском языке

Tjan Tjoe Som, 1949, 1952 — Tjan Tjoe Som. Po Hu T'ung. The Comprehensive Discussion in the White Tiger Hall. Leiden. Т. 1, 1949; т. 2, 1952.

На западноевропейских языках

Barnard, 1973 — Barnard N. The Ch'u sien manuscript. Translation and Commentary. Canberra, 1973.

Benedict, 1942 — Benedict P. Thai, Kadai and Indonesian.— "American Anthropologist". Vol. 44. 1942, № 4.

Bielenstein, 1947 — Bielenstein H. The Census of China during the Period 2-742 A. D.— "Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquities", № 19, 1947.

Bielenstein, 1967 — Bielenstein H. The Restoration of the Han Dynasty. Vol. 3. The People.— "Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquities". № 39, 1967.

Bodman, 1954 — Bodman N. C. A linguistic study of the Shih ming. Cambridge, 1954.

Сарон, MacGuitty, 1973 — Сарон Е., MacGuitty W. Princes of Jade. L., 1973.

Charlesworth, 1924 — Charlesworth M. P. Trade-Routes and Commerce of the Roman Empire. Cambridge, 1924.

Cheng Chun-sun, 1975 — Cheng Chun-sun. The Chinese Family in Han Times: Some Review Notes.— "Early China". 1, 1975.

Creel, 1965 — Creel H. G. The Role of the Horse in the Chinese History.— „American Historical Review“. Vol. 70. 1965, № 3, April.

Dobson, 1964 — Dobson W. Late Han Chinese. Toronto, 1964.

Eberhard A., Eberhard W., 1946 — Eberhard A., Eberhard W. Die Mode der Han und Chin Zeit. Antwerpen, 1946.

Eberhard W., 1969 — Eberhard W. A History of China. Berkeley and Los Angeles, 1969.

Ebrey, 1974 — Ebrey P. Estate and Family Management in the Later Han as Seen in the "Monthly Instructions for the Four Classes of People".— "Journal of the Economic and Social History of China". Vol. 17. 1974, p. 2.

- Fairbank, Teng, 1942 — Fairbank J. K., Teng S. T. On the Ch'ing Tributary System.— "Harvard Journal of Asiatic Studies". 1942, 6/2 (June).
- Food, 1977 — Food in Chinese Culture, ed. by K. C. Chang. New Haven and London, 1977.
- Granet, 1926 — Granet M. Legendes at dances en la China ancienne. P., 1926.
- Grousset R., 1970 — Grousset R. The Rise and Splendour of the Chinese Empire. L., 1970.
- Hudson, 1931 — Hudson G. F. Europe and China. L., 1931.
- Karlgren, 1934 — Karlgren B. Early Chinese Mirror Inscriptions.— "Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquities". T. 6. 1934.
- Keith, 1929 — Keith A. Human Skulls from Ancient Cemeteries in the Tarim Basin.— "Journal of the Royal Anthropological Institute". Vol. 59. 1929.
- Kiyono, Kanaseki, Miyake, 1933 — Kiyono K., Kanaseki T., Miyake S. Über die menschlichen Skeletreste aus den Ziegelgrabern von Nan-Shai-li.— "Archaeologia Orientalis". Vol. 3. 1933, Appendix.
- Lattimore, 1962 — Lattimore Owen. Inner Asian Frontiers of China. Boston, 1962.
- Legge, 1940 — Legge J. Chinese Classics. Vol. 1—8. Peiping, 1940.
- Li Chi, 1928 — Li Chi. The Formation of the Chinese People. Cambridge, 1928.
- Ligeti, 1950 — Ligeti L. Mots de civilisation de Haute Asie en transcription chinoise.— „Acta Orientalia“, 1950.
- Liu, 1933 — Liu Ch. H. The Dog-Ancestor Story of the Aboriginal Tribes of Southern China.— "Journal of the Great Britain and Ireland". Vol. 62. 1933.
- Loewe, 1960 — Loewe M. The Orders of Aristocratic Ranks of Han China.— "T'oung Pao". Vol. 48. 1960.
- Loewe, 1961 — Loewe M. Military Operation in the Han Period. L., 1961.
- Loewe, 1967 — Loewe M. Records of Han Administration. Vol. 1—2. Cambridge, 1967.
- Loewe, 1968 — Loewe M. Everyday Life in Early Imperial China during the Han Period 202 B. C.— A. D. 220. L., 1968.
- Loewe, 1974 — Loewe M. Crisis and Conflict in Han China 104 B. C. to A. D. 9. L., 1974.
- Maspero, 1916 — Maspero H. Le Commandarie de Siang.— "Bulletin d'riot. Francaise d'Extreme Orient". T. 16. Hanoi, 1916, № 1.
- Maspero, 1933 — Maspero H. La vie privée en Chine a l'époque des Han.— "Revue des Arts Asiatiques". 1933.
- Morant, 1923 — Morant G. M. A First Sindy of the Tibetan Skull.— "Biometrika". 14. 1923.
- Morant, 1924 — Morant G. M. The Study of Certain Oriental Series of Crania Including the Nepalese and Tibetan Series in the British Museum (Natural History).— "Biometrika". 16. 1924.
- Pfister, 1934 — Pfister R. Textiles de Palmyre. P., 1934.
- Ramstedt, 1937 — Ramstedt M. G. S. Über der Ursprung der turkischen Sprache. Helsinki, 1937.
- Serruys, 1959 — Serruys P. The Chinese dialects of Han time according to Fang Yen. Berkeley and Los Angeles, 1959.
- Toth, 1967 — Toth T. Some Problems in the Palaeoanthropology of Northern Mongolia.— "Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae". Vol. 19. 1967.
- Warmington, 1928 — Warmington E. H. The Commerce between the Roman Empire and India. Cambridge, 1928.
- Watson, 1972 — Watson W. The Chinese Contribution to Eastern Nomad Culture in the Pre-Han and Early Han Periods.— "World Archaeology". Vol. 4. 1972, № 2.
- Yü Ying-shih, 1967 — Yü Ying-shih. Trade and Expansion in Han China (A Study in the Structure of Sino-Barbarian Economic Relations). Berkeley and Los Angeles, 1967.

- Август 126
 Агафонов В. И. 14
 Ай-ди 197, 371
 Алдай-Мерген 60
 Александр Македонский 4, 16, 362, 364
 Антифонт 352
 Аньго 82, 274, 276
 Ань-ди 244, 372
 Аньлэ 275
 Ань Чжиминь 61
 Аньши 274, 276
 Ао 258
 Аристотель 352, 364
- Бай Яотань 68
 Бань Гу 11, 12, 64, 66, 82, 96, 144, 156, 168, 174—177, 179, 181, 192, 195, 238, 296, 354, 367, 369
 Бань Чао 129, 130
 Бацзюнь 274
 Баши 274
 Бенедикт К. 70
 Берг Л. С. 143
 Березкина Э. И. 12
 Биленстайн Г. 43, 45, 51
 Бифэй 274
 Бохай-ван 372
 Брук С. И. 3, 361
 Буи 274
 Бусинь 32
 Бухай 274, 276
- Вайнштейн С. И. 59, 60
 Ван Бао 32, 153, 284
 Ван Говэй 291
 Ван Гуань 16
 Ван Жифэн 7
 Ван Лан 24
 Ван Ман 11, 24, 32, 41, 63, 64, 81, 166, 192, 273
 Ван Сичжи 237
 Ван Сычжи 7
 Ван Сяньцзянь 12, 194
 Ван Тяо 24, 25
 Ван Фу 173
 Ван Хуэй 120
 Ван Цзе 307
- Ван Цзи 242
 Ван Цзыюань 32
 Ван Чжэньдо 214
 Ван Чун 12, 81, 82, 170, 211, 237, 242, 248, 252, 256, 258, 263—265, 268, 351, 352, 356
 Ван Годин 41
 Вань Шицзюнь 37
 Ваньнянь 274
 Ваньсуй 274
 Воробьев М. В. 112
 Вэй Ао 24, 25
 Вэй Сюаньчэн 308
 Вэй То 136
 Вэй Цин 37, 121
 Вэй Цзюньди 7
 Вэй Чжао 134
 Вэйян 274
 Вэнь 32
 Вэнь Вэн 238
 Вэнь-гун 156, 350
 Вэнь-ди 20, 21, 29, 30, 75, 112, 117, 120, 137, 138, 234, 365, 366, 371
 Вэй Сюй 82
 Вэнь Хуаньжань 144, 147, 148
 Вэнь Ю 70
 Вяткин Р. В. 254
- Гай Куаньжао 192
 Гайцзун 275
 Гань Бао 67
 Гань Ин 96
 Гаосинь 67
 Гао Тан 307
 Гао-хоу 371
 Гао-цзу 19, 20, 35, 69, 111—113, 115—119, 137, 167, 242, 352, 371
 Гинзбург В. В. 97
 Го 107
 Го Можо, 6, 116
 Гоуцзянь 68
 Го Цзюй 247
 Грумм-Гржимайло Г. Е. 63, 104, 143
 Грязнов М. П. 60
 Гуан У-ди 24, 33, 35, 123, 200, 244, 372

* В именной указатель кроме имен исторических лиц, мифологических и легендарных персонажей включены также упоминаемые в тексте древне-китайские антропонимы эпохи Хань.

Указатели составлены А. А. Берновой.

Гуандэ 275
Гуанхань 274, 276
Гуан-хэ 239
Гуанцзун 275
Гуаньцзы 306
Гуаньци-хоу 371
Гуанью Цзянь 66
Гуанчан 275
Гуанъи 275
Гумилев Л. Н. 143
Гун Ао 19
Гу Цзеган 133
Гун Сун 153, 154
Гунсунь Хун 37
Гунсунь Хэ 37, 267
Гунсунь Шу 24, 25
Гуншу Бань 203
Гэн Бин 124

Даньци 272
Дебец Г. Ф. 103, 104
Деопик Д. В. 133, 134, 139
Джарылгасинова Р. Ш. 64
Джультетта 273
Ди Фанцинь 195
Динго 274
Дао Зюй Ань 130
Доу Вань 81,
Доу Гу 129
Доу Юн 24, 25
Ду Вэнькай 7
Ду Гэцзы 354
Ду Ши 162
Думан Л. И. 7, 124
Дунго 198
Дун И 19
Дун Сянь 24, 25
Дун Чжуншу 23, 32, 307, 367, 368
Дэ-гун 254
Дянь 71

Е Гоцин 45
Еврипид 363
Ефимов Г. В. 9

Жань Чжаодэ 37
Жун 275
Жунну 275
Жу Пэй 228
Жэнь Сянь 132
Жэнь Янь 152, 241

И 260, 262
Идзун Хисаносукэ 68
Ин Бу 19
Ин Шао 35
Инши Юй 125
Инь Вэнгуй 170
Инь Шан 168
Исмагулов О. 97

Исократ 362, 363
Итс Р. Ф. 67, 74
Ишоу 274
Июйсун 132

Кайфан 275
Канасэки 84
Кау Тиен 130
Квангэгхо-ван 64
Киёно 84, 86
Кизс А. 87—90, 92, 96
Ким Чжэвон 65
Клеопатра 127
Козинцев А. Г. 101
Колани М. 69
Конфуций 23, 118, 119, 228, 256, 263,
288, 304, 305, 307—309, 365, 366,
368, 369
Крил Х. Г. 107, 129
Крюков М. В. 14
Куан Хэн 37, 307
Кумараджива 57
Кун Аньго 37
Кун Гуан 246
Кунцзы (Конфуций) 326
Кучера С. 269

Лак 139
Лаоцзы 306
Латтнмор 126
Левин М. Г. 79
Лигети Л. 58
Ли-гун 75
Ли Гуанли 353
Ли Даоюань 66, 247, 260
Ли Лин 39, 63
Ли Сянь 24, 25
Ли Сы 16, 107, 111, 115, 292, 297,
299, 306
Ли тайцзы 371
Ли Цан 153
Ли Цзи 48
Лицинь 275
Ли Чжун, 30, 32
Ли Юань 238
Лин-ди 242
Линь Сянжу 39
Линь Хуэйсян 68
Линь Юйтан 282
Линь Яохуа 10
Лиу-хоу 372
Лоу Ху 246
Ло Чанпэй 283
Лу 32
Лу Бодэ 138
Луань Бу 36
Лурье С. Я. 364
Лу Фан 24
Лу Цзя 137
Лэань-ван 372

Лэй-цзу 253
Лэчэн 275
Лю 20
Лю Ань 68, 284
Лю Ао 371
Лю Бан 19, 35, 38, 41, 82, 111, 211,
221
Лю Бао 372
Лю Би 21
Лю Бин 372
Лю Ин 371
Лю Лун 372
Лю Лян 170
Лю Се 372
Лю Си 284
Лю Синь 371
Лю Суньцзин 371
Лю Сю 24, 28, 35
Лю Сюань 371
Лю Сюнь 371
Лю Сянь 371
Лю Фолин 371
Лю Ху 372
Лю Цзин 116, 117—119
Лю Цзюй 371
Лю Ци 371
Лю Чжао 372
Лю Чэ 371
Лю Шэн 245, 246
Лю Юн 24, 25
Люй Вэньхэ 75
Люй Гуан 75
Люй-гун 242
Люй-хоу 112, 117, 119, 120, 137
Люй Цзи 242
Люй Цзя 138
Люй Чжи 371, 372
Люй Чжэньюй 116
Лян 262
Лян Дунхань 293
Лян Цзи 36
Лянцю Цзя 307
Лян Шан 245
Лянь 268
Ма Ляо 174
Мамонова Н. Н. 98, 100—102
Маодунь 112, 113, 115—117, 119, 120
Марк Аврелий Антоний 127
Маркс К. 10
Мартин 99, 100
Масперо А. 133
Ма Цзицин 247
Ма Цзюань 158
Ма Юань 69, 139
Мин-ди 193, 244, 372
Минь Чань 133
Миякэ 84
Миямото 86
Мо Ди 306

Модэ 91
Морант Дж. 96
Моцзы 263, 358
Мухлинов А. И. 133
Мэй Фу 170
Мэн Си 307
Мэн Тянь 107—110, 236
Мэнцзы 15, 209, 306, 351, 365
Не Чжэн 228
Нюйва 257, 258

Пань Гэн 304
Паньху 67
Переломов Л. С. 8, 14, 91, 109
Пифан 275
Пицзян 274
Плиний 126, 248
Помпей Трог 57
Поху 274
Пэй Инь 134
Пэн Лун 24
Пэньцзү 274, 276

Рамстедт М. 58
Ромео 273
Руденко С. И. 194

Сан Хунъян 121, 122
Саян Юй 211
Сенашкевич М. Г. 14
Серройс П. 282, 284, 286
Се Сюань 253
Сиванму 260
Симоновская Л. В. 6
Синода Тоити 208
Синь 138
Синьлин-цзюнь 172
Сиратори Куракити 58, 61
Си-цзюнь 350
Софронов М. В. 14
Сталин И. В. 9
Стейн А. 87, 92
Степугина Т. В. 6, 34, 36, 133
Су У 60
Суйчэн 274
Суй Шаоянь 262
Сун Май 82
Сунь Цзоюань 260
Сунь Ятсен 78
Сы Те 8
Сыма Ан 19
Сыма Синь 19
Сыма Сянжу 146, 147, 242, 284
Сыма Фэндэ 82
Сыма Цянь 11, 12, 18, 28, 58, 59,
66—68, 71, 82, 83, 110, 113, 119,
134—136, 138, 147, 149, 153, 163,
165, 166, 172, 176, 177, 179, 181,
197, 198, 201, 211, 221, 228, 254,
257, 264, 288, 289, 353, 363

Сыма Чжэн 134
Сычев Л. П. 194, 200
Сюань-ван 290
Сюань-ди 109, 153, 244, 267, 293,
371
Сюй Цзун 30
Сюй Чжуншу 74, 147
Сюй Шэнь 292, 296—302
Сюньцзы 16, 351
Сянжу 275
Сян Юй 20, 82, 111, 113
Сянь-ди 203, 242, 372
Сяошу 32
Сяхоу Цзянь 307
Сяхоу Шэн 307

Такигава Камэтаро 11
Тангун 65
Тань 368
Тань Шикуйай 62
Таскин В. С. 115, 254, 367
Терехова Н. Н. 46
Тиберий 127
Токарев С. А. 5, 33, 36, 358
Тот Т. 102
Тоумань 112
Тронский И. М. 287
Трофимова Т. А. 97, 98
Тубо 260
Ту Цзюй 132—134
Турчак Т. В. 14
Туньтухэ 124
Тянь 32, 37
Тянь Ань 19
Тянь Вэнь 264
Тянь Ду 19
Тянь Хэ 307
Тянь Ши 19

У Ган 26
У Гуан 18, 116
У-ди 20—23, 26, 27, 32, 34, 35, 37,
67, 71, 91, 111, 116, 117, 120—122,
128, 129, 138, 142, 155, 164, 167,
249, 267, 307, 350, 353, 355, 359,
368, 369, 371
У Жуй 19, 260
Улин-ван 198
Ухай 274
Ушан 274

Фансян 256
Фань Вэньлань 9, 11
Фань Е 11, 12, 62, 66, 67, 129, 353
Фань Куай 119, 205, 211
Фань Лицзя 354
Фань Шэнчжи 250, 263, 264
Фессен-Хеньес И. 14
Филлип Македонский 16, 362
Фу Цзянь 75
Фучан 275

Фу Шэн 307
Фуси 257, 258
Фэн Сюань 187
Фэндэ 275
Фэн Ханьцзи 71, 73, 83
Фэнцинь 275
Фэн Чанфэн 254
Фэнши 274
Хан-Хулюг 60
Хань Аньго 120
Хань Гуан 19
Хань Ин 307
Хань Синь 113, 117, 170, 172
Хань Фэй 336
Хаяси Минао 14, 205, 208
Хо Гуан 82, 121
Хо Цюйбин 37
Хоу Ин 172
Хоу Чан 372
Ху Гуаньцин 292
Хуан Вэньби 109
Хуан-лун 274
Хуан-чу 260
Хуань Куань 121, 166
Хуань-ди 372, 442
Хуму Шэн 307
Хуханье 122
Хуэй-ди 112, 117, 166, 371
Хэ-ди 130, 244, 253, 372
Хэ Фан 247

Цай И 37
Цай Лунь 234, 236
Цан Ту 19
Цао Чжи 239
Цзедутин-хоу 372
Цзи Ань 34
Цзи Бу 119
Цзибэй-ван 372
Цзин Дань 201
Цзин-ди 21, 112, 117, 156, 172, 212,
245, 371
Цзи Дуньюй 209
Цзо Сы 147
Цзывэй 274
Цзя И 20, 21, 196, 308
Цзя Куй 300
Цзя Сысе 151
Цзя Шэн 82
Цзян Тун 55, 66
Цзянь Боцзань 6, 7
Цзяньго 274
Цзяньдэ 275
Цзянь Чжан Чжунши 82
Ци Цичжан 7
Цин Бу 136
Цинхэ-ван 372
Цинь Фэн 24, 25
Цинь Шихуан 13, 16—18, 22, 23, 27,

38, 77—84, 106, 110, 111, 113, 131,
134, 136, 142, 198, 199, 292, 355,
359, 361, 370

Цуй Ай 238
Цуй Шн 252, 254
Цэцзянь-ван 372
Цю 308
Цяньцю 274, 276
Цяньчэн-ван 372
Цяо Чжунцин 243

Чанлэ 275
Чан Хуэй 37
Чанцин 275
Чанън 248
Чао Цо 21, 128, 182, 349, 369
Чарлворс 21, 128, 172, 349, 360
Чебоксаров Н. Н. 3, 14, 361
Чжан Бу 24, 25
Чжан Бяо 146
Чжан Гуаньин 9
Чжан-ди 126, 244, 372
Чжан Лян 83
Чжан Тан 82
Чжан Хань 19
Чжан Хуань 264
Чжан Хэншоу 8
Чжан Цзин 252
Чжан Цянь 56, 71, 73, 91, 97, 128,
129, 155
Чжан Шичжи 197, 198
Чжан Шоуцзе 134
Чжан Эр 19
Чжан Юй 170, 172
Чжан Янь 262
Чжао 237
Чжао Гао 292
Чжао То 69, 132, 133, 135, 136, 138,
221, 351—353
Чжао-гун 83
Чжао-ди 121, 371
Чжао Синь 138
Чжао Цзи 288
Чжао Цзы 262
Чжао Ци 203
Чжао Чунго 26, 349
Чжи-ди 372
Чжичжи 122
Чжо Вэньцзюнь 242
Чжоу Бо 157
Чжоу Гун 305
Чжоу Цин 236, 238
Чжоу Цзумо 282
Чжоу Яфу 212
Чжуан-ван 71, 350
Чжу Аньши 267
Чжу Бо 192
Чжу Кэчжэнь 148, 350
Чжуан Гун 288

Чжуанцзы 306
Чжуан Цяо 71
Чжуго 274
Чжугэ Цзин 247
Чжунгу 275
Чжунгэнь 275
Чжунхан Юэ 349—350
Чжуншань-ван 371
Чжуфу Янь 21, 37, 173
Чжэн Сюань 171, 204, 208, 209

Чжэн Цзяншэн 247
Чжэн Чжун 296
Чжэн Чун 195
Членова Н. Л. 63
Чоу 273
Чумон (Чхумо-ван) 64
Чу-ван 371
Чунго 274, 276
Чун-ди 372
Чхве Вонхи 65
Чынг Ни 139, 140
Чынг Чак 139, 140
Чэн-ди 167, 244, 255, 371
Чэнши 273
Чэн Тан 304
Чэн Цзин 113
Чэнь Пин 242
Чэнь Чжи 170, 273
Чэнь Шэн 18, 116
Чэньэ 260

Шан Бинхэ 195
Шан Юэ 115
Шан Ян 28, 336
Шан-ди 35, 372
Шао-ди 372
Ши Дань 32
Шиху 237
Шихуан 107, 108, 110, 112, 121, 132,
133, 135, 371

Шихуанди см. Цинь Шихуан
Шичан 275
Ши Чжоу 290
Ши Чоу 307
Шнитников А. В. 143
Шунь 257
Шунь-ди 372
Шэн 32
Шэнчжи 274, 276
Шэньнунь 253
Шэнь Пэйгун 307
Шэньцзюэ 31
Шэнь Ян 19

Эберхард В. 112, 115, 200
Энгельс Ф. 10
Эр Куань 37

Эратосфен 352
Эршихуан 18

Юань Гу 307
Юань Гушэн 307
Юань-ди 371
Юаньцзянь 75, 76
Юй 257, 267, 268, 304, 363, 368
Юй Вэйчао 170
Юн-юань 238
Юэчжэнь 32

Ян Вэйли 7
Ян Пу 138
Ян Сюн 27, 254, 282—284
Ян Хуэй 32
Яньнянь 274, 276
Янь Шигу 354
Яньшоу 274—276
Яо 257, 304
Ярхо 78, 104

- Абакан 63
 Азия 339
 — Восточная 57, 61, 65, 76, 79, 84, 87, 356
 — Средняя 80, 87, 91, 93, 96—98, 103, 104, 125, 126, 203, 232, 354
 — Центральная 102, 143, 356
 — Южная 90
 Алтай 57, 98, 104
 Амударья 98
 Аньдин 177, 180
 Аньи 153
 Аньнань 134
 Аньси 90
 Аньхой 17—19, 24, 48, 49, 51, 111, 130, 166, 282
 Аньцю (Шаньдун) 151
 Аньчжили 31
 Аньян 227
 Аравия 26
 Аральское море 107
 Аулак 69, 131—133, 136, 139
 Афины 32
- Ба 17, 33, 48, 52, 177, 179, 180, 253, 356
 Байдэнь 116, 119
 Байкал 62, 113
 Бактрия 57, 91
 Баоседао 52
 Берлин 14
 Бинчжоу 42, 76
 Бохай 154, 177
 Бохайский залив 44
 Бучжоу 258
 Бэй 180
 Бэйди 17, 54, 177, 180
 Бэйцзя 108
- Вань 166, 178
 Вань (II) 178
 Ваньцю 166
 Внутренняя Монголия 108, 143, 160
 Восточное море 174
 Восточно-Китайское море 284
 Восток Ближний 125
 Восток Дальний 115
 Вьет 130
 Вьетнам 23, 52, 133, 140
 Вьетнам Северный 69
 Вэй 15, 17, 26, 27, 168, 175, 177, 178, 180, 181, 282, 286
- Вэй, царство III в. 282, 286
 Вэйлянгун 167
 Вэйхэ 50, 54, 75, 165
 Вэньсянь 163
 Вэнь 165, 166
- Ганьсу 17, 23, 24, 49, 51, 56, 74, 76, 91, 110, 121, 127, 151, 156, 182, 212
 Ганьцзян 52
 Ганьчжоу 57
 Гаоцзе 108
 Го 344
 Гоби 121, 122
 Греция 334
 Гуандун 23, 48, 49, 51, 52, 54, 69, 131, 133, 139, 146, 152, 165, 179, 218, 254
 Гуанлин 177
 Гуанси 48, 49, 69, 133, 139
 Гуанхань 52, 163, 177, 180, 238, 239, 253
 Гуанчжоу 138, 139, 166, 181, 217
 Гуаньчжун 340
 Гуанъян 179
 Гуйлин 133, 134, 136
 Гуйсян 139
 Гуйсянь 69
 Гуйцзы 129
 Гуйчжоу 50—52, 69, 152
 Гуйян 177
 Гумо 129
 Гундун 165
- Давань 96, 353
 Дай 17, 19, 63, 177
 Дайцзюнь 282
 Далин 178
 Далян 172
 Дан 17
 Даньэр 139
 Даньян 177
 Датун 110
 Дахэ 27
 Дацзэ 18
 Джунгарские ворота 91
 Ди 19
 Динсян 177, 178, 246
 Дун 17, 27, 177, 343
 Дунлай 177, 178

- Дунмоу 178
 Дунпин 177—179
 Дунтинху 45, 66, 130
 Дунхай 177, 178
 Дуньхуан 56, 91, 177, 234
 Дунъу 178
 Дусян 178
 Дянь 71
- Е 45
 Евразия 58, 143
 Европа 5, 90, 91, 104, 109
 Египет 339
 Елан 71
 Енань 139
 Енисей 102, 103
- Желтое море 44
 Жинань 134, 139, 177, 356
 Жуань 177
 Жуй 175
 Жунань 28, 177, 178
 Жушуй 282
 Жяоти 136
- Забайкалье 99, 100—102
 Западное море 174
 Западный край 56, 128—130
- И 175, 176, 331
 Иань 139
 Израиль 5
 Ин, город 175
 Ин, канал 175
 Инань 59, 225, 227
 Индия 9, 126
 Индокитай 130, 131
 Инпань 87, 90, 92, 96
 Инцзы 130
 Инчуань 17, 27, 28, 82, 177, 178, 180
 Иншуй 282
 Инь 19, 291, 358, 360, 364—366
 Иньшань 108
 Инъян 66, 166
 Ирак 127
 Иран 127
 Иртыш 62
 Ицюй 333
 Ичжоу 33, 42, 74
 Ишань 175
- Казахстан 93, 96, 97, 102
 Кам 96
 Канцзюй 96
 Каспийское море 107
 Кашгар 91, 125
 Киргизия 93—95
 Китай 4, 6, 8, 9, 11—13, 29, 33, 34,
 45, 69, 76, 78, 80, 83, 86, 87, 91,
 106—108, 111—113, 115—119, 121,
 122, 124—126, 128, 131, 136—139,
 148, 152, 154—156, 175, 194, 195,
 203, 209, 228, 233, 234, 237, 282,
 283, 285, 290—292, 302—306, 355,
 357, 364, 368, 369
 — Южный 80
 — Северный 79, 80, 90
 Корейский п-ов 23, 64, 346
 Корея 24, 86, 87, 282
 Красная река 69, 131
 Куайпэн 177
 Куайцзи 17, 45, 175
 Куня-Уаз 98
 Куча 57, 125
- Лай 176
 Ланьтянь 178
 Ланья 17, 177, 178, 337
 Ливия 339
 Лингучэн 178
 Линлин 54, 177
 Линь 178
 Линьтао 110
 Линьтун 77, 80, 81
 Линьтунь 64
 Линьфэнь 165
 Линьхуай 177, 178
 Линьлэ 108
 Линьцзы 156, 166, 170, 173, 178
 Линьцзян 19
 Линьцюн 178
 Литовское великое княжество 4
 Лицзян 282
 Лицюань 151
 Личэн 178, 247
 Ло 175
 Лобнор 57, 109
 Лолан 64, 174, 180, 344, 356
 Лоулань 87, 90, 92
 Лошуй 282
 Лоян 24, 27, 28, 51, 54, 83, 147, 149,
 166, 170, 173, 178, 203, 208, 209,
 214, 219, 240, 255
 Лу 154, 175—177, 179, 282, 286, 304,
 306, 307, 310, 332, 340
 Лу, город 340
 Лу, царство 154, 177, 282, 286, 304,
 305, 307, 310, 332
 Лулян 134
 Лунлюй 178
 Лунси 17, 177, 180
 Лунсянь 151
 Лунчуань 69, 135
 Луцзян 67, 152, 177, 178
 Лэчэн 275
 Люшуй 132
 Льюйшунь 84
 Люэян 75
 Лян 27, 177

- Лянчжоу 33, 42
 Ляньбай 170
 Ляодун 19, 51, 54, 61, 177, 178, 180, 344
 Ляодунский п-ов 17, 62, 84, 282
 Ляонин 17, 282
 Ляоси 17, 177
 Ляохэ 113

 Мавандуй 13, 14, 39, 40, 82, 154, 155, 189, 190, 192, 193, 196, 197, 200, 204, 206—211, 220, 221, 226, 229, 232, 245, 246, 257—260, 266
 Маньчжурия 64, 85, 86
 Маньчэн 245
 Маолин 29
 Мелни 139
 Минусинская котловина 59, 63, 102, 103
 Миньсян 110
 Миньфэн 59
 Миньхоу 48, 83
 Миньцзян 51, 52, 68
 Миньчжун 17, 133
 Монголия 60, 91, 98, 102, 103
 Монголия Северная 59
 МНР 98, 102
 Москва 14
 Мэнь 66

 Нань 17, 54, 177, 337, 338
 Наньгучэн 178
 Наньнин 69
 Наньпу 137
 Наньхай 69, 133—136, 138, 177, 351
 Наньчжун 74
 Наньшань 57
 Наньшаньли 84, 86, 87
 Наньян 17, 27, 28, 162, 166, 170, 177, 178, 180, 247, 252, 342, 343
 Нинчэн 168, 169
 Ний 87, 92
 Нонн-Ула 58, 59, 194
 Ньят-нам 136
 Нэйши 117

 Ордос 121, 144, 348
 Оуцзян 282

 Памир 90, 125, 127
 Паньюй 132, 138, 166
 Парфия 3, 23, 57, 91, 126, 233
 Пекин 7, 165, 227
 Персия 90
 Персидский залив 96
 Пингань 27
 Пинго 178
 Пинли 31, 262
 Пинлин 29, 32

 Пинши 178
 Пинъюань 177
 Пинъян 165, 170, 178
 Пиши 178
 Пс, канал 175
 Поднебесная 18, 20, 21, 179, 292, 327, 328, 336, 339, 341, 346, 365—367
 Польша 4
 Поянху 132
 Приаралье 93—95
 Прибайкалье 102
 Пулай 176
 Путянь 175
 Пуу 178
 Пэй 75, 177, 178
 Пэйсянь 284
 Пэнчэн 179

 Рим 3, 23, 127, 128
 Римская империя 9, 126
 Русь 4

 Сай 19
 Саньцзян 175
 Саньчуань 17, 166
 Се 17
 Северное море 174
 Северное Пуё 64
 Семиречье 93—95, 97, 102
 Сиань 59, 60, 210
 Сибирь Южная 80, 91, 102, 104
 Синьцзян 59, 87, 91, 96, 103, 109, 113
 Синьян 227, 229, 236, 239
 Синьи 156
 Сирия 127
 Сихэ 17, 168, 177, 180
 Сицзян 130
 Сиюй 125
 Сиян 176
 Социалистическая Республика Вьетнам 135
 Среднекитайская равнина 16, 26, 39, 50, 55, 63, 64, 66, 144—146, 148, 149, 161, 165, 221, 352
 СССР 98
 Суйдэ 83
 Суйян 166
 Сун 177, 181, 282, 286
 Сучжоу 166
 Сы 175
 Сыли 42
 Сычуань 24, 33, 48, 49, 51, 52, 55, 74, 118, 146, 147, 163, 164, 170, 238, 284, 323
 Сышуй 17, 177, 340
 Сюаньпу 175
 Сюаньту 64, 174, 180, 344

- Сюйчжоу 33, 42, 282
 Сюн 66
 Сян 133—136
 Сянцзян 282
 Сяньян 18, 39, 41, 110, 151
- Тапланд Северный 67
 Тайе 175
 Тайшань 177
 Тайюань 177, 180
 Такламакан 87, 90
 Тан 209
 Таньчэн 132
 Тао 166
 Тарим 87, 91—96, 125, 127
 Таштык 99, 101, 104
 Тува 98
 Туркестан Восточный 127
 Турфан 87, 92, 96
 Тянь-Шань 57, 97, 98, 102, 125
 Тяньшуй 177, 180
- У, город 166
 У, р. 66
 У, царство III в. 17, 21, 26, 83, 130, 170, 177, 181, 282, 286, 343
 Уань 178
 Увэй 150, 177, 180, 235, 236, 238, 264
 Уду 163, 177, 180
 Улан-Батор 102
 Улин 54, 66, 67, 177
 Уфэн 293
 Уху 175
 Ухуань 60—62
 Учжоу 69
 Учэн 168
 Уюань 177
- Фаньчжэнь 64
 Фаньян 168, 170
 Фергана 91, 107, 128, 129, 151, 353, 354
 Фулигун 148
 Фуфэн 177
 Фуцзянь 45, 48, 49, 68, 83, 131, 282
 Фучжоу 45
 Фэнхуаншань 82, 196, 237, 238, 240, 260
 Фэнь 176
 Фэньхэ 284
 Чэньян 177
- Хай 286
 Хайдай 282, 286
 Хайнань 69, 139
 Хами (Иволу) 125
 Хань 122, 123, 129, 138, 142, 151—153, 161, 162, 171, 172, 175—181, 184—186, 200, 202, 203, 209, 214, 219, 231, 238, 240, 272, 281, 285—288, 292, 299, 309, 314—317, 321, 323, 324, 326, 336, 340, 345, 348—351, 354, 357, 359, 364—366, 371, 372
 Хань (II) 19
 Ханьгугуань 285, 286, 357
 Ханьдань 17, 165, 166, 180, 353
 Ханьчжун 17, 52, 178, 253
 Ханьшуй 52, 282
 Харашар (Яньтин) 125
 Хорингэр 61, 168
 Хотан (Юйтянь) 125
 Хошань 176
 Хуай 175
 Хуайбэй 153
 Хуайинь 170
 Хуайнань 68, 342
 Хуайхэ 147, 282, 286, 340
 Хуайян 166, 170
 Хуандун 139
 Хуанхэ 44, 55, 76, 80, 91, 105, 106, 108, 110, 141, 145—149, 152, 154, 166, 175, 176, 180, 181, 286, 287, 297, 355, 357, 359
 Хуашань 175
 Хубэй 13, 17, 19, 45, 49, 51, 52, 146, 166, 196, 282
 Хунань 13, 17, 40, 48, 49, 51, 52, 54, 66, 132, 147, 282
 Хунмэнь 205, 207
 Хуннун 177, 178, 345
 Хучи 176
 Хэби 151
 Хэбэй 17, 19, 24, 51, 110, 137, 160, 165, 179, 201, 233, 245, 246, 282
 Хэдун 17, 177, 178, 254
 Хэнань 17, 19, 49, 51, 52, 67, 160, 165, 166, 177, 178, 282, 284, 342, 355
 Хэнаньди 108
 Хэнэй 163, 177, 178, 238
 Хэншань 19, 175, 176, 342
 Хэпу 139, 177
 Хэпэй 139
 Хэтао 108
 Хэфэй 166
 Хэцзянь 177
- Цаньу 139, 177
 Цао 166
 Цзи, город 166, 179
 Цзи, округ 180, 258
 Цзибэй 19
 Цзинь 27, 177
 Цзин 175
 Цзинань 177, 178, 226, 307
 Цзинчжао 177

- Цзинчжаоинь 27, 178
 Пзинчжоу 282
 Цзинь 273, 285, 286, 357
 Цзиньчэн 26, 177
 Цзитао 27
 Цзичжоу 42, 175, 176
 Цзишуй 153
 Цзиюань 165
 Цзоу 340
 Цзофэньи 178
 Цзы 175, 176
 Цзычжун 153
 Цзычуань 177, 307
 Цзюй 179
 Цзюйлу 17, 27, 177
 Цзюцзян 7, 19, 177
 Цзюйцюй 175
 Цзюйянь 13, 185, 187, 190, 200, 234, 236
 Цзюншань 132
 Цзюцюань 51, 177
 Цзючжэнь 139, 177
 Цзючэн 139
 Цзююань 17, 18, 106, 110
 Цзягугуань 207, 209, 231
 Цзялинцзян 52
 Цзян (Янцзы) 175, 178
 Цзяндун 17
 Цзяндин 13, 37, 147, 153, 166, 229, 233, 237, 240, 262
 Цзяннань 149
 Цзянси 49, 51, 52, 130, 132, 177
 Цзянсу 17, 19, 24, 49, 51, 146, 151, 160, 166, 178, 282, 311
 Цзянхуа 132
 Цзяньвэй 180
 Цзяодун 19, 179
 Цзяочжи 51, 139, 177
 Цзяочжоу 42, 51
 Ци 15—17, 19, 64, 149, 151, 154, 177, 178, 180, 282, 285, 307, 316, 324, 342, 343
 Цинхай 76
 Цинхэ 177
 Цинчжоу 33, 42, 175, 284
 Цинь 3, 6, 8, 9, 11, 13, 15, 16, 19, 26, 28, 29, 33, 38, 39, 52, 74—76, 80, 102, 105, 106, 108, 111, 112, 127, 131—137, 142, 149, 153, 172, 177, 180, 285, 286, 290, 291, 323—326, 336, 343, 344, 354, 355, 357, 363—366, 369
 Циньлин 52, 147
 Циньхуа 139
 Цукумо 85, 86
 Цуйи 176
 Цюаньшань 68
 Цяньчжун 17
 Цяньчэн 177, 178
 Цяньвэй 177
 Ча 175
 Чанлин 29
 Чанлэгун 166
 Чанша 13, 17, 39, 54, 67, 147, 151, 152, 177, 189, 195, 229, 233, 236, 238, 260
 Чаншань 19, 177, 178
 Чангъань 24, 26, 45, 54, 121, 128, 134, 145—147, 151, 165—168, 170, 172—174, 239, 267, 286, 323, 345, 353
 Чаосянь 64
 Черемуховая падь 102
 Чешн Задний 129
 Чешн Передний 129
 Чжалайнор 61
 Чжан 17, 176
 Чжаньго 17, 38, 39, 286—291, 303, 324, 348
 Чжанън 27, 177
 Чжао 15, 17, 27, 39, 106, 108, 177, 180, 197, 226, 280, 282, 285, 334, 343
 Чжи 165, 166
 Чжичжи 122
 Чжо 177, 178
 Чжоу 177, 180, 278, 285—288, 291, 295, 299, 300, 316, 344, 356, 358, 360, 365, 366, 368
 Чжуляй 139
 Чжун 180
 Чжунго 76, 346
 Чжунмоу 151
 Чжуннаньшань 239
 Чжуншань 177, 179, 180, 245
 Чжэн 178—180, 197, 226, 285, 286
 Чжэндин 137, 177
 Чжэнчжоу 178
 Чжэцзян 19, 45, 51, 68, 130
 Чишань 62
 Чосон 64, 65, 174
 Чу 15, 17, 18, 68, 83, 130, 149, 174, 179, 181, 282, 285, 286, 291, 292, 331, 332, 338, 340, 343, 355
 Чу Западное 19
 Чунгбо 133
 Чэнду 156, 163, 166, 238
 Чэнь, царство 166, 178, 180, 282, 285
 Чэнь, р. 66
 Чэньлю 27, 177
 Чэньян 179
 Чэчжудо 61
 Шан 17, 168, 177
 Шангу 17, 54, 168, 177, 180
 Шанцю 166
 Шандан 177, 180
 Шаньдун 17, 24, 49, 51, 65, 151, 158, 160, 178, 182, 210—212, 225, 226, 247, 282

- Шаньлиньюань 146—148
 Шаньси 17, 49—51, 63, 121, 151, 160,
 165, 182, 282
 Шаньян 177, 178
 Шаогоу 203
 Шаоюйци 176
 Шароосогол 144
 Ши 176, 180
 Шичжайшань 71—73
 Шинян 262
 Шоу 166
 Шоучунь 166
 Шофан 54, 121, 345
 Шу, канал 175
 Шу, округ 33, 52, 147, 163, 177—180,
 235, 253, 284
 Шу, царство III в. 26, 48, 348
 Шэнь 175
 Шэньду 71
- Шэньси 17, 49, 76, 77, 83, 156, 160,
 178, 182, 282, 343
- Эллада 4
- Ю 66
 Юаньцзян 282
 Юаньшуй 66
 Юбэйпин 17, 54, 177, 178
 Юго-Восточная Азия 67, 73, 356
 Южное море 174
 Юй 166
 Юйванчэн 178
 Юйгань 132
 Юйганьшуй 132
 Юйлин 139
 Юйлинь 51
- Юймынь 125
 Юйчжан 177
 Юйчжоу 42, 175
 Юйчжун 110
 Юйшань 175
 Юйян 17, 177, 178
 Юлинь 177, 356
 Юн 19, 178
 Юнчжоу 175
 Юньмэн 13, 175
 Юньнань 46, 48, 49, 51, 71, 112
 Юньчжун 17, 110, 177, 180
 Юньян 110
 Юфуфэн 178
 Ючжи 178
 Ючжоу 42, 176
 Юэ 83, 181, 282, 286, 331, 340, 343
 Юэси 180, 356
 Юэшань 175, 353
- Ян 165, 286
 Янди 166
 Янцзы 44, 52, 68, 130, 147, 151, 161,
 179, 181, 201, 265, 282, 284, 286,
 297, 340
 Янчжоу 42, 175, 282
 Янь 15, 19, 64, 106, 108, 153, 165, 166,
 170, 177, 180, 282, 307, 332, 343,
 355
 Яньгуань 125
 Яньмэнь 17, 54, 177
 Яньти (Харшар) 129
 Яньчжоу 175
 Яньъюй 176
 Япония 85, 87
 Яркенд (Согуй) 125

УКАЗАТЕЛЬ ЭТНИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- алтайские народы 91
англичане 89
ассирийцы 4
ба 74
байюэ (бать вьет) 67, 131
балты 4
баньшунь мань 74
боди 351
вавилоняне 4, 334
вьетнамцы 130, 131, 134, 135
вьеты 131, 134, 136, 139
вэймо 64
гоули 64
греки, эллины 334, 354, 363
гунны 91, 116
да юэчжи (массагеты) 57, 113
ди 19, 74, 75, 351, 365
динлины 62, 63, 102, 112, 113
дунъюэ 68
дянь (дяньцы) 71, 73, 83, 84
египтяне 334
жуны 64
и 331
ицзу 74
кидане 61
киргизы 112, 113
китайцы 116, 121, 135
китайцы древние 3, 4, 9, 11, 14, 16,
23, 36, 47, 48, 52, 64—66, 68, 78—
80, 82, 91, 96, 105—107, 111—113,
125, 129, 137, 141, 146, 232, 353
когурё (когуресцы) 64—66
корейцы 79
куньмин 73
кушаны 57
лаквьеты 69, 132, 133, 136
лююэ 69
македоняне 364
мань 54, 66, 67
миньюэ 45, 68, 83
мяо 67
нага 70
намвьет 133, 134, 137—139
наньюэ (оуло) 68—71, 132, 136, 221
оюэ 68, 69
панджабцы 89
персы 364
пуё (фуюй) 64
русские 4
саки 97
сарматы 57
скифы 99—101
сюнну 34, 37, 39, 54, 55, 57—63, 67,
76, 99—108, 110, 116—125, 128,
129, 185, 345, 354, 363, 365—367,
369
сяньби 54, 60—62, 76
сяо юэчжи 57
тагарцы 99—102, 104
тангуты 76
тибетцы 92, 96
тохары 57
тувинцы 60
у 335
усуни 56, 57, 62, 67, 102, 125, 129
финикийцы 334
финны 4
фуюй 62
ханьцы 34, 51, 76, 83, 116
ху 354
хуася 55, 56, 353, 355, 360, 362,
363, 365, 369
хэ 331
хягасы 63
цзяо чжи (жяо ти) 130
цинь 353, 354
цян 55, 74, 76, 351, 368
чжунго жэнь 353, 354
чжурчжэни 112
ши 368
шу 74
шумеры 89
эллины см. греки
юйкюэ 331
юэ 67—71, 83, 133, 148
юэсцы (вьетнамцы) 116
юэчжи 56, 57, 97
яо 67
японцы 79

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- австралоидно-монголоидные расы 78, 80, 82, 84
андроновский тип 97, 102
арбалет 107, 108, 132, 302
ассимиляция 54, 55
брахикрания 86
бушоу 301
ван 19—21, 136, 272, 337, 342, 344
Ванли чанчэн (Великая китайская стена) 18, 23, 108—110
Великий шелковый путь 87, 91, 92, 106, 125—128
военные поселения 110, 111, 121, 136, 142
восточноазиатская (дальневосточная) раса 80, 86, 98
вэйшу 313
«вэньсюэ» (знаток писаний) 122
горизонтальная профилировка лица 78
грацильность 86, 92
гувэнь 291
гудухоу 124
дачуань 290, 292, 295, 299, 314
дзэмон 87
долихокрания 86, 92
европеоидные расы 78, 88, 90, 91, 96—98
жилище китайцев 54, 212—221
— сюнну 59
— юэ 69, 70
иньян цзя 325
«Ицзин» 304, 307—309, 311, 316
кайшу 295
календарь 248—251
куанцао 295
культура земледельческая 57, 64, 65, 74, 105, 148—164
— кочевая 57—63, 76, 106
кэфу 293
левират 62, 76, 350
ли (община) 135
ли (мера длины) 166
«Лицзин» 305, 308, 309—311, 331
лишу 292, 293, 295, 299
«Луньхэн» 12, 351
«Луньюй» 310, 316, 328
«Люйши чуньцю» 146, 149, 332, 333
мезобрахикрания 92
мезориния 84, 86, 92, 98
мезоортогнатность 84
метисация межрасовая 82, 84, 90, 92, 96—98, 102, 103
мифы о сотворении мира 257—260
монголоиды восточные 80, 81, 84, 86, 87, 90, 91, 98
— континентальные 92, 97, 98, 102
— тихоокеанские 77, 80, 92, 98, 102
— южные 78, 80, 81, 92
муюн 293
негры 89, 90
новое письмо 312, 313
носовой указатель 84, 85, 101
обряды
 свадьба 241—244
 похороны 244—248
одежда дяньцев 73
— китайцев 185—200
— когурёсцев 65
— маней (наньманей) 67
— оуюэ 335
— сюнну 58—59, 347
— у 335
ойкумена 344, 366
орбитный указатель 84, 85, 95, 101, 104
«Пань си нянь» 314
понятие о счастье 268—273
поперечно-продольный указатель 86
популяция 80, 102
праздники
 ла (новогодние праздники) 255—256
 начало весны 251—253
 фу жи (летний праздник) 253—254
 цу фэнь (середина осени) 254—255
 шестиве но (новогодние праздники) 256—257
прогнатизм 84
прогнатизм альвеолярный 89, 92
прохеймия 77, 81
рабство 29, 31—37, 134
«Сань фу хуанту» 147, 148
«Сань цан» 292, 314
североазиатский тип 98
сёнохата (культура) 87
синшу 295
скифская эпоха 98
скуловые дуги 88, 92

- «с помощью варваров уничтожить варваров» 123, 124, 140, 349, 369
старое письмо 312, 313
«Сюаньцзуань пянь» 314, 316
«Сюаньцзы» 174
сяо вэй (должность) 129
сяо сюэ 315, 316
«Сяоцзин» 308, 310
сяочжуань 292, 293, 299
тагарская культура 63, 102
тайхоу 138
«Тайци» 316
таштыкская культура 63, 102
тип Среднеазиатского междуречья 97
«Фаньцзян пянь» 314
«Фаньянь» 12, 279, 283, 285, 286, 323, 324
фу жи 253—254
фу лао 135
хамэриния 84, 92
ханьсюэма (кони «потешные кровью») 106, 107, 128, 129
Хань Восточная (Поздняя) 125, 299
«Ханьшу» 11, 37, 41, 163, 174, 175, 234, 254, 310, 316, 317, 319, 345—347, 352
хоу 19, 21, 29, 272
«Хоуханьшу» 11, 12, 34, 41, 57, 62, 66, 67, 74, 82, 83, 246, 252, 255
«Хуайнаньцзы» 12, 131, 258, 332, 350, 351
«хэ цинь юэ» (договоры о мире, основанные на родстве) 115—119, 123, 348, 363, 366, 367, 369
«Цан цзе пянь» 292, 314, 316
цань ши — «постепенно поедать [чужую территорию] как шелковиный червь листья» 111, 135
цаошу 294, 295
центральноазиатский тип 87, 98
«Цзи цю пянь» 314, 315
«Цзочжуань» 156, 305, 311, 312, 319
цзюнь 133
«Цилюэ» 310, 323
цунь 81, 82, 192, 220, 234
чжай 215—218
чжан 81, 82, 160, 165, 166, 247
чжан ли 135
чжанцзао 295
«Чжаньгоцэ» 306, 334, 336
«Чжоули» 296
чжуань 293
чжун го 344—347, 352, 353
чжун го жэнь 344, 352, 353
чжухоу 138, 344
чжэн ду 316
чи (мера длины) 81, 82, 129, 160, 220, 221, 234
«Чуньцю» 305, 307—309, 369
чуншу 293
«Шаншу» 356
шаньбуй 112, 117, 118, 120, 122, 167, 349, 367
«Шесть категорий» китайского письма 296—299
«Шимин» 12, 160, 185, 192, 194, 198, 203, 207, 231, 284, 325
«Ши Чжоу пянь» 290—292, 314
«шигу вэнь» 291
«Шицзин» 146, 149, 158, 222, 285, 289, 305, 307—310, 319, 356
«Шовэнь цзецзы» 12, 147, 203, 291, 292, 296, 299—302, 318, 320, 322, 323, 325
«Шуцзин» 269, 304, 307, 309—311
шушу 293
эпикантус 77—79, 81
«Эрья» 319—321, 325
этническая общность 3—4, 10, 11, 16, 36, 38, 56, 64, 96, 97, 140, 142, 143, 146, 326, 352, 355, 358, 359
этническое самосознание 16, 337, 352, 354, 363, 364
этнополитическая общность 3, 4, 350, 351
этнос 10, 11, 36, 56, 76, 80, 83, 91, 112, 116, 307, 326, 344, 355—358, 360
«Юаньли пянь» 292, 314
«Юэцзин» 305, 309
яён (культура) 87
язык
диалекты 278, 281—289, 323, 324, 357
общий 285—289, 357
письменный 278—281, 283, 287—325, 357
разговорный 278, 281—289, 357
«Яньтелунь» 142, 150, 152, 163, 166, 173, 234, 244, 345
«Яньцзы чуньцю» 147

SUMMARY

This monograph is the second part of a research work on the ethnical history of the Chinese; it represents a direct continuation of the book *The Ancient Chinese: Problems of Ethnogenesis* by M. V. Kryukov, M. V. Sofronov and N. N. Cheboksarov (Moscow, 1978) and deals with the times of the first centralised ancient Chinese empires of Chin and Han (IIIrd century B. C.—IIIrd century A. D.).

The IIIrd—IInd centuries B. C. were noted as a period of intensified processes of ethnical integration on the territories of the former seven kingdoms, united in 221 B. C. into a centralised state. However, the wars of conquest of Chin Shihuang and Han Wu-ti made the ethnical situation much more complicated. These wars resulted in new territorial expansion and highly intensified contacts between the ancient Chinese population and the neighbouring peoples of Eastern, South-East and Central Asia. Some of those peoples speaking the Altai, Austroasian, Austronesian, Tibeto-Burmese and Indo-European languages were forcibly incorporated as inhabitants of the Han Empire.

The changes in the economic system and culture of the ancient Chinese, changes traced from the IIIrd century B. C. through the IIIrd century A. D., can in part be explained by adaptation to the new and unusual conditions of the ecological medium. By that time substantial changes had occurred in the climatic and natural conditions of the territory initially inhabited by the ancient Chinese. Besides, the expansion of the empire and the numerous instances of moving individual groups of the ancient Chinese population into the newly-added areas also invariably led to the transformation of certain features of its traditional culture.

Alongside with these developments, many qualitative characteristics of the ancient Chinese ethnos underwent change in that epoch, since when assimilating the neighbouring ethnic groups the ethnos itself was bound to adopt certain features of their culture and everyday life. It's hardly by chance that when describing the main regional groups of the ancient Chinese population, Pan Ku in a number of instances explains the specific features of their culture as resulting from influence on the part of the "barbarians".

Owing to various concrete historic reasons the trend of inte-

grating and consolidating the ancient Chinese ethnos was the determining factor of its history in the period examined. However, consolidation did not in any way mean full ethno-cultural unification. Besides the dominating features traced at all levels of the general ethnical specificity of the ancient Chinese, one can also clearly trace in the Chin-Han epoch numerous local subdivisions of the ancient ethnos with distinctive features in the economy, the material and spiritual culture, the language and customs.

At the same time one can note the dispersity of those local "micro-ethnical" subdivisions, in most cases inherited from the preceding historical epoch. Although the ethnical processes in the northern and southern regions of the Han Empire went differently, on the whole there still was in the Chin-Han epoch no opposition of north to south, so characteristic of China's subsequent ethnical history.

The example of the ancient Chinese society enables us to make a rather detailed study of the state's impact on the development of common ethnical features and the correlation between these two different types of common features.

The example of ancient China shows that the process of ethnogenesis and the formation of the state can coincide timewise and take place, on the whole, in one and the same area, while having basic distinctions in essence.

The unification of the tribes under the rule of Yin and then Chou was a fragile political formation, which retained many features of a tribal alliance. The semi-independent units in that formation, at least in a number of cases, differed considerably ethnically. After the Chou conquest the ruling elite of many inherited possessions was of the Chous, while the basic population was made up of alien tribes. There was a gradual process of cultural and ethnical integration of the population of several inherited possessions in the middle reaches of the Huangho. And on this basis there emerged the ethnic unity of the ancient Chinese.

The completion of the process of ethnogenesis among the ancient Chinese was accompanied by quite opposite phenomena in the political field: while the features of a new ethnical entity became increasingly clear, the political entity of the population of the region disintegrated. As of the VIIIth century B. C. the former inherited possessions became increasingly independent. And in them the features of emerging statehood can already be traced. It is possible to say that by the VIIth—VIIIth centuries B. C. numerous ancient Chinese states appeared on the Middle Chinese plain. The population of each of these was a definite entity, clearly counterposed to its neighbours, with whom it could unite in political alliances or be in a state of war.

In these conditions the ancient Chinese ethnos (huahsia) included the population of several states. Its boundaries not only didn't coincide with the political borders, but existed despite them.

A basic factor that stimulated the completion of the process of forming the ancient Chinese ethnos and developing its specific self-consciousness was the invasion in the VIIth century B. C. by Di tribes. The threat from outside made the ancient Chinese kingdoms think of unity. But though the need to fight against the "barbarians" resulted in a lessening acuteness of struggle between the ancient Chinese states, at that time too there still were no constant and to any extent durable political ties between the populations of the different kingdoms.

The subsequent development of the ancient Chinese ethnos and the process of bringing into its sphere the population of a number of kingdoms first regarded as "barbaric", became in the Vth—IIIrd centuries B. C. one of the most important premises for uniting the ancient Chinese states into the empire of Chin Shihuang. Thus, the existence of an ethnical entity had its impact on the formation of a political (state) entity. The tendency to combine the ethnos and state boundaries, a tendency that had intensified throughout the preceding centuries, became complete reality at the end of the IIIrd century B. C.

However, the actual coincidence of ethnical and state boundaries was not a lengthy one. It was interrupted as a result of the marches of conquest by Chin Shihuang and Han Wu-ti. Beginning with the middle of the IInd century B. C. the population of the Han Empire became polyethnic: it began to include many neighbouring peoples whom the ancient Chinese regarded as "barbarians". In the process of inter-action between the country's basic population—the ancient Chinese ethnos—and alien ethnic groups the very existence of the centralised state was an additional factor promoting the assimilation of the latter. Though, as was shown above, the character of the ethnical processes was hardly the same for the entire territory of the empire, there was on the whole, in the period examined, a tendency to Chino-ize the population of the areas newly incorporated. Incorporating relatively small alien ethnic groups who were losing their initial cultural and ethnical features, the ancient Chinese ethnos was in the Han epoch flourishing. If the political situation in the empire had been stabilized, the relative number of ancient Chinese inhabitants in it would continued to grow.

In the formation and development of the foreign-policy doctrine of ancient China two main stages can be singled out.

The first embraced a lengthy period of Chinese history—from the Yin epoch to the eve of the formation of the Chin empire. In this period the Sino-centric model of the world was shaped. The first and earliest concepts about the surrounding world appeared among the ancient Chinese in accordance with the same laws as was the case for all other farming peoples. Unlike the nomads who were noted for their linear concept of the surrounding world, the Chinese, like the Romans and other farming peoples, regarded

themselves as being in the middle of the Universe, i. e. they had an egocentric vision of the world. The duration and unchangeable character of that vision depended on the character of the development of the state system. If China had taken the road of democratic forms of government, this model of the world would have been invariable. But the authoritarian system could not but have a qualitatively new structure-forming impact on the model of the world that had initially emerged. The egocentric concepts of the world around the ancient Chinese received a new impulse in the form of a theory of supreme rights of the Yin and Chou Vans, as heaven's vicegerents on earth of all the peoples around China. Therefore, already in the Yin and Chou periods Chinese egocentrism was connected with the world-structuring functions precisely of Chinese rulers. And if one takes into account the fact that in terms of material and spiritual development ancient China was on a much higher level than the peoples around it, it is necessary to acknowledge the existence of favourable objective conditions for forming precisely a Sino-centric model of the world in that part of the planet.

However, in that stage, despite individual statements by the ancient Chinese philosophers (Confucius, Meng-tzu) there had not yet emerged a stable division of the world according to the "huahsia — barbarians" scheme.

The concept of Sino-centrism received a qualitatively new development in the second stage, during the centralised despotisms of Chin and Han (IIIrd century B. C.— IVth century A. D.).

An analysis of the foreign-policy activities and foreign-policy concepts of the Chinese bureaucracy of the Chin-Han period shows that in that period the process had been completed of forming the foreign-policy doctrine of the Chinese state, a doctrine which began to emerge back in the epoch of rule by the Yin-Chou dynasties.

The world-structuring functions of the Chinese emperor, recorded by Chin Shihuang in the text of the Langjet'ai stele, were accepted and further developed by the Han emperors. It is rather characteristic that already at the beginning of the Han dynasty's rule, when the Chinese emperors possessed a rather limited measure of power and were actually for a certain period of time even in vassal dependency regarding the Hsung-nu rulers, this concept of supreme rule over all the territories around the country was rather firm.

It should be noted that whereas in practical contacts with neighbours the influence was felt, first and foremost, of the legistic doctrines (the desire to build any contacts, if advantageous for the state), a component part of the theoretical segment of the foreign-policy doctrine was seen in Confucius' concept of opposing China to the "barbarians". Such a co-existence of two seemingly

incompatible beginnings enabled China to preserve and protect her special position in the world.

The material presented shows that in the Chin-Han period all foreign trade, both private and state, was subordinated to politics. It was precisely in that period that the institute emerged of contributory trade, for many centuries becoming a traditional institute of the foreign-polity doctrine of imperial China.

The four-and-a-half centuries of the first centralised dynasties in China were a period of considerable development and consolidation of the ancient Chinese ethnoses. And it is hardly by chance that precisely the name of the Han dynasty subsequently became one of the most widespread names of the Chinese throughout the medieval ages up to modern times.

The monograph consists of an introduction, seven chapters and the concluding part. Chapter I is given to an analysis of the political and social development of ancient China in the period examined. Chapter 2 features a characterising analysis of the immediate neighbours of the ancient Chinese in the IIIrd century B. C.—IIIrd century A.D. and provides a review of the data at our disposal concerning the anthropological composition of the population of ancient China. Chapter 3 deals with the main issues involved in the character of foreign-policy relations between the ancient Chinese empires and the neighbouring peoples and states. In Chapter 4 the reader will find information about the distinctive features of the economic life of the ancient Chinese ethnoses, including the problem of the natural environment which had by that time changed notably, compared to the period of the initial formation of the huahsia ethnoses, besides, the chapter contains characteristics of the inhabitants' main pursuits, the role of the city and the specific features of the economic and cultural division of the ethnical territory of the ancient Chinese. Chapter 5 concerns the material culture (clothing, food, dwellings, music instruments, instruments of writing). The specific features of the everyday aspects of spiritual culture, in particular the rites of the life cycle, calendar holidays, popular beliefs, etc. are examined in Chapter 6. Chapter 7 deals with language and the development of the written language. Finally, the problems involved in the evolution of the ethnical self-consciousness of the ancient Chinese is examined in Chapter 8. The authors aspired to utilize to the fullest the sources of different categories, which in totality make it possible to reconstruct the key aspects of development and transformation concerning the ancient Chinese ethnoses of the IIIrd century B. C.—IIIrd century A. D.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Этнические и этнополитические общности	3
Проблема специфики этносов эпохи рабовладения	4
Некоторые итоги дискуссии о характере ханьского общества	6
Проблема древнекитайской «нации особого типа»	9
Общая характеристика источников	11
Глава 1	
Этнос и государство	15
Древние империи: централизация и сепаратизм	15
Предпосылки объединения	15
Реформы Цинь Шихуана	16
Наследственные владения в первый период династии Хань	19
Мероприятия У-ди по централизации империи	21
Восстания I в. н. э. и реставрация Хань	24
Централизованная империя как этноконсолидирующий фактор	26
Социальные факторы этнического развития	28
Социальная и имущественная дифференциация	28
Положение рабов	31
Источники рабства	33
Проблема социальной мобильности	36
Территория и население	38
Карты ханьского времени	39
Данные переписей населения	41
Белые пятна на карте империи Хань	43
География ханьских погребений	45
Градостроительная деятельность	48
Динамика размещения древнекитайского населения	50
Особенности этнических процессов на юге и севере	52
Глава 2	
Древние китайцы и их соседи: этнорасовая характеристика	56
Этническое окружение	56
Юэчжи и усунь	56
Сюнну	57
Ухуань и сяньби	60
Динлины	62
Когурёсцы	64
Наньмани	66
Юэ	67
Дянь и другие юго-западные «варвары»	71
Ба, шу и ди	74
Цяны	75
Антропологическая характеристика древних китайцев и их соседей в III в. до н. э.—III в. н. э.	76
«Гвардейцы» Цинь Шихуана	77

Данные письменных источников	81
Захоронения в Наньшаньли	84
Черепя из бассейна Тарима	87
Расовые типы западных и северных соседей	96
Глава 3.	
Древние китайцы и их соседи: политические аспекты взаимоотношений	105
Взаимоотношения централизованных государств с северными соседями	105
Древние китайцы и сюнну в эпоху Цинь	105
Великая китайская стена	108
Военные поселения — один из методов освоения завоеванных территорий	110
Древние китайцы и сюнну в начале правления династии Хань во внешнеполитической доктрине Китая	115
Завершение многолетней войны ханьского Китая с сюнну	119
Китай и Западный край	125
Великий шелковый путь и его роль в контактах ханьского Китая со странами запада	125
Военные походы ханьских императоров в Западный край	128
Взаимоотношения централизованных государств с южными соседями	130
Аулак и древний Китай накануне создания империи Цинь	131
Походы Цинь Шихуана против древних вьетнамцев	131
Создание независимого государства Наньюэ	136
Покорение Намвьета ханьскими войсками	138
Глава 4	
Хозяйство	141
Природная среда	141
Ландшафтные зоны	141
Колебания в уровне увлажненности	143
Температурный режим	146
Основные занятия	148
Земледелие	148
Скотоводство	154
Шелководство и шелкоткачество	156
Другие отрасли ремесла	160
Добывающие промыслы	163
Город	165
Крупнейшие городские центры ханьского времени	165
Столица империи	166
Город как политический и торговый центр	168
Рынок — средоточие жизни города	171
Роль города в трансформации традиционного уклада жизни	172
Хозяйственно-культурное районирование	174
«Девять областей»	175
Концепция Сыма Цяня и Бань Гу	176
Глава 5	
Материальная культура	185
Одежда	185
Состав костюма	185
Наплечная одежда	189
Поясная одежда	194
Обувь	195
Головной убор	198
Пища	200
Фань и мучные блюда	200

Мясные и овощные блюда	204
Приправы и специи	208
Напитки	209
Посуда и приспособления для еды	210
Жилище	212
Основные конструктивные особенности жилища	213
Усадьба	215
Интерьер жилища	219
Музыкальные инструменты	222
Традиционный набор музыкальных инструментов	222
Состав ханьского оркестра	223
Ударные инструменты	226
Струнные инструменты	228
Духовые инструменты	230
Заемствованные музыкальные инструменты	231
Письменные принадлежности	233
Материалы для письма	233
Нож и кисть	236
Тушь и тушечница	239
Глава 6	
Бытовые аспекты духовной культуры	241
Обряды жизненного цикла	241
Свадьба	241
Похороны	244
Календарные праздники	248
Основы ханьского календаря	248
Двадцать четыре сезона года	250
Начало весны	251
Летний праздник (фу жи)	253
Середина осени (цю фэнь)	254
Зимние праздники	255
Народные верования	257
Мифы о сотворении мира	257
Вера в загробную жизнь	260
Предрассудки и суеверия	263
Магическая практика	265
Представления о человеческом счастье	268
Эволюция понятия «счастье» в эпоху Чжоу	268
Типология ханьских благопожеланий	270
Личные имена и социальная психология эпохи	273
Глава 7	
Язык, письменность, формирование филологической традиции	278
Китайский язык в III в. до н. э.— III в. н. э.	278
Структурное развитие китайского языка в эпоху Хань	278
Диалекты китайского языка эпохи Хань	281
Диалекты и общий язык	285
Китайская письменность в эпоху Цинь и Хань	290
Реформа письма и развитие графики	290
Теория китайской письменности	295
Этимология и графическая система китайского письма	299
Основы письменной традиции	302
Письменные тексты китайской культуры	303
Судьба письменных памятников эпохи Чжоу	306
Формирование канонических текстов	309
Формирование письменной традиции	313
Устная традиция и «малое учение»	313
Комментарии и своды комментариев	316
Словари	320

Глава 8

Этническое самосознание	326
Философские школы древнего Китая и проблемы этноса	326
«Обособленное» и «всеобщее» в учениях Конфуция и Моцзы	326
Моцзы о функциях культуры	329
Соотношение понятий «врожденные качества человека», «привычки», «нравы и обычаи»	330
Этноцентризм и его критика	332
Легисты и конфуцианцы о заимствовании культурных достижений соседей	334
Нравы и обычаи тринадцати областей Поднебесной	337
Централизация страны и «местные обычаи»	337
Даосская концепция соотношения обычаев и методов управления государством	338
Сыма Цянь о происхождении особенностей человеческого характера, обычаев и привычек	339
Проблема местных нравов в изложении Бань Гу	340
Факторы, оказывающие воздействие на нравы и обычаи	342
Чжун го и чжун го жэнь	344
Два значения термина «чжун го»	344
Конфуцианская контрверза «чжун го — варвары»	346
Конфуцианцы о войнах с «варварами»	347
Антиконфуцианские мыслители об отсутствии принципиальных различий между жителями Среднего государства и «варварами»	349
Этнические самоназвания древних китайцев	352
Заключение	355
Развитие древнекитайского этноса в эпоху Цинь — Хань	355
Социально-экономические отношения и специфика этноса	357
Влияние государства на этнические процессы	358
Империя Хань и эллинистические государства как этнополитические общности	361
Эволюция этнического самосознания	363
Основные аспекты и этапы развития внешнеполитической доктрины древнего Китая (III в. до н. э.— III в. н. э.)	364
Приложения	370
Иероглифы к тексту	373
Библиография	375
Указатель имен	392
Указатель географических названий	398
Указатель этнических названий	404
Предметный указатель	405
Summary	407

*Михаил Васильевич Крюков,
Леонард Сергеевич Переломов,
Михаил Викторович Софронов,*

Николай Николаевич Чебоксаров

ДРЕВНИЕ КИТАЙЦЫ
В ЭПОХУ ЦЕНТРАЛИЗОВАННЫХ
ИМПЕРИЙ

*Утверждено к печати
Институтом этнографии им. Н. Н. Миклухо-
Микляя АН СССР и Институтом
Дальнего Востока АН СССР*

Редактор *Н. А. Кукушкина*. Младшие редакторы *Р. М. Аветисова, Р. Г. Канторович*. Художник *Э. Л. Эрман*. Художественный редактор *Б. Л. Резников*. Технический редактор *М. В. Погоскина*. Корректоры *Л. И. Письман* и *Р. Ш. Чемерис*

ИБ № 14476

Слано в набор 25.03.82. Подписано к печати 19.01.83. А-09015. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 26,0 +0,5 вкл. на мелован. бумаге. Усл. кр.-отт. 29,0. Уч.-изд. л. 30,3. Тираж 5000 экз. Изд. № 4435. Зак. № 171.
Цена 3 р. 40 к.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука». Москва К-45, ул. Жданова, 12/1.

Полиграфическое объединение «Полиграфист» Управления издательств, полиграфии и книжной торговли Мосгорисполкома. Москва, ул. Макаренко, 5/16.

